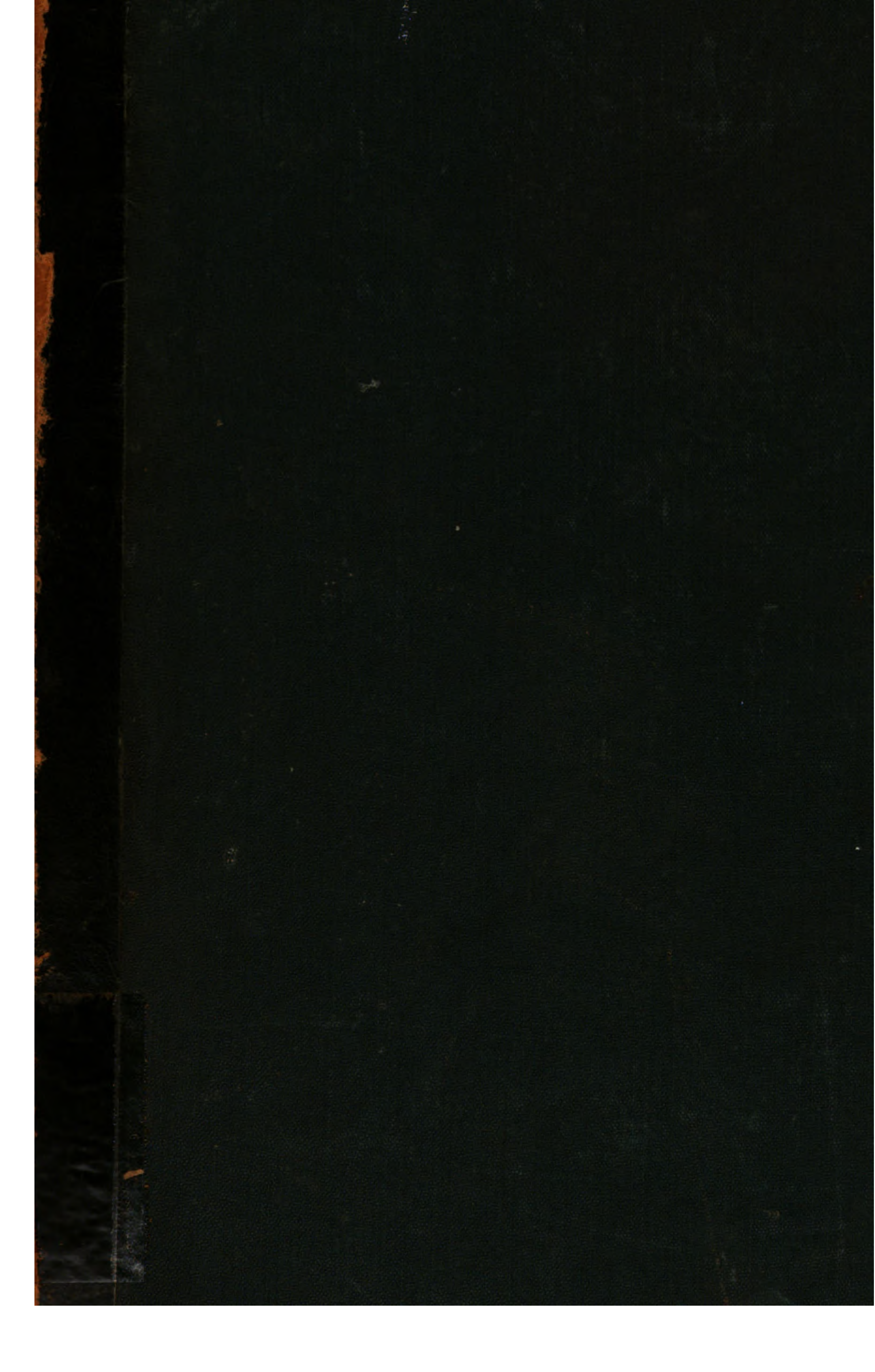
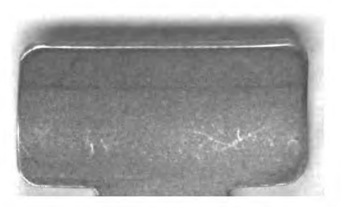




Годъ VII-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VII-й г. изд.

МІРЪ БОЖІЙ.

VII-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 25 до 27 печ. листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. ОРИГИНАЛЬНАЯ: стихотворенія гг. Бальмонта, Бунина, Ладыженскаго, Минскаго, П. Я., О. Чюминой, Allegro и др. «Финикіянки», трагедія **Эврипида**, переводъ въ стихахъ съ греческаго **И. Ѳ. Анненскаго**, «Два счастья», романъ **И. Потапенко**; «Равнодушные», романъ **К. Станюковича**; разсказы **Ив. Бунина, В. Немировича-Данченко, Ю. Безродной.** ПЕРЕВОДНАЯ: «Въ поискахъ свѣта», **Холлъ Кена**, романъ, переводъ съ англійскаго **З. Н. Журавской**; «Оводъ», романъ, переводъ съ англ. **З. А. Венгеровой**; «Пасынокъ вѣка», романъ, перев. съ финскаго **П. Морозова**; «Новый Тангейзеръ», романъ, перев. съ шведскаго **В. Фирсова**.

Отдѣлъ II. Научныя сочиненія и статьи. ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ: «Страна чудесъ на рѣкѣ Еловстонѣ», проф. **А. Павлова**; «Физіологія растеній и раціональное земледѣліе», проф. **Тимирязева**; «Юліусъ Саксъ» (критико-біографическій очеркъ), проф. **Тимирязева**; «Самокалѣченіе и борьба за существованіе у животныхъ», проф. **Фаусека**. ПО МЕДИЦИНѢ И ГИГІЕНѢ: «Очерки общественной гигіены и государственнаго врачебновѣдѣнія», проф. **Н. А. Вельяминова**; «Рудольфъ Вирховъ», монографія д-ра **Ю. Г. Малиса**; «Популярные обзоры успѣховъ біологіи и медицины», проф. **И. Р. Тарханова**. ПО ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ: «Очерки по исторіи роскоши», «Исторія классической системы въ Германіи», **Н. Сперанскаго**; «Къ исторіи русскаго театра», очеркъ **Н. Гурьева**. КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «Исторія русской критики», ч. III, отъ Бѣлинскаго до Писарева включительно, **Ив. Иванова**; «В. Бѣлинскій» (къ пятидесятилѣтію смерти); «Изъ дневника **Н. В. Шелгунова**», извлеченія изъ переписки и дневника; «Адамъ Мицкевичъ» (къ столѣтней годовщинѣ рожденія). ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. «Капитализація земледѣльческой промышленности» (1) Вліяніе большого рынка, централизація земледѣльческихъ промысловъ. 2) Техническій переворотъ въ скотоводствѣ. Зоотехника. Послѣдствія переворота. 3) Переворотъ въ орудіяхъ труда. 4) Спеціальные районы производства, ихъ конкуррирующее вліяніе. 5) Переворотъ въ техникѣ посредничества. Хлѣбная биржа Элеваторы) **Людвига Кржижицкаго**. ПО ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ: «Современное естествознаніе и психологія», академика **А. С. Фаминцына**; «Методы изслѣдованія въ современной психологіи», проф. **Г. И. Челпанова**; «Спиноза и его міросозерцаніе», популярный очеркъ канд. философ. **Б. Вельбеля**. ПУБЛИЦИСТИКА: «Забытый утопистъ», **С. Анскаго**; «Въ домѣ народа»; «Культура и народное хозяйство Фин-

ляндіи», В. Фирсова; «Общественныя увеселенія въ Америкѣ», П. Тверскаго; «Положеніе труда въ Лондонѣ», Л. Давыдовой; «Нищенство какъ промыселъ», С. Сперанскаго. ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ: «Сравнительная литература», Макколей-Поснета, перев. съ англ. Л. Давыдовой; «Основы этики», Маккензи, перев. съ англ. подъ редак. проф. Г. И. Челпанова; «Чудеса воздуха» (очерки по метеорологіи), перев. съ франц. В. Агафонова.

Отдѣлъ III. Научное Обозрѣніе. Подъ общимъ заглавіемъ «НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» редакція предполагаетъ помѣщать рядъ оригинальныхъ статей, составленныхъ спеціалистами, въ видѣ обзоровъ по отдѣльнымъ наукамъ или по частнымъ научнымъ вопросамъ. Дополненіемъ къ этому отдѣлу должны служить «ТЕКУЩІЯ НАУЧНЫЯ НОВОСТИ», составляемыя по русскимъ и иностраннымъ научно-популярнымъ изданіямъ. Въ отдѣлѣ «НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» обѣщали принять участіе господа: В. К. Агафоновъ и лекторъ берлинской «Ураніи» H. Bürgel; профессора: Павловъ, Тархановъ, Тимирязевъ, Хвольсонъ, Холодковскій, Челпановъ и Фаусекъ.

Отдѣлъ IV. Критическія замѣтки. Очерки болѣе или менѣе выдающихся произведеній русской и переводной литературы. Съ будущаго года предполагается дополнить этотъ отдѣлъ «ОБЗОРОМЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ».

Отдѣлъ V. Изъ западной культуры. Критическій разборъ выдающихся иностранныхъ произведеній. Ив. Иванова.

Отдѣлъ VI. Разныя разности. НА РОДИНѢ. Свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ русской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ корреспонденціи изъ провинціи и небольшія статьи о текущихъ событіяхъ—выставкахъ, контрессахъ, дѣятельности разныхъ обществъ и т. п. ЗАГРАНИЦЕЙ. Свѣдѣнія и сообщенія изъ западно-европейской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ рефераты статей, особенно интересныхъ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ, а также небольшія статьи и корреспонденціи о выдающихся текущихъ явленіяхъ заграничной жизни.

Отдѣлъ VII. Библіографія. Рецензія о русскихъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ и всѣмъ отраслямъ науки, кромѣ исключительно спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще-образованной публики. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатый отзывъ о важнѣйшихъ, появляющихся за границей, новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ. .	8 руб.
Безъ доставки на годъ	7 »
За границу на годъ.	10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода .	4 р.
За границу	5 »
Безъ доставки по соглашенію съ конторой.	

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:	
въ январѣ	3 р.
» маѣ.	3 »
» сентябрѣ	2 »
За границу: въ январѣ	4 »
» » » маѣ	3 »
» » » сентябрѣ	3 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной цѣны.

Книжные магазины при годовой и полугодовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница **А. Давыдова**. Редакторъ **В. П. Острогорскій.**

Годъ VII-й. **№ 1-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

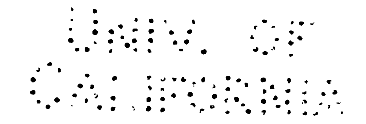
Дозволено цензурою 23 декабря 1897 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ.

Академика **А. Фаминцына.**

Psychologus nemo, nisi Physiologus.
Physiologus nemo, nisi Psychologus.

ВВЕДЕНІЕ.

Предносылаемое моему разслѣдованію введеніе имѣетъ двоякую цѣль: 1) въ немногихъ словахъ выяснить читателю цѣль и характеръ печатаемаго труда; это является тѣмъ болѣе необходимымъ, что онъ будетъ появляться лишь отдѣльными главами, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; 2) обрисовать мою точку зрѣнія, отличную отъ общепринятой, и не совсѣмъ сходную и съ воззрѣніями, примыкающими ближе остальныхъ, къ проводимому мною взгляду.

Какъ показываетъ заглавіе: «современное естествознаніе и психологія», главною задачею моей будетъ выясненіе положенія, которое естествознаніе занимаетъ въ настоящее время по отношенію къ психологіи и тѣмъ явленіямъ, которыя послѣдняя изслѣдуетъ; затѣмъ я постараюсь, руководствуясь главнымъ образомъ надежными фактическими данными, выяснить назрѣвшую потребность возможно полнаго знакомства естествоиспытателей съ психологіей и тѣсно связанной съ нею теоріей познанія.

Не требуетъ разъясненія, что всякій мыслящій человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни занимался и о чемъ бы ни думалъ, руководствуется при оцѣнкѣ добываемыхъ свѣдѣній степенью достовѣрности, которую они ему внушаютъ; различая между ними невѣроятныя, вѣроятныя и достовѣрныя, онъ довѣряется имъ въ различной степени. У каждаго человѣка, отъ дикаря до наиболѣе развитаго включительно, имѣется для того присущая ему мѣрка, или, выражаясь научно—*теорія познанія*. За рѣдкими исключеніями, послѣдняя есть не плодъ размышленія, а унаслѣдованная отъ предшествовавшихъ поколѣній и воспринятая отъ окружающихъ людей привычка смотрѣть и понимать вещи по установившемуся шаблону.

Значительно строже выработанная, но столь же шаблонная теорія познанія и обусловленное ею міровоззрѣніе нерѣдко является тираннически господствующею, какъ показываетъ исторія развитія любой отрасли знанія, и среди людей науки, приковывая на время ихъ мысли незри-

мыми цѣпями къ опредѣленному взгляду. Но живая научная дѣятельность не дозволяетъ ученымъ на долгое время успокоиваться на одномъ и томъ же міровоззрѣніи; подъ вліяніемъ безпрерывно накопляющихся научныхъ открытій возникаютъ новыя вѣянія и господствующій взглядъ уступаетъ мѣсто новому, который нерѣдко съ успѣхомъ замѣняетъ свергнутаго тирана. Послѣдній однако не дремлетъ и случается, къ изумленію всѣхъ, занимаетъ вновь свое мѣсто и пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе. Изученіе смѣны и характера тирановъ человѣческой мысли составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторіи культуры человѣчества.

Надежнѣйшимъ средствомъ борьбы съ этими тиранами мысли является строго научно обоснованная *теорія познанія*, черпающая свои выводы изъ данныхъ логики и психологіи и поэтому сливающаяся съ ними въ одно нераздѣльное цѣлое. (Здѣсь и ниже я подразумѣваю подъ терминомъ: теорія познанія—ученіе о познаніи).

Мнѣ кажется, поэтому, вполнѣ ясною необходимость для человѣка науки, какой бы отраслью знанія онъ ни занимался, знакомство съ современной теоріей познанія, съ тѣмъ, чтобы, или ее принять къ руководству въ своихъ розысканіяхъ, или же составить себѣ относительно ея основоположеній, по возможности, опредѣленное воззрѣніе. Игнорировать же ее, по моему мнѣнію, не дозволительно.

Между тѣмъ, надо сознаться что, въ настоящее время среди естествоиспытателей сравнительно немногіе раздѣляютъ высказанное мнѣніе; въ громадномъ же большинствѣ случаевъ не только приступаютъ, но и продолжаютъ производить спеціальныя научныя изслѣдованія, не справляясь съ данными теоріи познанія.

Общепринятое воззрѣніе учитъ, что явленія жизни столь сложны, что неразумно браться за выясненіе ихъ, когда еще не достаточно изучены несравненно болѣе простыя явленія мертвой природы. Начинать изученіе извѣстнаго рода явленій съ наиболѣе простыхъ и затѣмъ уже переходить къ явленіямъ болѣе и болѣе сложнымъ—вотъ неоспоримый принципъ, котораго неуклонно слѣдуетъ держаться во всякаго рода разслѣдованіи, независимо отъ предмета изученія. Въ доказательство того, насколько этотъ принципъ раціоналенъ и плодотворенъ, приводятъ изумительные успѣхи естественныхъ наукъ, неуклонно слѣдующихъ этому принципу.

Подъ этими словами я готовъ росписаться, но только съ слѣдующею оговоркой: подъ условіемъ, чтобы подлежащія разслѣдованію явленія были не только одного и того же порядка, но и въ равной и одинаковой мѣрѣ доступны нашему изученію. Только къ явленіямъ такой категоріи вышеуказанный принципъ можетъ быть, по моему мнѣнію, прилагаемъ съ успѣхомъ.

Если же допустить предлагаемую оговорку, то значеніе принципа этого, по отношенію къ разслѣдованію явленій мертвой природы и жизненныхъ явленій, теряетъ приписываемую ему непреложность.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ совокупности всѣхъ разнообразныхъ механическихъ, физическихъ, химическихъ, физіологическихъ и психическихъ процессовъ, производящихъ то, что мы называемъ жизнью, мы непосредственно сознаемъ лишь процессы, называемые психическими. Доходящими до нашего сознанія психическими процессами *) мы, такъ сказать, исключительно живемъ; громаднѣйшее большинство людей остальными процессами начинаютъ интересоваться лишь тогда, когда нарушеніе правильнаго ихъ хода отражается на нашей психикѣ, когда возникаютъ болевыя ощущенія, мѣшающія обычной жизни здороваго организма, того по истинѣ блаженнаго состоянія, когда позабываешь даже о существованіи зависимости своей отъ невѣдомыхъ намъ явленій механическихъ, физическихъ и пр. Объ организаціи нашего тѣла и его функціяхъ сравнительно немногіе имѣютъ нѣкоторыя лишь свѣдѣнія; сама наука умѣла сдѣлать въ этомъ направленіи далеко не все, что было бы желательно знать.

Сравнивая организмъ нашъ съ предметами внѣ насъ находящимися, мы среди нихъ находимъ подобные намъ организмы—людей, затѣмъ близкіе къ людямъ организмы—животныхъ; далѣе растенія—связанныя съ животными, какъ увидимъ ниже, группою простѣйшихъ организмовъ, изъ которой развились животныя и растенія, и наконецъ, неодушевленныя тѣла такъ называемой мертвой природы **).

Всякій согласится, что этими словами точно выражено обычное пониманіе нашей жизни и нашего отношенія къ міру внѣшнему; оно принимается за *объективное* описаніе положенія, занимаемаго нами среди окружающей насъ природы. При этомъ явленія мертвой природы представляются не только несравненно болѣе простыми, чѣмъ явленія жизни, но и гораздо болѣе доступными объясненію.

Противъ этого взгляда можно привести однако нѣсколько вѣскихъ возраженій. Первое, что въ немъ поражаетъ, это—полное отсутствіе анализа познавательной способности нашей психики и способовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи для познанія насъ самихъ и явленій міра внѣшняго.

Изъ анализа же нашей познавательной способности слѣдуетъ: 1) что

---

*) Доходящіе до нашего сознанія психическіе процессы обыкновенно называютъ *сознательными*, въ отличіе отъ тѣхъ, которые до нашего сознанія не доходятъ, обозначаемыхъ какъ *безсознательные*. Я намѣренно избѣгаю этихъ обозначеній, въ виду двусмысленности, порождаемой этими названіями; они въ дѣйствительности и употребляются въ различномъ смыслѣ разными авторами: нѣкоторыми—для обозначенія, что изъ психическихъ процессовъ одни доходятъ, а другіе не достигаютъ нашего сознанія, при чемъ и тѣ и другіе признаются по существу совершенно сходными; другіе же авторы (Гартманъ) принимаютъ двѣ различныя категоріи психическихъ процессовъ, кореннымъ образомъ различныя между собою: сознательные, происходящіе съ участіемъ сознанія, и безсознательные—протекающіе безъ вѣдома сознанія.

**) Обоснованіе реальности, т. е. увѣренность въ независимомъ отъ нашего сознанія существованіи и познаваемости міра внѣшняго будутъ изложены въ главахъ 2-й и 3-й.

непосредственно мы ощущаемъ лишь нашу внутреннюю, психическую жизнь; 2) что впечатлѣнія отъ окружающей насъ природы мы воспринимаемъ не иначе, какъ при посредствѣ органовъ нашихъ чувствъ. Всѣми они признаются за единственные пути нашего общенія съ міромъ внѣшнимъ; но, вѣроятно, сравнительно немногимъ извѣстно, что они доставляютъ намъ не непосредственное созерцаніе того, что дѣлается внѣ насъ, а лишь условные знаки; только долгимъ опытомъ и съ большимъ трудомъ научаемся мы съ помощью ихъ понимать и истолковывать явленія міра внѣшняго, совершенно такимъ же образомъ, какъ, ознакомившись съ буквами, мы современемъ достигаемъ быстраго чтенія и пониманія написанной этими буквами рукописи или книги.

Психика наша, происшедшая (какъ будетъ показано ниже) путемъ постепенной эволюціи изъ психики простѣйшихъ существъ и достигнувшая въ человѣкѣ одновременно съ организаціей нашего тѣла, высшаго развитія, является наиболѣе приспособленною для изысканія, какъ средствъ къ огражденію безопасности нашей жизни, такъ и къ уразумѣнію явленій внѣшняго міра.

Но не смотря на высокое развитіе нашей психики, мы осуждены на воспріятія лишь внѣшней стороны явленій внѣшняго міра. Только по аналогіи мы заключаемъ о присутствіи психики въ людяхъ и животныхъ; нѣкоторые изслѣдователи, признаютъ ее и въ растеніяхъ. Наконецъ, въ явленіяхъ мертвой природы мы не въ состояніи найти ничего такого, что указывало бы на присутствіе въ нихъ психики, сходной съ нашей, хотя бы и въ самомъ зачаточномъ ея проявленіи. Изъ этого обыкновенно заключаютъ, что въ нихъ психики вовсе не обрѣтается. Принимая, однако, во вниманіе, что намъ доступна лишь одна внѣшняя сторона явленій міра насъ окружающаго, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, а слѣдовательно и никакого права рѣшать вопросъ касательно внутренней, закулисной стороны явленій такъ называемой мертвой природы.

Явленія эти столь своеобразны и представляютъ такъ мало аналогій съ тѣмъ, что мы знаемъ о нашей внутренней жизни, что, о лежащей въ основѣ ихъ сути, никакого представленія составить мы не въ состояніи. Наблюдать и разслѣдовать ихъ опытнымъ путемъ мы можемъ лишь съ внѣшней стороны; только по перемѣщенію предметовъ или частицъ ихъ мы получаемъ свѣдѣнія о происходящихъ внѣ насъ перемѣнахъ. Невниманіемъ къ этому обстоятельству и объясняется завѣтная мечта естествоиспытателей свести всѣ доступныя намъ явленія на движенія атомовъ.

Но непонятно, какъ могъ вкрасться въ эту мечту, не будучи замѣченнымъ, очень важный и крупный недосмотръ: естествоиспытатели какъ будто забыли, что намъ доступенъ еще другой міръ явленій— психическихъ; правда, непосредственно доступный каждому лишь въ сферѣ индивидуальной жизни, но, тѣмъ не менѣе, по значенію его для насъ, затмѣвающій все остальное.

Мы непосредственно сознаемъ внутреннюю сторону явленій нашей жизни, но сравнительно лишь мало знаемъ о внѣшнихъ, матеріальныхъ процессахъ, происходящихъ въ насъ; что же касается до явленій внѣшняго міра, то мы сравнительно легко познаемъ внѣшнюю ихъ сторону, между тѣмъ какъ внутренняя остается и въ настоящее время неразгаданной тайной.

Я вполнѣ сочувствую мысли, что одни и тѣ же законы заправляютъ какъ явленіями мертвой природы, такъ и явленіями жизненными, но не могу согласиться, чтобы сводимые на движеніе атомовъ законы физики и химіи, представляющіе намъ лишь внѣшнюю сторону явленій мертвой природы, могли бы исчерпывать собою явленія жизни полностью, т. е. не только со стороны внѣшняго ея проявленія, но и хорошо знакомую намъ по непосредственному ощущенію ея внутреннюю—психическую сторону.

Въ тѣсной связи съ этими мыслями находятся слѣдующія соображенія:

Быстро слѣдующія одни за другими поразительныя и неожиданныя открытія естествоиспытателей, въ особенности біологовъ и физіологовъ, расширяя наши умственные горизонты, все ближе и ближе приближаютъ насъ къ давно желаемой разгадкѣ устройства сложнаго механизма нашего тѣла и, слѣдовательно, къ познанію нашей жизни съ внѣшней, матеріальной стороны; въ то же время разслѣдованія психическихъ явленій освѣтятъ и ея внутреннюю сторону. Мы, слѣдовательно, можемъ надѣяться подойти къ пониманію обѣихъ сторонъ нашей жизни; при разслѣдованіи же явленій міра внѣшняго мы, если не навсегда, то въ настоящее время, обречены довольствоваться познаніемъ лишь ихъ внѣшней стороны. Отсюда понятно, какъ несбыточна и, по существу своему, невѣрна мечта о возможности вывести и явленія жизни изъ законовъ механики, физики и химіи, или, другими словами, объяснить ихъ изъ движенія атомовъ, изъ которыхъ построено наше тѣло. Если бы даже и удалось всю внѣшнюю сторону жизненныхъ явленій разложить на движеніе атомовъ, то осталась бы совершенно незатронутою интереснѣйшая ея сторона—психическія явленія, другими словами—*психика*.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы при изученіи организма человѣка ограничились только пріемомъ, единственно намъ доступнымъ и примѣняемымъ нами при изученіи явленій такъ называемой мертвой природы, т. е. разслѣдованіемъ лишь внѣшней стороны жизни, то никогда не познали бы въ немъ психики, которая въ немъ находится, о существованіи которой мы въ началѣ заключаемъ только по аналогіи, но затѣмъ, безчисленнымъ количествомъ провѣрокъ, убѣждаемся въ ея присутствіи.

Неоднократно приходилось уже мнѣ употреблять слово: психика, не прибѣгая къ болѣе точному опредѣленію того, что подъ нимъ здѣсь разумѣется.

Подъ именемъ психики я разумѣю всю присущую изучаемому организму сумму психическихъ явленій, какъ не доходящихъ до его созна-

нія, такъ и доступныхъ сознанію: ощущеній, представленій, понятій до сложнѣйшихъ умственныхъ процессовъ и волевыхъ актовъ включительно. Я намѣренно не употребляю терминовъ: душа, духъ, также какъ и слово: матерія. Эти термины въ обыденномъ ихъ значеніи не обозначаютъ ничего реальнаго; никому не удалось созерцать духа или души съ присвоенными имъ аттрибутами; никто не видалъ матеріи, какъ нѣчто протяженное и въ то же время безкачественное. Термины духъ, душа, матерія ничто иное какъ продукты нашего интеллекта, абстрактныя понятія, созданныя имъ, для объединенія явленій нашей внутренней жизни съ явленіями міра внѣшняго. Мы такъ привыкли къ употребленію этихъ терминовъ въ вышеуказанномъ смыслѣ и на столько сроднились съ міросозерцаніемъ, при посредствѣ ихъ нами созданнымъ, что многимъ покажется, вѣроятно, очень труднымъ, или даже невозможнымъ отрѣшиться отъ нихъ и отъ неразрывно связаннаго съ ними міровоззрѣнія. Между тѣмъ, однако, гипотетическая природа этихъ терминовъ и значеніе ихъ только какъ вспомогательнаго средства для построенія общепринятаго, и, несомнѣнно, легко каждому доступнаго и поэтому весьма пригоднаго для массъ міровоззрѣнія, раскрывается безъ труда, если объ этомъ поразмыслить.

Значеніе этихъ терминовъ въ отношеніи къ построенному на ихъ допущеніи, міровоззрѣнію, по моему мнѣнію, совершенно сходно съ значеніемъ двухъ электрическихъ жидкостей, *положительной* и *отрицательной*, долгое время лежавшихъ въ основѣ теоріи электрическихъ явленій; электрическія жидкости сослужили свою службу, какъ удобная схема обобщенія электрическихъ явленій; ими пользовались, хотя никто не приписывалъ имъ реальнаго существованія; въ настоящее время они уже почти всѣми оставлены. Смѣю думать, что подобная участь грозитъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, и нашимъ общепринятымъ представленіямъ о духѣ и матеріи. Предположеніе это подтверждается изученіемъ попытокъ философовъ подойти къ разрѣшенію вопроса о взаимодѣйствіи духа и матеріи; мы видимъ лишь рядъ неудачъ, свидѣтельствующихъ, какъ мнѣ кажется, ясно о невозможности взаимодѣйствія ихъ, по крайней мѣрѣ, принимая ихъ съ приписываемыми имъ аттрибутами.

Конечно, я далекъ отъ претензіи замѣнить эти термины лучшими; я и не задавался этимъ вопросомъ. Придерживаясь только реальнаго, я буду говорить лишь о явленіяхъ, не предрѣшая ничего касательно ихъ природы и способовъ взаимодѣйствія, и буду различать: *явленія психическія* и *матеріальныя*, въ надеждѣ, что всякій пойметъ, о чемъ идетъ рѣчь, не требуя дальнѣйшаго ихъ опредѣленія.

Послѣдующее изложеніе покажетъ, что, преслѣдуя исключительно цѣль выяснить необходимость возможно тѣснаго сліянія естествознанія съ психологіей и теоріей познанія, я совершенно оставляю въ сторонѣ пререканія между приверженцами механическаго міровоззрѣнія и вита-

листами; я смѣю думать, что оба эти ученія грѣшатъ тѣмъ, что борятся на почвѣ зыбкой и легко подвижной; не въ естествознаніи, а въ психологіи и теоріи познанія слѣдуетъ искать настоящаго устоя для построенія міровоззрѣнія; все естествознаніе ничто иное, какъ только частный случай примѣненія дѣятельности нашей психики и внѣшнихъ органовъ чувствъ къ разслѣдованію природы; науки филологическія, историческія, юридическія суть подобные же частные примѣры умственной дѣятельности нашей психики.

Ни въ одной изъ наукъ этихъ категорій не говорится вовсе о нашей психикѣ и о средствахъ, которыми мы обладаемъ для познаванія нашего міра внутренняго и явленій міра внѣшняго; не говорится ничего о методахъ разслѣдованія. Относящіяся сюда соображенія и фактическія данныя входятъ въ составъ логики, психологіи и теоріи познанія; совокупностью результатовъ этихъ трехъ доктринъ опредѣляются какъ предѣлы познаваемаго нами, такъ и степень научной цѣнности, какъ фактическихъ данныхъ, такъ и полученныхъ, при посредствѣ ихъ выводовъ въ различныхъ отрасляхъ знаній.

Поэтому, три науки: логика, психологія и теорія познанія составляютъ категорію наукъ основныхъ; всѣ же остальныя ничто иное, какъ частные случаи упражненія нашей психики въ пріобрѣтеніи знаній, столь же многочисленные и разнообразные, какъ и предметы разслѣдованія.

Эти соображенія превосходно подкрѣпляютъ отвергаемую въ настоящее время естествоиспытателями мысль, что исходною точкою любой отрасли знанія долженъ быть признанъ человѣкъ, или, вѣрнѣе, его психика и средства наши къ пріобрѣтенію знаній. Знакомство съ логикой, психологіей и теоріей познанія должно предшествовать занятію другими науками; только въ этомъ случаѣ мыслима вполнѣ раціональная разработка послѣднихъ.

Но и этимъ не исчерпываются еще доводы въ пользу выбора человѣка за исходную точку распознаванія природы. Этотъ пріемъ особенно удобенъ при изученіи психическихъ явленій въ природѣ. Мною было уже выяснено также, что имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи научныя данныя, единогласно свидѣтельствуютъ, что человѣкъ есть конечный продуктъ эволюціи живыхъ существъ, эволюціи, берущей свое начало изъ среды простѣйшихъ представителей жизни на земной поверхности; выяснилось, что не только тѣло наше, но и психика произошла путемъ эволюціи и поэтому, сродная съ психикой остальныхъ живыхъ существъ, она является наиболѣе совершеннымъ и въ наше время наиболѣе сложнымъ и интереснымъ продуктомъ эволюціи.

Въ человѣкѣ мы имѣемъ, слѣдовательно, высшее воплощеніе жизни на землѣ. Если возьмемъ его за образецъ и будемъ спускаться постепенно отъ наиболѣе сродныхъ съ человѣкомъ животныхъ до простѣйшихъ, то мы получимъ ту же психику, но упрощающуюся по мѣрѣ упрощенія самого организма. Мы заранѣе можемъ утверждать, что не

найдемъ въ животной психикѣ ничего намъ чуждаго; все различіе будетъ состоять лишь въ степени развитія; многихъ чертъ, намъ присущихъ, можетъ и не оказаться; но мы не будемъ подвержены опасности просмотрѣть чего-нибудь, что почти неизбѣжно, при обратномъ ходѣ разслѣдованія отъ простѣйшаго къ наиболѣе сложному. Кромѣ того, преимущество пути разслѣдованія психики сверху внизъ—отъ человѣка къ простѣйшимъ, заключается въ томъ, что, исходя изъ болѣе намъ извѣстной нашей психики къ менѣе и менѣе извѣстной, по мѣрѣ ея упрощенія, мы легче можемъ оріентироваться, нежели при ходѣ обратномъ.

Выясненная тѣсная связь естествознанія съ психологіей и теоріей познанія дѣлаетъ неизбѣжнымъ для естествоиспытателя основательное знакомство съ послѣдними, въ особенности: а) для біологовъ, занимающихся разслѣдованіемъ эволюціи организмовъ какъ животныхъ, такъ и растеній изъ простѣйшихъ ихъ представителей, а равно изученіемъ условій ихъ жизни на земной поверхности и географическаго распредѣленія, и б) для физіологовъ, изучающихъ жизненныя функціи растительныхъ и животныхъ формъ.

Сказанное здѣсь остается пока лишь пожеланіемъ: громаднѣйшее накопленіе фактическихъ данныхъ, большею частью грубаго матеріала, усвоеніе котораго, поэтому, дѣлается возможнымъ лишь памятью, разнообразіе пріемовъ разслѣдованій, требующихъ большого запаса знаній техническаго характера, для производства опытовъ и наблюденій со всею строгостью и отчетливостью, соотвѣтственно современному состоянію науки, порождаютъ, противъ воли людей науки, узкихъ спеціалистовъ, и нѣтъ пока силы выбиться изъ этого ненормальнаго положенія. Только когда, при дальнѣйшемъ развитіи науки, удастся объединить фактическія данныя по каждой спеціальности въ единое стройное и цѣлое и этимъ облегчить ихъ усвоеніе, явятся вновь ученые съ широкимъ взглядомъ, способные обнять и синтезировать добытое въ различнѣйшихъ отрасляхъ человѣческаго знанія.

Весьма характерны для нашего времени выраженія: съ точки зрѣнія естествоиспытателя, философа, или еще спеціальнѣе: физіолога, психолога и т. п., и еще характернѣе общепринятый обычай обсуждать съ такой частной и односторонней точки зрѣнія, не только изучаемыя явленія, но и наиболѣе общіе вопросы, касающіеся міровоззрѣнія, основъ жизни и прочее.

Никому, конечно, не можетъ быть возбранено выбрать какъ предметъ изслѣдованія, такъ и пріемъ изученія и при томъ съ желаемой точки зрѣнія. Физіологъ, интересующійся исключительно матеріальными функціями организма и разсматривающій его какъ машину, врачъ, имѣющій исключительною цѣлью, на основаніи опытныхъ данныхъ, лѣчить паціента и этимъ прекратить, или, по крайней мѣрѣ, облегчить его страданія, могутъ, безъ ущерба для ихъ дѣла, игнорировать вопросы, касающіеся психическихъ явленій. Для нихъ живой организмъ ничто иное,

какъ машина; они стремятся овладѣть ею и управлять по произволу, на основаніи точнаго изученія механизма тѣла и реакцій его раздраженія. Также психологъ, поставившій себѣ задачею изучить исключительно причинную связь и характеръ психическихъ явленій, можетъ произвести важныя и интересныя разслѣдованія, не вдаваясь въ разсмотрѣніе матеріальныхъ процессовъ въ организмѣ. И физіологъ, и врачъ, и психологъ, обогащая наши свѣдѣнія объ организмѣ цѣлымъ рядомъ точныхъ и интересныхъ фактовъ, въ высокой степени содѣйствуютъ преуспѣянію науки; ихъ трудами она создается. Имена наиболѣе выдающихся изъ такихъ спеціалистовъ ученыхъ, великихъ по открытіямъ въ избранной имъ спеціальности, не забываются и съ благоговѣніемъ повторяются благодарнымъ потомствомъ.

Но какъ бы ни были значительны полученные результаты, если только спеціалистъ ученый, выйдя изъ предѣловъ своей спеціальности, позволитъ себѣ, не ознакомившись достаточно съ другими отраслями знанія, обосновать свое міровоззрѣніе, то навѣрное потерпитъ неудачу. Что такихъ неудачныхъ попытокъ, вслѣдствіе навязанной вышеизложенными обстоятельствами спеціализаціи, въ настоящее время чрезвычайно много, врядъ ли кто будетъ отрицать.

Проникнутый убѣжденіемъ въ необходимости знакомства естествоиспытателей, и въ особенности біологовъ и физіологовъ, съ психологіей и теоріей познанія, при выясненіи сути жизни и функцій организмовъ (животныхъ и растеній), я и написалъ настоящее разслѣдованіе, въ надеждѣ пріобрѣсти сторонниковъ проводимаго мною взгляда.

Резюме сказаннаго слѣдующее:

Предлагаемый трудъ, имѣющій цѣлью выяснить связь естествознанія съ психологіей и теоріей познанія, главнымъ образомъ зиждется на данныхъ, заимствованныхъ изъ этихъ отраслей знанія, хотя и касается мѣстами философскихъ доктринъ, гдѣ къ тому представлялась необходимость. Не желая вдаваться въ метафизическія разсужденія, я съ намѣреніемъ избѣгаю терминовъ: духъ, душа, матерія и говорю только о психическихъ и матеріальныхъ явленіяхъ.

Особенное вниманіе обращено мною на участіе психическихъ процессовъ въ жизненныхъ отправленіяхъ организмовъ. Никто не станетъ отрицать, что въ человѣкѣ и въ высшихъ животныхъ происходятъ двоякаго рода процессы: *психическіе* и *матеріальные*; всякій понимаетъ, что подъ ними подразумѣвается. Совокупность психическихъ явленій, начиная съ ощущеній и до высшихъ мыслительныхъ процессовъ и волевыхъ актовъ включительно, я буду обозначать *психикой*, ничего не предрѣшая, какъ о ихъ природѣ, такъ и о ихъ связи съ процессами матеріальными. Принимая ихъ тѣсную связь и взаимодѣйствіе съ матеріальными процессами, за фактъ, не подлежащій сомнѣнію, я разсматриваю вліяніе психики на функціи организма и отчасти на его строеніе; исходною точкою я избралъ человѣка, затѣмъ перехожу къ

разсмотрѣнію психики животныхъ и, на основаніи цѣлаго ряда фактическихъ данныхъ, указываю на необходимость признанія психики у растеній.

Этими немногими замѣченіями, мнѣ кажется, достаточно ясно обрисовывается какъ цѣль и направленіе моего труда, такъ и положенная въ основу руководящая мысль.

Въ заключеніе позволю себѣ перечислить главы съ краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія:

Глава первая. Очеркъ господствующихъ среди естествоиспытателей взглядовъ на жизнь и на отношеніе живыхъ существъ къ такъ-называемой мертвой природѣ.

Главы вторая и третья. Что есть реальное?

Глава четвертая. Взаимодѣйствіе матеріальныхъ и психическихъ процессовъ въ организмѣ человѣка. Вліяніе психики не только на функціи, но и отчасти на построеніе тѣла.

Главая пятая. О психикѣ животныхъ.

Глава шестая. Психика растеній.

Заключеніе.

Глава первая.

Всякое открытіе, а тѣмъ болѣе новая мысль, имѣющая цѣлью видоизмѣнить существующее воззрѣніе, становятся несравненно понятнѣе и получають наиболѣе яркое освѣщеніе, если рельефно выставлены моменты, предшествовавшіе зарожденію ихъ и вызвавшіе ихъ появленіе. Исторія развитія нашихъ знаній, по любой отрасли наукъ, изобилуетъ примѣрами тѣсной зависимости совершаемыхъ открытій отъ характера, качества и количества имѣющихся налицо фактическихъ данныхъ. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ и неопровержимыхъ результатовъ изученія исторіи открытій оказывается раціональная послѣдовательность въ научной разработкѣ предмета, не смотря на то, что она является часто плодомъ совокупнаго творчества ученыхъ, жившихъ въ различныя, отдаленныя одна отъ другой эпохи. Каждый ученый, разрабатывая науку, продолжаетъ труды предшественника; достигнутые же имъ результаты служатъ, въ свою очередь, исходною точкою для позднѣйшаго ученаго и т. д., такъ что современная наука является какъ бы слиткомъ или амальгамой трудовъ всѣхъ участвовавшихъ въ разработкѣ ея мыслителей; настоящее состояніе каждой науки представляетъ поэтому неизбѣжное слѣдствіе прошедшаго и переходную ступень къ развитію ея въ будущемъ.

На этомъ основаніи и я считаю цѣлесообразнымъ предварительно обрисовать взгляды современныхъ естествоиспытателей на вопросы: 1) что есть реальное? 2) что такое психическіе процессы? и 3) какую

оль играютъ они въ жизни живыхъ существъ и въ окружающей ихъ природѣ?

Изъ различныхъ воззрѣній является, за послѣднія десятилѣтія, господствующимъ среди естествоиспытателей *механическое* воззрѣніе; оно утверждаетъ, что жизненныя явленія отличаются отъ явленій такъ-называемой мертвой природы ничѣмъ инымъ, какъ только бо́льшею сложностью. Послѣднія же управляются исключительно законами физики и химіи; изъ сочетанія физическихъ и химическихъ процессовъ слагается и жизнь, которая поэтому, подобно имъ, разложима, безъ остатка, на движенія атомовъ тѣла организма.

Однимъ изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ и горячихъ защитниковъ механическаго міровоззрѣнія является проф. московскаго университета К. А. Тимирязевъ. Въ небольшой книжкѣ, вышедшей въ 1895 году, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія», онъ, въ цѣломъ рядѣ статей, проводитъ механическое міровоззрѣніе.

На первыхъ же страницахъ, въ привѣтственной рѣчи при открытіи IX-го съѣзда естествоиспытателей и врачей, онъ заявляетъ свои симпатіи «къ точному изученію природы», «къ реальной истинѣ въ наукѣ», противополагая имъ изученіе философіи, которую выставляетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ какъ тормазъ естествознанія. Тимирязевъ ставитъ даже отсутствіе первоклассныхъ философовъ среди русскихъ ученыхъ, повидимому, въ заслугу русскому уму, вычеркивая такимъ образомъ философію изъ числа наукъ, необходимыхъ при изученіи природы.

Какъ приверженецъ механическаго взгляда, онъ ставитъ физіологіи растеній слѣдующую цѣль и задачи:

«Цѣль физіологіи — объяснить жизненныя явленія. Но объяснять, значитъ приводить менѣе извѣстное къ болѣе извѣстному, сложное къ простому, частное къ общему. Всякое объясненіе предполагаетъ сравненіе съ болѣе простымъ и общимъ. Но за предѣлами живого мы знаемъ только область неживого, за предѣлами міра органическаго лежитъ міръ неорганическій, менѣе сложный, менѣе запутанный въ своихъ проявленіяхъ. Мы должны, слѣдовательно, стремиться къ тому, чтобы разложить сложныя жизненныя явленія на простѣйшія явленія, свойственныя міру неорганическому; мы должны сравнивать первыя съ послѣдними, или ни съ чѣмъ ихъ не сравнивать, т. е. отказаться отъ ихъ объясненія. Но для этого мы должны быть убѣждены въ законности такого сравненія. Если же въ жизненныхъ явленіяхъ мы будемъ вынуждены признать конечные факты, не распадающіеся на простѣйшіе факты, не подчиняющіеся анализу, то тогда, конечно, возможно только ихъ описаніе, а не объясненіе. Постараемся же сравнить жизнь съ нежизнью; посмотримъ, въ чемъ заключается ихъ сходство и различіе. Для этого мы не станемъ прибѣгать къ опредѣленію жизни. Всѣ безчисленныя попытки въ этомъ направленіи достаточно доказы-

ваютъ ихъ безплодность». «Чѣмъ отличается живое тѣло отъ неживого? Присутствіемъ ли особаго, единичнаго, дѣятельнаго, руководящаго начала, дѣйствующаго независимо, или даже вопреки физическимъ законамъ, которые управляютъ органическимъ міромъ, начала, не подчиняющагося даже закону причинности, лежащему въ основѣ всѣхъ нашихъ представленій о естественныхъ явленіяхъ? Характеризуется ли жизнь присутствіемъ особаго такого начала, которое, перемѣнивъ множество названій, еще и въ настоящее время порою появляется въ наукѣ подъ именемъ жизненной силы? Еще и теперь можно найти явныхъ или тайныхъ, откровенныхъ или скрытыхъ поборниковъ этой таинственной жизненной силы».

«Но что же это за жизненная сила? Въ чемъ заключаются ея аттрибуты, гдѣ ея сфера дѣятельности, могутъ ли ея защитники дать намъ удовлетворительный отвѣтъ? Въ томъ-то и дѣло, что не могутъ. Ея аттрибуты, ея сфера дѣятельности чисто отрицательнаго свойства. Главный ея аттрибутъ—не подчиняться анализу, скрываться тамъ, куда еще не проникло точное разслѣдованіе, ея область—все то, что еще не объяснено наукой, тотъ остатокъ, съ каждымъ днемъ уменьшающійся остатокъ фактовъ, которые еще ждутъ объясненія». «Можно сказать, что каждый новый шагъ, каждый успѣхъ науки урѣзываетъ отъ этой темной области неизвѣстнаго, въ которой царила эта жизненная сила. Мы и не пойдемъ за нею въ эту область неизвѣстнаго. Наука можетъ заниматься только тѣмъ, что она знаетъ сегодня, а не гадать о томъ что узнаетъ завтра. Оставаясь въ области извѣстнаго, посмотримъ, подчиняются ли тѣ жизненныя явленія, которыя поддаются изученію, подчиняются ли они основнымъ физическимъ законамъ, управляющимъ міромъ неорганическимъ, или уклоняются отъ нихъ, или даже противорѣчатъ имъ.

Основное свойство, характеризующее организмы, отличающее ихъ отъ неорганизмовъ, заключается въ постоянномъ дѣятельномъ обмѣнѣ между ихъ веществомъ и веществомъ окружающей среды. Организмъ постоянно воспринимаетъ вещество, превращаетъ его въ себѣ подобное (усвояетъ, ассимилируетъ), вновь измѣняетъ и выдѣляетъ. Жизнь простѣйшей клѣтки, комка протоплазмы, существованіе организма слагается изъ этихъ двухъ превращеній: принятія и накопленія — выдѣленія и траты вещества. Напротивъ, существованіе кристалла только и мыслимо при отсутствіи какихъ-либо *превращеній*, при отсутствіи всякаго рода *обмѣна* между его веществомъ и веществами среды. Первый изъ признаковъ, характеризующихъ жизнь, т. е. принятіе и накопленіе веществъ, мы можемъ разсматривать съ двоякой точки зрѣнія, съ химической и механической; въ первомъ случаѣ мы его называемъ питаніемъ, во второмъ—ростомъ. Питаніе и ростъ въ сущности только двѣ стороны одного и того же явленія. Обыкновенно полагаютъ, что при увеличеніи массы неорганическихъ тѣлъ не происходитъ ничего подоб-

наго питанію и росту тѣлъ органическихъ. Вещество организма происходитъ изъ вещества съ нимъ несходнаго; прежде чѣмъ войти составною частью организма, вещество это должно претерпѣть превращеніе. Масса кристалла увеличивается чрезъ накопленіе вещества, находящагося уже въ маточномъ растворѣ. Ростъ кристалла происходитъ чрезъ наслоеніе, наложеніе новыхъ частицъ, или, выражаясь технически, чрезъ *аппозицію*—кристаллъ растетъ съ своей поверхности. Ростъ же организмовъ, полагаютъ, посредствомъ вставки новыхъ частицъ вещества между уже существовавшими, посредствомъ внутренняго отложенія, или, употребляя освященный обычаемъ терминъ, посредствомъ *интуссусцепціи*. Но и это, съ перваго взгляда, коренное, существенное различіе почти исчезаетъ въ виду любопытныхъ опытовъ съ такъ называемыми *искусственными клѣточками*, открытіе которыхъ принадлежитъ *Морицу Траубе*. Значеніе этого открытія и до сихъ поръ не вполнѣ оцѣнено многими авторитетными ботаниками, зато оно тотчасъ по появленіи было оцѣнено по достоинству такимъ физіологомъ, какъ Гельмгольцъ *). Траубе беретъ каплю одного вещества, приводитъ его въ прикосновеніе съ растворомъ другого вещества, и эта капля облекается оболочкой. Это подобіе клѣточки передъ удивленнымъ глазомъ наблюдателя начинаетъ расти, т. е. увеличивать свой объемъ и свою массу. Это явленіе искусственнаго роста представляетъ намъ двѣ основныя черты сходства съ ростомъ дѣйствительнымъ. Оно происходитъ только въ силу взаимодѣйствія разнородныхъ веществъ, т. е. только пока вещество клѣточки въ состояніи измѣнять вещество окружающей среды и превращать его въ себѣ подобное, т. е. ассимилировать его. Оно происходитъ посредствомъ вставки новыхъ частицъ вещества между частицами уже существующаго, т. е. посредствомъ *интуссусцепціи*. Съ нарушеніемъ химизма, или разрушеніемъ формы, организаціи нашей клѣточки, прекращается и ея характеристичная дѣятельность, ея ростъ; она, если такъ можно выразиться, умираетъ. Итакъ, въ процессѣ питанія и роста едва ли можно установить какое-нибудь коренное, принципіальное различіе между организмомъ и неорганизмомъ.

Но мы видимъ, что въ организмѣ совершается не только процессъ созиданія, т. е. питанія и роста, но рука-объ-руку съ нимъ идетъ процессъ разрушенія и выдѣленія, выражающійся, главнымъ образомъ, въ окисленіи вещества организма кислородомъ воздуха, въ процессѣ дыханія».

«Но, конечно, и эта связь между *жизненными явленіями* и *тратой* (вѣрнѣе, превращеніемъ) *вещества* не составляетъ особенности живыхъ

---

*) Считая неудобнымъ выпустить приводимое Тимирязевымъ относительно значенія искусственныхъ клѣтокъ Траубе, какъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ его взгляда, я не могу не заявить, что, по моему мнѣнію, ботаники, смотрящіе на клѣтки Траубе иначе, чѣмъ Тимирязевъ и Гельмгольцъ, совершенно правы.

Объ осадочныхъ перепонкахъ см. мой «Учебникъ физіологіи растеній», стр. 228.

тѣлъ; мы ее встрѣчаемъ и въ мірѣ неорганическомъ. Живыя тѣла всегда охотно сравнивали съ механизмомъ; всего ближе сравненіе съ паровой машиной. Брюкке, указывая на сходство между организмомъ и механизмомъ и желая показать на существующее между ними различіе, говоритъ: «организмъ—это такой механизмъ, который самъ себя строитъ»; но въ только что описанныхъ искусственныхъ клѣточкахъ мы видимъ именно примѣръ механизма, который самъ себя строитъ».

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію этого двоякаго, прогрессивнаго метаморфоза, Тимирязевъ находитъ (какъ и слѣдовало ожидать, прибавлю я отъ себя), что метаморфозъ вполнѣ подчиняется законамъ постоянства или вѣчности матеріи и закону сохраненія или вѣчности энергіи.

«Итакъ, мы видимъ, — продолжаетъ Тимирязевъ, — что и превращеніе вещества, и превращеніе энергіи совершается въ растительномъ организмѣ по тѣмъ же законамъ, какъ и въ неорганической природѣ. Это законы строго количественные, а тамъ, гдѣ является число и мѣра—тамъ нѣтъ мѣста для какой-нибудь капризной жизненной силы. Растеніе является результатомъ взаимодѣйствія веществъ и силъ, которыя оно встрѣчаетъ въ окружающей средѣ. Задача физіолога, въ идеальной формѣ, сводится какъ бы къ разрѣшенію уравненія, въ которомъ, съ одной стороны, стоитъ растеніе, съ другой—доступныя ему вещества, дѣйствующія на него силы».

«До сихъ поръ мы имѣли въ виду только двѣ категоріи превращеній—превращеніе вещества и силы, но жизнь организмовъ представляетъ намъ еще третью категорію—превращеніе формы, и это, быть можетъ, самая характеристическая сторона жизненныхъ явленій. Жизнь представляетъ намъ послѣдующее чередованіе, смѣну формъ: мы называемъ это *развитіемъ* или *эволюціей*. Въ этомъ процессѣ развитія насъ поражаетъ одна общая, широкая черта, заключающаяся въ томъ, что путемъ этого развитія слагаются формы, цѣлые организмы, или отдѣльные органы, поразительно приложенные, приспособленные къ ихъ средѣ и отправленію, представляющіе то, что мы называемъ гармоніей, совершенствомъ, цѣлесообразностью. Всѣ отдѣльные химическіе и механическіе процессы какъ бы направлены къ одной опредѣленной цѣли— къ образованію цѣлесообразной формы. Въ этомъ-то *цѣлесообразномъ развитіи* охотно усматриваютъ характеристическую особенность организмовъ, отличающую ихъ отъ неорганизмовъ. Это-то начало развитія, присутствующее, какъ полагаютъ, въ зародышѣ каждаго организма, связующее и согласующее всѣ химическіе и физическіе процессы, въ немъ совершающіеся, направляя ихъ къ опредѣленной цѣли,—это уже не просто физика и химія,—говорятъ виталисты,—это и есть начало жизни.

Но, ограничивая такимъ образомъ сферу дѣятельности жизненной силы, ея защитники, какъ удачно выражается Клодъ Бернаръ, «пре-

вращаютъ витализмъ въ чисто-метафизическое представленіе, разрываютъ послѣднюю связь, которая связываетъ его съ физическимъ міромъ, съ физіологической наукой. Говоря, что жизнь есть идея или начало, руководящее развитіемъ существа, мы только выражаемъ мысль объ извѣстномъ единствѣ тѣхъ одновременныхъ и послѣдовательныхъ превращеній, химическихъ и морфологическихъ, чрезъ которыя проходитъ организмъ съ начала до конца жизни. Нашъ умъ пытается выразить это въ одномъ общемъ представленіи и называетъ его силой, но было бы ошибочно предполагать, что эта метафизическая сила дѣятельна на подобіе силъ физическихъ».

«Но если, — пишетъ далѣе Тимирязевъ, — объясненіе при помощи одной особой силы невѣрно, то самый фактъ цѣлесообразнаго развитія остается фактомъ. Можетъ ли физіологія пролить какой-нибудь свѣтъ и на эту темную сторону жизненныхъ явленій, можетъ ли она дать объясненіе для этого цѣлесообразнаго развитія? Въ попыткѣ такого объясненія и заключается одна изъ характеристическихъ сторонъ современной біологіи. Она не остановилась передъ задачей, которую предшествовавшіе вѣка считали неразрѣшимой» *).

Въ концѣ этой статьи, озаглавленной: «Основныя задачи физіологіи растеній», пр. Тимирязевъ подводитъ итоги всему въ ней сказанному: «Для осуществленія своей задачи, для объясненія явленій растительной жизни, физіологія растеній не нуждается ни въ какихъ произвольныхъ посылкахъ, отъ которыхъ давно отказались науки, имѣющія предметомъ неоживленную природу. Она не нуждается, какъ въ былыя времена, въ допущеніи существованія особой органической матеріи,—для нея достаточно и той, изъ которой состоятъ неорганизованныя тѣла, и тѣхъ общихъ законовъ, которые управляютъ послѣдними. Она не нуждается въ допущеніи особенной жизненной силы, неуловимой и своевольной, ускользающей отъ закона причинности, не подчиняющейся числу и мѣрѣ,—для нея достаточно основныхъ физическихъ законовъ, управляющихъ и неорганическимъ міромъ. Она не нуждается, наконецъ, въ допущеніи существованія неопредѣленнаго метафизическаго начала цѣлесообразнаго развитія,—этого послѣдняго убѣжища виталистовъ,—для нея достаточно дѣйствительнаго, указаннаго Дарвиномъ, историческаго процесса развитія, неизбѣжнымъ, роковымъ образомъ направляющаго органическій міръ къ совершенству и гармоніи. До тѣхъ поръ, пока намъ не докажутъ противнаго, мы вправѣ видѣть въ растеніи «механизмъ, самъ себя обновляющій» и обладающій исторіей. Мы вправѣ требовать отъ этой науки, при ея современномъ состояніи, чтобы при объясненіи явленій жизни она прибѣгала только къ троякаго рода причинамъ: химическимъ, физическимъ и историческимъ. Эта троякая задача вполнѣ соотвѣтствуетъ тремъ эпохамъ въ развитіи естество-

*) См. р. 240—241.

знанія вообще,—тремъ эпохамъ, которыя характеризуются тремя общими законами, лежащими въ основѣ нашего міросозерцанія, тремя руководящими именами. Эти законы: законъ постоянства матеріи, законъ сохраненія энергіи и законъ преемственности или единства жизни. Эти руководящія имена—имена Лавуазье, Гельмгольца и Дарвина».

Приведенныя цитаты относятся непосредственно, конечно, къ процессамъ жизни растеній и, слѣдов., къ физіологіи растеній, но изъ характера и общаго хода разсужденій видно, что авторъ не дѣлаетъ исключенія и для жизненныхъ процессовъ животныхъ и, повидимому, считаетъ приводимое имъ механическое воззрѣніе приложимымъ и къ жизни животныхъ, со включеніемъ человѣка.

Взглядъ этотъ проводится по отношенію къ человѣку въ «Основахъ физіологіи человѣка» Фредерика и Нюэля *). «Физіологія», по ихъ опредѣленію, «это—физика и химія организмовъ». «Современная физіологія не признаетъ существеннаго различія между матеріальными явленіями въ организмѣ, тожественными съ явленіями неодушевленной природы, и матеріальными явленіями, свойственными только исключительно живымъ тѣламъ». «Дѣятельность живого организма ограничивается превращеніемъ матеріи и энергіи, воспринятыхъ извнѣ. Живой механизмъ какъ и всякій вообще механизмъ, подчинены законамъ механики, общимъ законамъ физики и химіи».

«Итакъ, въ дѣйствительности есть только физика, химія и общая механика; эти три науки обнимаютъ собою всѣ проявленія природы, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ тѣлъ».

«Наука о жизни есть, такимъ образомъ, только своеобразная отрасль общей физико-химіи».

О психическихъ же явленіяхъ говорится лишь слѣдующее: «Они мало доступны изслѣдованію». «Атомистической гипотезѣ, составляющей краеугольный камень физическихъ наукъ и физіологіи въ тѣсномъ смыслѣ, повидимому, не суждено пролить много свѣта на психологію». «Всякое монистическое міросозерцаніе, т. е. міросозерцаніе, претендующее объяснить одними и тѣми же законами явленія физическія и психическія, окажется принужденнымъ придать матеріи физиковъ (если ее одну взять за основу объясненія) новыя свойства, приписать, напримѣръ, ей зачаточное сознаніе. Но это дѣло уже выходитъ за предѣлы нашего изложенія, которое должно ограничиться изученіемъ только матеріальныхъ явленій, протекающихъ въ живомъ организмѣ».

Первыя возраженія противъ возможности сведенія всѣхъ явленій тѣлеснаго міра, въ томъ числѣ и жизненныхъ явленій, къ движенію атомовъ были высказаны еще въ 1872 году знаменитымъ берлинскимъ физіологомъ Дю-Буа-Реймономъ въ его, надѣлавшей много шума рѣчи **)

---

*) См. русскій переводъ проф. *Н. Введенскаго*, т. I. (1897).

**) *Emil Du-Bois-Reymond*. Reden. Erste Folge. Ueber die Grenzen des Naturerkennens. ib. p. 258, 259. p. 105, 1872.

озаглавленной: «о границахъ познанія природы». «Познаніе природы,— пишетъ Дю Буа-Реймонъ, — состоитъ въ приведеніи измѣненій тѣлеснаго міра къ движенію атомовъ... или, другими словами, въ разложеніи всѣхъ процессовъ природы на механическія движенія атомовъ».

«Познаніе природы или, вѣрнѣе выражаясь, естественно-историческое познаніе тѣлеснаго міра, при посредствѣ и въ смыслѣ теоретическаго естествознанія, состоитъ въ приведеніи измѣненій тѣлеснаго міра къ движенію атомовъ, вызываемому силами, имъ присущими и независимыми отъ времени; другими словами: въ разложеніи всѣхъ процессовъ природы на механическія движенія атомовъ».

«По достиженіи этого, весь міръ оказался бы познаннымъ съ естественно-исторической точки зрѣнія».

«Духъ,—писалъ еще Лапласъ,—которому были бы раскрыты, по отношенію къ извѣстному моменту, всѣ оживляющія природу силы и взаимное положеніе вещей, составляющихъ міръ, могъ бы, если бы онъ былъ достаточно могучимъ, постичь, при посредствѣ одной формулы, какъ движеніе громаднѣйшихъ міровыхъ тѣлъ, такъ и легчайшихъ атомовъ; для него ничего не осталось бы сокрытымъ; какъ будущее, такъ и прошедшее предстало бы его взору. Слабое отраженіе такого духа представляетъ человѣческій умъ въ томъ совершенствѣ, которое онъ съумѣлъ придать астрономіи». «Мы сходны съ этимъ духомъ (Лапласа),—пишетъ Дю Буа-Реймонъ,—потому что мы его понимаемъ.»

Принимая духъ Лапласа за недосягаемый для человѣческаго ума идеалъ, Дю Буа-Реймонъ переходитъ къ изслѣдованію его границъ познанія, которыя еще съ большимъ правомъ примѣнимы къ гораздо слабѣйшему уму человѣческому.

«Въ двухъ направленіяхъ всѣ усилія духа Лапласа проникнуть дальше созерцанія движенія атомовъ будутъ тщетны; тѣмъ болѣе для нашихъ стремленій.»

«Во-первыхъ, необходимо напомнить, что познаніе природы, которое раньше было опредѣлено, какъ удовлетворяющее нашей потребности, именно: познаніе причинности явленій,—на самомъ дѣлѣ не дѣлаетъ этого и не есть познаніе. Представленіе міра какъ совокупности вѣчныхъ и неуничтожаемыхъ мельчайшихъ частицъ, одаренныхъ центральными силами, которыми производятся всѣ происходящія движенія, есть только какъ бы суррогатъ объясненія. Этимъ сводятся, какъ уже было замѣчено, всѣ измѣненія въ тѣлесномъ мірѣ на неизмѣнное количество матеріи и присущей ей силы движенія; при этомъ устраняется дальнѣйшее объясненіе измѣненій. Достигнувъ обладанія этимъ постояннымъ и довольные добытымъ результатомъ, мы могли бы успокоиться на нѣкоторое время; но вскорѣ въ насъ зародилось бы желаніе постигнуть сущ-

*) *Emil Du Bois-Reymond.* Reden. Erste Folge. Ueber die Grenzen des Naturerkennens, p. 105. 1872.

ность этого постояннаго. Тогда оказалось бы, что атомистическое воззрѣніе, пригодное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и необходимое при физико-математическихъ соображеніяхъ, превращается, если переступить предѣлъ возможнаго требованія, въ корпускулярную философію и ведетъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ.»

«Матеріальный міръ представляетъ кромѣ того духу Лапласа еще одну неразрѣшимую загадку. Правда, что послѣднему открылось бы, при посредствѣ формулы, первобытное состояніе вещей. Но если бы предъ духомъ Лапласа явилась матерія въ безконечно давнемъ времени и безграничномъ пространствѣ, въ покоѣ и распредѣленной неравномѣрно, то онъ бы не позналъ причины неравномѣрнаго распредѣленія; если же онъ засталъ бы матерію уже въ движеніи, то осталась бы скрытою отъ него причина движенія, представляющаяся ему лишь случайнымъ состояніемъ матеріи. Во всякомъ случаѣ, его потребность въ познаніи причины осталась бы неудовлетворенной.

«Затѣмъ, — продолжаетъ Дю Буа-Реймонъ, — на опредѣленной, для насъ же совершенно неизвѣстной стадіи развитія жизни на землѣ выступаетъ что-то новое, прежде неслыханное и, подобно сущности матеріи, силы и началу движенія, непостижимое.

«Это непостижимое есть сознаніе. Я полагаю, что могу весьма убѣдительнымъ образомъ доказать, что не только при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, сознаніе необъяснимо изъ матеріальныхъ условій, въ чемъ каждый согласенъ, но что, по природѣ вещей, оно никогда не станетъ объяснимымъ изъ этихъ условій. Противоположное мнѣніе: что нельзя терять надежды на познаніе сознанія изъ матеріальныхъ условій, и что послѣднее можетъ еще удасться по накопленіи въ продолженіи ста и тысячелѣтій непредвидимаго богатства человѣческихъ знаній—есть второе заблужденіе, которое я намѣренъ оспаривать въ настоящей бесѣдѣ.

«Я намѣренно употребляю здѣсь слово: *сознаніе*, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло о духовномъ процессѣ какого бы то ни было характера, даже и простѣйшаго.

«Въ самомъ главномъ, объясненіе изъ матеріальныхъ условій, наиболѣе возвышенной дѣятельности души постижимо не менѣе, чѣмъ объясненіе изъ нихъ воспринимаемыхъ чувствами ощущеній. Съ первымъ возбужденіемъ удовольствія или недовольства, которое ощутило наипростѣйшее живое существо на землѣ, съ первымъ воспріятіемъ качества, уже разверзается пропасть и міръ становится вдвойнѣ непонятнымъ.

«При возможной полнотѣ, доступнаго духу Лапласа, знанія строенія и движеній матеріальныхъ частицъ мозга, духовные процессы остаются столь же непонятными, какъ и теперь. Астрономическое *) познаніе

---

*) Подъ *астрономическимъ* познаніемъ Дю Буа-Реймонъ подразумѣваетъ. 1) знаніе законовъ, по которымъ дѣйствующія между частицами системы силъ измѣняются въ зависимости отъ разстоянія, и 2) расположеніе частицъ системы въ два момента, отдѣленные дифференціаломъ времени.

мозга наивысшее изъ того, чего мы могли бы достигнуть, не откроетъ намъ ничего, кромѣ движенія. Немыслимо распредѣленіе или движеніе частицъ, допускающее возможность перекинуть мостъ въ царство сознанія».

Нашему познанію природы поставлены, по Дю-Буа-Реймону, на всегда двѣ преграды: «1) неспособность познать матерію и силу и 2) невозможность объяснить психическіе процессы изъ матеріальныхъ условій».

Знаменитую рѣчь свою Дю Буа-Реймонъ заканчиваетъ многозначительнымъ словомъ: «*Ignorabimus*», утверждая слѣдовательно, что путемъ, которому слѣдуетъ современное естествознаніе, нельзя надѣяться раскрыть ни сути вещей, ни значенія нашей жизни.

Механическое міровоззрѣніе наложило на современное естествознаніе совершенно своеобразный, временной колоритъ, именно—стремленіе всѣми мѣрами изгнать участіе психики въ явленіяхъ природы, не исключая и жизненныхъ явленій; все въ природѣ объяснить чуждыми психикѣ механическими причинами и, по возможности, все цѣлесообразное свести на миражъ, или, другими словами, приравнять къ продуктамъ лишь слѣпой случайности. Эту характерную черту современнаго естествознанія подчеркнулъ и Бэръ въ одной изъ превосходныхъ рѣчей своихъ: «Образованные любители естествознанія, не причисляющіе себя къ ученымъ, едва повѣрятъ, какую боязнь питаютъ цеховые натуралисты къ признаванію цѣлей и цѣлесообразности въ явленіяхъ и продуктахъ природы». «Я хочу показать, какъ, повидимому, возникло это чувство страха. Хотя къ этому и имѣются нѣкоторыя основанія, но въ настоящее время нерѣдко оно превосходитъ всякую мѣру какъ въ отрицаніи цѣлесообразныхъ отношеній, такъ и въ издѣвательствѣ надъ ихъ признаніемъ; я покажу, что естествознаніе слѣдуетъ въ этомъ по совершенно ложному пути и что заблужденіе зиждется на началахъ, очевидно ошибочныхъ».

Въ доказательство, что подобныя крайнія воззрѣнія раздѣляли и крупнѣйшіе авторитеты науки, я приведу выдержки изъ рѣчей Гельмгольца и Дю Буа-Реймона. Въ рѣчи своей: «О цѣли и успѣхахъ естествознанія» (русскій переводъ, стр. 92), Гельмгольцъ пишетъ: «...до времени Дарвина были возможны только два объясненія органической цѣлесообразности, которыя оба въ концѣ концовъ приводили опять-таки къ участію разума въ ходѣ процессовъ природы. Или разсматривали, сообразно виталистической теоріи, жизненные процессы, какъ постепенно направляемые живой душой, или объясняли происхожденіе всякаго отдѣльнаго живого организма дѣйствіемъ сверхъестественнаго разума».

«Теорія Дарвина содержитъ существенно новую творческую мысль. Она показываетъ, какимъ образомъ цѣлесообразность въ образованіи организмовъ можетъ произойти безъ вмѣшательства разума, при помощи слѣпаго дѣйствія закона природы».

---

*) *K. E. Baer*. «Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften» (1876). Erste Abtheilung. Ueber Zweckmässigkeit oder Zielstrebigkeit überhaupt. 1866, p. 51.

Еще болѣе характерны слѣдующія слова Дю Буа-Реймона *): «Конечно, не доказано, до чего можетъ достигнуть естественный подборъ и что ему нужно приписать для объясненія цѣлесообразности органической природы **). Цѣль естествоиспытателя теоретика: познать природу. Если это намѣреніе не нелѣпо, то онъ долженъ предположить природу познаваемою. Цѣлесообразность природы несовмѣстима съ ея пониманіемъ. Поэтому, если представляется какой-нибудь способъ (Ausweg) для изгнанія изъ природы цѣлесообразности, то естествоиспытатель долженъ это сдѣлать. Такой поводъ представляетъ ученіе объ естественномъ подборѣ, и такъ послѣдуемъ же немедленно по этому пути, хотя бы мы и испытывали, придерживаясь этого ученія, ощущеніе безнадежно утопающаго, цѣпляющагося за плавающую на водѣ доску. При выборѣ между доскою и гибелью преимущество безспорно по сторонѣ доски».

Въ надеждѣ, что описанный колоритъ естествознанія дѣйствительно окажется лишь временнымъ, перехожу къ краткой характеристикѣ ученія виталистовъ. впадающихъ, по моему мнѣнію, въ другую крайность.

Въ послѣдніе годы голоса противъ вышеизложеннаго механическаго воззрѣнія начали и среди естествоиспытателей раздаваться все громче и громче. Начало этому положилъ профессоръ физіологіи въ Базелѣ, Бунге. Въ третьемъ изданіи книги: «Lehrbuch der physiologischen und pathologischen Chemie» вся первая глава, озаглавленная: «Витализмъ и механизмъ», посвящена критикѣ механическаго воззрѣнія и обоснованію виталистическаго.

«Мы читаемъ,—пишетъ Бунге,—въ тысячѣ физіологическихъ статей и въ введеніи каждаго учебника физіологіи, что единственная задача физіологическихъ розысканій заключается въ сведеніи жизненныхъ явленій къ физическимъ и химическимъ, т. е. въ концѣ концовъ механическимъ законамъ».

Протестуя противъ принимаемой *виталистами* «жизненной силы» для объясненія явленій жизни, такъ какъ этимъ словомъ ничего не выясняется, Бунге въ то же время возстаетъ противъ утвержденія противниковъ витализма, будто въ живыхъ существахъ дѣйствуютъ исключительно только силы и вещество, присущія неодушевленной природѣ. Только по ограниченности нашей, по его мнѣнію, мы не въ состояніи открыть въ живыхъ существахъ чего-либо иного.

«При изслѣдованіи, посредствомъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, живой и неодушевленной природы, мы не открываемъ ничего, кромѣ опредѣленныхъ процессовъ движенія.

«Но мы обладаемъ еще *внутреннимъ чувствомъ*, которымъ познаемъ состоянія и измѣненія собственнаго сознанія, открываемъ вещи и процессы, не имѣющіе ничего общаго съ механизмомъ».

---

*) *Du Bois-Reymond*. Reden. Erste Folge. 1886. Darwin gegen Galiani, p. 228 и 229.

**) Вѣрнѣе: организованной.

«Въ активной дѣятельности кроется загадка жизни. Самое понятіе активности открыто нами не посредствомъ чувствъ, но почерпнуто изъ самонаблюденія. Мы переносимъ почерпнутое изъ нашего сознанія на объекты нашихъ чувственныхъ воспріятій, на каждую маленькую клѣтку. Это первый опытъ *психологическаго* объясненія всѣхъ жизненныхъ явленій».

Физіологическія розысканія, по Бунге, надо начинать съ наиболѣе сложнаго организма, съ человѣка, на томъ основаніи, что это единственный организмъ, при разслѣдованіи котораго мы не принуждены ограничиваться лишь органами чувствъ, но можемъ проникнуть въ самую глубь его существа, при посредствѣ внутренняго чувства.

«Суть витализма,—пишетъ въ заключеніе Бунге,—состоитъ въ томъ, что мы идетъ по единственно вѣрному пути, и что *исходимъ отъ извѣстнаго, отъ внутренняго міра и стремимся на основаніи его объяснить невѣдомый намъ міръ внѣшній*». «Скоро,—прибавляетъ онъ, въ примѣчаніи,—наступитъ время, когда тезисъ: «Physiologus nemo nisi Psychologus» не будетъ нуждаться въ защитѣ».

Въ Россіи академикъ Коржинскій первый поднялъ голосъ противъ механическаго воззрѣнія въ своей вступительной лекціи, озаглавленной «Что такое жизнь?» и прочитанной въ 1888 году, при открытіи преподаванія въ томскомъ университетѣ.

Коржинскій возстаетъ противъ положенія механической теоріи, что «всѣ жизненныя явленія можно подвести подъ физическіе и химическіе законы, и что нѣтъ ни малѣйшей надобности допускать въ организмахъ присутствіе какихъ-либо особыхъ свойствъ или силъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя имѣютъ мѣсто въ неорганическихъ тѣлахъ».

Неправильно, по его мнѣнію, механическимъ путемъ объяснять изгибы частей растеній, подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ дѣятелей (напр., свѣта). Изгибы (геліотропическіе) къ свѣту или отъ свѣта, стремленіе растенія, растущаго въ темномъ мѣстѣ къ свѣту, выражающееся въ чрезмѣрномъ удлиненіи его стебля, по направленію къ свѣту, ростъ корня внизъ въ почву, стебля вверхъ и другія подобныя движенія онъ разсматриваетъ какъ *инстинктивныя* дѣйствія, посредствомъ которыхъ растеніе стремится удовлетворить своимъ потребностямъ. Къ таковымъ причисляетъ онъ и передвиженія свободнодвигающихся простѣйшихъ организмовъ.

«Обмѣнъ веществъ въ организмѣ, превращеніе энергіи—вотъ гдѣ механическое направленіе дало положительные результаты». «Но эти явленія питанія и дыханія, вообще обмѣна веществъ и превращенія энергіи, еще не составляютъ сущности. Это служебные процессы, это лишь аттрибуты жизни, сущность которой совершенно ускользаетъ отъ механическаго изслѣдованія».

«Сущность жизни, — пишетъ далѣе Коржинскій, — заключается, во-первыхъ, въ активности, т.-е. способности отвѣчать на внѣш-

нія раздраженія, а, во-вторыхъ, въ проблемѣ развитія организма. Эти собственно жизненныя явленія имѣютъ въ своей основѣ нѣчто общее, спеціально свойственное организмамъ и не имѣющее мѣста въ явленіяхъ неорганической природы. Это свойство, это начало присуще плазмѣ. Его нельзя отнести къ химическимъ или физическимъ свойствамъ, такъ какъ оно творитъ явленія, не имѣющія аналогіи среди міра неорганическаго. Оно не разложимо на составные элементы и ускользаетъ пока отъ точнаго разслѣдованія. Это свойство мы можемъ *условно* называть *жизненной энергіей*. Это не есть *жизненная сила*, не есть самобытный, неисчерпаемый источникъ силъ, свойственный организму. Жизненная энергія не представляетъ исключенія изъ закона сохраненія энергіи».

Въ заключеніе Коржинскій прибавляетъ: «Принимая существованіе въ организмахъ спеціальныхъ жизненныхъ свойствъ, особаго жизненнаго начала, мы какъ будто дѣлаемъ шагъ назадъ, приближаемся вновь къ витализму и отвергаемъ механическую теорію, какъ ошибочную. Однако, это заключеніе не будетъ вполнѣ справедливо. Ученому приходится убѣждаться каждый день, что нѣтъ мнѣній, совершенно ошибочныхъ, какъ нѣтъ и абсолютно вѣрныхъ. Каждое воззрѣніе заключаетъ въ себѣ извѣстную долю истины, каждый выводъ представляетъ лишь приблизительное рѣшеніе вопроса. И, если наше мнѣніе справедливо, то оно представляетъ лишь *новое приближеніе къ истинѣ*».

Еще категоричнѣе Коржинскаго высказался проф. Бородинъ, выступившій на защиту витализма въ рѣчи, произнесенной на торжественномъ засѣданіи, по случаю 25-го юбилея Петербургскаго Общества Естествоиспытателей (см. также «Міръ Божій», май 1894 г.).

«Въ настоящее время,—пишетъ Бородинъ,—мы присутствуемъ при зрѣлищѣ, столь же любопытномъ, сколько неожиданномъ для многихъ,—витализмъ начинаетъ возрождаться, хотя и въ иной, обновленной формѣ».

И далѣе: «И такъ, старушка жизненная сила, которую мы съ такимъ тріумфомъ хоронили, надъ которой всячески глумились, только притворилась мертвою и теперь рѣшается предъявить какія-то права на жизнь, собираясь воспрянуть въ обновленномъ видѣ».

Возрождающійся витализмъ—*неовитализмъ*, Бородинъ характеризуетъ какъ ученіе, безусловно признающее господство физики и химіи въ живыхъ тѣлахъ, «подчиненіе послѣднихъ мертвой природѣ». «Благодаря такой капитальной уступкѣ, неовитализмъ совершенно освобождается отъ постоянно повторявшагося упрека въ томъ, что признаніе какой-то особенной жизненной силы служитъ лишь тормазомъ для успѣховъ физіологіи».

Я не буду останавливаться на описаніи приводимыхъ Бородинымъ фактическихъ аргументовъ противъ механическаго воззрѣнія; откровенно говоря, они допускаютъ вѣскія возраженія, главнымъ образомъ, по-

тому, что въ доказательство непригодности вообще объясненія физіологическихъ вопросовъ на основаніи законовъ физики и химіи приводятся частныя данныя: неудачи въ достиженіи этой цѣли по отношенію къ поглощенію веществъ растительными организмами и къ поднятію воды по стеблю. Неудачи эти могутъ оказаться временными; приводимые Бородинымъ факты не рѣшаютъ, поэтому, вопроса въ желаемомъ смыслѣ.

Въ заключеніе замѣчу, что, не соглашаясь вполнѣ съ аргументаціей Бородина, я ему вполнѣ сочувствую въ томъ, что утвержденіе приверженцевъ механическаго ученія: «будто жизнь не болѣе, какъ игра въ протоплазмѣ физико-химическихъ силъ (въ современномъ нашемъ о нихъ представленіи, прибавлю я отъ себя), не ограничивается современнымъ состояніемъ фактическихъ нашихъ свѣдѣній о живыхъ тѣлахъ, не есть, другими словаии, строгій выводъ точнаго знанія, а лишь догматъ вѣры большинства современныхъ естествоиспытателей».

Подпишусь, наконецъ, охотно и подъ слѣдующими заключительными словами Бородина: «не станемъ смущать юные умы, въ большинствѣ случаевъ приходящіе лишь въ кратковременное соприкосновеніе съ естествознаніемъ въ нашихъ аудиторіяхъ, выдавая за незыблемо-установленный, будто бы, наукою фактъ то, что въ дѣйствительности составляетъ лишь догматъ вѣры современныхъ естествоиспытателей; вмѣсто того, чтобы утверждать съ увѣренностью, что организмъ есть механизмъ, а жизнь—физико-химическое явленіе, разыгрывающееся въ протоплазмѣ, скажемъ скромно, что живыя тѣла подчинены дѣйствію механическихъ силъ мертвой природы, но жизнь, по прежнему, остается для насъ величайшею изъ тайнъ».

При этомъ однако я не могу согласиться съ виталистами, чтобы въ живыхъ тѣлахъ проявлялась особенная сила, не присущая тѣламъ природы не живой. Я полагаю, какъ это высказано мною уже въ введеніи, и постараюсь показать въ нижеслѣдующихъ главахъ, что представляющееся намъ различіе между явленіями жизни и такъ-называемой мертвой природы коренится не въ различіи этихъ двухъ категорій явленій, а въ способахъ, которыми мы ихъ познаемъ; явленія нашей жизни доступны нашему разысканію какъ съ внѣшней, такъ и внутренней стороны; явленія же не живой природы лишь съ внѣшней стороны. Поэтому я и утверждаю, вопреки общепринятому взгляду, что исходною точкою естествознанія должна быть наша жизнь, и что суть явленій жизни, не смотря на ихъ чрезвычайную сложность, намъ болѣе извѣстна, чѣмъ суть явленій природы не живой. И если слѣдовать общепринятому правилу въ ходѣ разслѣдованія, именно, избирая путь отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, то исходною точкою познаванія природы долженъ быть признанъ человѣкъ.

Придерживаясь намѣренія представить здѣсь лишь взгляды естествоиспытателей и изъ этихъ взглядовъ лишь такіе, которые насчи-

тываютъ большее или меньшее число сторонниковъ, я совершенно отстраняюсь отъ изложенія въ этой главѣ воззрѣній философовъ, а также и оставшихся безъ вліянія на естествознаніе одиночныхъ воззрѣній естествоиспытателей.

Пять лѣтъ спустя, послѣ приведенной рѣчи *Дю Буа-Реймона*, появилась рѣчь *) *Негели*, подъ заглавіемъ: «*Die Schranken der naturwissenschaftlichen Erkenntniss*», въ которой извѣстный ботаникъ взглянулъ на этотъ предметъ съ иной нѣсколько стороны. Не останавливаясь на воспроизведеніи его рѣчи, я ограничусь лишь краткой характеристикой его взгляда.

Негели не признаетъ различія между живымъ и мертвымъ, принимая, вопреки господствующему взгляду, способность ощущенія и связанныхъ съ нимъ чувствъ довольства и неудовольствія, не только у простѣйшихъ животныхъ, но и у растеній и также у неорганическихъ тѣлъ.

Сходный монистическій взглядъ проводитъ и *Гекель* въ нѣсколькихъ своихъ статьяхъ.

Своеобразный взглядъ высказанъ Гауптманомъ въ его сочиненіи: «Метафизика въ современной физіологіи», вышедшемъ вторымъ изданіемъ въ 1894 году.

Согласно ученію Авенаріуса, онъ разсматриваетъ психику, какъ «производную зависимую» отъ матеріальныхъ процессовъ организма, и полагаетъ возможнымъ утверждать, что развитіе психики вызывается и обусловливается исключительно потребностью приспособленія организма къ жизни, среди условій, его окружающихъ.

Гауптманъ, послѣдователь философа Авенаріуса, привѣтствуетъ главный трудъ этого философа «Критика чистаго опыта» **), «какъ основную книгу *современной научной психологіи*, насколько послѣдняя была выдвинута впередъ, какъ *послѣдній цвѣтъ и вѣнецъ современной біологіи* и *какъ основу такъ называемыхъ наукъ о духѣ*; книга эта, по его мнѣнію, призвана воздѣйствовать и на біологію, чрезъ выясненіе ея задачъ и методовъ» ***).

Въ заключеніи главы перехожу къ изложенію взгляда Ферворна, помѣщеннаго въ вышедшей въ 1895 году книжкѣ его: *Allgemeine Physiologie*, представляющей попытку положить въ основу естествознанія ученіе субъективнаго идеализма.

Книга эта состоитъ изъ двухъ частей, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Въ первой излагается міровоззрѣніе автора, вторая

---

*) *Nägeli*, «Anhang zur Mechanisch-physiologischen Teorie der Abstammungslehre», p. 555—602. 1884.

**) *Avenarius*. «Kritik der reinen Erfahrung». 2 Bde. Leipzig. 1888—1890.

***) *Hauptmann*. «Die Metaphysik in der modernen Physiologie». 2 Aufl. 1894, p. 312—313.

заключаетъ полный сводъ всего, что было сдѣлано по интереснѣйшимъ вопросамъ жизни.

Въ первой, философской части этого труда, Ферворнъ опредѣленно и энергично настаиваетъ на необходимости тѣсной связи естествознанія, въ особенности физіологіи, съ философіей, считая психологію за исходную точку всѣхъ человѣческихъ знаній.

Отысканіе критерія для отличія живого отъ мертваго есть первѣйшій и стоящій на очереди вопросъ физіологіи.

Обсуждая далѣе этотъ предметъ, Ферворнъ ставитъ вопросы: имѣется ли предѣлъ нашему познанію жизни? гдѣ этотъ предѣлъ? не находимся ли мы на ложномъ пути относительно самой постановки вопросовъ (о жизни), которые мы ставимъ природѣ, и не по тому ли мы и не получаемъ желаемаго отвѣта?

Что такое, наконецъ, наше познаніе? и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ: что изъ всего нами познаваемаго есть реальное?

За таковое признаетъ онъ лишь нашу психику, наши ощущенія, утверждая, что признаваемая нами реальность внѣшняго міра есть лишь заблужденіе, унаслѣдованное изъ давно минувшаго прошлаго, со временъ младенчества человѣческаго духа, когда послѣдній былъ еще безпомощенъ и лишь ощупью домогался знанія.

Главу, изъ которой заимствованы эти выписки, Ферворнъ заключаетъ слѣдующими словами: «Надо надѣяться, что эта основная мысль и въ естествознаніи будетъ отвоевывать себѣ все болѣе и болѣе почвы; она приведетъ со временемъ съ желѣзною необходимостью къ признанію *монистическаго* міровоззрѣнія, которое одно въ состояніи окончательно устранить господствующее съ древнѣйшихъ временъ представленіе дуализма тѣла и души». Существуетъ лишь одно, это—психика.

Во второй части, несравненно болѣе обширной, содержится очень полный и обстоятельно изложенный сводъ изслѣдованій по интереснѣйшимъ вопросамъ жизненныхъ явленій, и въ этомъ отношеніи книга Ферворна достойна вниманія. Судя по первой части, я ожидалъ соотвѣтственнаго новаго толкованія жизни, но, къ великому моему изумленію, не оказалось и тѣни этого вліянія. Почти съ первой строки и до самаго конца второй части какъ описаніе, такъ и толкованіе жизненныхъ явленій ведется сходно съ механическимъ воззрѣніемъ.

Такъ что, хотя Ферворнъ и сильно ратуетъ въ первой части въ пользу сліянія естествознанія съ философіей и выставляетъ психологію, какъ основу для всякихъ розысканій, но, къ сожалѣнію, книга его можетъ быть приведена и какъ поличное для доказательства тезиса, діаметрально противоположнаго. Цѣнность второй части ни на іоту не измѣнилась бы и ея достоинство не умалилось бы, если бы первая часть совершенно была опущена.

Проводимаго Ферворномъ міровоззрѣнія я коснулся въ этомъ очеркѣ лишь потому, что хотя оно, на сколько мнѣ извѣстно, и не пріобрѣло

послѣдователей среди естествоиспытателей, но предшествуетъ превосходно составленному своду изслѣдованій по біологическимъ вопросамъ, который можно горячо рекомендовать каждому интересующемуся этимъ предметомъ.

Приведенными выдержками изъ статей наиболѣе выдающихся естествоиспытателей съ достаточною ясностью обрисовывается хаотическое состояніе въ воззрѣніяхъ на вопросы, которые, по моему, должны бы лечь въ основу естественно-историческихъ разслѣдованій и имѣть первенствующее значеніе въ глазахъ каждаго натуралиста.

На самомъ же дѣлѣ мы видимъ совершенно иное; громадное большинство естествоиспытателей ими не интересуется, употребляя всѣ силы свои на открытіе новыхъ фактовъ. Это одностороннее увлеченіе погоней за фактами не могло не отразиться вредно на качествѣ изслѣдованій, въ особенности на поспѣшномъ толкованіи получаемыхъ результатовъ и пониманіи ихъ значенія. Ясно сказался упадокъ работы мысли, невознаграждаемый, по моему, остальными достоинствами изслѣдованій.

Въ подтвержденіе сказаннаго приведу слѣдующіе факты.

Я знаю значительное число естествоиспытателей и среди нихъ людей съ громкимъ именемъ, которые обладаютъ безграничнымъ терпѣніемъ при производствѣ экспериментальной части работы, но въ то же время съ неудовольствіемъ берутся за письменное изложеніе, т. е. за обработку ея только мыслью, безъ помощи приборовъ и экскурсій.

Ни для кого не тайна, что въ очень многихъ, даже изобилующихъ фактическимъ матеріаломъ, собраннымъ съ громаднымъ трудомъ, поражаетъ поверхностная его обработка и шаткость выводовъ автора. Бесѣдуя неоднократно съ авторами подобныхъ произведеній о недочетахъ ихъ работъ съ этой стороны, я получалъ наивный отвѣтъ, что это не бѣда, что главное значеніе въ работѣ имѣетъ фактическій матеріалъ, и что наука мало потеряетъ отъ несостоятельности выводовъ; слабыя стороны замѣтитъ кто-либо другой и исправитъ; вѣдь это обычный ходъ развитія научныхъ знаній. Что это дѣйствительно обычный путь, нельзя не согласиться; но невозможно признать этотъ путь за нормальный и желательный.

Въ связи съ этимъ въ работахъ по экспериментальной физіологіи часто можно наблюдать, что изслѣдователь выбираетъ какъ бы на удачу, изъ многихъ условій, сопровождающихъ опытъ, какое-нибудь одно за причину наблюдаемаго явленія и старается цѣлой серіей опытовъ доказать это; по недостатку же внимательнаго анализа условій опыта, оказывается на одинаковыхъ правахъ возможнымъ предположить причинную связь явленія еще съ нѣкоторыми условіями; усмотрѣвъ эту возможность, другой изслѣдователь старается установить причинную связь съ другимъ какимъ-нибудь условіемъ, а мнѣніе предшественника опровергнуть, не замѣчая, что впадаетъ въ такую же ошибку, какъ и послѣдній.

Стоитъ только вспомнить ряды изслѣдованій касательно причинъ поднятія воды въ растеніяхъ, или роста растенія и передвиженія частей его, чтобы согласиться со мною.

Наконецъ, обычное явленіе въ физіологіи представляютъ вопросы, разрѣшаемыя различными авторами одновременно въ различномъ смыслѣ, причемъ каждый убѣжденъ въ превосходствѣ своего труда, не отдавая себѣ отчета въ его слабыхъ сторонахъ. Беру примѣръ изъ сравнительно далекаго прошлаго, хотя и среди трудовъ появляющихся въ настоящее время не оказывается недостатка въ выборѣ примѣровъ. Было время, когда по отношенію къ сравнительно простому и экспериментальнымъ путемъ, съ желаемою точностью, разрѣшаемому вопросу: о дѣйствіи лучей солнечнаго свѣта различной преломляемости на разложеніе углекислоты зелеными растеніями, имѣлось до четырехъ различныхъ рѣшеній; причемъ, по свидѣтельству одного изъ ботаниковъ тогдашняго времени, каждому изъ изслѣдователей, данное имъ рѣшеніе вопроса представлялось яснымъ *до очевидности*.

Избѣгнуть повторенія подобныхъ разногласій въ выводахъ при разслѣдованіи явленій природы крайне желательно и, по моему, совершенно возможно. Для поясненія своей мысли возвращаюсь къ разслѣдованіямъ вліянія на растенія лучей солнечнаго свѣта различной преломляемости и окраски. Вопросъ этотъ издавна обратилъ на себя вниманіе физіологовъ. За цвѣтныя стекла или цвѣтныя жидкости различной окраски, ставили растенія и затѣмъ сравнивали ихъ между собою. Наблюденныя различія и приписывали дѣйствію различныхъ цвѣтныхъ лучей. Подобныхъ опытовъ было произведено много, но Саксу не трудно было показать, что всѣ выводы изъ работъ, до него сдѣланныхъ, а слѣдовательно, и сами опыты лишены научнаго значенія, такъ какъ, за отсутствіемъ спектроскопическаго анализа цвѣтного свѣта, которому подвергались растенія, осталось совершенно невыясненнымъ, изъ какихъ простыхъ спектральныхъ цвѣтовъ состояли окрашенные цвѣта, которымъ подвергались растенія.

Но и важная поправка, введенная въ эти опыты Саксомъ, оказалась недостаточною для выясненія вопроса о вліяніи лучей опредѣленнаго показателя преломленія на растенія. Саксъ упустилъ изъ вида, что пропускаемые цвѣтною средою лучи, при прохожденіи чрезъ нее, частью поглащаются ею и притомъ каждый въ различной степени, т. е. количественное отношеніе лучей, пропускаемыхъ окрашенною средою, рѣзко отличается отъ ихъ отношенія до прохожденія ими окрашенной среды. И это опущеніе было бы устранено при болѣе тщательномъ анализѣ условій опыта, до ихъ постановки.

Подобныя же очевидныя опущенія, по устранимому недосмотру, находимъ и въ другой серіи опытовъ по этому вопросу, въ которыхъ старались подойти къ его рѣшенію, подвергая растенія дѣйствію различныхъ участковъ солнечнаго спектра. Первые опыты производились, для

придачи большей интенсивности спектру, съ такимъ большимъ отверстіемъ, что получался спектръ, хотя и яркій, но составленный изъ безчисленнаго множества наложенныхъ другъ на друга спектровъ; въ каждой точкѣ его былъ свѣтъ смѣшанный, только съ преобладаніемъ лучей опредѣленной окраски. Въ позднѣйшихъ опытахъ, съ узкою щелью и чистымъ спектромъ, у нѣкоторыхъ изслѣдователей вкрался недосмотръ другого рода, но столь же важный: они упустили изъ виду, что какъ длина всего спектра, такъ и относительная ширина цвѣтныхъ полосъ спектра, при одномъ и томъ же источникѣ свѣта, получается разная въ зависимости отъ вещества, изъ котораго сдѣлана взятая для опытовъ призма. Изслѣдователи оставили безъ вниманія тѣснѣйшую зависимость напряженности свѣта отъ свѣторазсѣянія призмы и ширины цвѣтной полосы; сличая растенія изъ различныхъ участковъ спектра, они, слѣдовательно, сравнивали дѣйствіе лучей не только различной окраски, но и различной напряженности. Между тѣмъ какъ для точнаго опредѣленія дѣйствія каждаго цвѣтного луча спектра, слѣдовало бы ввести соотвѣтственную поправку (какъ это и сдѣлалъ Тимирязевъ) перечисленіемъ полученныхъ данныхъ соотвѣтственно различію ширинѣ цвѣтныхъ полосъ, или же производить опыты съ диффракціоннымъ спектромъ, въ которомъ цвѣтныя полосы одинаковой ширины.

Всѣ эти ошибки можно было бы избѣгнуть, и въ будущемъ обязательно предъявлять болѣе строгія требованія не только къ экспериментальной части работы, но и возможно раціональной ея постановкѣ.

Памятуя, что всѣ результаты естествознанія суть не непосредственные эмпирическія данныя, а выведенные изъ нихъ умозаключенія, нельзя не признать необычайной важности для успѣховъ естествознанія—правильнаго и строгаго хода умозаключеній, при разрѣшеніи какъ крупнѣйшихъ, такъ и самыхъ спеціальныхъ вопросовъ естествознанія.

При внимательномъ анализѣ, съ этой точки зрѣнія какъ спеціальныхъ разслѣдованій, а въ особенности учебниковъ, въ которыхъ синтезируются результаты разнообразныхъ наблюденій и опытовъ, указанный мною недочетъ естествознанія сказывается съ чрезвычайною рельефностью.

Мнѣ представляется недалекимъ время, когда ко всякому разслѣдованію будутъ предъявляться слѣдующія требованія: 1) чтобы результатъ, выдаваемый за полученный, былъ единственно возможный, при наличности имѣющихся свѣдѣній, и, слѣдовательно, изъятый отъ возраженій по недосмотру фактическаго матеріала или по недомыслію въ постановкѣ опыта; 2) чтобы дальнѣйшій успѣхъ, вызывающій измѣненіе нашихъ взглядовъ, обусловливался исключительно новыми и неожиданными открытіями; 3) чтобы естествоиспытателями считалось непозволительнымъ одновременно появленіе мемуаровъ съ фактическими результатами противорѣчивыми, но признаваемыми ихъ авторами за *несомнѣнные до очевидности*.

Чувствуется поэтому настоятельная потребность выбраться на болѣе

вѣрный путь, нормировать какъ выборъ темы для работы, такъ и постановку опытовъ, сообразно намѣченной цѣли и признать работу законченной не раньше, какъ получится только одинъ возможный результатъ; въ случаѣ же невозможности достигнуть намѣченной цѣли ясно обозначать, насколько удалось вопросъ подвинуть впередъ и что предстоитъ еще сдѣлать; другими словами, предоставить во всякомъ ученомъ трудѣ гораздо бо̀льшее участіе работѣ мысли, чѣмъ это до сего времени дѣлалось.

Настала пора для естествоиспытателя перешагнуть чрезъ узкую рамку естествознанія и заглянуть въ другія области, именно психологію и теорію познанія. Этимъ раскроются новые, болѣе широкіе горизонты, новые пути разслѣдованій и съ лихвой вознаградятъ его за трудъ, считаемый въ настоящее время большинствомъ естествоиспытателей за непроизводительную трату времени.

Въ надеждѣ хотя нѣсколько способствовать развитію этого направленія, я и рѣшился подѣлиться мыслями по этому предмету, которыя, съ небольшими промежутками, занимали меня въ послѣдніе годы.

Прежде всего предстоитъ разобраться среди хаоса вышеприведенныхъ взглядовъ, нерѣдко діаметрально противоположныхъ относительно самого предмета разслѣдованія современнаго естествознанія, именно: внѣшняго міра. Для однихъ (естествоиспытателей) онъ служитъ исходною точкою всякаго знанія; другіе же ученые не только этого не признаютъ, но утверждаютъ, что признаніе міра внѣшняго за нѣчто существующее внѣ нашего сознанія есть заблужденіе, что реальны одни лишь ощущенія, реальна—одна психика.

Предметомъ слѣдующихъ двухъ главъ и будетъ разъясненіе того: что̀ есть реальное?

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Вокругъ—сіяетъ балъ веселый
И льется музыки волна...
А въ сердцѣ... въ сердцѣ гнетъ тяжелый
И—гробовая тишина.
Не блескъ свѣчей, не говоръ бала
Царятъ въ душѣ больной моей:
Мечта привычная умчала
Меня въ безмолвіе степей.
Пустынно снѣжныя поляны
Лежатъ подъ кровомъ темноты;
Беззвѣздно небо, и туманы
Повили дальніе кусты.
По горизонту мрачно-синей
Каймой зубчатый боръ лежитъ;
И, между вѣхъ, одѣтыхъ въ иней
Дорóга узкая бѣжитъ...
А вкругъ—сіяетъ балъ веселый
И льется музыки волна...
Лишь въ сердцѣ—гнетъ тоски тяжелой
И—гробовая тишина...

А. Баженовъ.

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На углу Знаменской улицы и Невскаго проспекта, около одиннадцати часовъ сквернаго сентябрьскаго дня, встрѣтились двое.

По наружности это были люди до такой степени различныхъ типовъ, что при видѣ того, какъ они дружески поздоровались, посторонній человѣкъ могъ бы подумать: „почему эти люди знакомы? почему они дружны?“ Одинъ былъ высокій, тонкій и прямой; на немъ была одѣта длинная накидка съ пелеринкой, а шея его была обернута клѣтчатымъ кашнэ. Было что-то хрупкое во всемъ его сложеніи. Исхудалыя щеки блѣднаго продолговатаго лица, на которомъ, какъ казалось, молодость вела непрестанную борьбу съ слабостью здоровья, а, можетъ быть, и съ нуждой; накидка, сильно потертая внизу, довольно несвѣжія окончанія узкихъ брюкъ, сильно подвергшіеся вліянію времени сапоги, а въ длинныхъ рукахъ съ очень длинными пальцами — огромный зонтикъ, какими торговки на рынкѣ защищаютъ себя и свои товары отъ ненастья.

Другой былъ небольшого роста, коренастый, въ короткомъ, преждевременно зимнемъ, пальто на барашковомъ мѣху, въ фуражкѣ съ широкимъ козырькомъ, который приходился перпендикулярно къ линіи его большого, чрезвычайно прямого носа. Борода у него была довольно длинная, но росла не на щекахъ и подбородкѣ, а гдѣ-то внизу, на шеѣ, и оттуда выглядывала, всякій разъ, когда на нее смотрѣли, производя впечатлѣніе неожиданности и внезапности. Широкій ротъ съ крупными зубами, широкія скулы, большой лобъ, отъ лысины казавшійся еще больше, тяжелая палка въ рукахъ, на которыхъ было надѣто что въ родѣ рукавицъ,—все это говорило о крѣпкомъ здоровьѣ, о нѣкоторой грубости и простотѣ.

— Куда паришь, о печальный духъ?—спросилъ коренастый господинъ въ фуражкѣ высокаго молодого человѣка съ пелеринкой.

Онъ называлъ его то „духомъ", то „паромъ", за его необыкновенную живость и легкость движеній. Длинныя ноги, худоба и нервозность позволяли ему чрезвычайно быстро носиться по улицамъ.

— А! Это ты, мрачный чернобогъ!—отозвался молодой человѣкъ:—я ищу квартиру.

— А прежняя?

— Съ прежней гонятъ...

— За какія заслуги?

— За неплатежъ денегъ.

— Ну, такъ вѣдь за это и съ новой прогонятъ... Ну, впрочемъ, не стоитъ о такихъ пустякахъ говорить. Я тебѣ вотъ что предлагаю: ѣдемъ въ „горняя со тщаніемъ"...

— Въ какія горняя? съ какимъ тщаніемъ?—растерянно спросилъ молодой человѣкъ.

— А ты забылъ, что сегодня Вѣры, Надежды и Любви?

— Не забылъ, а просто не зналъ; я не слѣжу за календаремъ...

— Надо слѣдить, потому что добрыхъ друзей можно обидѣть...

— Кого же это?

— Бертышеву, Вѣру Петровну, забылъ.

— Въ самомъ дѣлѣ... Да вѣдь это даль какая! мои сапоги не выдержатъ такого путешествія. Вѣдь это около горнаго института.

— Пустое, на конкѣ доѣдемъ... Вижу, вижу, печальный духъ или паръ—это одно и тоже,—что у тебя и на конку денегъ нѣтъ... Если бы я писалъ романъ, то въ этомъ мѣстѣ прибавилъ бы: „при этихъ словахъ молодой человѣкъ смутился и покраснѣлъ: у него не было денегъ на конку!" и далѣе: „вы, вѣроятно, забыли дома вашъ кошелекъ? Осторожно спросилъ его собесѣдникъ въ синемъ пальто на барашковой подкладкѣ". Ну, однимъ словомъ, я могу угостить тебя конкой. Скажу болѣе: мы сейчасъ зайдемъ въ знаменитую кондитерскую Кузнецова, гдѣ дѣлаютъ конфекты изъ картофельной муки и патоки, и купимъ полфунта таковыхъ за пятьдесятъ копѣекъ и поднесемъ Вѣрѣ Петровнѣ, промолвивъ при этомъ: это отъ насъ двоихъ!

— А какъ же комната? Меня сегодня гонятъ во что бы то ни стало.

— Но самъ посуди, какъ же тебя могутъ выгнать, если самого тебя не будетъ дома? Лучшій способъ не быть выгнаннымъ откуда-нибудь, это—отсутствовать... Вотъ тебѣ и афоризмъ. Если бы моя фамилія была не Скорбянскій, а Шопенгауеръ, то это непремѣнно было бы переведено съ нѣмецкаго на русскій и издано въ свѣтъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Вѣру Петровну мы должны

поздравить, она вѣдь прекрасный человѣкъ, а прекрасныхъ людей на свѣтѣ мало... У меня, положимъ, у самого есть дочка имянинница, но у меня такое множество дочерей, что чуть не каждый день которой-нибудь или рожденіе, или имянины, такъ что это уже, такъ сказать, вошло у меня въ привычку и сердца моего не радуетъ... Словомъ, ѣдемъ!

— Да, пожалуй, поѣдемъ.

Они уже шли по Невскому, направляясь въ кондитерскую, потомъ повернули направо, захватили полфунта конфектъ и возвратились къ Невскому, чтобы сѣсть на конку. Погода была отвратительная; съ утра лилъ дождь. Молодой человѣкъ съ пелеринкой раскрылъ свой зонтикъ и несъ его надъ головой своей и своего спутника. Они сѣли въ конку.

Путешествіе было очень продолжительное. Надо было доѣхать до Адмиралтейства, сѣсть въ другой экипажъ, переѣхать черезъ Неву, тащиться изрядный конецъ по набережной, потомъ еще идти пѣшкомъ.

Было около часу, когда они, не доходя шаговъ на двѣсти отъ горнаго института, повернули съ набережной направо, потомъ въ переулокъ, вошли во дворъ и поднялись по темной лѣстницѣ, сосредоточившей въ себѣ всѣ дурные запахи, какіе бываютъ на лѣстницахъ,—въ третій этажъ. За дверью былъ слышенъ говоръ и крикъ ребенка. Они позвонили.

— Дома?—спросилъ Скорбянскій, но затѣмъ самъ тотчасъ же отвѣтилъ:—ну, еще бы въ такую погоду быть внѣ дома! Это только мы съ Вольтовымъ способны на такой подвигъ.

И не дожидаясь отвѣта онъ вошелъ, а за нимъ и его спутникъ. Въ передней было совсѣмъ темно, но кухарка отворила дверь въ комнату и оттуда пахнуло свѣтомъ.

Въ квартирѣ было просто и на всемъ лежалъ отпечатокъ аккуратности и чистоты. Мебель была только самая необходимая. Но недостатки возмѣщались обиліемъ свѣта и воздуха. Большая комната съ тремя окнами выходила на обширный дворъ, заросшій травой и походившій на поле. Она смотрѣла скорѣе мастерской художника, чѣмъ жилой комнатой. Всюду у стѣнъ стояли досчечки съ этюдами; на окнахъ были навалены папки и альбомы; на стѣнахъ были прибиты куски холста безъ рамъ. Посрединѣ комнаты стоялъ мольбертъ, рядомъ съ нимъ табуретъ съ палитрой и кистями.

— Вотъ кто?—съ удивленіемъ воскликнулъ Бертышевъ, увидѣвъ сперва болѣе замѣтную фигуру въ пелеринкѣ, а затѣмъ и Скорбянскаго.—Но любопытно, что соединило два столь различныя существа?

— Что соединило?—промолвилъ Скорбянскій:—любовь. Любовь къ сему дому,—и онъ началъ разоблачаться.—А ты, кажется,

и самъ не знаешь, что твоя жена сегодня имянинница! Ну, здравствуй!—прибавилъ онъ, войдя въ комнату и цѣлуясь съ хозяиномъ.—А Вольтова я встрѣтилъ на Знаменской въ безплодныхъ поискахъ такой квартиры, за которую можно было бы не платить и его не гнали бы.

Вольтовъ только пожалъ руку хозяину. Онъ, очевидно, былъ не такъ близокъ въ этомъ домѣ, какъ Скорбянскій.

— Но гдѣ же царица бала?—воскликнулъ Скорбянскій и, смѣло отворивъ дверь въ другую комнату, вошелъ туда, какъ человѣкъ, принятый здѣсь запросто.

Оттуда послышалось: „а!" а затѣмъ успокоительный голосъ Скорбянскаго:—э, ничего, ничего! мы люди свои! выходите въ капотѣ.

И черезъ минуту Скорбянскій вышелъ въ мастерскую подъ руку съ Вѣрой Петровной. Потомъ онъ комически-торжественными шагами отправился въ переднюю и принесъ оттуда полуфунтовую коробку конфектъ.

— Это отъ двухъ нашихъ пламенныхъ сердецъ! Съ ангеломъ васъ, Вѣра Петровна! Вѣдь откуда притащились! Неужели вы этого не оцѣните и не дадите намъ по рюмкѣ водки? Ба, это что значитъ?—вдругъ воскликнулъ онъ, только теперь обративъ вниманіе на то, что Бертышевъ былъ въ черномъ сюртукѣ, который старался застегнуть на всѣ пуговицы.—Почему у тебя столь торжественный видъ? Кажется, у тебя нѣтъ начальства, которое ты обязанъ поздравлять!

— Ошибаетесь!—съ нескрываемой ироніей отвѣтила за него Вѣра Петровна:—У Владиміра есть начальство, да еще какое строгое!

— Я не поздравлять иду, Вѣра, ты это отлично знаешь!—очень серьезно возразилъ Бертышевъ.

— Но кстати и поздравишь? Я, впрочемъ, тебя не держу! Вѣдь у меня гости, мнѣ не будетъ скучно.

— Да что такое? куда? Какое начальство? Какія перемѣны произошли въ вашей жизни? Вѣдь мнѣ ничего неизвѣстно!—спрашивалъ Скорбянскій.—Въ самомъ дѣлѣ, Вольдемаръ,—ты взялъ какую-нибудь службу?

— Никакой службы... Что за глупости! Неужели я способенъ взять службу?

— Не вѣрьте ему, онъ на службѣ, на самой строгой службѣ...—сказала Вѣра Петровна.

— Ничего не понимаю!

— Вѣра говоритъ глупости. Я просто взялъ работу. Пишу портретъ...

— Чей?

— Дочери Спонтанѣева.

— А! Вотъ такъ штука! Спонтанѣевъ! Милліонеръ, нашъ

извѣстный меценатъ, Поликарпъ Спонтанѣевъ! Такъ это отлично! Можешь тысячи полторы слупить! Съ этого народа надо драть! Надѣюсь, ты не продешевилъ?

— Я не условливался.

— Простофиля! Такъ они тебя накроютъ, непремѣнно накроютъ.

— Какія глупости! При томъ же, согласись, что я не имѣю права говорить о цѣнѣ. Я ничѣмъ еще не выдвинулся... А Спонтанѣевъ столько дѣлаетъ для искусства...

— Что? Для искусства? Что же это онъ дѣлаетъ для искусства? Покупаетъ картины на выставкѣ? Галлерею устраиваетъ? И ты полагаешь, что это для искусства? Ахъ, наивная душа!.. Я никакъ не ожидалъ отъ тебя этого...

— Ну, не будемъ спорить, Матвѣй; я знаю твои взгляды. Мы не сойдемся...

— По моему,—сказалъ Вольтовъ, до сихъ поръ стоявшій у окна и внимательно просматривавшій альбомы:—по моему, этотъ Спонтанѣевъ приноситъ искусству вредъ.

Бертышевъ оглянулся на него и ничего не возразилъ. Вольтовъ опять погрузился въ альбомы.

— Чортъ возьми, мнѣ это не нравится: мы пришли къ твоей женѣ на имянины, а ты уходишь. Эка важность—портретъ! Кажется, могъ бы посидѣть съ нами... Портретъ подождетъ!—говорилъ Скорбянскій.

— Но я вернусь черезъ два часа и застану васъ: вѣдь вы у насъ обѣдаете, конечно?

— Положимъ, что такъ... Но все же...

Вѣра Петровна въ это время вышла и занялась приготовленіемъ закуски. Она никого не ждала сегодня; погода и разстояніе заставляли ее думать, что никому въ голову не придетъ тащиться такъ далеко. И тѣмъ больше она была тронута любезностью гостей.

Она промолвила изъ другой комнаты, звеня посудой:

— У него не жена только имянинница!..

— А кто же еще?

— А вы спросите его...

— Спрашиваю тебя! — промолвилъ Скорбянскій, обращаясь къ Бертышеву.

— У меня никого больше нѣтъ!—отвѣтилъ хозяинъ.

— Вотъ и разбери ихъ! Э, господа, у васъ тутъ какая-то семейная моль завелась.

— Вотъ, вотъ, именно моль! — говорила хозяйка. — Распросите-ка его хорошенько.

— Какіе, право, пустяки!—нѣсколько раздражаясь, сказалъ Бертышевъ.—Это просто совпаденіе, что Вѣра Поликарповна тоже

сегодня имянинница; но я вовсе не собираюсь никого поздравлять,—я просто дѣлаю свою работу, вотъ и все.

— Однако ты сердишься, это дурной признакъ!—отозвалась Вѣра Петровна.

— Эге! кто-то изъ васъ не правъ, господа... Ну, впрочемъ, послѣ разберемъ. А что? Водка серьезно будетъ?

— Идите сюда, здѣсь все готово! только пирогъ поспѣетъ минутъ черезъ десять!—пригласила Вѣра Петровна изъ сосѣдней комнаты.

— А, и пирогъ? И этотъ измѣнникъ хочетъ удрать отъ пирога? Но мы не пустимъ; не пустимъ тебя, Владиміръ Николаевичъ! большинствомъ голосовъ не пустимъ. Вольтовъ—да?

— Да!—сказалъ Вольтовъ разсѣянно.

— Вѣра Петровна—да?

— Да, да, конечно, да!

— Я не могу, господа; у меня краски высохнутъ...—возразилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Э, пустое! А ты ихъ промочи... Вотъ выпьемъ съ нами и такимъ образомъ промочишь.

— Я выпью, только пирога ждать не могу. У меня въ два часа назначенъ сеансъ.

Они перешли въ маленькую комнатку, гдѣ былъ накрытъ столъ. На столѣ была приготовлена уже водка и скромная закуска изъ селедки и колбасы; налили по рюмкѣ; Скорбянскій провозгласилъ здоровье Вѣры Петровны. Выпили, стали закусывать.

— Тебя звалъ Спонтанѣевъ въ эту пятницу?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ, обращаясь къ Скорбянскому.

— Посмѣлъ бы онъ меня не позвать! Вѣдь я талантъ, а онъ покровитель талантовъ; какъ же онъ смѣлъ не звать меня?—отвѣтилъ Скорбянскій.—А ты кланяйся ему и скажи, что я не приду.

— Почему же?

— А зачѣмъ я туда пойду? Что это за спеціально-талантливые вечера такіе? Вѣдь вотъ у него сегодня по случаю имянинъ инфанты навѣрно будетъ большой балъ, а не позвалъ онъ ни меня, ни тебя, ни Вольтова, ни прочихъ талантовъ... А позвалъ насъ въ пятницу, когда у него прилично-одѣтыхъ господъ не будетъ. Значитъ, добрые знакомые—одно, а таланты—другое. Онъ покровительствуетъ... Очень мнѣ нужно его покровительство... Вотъ Вольтовъ тоже талантъ и большой талантъ, не намъ съ тобой чета,—онъ своего Еруслана когда напишетъ, такъ громъ пойдетъ не только по Россіи, а и по всей вселенной; а у него не только мастерской нѣтъ, а даже переночивать негдѣ. А Вольтову Спонтанѣевъ тоже покровительствуетъ, по пятницамъ зоветъ,

поощряетъ. Вы, говоритъ, талантъ. Это у нихъ называется поощрить,—констатировать фактъ, что, молъ, талантъ. Чортъ бы побралъ ихъ, этихъ платоническихъ покровителей таланта! По моему, покровительствуешь, такъ помогай таланту развиваться. А то что? Онъ только себѣ имя дѣлаетъ этимъ покровительствомъ. Что онъ покупаетъ картины на выставкѣ, такъ вѣдь эти картины и безъ него продали бы, — не онъ, такъ другой. Эка важность! И картины онъ покупаетъ изъ тщеславія. Не дѣлай онъ этого, никто бы о немъ не говорилъ, такъ онъ и погибъ бы въ безвѣстности съ своими милліонами!

— Ты рѣшительно не правъ, Матвѣй Ивановичъ! Къ сожалѣнію, мнѣ некогда спорить съ тобой, я долженъ идти.

— Ты все-таки уходишь?

— Я не могу не пойти... Я тороплюсь окончить портретъ, потому что нужны деньги.

— Останься, Володя; ну, только сегодня останься!—попросила его Вѣра Петровна.

— Не могу, Вѣра. Я васъ застану еще здѣсь, господа, не правда ли?

— Да ужь на это смѣло можешь разсчитывать.

Владиміръ Николаевичъ торопливо началъ собираться, какъ будто боялся, чтобы его не задержали. Вѣра Петровна больше не сказала ему ни слова.

— Такъ кланяйся своему патрону и скажи, что талантливый беллетристъ Скорбянскій его покровительства не признаетъ и по пятницамъ украшать его салонъ не желаетъ. Такъ и скажи... Вѣдь не скажешь?

— Нѣтъ, не скажу, голубчикъ!—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ и ушелъ.

Вѣра Петровна печально посмотрѣла ему вслѣдъ и затѣмъ вышла къ дѣтямъ, которыя требовали ее.

Бертышевы были однолѣтки,—обоимъ было лѣтъ по двадцати пяти; тѣмъ не менѣе, они уже около пяти лѣтъ были женаты и нажили двоихъ дѣтей. Женитьба Владиміра Николаевича почти совпала съ пріѣздомъ его въ Петербургъ. „Въ Петербургѣ я не пробовалъ быть холостымъ“, говорилъ онъ по этому поводу. Художественныя наклонности привлекли его сюда. Академія манила его изъ далекой провинціи, гдѣ онъ учился въ гимназіи, учился скорѣе нетерпѣливо, чѣмъ усердно, такъ какъ его большіе успѣхи объяснялись не любовью къ наукамъ и ученію, а боязнью, какъ бы не засидѣться въ гимназіи на лишній годъ и такимъ образомъ не отдалиться отъ академіи. И во время гимназическаго ученія онъ, кое-какъ перебиваясь уроками, старательно занимался рисованіемъ.

Способности проявились у него въ дѣтствѣ и, что всего важнѣе, не получили уродливаго направленія. У него не было учителей, никто не направлялъ его руку, никто не заложилъ въ его душу основаній, которыя подчасъ пагубно вліяютъ на всю дальнѣйшую работу. Онъ какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что̀ именно правдиво и что фальшиво, и не спѣша работалъ карандашомъ, не увлекаясь блестящей перспективой поскорѣе стать художникомъ, заслужить похвалы земляковъ. Въ немъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ на ряду съ способностями жило чувство мѣры. Когда онъ думалъ о краскахъ, ему казалось, что онъ „не смѣетъ", что только академія можетъ допустить его къ этой высшей, по его мнѣнію, стадіи.

И вотъ съ аттестатомъ зрѣлости въ рукахъ, въ то время, какъ товарищи двинулись въ разные университеты, въ техническія заведенія, онъ прибылъ прямо на Васильевскій островъ и поступилъ въ академію.

Вѣра Петровна раньше его кончила гимназію и раньше пріѣхала въ Петербургъ. Она была уроженка того же города и ихъ романъ начался чуть ли не въ дѣтствѣ. По крайней мѣрѣ у обоихъ было такое сознаніе, что они всегда были близки. Никогда основаніемъ этого романа не была слишкомъ пылкая страсть. Они просто сжились другъ съ другомъ и не могли представить себя иначе, какъ вмѣстѣ.

Она училась въ Петербургѣ на курсахъ; но когда пріѣхалъ Владиміръ Николаевичъ, уже не гимназистомъ, а свободнымъ студентомъ академіи, то съ ихъ стороны было самымъ простымъ дѣломъ обвѣнчаться; а тамъ пошли дѣти и курсы остались въ сторонѣ.

И вотъ уже около пяти лѣтъ они живутъ вмѣстѣ. Сперва они помѣстились въ меблированныхъ комнатахъ въ центрѣ города. Средства у нихъ были самыя ничтожныя. Отъ родныхъ они не получали ничего, такъ такъ тѣ были бѣдны. Вѣра Петровна до пріѣзда Владиміра зарабатывала средства уроками, но теперь дѣти уже не позволяли ей этого. А Владиміръ—безъ связей, безъ достаточныхъ знакомствъ, могъ зарабатывать лишь самыя ничтожныя средства. При томъ же, ему приходилось отвлекаться отъ своей дѣятельности и давать уроки гимназическаго курса.

Но они боролись храбро, не унывая. Внутренняя жизнь ихъ была тихая, спокойная, разумная; это была жизнь двухъ людей, хорошо знающихъ другъ друга, привыкшихъ не только уважать другъ въ другѣ достоинства, но и извинять слабости.

Черезъ два года Владиміръ Николаевичъ уже почувствовалъ, что академія не удовлетворяетъ его и задерживаетъ его художественное развитіе. Явились новыя знакомства, а вмѣстѣ съ ними

и новыя идеи; взгляды его расширились и все это повліяло на него самымъ рѣшительнымъ образомъ. Случайно видѣлъ его работы одинъ извѣстный художникъ и сильно ободрилъ его.

— У васъ талантъ не академическій!—сказалъ художникъ,—а живой, жизненный талантъ; вы взяли уже отъ школы все, что она могла вамъ дать; теперь вашей школой могутъ быть только великія художественныя созданія, которыя вы найдете въ музеяхъ цѣлаго свѣта и, главное, сама жизнь, сама жизнь.

Владиміръ Николаевичъ оставилъ академію и началъ работать самостоятельно. Въ это время, благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ, ему открылся доступъ въ иллюстрированные журналы и онъ сталъ получать заказы. Обстоятельства ихъ улучшились. Они, наконецъ, могли разстаться съ ненавистными меблированными комнатами въ центрѣ города, гдѣ ихъ, въ глубинѣ души оставшихся провинціалами, страшно стѣснялъ назойливый шумъ столичной жизни, гдѣ имъ недоставало воздуха и простора. Они сняли квартиру въ отдаленномъ концѣ Васильевскаго острова, гдѣ и цѣны были доступны. Но долго, долго еще приходилось имъ перебиваться случайной работой.

Только въ послѣднее время, въ концѣ прошлаго сезона, Бертышеву удалось выставить картинку, которая хотя для публики прошла незамѣченной, но выдвинула его среди художниковъ. О немъ стали говорить, какъ о подающемъ надежды, поощряли его къ работѣ и между прочимъ указали на него извѣстному меценату Спонтанѣеву. Картинка была куплена, меценатъ далъ ему пустяки—двѣ сотни рублей, которыхъ хватило лишь на то, чтобы прибавить въ домѣ пару шкаповъ и нѣсколько стульевъ да купить дѣтямъ одежду. Но это окрылило Бертышева и Владиміръ Николаевичъ началъ работать съ новой энергіей. Картинка ввела его въ новый широкій кругъ знакомыхъ, дала ему пропускъ въ домъ Спонтанѣева, гдѣ каждую недѣлю собирались люди всевозможныхъ артистическихъ профессій: актеры, художники, литераторы, музыканты. А это уже былъ своего рода патентъ: въ домѣ Спонтанѣева бывали только таланты. Тутъ завязались новыя связи и будущее уже представлялось Владиміру Николаевичу въ розовомъ свѣтѣ.

А теперь, когда начался сезонъ, ему оказали высшее довѣріе и поручили писать портретъ Вѣры Поликарповны. Можетъ быть, его хотѣли только поддержать деликатнымъ образомъ, а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ его кисть считали интересной. Во всякомъ случаѣ въ извѣстномъ тѣсномъ кругу и это имѣло значеніе. На Владиміра Николаевича уже смотрѣли, какъ на настоящаго художника. Онъ отдался этой работѣ, разсчитывая выставить портретъ весной и думалъ, что съ этой выставкой будетъ связана

полная перемѣна въ его матеріальномъ положеніи. Онъ говорилъ Вѣрѣ Петровнѣ.

— Увидишь, Вѣра, послѣ этой выставки у насъ начнется новая жизнь. Бороться хорошо, благородно, вызвышенно, но, знаешь, меня ужъ начинаетъ утомлять эта борьба. Вѣдь бороться-то приходится все изъ пустяковъ, изъ-за мелочей. Бороться не за что-нибудь высокое, а за фунтъ мяса и хлѣба, за пару сапогъ. Бороться я хотѣлъ бы всю жизнь, потому что въ этомъ и состоитъ жизнь,—въ борьбѣ, вѣчной, неустанной борьбѣ, но за нѣчто такое, за что̀ можно душу положить!

Пока Вѣра Петровна возилась съ дѣтьми, Скорбянскій выпилъ еще одну рюмку водки, а затѣмъ сталъ мирно ждать хозяйку и пирогъ. Вольтовъ, наскоро закусивъ, опять перешелъ въ большую комнату и усердно досматривалъ альбомы. Это были толстыя тетради въ сѣрыхъ парусиновыхъ папкахъ. Въ нихъ безпорядочно были набросаны легкіе, почти всегда незаконченные эскизы карандашемъ. И вотъ отъ нихъ-то Вольтовъ не могъ оторвать глазъ.

— Что ты тамъ нашелъ любопытнаго?—спросилъ его Скорбянскій, сидя еще за столомъ.

— Много, очень много! Погляди, если у тебя есть глаза!—отвѣтилъ Вольтовъ.

— Да вѣдь для вашего искусства надо имѣть особые глаза!—сказалъ Скорбянскій и затѣмъ подошелъ къ окну, гдѣ лежали альбомы.—Ну, въ чемъ же тутъ вся соль?

— Не видишь? Вотъ присмотрись-ка къ этому мальчику, что сидитъ на тумбѣ.

— Ну, сидитъ на тумбѣ. Отлично сидитъ онъ на тумбѣ! Великолѣпно сидитъ! Что же изъ этого?

— Отлично, говоришь? Естественно? А?

— Какъ живой. Ну, такъ что же?

— Ты самъ говоришь—какъ живой?—переспросилъ Вольтовъ.

— Совершенно такъ, достопочтенный паръ!

— Вотъ то-то и есть! Ты — публика, ты вѣдь на картинѣ видишь, что сидитъ на тумбѣ живой мальчикъ и сидитъ онъ, какъ живой, и тебѣ ничего,—потому что это очень простая вещь и ты не понимаешь, что оттого-то именно, что это чрезвычайно простая вещь, ее и трудно изобразить живо и правдиво. Короля на тронѣ, окруженнаго свитой въ блестящихъ нарядахъ, гораздо легче изобразить, чѣмъ мальчика, сидящаго на тумбѣ. Понимаешь ли ты?

— Почему же, о горделивый духъ, ты думаешь, что я этого не понимаю? Очень даже хорошо понимаю, потому что то же самое испытываю и въ нашемъ словесномъ искусствѣ! Нѣтъ ничего

труднѣе, какъ описать простое, обыденное состояніе души. Звѣрское убійство, или тамъ самоотравленіе посредствомъ синильной кислоты всякій репортеръ опишетъ, и ничего, довольно живо выходитъ,—потому что тутъ яркія краски сами лѣзутъ всякому въ глаза... А вотъ опиши-ка, какъ старуха-нищая потеряла копѣйку серебромъ и это сдѣлало ее несчастной на цѣлую недѣлю,—такъ пусть-ка попробуетъ сдѣлать это хоть самый расталантливый репортеръ! Вотъ тутъ-то и нуженъ талантъ!

— Да, да, нуженъ талантъ... И есть онъ тутъ, много его тутъ, въ этихъ альбомахъ, и это такъ и пропадетъ ни за что. Развратится и погибнетъ!

— Да полно тебѣ мрачно пророчествовать, о злой духъ, о ядовитый паръ, исполненный губительныхъ міазмовъ! Съ чего это ты такъ? Чего ради ему гибнуть? Онъ только вотъ процвѣтать началъ, а ты:—погибнетъ!

— Процвѣтать! Это что жъ, съ портрета Вѣры Поликарповны процвѣтаніе его начнется?

— Ну, это между прочимъ. Если ему хорошо заплатятъ да портретъ выйдетъ удаченъ, его замѣтятъ, станутъ давать заказы...

— Да при чемъ же здѣсь искусство, скажи, пожалуйста? Вѣдь искусствомъ нельзя же называть умѣнье писать, технику, способность улавливать сходство! Искусство, — говорилъ Вольтовъ, очевидно, увлекаясь своими словами, и лицо его при этомъ оживилось, а глаза засіяли какимъ-то страннымъ свѣтомъ,—искусство должно имѣть передъ собой живую одухотворенную высокую цѣль, во имя которой оно творитъ...

— Но развѣ въ портретѣ, мой другъ, не можетъ быть творчества?

— О, старая сказка, которую выдумали старые жрецы искусства! Портретъ можно написать хорошо и дурно, бездарно и талантливо,—такъ что же изъ этого? Гдѣ же здѣсь творчество? Во имя чего, во имя какой идеи это творчество?

— Во имя искусства, чортъ возьми!

— Творить во имя искусства! Вотъ фраза, которой уже много лѣтъ пробавляются большіе и малые художники. Воду пьютъ для утоленія жажды, хлѣбъ ѣдятъ для утоленія голода, спятъ для возстановленія силъ, науку разрабатываютъ для расширенія ума, для улучшенія жизни; во всякой дѣятельности есть внѣшняя цѣль, соединяющая ее съ жизнью, только въ искусствѣ цѣль—само искусство...

— Ну, хорошо. Ты не признаешь портретовъ; но онъ пишетъ и картины.

— Какія это картины? Можетъ быть, эта?—онъ указалъ на небольшой холстъ безъ рамки, на которомъ была изображена

пріемная важнаго сановника.—Или эта?—онъ показалъ на другую картинку, совсѣмъ маленькую, гдѣ, въ видѣ этюда, была набросана фигура студента, погруженнаго въ лекціи передъ экзаменомъ.—Все это превосходно написано, живо, естественно, ярко, характерно! Но какая цѣль?

— Постой, постой! Уже я тебя перестаю понимать. Объяснись, мой другъ, объяснись.

— Господа, пирогъ простынетъ!—позвала ихъ изъ сосѣдней комнаты Вѣра Петровна.

— А, пирогъ! Но, знаете, Вѣра Петровна, этотъ длинный господинъ такія здѣсь вещи проповѣдуетъ, что едва ли и пирогъ можетъ примирить меня съ нимъ.

— Это Вольтовъ?

— Да кто же другой? Онъ, творецъ Еруслана,—въ будущемъ, впрочемъ. Онъ весь еще въ будущемъ Однако, пойдемъ, ибо пирогу стынуть не подобаетъ...

Пирогъ оказался чуднымъ, необыкновеннымъ пирогомъ, изъ котораго подымался ароматный паръ. Скорбянскій ѣлъ его, хвалилъ и въ то же время обращался къ Вольтову:—ну-съ, объясните, господинъ Вольтовъ, что вы собственно хотите сказать? Не полагаете ли вы, что, минуя вашего Еруслана, въ искуствѣ ничего создать невозможно?

— А что такое Еруслан?—спросила Вѣра Петровна.

— Пусть-ка онъ вамъ объяснитъ. Да ты выпей передъ пирогомъ-то, тогда и объяснительныя способности у тебя обострятся.

Вольтовъ выпилъ. Это была третья рюмка, а пилъ онъ вообще мало. Поэтому въ самомъ дѣлѣ щеки у него покраснѣли и глаза загорѣлись.

— Еруслан, это — народный герой. Я задумалъ рядъ картинъ—и это цѣль моей жизни, это должно наполнить всю мою жизнь... Рядъ картинъ, въ которыхъ героемъ явится Еруслан Лазаревичъ.

— Зачѣмъ же это?—очевидно, не понимая, промолвила Вѣра Петровна.

— Зачѣмъ? А затѣмъ, чтобы мои картины смотрѣлъ народъ, простой народъ,—мужикъ, извозчикъ, дровосѣкъ, носильщикъ,—смотрѣлъ и понималъ. Онъ Еруслана знаетъ и понимаетъ, онъ и меня черезъ Еруслана пойметъ. Я хочу говорить не съ кучкой утонченныхъ любителей изящныхъ искусствъ,—мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Среди нихъ я не желаю пропагандировать никакихъ идей, потому что они прекрасно знаютъ всякія идеи и привыкли къ нимъ, какъ кочегаръ привыкъ къ нестерпимому жару отъ печки, который всякаго другого способенъ убить. Я хочу говорить съ народомъ языкомъ, который онъ понимаетъ. Вотъ

эти всѣ пріемныя у важнаго сановника, студенты, готовящіеся къ экзамену, это—для народа китайскій языкъ. Ну, хорошо, пусть даже не народъ, а интеллигентъ смотритъ на этого студента, смотритъ часъ, смотритъ другой,—что же изъ этого? Прекрасно написано, великолѣпно написано! Честь и слава автору! Дать ему медаль, купить у него картину, заплатить большія деньги, великолѣпно! Но что же у него въ душѣ-то остается? Ровно ничего. Пріятное впечатлѣніе и только. Такъ для пріятнаго впечатлѣнія не стоитъ писать картинъ. Для этого просто достаточно взять прохладную или теплую ванну,—кто какъ любитъ. Надо, чтобъ картина подымала зрителя на версту надъ землей, чтобъ онъ отошелъ отъ нея перерожденный, если не весь, то хоть маленькой частицей своей души... Такъ надо писать картину, такъ надо писать книгу, такъ надо писать симфонію, все такъ надо писать, все такъ надо творить въ искусствѣ. А если кто не можетъ, не хочетъ, не умѣетъ такъ писать, то не надо вовсе; тотъ займись другимъ дѣломъ: торгуй, служи, что хочешь...

— Ого! Вотъ ты какъ! Вѣра Петровна, а вѣдь это благородно, то, что онъ говоритъ. Какъ вы находите, а?

Вѣра Петровна смотрѣла грустно и нѣсколько разсѣянно. Отсутствіе Владиміра Николаевича за столомъ, въ то время, какъ былъ поданъ ея имянинный пирогъ, почему-то въ этотъ разъ чувствовалось ею очень больно. Можетъ быть, она не хотѣла признаться себѣ въ истинѣ и объясняла это простой неловкостью передъ гостями, которые пришли издалека, а хозяинъ ушелъ. Но, кажется, истина была въ томъ, что въ домѣ, куда онъ ушелъ, была тоже имянинница. Она въ этомъ не сознавалась даже самой себѣ.

Она не отвѣтила на вопросъ Скорбянскаго, а вмѣсто этого спросила:

— Вы видѣли Вѣру Поликарповну?

— Спонтанѣеву? Ну какъ же! Имѣлъ счастье бесѣдовать съ нею о русской литературѣ.

— Она красива?

— Какъ вамъ сказать?.. Если бы меня одѣть у перваго портного, да все, знаете, въ шелковыя ткани первыхъ сортовъ—французскія да англійскія, такъ и я былъ бы красивъ. Ничего себѣ. Здорова, очень здорова. Голосъ звонкій, щеки румяныя; впрочемъ, не очень, въ мѣру, какъ слѣдуетъ!

— Я слышала, что она очень умна.

— Гм... Опять же вамъ скажу: есть у малороссовъ поговорка: и дурень кашу сваритъ, если ему дать сала, да муки, да пшена, да соли, да перцу... И разсудите, какъ же ей не быть умной, когда надъ ея головой всячески работали и профессора, и поэты,

и всякихъ умныхъ спеціальностей люди, которымъ денегъ платили, сколько угодно? Она всему училась: и математикѣ, и астрономіи, и философіи, и археологіи... Ну, словомъ, всему, чему хотите. Тутъ, знаете, и корова, если ее всему этому научить, стала бы умной. А что вамъ до ея ума? У васъ свой есть.

— Я глупая!

— Ну, вотъ еще—одна новость. Въ первый разъ слышу такое признаніе. Что же, была экспертиза? А? Кто же экспертъ?

— Нѣтъ, экспертизы не было, а только я глупая, глупая!

— Гм... И давно это?

— Нѣтъ, не очень. Прежде со мной можно было говорить о чемъ угодно, а теперь я ужъ не удовлетворяю... того не понимаю, этого. Это для меня слишкомъ отвлеченно, то слишкомъ символично, словомъ... Я глупа стала...

— Э, ну васъ... Не хочу даже понимать, на что вы намекаете. Это—настроеніе, не больше; имянинное настроеніе... Давайте вотъ лучше выпьемъ вишневки за ваше здоровье. А вы вотъ что, Вѣра Петровна, — у васъ, кажется, есть свободный уголъ въ той комнаткѣ, что направо?

— Есть!—отвѣтила Вѣра Петровна, взявъ себя въ руки и внутренно укоряя себя за только-что брошенные намеки, которые въ сущности и ей казались неосновательными.

— Ну, такъ вотъ: пріютите на недѣльку нашего друга, Вольтова. Онъ вѣдь паръ и немного мѣста займетъ. А тамъ, можетъ быть, судьба пошлетъ ему работу...

— Съ удовольствіемъ, Григорій Михайловичъ!—сказала она, обращаясь прямо къ Вольтову, — только вамъ далеко будетъ ходить.

— Да ему ходить-то некуда! Какъ только станетъ куда ходить, такъ онъ сейчасъ въ тѣ мѣста и переѣдетъ.

Вольтовъ смутился, но въ сущности былъ доволенъ. Послѣднія двѣ недѣли его положеніе было отвратительное и онъ измучился въ поискахъ занятій и въ войнѣ съ квартирной хозяйкой, которая не принимала никакихъ резоновъ.

Вѣра Петровна спросила Скорбянскаго о его домашнихъ дѣлахъ. Онъ затянулъ длинный разсказъ, сущность котораго сводилась къ тому, что дѣла его очень плохи; но это надо было выводить изъ разсказа, а передавалъ онъ все это въ такой веселой формѣ, какъ будто жизнь его была веселымъ водевилемъ. Въ дѣйствительности вся жизнь Скорбянскаго, у котораго на плечахъ была огромная семья, состоявшая не столько изъ его собственныхъ дѣтей, сколько изъ родственниковъ восходящихъ линій— его и жены—была очень тяжела. Онъ всѣхъ кормилъ своимъ перомъ и никому не жаловался и перо это скрипѣло въ его рукахъ

такъ же, какъ и его спина. У него было имя талантливаго беллетриста, но это имя заработалъ онъ однажды, лѣтъ десять тому назадъ, когда работалъ еще свободно, тогда ему удалось дѣйствительно создать нѣчто значительное. Послѣ того, въ продолженіе многихъ лѣтъ, талантъ его вспыхивалъ изрѣдка. А большею частью въ его работахъ были только занимательность, умъ и удобочитаемость. „Что вы теперь пишете, Матвѣй Ивановичъ?" спрашивали его знакомые, большею частью машинально, такъ какъ такимъ образомъ принято спрашивать, когда встрѣчаешь писателя или художника.—„Зарабатываю свой хлѣбъ!" отвѣчалъ на это Скорбянскій и больше не распространялся на эту тему.

И вообще не любилъ онъ говорить о своемъ писательствѣ. Его всегда огорчало, когда налаживалась эта тема. Онъ говорилъ: „пріятно поговорить о своихъ твореніяхъ, когда творишь свободно, подъ вліяніемъ неудержимой силы вдохновенія, которая влечетъ и пригвождаетъ тебя къ столу. Но когда работаешь, чтобъ заработать хлѣбъ, когда неудержимая сила есть сила нужды, необходимости, когда вдохновляетъ тебя забота о томъ, что надо платить за сына въ гимназію, а дочкѣ купить шляпку,—то такой разговоръ мучителенъ"...

Но никогда бодрость духа не покидала его. Всѣ свои невзгоды онъ и для себя самого и для другихъ, когда случалось говорить о нихъ, облекалъ въ такую форму, что и ему самому, и другимъ становилось весело.

Вѣра Петровна любила, когда Скорбянскій приходилъ къ нимъ. Если это случалось въ тяжелые дни, онъ разгонялъ всякую грусть, и то, что за минуту передъ этимъ представлялось невыносимо тяжелымъ, начинало казаться ничтожнымъ препятствіемъ.

Но на этотъ разъ она слушала его разсѣянно. Ея свѣтлые глаза смотрѣли въ неопредѣленное пространство, на всемъ лицѣ легла печать грусти и она казалась гораздо старше своихъ лѣтъ. Вообще, у нея было странное лицо: когда ей было весело и она смѣялась, оно казалось молодымъ, почти дѣтскимъ. Но какъ только радостное настроеніе покидало ее, тотчасъ она становилась старше на десять лѣтъ. Это было тѣмъ болѣе странно, что не было на этомъ лицѣ ни складокъ, ни морщинъ; только углы рта какъ-то опускались, подъ глазами выступала синева, носъ казался длиннѣе и во всемъ лицѣ появлялось выраженіе унынія; отъ нея вѣяло многолѣтнимъ опытомъ, котораго у нея въ сущности не было.

Скорбянскій все говорилъ, говорилъ. Онъ разсказалъ и о дочери, которая должна была не ходить въ гимназію, такъ какъ нельзя было заплатить за ученіе, и о сынѣ, у котораго вышелъ непріятный эпизодъ съ инспекторомъ, и о болѣзни жены, и о нянькѣ, напоившей въ порывѣ усердія грудного младенца виш-

невкой... Онъ весь состоялъ изъ семейныхъ заботъ. При томъ же онъ страстно любилъ свою семью и жилъ для нея. И только послѣ получасового разсказа онъ замѣтилъ, что глаза ея, какъ и мысли, заняты чѣмъ-то совсѣмъ другимъ.

— Э, да вы, кажется, меня и не слушаете!—промолвилъ онъ.

Она улыбнулась, точно сквозь сонъ.

— Нѣтъ, я слушаю, только... Простите, недостаточно внимательно.

— О чемъ же вы думаете?

— Такъ... Ничего особеннаго... Пустое.

Скорбянскій взглянулъ на нее и не повѣрилъ.

А она думала о томъ, о чемъ прежде никогда мысль не приходила ей въ голову и что въ послѣднее время часто, слишкомъ часто дѣлалось предметомъ ея думъ. Она думала о томъ, что теперь у нихъ въ домѣ не хватаетъ чего-то значительнаго, чего-то тонкаго, незамѣтнаго, но тѣмъ не менѣе ужасно важнаго, отчего прежде жизнь казалась прекрасной,—и въ то же время явилось что-то новое, тоже, повидимому, незамѣтное и ничтожное, настолько ничтожное, что никто, кромѣ ея самой, не въ состояніи его замѣтить, но тяжелое, мрачное, по временамъ убивающее всю храбрость, съ которой она до сихъ поръ боролась съ жизнью.

Было больше четырехъ часовъ, когда раздался звонокъ. Вѣра Петровна вздрогнула, но не двинулась съ мѣста, не пошла въ переднюю встрѣтить пришедшаго. Ей почему-то казалось, что во взглядѣ его она прочитаетъ нѣчто такое, что испортитъ ей остальной день.

II.

Огромный домъ Спонтанѣева былъ извѣстенъ большимъ количествомъ квартиръ и жильцовъ. Довольно угрюмо смотрѣлъ онъ на улицу своими многочисленными окнами стараго фасона, безъ карнизовъ, со множествомъ стеколъ. Выкрашенный въ свѣтлокоричневую краску, онъ отличался отъ другихъ домовъ на Офицерской улицѣ, невдалекѣ отъ опернаго театра. Населяли его большею частью люди средняго достатка, находя въ немъ и большія удобства, и сравнительно недорогія цѣны.

Купивъ старый домъ, Спонтанѣевъ передѣлалъ его внутри, согласно всѣмъ доступнымъ старому дому современнымъ требованіямъ, но внѣшней стороны не коснулся. Но жильцы знали, какими преимуществами обладаетъ этотъ домъ и держались его, а когда освобождалась квартира, брали ее съ бою.

Но самъ Спонтанѣевъ не жилъ въ этомъ домѣ. Для себя онъ выстроилъ двухъ-этажный особнякъ, красивый веселый домикъ, стоявшій рядомъ съ большимъ, и занималъ его весь.

Въ этотъ день, около двухъ часовъ дня, когда Владиміръ Николаевичъ приблизился къ дому на извозчикѣ, который везъ его убійственно долго, стояло нѣсколько каретъ. „Значитъ, въ самомъ дѣлѣ у нихъ гости,—подумалъ онъ,—а можетъ быть, мнѣ и не слѣдовало пріѣзжать?"

Но этотъ вопросъ былъ возбужденъ не сегодня. Вчера еще послѣ сеанса онъ спросилъ Вѣру Поликарповну, не будетъ ли она слишкомъ занята сегодня?

— Чѣмъ?—съ удивленіемъ спросила она.

— Вѣдь вы же завтра имянинница.

— Развѣ это занятіе?

— Конечно, нѣтъ, но къ вамъ, вѣроятно, пріѣдутъ...

— Я извинюсь. Во всякомъ случаѣ, вы будете работать, сколько вамъ надо. Нѣтъ, нѣтъ, я хочу видѣть васъ завтра!

— Въ такомъ случаѣ я приду; я непремѣнно приду.

И вотъ онъ пріѣхалъ. У швейцара былъ необыкновенно торжественный видъ. Это проявлялось не въ одеждѣ, которая всегда была у него праздничная, а въ выраженіи лица. Лицо это сіяло.

— У васъ гости?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Гости-съ. Собственно поздравить пріѣхали... А настоящіе гости будутъ вечеромъ. У насъ имянинница!

Владиміръ Николаевичъ поднялся по широкой, отлогой мраморной лѣстницѣ, устланной ковромъ, во второй этажъ, и пошелъ направо, гдѣ былъ большой залъ съ роялемъ и двумя рядами стульевъ, уставленныхъ вдоль стѣнъ. Здѣсь каждую пятницу лучшіе артисты играли и пѣли. Рядомъ была тоже большая комната, нѣчто вродѣ гостиной. Здѣсь стоялъ мольбертъ, такъ какъ комната временно была превращена въ мастерскую. Онъ писалъ въ ней портретъ Вѣры Поликарповны.

Теперь въ обѣихъ комнатахъ не было ни души и сюда не долеталъ ни одинъ звукъ. Спонтанѣевы жили на другой половинѣ, а отчасти въ нижнемъ этажѣ. Эти же комнаты оживлялись только по пятницамъ и то лишь до полуночи, когда все общество спускалось внизъ, гдѣ помѣщалась столовая. Тамъ, за обильнымъ ужиномъ съ хорошимъ виномъ, засиживались часовъ до трехъ.

Стѣны были увѣшаны картинами, изъ которыхъ каждую хорошо зналъ Владиміръ Николаевичъ, зналъ ея автора, исторію и сколько она была заплачена. Большею частью это были шедервы русскаго искусства, такъ какъ Спонтанѣевъ не пропускалъ ни одной выставки, чтобы не купить на ней нѣсколько выдающихся вещей.

Въ той комнатѣ, гдѣ стоялъ теперь мольбертъ, двѣ стѣны были заняты тяжелыми шкапами, наполненными книгами. Корешки чудныхъ переплетовъ выглядывали сквозь стеклянныя дверцы. Не мало здѣсь было обертокъ съ посвященіями отъ самихъ авторовъ.

При входѣ въ эту часть квартиры, гостя охватывало какое-то чувство уваженія къ художественному и литературному вкусу хозяина, такъ какъ все говорило здѣсь объ этомъ вкусѣ. И картины и книги были интересны, тѣ и другія останавливали на себѣ вниманіе.

Была еще одна комната, сравнительно небольшая, съ круглымъ столомъ посрединѣ, съ мягкими диванами по стѣнамъ. Столъ былъ заваленъ журналами и газетами. Сюда по пятницамъ заходили тѣ, кому надоѣдало слушать музыку и художественно-литературные споры. Здѣсь читали газеты и курили.

Владиміръ Николаевичъ осмотрѣлъ кисти, приготовилъ краски и затѣмъ приподнялъ легкое покрывало, висѣвшее надъ его работой. Это былъ небольшой холстъ, меньше аршина въ длину и ширину. Судя по тому, что уже теперь было на немъ изображено, можно было думать, что портретъ будетъ нѣсколько фантастическій. Голова была набросана эскизными мазками, сходство замѣчалось только въ глазахъ—свѣтлыхъ, веселыхъ, ясныхъ, но чуть-чуть неспокойныхъ, да въ овалѣ лица. Носъ также уже былъ намѣченъ; золотистые волосы вздымались высокой капризной прической, ротъ и подбородокъ еще утопали въ туманѣ неопредѣленныхъ красокъ. Словомъ, портретъ былъ въ той стадіи, когда о немъ еще нельзя было судить.

Владиміру Николаевичу пришла въ голову мысль: ловко ли съ его стороны то, что онъ пошелъ сюда, а не налѣво, чтобы поздравить имянинницу? Вѣдь въ сущности онъ долженъ былъ это сдѣлать. Вѣдь онъ бывалъ въ домѣ не только по пятницамъ; нерѣдко послѣ работы его приглашали внизъ на чашку чаю. Въ концѣ концовъ это просто невѣжливо, и онъ уже готовъ былъ идти туда, но вдругъ явилась новая мысль. „Однако, я сказалъ Вѣрѣ, что никого не собираюсь поздравлять!“ и эта мысль удержала его.

Если она придетъ сюда, какъ обѣщала вчера, то тогда онъ можетъ между прочимъ и поздравить ее. Но ходить спеціально за этимъ онъ не долженъ. Почему въ самомъ дѣлѣ? Если бы не было этой работы, онъ не пришелъ бы сюда вовсе. Знакомство ихъ слишкомъ невелико еще и слишкомъ неровны ихъ положенія. И онъ остался.

Онъ надавилъ пуговку звонка, явился лакей—съ такимъ же сіяющимъ видомъ, какой былъ у швейцара. Очевидно, въ этомъ домѣ всѣ чувствовали себя сегодня имянинниками.

— Пожалуйста, узнайте у Вѣры Поликарповны, будемъ ли мы сегодня работать?—сказалъ онъ лакею.

— Онѣ просили доложить, когда вы придете!—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, тѣмъ лучше. Такъ скажите!

Лакей ушелъ. „Вотъ, значитъ, я сдѣлалъ хорошо, что остался

здѣсь", подумалъ Бертышевъ. „Если она велѣла доложить о моемъ приходѣ сюда, значитъ—у нея не было даже мысли о томъ, что я могу придти туда. Въ сущности Матвѣй отчасти правъ. Это какое-то спеціально пятничное знакомство. Тамъ у него гости, настоящіе гости, а здѣсь покровительствуемые таланты. Онъ и домъ, очевидно, строилъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы эти двѣ половины никогда между собой не смѣшивались. Впрочемъ, это до меня въ настоящую минуту не касается. Я приглашенъ работать и работаю, вотъ и все".

Онъ въ сотый разъ внимательно разсматривалъ картины, висѣвшія на стѣнахъ. Здѣсь уже были у него свои любимцы, но были и такія, которыхъ онъ не признавалъ и никогда не подымалъ на нихъ глазъ.

Послышались легкіе шаги и шорохъ платья. Владиміръ Николаевичъ почувствовалъ, что чуть замѣтная краска прилила къ его щекамъ. Онъ повернулъ голову къ двери и издали разглядѣлъ, что Вѣра Поликарповна была въ той же кофточкѣ, которая такъ шла къ ней и въ которой она всегда являлась для портрета. И ея свѣтло-золотистые волосы были подхвачены кверху, какъ онъ писалъ ихъ. Значитъ, она готовилась къ сеансу.

Она быстро подошла къ нему,—стройная, гибкая, радостная, сіяющая. Довольство, ничѣмъ не смущаемое, полное, безконечное довольство свѣтилось въ ея глазахъ, во всемъ ея лицѣ, въ походкѣ, въ движеніяхъ, въ голосѣ, которымъ она привѣтствовала его.

— Я виновата передъ вами—заставила васъ ждать...

Она крѣпко пожала его руку.

— Но вы имянинница, значитъ—вамъ все прощается; поздравляю!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Спасибо. Пойдемте работать. Я у васъ украла двадцать минутъ.

Она произнесла это чрезвычайно просто и направилась въ мастерскую.

— Но вы, можетъ быть, должны быть тамъ?—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.—У васъ гости!

— Можетъ быть, и должна, но буду здѣсь.

— Вы жертвуете собой для искусства?—полушутя замѣтилъ онъ.

— Для тщеславія, вы хотите сказать? Мнѣ хочется, чтобъ вы поскорѣе кончили портретъ, чтобы онъ былъ удаченъ, чтобы онъ былъ блестящъ... Я хочу видѣть его на выставкѣ, то-есть, хочу себя видѣть на выставкѣ... Я знаю, что это тщеславіе самаго невысокаго сорта, но я такъ чувствую и говорю вамъ.

Она уже заняла свое обычное мѣсто въ креслѣ и слегка приподняла голову. Это была ея поза, которую она уже знала отлично. Бертышеву почти не приходилось дѣлать поправокъ.

— Я хорошо сижу?—спросила она.

— Какъ всегда—образцово!

— Я хорошая натурщица? не правда ли?

— На рѣдкость!

— Слава Богу, у меня отыскался хоть одинъ талантъ!

— Только одинъ?

— Только одинъ, Владиміръ Николаевичъ. Развѣ это неправда? У меня больше никакихъ талантовъ нѣтъ. Это было бы ничего, если бы я жила въ обыкновенной обстановкѣ, но у насъ домъ особенный. Эти стѣны видѣли такое множество талантовъ, что имъ, должно быть, нестерпимо скучно смотрѣть на такую вотъ бѣдную посредственность, какъ я.

— Я этого не нахожу.

— Я хотѣла бы, чтобы вы скорѣе были пристрастны, чѣмъ неискренни.

Владиміръ Николаевичъ началъ писать и ни слова не сказалъ на это. Но Вѣра Поликарповна не могла молчать во время сеанса. Она еще до начала ихъ работы выговорила себѣ право болтать.

— Вы не находите, Владиміръ Николаевичъ, что мой сегодняшній видъ не подходитъ къ общему тону портрета?—спросила она.

— А что? Я пишу волосы и потому этого не замѣчаю...

— Но вы не находите?

— До сихъ поръ—нѣтъ.

— Вы совсѣмъ не обращаете вниманія на натуру...

Онъ отошелъ отъ мольберта и внимательно взглянулъ на нее.

— Да, есть что-то новое. И знаете что?

— Скажите...

— Нѣтъ, я не скажу... Это не совсѣмъ-то.

Она разсмѣялась.

— Какъ глубоко сказано: „Это не совсѣмъ-то"... Но всетаки, Владиміръ Николаевичъ, надо сказать, что именно это и что именно то... И вы скажете...

— Вы думаете, что непремѣнно скажу?

— Непремѣнно скажете, потому что иначе я буду думать, что вы нашли во мнѣ что-то отталкивающее и некрасивое...

— Боже сохрани! Вы просто хотите меня поймать.

— Нѣтъ, я просто хочу, чтобъ вы сказали...

— Да видите ли... Когда я вошелъ сегодня сюда, то первое, что встрѣтилъ, это какое-то сіяніе на лицѣ швейцара; потомъ сюда пришелъ Иванъ и у него было тоже сіяніе... Теперь...

— Ахъ, и у меня такое же сіяніе! Нечего сказать, это очень любезно съ вашей стороны.

— Но я же сказалъ: это не совсѣмъ то...

— По крайней мѣрѣ хоть не совсѣмъ но постарайтесь же опредѣлить, что это. Ужь я теперь не могу успокоиться. Мнѣ все будетъ казаться, что швейцаръ, Иванъ и я проникнуты одинаковымъ чувствомъ; а это, согласитесь, не особенно лестно. Однако пишите, я не хочу вамъ мѣшать.

— Нѣтъ,—сказалъ Бертышевъ, опять принимаясь за работу,— я думаю, что разница здѣсь существенная. Вы сами испытываете чувство радости, потому что вы имянинница, героиня праздника, а швейцаръ и Иванъ, какъ вѣрные слуги, только отражаютъ вашу радость на своихъ лицахъ.

— Ха, ха, ха! это и хорошо, и зло. А я въ самомъ дѣлѣ испытываю чувство дѣтской радости.

— Потому что имянинница?

— Нѣтъ; но причина моей радости зависитъ отъ того, что я имянинница.

— Вамъ подарили новую куклу?

— Вотъ какъ! Вы уже болѣе, чѣмъ злы, и это меня огорчаетъ...

— Въ такомъ случаѣ простите.

— Взгляните, пожалуйста, на меня!—промолвила Вѣра Поликарповна, нѣсколько секундъ помолчавъ.

— Смотрю!—отвѣтилъ Бертышевъ, и дѣйствительно нѣсколько отклонился отъ мольберта и смотрѣлъ на нее.

— Вы видите, что меня это огорчило?

— Кажется. У васъ глаза затуманились.

— И это хорошо?

— Нѣтъ, не хорошо. И я...

— Ну?

— И я жалѣю и больше не буду.

Она засмѣялась. Ея лицо опять просвѣтлѣло.

— Но вы, кажется, не хотите знать причину моей дикой радости?—промолвила она.

— Я не имѣю права спрашивать объ этомъ, Вѣра Поликарповна.

— Я даю вамъ это право, Владиміръ Николаевичъ.

— Въ такомъ случаѣ я спрашиваю...

— Но знайте, что я скажу это только вамъ...

Въ ея голосѣ почуялось для него что-то серьезное. Онъ замѣчалъ и прежде, что это иногда съ ней бывало. Среди веселой болтовни, которая, какъ казалось, не имѣла другой цѣли, какъ пріятно провести время позировки, вдругъ какая-нибудь фраза, какое-нибудь слово, относившееся къ нему, прозвучитъ такъ, что надолго потомъ остается въ душѣ. Это и прежде всякій разъ производило на него какое-то тревожное дѣйствіе.

— Слушайте,—сказала она,—сегодня я стала богата.

— Вы? Но когда же вы были бѣдны?

— Всегда. Это мой отецъ былъ богатъ. Мнѣ дѣлали все, что было нужно для меня, дѣлали мнѣ лично,—одѣвали, учили, доставляли всевозможныя удовольствія. Но мои желанія, желанія, касающіяся остальнового міра, а не меня, я сама, безъ вмѣшательства другихъ, не могла осуществлять. Я не знаю, какъ вамъ объяснить это. Ну, вотъ, напримѣръ, недавно, ко мнѣ пришла одна дѣвушка,—ей надо было выходить замужъ, но не хватало тамъ на что-то денегъ и она просила всего триста рублей. Мнѣ захотѣлось помочь ей и я сказала отцу. Отецъ мой добръ, вы знаете,—онъ не скупъ, но... Все-таки вышла цѣлая исторія. Къ ней послали Погосскаго—знаете, секретарь у отца—разузнать, правда ли, что она нуждается и разслѣдовать, какъ и въ чемъ нуждается. Тотъ собралъ справки, сдѣлалъ какія-то выкладки и доказалъ, что ей довольно дать полтораста; ей и выдали полтораста. Это навѣрно было ей непріятно. Вы понимаете, что это уже не я сдѣлала. Впрочемъ, она все-таки была довольна; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ей было достаточно полтораста. Ну, однимъ словомъ, вы видите разницу. А теперь я сама буду все дѣлать. Какъ мнѣ захочется, такъ и будетъ.

— Какимъ же образомъ?

— Отецъ подарилъ мнѣ сегодня сто тысячъ въ мое полное распоряженіе. Но не на мои нужды, а на мои желанія... Правда, это хорошо?

— Это хорошо. Конечно, это хорошо...

— И я хочу васъ привлечь...

— Куда? зачѣмъ?

— Чего же вы испугались? Я хочу всегда съ вами совѣтоваться, понимаете? Я даю вамъ слово—безъ вашего совѣта не истратить ни одной копѣйки.

— Вѣра Поликарповна, знаете... Я не заслужилъ такого довѣрія,—слегка дрожащимъ голосомъ сказалъ Бертышевъ.

— Но вы тронуты?..

— О, да, безконечно!

— Мы заключаемъ союзъ?

— Я его подписываю.

— Давайте же руку!

Она протянула ему руку.

— Ну, теперь пишите, а то, право, я своей болтовней отняла у васъ все время; кажется весь часъ нашъ прошелъ.

— Нѣтъ, еще четверть часа...

Онъ началъ опять работать, но рука его уже не такъ твердо держала кисть. Это довѣріе, которое пришло такъ скоро, всего послѣ двухъ недѣль знакомства, волновало его. Онъ и раньше

бывалъ въ домѣ Спонтанѣевыхъ; но на этихъ пятничныхъ вечерахъ какъ-то не существовало личностей, а было какое-то общество талантовъ всѣхъ професій, все смѣшивалось, объединялось и трудно было выдвинуться на этомъ пестромъ фонѣ. Ему тогда ни разу не пришлось сказать съ хозяйской дочерью хоть пять словъ и собственно ихъ знакомство началось съ перваго сеанса, когда онъ сталъ писать ея портретъ. Кажется, и она впервые какъ слѣдуетъ разглядѣла его. Среди десятковъ разнохарактерныхъ лицъ и фигуръ, наполнявшихъ эти комнаты, при томъ всегда съ прибавкой нѣсколькихъ новыхъ, ей трудно было вглядѣться въ одно лицо. Она старалась быть любезной со всѣми, каждому по возможности сказать нѣсколько словъ, и къ концу вечера только утомлялась. Случалось, что ее хватало только до ужина и затѣмъ она, утомленная, уходила къ себѣ.

И когда отецъ пригласилъ Бертышева писать ея портретъ и онъ явился однажды на первый сеансъ, чтобы зарисовать ее углемъ, она встрѣтилась съ нимъ какъ будто съ новымъ знакомымъ. Ей онъ совершенно не былъ извѣстенъ. Видѣла она его на вечерахъ, но какъ бы въ туманѣ и едва замѣтила. И въ первую минуту на нее произвела сильное впечатлѣніе его статная фигура, въ которой все сложилось какъ-то гармонично: не слишкомъ высокій, но достаточный ростъ, крѣпкое, но не громоздкое сложеніе, мягкій баритональный голосъ, а въ особенности голова съ тонкими, слегка вьющимися русыми волосами, длинными прядями спускавшимися до шеи, съ строгими чертами лица, съ высокимъ бѣлымъ лбомъ и странными синими глазами, которые пристально всматривались въ нее. Его лицо не произвело на нее впечатлѣнія обычной красоты и нельзя было назвать его красивымъ; но въ немъ было что-то своеобразное, такъ рѣдко встрѣчающееся въ лицахъ, казавшихся ей удивительно похожими одно на другое.

Еще не поговоривъ съ нимъ десяти минутъ, она нашла, что на него просто даже глядѣть интересно, и съ перваго же дня эти сеансы стали притягивать ее къ себѣ. Просыпаясь утромъ, она тотчасъ же думала о томъ, что сегодня будетъ сеансъ и ждала его.

Впечатлѣнія Владиміра Николаевича были совсѣмъ другія. Ея наружность не остановила на себѣ его вниманія. Она была мила, лицо у нея было одно изъ тѣхъ, на которыя пріятно глядѣть— простое, привѣтливое, симпатичное. Задумавъ портретъ, онъ старался придать ему особый колоритъ, чтобъ сдѣлать это лицо интереснымъ. Но его поразила та необыкновенная легкость, съ которой она въ разговорѣ касалась самыхъ разнообразныхъ предметовъ, во всемъ чувствуя себя хозяйкой, обо всемъ говоря просто,

умно, съ видимымъ знаніемъ. Разносторонность ея ума, огромная начитанность—въ дѣвушкѣ, которой едва минуло двадцать одинъ годъ и при томъ дѣвушкѣ богатой, у которой во внѣшнихъ обстоятельствахъ не было причинъ къ добыванію знаній, сразу завоевали его вниманіе и онъ сталъ присматриваться къ ней, какъ къ новому для него явленію.

Съ каждымъ днемъ она интересовала его все больше и больше. Она представлялась ему необыкновенно живой натурой, съ богатыми душевными силами, дѣятельно откликавшимися на все, сколько-нибудь жизненное. Всѣ области умственной жизни, казалось, были ей свои, во всемъ она проявляла тонкій вкусъ, умѣла разыскать что-нибудь хорошее, важное, откапать душу у всякаго дѣла.

Иногда ему становилось неловко, когда она, коснувшись литературы, въ особенности европейской, съ большимъ знаніемъ говорила о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія, да и не могъ имѣть, такъ какъ даже не зналъ о ихъ существованіи. А она свободно читала по-англійски и по-итальянски, а теперь ее интересовала испанская литература, и она дѣятельно училась этому языку.

Но не оттого только, что ему оказали это незаслуженное довѣріе, Владиміръ Николаевичъ чувствовалъ эту нетвердость въ рукѣ, которая держала кисть. Онъ не могъ бы разсказать, какіе именно планы зароились въ его головѣ въ тотъ моментъ, когда Вѣра Поликарповна сообщила ему о подаркѣ отца. Но словно какая-то свѣтлая струя прошла черезъ его мозгъ и разбудила тамъ тысячу мечтаній, которыя чуть ли не съ дѣтства еще наполняли его голову. И сердце его забилось сильно отъ прилива какой-то радостной, отрадной теплоты.

Съ двѣнадцати-тринадцати лѣтъ, то-есть, съ момента, когда онъ началъ сознательно относиться къ жизни, онъ на каждомъ шагу видѣлъ людей, которые боролись съ жизнью и жизнь имъ не давалась, какъ ему казалось—благодаря такимъ ничтожнымъ пустякамъ, какъ недостатокъ въ нѣсколькихъ сотняхъ, рублей, и ему всегда страстно хотѣлось что-нибудь сдѣлать для такихъ людей. Отдать себя имъ въ жертву, работать для нихъ всю жизнь, чтобъ спасти ихъ отъ гибели. Но это были чисто дѣтскіе порывы; работа его ничего не стоила, это были только глупыя, хотя и благородныя, мечты. И люди гибли на его глазахъ и это съ дѣтства накладывало темный отпечатокъ на его, по натурѣ свѣтлую, душу. Особенно ярко всегда вставала въ его воображеніи семья казначея въ той гимназіи, гдѣ отецъ его служилъ надзирателемъ. Большая семья, ничтожное жалованье и вдобавокъ — у всѣхъ дѣтей странныя болѣзни, полученныя по наслѣдству отъ матери. Мать давно уже лежала, не вставая, съ постели. Нервная болѣзнь от-

няла у нея ноги; а дѣти всѣ страдали—кто нестерпимыми головными болями, кто припадками, кто порочными наклонностями. Это было какое-то роковое семейство, въ немъ постоянно случались несчастья. Старшій сынъ блестяще окончилъ технологическій институтъ и тотчасъ застрѣлился. Одна изъ дочерей была сговорена, была назначена свадьба и ея женихъ, ѣдучи къ нимъ изъ Москвы, попалъ на поѣздъ, который былъ разбитъ при столкновеніи, и ему оторвало ногу,—и много другихъ дикихъ несчастій было въ этой семьѣ. Старикъ отецъ, одинъ—здоровый человѣкъ въ семьѣ, съ упорной честностью гнулъ спину до шестидесяти лѣтъ, а тутъ, должно быть, не выдержалъ,—очень ужъ прикрутила его нужда — и вотъ вдругъ въ кассѣ оказался недочетъ,—не хватило какихъ-то трехъ тысячъ. Никогда Владиміръ Николаевичъ до такой степени не сознавалъ всю боль своего безсилія. Ему тогда было пятнадцать лѣтъ и онъ узналъ отъ своихъ, что если бы достать и внести эти деньги въ кассу, то семья казначея была бы спасена. И вотъ—когда ему хотѣлось разорваться, чтобъ заработать эти деньги. Но, конечно, онъ ничего не могъ добыть и никто не далъ ничего старому казначею. Его судили и всѣ больные члены этой семьи чуть ли не пошли по міру.

Да и здѣсь, въ Петербургѣ, на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ людей, которые гибли только оттого, что къ нимъ вовремя не приходила помощь, которыхъ было такъ легко спасти, и никто изъ окружающихъ ихъ людей не могъ спасти ихъ, потому что всѣ сами перебивались и нуждались.

И когда Вѣра Поликарповна такъ довѣрчиво позвала его сотрудничать въ такомъ дѣлѣ, то у него вдругъ на минуту мелькнула мысль, что вотъ открывается чистый источникъ, изъ котораго можно будетъ утолять жажду у людей, гибнущихъ отъ этой жажды. Эта мысль мелькнула на мгновеніе и освѣтила его лицо.

— Ну, что же вы молчите? Отчего вы не хотите радоваться со мною? — промолвила Вѣра Поликарповна. — Вы знаете, — это удивительно! Я такъ сжилась съ вами за эти двѣ недѣли, что мнѣ показалось дѣломъ простымъ и естественнымъ вамъ сказать объ этомъ и, можетъ быть, только вамъ одному. И у меня такое чувство, что я даже не имѣю права распорядиться этими деньгами одна, а только вдвоемъ съ вами... Правда, вѣдь это ничего? Это вовсе не значитъ, что я влюблена въ васъ! — прибавила она, смѣясь,—или что-нибудь подобное? Не правда ли, Владиміръ Николаевичъ?

— Безъ сомнѣнія, правда. И мнѣ только остается благодарить васъ, благодарить безъ конца!

— Но вы не сіяете?

— Развѣ нѣтъ?

— Постойте, я посмотрю на ваше лицо... Можно встать?

Она встала и подошла къ окну, а Бертышевъ повернулъ къ ней свое лицо и оно теперь было хорошо освѣщено.

— Да, вы сіяете... Въ глазахъ это есть. Я очень рада. Не довольно ли намъ на сегодня? Однако, вы кажется льстите мнѣ въ глазахъ! — прибавила она, разсматривая портретъ. — У меня вовсе не такіе красивые глаза.

— У васъ очень красивые глаза, Вѣра Поликарповна; я не льщу. Я вовсе не умѣю льстить въ краскахъ. Можетъ быть, это мой недостатокъ. Я слѣпо воспроизвожу природу.

— И такъ, на сегодня довольно! Все же таки я имянинница!

— Вамъ надо къ гостямъ?

— Ну, нѣтъ... У насъ еще есть десять минутъ, я имѣю право провести ихъ здѣсь. Вотъ что, Владиміръ Николаевичъ! подумайте и придумайте какое-нибудь хорошее начало.

— Для повѣсти? Я не беллетристъ.

— Нѣтъ, я не пишу повѣстей... Пробовала да не выходитъ. Нѣтъ, начало... Первую трату, первый расходъ изъ моихъ денегъ...

— Развѣ надо сейчасъ?

— Я хотѣла бы сегодня. Опять же: все-таки я имянинница... Придумайте. Ну, вотъ вы придумали, я это вижу по глазамъ.

— Да, да... Но вѣдь это такъ не трудно придумать... столько людей нуждается...

— Но нужно съ разборомъ, я думаю.

— Только съ не очень большимъ, Вѣра Поликарповна! Потому что этотъ разборъ иногда бываетъ неумѣстенъ...

— Такъ вы придумали?

— Конечно. Вы знаете Вольтова?

— Вольтова? Постойте, мнѣ надо вспомнить. Имя знакомое. Онъ у насъ бывалъ?

— Былъ нѣсколько разъ. Такой длинный, худой... Нѣсколько странная манера держаться.

— Ахъ, да, я припоминаю. Мнѣ отецъ что-то про него говорилъ... Что у него большой талантъ... Но, впрочемъ, у отца всѣ—большіе таланты. У него какія-то оригинальныя идеи, не правда ли? Какія это идеи?

— У него много идей, но это не важно; а важно то, что у него дѣйствительно огромный талантъ, но онъ не можетъ работать по заказу. Ему предлагали выгодную работу для иллюстрацій. Онъ отказался. Онъ говоритъ, что если идея для сюжета зародилась не у него въ душѣ, а у другого, у заказчика, то у него ничего не выйдетъ.

— Это оригинально, это очень оригинально!

— Да, это оригинально, но, благодаря этой оригинальности,

онъ сидитъ голодный и его гонятъ съ квартиры. Ужъ это совсѣмъ не оригинально. А между тѣмъ онъ задумалъ интересную картину, которая, если-бы онъ кончилъ ее къ выставкѣ, непремѣнно обратила бы на себя вниманіе и дала бы ему средства. Вотъ ему и помочь бы.

— Это хорошо. Такъ мы это сдѣлаемъ... Но какъ?

— О, это вопросъ второстепенный! Развѣ важно—какъ помочь? Надо только помочь. Я думаю, что ему надо помочь существенно.

— Что значитъ существенно?

— Чтобы онъ могъ жить и работать спокойно до тѣхъ поръ, пока кончитъ картину и продастъ ее.

— Ну, хорошо... Я не представляю себѣ этого. Я совсѣмъ ничего не представляю. Такъ вы ему скажите... Пусть онъ придетъ...

— Зачѣмъ же это, Вѣра Поликарповна?

— Какъ зачѣмъ? Я хочу поговорить съ нимъ... Тогда мы и рѣшимъ, сколько ему надо; а то вѣдь можно сдѣлать ошибку...

— Ахъ, не бойтесь ошибокъ, Вѣра Поликарповна. Въ этихъ дѣлахъ ошибки сдѣлать нельзя.

— Какъ нельзя?

— Если человѣкъ проситъ,—значитъ нуждается...

— Но часто бываетъ, что этимъ злоупотребляютъ. Есть люди, которые сдѣлали изъ этого занятіе, ремесло.

— Боже мой! какъ въ этихъ словахъ звучатъ отголоски того, что вы могли слышать отъ опытныхъ людей, знающихъ, что такое деньги, какъ онѣ добываются и какая имъ большая цѣна; а еще больше знающихъ, какъ высоко надо цѣнить каждое, сдѣланное ими доброе дѣло!—съ жаромъ воскликнулъ Владиміръ Николаевичъ и въ его синихъ глазахъ промелькнуло что-то, похожее на гнѣвъ. Онъ не замѣтилъ, какъ на лбу Вѣры Поликарповны появилась хмурая складка, и продолжалъ съ прежней горячностью.— Вы говорите занятіе, ремесло! Но неужели вы думаете, что это ремесло можетъ доставлять удовольствіе? Сдѣлать себѣ такое ремесло, уже это большое несчастье. Если человѣкъ можетъ заниматься такимъ ремесломъ,—значитъ онъ доведенъ до этого цѣлымъ рядомъ лишеній. Вы говорите о злоупотребленіи, вы боитесь, чтобы кто-нибудь не злоупотребилъ вашей добротой! Чтобы какой-нибудь бѣднякъ не оказался чуть-чуть побогаче другого бѣдняка; но развѣ вы не знаете, что пользоваться чужимъ благодѣяніемъ страшно тяжело? И что самый бѣдный и самый испорченный человѣкъ, при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ, всегда предпочтетъ работу подаянію...

— Какъ вы строго со мной говорите! Мнѣ кажется, что въ

эту минуту вы... Вы не уважаете меня!—произнесла Вѣра Поликарповна и въ глазахъ ея было выраженіе какого-то испуга.

— О зачѣмъ же вы такъ думаете? Вы пригласили меня... Какъ бы это сказать? Ну, въ сотрудники по вашимъ добрымъ дѣламъ. Значитъ, оказали довѣріе. Вотъ я и нашелъ возможнымъ говорить все, что думаю.

— Правда. Это хорошо. А мнѣ показалось... Ну, это пустое... Миръ!—Она опять протянула ему руку. А потомъ прибавила:—а все-таки пусть Вольтовъ придетъ! Мнѣ хочется получше съ нимъ познакомиться...

Владиміръ Николаевичъ сперва промолчалъ; послѣ ея замѣчанія ужъ онъ боялся, что слишкомъ откровеннымъ тономъ можетъ въ самомъ дѣлѣ оскорбить ее. Поэтому онъ возразилъ не сразу, и гораздо мягче, чѣмъ хотѣлъ:

— Вѣра Поликарповна! познакомиться съ нимъ вы успѣете потомъ. Это можно будетъ сдѣлать какъ-нибудь иначе. Но если онъ придетъ къ вамъ съ мыслью, что вы ему хотите помочь, то это будетъ плохое знакомство. Нѣтъ, нѣтъ, это правда! Вы подумайте объ этомъ и согласитесь со мной. Ему надо помочь какъ-нибудь проще.

— Какъ?

— Ну, вотъ какъ: онъ теперь сидитъ у меня. Вотъ и передать ему деньги.

— Такъ просто?.. Развѣ съ деньгами такъ просто обращаются?

Что-то холодное почувствовалъ Бертышевъ въ этихъ словахъ, и въ его отвѣтѣ тоже прозвучалъ холодъ.

— Да,—сказалъ онъ,—если вы хотите „обращаться съ деньгами“, то изъ этого, конечно, ничего не выйдетъ. Тутъ, мнѣ казалось, обращаться приходится не съ деньгами, деньги на второмъ планѣ, а съ человѣческой душой, которая очень щепетильна, тонко чувствуетъ и болѣзненно самолюбива... Ну, однимъ словомъ, мы это отложимъ, не правда ли? Отложимъ до тѣхъ поръ, пока согласимся въ этомъ вопросѣ. Если мы будемъ дѣйствовать вмѣстѣ, то надо, чтобы мы были согласны во взглядахъ, неправда ли, Вѣра Поликарповна? Ну, вотъ, я, кажется, обидѣлъ или огорчилъ васъ...

Она смотрѣла задумчиво, но какъ-то мимо него, въ окошко. Сіяніе уже сошло съ ея лица и даже ему показалось, что щеки слегка поблѣднѣли.

Ей было непріятно, что, такъ довѣрчиво объяснивъ ему свои добрыя желанія, и при томъ исключительно ему, она встрѣтила тотчасъ же съ его стороны отпоръ. Она даже не могла по существу ничего возразить противъ его мысли, но уже одно то, что онъ находилъ въ ея первыхъ дѣйствіяхъ что-то не такъ, какъ

слѣдуетъ, коробило ее. Ей казалось, что сообщеніе о ста тысячахъ и о ея желаніи употреблять ихъ исключительно на хорошія дѣла, должно было просто обрадовать его, вызвать съ его стороны похвалу, даже восторженность. А онъ съ жаромъ поучаетъ ее на тему о какихъ-то тонкихъ душахъ, находя ея взглядъ недостаточно гуманнымъ и, кажется, даже въ чемъ-то обвиняетъ ее.

— Я васъ обидѣлъ, Вѣра Поликарповна? — еще разъ спросилъ онъ.

Она отрицательно покачала головой.

— Огорчилъ, можетъ быть?

Она вдругъ, какъ бы сдѣлавъ надъ собой усиліе, прогнала облачныя мысли и просвѣтлѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, это пустое... И вы... вы правы! Видите ли, мнѣ теперь неудобно, но я хочу... Я хочу все-таки что-нибудь... что-нибудь начать... Такъ вы передайте, какъ хотите... Вы уже съумѣете сдѣлать это какъ-нибудь мягко... Дайте ему вотъ это... Ну, а потомъ... потомъ мы поговоримъ. Хорошо?

Она порылась въ карманѣ, достала бумажку и передала Бертышеву. Тотъ взялъ. Это была сторублевка.

— Хорошо!—сказалъ онъ.—Я передамъ. А завтра мы поговоримъ. Вамъ пора идти туда.

— Да, пора. До свиданья!

Она протянула ему руку.

— Слушайте, Владиміръ Николаевичъ, развѣ вы не придете сегодня къ намъ вечеромъ? У насъ будетъ народъ, я хотѣла бы, чтобы вы пришли...

— Спасибо... Но едва ли я смогу.

— Почему? Этимъ вы меня огорчите. Вы заняты?

— Нѣтъ... Пожалуй, да... Видите ли...

— Ну-те?

— У меня есть еще имянинница...

— Кто же это?

— Моя жена.

— А... Ну, да... Это причина. Такъ до свиданья!

И она какъ-то очень ужъ поспѣшно кивнуля ему головой и быстро пошла черезъ залъ по направленію къ двери, но на порогѣ остановилась и прибавила...

— А если... Если будетъ можно... то... Все-таки придете? Это мнѣ доставитъ удовольствіе.

Она не дождалась отвѣта и быстро исчезла. Ему показалось даже, что она убѣжала. Онъ взглянулъ на часы, было около трехъ. Онъ торопливо уложилъ на мѣсто кисти и краски, прикрылъ работу и вышелъ.

III.

— Батюшки! — воскликнулъ Скорбянскій при его появленіи въ домѣ.—Взгляните, какъ онъ усердно писалъ покровителей талантовъ! Не только руки, а даже и сюртукъ испачкалъ въ краскѣ!

Вѣра Петровна съ безпокойствомъ посмотрѣла на пятна.

— Единственный порядочный сюртукъ!—съ искреннимъ огорченіемъ сказала она.—Ты слишкомъ усердно пишешь этотъ портретъ.

— Э, пустое! — воскликнулъ Владиміръ Николаевичъ, и подойдя къ ней, поцѣловалъ ее въ щеку; и можно было замѣтить, что послѣ этого лицо Вѣры Петровны просвѣтлѣло; выраженіе грусти разомъ сошло съ него, и она даже не огорчилась пятнами на сюртукѣ. Впрочемъ, Владиміръ Николаевичъ сейчасъ же снялъ сюртукъ и надѣлъ старый пиджакъ въ которомъ обыкновенно бывалъ дома.

— А мы уже здѣсь выпили, захмелѣли и отрезвились, наѣлись и опять проголодались, такъ что готовы съ тобой и въ честь твою повторить то же самое! — промолвилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Я этому очень радъ, потому что страшно голоденъ!

— Ну, вотъ видишь! Пришелъ изъ дома, гдѣ богатыя имянины и, должно быть, совершенно необыкновенный, поразительный, упоительный пирогъ испекли, и голоденъ! А мы сидѣли въ самомъ скромномъ жилищѣ, гдѣ стѣны, можно сказать, сами себѣ служатъ собственнымъ украшеніемъ, и сыты по горло. Не слѣдуетъ ли отсюда выводъ, что ты долженъ покраснѣть?

— Я охотно краснѣю и вообще все готовъ сдѣлать охотно, потому что теперь уже буду до завтра сидѣть дома.

— Какъ? А на имянинный балъ развѣ не получилъ приглашенія?

— Получилъ, но не пойду.

Онъ сказалъ это твердо и увѣренно, можетъ быть, нарочно стараясь произнести это какъ можно громче и яснѣе. Въ это время онъ думалъ о высказанномъ Вѣрой Поликарповной желаніи, чтобы онъ былъ у нея сегодня вечеромъ. Но онъ много думалъ объ этомъ уже по дорогѣ и ему казалось, что это было бы незаслуженнымъ оскорбленіемъ для Вѣры. Онъ рѣшилъ остаться дома и ему нужно было это рѣшеніе произнести громко, передъ всѣми, чтобы не было возможности отступленія.

— А мы тебя здѣсь похоронили, мой милый!—доложилъ ему Матвѣй Ивановичъ.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Бертышевъ.

— Такъ. Вольтовъ опредѣлилъ, что изъ тебя ничего не выйдетъ. Приговоръ таковъ: „признавая, что художникъ Владиміръ

Бертышевъ, служащій вмѣстилищемъ огромнаго таланта, и не будучи даже въ состояніи довольно налюбоваться его эскизами, заключенными въ альбомъ; но принимая также во вниманіе, что, предавшись портретной живописи и изображенію буржуазнаго быта, онъ видимо извращаетъ свой художественный вкусъ и даетъ ложное направленіе таланту, приговорили: что изъ онаго художника Владиміра Бертышева ничего не выйдетъ".

— Покорно васъ благодарю, друзья мои! Все-таки хорошо, потому что это доказываетъ, что вы обо мнѣ думаете. А я, съ своей стороны, утверждаю, что этотъ вашъ приговоръ разобью въ пухъ и прахъ. А, вотъ чего я даже не ожидалъ! Это даже трогательно! Ай, да Вѣруня! Это ужъ просто баловство!

Вѣра Петровна въ это время вернулась изъ кухни и принесла небольшой круглый пирогъ, совсѣмъ горячій, только-что испеченный. Очевидно, этотъ пирогъ былъ сдѣланъ спеціально для него, можетъ быть, послѣ того, какъ онъ ушелъ къ Спонтанѣевымъ.

Владиміръ Николаевичъ былъ искренно тронутъ и въ душѣ горько упрекалъ себя за то, что могъ еще колебаться, провести ли ему вечеръ дома...

Удовлетворивъ голодъ, Владиміръ Николаевичъ вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— А знаешь, какой еще приговоръ состоялся въ твоемъ отсутствіи?—спросилъ его Скорбянскій.

— Ну?

— Господинъ Вольтовъ получилъ разрѣшеніе прожить недѣлю, а буде понадобится и больше, въ той маленькой комнаткѣ, которая у васъ стоитъ безъ дѣла.

— А, ну что жъ! Я очень радъ!

— Ты не злопамятенъ, я вижу.

— Напротивъ, я думаю мои дѣти такъ надоѣдятъ Вольтову своими криками, что онъ въ концѣ концовъ будетъ имѣть право считать это съ моей стороны местью.

Онъ прошелъ въ маленькую комнату и оттуда позвалъ.

— Ахъ, да, кстати, слушайте, Вольтовъ, войдите сюда на два слова.

— Я?—съ недовѣріемъ переспросилъ Вольтовъ.

— Да, да, пожалуйста на минуту!

Вольтовъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ поднялся и прошелъ къ нему. Владиміръ Николаевичъ тотчасъ притворилъ дверь.

— Слушайте, голубчикъ, вѣдь вамъ очень нужны деньги!

— Да, очень нужны!—просто отвѣтилъ Вольтовъ.

— Я вамъ досталъ сто рублей. Вотъ. А потомъ еще достану...

— Сто рублей? Вы достали?—Вольтовъ покраснѣлъ.—Какимъ образомъ вы могли достать для меня сто рублей?—Въ глазахъ у

Вольтова заблестѣли безпокойныя искры.—Сто рублей для меня достать невозможно!

— Почему же? Это вовсе не такія большія деньги, какъ вы думаете.

— Но что значитъ—достать?—продолжалъ Вольтовъ съ возрастающимъ волненіемъ.—У кого можно достать? Я не знаю такихъ людей...

— Но я знаю...

— Но, чтобы для меня достать, надо, чтобы я зналъ ихъ... Надо, чтобъ я уважалъ ихъ.

— Ну, вотъ видите... Вы сейчасъ ставите условія. Ну, представьте, что это мои деньги!

— У васъ не можетъ быть такихъ денегъ.

— Почему? Я пишу картину у богатыхъ людей.

— Вы ее только начали.

— Ну, такъ я взялъ впередъ.

— Да, это возможно... Только это неправда.

— Почему вы думаете, что неправда?

— Во-первыхъ, потому, что взять было бы неловко... А во-вторыхъ, я вижу это по глазамъ и по тону.

— Однако, какъ вы самоувѣренны!

Владиміръ Николаевичъ началъ раздражаться, но сдерживалъ себя. Онъ зналъ, что у Вольтова больное самолюбіе, да и самого его далеко не могъ считать здоровымъ; нервы у него были слишкомъ впечатлительны и чувствительны. Его надо было щадить.

— Ахъ, слушайте, Вольтовъ, неужели вы думаете, что я могъ бы безъ вашего согласія сдѣлать что-нибудь подобное отъ вашего имени? Да, это правда, что я не за портретъ взялъ. Мнѣ просто дали эти деньги, чтобы я помогъ какому-нибудь товарищу, вотъ и все. Я вамъ ихъ и предлагаю.

— Я не могу взять.

— Почему же?

— Я говорю вамъ, что не могу, не могу...

И въ голосѣ его уже клокотало какое-то болѣзненное раздраженіе. Разговоръ становился громкимъ. Скорбянскій слышалъ это и слышалъ послѣднія слова Вольтова.

— Чего это тамъ не можетъ Вольтовъ?—спросилъ онъ и пріотворилъ дверь.

Владиміръ Николаевичъ хотѣлъ сказать ему, чтобъ онъ не вмѣшивался, что они хотятъ поговорить вдвоемъ, но совершенно неожиданно для него Вольтовъ самъ выпалилъ:

— Мнѣ кто-то предлагаетъ милостыню въ сто рублей! Я не могу.

Скорбянскій опѣшилъ.

— Гм! милостыню въ сто рублей? Въ первый разъ слышу, чтобъ давали такую милостыню.

— Это все равно... я не могу... Копѣйка или тысяча рублей, это—рѣшительно безразлично, это имѣетъ одинаковое значеніе.

— Постой, постой! Экій упругій паръ! Скажите, пожалуйста! Я вижу, что ты порядочно-таки сгущенный паръ! Давайте ка, разберемъ это съ разсужденіемъ и съ душевнымъ спокойствіемъ. Пойдите сюда, здѣсь больше воздуха.

— Это безполезно!—сказалъ Вольтовъ, когда они вошли въ мастерскую.—Есть вещи, для которыхъ не существуетъ логики.

— Но однако, скажите пожалуйста, Вольтовъ, неужели вы отрицаете принципъ взаимной помощи?—спросилъ Бертышевъ голосомъ, въ которомъ слышалась досада.

— Взаимной? Нѣтъ, не отрицаю. Но какая же здѣсь взаимность? Владиміръ Николаевичъ взялъ деньги у господина Спонтанѣева, онъ богатъ, у него нѣсколько милліоновъ. Его дочь сегодня имянинница. Сердце его размякло тамъ отъ всякихъ поздравленій и ему захотѣлось совершить подвигъ. Вотъ онъ и совершилъ. Онъ торжественно сказалъ: Господинъ Бертышевъ, вотъ вамъ сто рублей, отдайте ихъ какому-нибудь бѣдному человѣку! и пожалуйста, прибавилъ онъ, сдѣлайте это такъ, чтобы я даже не зналъ его имени... Я великодушенъ. Гдѣ же тутъ взаимность? Во-первыхъ, я не знаю, когда отдамъ ему эти деньги, а во-вторыхъ, если и отдамъ, то мои сто рублей для него ничего не будутъ значить, тогда какъ эти сто рублей для меня значили бы очень много. Дайте вы мнѣ рубль или Скорбянскій или кто-нибудь изъ нашего круга, я съ удовольствіемъ возьму и спасибо скажу, а отъ Спонтанѣевыхъ,—нѣтъ, не желаю...

Въ это время вошла Вѣра Петровна; она слышала весь разговоръ. Она сказала:

— А я понимаю Вольтова! Если брать отъ нихъ деньги, отъ этихъ богатыхъ господъ, то они станутъ смотрѣть на васъ свысока!

— А теперь, вы полагаете, они какъ смотрятъ?—спросилъ Скорбянскій.

— Какъ бы тамъ ни смотрѣли, а все-таки они заискиваютъ у васъ. Они зовутъ васъ въ свой домъ и гордятся тѣмъ, что у нихъ бываютъ всѣ талантливые люди.

— Эхъ, господа, господа! во всемъ, что вы говорите, слышится мнѣ больное самолюбіе!—воскликнулъ Скорбянскій.—Я не поклонникъ господина Спонтанѣева и его единственной дщери. Но, съ другой стороны, чего же имъ въ зубы смотрѣть-то? Вѣдь это простая случайность, что милліоны у нихъ, а не у насъ. Я не возьму у нихъ денегъ, но это потому, что мнѣ онѣ не такъ

уже нужны, я могу обойтись, но если бы пришла крайняя крайность, то взялъ бы, ей-ей взялъ бы...

— У меня нѣтъ крайности!—отозвался Вольтовъ.

— Ну, да, у тебя не только крайности, но даже и квартиры нѣтъ...

— Ну, да, у меня нѣтъ квартиры и вотъ Вѣра Петровна предложила мнѣ комнату. Всегда, если есть добрые друзья, найдется у другого то, чего у меня нѣтъ. Пропасть нельзя, гдѣ есть люди. Нѣтъ, пожалуйста, эти сто рублей отдайте кому-нибудь другому.

Владиміръ Николаевичъ ничего не сказалъ на это; онъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ. Онъ упрекалъ себя и за то, что не съумѣлъ достаточно ловко предложить Вольтову эти деньги, и за то, что онъ передъ Вѣрой Поликарповной назвалъ его имя. Не слѣдовало этого дѣлать безъ его согласія. Но онъ никакъ не ожидалъ, что тотъ окажется до такой степени щепетильнымъ.

Стало темнѣть. Зажгли свѣчи. Эпизодъ съ Вольтовымъ нѣсколько омрачилъ общее настроеніе. Разговоръ сдѣлался вялымъ. Часовъ въ шесть сѣли обѣдать, но ни у кого не было аппетита, такъ какъ всѣ поѣли много пирога.

Владиміръ Николаевичъ былъ хмурый. Онъ все никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о ста рубляхъ, объ этомъ дебютѣ Вѣры Поликарповны, оказавшемся столь неудачнымъ. Притомъ же у него онъ не выходилъ изъ головы ихъ утренній разговоръ. Ничего опредѣленнаго не могъ сказать противъ желанія Вѣры Поликарповны самой во все входить, самой провѣрять обстоятельства въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится помогать. Она получила въ руки крупную сумму и ей хочется воочію видѣть результаты ея добрыхъ дѣйствій. Въ ней просто говоритъ неопытность въ этихъ дѣлахъ. Нельзя же не считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что она всегда была богата и сама не испытала нужды. Она не можетъ знать психологіи нужды и этого нельзя отъ нея требовать. Но это придетъ; надо, чтобъ было главное—искреннее желаніе и, быть можетъ, еще болѣе главное—деньги... Свободныя сто тысячъ, единственное назначеніе которыхъ дѣлать добро, вѣдь это такое богатство! Обыкновенно, богатые люди, желая благотворить, выдѣляютъ частицу денегъ отъ своихъ дѣловыхъ средствъ. Добрымъ дѣламъ всегда приходится ждать, когда будетъ отъ нихъ остатокъ. А тутъ для нихъ назначена опредѣленная и довольно большая сумма.

Вольтовъ сидѣлъ какой-то подавленный. Его болѣзненное самолюбіе было сильно задѣто. Его, правда, не особенно мучило положеніе человѣка, у котораго нѣтъ ничего опредѣленнаго, который не знаетъ, какъ проживетъ завтрашній день, но все же

ему было непріятно, что онъ дѣлается предметомъ благотворительности.

Вольтовъ пріѣхалъ въ Петербургъ позже Бертышева, года три тому назадъ. Они встрѣтились въ академіи. Владиміръ Николаевичъ былъ тогда еще довольно исправнымъ студентомъ, но больше по внѣшности; въ душѣ его уже завелся червь сомнѣнія и разочарованія. Въ академіи уже носились новыя вѣянія, говорили о перемѣнахъ, о новыхъ профессорахъ, но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее засталъ, она мало удовлетворяла живое пытливое дарованіе.

Вольтовъ при первой же встрѣчѣ поразилъ его необыкновенной опредѣленностью своихъ взглядовъ. Онъ явился разъ и другой, и третій, и уже послѣ третьяго раза сказалъ:

— Это никуда не годится.

— Какъ не годится? почему?—спросилъ его Владиміръ Николаевичъ.

— Потому что это стѣсняетъ. Меня хотятъ связать по рукамъ и ногамъ и затѣмъ требуютъ отъ меня работы, творчества! Это все равно, что птицѣ перевязать нитками ноги и крылья и гнать ее, чтобъ она летѣла.

— Но, чтобы творить, надо научиться работать, надо усвоить технику дѣла!

— Конечно, надо, но для художника, для искусства, гдѣ каждый шагъ достигается чутьемъ, полусознательнымъ откровеніемъ, не можетъ быть общей школы. Каждый учится сообразно своей индивидуальности. Одинъ, по свойствамъ своей индивидуальности, можетъ только такъ научиться, то-есть, усваивая пріемы профессора, другой только присматриваясь къ замѣчательнымъ созданіямъ, третій добываетъ пріемы изъ себя, изъ своей души. Вы знаете, какъ, напримѣръ, я учился? Мнѣ никто не показывалъ ни одного пріема. Я только каждый день ходилъ въ маленькій музей въ нашемъ губернскомъ городѣ, гдѣ было полдесятка картинъ, и смотрѣлъ на нихъ; остальное я взялъ чутьемъ. Я просто почувствовалъ перспективу и долго не могъ объяснить себѣ, что и почему я дѣлаю! Зайдемте ко мнѣ, я вамъ покажу исторію моего ученія.

Бертышевъ зашелъ, такъ какъ Вольтовъ заинтересовалъ его. Прежде всего онъ поразился условіями его жизни. Онъ жилъ буквально на чердакѣ двухъэтажнаго деревяннаго дома, на Выборгской сторонѣ. Чердакъ стоялъ пустой; Вольтовъ шелъ мимо дома и увидѣлъ трехугольное окошечко, выходившее на улицу. Онъ поговорилъ съ дворникомъ и получилъ квартиру за рубль въ мѣсяцъ. Онъ вставилъ трехугольное стекло, спалъ на доскахъ и сидѣлъ на единственномъ табуретѣ, который позаимствовалъ у того же дворника.

Но такъ жить можно было только въ сентябрѣ, а съ октября уже начались холода и съ того времени для Вольтова пошли скитанія. Его гнали съ квартиръ, часто онъ ночевалъ у товарищей, а лѣтомъ гдѣ-нибудь въ лѣсу за городомъ. Ему нравилась эта жизнь, но здоровье его, и безъ того плохое, страдало отъ этого. У него не было ни души родныхъ. Единственный родственникъ, какой-то дядя, который состоялъ дьячкомъ въ селѣ, ничего не могъ присылать ему.

Бертышевъ зашелъ къ нему на чердакъ и Вольтовъ показалъ ему въ самомъ дѣлѣ любопытную коллекцію. Цѣлый сундукъ былъ набитъ рисунками, сначала карандашемъ, а потомъ и красками. На самыхъ давнихъ видна была еще дѣтская рука, но можно было прослѣдить послѣдовательно, какъ линіи округлялись, какъ рука становилась тверже и во всѣхъ, даже самыхъ раннихъ и неуклюжихъ, нелѣпыхъ рисункахъ проглядывало дарованіе. Во всемъ было что-нибудь характерное, что-нибудь свое.

Былъ цѣлый отдѣлъ рисунковъ, на которыхъ лежала печать церковнаго вліянія.

— Это было года четыре назадъ,—пояснялъ Вольтовъ,—я тогда переживалъ религіозный кризисъ. Я каждый день посѣщалъ нашу семинарскую церковь, подолгу смотрѣлъ на иконы и все онѣ меня не удовлетворяли. Я смотрѣлъ на изображеніе Богоматери и Христа и видѣлъ, что это не такъ, и мнѣ казалось, что я чувствую въ душѣ своей истинные образы... И я ихъ чувствовалъ, я ихъ дѣйствительно чувствовалъ... И я приходилъ домой и лихорадочно набрасывалъ то, что было въ моей душѣ. Но, конечно, я не достигалъ того, о чемъ мечталъ... А вотъ это началось всего годъ тому назадъ.

И онъ показалъ цѣлую кучу рисунковъ, имѣвшихъ отношеніе къ задуманному имъ Еруслану. Идея о Еруслан҃ѣ давно уже засѣла въ его головѣ, онъ привезъ ее съ собою въ Петербургъ. Идея эта всѣмъ казалась странной. Странно было посвятить ей всю жизнь. А Вольтовъ именно такъ смотрѣлъ на дѣло.

— Что жь толку, если мы будемъ писать картины? — говорилъ онъ.—Сегодня написалъ на сюжетъ о томъ, какъ „она его ждетъ“, завтра какъ „онъ ждетъ ее“, потомъ какъ она, изнывая отъ любви по немъ, отравляется, а потомъ, какъ онъ стрѣляется. Черезъ годъ—сѣнокосъ, черезъ два—пахарь на нивѣ... а тамъ и жизнь прошла, и ты разсыпалъ свое дарованіе по кусочкамъ и не оставилъ по себѣ ничего цѣльнаго, ничего такого, что кровно было бы связано съ твоимъ существованіемъ. Въ одной гостиной виситъ то, въ другой это, что-нибудь въ музеѣ, что-нибудь у старьевщика. Нѣтъ, художникъ долженъ создать поэму, вся работа его жизни должна быть только частями этой поэмы.

Какъ жизнь отдѣльной души есть нѣчто цѣльное, такъ и работа художника должна быть цѣльнымъ дѣломъ. Тогда уже нельзя будетъ разбрасывать картинъ—одна туда, другая туда; тогда останется послѣ художника памятникъ, останется его душа, его вѣра,—въ поэмѣ, созданной посредствомъ красокъ; а то вѣдь, знаете, мы, художники, точно живемъ безъ вѣры, безъ идеи... Такъ, по крайней мѣрѣ, могутъ думать о насъ потомки... Какая вѣра—подъ вѣрой я разумѣю глубокое цѣльное настроеніе, проникающее все наше существо—какая вѣра выражается въ этихъ тысячахъ пейзажей, маринъ, жанровъ печальныхъ и веселыхъ, портретовъ, сценъ и прочее? Въ каждой картинѣ чувствуется, что художникъ думалъ о томъ, какъ онъ продастъ ее, всякій разъ искалъ сюжета поинтереснѣе, позаманчивѣе, примѣнялся къ требованіямъ рынковъ, къ требованіямъ современнаго вкуса.

И онъ развивалъ свою идею Еруслана, развивалъ съ увлеченіемъ и слушатель невольно заражался его горячностью. Самъ онъ по рожденію происходилъ, если и не прямо изъ народа, то изъ сословія, всегда близко стоявшаго къ народу. Его отецъ былъ сельскій дьяконъ. Дѣтство свое онъ провелъ въ селѣ, потомъ учился въ семинаріи, но, увидѣвъ безплодность для себя всѣхъ этихъ наукъ, которыя проходились тамъ, и не разсчитывая дѣлать духовную карьеру, за годъ до окончанія курса онъ оставилъ семинарію и сталъ жить у бѣднаго дяди. Здѣсь онъ занимался живописью. Дядѣ было трудно кормить его, но онъ нашелъ себѣ работу. Въ селѣ строилась церковь. Вольтовъ взялся расписать ее и сдѣлалъ это такъ, что прихожане благодарили его цѣлымъ міромъ. Пріѣзжалъ смотрѣть благочинный и видѣлъ самъ архіерей, когда святилъ церковь, и тоже хвалилъ, и за усердіе и талантъ, предложилъ Вольтову, не смотря на неокончаніе курса, дать хорошій приходъ и сдѣлать священникомъ.

Но Вольтовъ поблагодарилъ и отказался. Онъ мечталъ о поѣздкѣ въ Петербургъ, въ академію, а денегъ у него не было и взять ни откуда нельзя было. За украшеніе церкви ему ничего не заплатили. Церковь строилась на сборныя деньги и лишнихъ не было.

И вотъ однажды — это было въ концѣ іюля — онъ собралъ свои рисунки въ сундукъ, подобралъ кое-какія вещи изъ своего скуднаго туалета и объявилъ дядѣ, что рѣшился ѣхать.

— Куда?—спросилъ его дядя.—На какой рожонъ ты поѣдешь?

— Какъ-нибудь доберусь. Вѣдь на мѣстѣ стоять нельзя. Ну, вотъ на станцію меня свезетъ Пахомъ (мужикъ который собирался ѣхать на станцію). А тамъ я буду сидѣть день, другой, третій, замѣтятъ же меня, наконецъ, и поймутъ, что такъ чело-

*

вѣку сидѣть нельзя и повезутъ дальше. Хоть на локомотивѣ, да повезутъ.

Дядя отговаривалъ его, но потомъ махнулъ рукой.

— Ну, поѣзжай съ Богомъ. А только я тебѣ ничѣмъ не могу помочь. Вотъ, пожалуй, возьми два цѣлковыхъ на прокормъ. Не на долго этого хватитъ.

И Вольтовъ взвалилъ свой сундукъ на телѣгу Пахома и поѣхалъ. Такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. На многихъ станціяхъ пришлось ему просиживать не одинъ день; но все-таки въ концѣ концовъ его куда-нибудь сажали и везли. Ѣхалъ онъ изъ Самарской губерніи до Петербурга полтора мѣсяца, но все-же таки доѣхалъ.

Послѣ трехъ посѣщеній академіи онъ больше уже не пришелъ въ нее. За то каждый день въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ходилъ онъ въ Эрмитажъ и ходилъ по своему. Онъ только два раза сдѣлалъ общій осмотръ, какъ дѣлаютъ всѣ посѣтители, а затѣмъ составилъ планъ. Каждый разъ онъ избиралъ двѣ - три картины, которыя казались ему чѣмъ-нибудь связанными между собой, и изучалъ ихъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, изучалъ каждую мелочь, добивался объясненія того или другого пріема и, когда ему все было ясно, переходилъ къ другимъ, по своему плану. Такимъ образомъ онъ учился.

Ему трудно было существовать. Работалъ онъ много, но всѣ его работы были связаны однимъ планомъ, одной идеей и рѣдкая работа могла имѣть самостоятельное значеніе. Если такая удавалась, онъ предлагалъ ее магазинамъ, заносилъ въ журналъ и изрѣдка продавалъ. Случалось, что частное лицо покупало у него какую-нибудь картинку. Такимъ образомъ онъ перебивался.

На выставкахъ онъ не фигурировалъ ни разу. Въ мірѣ художниковъ его знали и общее мнѣніе было таково, что у Вольтова большое дарованіе, но что онъ, благодаря своему странному характеру и страннымъ идеямъ, никогда ничего не добьется. И на него смотрѣли, какъ на отпѣтаго. Но самъ онъ, сколько его ни убѣждали, не сдавался и упорно настаивалъ на своемъ.

Можетъ быть, и Владиміръ Николаевичъ оставилъ академію до извѣстной степени подъ вліяніемъ Вольтова. Самъ онъ еще сомнѣвался и колебался, но рѣшительность Вольтова увлекла его и онъ скоро пересталъ посѣщать Alma mater. Но его судьба сложилась иначе. Онъ работалъ, какъ всѣ; два года уже выставлялъ, вращался въ томъ кругу, который дѣлаетъ для художника извѣстность и въ этомъ году уже совсѣмъ разсчитывалъ стать на ноги.

Часовъ въ девять, когда на улицѣ установилась недурная погода, дождь пересталъ лить и небо прояснилось, раздался звонокъ и явились новые гости: молодой человѣкъ въ мундирѣ универси-

тетскаго студента, смуглый, съ черными курчавыми волосами, по фамиліи Бурциловъ; съ нимъ дѣвушка съ такимъ же смуглымъ лицомъ и тоже курчавыми волосами, очень похожая на него, его сестра, учившаяся на курсахъ, и пожилой господинъ—ихъ дядя, не принадлежавшій ни къ ученому, ни къ художественному міру, а просто торговавшій въ провинціи хлѣбомъ.

Всѣ они были изъ одного города съ Бертышевыми. Бурциловы жили на Васильевскомъ островѣ, а дядя ихъ пріѣхалъ на нѣсколько дней по своимъ торговымъ дѣламъ. Раздались привѣтственныя восклицанія, зажгли еще нѣсколько свѣчей, появился самоваръ, варенье, сухари, а провинціальный дядя принесъ съ собой бутылку коньяку, которую тоже поставили на столъ.

Вечеръ прошелъ въ веселой бесѣдѣ, гости ушли далеко послѣ полуночи. Ушелъ и Скорбянскій, шутливо укоряя Вѣру Петровну за то, что ему изъ за нея приходится совершать пятиверстное путешествіе въ глухую полночь.

— А вы оставайтесь ночевать!—предложила Вѣра Петровна:— вмѣстѣ съ Вольтовымъ и помѣстимъ васъ.

— Я-то? Ночевать? Да я ни разу въ жизни не ночевалъ не дома. Да моя Марфуша (такъ звали его жену) всѣ полицейскіе участки обѣгаетъ и всю ночь не будетъ спать. За что же вы хотите утомлять бѣдную женщину?

И онъ ушелъ, а Вольтовъ помѣстился въ маленькой комнаткѣ.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУДОЛЬФЪ ВИРХОВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ, НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

I.

Дѣтство Вирхова.—Гимназія въ Кеслинѣ.—Медико-хиругическій институтъ Фридриха-Вильгельма.—Новыя теченія въ германской медицинѣ.—Университетскіе преподаватели Вирхова.—Физіологъ Іоганнъ Мюллеръ.—Клиницистъ Шенлейнъ.—Докторская диссертація.

Желѣзнодорожная линія Данцигъ-Штетинъ прорѣзываетъ маленькій городокъ прусской провинціи Помераніи, Шифельбейнъ (Schievelbein). Въ этомъ-то городкѣ и родился 13 октября 1821 года одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей современной медицинской науки — Рудольфъ Вирховъ.

Рудольфъ Вирховъ, или полнымъ именемъ Рудольфъ-Людвигъ-Карлъ Вирховъ происходитъ изъ небогатой купеческой семьи. Отецъ его, Карлъ Вирховъ, занимался торговлей въ Шифельбейнѣ.

Дѣтство Вирховъ провелъ въ родномъ городкѣ, гдѣ посѣщалъ народную школу, а затѣмъ, послѣ дополнительной домашней подготовки, поступилъ 13-ти лѣтъ въ классическую гимназію въ Кеслинѣ. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ, уже рано сказавшимся, Вирховъ при поступленіи въ гимназію обладалъ для своихъ лѣтъ очень основательными познаніями въ древнихъ языкахъ, въ особенности въ латинскомъ. Знаніе латыни пріобрѣло ему благосклонность директора кеслинской гимназіи, Отто Мюллера, большого знатока латинскихъ классиковъ. Напротивъ того, преподаватель греческаго языка, нѣкій Грибенъ, не взлюбилъ Вирхова, не смотря на его не менѣе хорошую подготовку и по этому предмету. Занимавшійся съ Вирховымъ греческимъ языкомъ въ Шифельбейнѣ второй проповѣдникъ городка, былъ принципіально противъ заучиванія наизусть грамматическихъ правилъ, а старался, чтобы мальчикъ усвоилъ себѣ эти правила незамѣтно, практически, вслѣдствіе чего и заставлялъ своего ученика много переводить на греческій языкъ. Въ результатѣ такого способа преподаванія юный классикъ усвоилъ себѣ цѣлые обороты рѣчи и примѣнялъ ихъ безоши-

бочно въ классныхъ упражненіяхъ, въ такъ называемыхъ *extemporalia*, столь памятныхъ каждому, прошедшему сквозь строй рутинной системы классическаго образованія. Гимназическій преподаватель въ Кеслинѣ, наоборотъ, требовалъ прежде всего знанія наизусть грамматическихъ правилъ. Этому требованію Грибена Вирховъ не удовлетворялъ, а между тѣмъ его переводы на греческій языкъ были всегда очень хорошо и правильно написаны. Почтенный педагогъ отнесся поэтому съ недовѣріемъ къ познаніямъ Вирхова и первое время заподозрилъ его въ надувательствѣ. Когда же Грибенъ, не смотря на всю строгость контроля, не могъ замѣтить, чтобы Вирховъ прибѣгалъ къ какимъ-либо недозволеннымъ средствамъ, то сталъ питать нѣкоторое непріязненное чувство къ ни въ чемъ неповинному юношѣ. Эта непріязнь учителя къ ученику могла имѣть, какъ это сплошь да рядомъ и бываетъ, роковое значеніе для Вирхова. На выпускномъ экзаменѣ, хотя Вирховъ и хорошо сдалъ по греческому языку, упрямый педагогъ все же заявилъ, что подаетъ голосъ противъ Вирхова, который, по его мнѣнію, не обладаетъ достаточной нравственной зрѣлостью, требуемою для поступленія въ университетъ. Оппозиція почтеннаго эллениста не оказала, къ счастью, никакого вліянія. Вирховъ не только получилъ аттестатъ зрѣлости, но имя его было занесено первымъ въ списокъ 8-ми окончившихъ вмѣстѣ съ нимъ, въ мартѣ 1839 года, курсъ въ кеслинской гимназіи. Не мѣшаетъ замѣтить, что Вирхову тогда было 17½ лѣтъ.

Изъ учащаго персонала кеслинской гимназіи особенно благотворное и развивающее вліяніе на своихъ учениковъ оказывалъ талантливый преподаватель исторіи Бухеръ. Благодаря ему, въ Вирховѣ рано развился интересъ къ исторіи, которою онъ и занимался съ увлеченіемъ. Подъ вліяніемъ такого изученія исторіи, по всей вѣроятности, въ юношѣ уже открылась та жилка общественности, которая впослѣдствіи била такой сильной струей въ «кабинетномъ» ученомъ, занявшемъ видное мѣсто въ рядахъ членовъ берлинскаго муниципалитета и прусскаго парламента.

Уже на гимназической скамьѣ Вирховъ рѣшилъ посвятить себя изученію медицины и еще до окончанія гимназическаго курса подалъ заблаговременно заявленіе о принятіи его въ число воспитанниковъ медико-хиругическаго института Фридриха-Вильгельма.

Весну и лѣто по окончаніи гимназіи Вирховъ провелъ на родинѣ. Онъ воспользовался, между прочимъ, этимъ свободнымъ временемъ, чтобы изучить, безъ всякой посторонней помощи, итальянскій языкъ. Вообще, у Вирхова была большая склонность и замѣчательная способность къ изученію языковъ. Будучи въ послѣднемъ классѣ гимназіи, онъ аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщалъ уроки еврейскаго языка и при выпускѣ, хотя уже зналъ, что посвящаетъ себя медицинскимъ наукамъ, сдалъ даже экзаменъ по еврейскому языку,—экзаменъ, имѣвшій значеніе лишь для будущихъ богослововъ.

Осенью 1839 года Вирховъ покинулъ родной городъ и отправился въ столицу, въ Берлинъ, для поступленія въ медико-хирургическій институтъ.

Медико-хирургическій институтъ Фридриха-Вильгельма въ Берлинѣ былъ учрежденъ въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія съ цѣлью подготовлять дѣльныхъ врачей для прусской арміи. Институтъ этотъ устроенъ по образцу высшихъ военно-учебныхъ заведеній и воспитанники его—казеннокоштные, живущіе въ самомъ институтѣ. Въ теченіе четырехлѣтняго курса они слушаютъ лекціи профессоровъ берлинскаго медицинскаго факультета наравнѣ со студентами университета. Въ институтѣ имѣются прекрасный анатомическій музей, музей по военно-полевой хирургіи, музей хирургическихъ инструментовъ и аппаратовъ, кабинеты физическій и химическій, собраніе фармакологическихъ (лѣкарственныхъ) препаратовъ, а также, что особенно важно, чрезвычайно богатая медицинская библіотека, содержащая около 50.000 томовъ. Состоящіе при институтѣ военные врачи занимаются съ воспитанниками въ качествѣ репетиторовъ. Благодаря всему этому, медико-хирургическій институтъ даетъ полную возможность недостаточнымъ молодымъ людямъ получать прекрасное медицинское образованіе. Изъ этого института вышла цѣлая фаланга корифеевъ германской медицины. Мы назовемъ лишь сотоварища Вирхова, Гельмгольца, знаменитаго физіолога и физика, Лейдена, профессора внутреннихъ болѣзней въ берлинскомъ университетѣ, и Нотнагеля, занимающаго ту же каѳедру въ Вѣнѣ.

Въ то время во главѣ медико-хирургическаго института стоялъ Вибель, «старикъ Вибель», какъ его всѣ называли. Это былъ, по опредѣленію Вирхова, «человѣкъ умѣреннаго знанія, но съ большимъ тактомъ, и у котораго сердце было на надлежащемъ мѣстѣ». Спеціально слѣдить за учебною частью и руководить занятіями воспитанниковъ лежало на обязанности помощника начальника института, Гримма. Послѣдній отличался широтою взгляда, умѣлъ подмѣчать особыя способности каждаго воспитанника въ отдѣльности и соотвѣтственно направлять ихъ.

Уже вскорѣ по принятіи Вирхова въ число воспитанниковъ института, Гриммъ обратилъ вниманіе на выдающіяся способности новичка и на то увлеченіе, съ какимъ нашъ юный медикъ отдался изученію своей науки.

Въ то время германская медицина вступала въ новую фазу. Китайская стѣна, отдѣлявшая германскую медицину отъ французской и англійской съ ихъ положительнымъ направленіемъ,—стѣна, создавшаяся благодаря преклоненію нѣмцевъ предъ различными философскими системами, наконецъ рухнула. Послѣдней философской системой, подчинившей своему вліянію медицину, было ученіе Шеллинга, его натурфилософія. Выдающіеся представители естествознанія и медицины пер-

вой четверти XIX столѣтія стали подъ знамя натурфилософіи. Этому увлеченію способствовалъ въ значительной степени идеализмъ ученія Шеллинга,—идеализмъ, который проповѣдывалъ высокіе взгляды на задачи науки и жизни. Германскій историкъ медицины Гезеръ видитъ даже извѣстную связь между національнымъ возрожденіемъ Германіи и широкимъ распространеніемъ натурфилософіи. Блестящій періодъ этого ученія какъ разъ совпалъ съ войнами за освобожденіе, и «самыя лучшія и свѣтлыя личности среди нѣмцевъ принадлежали къ провозвѣстникамъ натурфилософіи». Свою систему натурфилософская школа медицины строила на основахъ Шеллинговой философіи; для нея логическая гипотеза являлась вполнѣ законнымъ эквивалентомъ наблюденія. Слѣдуя по такому пути, эта пресловутая «философія природы» дошла до такихъ фантастическихъ измышленій, гдѣ уже не оставалось и слѣда ни природы, ни философіи. Такія крайности, естественно, вызвали реакцію. Германскіе врачи поняли, что союзъ съ подобной философіей безплоденъ. Они поняли, что медицину, эту науку о человѣкѣ, о живомъ организмѣ, нельзя изучать по мертвымъ книгамъ, что теоріи и фантазіи, созданныя въ тиши кабинета, должны уступить мѣсто дѣйствительности и фактамъ, что живительные источники медицины слѣдуетъ искать въ естественныхъ наукахъ. Наблюденіе, какъ его понимаетъ естествознаніе,—вотъ девизъ такъ-называемой естественно исторической школы, смѣнившей прежнюю натурфилософскую. Французская медицина приняла-таки направленіе гораздо ранѣе, и новой медицинской школѣ въ Германіи оставалось перенести на свою почву научныя пріобрѣтенія сосѣдей. Дѣйствительно, съ этого момента въ германскія клиники широкою волною вливается точный методъ клиническаго изслѣдованія, какъ онъ практиковался у французовъ и англичанъ. Конечно, «естественно-историческая» школа не могла сразу стряхнуть съ себя туманъ натурфилософіи, эту неудержимую страсть къ поспѣшнымъ обобщеніямъ и къ сомнительной систематизаціи. Теоретическое зданіе медицины покоилось еще въ значительной степени на гипотезахъ и аналогіяхъ.

Въ развитіи германской медицины новая школа послужила переходомъ отъ натурфилософскаго воззрѣнія на медицину къ современному естественно-научному воззрѣнію. Въ описываемую нами эпоху заря естественно-научной эры въ медицинѣ уже занималась для Германіи. Естественно-научный методъ въ полномъ объемѣ—со своими могучими рычагами—наблюденіемъ и опытомъ—сталъ примѣняться германскими медиками. Пережить всѣ эти стадіи германской медицинѣ пришлось въ сравнительно короткое время.

Мы застаемъ Вирхова на студенческой скамьѣ, когда побѣда была далеко еще не на сторонѣ новыхъ теченій. Борьба велась еще по всей линіи, *Sturm- und Drangperiode* германской медицины далеко еще не закончился.

Среди профессоровъ берлинскаго университета находились именно тѣ два представителя медицинской науки, которые играли первостепенную роль въ возрожденіи германской медицины,—знаменитый физіологъ Іоганнъ Мюллеръ и геніальный клиницистъ Шенлейнъ, глава естественно-исторической школы. Благодаря этому счастливому обстоятельству, Вирховъ могъ изъ первыхъ рукъ ознакомиться съ новыми научными теченіями. Ему не пришлось сожалѣть, что, прикрѣпленный, какъ воспитанникъ медико-хирургическаго института, къ Берлину, онъ былъ лишенъ возможности слѣдовать похвальному и полезному обычаю нѣмецкихъ студентовъ, которые, не ограничиваясь пребываніемъ въ какомъ-либо одномъ университетѣ, стремятся побывать въ теченіе университетскаго курса, въ нѣсколькихъ университетахъ, чтобы послушать въ каждомъ профессоровъ-корифеевъ по различнымъ отраслямъ соотвѣтствующаго цикла наукъ.

Въ жизни каждаго образованнаго человѣка не проходятъ безслѣдно тѣ впечатлѣнія, которыя онъ пережилъ на университетской скамьѣ, то вліяніе или, вѣрнѣе, тѣ вліянія, которыя оказываютъ на свою аудиторію выдающіеся профессора. Отражаясь еще несравненно сильнѣе на будущихъ ученыхъ, эти вліянія учителей опредѣляютъ направленіе и характеръ дальнѣйшей самостоятельной научной дѣятельности учениковъ. Къ научному дѣятелю можно съ полнымъ правомъ примѣнить извѣстную французскую поговорку, только нѣсколько перефразировавъ ее, а именно: «скажи мнѣ, кто твои учителя, и я тебѣ скажу, кто ты».

Кто же были учителя Рудольфа Вирхова?

Изъ университетскихъ преподавателей на научное развитіе молодого Вирхова имѣли особенное вліяніе Іоганнъ Мюллеръ—«одинъ изъ величайшихъ біологовъ всѣхъ временъ», какъ его впослѣдствіи характеризовали, и затѣмъ клиницистъ-терапевтъ Шенлейнъ,—«геніальный врачъ, соединившій реальное направленіе съ смѣлыми теоріями», по опредѣленію нашего великаго хирурга-мыслителя Пирогова.

Сынъ сапожника въ Кобленцѣ, Іоганнъ Мюллеръ при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ прошелъ университетскій курсъ на медицинскихъ факультетахъ Бонна и Берлина. Будучи студентомъ лишь четвертаго семестра, даровитый 19-ти-лѣтній юноша получилъ медицинскую премію боннскаго университета за экспериментальную работу по эмбріологіи. Въ Берлинѣ, подъ вліяніемъ профессора анатоміи и физіологіи Рудольфи, Мюллеръ такъ радикально отрѣшился отъ воспринятыхъ имъ въ Боннѣ натурфилософскихъ склонностей, что позднѣе жегъ всѣ, какіе ему только попадали въ руки, экземпляры своихъ первыхъ работъ. Участіе и поддержка вліятельнаго члена прусскаго министерства народнаго просвѣщенія дали Мюллеру возможность по окончаніи курса спокойно заняться дальнѣйшими научными работами. Вскорѣ Мюллеръ получилъ профессуру въ боннскомъ университетѣ, откуда не совсѣмъ обыкновеннымъ путемъ перешелъ въ Берлинъ. Когда въ столичномъ прус-

скомъ университетѣ освободилась, въ 1833 году, каѳедра анатоміи и зашла рѣчь о томъ, кого назначить, министръ народнаго просвѣщенія совершенно неожиданно получилъ заявленіе отъ боннскаго профессора І. Мюллера. Въ своемъ письмѣ Іоганнъ Мюллеръ *требовалъ*, чтобы освободившаяся каѳедра была предоставлена ему, какъ наиболѣе соотвѣтствующему кандидату; только одному человѣку готовъ онъ былъ уступить, а именно знаменитому въ то время патолого-анатому Іоганну Фридриху Меккелю. Это знаменитое письмо Мюллера, переданное министру все тѣмъ же покровителемъ Мюллера—членомъ министерства, дышало самою чистою любовью къ наукѣ и глубокимъ чувствомъ собственнаго достоинства; оно произвело на министра очень сильное впечатлѣніе и Мюллеръ занялъ каѳедру въ Берлинѣ.

Геніальный умъ ученаго, обладавшаго необычайною широтою взгляда и обширнѣйшими свѣдѣніями во всемъ циклѣ біологическихъ наукъ, оригинальный и въ высшей степени самостоятельный характеръ и, наконецъ, совершенно особенная, импонирующая внѣшность, напоминавшая римскаго воина,—все это въ Мюллерѣ дѣйствовало неотразимо на его слушателей. Нашъ знаменитый хирургъ, Н. И. Пироговъ, учившійся въ это же время въ Берлинѣ, говоря о Мюллерѣ, также останавливается на его внѣшности. «Лицо Іог. Мюллера,—пишетъ Пироговъ,—поражало васъ своимъ классическимъ профилемъ, высокимъ челомъ и двумя межбровными бороздами, придававшими его взгляду суровый видъ и дѣлавшими нѣсколько суровымъ проницательный взглядъ его выразительныхъ глазъ. Какъ на солнце, неловко было новичку смотрѣть прямо въ лицо Мюллера».

Іоганнъ Мюллеръ не былъ главою научной школы въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Онъ не возводилъ своихъ взглядовъ въ непогрѣшимые догматы, обязательные для его учениковъ, какъ послѣдователей извѣстной школы. «Не существуетъ,—говорилъ Вирховъ впослѣдствіи (1858),—школы Мюллера въ смыслѣ догматовъ, такъ какъ онъ не преподавалъ ихъ, но лишь въ смыслѣ метода. Естественно-научная школа, которую онъ образовалъ, не знаетъ общности извѣстнаго ученія, а лишь общность твердо установленныхъ фактовъ и еще того болѣе—общность метода». Этотъ методъ—«точный», естественно-научный методъ, который зиждется на наблюденіи и опытѣ и который ставитъ своею задачей—твердое установленіе фактовъ. «*Одинъ* человѣкъ,—заявляетъ Гельмгольцъ въ своей прекрасной рѣчи «Мышленіе въ медицинѣ» («Das Denken in der Medicin»),—по преимуществу придалъ намъ энтузіазмъ къ работѣ въ истинномъ научномъ направленіи, — именно, физіологъ Іоганнъ Мюллеръ. Всѣ теоріи были для него лишь гипотезами, которыя подлежатъ испытанію путемъ фактовъ и о которыхъ рѣшаютъ единственно и только единственно одни факты».

Изъ знаменитаго физіологическаго тріумвирата учениковъ Мюллера—Гельмгольца, Брюкке и Дюбуа-Реймона—послѣдній рисуетъ намъ

въ живыхъ и симпатичныхъ краскахъ, какъ училъ и какъ вліялъ на своихъ учениковъ Іоганнъ Мюллеръ:

«Какъ самъ онъ,—пишетъ Дюбуа-Реймонъ,—всюду стоялъ на собственныхъ ногахъ, такъ и отъ учениковъ своихъ требовалъ, чтобы они умѣли сами себѣ помочь. Онъ ставилъ задачи и давалъ толчекъ; въ остальномъ онъ довольствовался, употребляя химическое сравненіе, нѣкотораго рода каталитическимъ воздѣйствіемъ. Бо̀льшаго и не требовалось. Онъ дѣйствовалъ, какъ Гёте выражается о красотѣ, однимъ лишь своимъ присутствіемъ. Его окружало, въ глазахъ учениковъ, какое-то демоническое очарованіе, какъ перваго Наполеона въ глазахъ его воиновъ и «Soldats, l'Empereur a l'oeil sur vous» было достаточно и для насъ, чтобы возбудить въ насъ высшее напряженіе силъ. Если я пытаюсь анализировать это очарованіе, то оно, мнѣ кажется, лежитъ въ томъ, что всякій, кто былъ вблизи его, испытывалъ, сознательно или безсознательно и каждый по своему, увлекающее вліяніе могучей личности, которая сама, поступаясь всякими иными соображеніями, всякими жизненными наслажденіями, всякими удобствами,—преслѣдовала идеальную цѣль съ серьезностью, граничащею съ угрюмостью и со всепобѣждающею страстностью. Высшею же наградою для насъ было, когда Мюллеръ забывался на мигъ, оставлялъ свою суровую серьезность и пускался въ общечеловѣческіе разговоры и шутки. Если Мюллеръ воздерживался отъ воздѣйствія на ходъ возбужденныхъ имъ изслѣдованій, зато онъ и предоставлялъ своимъ ученикамъ самую широкую свободу въ ихъ развитіи и склонностяхъ. Онъ уважалъ всякую самостоятельность подобно своей собственной. Этимъ объясняется, что среди его учениковъ именно тѣ, которые проводили далѣе его наиболѣе характерныя стремленія въ физіологіи, могли находиться въ глубокомъ и открыто выраженномъ противорѣчіи съ нимъ, причемъ на взаимныя отношенія, установившіяся между Мюллеромъ и ими, это никогда не бросало ни малѣйшей тѣни. Такимъ образомъ Мюллеръ, нисколько не стараясь о томъ, никогда ни устно, ни письменно не выставляя себя учителемъ, никогда не употребивъ слово «ученикъ», на самомъ дѣлѣ и по истинѣ основалъ не одну лишь, а нѣсколько школъ изслѣдованія органической природы, соотвѣтственно своей собственной многосторонности. Школы Мюллера, продолжая работать въ совершенно различныхъ направленіяхъ, не имѣютъ ничего общаго, кромѣ того, что огонь, который онѣ берегутъ и поддерживаютъ, впервые показался изъ его горна, что всѣ эти школы вопрошаютъ природу въ его смыслѣ».

Какъ всѣ дѣйствительно выдающіеся ученые, любящіе свою науку, Іоганнъ Мюллеръ, въ общемъ крайне сдержанный, охотно шелъ на встрѣчу всякому проявленію интереса и любви къ наукѣ со стороны своихъ слушателей. Съ дальновидностью, присущей великимъ умамъ, онъ узнавалъ наиболѣе способныхъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Вирховъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ избраннымъ par exellence, которыхъ

Мюллеръ особенно приблизилъ къ себѣ и къ которымъ стоялъ въ непосредственномъ личномъ общеніи. Установившіяся на студенческой скамьѣ отношенія Вирхова къ его «незабвенному учителю» перешли впослѣдствіи въ дружбу, не прерывавшуюся до самой смерти Мюллера. «Не многимъ, какъ мнѣ,—говоритъ не безъ справедливой гордости Вирховъ,—выпало на долю въ каждой важной стадіи своего научнаго развитія видѣть себя подлѣ нашего учителя. Его рука направляла первые шаги новичка, его устами, какъ декана, мнѣ присуждена была докторская степень, его теплый взглядъ встрѣчалъ я, когда, опять-таки въ его деканство, читалъ мою первую публичную лекцію, какъ приватъ-доцентъ. Изъ большого числа его учениковъ я единственный былъ призванъ, по его собственному предложенію, занять мѣсто рядомъ съ нимъ въ тѣсномъ кругу факультета и мнѣ онъ добровольно предоставилъ важную область своихъ исконныхъ владѣній».

Другой университетскій преподаватель, оказавшій на студента Вирхова сильное вліяніе, былъ профессоръ внутреннихъ болѣзней — Шенлейнъ. Если Іоганну Мюллеру принадлежитъ высокая заслуга возстановленія въ основной медицинской наукѣ, въ физіологіи, державныхъ правъ строго-научнаго наблюденія и эксперимента,—правъ, попранныхъ различными философскими школами, то Шенлейнъ, въ свою очередь, занялъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ среди германскихъ клиницистовъ, введя въ германскую клиническую медицину болѣе точные способы изслѣдованія, въ основѣ которыхъ лежатъ естественныя науки—физика и химія. Въ клиникѣ Шенлейна впервые въ Германіи стали примѣнять постукиваніе и выслушиваніе. Въ то время, когда въ другихъ германскихъ клиникахъ сердечныя и легочныя страданія опредѣляли еще по пульсу и инымъ такъ называемымъ «раціональнымъ» симптомамъ, Шенлейнъ стремился путемъ точнаго изслѣдованія выяснить состояніе самихъ органовъ. Помощью микроскопа и химическихъ реактивовъ онъ изслѣдовалъ болѣзненныя выдѣленія, кровь и ткани. Измѣненія въ органахъ, найденныя при вскрытіяхъ, онъ приводилъ въ связь съ клиническою картиною болѣзни, какъ она наблюдалась при жизни. Данныя секціоннаго стола онъ талантливо примѣнялъ у постели больного въ цѣляхъ возможно точнаго діагноза. «Патологическая анатомія,—говоритъ Вирховъ о Шенлейнѣ,—стала основою его діагностики, а послѣдняя—основою его славы». А слава Шенлейна гремѣла по всей Германіи и далеко за ея предѣлами. Клиника Шенлейна, сперва въ Вюрцбургѣ, затѣмъ въ Цюрихѣ и, наконецъ, въ Берлинѣ, являлась настоящей Меккой для студентовъ и врачей, которые стекались на его лекціи со всѣхъ сторонъ. Здѣсь не послѣднюю роль играло еще и то; что Шенлейнъ излагалъ свои лекціи въ чрезвычайно увлекательной и живой формѣ. Онъ понималъ истинное значеніе «живого слова» учителя и громадное преимущество его предъ «мертвою буквою» книги. Этимъ, можетъ быть, отчасти объясняется, почему Шенлейнъ такъ мало

писалъ. Лекціи его неоднократно издавались его слушателями, — что, въ виду неизбѣжныхъ искаженій, доставляло Шенлейну больше огорченія, чѣмъ удовольствія, и переводились на иностранные языки. Товарищъ Пирогова по профессорскому институту въ Дерптѣ, профессоръ московскаго университета Г. И. Сокольскій, бывшій слушателемъ Шенлейна въ Цюрихѣ, издалъ его лекціи (въ 1841 году) на русскомъ языкѣ. Между тѣмъ самъ Шенлейнъ за сорокъ лѣтъ своей профессорской дѣятельности напечаталъ двѣ статьи, занимающія обѣ вмѣстѣ не болѣе 3-хъ печатныхъ страницъ. И это въ Германіи, ученые которой отличаются изумительной плодовитостью! Все жъ, по справедливому замѣчанію Пирогова, «не многіе изъ передовыхъ дѣятелей медицинской науки заслужили себѣ такое имя, какъ Шенлейнъ, не оставивъ послѣ себя ни одного сочиненія, кромѣ небрежно составленныхъ учениками лекцій». Къ прискорбію многихъ «ученыхъ», исторія науки, въ своей оцѣнкѣ, не принимаетъ совершенно въ разсчетъ торговаго вѣса напечатанныхъ сочиненій.

Шенлейнъ перешелъ въ Берлинъ изъ Цюриха на Пасхѣ 1839 года, какъ разъ тогда, когда Вирховъ окончилъ курсъ гимназіи.

«Такъ какъ я,—говоритъ Вирховъ,—изучалъ медицину въ Берлинѣ, то я и имѣлъ счастіе слушать новаго профессора еще въ его самую свѣтлую пору, и я съ благодарностью признаю, что онъ оказалъ на меня громаднѣйшее вліяніе».

На Вирхова, котораго съ основными медицинскими науками—анатоміей, физіологіей и патологической анатоміей, будущей его спеціальностью — познакомилъ Мюллеръ и который проникся до мозга костей естественно-научнымъ направленіемъ послѣдняго, на Вирхова, какъ ученика Мюллера, такой клиницистъ, какъ Шенлейнъ, и только такой клиницистъ могъ и долженъ былъ оказать громадное вліяніе. Въ Шенлейнѣ Вирховъ видѣлъ какъ бы второго Мюллера, но Мюллера, перешедшаго изъ лабораторіи въ клинику, къ постели больного.

Теоретическія лекціи по частной патологіи и терапіи (по внутреннимъ болѣзнямъ) Вирховъ слушалъ у Шенлейна въ 1841—1842 учебномъ году. Онъ самъ записывалъ за профессоромъ и велъ эти записки со всевозможной тщательностью. Еще въ 1865 году Вирховъ сохранялъ эти записки. Практикантомъ въ клиникѣ Шенлейна Вирховъ былъ въ теченіи зимняго семестра 1842—1843 года.

Отношенія Вирхова къ его клиническому учителю носили чисто формальный характеръ.

Въ распредѣленіи своихъ занятій въ теченіе 4-лѣтняго курса Вирховъ не могъ слѣдовать собственнымъ влеченіямъ и желаніямъ, наравнѣ съ прочими студентами университета. Онъ долженъ былъ руководствоваться предписаннымъ для воспитанниковъ медико-хирургическаго института планомъ лекцій. Такимъ образомъ, Вирховъ далеко не въ полной мѣрѣ воспользовался тою «свободою ученія» (*Lernfreiheit*),

которая вмѣстѣ со «свободою преподаванія» (*Lehrfreiheit*) является основою и гордостью германскаго университетскаго строя. Среди такъ называемыхъ «обязательныхъ лекцій» (*Zwangs-College*) были логика и психологія (проф. Бенеке) и исторія (проф. Прейссъ). «Обязательность» послѣдней науки, вѣроятно, не особенно тяготила Вирхова, такъ какъ онъ всегда интересовался исторіей.

Во время своего студенчества нашъ медикъ писалъ даже историческія статьи для двухъ изданій (*«Pommersches Volkblatt»* и *«Baltische Studien»*). Вѣроятно, громкое въ то время имя поэта-профессора Рюккерта побудило Вирхова записаться на неимѣющія уже ни малѣйшаго отношенія къ медицинѣ лекціи Рюккерта объ арабскихъ поэтахъ. Эти лекціи уже, конечно, не были предписаны институтомъ, и слушатель-медикъ представлялъ собою *avis rara* на лекціяхъ поэтическаго истолкователя Востока.

Въ послѣдній годъ своего студенчества, лѣтомъ 1843 года, Вирховъ исполнялъ обязанности младшаго ординатора въ глазной клиникѣ профессора Юнгкена. Это обстоятельство послужило ему поводомъ взять темой докторской диссертаціи вопросъ изъ области глазныхъ болѣзней—именно, воспаленіе роговицы.

21-го октября 1843 года происходила публичная защита Вирховымъ представленной имъ диссертаціи *«О воспаленіи преимущественно роговицы»* (*De rheumate praesertim corneæ*), подъ предсѣдательствомъ декана медицинскаго факультета Іоганна Мюллера. Диссертацію свою Вирховъ посвятилъ помощнику начальника медико-хирургическаго института Гримму. Со стороны нашего автора это не было общепринятымъ актомъ формальной вѣжливости, а выраженіемъ истинной признательности, такъ какъ Гриммъ всегда старался дать Вирхову возможность заниматься спеціально тѣмъ, къ чему онъ чувствовалъ влеченіе.

Уже въ этой первой ученой работѣ ярко обнаружилось, насколько Вирховъ проникся новымъ естественно-научнымъ направленіемъ въ медицинѣ. Во введеніи къ своему труду молодой дебютантъ въ наукѣ высказываетъ сожалѣніе, что къ изученію глазныхъ болѣзней не примѣнили еще тѣхъ методовъ, которыми медицина въ новѣйшее время обязана естественнымъ наукамъ. Чтобы оцѣнить по достоинству всю вѣскость и справедливость этого упрека, слѣдуетъ вспомнить, какой переворотъ въ офтальмологіи произвело впослѣдствіи изобрѣтеніе (въ 1851 году) Гельмгольцемъ глазного зеркала,—прибора, давшаго возможность непосредственно наблюдать внутренность глазного яблока (глазное дно). Благодаря далѣе примѣненію законовъ физической оптики къ изученію строенія и отправленія нашего органа зрѣнія, другими словами, благодаря разработкѣ физіологической оптики, офтальмологія стала одною изъ наиболѣе законченныхъ и изящныхъ страницъ медицинскихъ знаній. Проникнутый идеями своихъ учителей, Мюллера и Шенлейна, Вирховъ съ грустью замѣчаетъ, что естественно-научные способы из-

слѣдованія не находятъ себѣ примѣненія именно въ такомъ отдѣлѣ медицины, гдѣ они, повидимому, наиболѣе умѣстны.

Вирховъ оказался ученикомъ не только талантливымъ и убѣжденнымъ, но и благодарнымъ къ памяти своихъ великихъ учителей. И Мюллеру, и Шенлейну Вирховъ посвятилъ впослѣдствіи двѣ прекрасно написанныя рѣчи.

II.

Королевская больница Charité въ Берлинѣ. — Вирховъ—ассистентъ при больницѣ *Charité*.—Провекторъ *Charité*, профессоръ Фроривъ—руководитель Вирхова.—Вирховъ—провекторъ *Charité*.—Первый курсъ, читанный Вирховымъ.—Приватъ-доцентура.—Кружокъ берлинскихъ патологовъ.—Основаніе *«Архива патологической анатоміи и физіологіи и клинической медицины»*.—Командировка Вирхова на эпидемію тифа въ Верхнюю Силезію. — *«Сообщенія о господствующей въ Верхней Силезіи эпидеміи тифа»*.

Среди медицинскихъ учрежденій прусской столицы самое выдающееся мѣсто, безспорно, занимала и занимаетъ «Королевская больница *Charité*», служащая одновременно и лѣчебнымъ, и учебнымъ цѣлямъ. Это—громадный госпиталь, съ числомъ кроватей свыше 1.800, который, постепенно разростаясь, возникъ первоначально изъ бревенчатаго барака, выстроеннаго въ виду надвигавшейся на Берлинъ чумы, въ 1710 году. Будучи больницею преимущественно для бѣднаго населенія Берлина, *Charité* тѣсно связана, съ одной стороны, съ университетомъ, а съ другой — съ медико-хирургическимъ институтомъ Фридриха-Вильгельма. Здѣсь сосредоточенъ цѣлый рядъ клиникъ, которыми завѣдуютъ университетскіе профессора; ихъ ближайшими помощниками являются приватъ-доценты и старшіе военные врачи. Для исполненія же обязанностей младшихъ ординаторовъ, медико-хирургическій институтъ ежегодно прикомандировываетъ къ *Charité* на годичный срокъ 30 военныхъ врачей, только-что окончившихъ курсъ въ институтѣ.

Вотъ въ этой-то больницѣ *Charité* Вирховъ и началъ свою научную дѣятельность.

Новое направленіе въ клинической медицинѣ вызвало у завѣдующихъ клиниками въ *Charité* потребность имѣть въ своемъ распоряженіи особое лицо, на обязанности котораго лежало бы производить спеціальныя изслѣдованія и анализы, микроскопическія и химическія, для цѣлей клиники, главнымъ образомъ, для постановки возможно точнаго діагноза. По указанію Гримма, военно-медицинское управленіе, отъ котораго зависѣло въ первой инстанціи замѣщеніе новой должности, предложило въ кандидаты лишь недавно получившаго докторскій дипломъ Вирхова. Назначеніе Вирхова встрѣтило-было противодѣйствіе со стороны одного изъ клиницистовъ *Charité*, профессора Шенлейна, пожелавшаго для своей клиники выбрать лицо по своему усмотрѣнію. Въ результатѣ, осенью

1844 года, Вирховъ и былъ назначенъ «научнымъ ассистентомъ» при прочихъ клиникахъ *Charité*, исключая клиники Шенлейна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принялъ на себя обязанности ассистента при патолого-анатомическомъ институтѣ *Charité* въ помощь прозектору, профессору Роберту Фрорипу.

Клиническія занятія Вирхова вскорѣ уже отошли на задній планъ, такъ какъ Вирховъ весь отдался изученію патологической анатоміи—своей будущей спеціальности, той отрасли медицинскихъ знаній, съ которою вотъ уже болѣе полувѣка неразрывно связано великое имя Рудольфа Вирхова.

Въ лицѣ Фрорипа Вирховъ встрѣтилъ дѣльнаго и толковаго руководителя, стоявшаго на высотѣ науки. Фрорипъ принадлежалъ къ тому симпатичному типу научныхъ тружениковъ, которые охотно дѣлятся своимъ опытомъ и знаніями со всякимъ, въ комъ видятъ интересъ къ ихъ спеціальности. Замѣтивъ въ своемъ новомъ ассистентѣ стремленіе основательно ознакомиться съ патологическою анатоміею, Фрорипъ указывалъ Вирхову темы для изслѣдованій, побуждалъ его къ научнымъ работамъ и даже способствовалъ ихъ опубликованію, гостепріимно открывъ молодому ученому страницы своего журнала («*Neue Notizen aus dem Gebiete der Natur- und Heilkunde*»). Вирховъ вполнѣ понималъ и высоко цѣнилъ то значеніе, которое имѣло для него руководительство Фрорипа. Много лѣтъ спустя (1855 г.) онъ посвятилъ Фрорипу, какъ благодарное воспоминаніе, сборникъ своихъ раннихъ медицинскихъ статей (*Gesammelte Abhandlungen zur wissenschaftlichen Medicin*). «Кому бы лучше,—говоритъ въ этомъ посвященіи Вирховъ,—могъ я посвятить этотъ сборникъ, какъ не тому, воздѣйствіе котораго дало первый поводъ къ изслѣдованіямъ, здѣсь изложеннымъ. Вы уже 20 лѣтъ тому назадъ доказали, что задачу патологической анатоміи должно искать въ томъ, чтобы, при помощи микроскопическаго и химическаго анализа, изслѣдовать внутреннее строеніе и составъ, а также и способъ происхожденія патологическихъ продуктовъ, и если большая часть моихъ работъ стремилась къ выполненію именно этой задачи, то этимъ направленіемъ я обязанъ, на ряду съ Іоганномъ Мюллеромъ, преподаваніе котораго указало путь моему теоретическому развитію, главнымъ образомъ, вамъ, руководившему мною при первыхъ шагахъ моей практической дѣятельности. Пусть же эти страницы послужатъ вамъ знакомъ, съ какою благодарностью я вспоминаю объ этомъ руководительствѣ».

Весною 1846 года Фрорипъ оставилъ прозектуру въ Charité и указалъ на Вирхова, какъ на самаго достойнаго кандидата. Съ момента ухода Фрорипа Вирховъ временно исправлялъ должность прозектора, а затѣмъ былъ и утвержденъ, не безъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, затрудненій. Замѣщеніе должности прозектора Charité уже не имѣло никакого отношенія къ военно-медицинскому вѣдомству и всецѣло зависѣло отъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ прозектура пред-

ставляла для берлинскаго медицинскаго факультета какъ бы вспомогательную практическую каѳедру по патологической анатоміи. Прозекторъ *Charité*, въ званіи приватъ-доцента или профессора, читалъ демонстративныя лекціи студентамъ и врачамъ.

Затрудненія, о которыхъ мы упомянули, возникли въ виду сильнаго, противодѣйствія со стороны очень вліятельнаго лица въ министерствѣ. Этимъ лицомъ былъ опять-таки Шенлейнъ, голосъ котораго, какъ члена-докладчика совѣта министерства, имѣлъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о замѣщеніи прозектуры. Шенлейнъ отдавалъ предпочтеніе другимъ кандидатамъ, но, наконецъ, рѣшился уступить. «Однажды,—разсказываетъ Вирховъ,—онъ пригласилъ меня къ себѣ и сказалъ, что теперь онъ далъ министру совѣтъ назначить меня. Къ этому онъ добавилъ, что ждетъ отъ меня самаго лучшаго и что изъ его образа дѣйствій я могу заключить, что для него всегда важно самое дѣло, а не лица». Такому повороту дѣла не мало способствовала горячая рекомендація Фрорипа, которой, по собственнымъ словамъ Вирхова, онъ «существеннымъ образомъ обязанъ, что ему, новичку, была поручена прозектура больницы *Charité*, и тѣмъ было открыто поле дѣятельности какъ нельзя болѣе для него благопріятное».

Уже на первыхъ порахъ своей самостоятельной научной дѣятельности, еще въ качествѣ временно исполнявшаго обязанности прозектора *Charité*, «новичекъ» Вирховъ блестяще оправдалъ рекомендацію Фрорипа и ожиданія Шенлейна. Лѣтомъ того же 1846 года онъ уже читалъ практическій курсъ патологической анатоміи кружку молодыхъ врачей, проникнутыхъ новыми медицинскими вѣяніями. Съ справедливою гордостью говорилъ впослѣдствіи Вирховъ о своихъ первыхъ слушателяхъ, что «почти ни одинъ изъ нихъ не остался на уровнѣ посредственности». О научныхъ достоинствахъ этого перваго читаннаго Вирховымъ курса можно судить по слѣдующему, напримѣръ, факту. Одинъ изъ его слушателей предполагалъ ранѣе, для дальнѣйшаго усовершенствованія, отправиться изъ Берлина въ Прагу. Онъ отложилъ, однако, свой отъѣздъ въ виду того, что Вирховъ не закончилъ еще своего курса, и мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что «здѣсь (т. е. въ Берлинѣ, у Вирхова) онъ научается бо̀льшему, нежели онъ можетъ научиться тамъ (т. е. въ Прагѣ)».

Съ назначеніемъ Вирхова прозекторомъ взаимныя отношенія его и Шенлейна приняли дѣйствительно самый дружественный характеръ. Въ качествѣ прозектора Вирховъ производилъ клиническія вскрытія. Шенлейнъ, который почти всегда присутствовалъ на вскрытіяхъ изъ своей клиники, иногда въ полномъ парадѣ, собираясь во дворецъ, какъ лейбъ-медикъ, принималъ живѣйшее участіе въ изслѣдованіяхъ и всегда готовъ былъ признать какое-либо новое указаніе или наблюденіе со стороны своего бывшаго ученика. Такъ, напримѣръ, когда, какъ-то въ 1848 году, въ одномъ случаѣ, гдѣ Шенлейнъ предполагалъ крово-

изліяніе въ мозгъ (апоплексію), Вирховъ при вскрытіи опредѣлилъ закупорку мозговыхъ артерій, Шенлейнъ полу-досадливо, полу-дружески воскликнулъ: «Ужъ вы вездѣ видите баррикады». Впослѣдствіи, живя въ отставкѣ въ своемъ родномъ городѣ Бамбергѣ, Шенлейнъ, принося бамбергской городской библіотекѣ въ даръ какое-либо сочиненіе Вирхова, всегда прибавлялъ съ особымъ удареніемъ: «Онъ былъ *моимъ* прозекторомъ».

Лѣтомъ 1847 года Вирховъ вступилъ въ ученую корпорацію медицинскаго факультета берлинскаго университета, получивъ званіе приватъ-доцента. Во главѣ факультета стоялъ тогда Іоганнъ Мюллеръ, занимавшій предсѣдательское кресло, въ качествѣ декана, когда нашъ молодой ученый читалъ свою первую публичную лекцію, предметомъ которой онъ избралъ темный вопросъ о воспаленіи мышцъ.

Вокругъ новаго прозектора *Charité*, располагавшаго самостоятельно богатымъ и разнообразнымъ патолого-анатомическимъ матеріаломъ, вскорѣ сгруппировался небольшой кружокъ молодыхъ ученыхъ. Всѣ они, подобно Вирхову, были горячими приверженцами естественно-научнаго направленія въ медицинѣ и видѣли въ патологической анатоміи и экспериментальной патологіи основы правильныхъ медицинскихъ воззрѣній. Съ двумя изъ этого кружка Вирховъ особенно сошелся, а именно съ Бенно Рейнхардтомъ и Рудольфомъ Леубушеромъ. И тотъ, и другой стали вскорѣ соредакторами съ Вирховымъ въ основанныхъ послѣднимъ двухъ повременныхъ изданіяхъ.

Отношенія Вирхова къ Рейнхардту возникли первоначально на почвѣ научныхъ изслѣдованій. Большое соотвѣтствіе въ основныхъ воззрѣніяхъ на науку и жизнь сблизило ихъ еще болѣе, а затѣмъ это сближеніе перешло въ тѣсную дружбу. Они сходились почти ежедневно и зачастую ихъ горячія бесѣды затягивались далеко за полночь. Работая съ увлеченіемъ въ новомъ направленіи, оба они желали доставить новому естественно-научному направленію полную и быструю побѣду. Могучимъ средствомъ для этого могло служить основаніе собственнаго научнаго органа. Особенно ратовалъ за основаніе новаго самостоятельнаго журнала пылкій Рейнхардтъ, въ которомъ, какъ и въ Вирховѣ, было живо стремленіе къ борьбѣ съ научной рутиной и ея представителями, еще наполнявшими ряды медицинскихъ факультетовъ. Застывшимъ формамъ факультетской медицины, эзотерической, какъ ее называлъ Рейнхардтъ, т. е. тепличной, онъ хотѣлъ противопоставить разцвѣтающую экзотерическую, вольную науку.

«Безусловно необходимо, — писалъ Рейнхардтъ Вирхову еще въ 1845 году,—чтобы мы соединились и предприняли энергическій походъ противъ эзотеровъ и имъ подобнаго люда, который наводняетъ теперь науку своей нелѣпой болтовней. Если читать всю ту мазню, которая теперь появляется, можно просто въ бѣшенство придти! Прежде подобные субъекты изощрялись въ вопросахъ терапіи и *materia medica*

(ученіе о лѣкарствахъ) или предавались высшимъ соображеніямъ о сущности болѣзней, и это можно имъ предоставить. Если же подобный людъ осмѣливается браться за патологическую анатомію, микроскопію и т. д.,—это не можетъ быть терпимо. Противъ этого должно, наконецъ, серьезно возстать. Если это такъ продолжится, то общая патологія и микроскопическая анатомія обратятся въ такой же точно старый складъ мечтаній и глупостей, какъ и *materia medica*. Уже давно пора положить этому безчинству предѣлъ при посредствѣ ряда точныхъ, связанныхъ между собой изслѣдованій, а также и при посредствѣ безпощадной критики, проведенной съ безграничной рѣзкостью».

«Точныя изслѣдованія» молодыхъбе рлинскихъ патологовъ не находили себѣ пріюта въ существовавшихъ тогда медицинскихъ журналахъ, во главѣ которыхъ стояли люди стараго направленія. Одинъ журналъ, напримѣръ, находилъ работы Вирхова слишкомъ химическими и соглашался печатать ихъ лишь, сокративъ и урѣзавъ. Редакція другого журнала вернула нашему автору его работы и въ отказѣ преподала ему еще разные доброжелательные совѣты.

Полученіе Вирховымъ прозектуры въ *Charité* окончательно побудило обоихъ друзей приступить къ осуществленію давно задуманнаго. Вирховъ и Рейнхардтъ рѣшили основать свой органъ. Но для журнала, кромѣ умственнаго труда, нуженъ и капиталъ, кромѣ редактора нуженъ еще и издатель. Благодаря «комбинаціи счастливыхъ обстоятельствъ», послѣдній вскорѣ нашелся. Къ кружку Вирхова въ это время примкнулъ Зигфридъ Реймеръ, берлинскій врачъ для бѣдныхъ, бывшій, правда, нѣсколько старше Вирхова и его друзей, но преданный всей душой новому движенію. Онъ-то и убѣдилъ своего брата, книгопродавца Георга Реймера, взять на себя изданіе новаго журнала. Предпріятіе, вообще, представлялось нѣсколько рискованнымъ. Вирховъ и Рейнхардтъ, будущіе редакторы, были «молоды и почти неизвѣстны» въ широкихъ слояхъ медицинской публики. Для задуманнаго ими журнала, въ которомъ предполагалось помѣщать лишь оригинальныя, самостоятельныя статьи, едва-ли существовали сотрудники. Съ другой стороны, конкурренція была велика, такъ какъ недостатка въ медицинскихъ повременныхъ изданіяхъ не было. Новый органъ являлся и съ новыми идеями, а потому долженъ былъ создать себѣ и новый кругъ читателей. Дѣло шло вѣдь о томъ, чтобы «начать борьбу за принципы и методы противъ школъ и авторитетовъ». Редакторы наши однако, не унывали и съ твердою вѣрою въ собственныя силы и въ честное дѣло, приступили къ изданію. Въ 1847 году вышла 1-ая книжка «*Архива патологической анатоміи и физіологіи и клинической медицины*» (*Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Médicin*) подъ редакціей Вирхова и Рейнхардта.

«Иной журналъ,—писалъ впослѣдствіи Вирховъ,—возникаетъ благодаря спекуляціи книгопродавца, благодаря отсутствію занятій и дохо-

довъ у редактора, благодаря честолюбію видѣть себя во главѣ повременнаго изданія, или благодаря небезкорыстному стремленію достичь высокаго и вліятельнаго положенія. Работаешь, конечно, тогда и самъ, но еще охотнѣе предоставляешь другимъ за себя работать. Редакторъ заполняетъ мелкими статейками пробѣлы, ведетъ смѣсь и пишетъ фельетонныя замѣтки или просто перепечатываетъ диссертаціи и другія статьи и со всѣмъ комфортомъ забираетъ деньги и славу; тяжелая же работа съ незначительнымъ вознагражденіемъ или даже безъ всякаго вознагражденія предоставляется сотрудникамъ».

Ничего подобнаго не имѣло мѣста при возникновеніи новаго журнала. Редакція, конечно, имѣла въ виду пріобрѣсти при посредствѣ «*Архива*» вліяніе, но оба редактора «находились въ томъ счастливомъ времени жизни, когда обладаешь незначительными потребностями, горячей жаждой созидательной дѣятельности, а потому и большимъ самопожертвованіемъ, и когда вліяніе въ наукѣ цѣнишь несравненно выше личнаго или оффиціальнаго вліянія».

Въ первыхъ книжкахъ новаго органа появились работы преимущественно берлинскихъ патологовъ, но уже вскорѣ подъ научное знамя Вирхова стали многіе выдающіеся молодые ученые, какъ германскіе, такъ и заграничные. «*Вирховскій Архивъ*», какъ теперь всюду называютъ это изданіе, сталъ международнымъ медицинскимъ органомъ и въ настоящее время уже обнимаетъ 150 томовъ. Перу Вирхова въ его «*Архивѣ*» принадлежатъ свыше 200 научныхъ работъ и руководящихъ статей. Съ 1852 года, со смертью Рейнхардта, редакція всецѣло перешла къ Вирхову.

Имя Вирхова быстро пріобрѣло [заслуженную и почетную извѣстность въ научномъ мірѣ. Большой публикѣ, однако, оно стало извѣстно впервые лишь по поводу его командировки въ Верхнюю Силезію на эпидемію тифа.

Въ самомъ началѣ 1848 года въ прусскихъ газетахъ стали все чаще и чаще появляться корреспонденціи о господствующей въ Верхней Силезіи эпидеміи. Между тѣмъ прусское министерство народнаго просвѣщенія, вѣдающее и духовныя и медицинскія дѣла, не получало отъ мѣстныхъ медицинскихъ управленій ни отчетовъ о природѣ этой болѣзни, ни даже донесеній объ ея существованіи. Когда же столбцы прессы наполнились все болѣе и болѣе ужасными подробностями объ этомъ голодномъ тифѣ, когда уже по всей Германіи пронесся крикъ о помощи гибнущимъ отъ голода и эпидеміи жителямъ Верхней Силезіи, когда, наконецъ, даже министерство внутреннихъ дѣлъ сочло себя вынужденнымъ выйти изъ своего обычнаго равнодушія къ положенію окраинъ, тогда только министръ народнаго просвѣщенія рѣшилъ принять мѣры. Онъ возложилъ на высшаго медицинскаго чиновника своего министерства, д-ра Бареца порученіе «отправиться въ Верхнюю Силезію, чтобы ближе ознакомиться съ вспыхнувшей тамъ эпидеміей

тифа и съ принятыми противъ нея мѣрами, а также оказать содѣйствіе совѣтомъ и дѣломъ распорядительнымъ и исполнительнымъ властямъ повсюду, гдѣ это ему покажется нужнымъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ колебался, однако, дать Барецу полномочія для дѣйствительнаго вмѣшательства въ дѣло. Кромѣ административной стороны вопроса, министръ народнаго просвѣщенія желалъ, чтобы эпидемія была изучена и въ строго-научномъ отношеніи. Для этого требовалось командировать какое-либо компетентное лицо. Выборъ палъ на прозектора *Charité*, доцента Вирхова.

18 февраля 1848 года Вирховъ получилъ отъ министра порученіе отправиться въ пораженныя тифомъ мѣстности. Барецъ, говорилось въ предписаніи Вирхову, «будетъ слишкомъ занятъ, чтобы имѣть достаточно досуга подвергнуть эпидемію ближайшему изслѣдованію въ интересѣ науки; между тѣмъ для ввѣренной министру народнаго просвѣщенія части врачебнаго управленія важно, чтобы природа выступившей съ такою страшною силою эпидеміи была и въ научномъ отношеніи изслѣдована возможно основательнымъ и обѣщающимъ успѣхъ образомъ». Это-то изслѣдованіе и было возложено на Вирхова.

19 февраля, вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда въ Силезію, Вирховъ зашелъ проститься къ своему любимому учителю и другу, Іоганну Мюллеру. Великій физіологъ былъ пораженъ, что Вирховъ намѣренъ подвергнуть себя всѣмъ опасностямъ голоднаго тифа. На это молодой ученый резонно возразилъ, что, въ виду угрожающей близости революціи во Франціи, и сидя дома нельзя знать, какъ сложатся обстоятельства.

20 февраля Вирховъ совмѣстно съ Барецомъ отправились въ путь. Объѣхавъ въ сопровожденіи Вирхова различные округа, пораженные эпидеміей, Барецъ 29 февраля отправился обратно въ Берлинъ. Вирховъ же, пробывъ въ одномъ городкѣ, гдѣ былъ устроенъ лазаретъ, до 7-го марта, затѣмъ еще разъ посѣтилъ наиболѣе пораженную мѣстность и къ 10-му марта вернулся въ Берлинъ.

Уже 15-го марта Вирховъ представилъ берлинскому Обществу научной медицины свои знаменитыя *«Сообщенія о господствующей въ Верхней Силезіи эпидеміи тифа»*. *«Сообщенія»* эти, появившіяся затѣмъ въ его *«Архивѣ»* и вышедшія также и отдѣльнымъ изданіемъ, занимаютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 180 печатныхъ страницъ!

Вирховъ широко понялъ возложенное на него порученіе, можетъ быть, даже шире, чѣмъ это было желательно пославшимъ его. Онъ дѣйствительно изучилъ *«природу эпидеміи»* возможно основательнымъ и обѣщающимъ успѣхъ образомъ. Посылая для изученія эпидеміи такого узкаго спеціалиста, какимъ могъ и долженъ былъ быть въ глазахъ министерства прозекторъ *Charité*, правительство, вѣроятно, ожидало, что получитъ сухой медицинскій отчетъ о числѣ заболѣваній, о появленіи и ходѣ эпидеміи, объ интензивности самого заболѣванія, его

клинической и патолого-анатомической картинѣ и его лѣченіи. Все это, конечно, нашло себѣ должное мѣсто въ «*Сообщеніяхъ*» Вирхова, но въ общемъ послѣднія представляютъ прекрасный, горячо написанный соціально-экономическій очеркъ, рисующій безотратное состояніе цѣлой провинціи, населеніе которое страдало и гибло вслѣдствіе невѣжества, нищеты, голода и эпидемій. Это—полный обвинительный актъ противъ безгранично царившаго тогда въ Пруссіи самодовольнаго и сухого бюрократизма.

Въ своихъ замѣчательныхъ «*Сообщеніяхъ*» Вирховъ прежде всего знакомитъ насъ со страною и жителями. Послѣдніе поразили столичнаго ученаго низкою степенью своей культуры или, вѣрнѣе говоря, полнымъ отсутствіемъ всякой культуры: никакого ухода даже за своимъ тѣломъ, полная физическая и умственная апатія. «Верхнесилезецъ,—замѣчаетъ Вирховъ,—вообще совершенно не моется, а предоставляетъ попеченію неба по временамъ сильными ливнями освобождать его тѣло отъ скопившихся на немъ корокъ грязи». Въ этомъ смыслѣ верхнесилезцы прекрасно иллюстрировали мнѣніе Бокля о соотношеніи между количествомъ потребляемаго мыла и степенью культуры.

Справедливо видя въ низкой культурѣ силезцевъ основную причину господствующихъ среди нихъ эпидемій, главный причинный, этіологическій, выражаясь медицинскимъ языкомъ, моментъ,—авторъ «*Сообщеній*» и старается выяснить тѣ условія, многовѣковая конкурренція которыхъ привела къ такому печальному положенію вещей.

Почти 7 вѣковъ, какъ населеніе Верхней Силезіи, оторванное отъ родного ему, польскаго, народа, не принимало участія въ историческомъ развитіи послѣдняго. Съ другой стороны, сохранивъ польскій языкъ, верхнесилезцы ничего не восприняли отъ германской культуры, благодаря отсутствію какого-либо связующаго звена. Лишь въ позднѣйшее время стали предпринимать опыты германизаціи при помощи школъ, но средства, къ которымъ обратилось правительство для этой цѣли, носили въ себѣ уже гарантію своего безплодія. «Посылали,—пишетъ Вирховъ,—въ польскій край нѣмецкихъ школьныхъ учителей съ самымъ ограниченнымъ, на сколько это было возможно, образовательнымъ цензомъ, и предоставляли затѣмъ наставнику и его ученикамъ познакомить другъ друга съ ихъ родными языками. Результатомъ было обыкновенно то, что учитель въ концѣ концовъ научался польскому языку, а не ученики—нѣмецкому. Вмѣсто того, слѣдовательно, чтобы распространился нѣмецкій языкъ, получалъ скорѣе перевѣсъ польскій». Едва ли какая-нибудь иная книга, кромѣ молитвенника, была доступна народу. Такимъ образомъ, «стало возможнымъ, что здѣсь существуетъ свыше полумилліона людей безъ всякаго самосознанія своего развитія, какъ народности, безъ всякаго слѣда исторіи культуры, такъ какъ они, что ужасно, лишены развитія, лишены культуры». Другимъ тормазомъ культурнаго роста являлась католическая іерархія, окончательно порабо-

тившая несчастное населеніе Верхней Силезіи: патеръ—неограниченный властелинъ этого народа, который покоренъ ему, какъ толпа крѣпостныхъ. Въ виду своего вліянія духовенство могло бы, если бы только пожелало, легко поднять народъ до извѣстнаго уровня развитія. «Но въ интересѣ матери-церкви,—говоритъ Вирховъ,—поддерживать въ народѣ ханжество, глупость и порабощеніе; Верхняя Силезія представляетъ лишь новый примѣръ въ длинномъ ряду старыхъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ Испанія, Мексика и Ирландія».

Что касается бюрократіи въ лицѣ мѣстныхъ властей, то ея вина въ данномъ случаѣ не столько положительная, сколько отрицательная. Административныя власти какъ бы не сознавали все безотрадное состояніе этого несчастнаго края. Видя ежедневно этотъ забитый народъ, власти Верхней Силезіи такъ притупили свою впечатлительность, стали такъ равнодушны къ его страданію, что, когда наконецъ помощь бѣдствующему населенію явилась со всѣхъ сторонъ, бюрократія подняла общую жалобу, что *избалуютъ* народъ. «Когда тѣмъ, которымъ нечего, абсолютно нечего было ѣсть, отпускали 1 фунтъ муки на день, явились опасенія, что они избалуются! Можно ли представить себѣ что-либо ужаснѣе того, что кто-нибудь избалуется на мукѣ, одной лишь простой мукѣ, и что у кого-нибудь могутъ явиться подобныя опасенія!» Съ народа, гибнущаго отъ голода и тифа, взыскивали по прежнему уплату повинностей и податей! Пренебрегая совершенно интересами несчастныхъ верхнесилезцевъ, прусское правительство окончательно забросило этотъ край и такимъ образомъ сдѣлало невозможнымъ какъ духовный, такъ и матеріальный подъемъ народа.

Наконецъ, не малая доля вины въ некультурности силезскаго населенія падаетъ на крупныхъ земельныхъ собственниковъ, на помѣщиковъ. Ни въ одной изъ восточныхъ провинцій Пруссіи не было такой богатой земельной аристократіи и нигдѣ эта аристократія не соприкасалась такъ мало съ сельскимъ населеніемъ. Большинство помѣщиковъ тратило свои громадные доходы въ крупныхъ центрахъ или за границей. При такихъ условіяхъ о ростѣ благосостоянія края не могло быть и рѣчи. Масса сельскаго населенія несла всю тяжесть барщины, работая на помѣщика 5, 6 дней въ недѣлю. Что крестьяне вырабатывали со своихъ надѣловъ, едва хватало на удовлетвореніе первыхъ потребностей. Чего же можно было ожидать отъ народа, который цѣлые вѣка въ глубокой нищетѣ боролся за свое существованіе, который никогда не зналъ такого времени, когда его работа шла въ его же пользу, который плодъ своего пота видѣлъ падающимъ всегда лишь въ карманы помѣщиковъ. Вполнѣ естественно, что такой несчастный народъ вообще совершенно оставилъ всякую мысль о продолжительномъ владѣніи, что онъ научился заботиться не о завтрашнемъ днѣ, а только о сегодняшнемъ. Послѣ столькихъ дней работы, которая производилась лишь для благосостоянія другихъ, что̀ было естественнѣе, если народъ

свой свободный день употреблялъ на отдыхъ, на лѣнь, на дрему на своей любимой печкѣ? Что естественнѣе того, что онъ производилъ небрежно работу для помѣщика,—работу, которая ему ничего не давала, и что требовались особые стимулы, чтобы призвать его къ энергической дѣятельности. Существовалъ же здѣсь лишь одинъ стимулъ—водка, которой народъ былъ страстно преданъ, въ которой онъ находилъ источникъ забвенія, источникъ мимолетнаго радостнаго возбужденія.

Но вотъ въ 1846 году барщина была отмѣнена. Народъ, забитый и приниженный въ теченіе столѣтій, нѣтъ, съ момента появленія своего въ исторіи, увидѣлъ наступленіе для себя дня личной свободы. Могъ ли онъ привѣтствовать этотъ день подобно человѣку сильному, сознающему свою свободу? Что могъ народъ, привыкшій посвящать свое свободное время только ничегонедѣланію, сдѣлать другого, какъ не посвятить свои дни, которые теперь всѣ были свободны, всѣ—ничегонедѣланію, лѣни, апатіи. Не было никого, кто бы въ качествѣ его друга, его наставника, его опекуна, поддержалъ его на первыхъ шагахъ по новому пути, далъ указанія, руководилъ; никого, кто бы показалъ ему значеніе свободы, самостоятельности, кто бы научилъ его, что благосостояніе и образованіе—результаты труда, источники счастія.

А между тѣмъ, по наблюденіямъ Вирхова, верхнесилезцы оказались бы способными и къ труду, и къ умственному развитію, если взять на себя задачу пробудить ихъ дремлющія качества. Народъ, каковъ онъ теперь, слабый физически и умственно, нуждается въ руководительствѣ, въ извѣстнаго рода опекѣ. Пусть покажутъ этому народу на примѣрѣ и собственномъ опытѣ, какъ благосостояніе вытекаетъ изъ труда; пусть научатъ познать потребности, предоставляя ему наслажденіе тѣлесными и духовными благами; пусть его допустятъ принять участіе въ культурѣ, въ великомъ движеніи народовъ, и онъ не замедлитъ выйти изъ этого состоянія неволи, порабощенія, апатіи и дать новый примѣръ силы и подъема человѣческаго духа. Приступить къ рѣшенію этой задачи—вотъ дѣло, достойное благомыслящаго и предусмотрительнаго государственнаго дѣятеля.

«Медицина,—говоритъ Вирховъ,—какъ соціальная наука, какъ наука о человѣкѣ, несетъ обязанность ставить подобныя задачи и дѣлать попытки къ ихъ теоретическому рѣшенію; государственный дѣятель—практическій антропологъ—долженъ находить средства къ ихъ рѣшенію».

Нарисовавъ картину соціально-экономическаго строя Верхней Силезіи, авторъ «*Сообщеній*» знакомитъ насъ далѣе съ гигіеничегкими условіями быта этого народа, съ его жилищемъ и питаніемъ. Картина дѣлается отъ этого еще мрачнѣе, если это только возможно.

Въ дальнѣйшихъ главахъ своего очерка Вирховъ въ полной мѣрѣ удовлетворяетъ возложенному на него порученію изучить верхнесилезскую эпидемію въ медицинскомъ отношеніи. Прежде всего онъ подвергаетъ критикѣ

ходячіе взгляды на сущность эпидемическихъ болѣзней, анализируетъ затѣмъ различныя мнѣнія о развитіи эпидеміи и, наконецъ, обращается къ описанію верхнесилезской эпидеміи, причемъ послѣдовательно разсматриваетъ болѣзненныя явленія и трупныя измѣненія, статистику заболѣваній, природу и ближайшія причины эпидеміи. Какъ иллюстраціи, онъ приводитъ подробно девять исторій болѣзни и четыре протокола вскрытія.

На вопросѣ о медицинскомъ лѣченіи эпидеміи Вирховъ останавливается не долго. Зло было слишкомъ глубоко, чтобы здѣсь могли помочь микстуры. Опустошительная эпидемія и страшный голодъ свирѣпствовали одновременно среди бѣднаго, невѣжественнаго и забитаго населенія. Въ теченіе года въ одномъ округѣ умерло 10% всего населенія, изъ нихъ 6,48% отъ голода и эпидемій, 1,3% по оффиціальнымъ записямъ прямо-таки отъ голода. Въ другомъ округѣ въ продолженіи 8 мѣсяцевъ заболѣло 14,3% числа жителей тифомъ, изъ нихъ умерло 20,46%; оффиціально установлено, что здѣсь въ продолженіи 6 мѣсяцевъ, пришлось трети населенія выдавать кормъ. Оба эти округа уже къ началу 1848 года насчитывали сиротами около 3% населенія.

Никто не считалъ бы возможнымъ что-нибудь подобное въ государствѣ, которое, какъ Пруссія, придавало такое большее значеніе превосходству своихъ установленій. Это, однако, оказалось возможнымъ. «Вотъ стоятъ,—восклицаетъ авторъ *«Сообщеній»*,—внѣ всякаго сомнѣнія длинные ряды цифръ, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности выражаетъ нужду, полную ужаса нужду». Если нельзя уже было отрицать болѣе всей несмѣтной суммы бѣдствія, то не слѣдовало и отступать предъ неизбѣжными выводами. Эти выводы сводятся, по убѣжденію ученаго изслѣдователя верхнесилезской эпидеміи, къ тремъ словамъ: «полная и неограниченная демократія».

«Пруссія,—говоритъ Вирховъ далѣе,—гордилась своими законами и своими чиновниками. Дѣйствительно, чего только не было предусмотрѣно закономъ! По закону пролетарій могъ требовать средствъ, обезпечивающихъ его отъ голодной смерти; законъ гарантировалъ ему работу, чтобы онъ могъ самъ добыть себѣ эти средства; школы, это столь хваленыя прусскія школы, были на лицо, чтобы предоставить ему образованіе, которое было столь необходимо для его сословнаго состоянія, санитарная полиція, наконецъ, имѣла прекрасное назначеніе наблюдать за его жилищемъ, за его образомъ жизни. И какое полчище хорошо вышколенныхъ чиновниковъ стояло на готовѣ, чтобы примѣнить эти законы! Какъ вторгалось это полчище повсюду въ частную жизнь, какъ слѣдило оно за самыми сокровенными отношеніями «подданныхъ», чтобы предохранить ихъ духовное и матеріальное счастіе отъ слишкомъ высокаго подъема, какъ ревностно опекало оно каждое поспѣшное или рѣзкое движеніе ограниченнаго разума подданныхъ! Законъ былъ на лицо, чиновники были на-лицо, а народъ—умиралъ тысячами отъ го-

лода и эпидемій. Законъ ничему не помогъ, потому что представлялъ собою лишь писанную бумагу; чиновники ничему не помогли, потому что результатомъ ихъ дѣятельности была опять-таки только исписанная бумага. Все государство стало постепенно бумажнымъ, превратилось въ большой карточный домъ, и когда народъ прикоснулся къ нему, карты разсыпались пестрой кучей».

Касаясь мѣръ противъ эпидеміи, Вирховъ переноситъ центръ тяжести на «заботу о будущемъ», на вопросъ, какъ предотвратить въ будущемъ такіе порядки, какіе онъ засталъ въ Верхней Силезіи. Логическій отвѣтъ на этотъ вопросъ очень легокъ и простъ—образованіе съ его спутниками свободой и благосостояніемъ. Менѣе легокъ и простъ однако фактическій отвѣтъ, рѣшеніе этой великой соціальной задачи. «Медицина,—говоритъ нашъ авторъ,—незамѣтно завела насъ въ соціальную область и поставила насъ въ положеніе самимъ теперь столкнуться съ великими вопросами нашего времени. Поймите, для насъ дѣло не идетъ уже болѣе о лѣченіи того или другого тифознаго больного помощью лѣкарствъ, регулированія питанія, жилища, одежды; нѣтъ, культура $1^1/_2$ милліона нашихъ согражданъ, которые находятся на самой низкой ступени нравственнаго и физическаго упадка,—вотъ наша задача».

Здѣсь палліативамъ не мѣсто. Здѣсь нужны радикальныя мѣры,—и авторъ «*Сообщеній*» требуетъ радикальной реорганизаціи Верхней Силезіи.

Руководящею нитью при этомъ должно служить то обстоятельство, что верхнесилезцы—поляки по своему языку, происхожденію и обычаямъ. Внести въ этотъ край культуру посредствомъ чужого для населенія языка, языка «нѣмыхъ», нѣмецкаго—немыслимо. Если желаютъ укоренить въ Верхней Силезіи германскій духъ, то этого можно достичь только однимъ путемъ: надо устраивать *польскія* школы, назначать въ нихъ *польскихъ* учителей, которые дѣйствовали бы не въ интересахъ католической іерархіи, а въ интересахъ общечеловѣческихъ; для взрослыхъ надо позаботиться о народныхъ книжкахъ на *польскомъ* языкѣ,—книжкахъ, которыя сообщали бы имъ знанія въ соотвѣтствующей формѣ и были бы доступны ихъ пониманію. Конечно, національная реорганизація края можетъ совершиться и совсѣмъ инымъ путемъ, если Верхнюю Силезію захватитъ славянское движеніе, и она войдетъ въ составъ федераціи славянскихъ государствъ. Во всякомъ случаѣ, все это—дѣло далекаго будущаго.

Ближайшія практическія мѣры, которыя должны быть немедленно приняты правительствомъ, прежде всего касаются народнаго образованія. Надо поставить народное образованіе на самыхъ широкихъ началахъ. надо позаботиться объ устройствѣ хорошихъ школъ, элементарныхъ, земледѣльческихъ и ремесленныхъ. Необходимо школу совершенно отдѣлить отъ церкви; обученіе должно стать свѣтскимъ и основой его слѣдуетъ сдѣлать положительное изученіе природы. Благотворно повліять

на подростающее поколѣніе—въ настоящее время особенно удобный моментъ. Благодаря эпидеміи осиротѣли сотни дѣтей, которыя теперь стоятъ одиноко, совершенно внѣ вліянія своихъ приниженныхъ семей. На развитіе ихъ слѣдуетъ прежде всего обратить исключительное вниманіе. Не слѣдуетъ однако ограничиваться одними дѣтьми. Взрослое населеніе также надо пріобрѣсти для культуры. Самыми подходящими средствами для этого Вирховъ считаетъ: введеніе широкаго самоуправленія въ общинѣ и государствѣ; проведеніе разумной системы прямыхъ и справедливыхъ налоговъ; отмѣну привилегій отдѣльныхъ личностей и уничтоженіе феодальныхъ тяготъ, угнетающихъ бѣдные классы; улучшеніе земледѣлія, огородничества и скотоводства; улучшеніе путей сообщеній, устройство фабрикъ и т. д. Вирховъ требуетъ отъ государства, чтобы оно взяло въ свои руки организацію труда: на государствѣ лежитъ прямая обязанность—обезпечить каждому рабочему возможность человѣческаго существованія. Заботиться о томъ, чтобы люди могли имѣть работу—это и есть задача государства. Конечно, государство не должно стѣснять свободнаго самоопредѣленія человѣка; оно должно являться лишь въ роли помощника и совѣтника. Главнымъ же образомъ необходима и желательна ассоціація неимущихъ, чтобы они путемъ этой ассоціаціи могли вступить въ ряды пользующихся жизнью, чтобы люди разъ навсегда перестали быть лишь машинами для другихъ.

«Весь свѣтъ знаетъ,—пишетъ Вирховъ,—что пролетаріатъ нашего времени обусловленъ, главнымъ образомъ, введеніемъ и улучшеніемъ машинъ, что въ той мѣрѣ, какъ земледѣліе, фабричное производство, судоходство и пути сообщенія, вслѣдствіе усовершенствованія ихъ орудій, достигли такого развитія, какого никогда нельзя было даже предчувствовать,—въ той же мѣрѣ человѣческая сила потеряла всякую автономію и вступила въ машинное производство въ качествѣ члена его, члена, правда, живого, но эквивалентнаго мертвой стоимости. Люди теперь уже цѣнятся только какъ «руки». Но развѣ это смыслъ машинъ въ исторіи культуры народовъ? Развѣ тріумфы человѣческаго генія не служатъ ни къ чему иному, какъ лишь къ обездоленію рода человѣческаго? Конечно, нѣтъ! Наше столѣтіе открываетъ собою соціальную эпоху и предметомъ его дѣятельности не можетъ быть ничто иное, какъ стремленіе свести къ возможно меньшему размѣру все машинообразное въ человѣческой работѣ, все то, что преимущественно приковываетъ людей къ почвѣ, къ грубо-матеріальному и отвлекаетъ отъ болѣе тонкаго движенія матеріи. Человѣкъ долженъ работать лишь столько, сколько необходимо, чтобы изъ почвы, изъ грубаго вещества извлечь столько, сколько необходимо для уютнаго существованія всего даннаго поколѣнія; но онъ не долженъ расточать свои лучшія силы на созданіе капитала. Капиталъ—это чекъ на наслажденіе; но къ чему же этотъ чекъ увеличивать въ такой степени, которая переходитъ всякія границы? Увеличивайте наслажденіе, а не одну лишь мертвую

и холодную возможность его, которая, сверхъ того, даже по отношенію къ капиталу не является постоянною, а безконечно колеблющеюся и ненадежною. Французская республика уже признала этотъ принципъ въ своемъ лозунгѣ братства и, повидимому, собирается, несмотря на всю силу старой буржуазіи, осуществить его на дѣлѣ при посредствѣ ассоціаціи. Дѣйствительно, ассоціація неимущаго труда съ капиталомъ государства, или денежной аристократіи, или многихъ мелкихъ собственниковъ — вотъ единственное средство для улучшенія соціальнаго положенія. Капиталъ и рабочая сила должны быть, по крайней мѣрѣ, равноправны, и живая сила не должна болѣе быть въ подчиненіи у мертваго капитала».

Предлагая для Верхней Силезіи такія радикальныя средства, какъ лѣкарства противъ возврата голода и страшной тифозной эпидеміи, Вирховъ не скрывалъ отъ себя, что можетъ встрѣтить улыбку на лицахъ тѣхъ, которые «не въ состояніи подняться на возвышенныя точки зрѣнія въ исторіи культуры». Онъ былъ, однако, увѣренъ, что съ нимъ согласятся «серьезныя и ясныя головы, которыя въ силахъ понять свое время». Конечно, даже признавая, что только предложеннымъ въ «*Сообщеніяхъ*» путемъ мыслимо основательное излѣченіе, иные могутъ прибѣгнуть къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ возраженію, что пришлось бы долго ждать наступленія новаго порядка.

«Имъ я возражаю,—заканчиваетъ свои «Сообщенія» Вирховъ,—что, послѣ полнаго прекращенія нынѣшней эпидеміи, нельзя ждать скораго появленія ея вновь. Поэтому, пусть воспользуются предстоящимъ промежуткомъ времени, чтобы прекрасный и богатый край, который до сихъ поръ, къ стыду правительства, былъ населенъ несчастными и заброшенными людьми, предохранить путемъ свободныхъ и національныхъ установленій отъ повторенія столь ужасныхъ сценъ».

Командировка на верхнесилезскую эпидемію сразу перенесла Вирхова изъ тиши кабинета въ сферу самой примитивной борьбы за существованіе со всѣми ужасами нищеты, голода и мора. Изъ изслѣдователя патологическихъ «препаратовъ» прозекторъ *Charité* обратился въ изслѣдователя патологическихъ соціальныхъ отношеній; мѣсто труповъ, надъ которыми ему приходилось до сихъ поръ работать, заняли живые мертвецы, не понимающіе даже того, что они—мертвецы. Для Вирхова здѣсь шла уже рѣчь не объ узко-научныхъ вопросахъ. Чтобы высказать прямо тѣ выводы, къ которымъ привело нашего ученаго изученіе верхнесилезской эпидеміи, требовалось, помимо научной добросовѣстности и логической послѣдовательности, при тогдашнемъ положеніи вещей, не малая доля и гражданскаго мужества.

Ю. Малисъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.**

КНИГА I.

Внѣшній міръ.

I.

Утромъ 9-го мая 18... г. трое изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ нашей исторіи находились, въ числѣ другихъ пассажировъ, на палубѣ парохода «Тинвальдъ», стоявшаго у острова Мэна, близъ Дугласскаго мола и разводившаго пары, готовясь къ отплытію въ Ливерпуль. Одно изъ нихъ было—семидесятилѣтній старикъ священникъ съ кроткимъ, привѣтливымъ дѣтскимъ лицомъ; другое—молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, тоже священникъ; третье—двадцатилѣтняя дѣвушка. Старшій священникъ имѣлъ бѣлый галстухъ на шеѣ и былъ одѣтъ въ сильно поношенное черное платье, покроя, болѣе употребительнаго двадцать лѣтъ назадъ, чѣмъ теперь; младшій былъ въ длинномъ сюртукѣ съ отложнымъ бѣлымъ воротникомъ, какіе носятъ католическіе священники, и въ широкополой касторовой шляпѣ со шнуркомъ и кисточкой. Они стояли какъ разъ посрединѣ, и капитанъ, направлявшійся изъ своей каюты къ мосткамъ, привѣтствовалъ ихъ, проходя мимо.

— Здравствуйте, м-ръ Стормъ.

Молодой человѣкъ слегка поклонился, приподнявъ шляпу.

— Съ добрымъ утромъ, пасторъ Квэйль.

— Съ добрымъ утромъ, капитанъ,—живо отозвался старикъ,—съ добрымъ утромъ!

Послѣдовалъ обычный вопросъ о погодѣ; выпрямившись по военному, чтобы отвѣтить, капитанъ встрѣтился глазами съ молодой дѣвушкой.

— Это-то и есть внучка?

— Да, это Глори. Она-таки рѣшилась покинуть своего старика дѣда, и я пріѣхалъ сюда изъ Илля, чтобы проводить ее.

— Что жъ, теперь передъ барышнею открытъ весь міръ; мнѣ слѣдовало бы сказать, что міръ у ея ногъ. Вы прекрасны и свѣжи, какъ утро, миссъ Квэйль!

Капитанъ самъ засмѣялся своему комплименту и пошелъ дальше. Дѣвушка выслушала его полубезсознательно и отвѣтила только взглядомъ черезъ плечо и улыбкой. Ея зрѣніе, слухъ, всѣ ея чувства и способности были поглощены тѣмъ, что происходило передъ ея глазами.

Было чудное весеннее утро. Еще не пробило девяти часовъ, но солнце стояло уже высоко надъ Дугласовой Головой, и лучи его золотили воду, отражаясь въ мелкой ряби надвигавшагося прилива. На пристани грохотали телѣги; по шкафутамъ спускались толпой пассажиры; на обѣихъ палубахъ стало тѣсно.

— Какая прелесть!—говорила дѣвушка, обращаясь не столько къ своимъ спутникамъ, сколько къ себѣ самой; а старый пасторъ смѣялся взрывамъ ея восторга при видѣ самаго обыкновеннаго зрѣлища, и отвѣчалъ незначущими замѣчаніями, наивными, ласковыми рѣчами, походившими на невинный лепетъ горнаго ручья.

Дѣвушка была ростомъ выше обыкновеннаго, имѣла золотисто-красные волосы и огромные, великолѣпные темно-сѣрые глаза. На одномъ глазу было коричневое пятнышко, съ перваго взгляда производившее впечатлѣніе раскосости, со второго—кокетливости, затѣмъ, придававшее ея взгляду выраженіе необычайной силы и страсти,—и это послѣднее впечатлѣніе оставалось. Но самой замѣтной чертой въ ея лицѣ былъ ротъ, немного слишкомъ большой для того, чтобы назвать его красивымъ, и безпрестанно нервно подергивавшійся. Поражалъ и ея голосъ, низкій, густой, какой-то мягко сиплый, но способный ко всевозможнымъ оттѣнкамъ. Почти всѣ ея рѣчи дышали шутливымъ задоромъ и насмѣшкой; въ каждомъ словѣ участвовали и душа, и тѣло. Она ни минуты не оставалась въ покоѣ; даже когда она стояла на одномъ мѣстѣ, ноги ея безпрестанно двигались. Она была одѣта просто, почти бѣдно и, пожалуй, немножко небрежно. Все время она смѣялась и улыбалась, но иногда въ глазахъ ея стояли слезы.

Молодой священникъ былъ хорошаго средняго роста, но казался выше, благодаря изящной манерѣ держаться. Приподнявъ шляпу въ отвѣтъ на привѣтствіе капитана, онъ обнаружилъ крутой, выпуклый лобъ и большую, коротко остриженную голову. У него былъ правильный носъ, могучій подбородокъ и полныя губы,—всѣ черты очень рѣзкія и опредѣленныя для такого молодого человѣка,—и цвѣтъ лица темный, почти смуглый; что-то цыганское свѣтилось въ его большихъ золотисто-карихъ глазахъ съ длинными черными рѣсницами. Онъ былъ гладко выбритъ, и нижняя часть лица его казалась тяжелой въ сравненіи съ яркимъ огнемъ глазъ. Въ его обращеніи проглядывала застѣн-

чивая принужденность; онъ все время не двигался съ мѣста и почти не подымалъ опущенной головы; рѣчь у него была степенная, медленная и обдуманная; голосъ звучный и увѣренный.

Раздался второй звонокъ, и пасторъ сталъ собираться на берегъ.

— Вы вѣдь позаботитесь объ этой бѣглянкѣ и доставите ее въ госпиталь?

— Доставлю.

— И будете присматривать за ней тамъ, въ этомъ огромномъ Вавилонѣ?

— Если она позволитъ мнѣ, сэръ.

— Да, да, я знаю; она непостоянна, какъ вода, и не дается въ руки, какъ вольный вѣтеръ.

Дѣвушка засмѣялась.

— Ужъ вы бы лучше сразу назвали меня бурей, или,—она бросила взглядъ на молодого человѣка,—или штормомъ, Глори Шт... *) О!

Она заикнулась, прежде чѣмъ неосторожное слово сорвалось съ ея устъ, и опять засмѣялась, чтобъ скрыть смущеніе. Молодой человѣкъ слабо усмѣхнулся, скорѣе съ горечью; старый пасторъ ничего не замѣтилъ.

— А что жъ? Почему бы и нѣтъ? Самое подходящее названіе; ты его вполнѣ заслуживаешь. Но Господь милостивъ къ такимъ натурамъ, Джонъ. Онъ никогда не испытываетъ ихъ свыше силъ. Къ религіи у нея, знаете, нѣтъ большой склонности.

Дѣвушка оторвалась отъ оживленной сцены, которой любовалась, и снова вмѣшалась въ разговоръ; въ тонѣ ея слышна была смѣсь юмора и паѳоса.

— Ну вотъ! назвали бы ужъ сразу язычницей. Я знаю, дѣдушка, что вы хотите сказать. И вотъ именно для того, чтобъ показать вамъ, что я не давала себѣ торжественнаго обѣта не ходить въ церковь въ Лондонѣ, потому что вы черезчуръ удручали меня этимъ на островѣ Мэнѣ, обѣщаю прислать вамъ полный и подробный отчетъ о первой проповѣди м-ра Сторма. Ну, развѣ это не мило съ моей стороны?

Прозвонилъ третій звонокъ; рѣзкій звукъ парового свистка разнесся по заливу, ждали только почты. Старикъ пасторъ подошелъ ближе къ сходнямъ и заговорилъ торопливо:

— Довольно ли денегъ дала тебѣ тетя Анна, дитя мое?

— Достаточно, чтобъ заплатить за проѣздъ на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ...

— Не больше? Ахъ, эта Анна такая...

— Не безпокойся, дѣдушка. Женщинѣ немного нужно на этомъ свѣтѣ—за исключеніемъ тети Анны. Притомъ же больничная сидѣлка...

---

*) Игра словъ: на англійскомъ языкѣ фамилія молодого священника storm значитъ «буря», штормъ.

— Боюсь, что ты будешь чувствовать себя одинокой въ этой огромной пустынѣ.

— Одинокой при пяти милліонахъ сосѣдей!

— Ты стоскуешься по нашему острову, Глори, и я почти раскаиваюсь...

— Чуть я только захандрю, дѣда милый, сейчасъ шапку въ охапку — и маршъ домой.

— Завтра утромъ я буду по всему дому искать моей бѣглянки...

Глори попыталась весело засмѣяться.

— Вверху, внизу и въ комнатѣ миледи?

— Буду звать: «Глори! Гдѣ ты? Куда запропастилась эта дѣвочка? Я сегодня цѣлый день не слыхалъ ея голоска. Что сталось съ нашимъ старымъ домомъ? отчего онъ смотритъ такъ мрачно?»

У дѣвушки глаза были полны слезъ, но она строго возразила, тономъ ласковой насмѣшки и сердечной любви:

— Вздоръ, дѣдушка; до завтра вы забудете и о Глори, и о томъ, что она уѣхала въ Лондонъ. По утрамъ вы будете разбирать древнія руны; по вечерамъ играть въ шахматы съ тетей Рэчелью; по воскресеньямъ бранить стараго Нейлюса за то, что онъ заснулъ у аналоя, и... и все будетъ идти такъ же, какъ всегда.

Принесли почту; однѣ сходни уже убрали. Старый пасторъ, держа часы въ лѣвой рукѣ, пальцами правой полѣзъ въ жилетный карманъ.

— Вотъ,—началъ онъ, тяжело дыша, будто послѣ быстраго бѣга,— вотъ жемчужное колечко твоей матери.

Дѣвушка сняла перчатку, несвѣжую и слишкомъ свободную, и нервными тонкими пальчиками взяла кольцо.

— Такая память отъ матери, сэръ, лучшій талисманъ, — сказалъ старый пасторъ.

Молодой наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Вы съ Глори оба сироты, только... вы даже не помните вашей матери.

— Нѣтъ... не помню.

— Я буду поддерживать сношенія съ вашимъ отцомъ, Джонъ. Положитесь на меня. Вы еще будете друзьями. Человѣкъ не можетъ навсегда отвернуться отъ своего сына только за то, что тотъ предпочелъ церковь свѣту. Старикъ говорилъ, не думая; притомъ же, знаете пословицу,—громъ не убиваетъ. Предоставьте его мнѣ. Еслибъ только этотъ глупый старикашка Чэльсъ не набивалъ ему голову разными...

Клокотанье въ паровикѣ стихло, и голосъ съ мостика крикнулъ:

— Кто не ѣдетъ, прошу на берегъ!

— Прощай, Глори! Прощайте, Джонъ! Счастливаго пути вамъ обоимъ!

— Прощайте, сэръ,—отвѣтилъ молодой священникъ, сердечно пожимая ему руку.

Дѣвушка повисла у него на шеѣ.

— Прощай, милый, старый дѣда! Мнѣ стыдно, что я... Мнѣ жаль, что я... Я хочу сказать, что это гадко съ моей стороны, что... Прощай!

— Прощай моя бродяга-цыганочка, моя колдунья, моя бѣглянка!

— Если вы будете браниться, сэръ, я закрою вамъ ротъ... Еще... разокъ...

Голосъ крикнулъ: «Отчаливай!»

Молодой человѣкъ отвелъ дѣвушку отъ борта, и пароходъ медленно отчалилъ.

— Я спущусь внизъ... нѣтъ, не хочу, останусь на палубѣ. Я сойду на берегъ... я не могу этого вынести... еще не поздно. Нѣтъ, пойду лучше на корму, посмотрю на кильватеръ.

Пристань и гавань опустѣли. Надъ бѣлой маслянистой водой кричали чайки; Дугласкій молъ медленно уходилъ изъ виду. Вдоль набережной стояли друзья отъѣзжающихъ, посылая имъ прощальныя привѣтствія.

— Вонъ онъ на концѣ пристани. Вонъ дѣда машетъ платкомъ! Неужели не видите? Платокъ красный съ бѣлымъ. Спаси его Боже! Какъ мнѣ стало больно отъ его подарка! Столько лѣтъ онъ хранилъ у себя это кольцо. Однако, мой шелковый платочекъ совсѣмъ мокрый,— не хочетъ развѣваться. Не одолжите ли вы мнѣ... Ахъ, благодарю! Прощай! Прощай! Про...

Дѣвушка легла грудью на перила, совсѣмъ перегнулась черезъ нихъ и махала платкомъ до тѣхъ поръ, пока видна была пристань и люди; когда же ихъ стало невозможно различить, она пристально вглядывалась въ очертанія берега, пока и они не подернулись дымкой и не скрылось изъ виду, все, что она привыкла видѣть изо-дня-въ-день, всю свою жизнь, до сего дня.

— Милый островокъ! Я никогда не думала, чтобы онъ былъ такъ красивъ! Можетъ быть, я и здѣсь могла бы быть счастлива, еслибъ попробовала. Будь у меня хоть кто-нибудь, съ кѣмъ проводить время, хоть какое-нибудь общество... Какъ это глупо! Пять лѣтъ только о томъ и мечтала, какъ бы уѣхать, а теперь!.. А все-таки онъ прелестенъ, правда? Словно птица на водѣ! И притомъ, разъ это ваша родина... милый островокъ! И старики тоже. Какъ имъ все-таки скучно будетъ! Не знаю, доведется ли мнѣ когда-нибудь... Я сойду внизъ. Вѣтеръ крѣпнетъ, и отъ этой ряби у меня въ глазахъ... Прощай, моя пташечка! Я вернусь къ тебѣ... Да, да, не бойся, я вернусь...

Смѣхъ и несвязныя рѣчи, ласково-насмѣшливыя и трогательныя, вдругъ оборвались рыданіемъ; дѣвушка повернулась и черезъ мгновеніе уже сбѣгала по лѣстницѣ, ведущей въ каюты. Джонъ Стормъ глядѣлъ ей вслѣдъ. Онъ не отозвался ни словомъ, но большіе каріе глаза его были влажны.

II.

Отецъ Глори былъ единственнымъ сыномъ пастора Квэйля и капелланомъ епископа при епископскомъ дворѣ. Тамъ онъ и встрѣтился съ ея матерью, камеристкой супруги епископа. То была прехорошенькая молодая француженка, дочь актрисы, въ свое время знаменитости, и имперскаго офицера, который не имѣлъ понятія о ея существованіи. Вскорѣ послѣ свадьбы капеллану предложили крупную миссію въ Африкѣ, и онъ, человѣкъ благочестивый до фанатизма, поспѣшилъ принять предложеніе, не страшась береговыхъ лихорадокъ. Но молодая жена его готовилась сдѣлаться матерью; жизнь въ дальнихъ краяхъ страшила ее; поэтому мужъ отвезъ ее къ отцу, въ Илль, и простился съ ней на пять лѣтъ.

Онъ прожилъ четыре; за это время супруги обмѣнялись нѣсколькими письмами. Его послѣднія инструкціи были посланы изъ Соутгэмптона: «Если родится мальчикъ, назовите его Іоанномъ (по имени евангелиста); если дѣвочка—Глори». Въ концѣ перваго года жена писала ему: «Я отняла отъ груди нашу милочку. Ты не можешь себѣ представить, какая она прелестная! Какъ очаровательны ея маленькія голыя рученки, шейка, круглыя плечики! Знаешь—она рыжая,—положительно, рыжая и вся въ кудряшкахъ. А глаза огромные, лучистые! Ротикъ, подбородокъ, крошечные красные пальчики на ножкахъ—все одна прелесть. Не понимаю, какъ ты можешь жить, не видя ея!» Въ концѣ четвертаго года онъ прислалъ послѣдній отвѣтъ: «Дорогая женушка, разлука горька, но такъ угодно Богу. Не надо забывать, что, можетъ быть, намъ и всю жизнь придется провести врозь». Затѣмъ пришло письмо отъ англійскаго консула на рѣкѣ Габунѣ, съ извѣстіемъ о смерти слишкомъ ревностнаго миссіонера.

Семья пастора Квэйля состояла всего только изъ него самого и двухъ дѣвушекъ дочерей, но и этого было слишкомъ много для живой молодой француженки. Пока былъ живъ ея мужъ, она задыхалась подъ ферулой двухъ старыхъ дѣвъ; когда же онъ умеръ, она перестала бороться съ судьбой, приняла одинъ изъ простѣйшихъ ядовъ и скоропостижно скончалась.

Высокій обнаженный холмъ, хмурясь, нависъ надъ мѣстомъ, гдѣ родилась Глори, но надъ вершиной холма всходило солнце, а склонъ его омывала красавица рѣка. Не дальше, какъ въ четверти мили внизъ по теченію была гавань, [за гаванью заливъ съ развалинами стараго замка на скалистомъ островкѣ, а еще дальше разстилалось широкое ирландское море, послѣднее въ этихъ широтахъ—«бесѣдующее съ заходящимъ солнцемъ». Приходъ назывался Гленфабъ и отстоялъ всего на полмили отъ городка Илль, славящагося своими рыбными ловлями.

Глори съ самаго рожденія была маленькой красноголовой волшебницей, обаятельной во всемъ, что она говорила и дѣлала. До шести лѣтъ ей

совершенно нельзя было вѣрить; она лгала на каждомъ словѣ. Рѣчь ея поражала отважнымъ равнодушіемъ ко всякимъ соображеніямъ относительно правды и лжи, срама и милости, награды и наказанія. «Я право боюсь,—говаривалъ, бывало, пасторъ,—что у этого ребенка совсѣмъ нѣтъ нравственнаго чутья; она какъ-будто не различаетъ хорошаго отъ дурного». Это оскорбляло въ немъ религіозное чувство, но въ то же время забавляло его, не умаляя его любви. «Глори настоящая язычница—благослови, Господи, ея невинное сердечко!»

Она обладала удивительнымъ для такого ребенка талантомъ убѣждать, въ чемъ хотѣла, себя и другихъ. Она жаждала общества другихъ дѣтей, а такъ какъ его не было, она убѣдила себя, что различные виды ея самой живутъ въ разныхъ мѣстахъ усадьбы, и звала ихъ играть съ собой. Одна Глори жила въ рѣкѣ, другая въ прудѣ, гдѣ плавали окуни, третья въ колодцѣ, четвертая на холмѣ; она говорила съ ними, и онѣ отвѣчали. Всѣ ея куклы были королями и королевами, она умѣла изобрѣтать для нихъ причудливыя и величественныя одѣянія. Казалось, она унаслѣдовала отъ своей бабушки актрисы прирожденное право на жизнь, роскошь и любовь.

Она была одарена также врожденной способностью къ мимикѣ и умѣла передразнить точь-въ-точь всякую особенность, или аффектацію. Нахмуренный лобъ строгой тетушки Анны, улыбка сантиментальной тетки Рэчели, зѣвающая физіономія вѣчно соннаго клерка Корнелія Нейлюса—все это оживало въ подвижномъ, плутовскомъ личикѣ Глори. Она запомнила нѣсколько французскихъ пѣсенокъ, пѣтыхъ матерью, и, однажды, услыхавъ уличнаго пѣвца, усѣлась на рыночной площади и принялась распѣвать ихъ, между тѣмъ, какъ вокругъ ея смѣясь, толпились взрослые, готовые зацѣловать малютку, называя ее феей Фонодоріей. Не забыла она и обойти публику, собирая полпенни.

Въ десять лѣтъ Глори была совершенный мальчишка, со всѣми мальчишескими ухватками, и маршировала по городу во главѣ отряда уличныхъ мальчишекъ, играя на гребенкѣ, заложенной между зубами, и размахивая, вмѣсто знамени, дѣдушкинымъ платкомъ, навязаннымъ на его же палку. Въ тѣ дни она лазила по деревьямъ, воровала фрукты (обыкновенно въ своемъ собственномъ саду), старалась говорить баскомъ, какъ мальчикъ, и находила тиранствомъ со стороны домашнихъ, что ей не позволяли носить панталоны. Зато она ходила въ синей вязаной матросской шапочкѣ; когда же ей, ради экономіи и опрятности, позволили носить шерстяной бѣлый джерси, она стала находить жизнь довольно пріятной. Затѣмъ кто-то, у кого валялись лишнія доски, спросилъ ее, не хочетъ ли она имѣть лодку. Ей всего хотѣлось и лодку и рая и пирожнаго, и всѣхъ небесныхъ благъ! Съ тѣхъ поръ она выѣзжала въ море въ матросской курткѣ и носилась по водѣ, какъ утка.

Двѣнадцати лѣтъ она влюбилась—въ чувство любви. То была смутная страсть, переплетавшаяся съ грезами о величіи. Пасторъ былъ слишкомъ

бѣденъ, чтобы отдать ее въ пансіонъ въ Дугласѣ, а дочери его слишкомъ горды, чтобы посылать ее въ школу для дѣвочекъ въ Пилѣ; поэтому она училась дома, подъ руководствомъ тетки Рэчели, упивавшейся стихами Томаса Мура, знавшей наизусть дни рожденія всѣхъ членовъ королевской семьи, вообще особы мягкосердечной и романической. Изъ этого источника Глори почерпнула не мало любопытныхъ свѣдѣній о какомъ-то призрачномъ мірѣ, гдѣ молодыя дѣвушки витали въ атмосферѣ солнечнаго свѣта, роскоши, любви и счастья. Однажды она лежала на поросшемъ верескомъ пильскомъ холмѣ, подложивъ руки подъ голову, и размышляла объ одной исторіи, сообщенной ей теткой Рэчель. То былъ разсказъ о сиренѣ, которой стоило выйти изъ моря, сказать любому мужчинѣ: «Поди сюда», и онъ шелъ,—бросалъ все и слѣдовалъ за ней. Вдругъ лба ея коснулся холодный носъ понтера, мужественный голосъ крикнулъ: «Прочь!» и фигура молодого человѣка, лѣтъ двадцати двухъ, въ высокихъ сапогахъ и охотничьей курткѣ, выросла между ней и утесами. Глори узнала его по виду. То былъ Джонъ Стормъ, сынъ лорда Сторма, недавно поселившагося въ замкѣ Кнокаіо, на холмѣ, на разстояніи мили отъ Гленфаба.

Цѣлыхъ три недѣли послѣ того она не могла говорить ни о чемъ другомъ и даже выучилась причесываться. Она все время наблюдала за нимъ въ церкви и увѣряла тетку Рэчель, что, по ея глубокому убѣжденію, онъ долженъ отлично видѣть въ темнотѣ, потому что его большіе глаза свѣтятся какъ-будто внутреннимъ свѣтомъ. Потомъ она стала стыдиться своего восхищенія; если кому-нибудь случалось, въ ея присутствіи, упомянуть его имя, она краснѣла до ушей и убѣгала изъ комнаты. Онъ же даже не взглянулъ на нее и скоро послѣ того уѣхалъ въ Канаду. Она переставила часы по канадскому времени, чтобы въ каждый данный моментъ знать, что онъ дѣлаетъ, а потомъ вдругъ забыла о его существованіи. Ея настроенія быстро смѣняли другъ друга, причемъ всѣ были одинаково искренни и каждое захватывало ее всецѣло; однако, второй разъ она влюбилась только годъ спустя, въ ризницѣ, въ хорошенькаго мальчика, стоявшаго противъ нея за урокомъ катехизиса.

Это былъ маленькій англичанинъ однихъ съ ней лѣтъ, пріѣхавшій погостить на праздники. Во второй разъ она увидала его у себя дома, въ Гленфабѣ, въ то время, какъ мать его отдавала визиты. Глори слегка ударила его по рукѣ, и онъ побѣжалъ за нею внизъ по откосу, потомъ влѣзъ за нею на дерево; тогда она засмѣялась и спросила: «Правда, хорошо?» а ему ничего не было видно, кромѣ ея крупныхъ бѣлыхъ зубовъ.

Его звали Фрэнсисъ Гораціо Нельсонъ Дрэкъ, и онъ постоянно разсказывалъ дѣвочкѣ о другомъ мірѣ, гдѣ находилась его школа, гдѣ жили единственные «мужчины», о которыхъ стоило говорить. Само собой онъ говорилъ обо всемъ этомъ, какъ посвященный и съ такимъ убѣдительнымъ реализмомъ, что Глори вновь унеслась въ царство грезъ. Онъ

вообще былъ дивнымъ существомъ и своевременно (черезъ три дня) она сдѣлала ему предложеніе. Правда, при этомъ онъ не подпрыгнулъ отъ восторга съ подобающей живостью, но когда она прибавила, что ей совершенно безразлично, желаетъ онъ, или не желаетъ, и что охотниковъ найдется сколько угодно, дѣло представилось ему въ другомъ свѣтѣ, и они уговорились бѣжать. Особенной надобности прибѣгать къ такой крутой мѣрѣ не было, но такъ какъ Глори имѣла въ своемъ распоряженіи лодку, это казалось самымъ подходящимъ.

Она одѣлась въ свое лучшее платье и тихонько ушла изъ дому, чтобы встрѣтиться съ нимъ подъ мостомъ, гдѣ стояла лодка. Онъ заставилъ ее прождать полчаса, такъ какъ у него имѣлись сестры и разныя другія неудобства, но, наконецъ, очутился-таки «на бортѣ ея люгера» и въ безопасности. Она задыхалась отъ волненія, онъ—отъ страха, и ни одинъ изъ нихъ не нашелъ нужнымъ тратить время на поцѣлуи.

Они выплыли изъ гавани въ заливъ; потомъ подняли парусъ и направились къ берегамъ Шотландіи. Теперь, когда дѣло было уже сдѣлано, они успокоились немного, и у нихъ нашлось время поговорить о будущемъ.

Фрэнсисъ Гораціо стоялъ за трудъ; онъ намѣренъ былъ составить себѣ имя. Глори смотрѣла на вещи нѣсколько иначе. Имя! Да, это хорошо, и разныя торжества, тріумфы, процессіи; но лучше всего путешествовать—столько интереснаго можно бы увидать, еслибъ не тратить такъ много времени на работу!

— Какая ты еще дѣвчонка!—сказалъ онъ насмѣшливо, а она закусила губку, такъ какъ это пришлось ей не по вкусу. Но все-таки прошло съ полчаса, прежде чѣмъ онъ окончательно уронилъ себя въ ея глазахъ. Дѣло въ томъ, что съ нимъ была его собака, такса и дама, и вотъ онъ принялся восхищаться ея красотой, называть ее тѣмъ именемъ, какое ей дали на псарнѣ, и говорить, что они выручатъ цѣлую кучу денегъ отъ продажи ея щенятъ. Этого Глори уже не могла вынести. Она вовсе не желала бѣжать съ человѣкомъ, который употреблялъ такія грубыя выраженія.

— Какая ты еще дѣвчонка!—повторилъ онъ снова, и на этотъ разъ она даже не обидѣлась. Взмахомъ обнаженной руки она круто повернула румпель, намѣреваясь возвратиться назадъ въ Пиль; но вѣтеръ окрѣпъ, по морю пошли волны; отъ рѣзкаго движенія лодка подпрыгнула, раздался трескъ, и парусь безпомощно повисъ, хлопая о мачту. Затѣмъ они попали въ хлябь. Глори не имѣла силы выбраться, а ея кавалеръ рѣшительно не умѣлъ помочь ей. Она была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ; онъ возился съ своей собакой; надвигалась ночь, а они все вертѣлись вокругъ шеста съ навязанной на него изодранной тряпкой. Но вдругъ изъ мрака выдѣлилась черная масса большой яхты, и голосъ взрослаго человѣка крикнулъ ей: «Не бойтесь, довѣрьтесь мнѣ, дорогая!»

То былъ Джонъ Стормъ. Онъ разбудилъ въ ней молодую дѣ-

вушку; онъ же разбудилъ и женщину. Она цѣплялась за него въ эту ночь, какъ ребенокъ, и всѣ послѣдующіе четыре года въ сущности дѣлала то же. Онъ былъ ея старшимъ братомъ, ея господиномъ, повелителемъ, владыкой. Она вознесла его на головокружительную высоту, окружила ореоломъ доброты и величія. Когда онъ улыбался ей—она краснѣла, когда хмурился—она дрожала и пугалась. Думая понравиться ему, она принялась рядиться во всѣ цвѣта радуги; но онъ прочелъ ей нотацію и попросилъ вернуться къ прежнему джерси. Она усиленно приглаживала свои красные локоны, пока онъ не сказалъ ей, что многія знатныя дамы отдали бы много за такія кудри. Тогда она стала навивать ихъ на пальцы и любоваться ими въ зеркалѣ.

Онъ былъ всегда серьезенъ, но она умѣла заставить его смѣяться до упаду. Кромѣ Байрона и «Сэръ Чарльза Грандиссона» изъ библіотеки викарія, вся извѣстная ей литература ограничивалась Библіей, катехизисомъ и служебникомъ; зато она постоянно цитировала ихъ въ разговорѣ съ поразительной смѣлостью и безцеремонностью. Больше всего любила она представлять соннаго приходскаго клерка, подающаго реплики пастору.

Пасторъ: «Господи, отверзи уста наша... (Отвѣта нѣтъ). Гдѣ вы, Нейлюсъ?» Клеркъ (внезапно просыпаясь у аналоя): «Здѣсь, ваше преподобіе—и уста наши возвѣстятъ хвалу Твою!»

Когда Джону Сторму случалось засмѣяться, онъ ужъ смѣялся безъ удержу, и въ такія минуты Глори была совершенно счастлива. Но въ концѣ концовъ онъ опять уѣхалъ,—отецъ послалъ его въ Австралію; и весь свѣтъ ея жизни потухъ.

На этотъ разъ не къ чему было переводить часы и ломать голову надъ догадками, что онъ дѣлалъ тогда-то или тогда-то. Все носило другой характеръ. Глори минуло шестнадцать лѣтъ; единственное дерево, на которое она карабкалась, было дерево познанія добра и зла, и сучья его жестоко раздирали ей душу. Джонъ Стормъ былъ сынъ лорда, и самъ современемъ долженъ былъ сдѣлаться лордомъ. Глори Квэйль была сирота, а дѣдъ ея—бѣдный деревенскій священникъ. Бѣдность не слишкомъ давила ихъ, но все же въ ней была порядочная доля горечи. Необходимость соблюдать экономію въ костюмѣ, перелицованныя юбки, шляпки,—сама красота, когда онѣ были куплены, но дожившія до такихъ перемѣнъ въ области моды, что казались страшилищами,—таинственныя, неизвѣстно откуда появлявшіяся и поношенныя принадлежности костюма—какъ возмущался независимый духъ гордой дѣвушки противъ всѣхъ этихъ униженій!

Кровь матери начинала сказываться и укладъ старыхъ дѣвъ, сокрушившій жизнь юной француженки, душилъ своимъ формализмомъ уроженку острова Мэна. Она то и дѣло пропускала время обѣда или ужина, опредѣляемое по солнцу, могла засыпать когда угодно, и не спать хоть всю ночь. Ей надоѣдало сидѣть скромно, какъ подобаетъ молодой лэди,

до того, что она вскакивала и ложилась на полъ. Она часто смѣялась, чтобы не плакать, но ни за что не улыбнулась бы глупому разсказу, хотя бы разсказчицей была знатная дама, а дни рожденія членовъ королевской семьи ни капельки не интересовали ее. Старыя тетки души въ ней не чаяли, но частенько говорили: «Что станется съ этой дѣвочкой, когда умретъ дѣдъ!»

А добрякъ дѣдъ жизнь бы отдалъ ради того, чтобъ избавить ее отъ укола въ палецъ, но совершенно не понималъ ея природы. Его маніей было изслѣдованіе руническихъ крестовъ, которыми изобилуетъ островъ Мэнъ, и когда Глори помогала ему отчищать кресты и дѣлать слѣпки, онъ радовался, какъ дитя. Не смотря на то, что они жили въ одномъ домѣ и что спальня ея, откуда видна была гавань, помѣщалась рядомъ съ его крошечной затхлой лабораторіей, выходившей окнами на шиферную кровлю кладовой, онъ все время жилъ въ десятомъ столѣтіи, а она витала гдѣ-то въ двадцатомъ.

Плѣнница-птичка билась о прутья клѣтки. Раньше, чѣмъ она сама поняла это, Глори уже стремилась уйти изъ этого соннаго царства, уже сгорала желаніемъ посмотрѣть на широкій Божій міръ, раскинувшійся за его предѣлами. Лѣтними вечерами она взбиралась на Пильскій холмъ, ложилась на верескѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она впервые увидала Джона Сторма, и смотрѣла на суда, стоявшія въ заливѣ, подъ стѣнами стараго замка, а когда они снимались съ якоря, ее тянуло уйти вмѣстѣ съ ними, побывать въ морѣ, посмотрѣть большіе города на сѣверѣ и на югѣ. Но она была заперта въ тѣсномъ кругу и не видѣла выхода. Прошло два года и восемнадцати лѣтъ она терзалась мыслью, что половина ея жизни прошла безплодно. Она смотрѣла на солнце, пока оно не опускалось въ море, потомъ переводила взглядъ на другую потемнѣвшую часть неба и на Гленфабъ.

Всему виной была ихъ бѣдность, а въ бѣдности ихъ виновата была церковь. Глори начинала ненавидѣть церковь; благодаря церкви, она осиротѣла; когда она думала о религіи, какъ о профессіи, она представлялась ей чѣмъ-то ужасно эгоистичнымъ. Человѣкъ, дѣйствительно посвятившій себя высокой цѣли (какъ ея отецъ), не можетъ думать о себѣ; онъ долженъ отречься отъ любви, отъ жизни, отъ свѣта. А между тѣмъ жить приходится все же въ свѣтѣ, и что пользы хоронить себя раньше, чѣмъ умрешь?

Смутныя желанія ея какъ-то мало-по-малу приняли форму грезъ о Джонѣ Стормѣ, и вотъ, въ одно прекрасное утро, она узнала, что онъ вернулся домой. Въ тотъ же вечеръ она пошла на холмъ и бѣгала тамъ до упаду, смѣясь и плача, благо ее видѣли только чайки. Потомъ все вышло какъ въ сказкѣ: на краю утеса, близъ того мѣста, на которомъ она обыкновенно лежала, теперь лежалъ онъ. Завидѣвъ его, она пошла тише, дѣлая видъ, будто ничего не замѣтила. Онъ же бросился ей на встрѣчу, протягивая обѣ руки. Тутъ она вдругъ вспомнила, что на ней

ея старый джерси, покраснѣла до ушей и чуть не задохнулась отъ стыда. Мало-по-малу это прошло и она затараторила, какъ вѣтряная мельница, а потомъ вдругъ опять испугалась, какъ бы онъ не приписалъ ея смущенія чему-нибудь совсѣмъ другому, и, застѣнчиво обрывая цвѣты вереска, сказала ему, отчего она покраснѣла. И онъ не думалъ смѣяться. Какъ-то странно улыбаясь, онъ своимъ густымъ, низкимъ голосомъ отвѣтилъ ей нѣчто такое, отъ чего у нея кровь застыла въ жилахъ.

— Мнѣ самому предстоитъ одѣться бѣднякомъ, Глори. Я поссорился съ отцомъ и хочу быть священникомъ.

Для нея это было страшнымъ ударомъ; солнце сразу закатилось. Зато отъ удара полопались прутья клѣтки. Найдя себѣ приходъ въ Лондонѣ и вступивъ въ духовное званіе, Джонъ Стормъ сообщилъ обитателямъ Гленфаба, что, въ числѣ другихъ почетныхъ обязанностей, онъ будетъ исполнять обязанности капеллана въ большомъ Вэстъ-Эндскомъ госпиталѣ. Это внушило Глори мысль о бѣгствѣ и указало ей путь. Она рѣшила сдѣлаться больничной сидѣлкой. Это легче было сказать, чѣмъ сдѣлать, ибо тогда было въ модѣ ходить за больными; къ тому же, она была на три года моложе, чѣмъ слѣдуетъ. Съ большимъ трудомъ ей удалось добиться того, чтобъ ее приняли на пробу, и еще съ бо́льшимъ—преодолѣть страхи и привязанность дѣда. Однако, въ концѣ концовъ старикъ успокоился, узнавъ, что Глори поступитъ въ тотъ же госпиталь, гдѣ Джонъ Стормъ будетъ капелланомъ и что они могутъ ѣхать въ Лондонъ вмѣстѣ.

III.

«*Милый дѣдушка мой и всѣхъ живущихъ въ Гленфабѣ*! Наконецъ-то, дорогой, я пришла къ концу своего странствія,—и бысть вечеръ, и бысть утро, день первый! Теперь одиннадцать часовъ вечера и я собираюсь лечь въ постель въ моей собственной комнаткѣ, въ госпиталѣ Виноградника Мароы, Гайдъ-Паркъ, Лондонъ, Англія.

«Капитанъ оказался правъ: утро было такъ же свѣжо, какъ его лесть, и не успѣли мы отъѣхать далеко отъ Дугласовой Головы, какъ большинство пассажировъ изобразили собою внизу растопыренныя человѣчьи ноги на гербѣ нашего острова. Я, въ качествѣ старой морской волчихи, рѣшила, что не доставлю морю удовольствія видѣть меня больной, а потому сошла внизъ и улеглась на свою койку, раздумывая о разныхъ вещахъ. Встала я, только когда мы подошли къ Мерсею; тогда и всѣ пассажиры потянулись на палубу, кислые, какъ пахтанье, вылѣзшее изъ маслобойки.

«Что за чудное зрѣлище! Суда, верфи, башни, городъ! Я духу не могла перевести отъ волненія, пока мы не вышли на пристань. М-ръ Стормъ усадилъ меня въ кэбъ и, ради опыта, я настояла на томъ, чтобъ заплатить за себя самой. Онъ, само собой, пытался надуть меня,

но женщину не такъ-то легко провести—на то она женщина. Только мы подъѣзжаемъ къ станціи въ Ляймстритѣ,—на встрѣчу носильщикъ. Онъ поставилъ мой большой чемоданъ себѣ на голову (сущій грибъ вышелъ!) и пока м-ръ Стормъ ходилъ за газетой, я успѣла купить билетъ, а носильщикъ устроилъ меня въ вагонѣ. Я нашла, что со стороны совершенно чужого человѣка это очень мило, и дала ему шесть пенсовъ, возложивъ отвѣтственность на Провидѣніе.

«Кромѣ насъ въ вагонѣ было двѣ старыхъ дамы. Поѣздъ курьерскій — прелесть! Кажется, будто летишь съ утеса прямо въ бездну Но первая часть пути была ужасна. Когда мы въѣхали въ туннель, я чуть не вскрикнула, такъ испугалась. День былъ вообще туманный, и всю дорогу отъ Ливерпуля до Эфкъ-гилля подавали громовые сигналы точно тараномъ объ стѣну. Для моихъ нервовъ это было сущее истязаніе, такъ что когда мы въѣхали въ туннель, я, пользуясь темнотою, запѣла. Меня это успокоило, но старушки точно обезумѣли. Я не визжала, зато онѣ!.. Только что я стала молить Бога, чтобъ Онъ помогъ мнѣ сохранить разсудокъ среди этого ада, какъ мы выскочили на свѣтъ Божій, невинные, какъ младенцы. Передъ въѣздомъ въ Лондонъ насъ ждало опять такое же удовольствіе. Должно быть, это чистилища, черезъ которыя необходимо пройти, чтобы попасть въ сказочный городъ. Еслибъ спросили моего совѣта при составленіи ектеніи (Отъ смерти внезапныя избави насъ, Боже!), я непремѣнно сдѣлала бы оговорку относительно проѣзжающихъ черезъ туннели.

«Ты и понятія не имѣешь о томъ, какая дурочка твоя Глори! Я такъ горѣла нетерпѣніемъ увидать Лондонъ, что, когда мы подъѣхали близко, я уже ничего не могла разсмотрѣть—у меня сдѣлалось наводненіе въ глазахъ. Подъѣзжать въ первый разъ къ огромному и могущественному городу—это все равно, что въ первый разъ увидать передъ собою короля. Спаси меня Господи, отъ такого волненія въ тотъ день, когда я сдѣлаюсь солисткой ея величества королевы.

«Батюшки! Какой шумъ и ревъ, точно жужжанье милліона милліоновъ жуковъ въ тихій осенній вечеръ. А приглядишься ближе, кажется, будто передъ тобой вавилонское столпотвореніе. Смутный гулъ, взрывъ голосовъ, страшная сумятица, телѣги, повозки, омнибусы, просто жутко становится и холодная дрожь ползетъ по спинѣ. Какъ легко затеряться здѣсь бѣдной дѣвушкѣ, словно иголкѣ въ стогу сѣна, если некому приглядѣть за нею!

«Скажи тетѣ Рэчели, что въ Лондонѣ носятъ другой фасонъ шляпъ, чѣмъ у насъ,—повыше спереди; скажи также, что если я увижу королеву, то опишу ей все подробно.

«Въ госпиталь мы пріѣхали только къ девяти часамъ, такъ что я его хорошенько и не видала. Экономка дала мнѣ чаю и сказала, что моя служба начнется только съ завтрашняго утра, а пока я могу дѣлать, что хочу. И вотъ я съ часъ, какъ вѣчный жидъ женскаго рода,

бродила изъ палаты въ палату. Какая вездѣ тишина! Боюсь, что, ухаживая за больными, пожалуй, разучишься говорить... Ну-съ, однако, пора и въ постель. У меня не то, чтобы тоска по родинѣ, а такъ, «чуточку скучно по всѣмъ». Завтра проснусь для новыхъ звуковъ и зрѣлищъ; подниму штору и увижу массу экипажей, услышу стукъ колесъ... Тогда я представлю себѣ Гленфабъ и радостно щебечущихъ птичекъ.

«Разсѣй мои привѣты по островку. Скажи, что и теперь, сдѣлавшись лондонской лэди, я совершенно такъ же люблю всѣхъ, какъ въ то время, когда была бѣдной провинціалочкой, а когда я сдѣлаюсь замѣчательной женщиной и обращу на себя вниманіе всей Англіи, тогда я пріѣду назадъ и заглажу свое бѣгство. Отсюда слышу, какъ дѣдушка восклицаетъ: «Господи помилуй, что за ужасная дѣвчонка эта!»

«*Глори*».

«P. S. Я ничего почти не сказала о м-рѣ Стормѣ. Онъ простился со мной у дверей госпиталя и пошелъ къ здѣшнему викарію, потому что, какъ вамъ извѣстно, тамъ онъ будетъ и жить. По дорогѣ я расточала передъ нимъ все свое краснорѣчіе и наговорила кучу поэтическихъ вещей на тему о любви. Старушонки дремали, поэтому я рискнула спросить его, нравится ли ему говорить о любви. Онъ сказалъ, что нѣтъ и что это профанація. Любовь должна быть священна; это своего рода религія. Иногда она приходитъ неожиданно, иногда тлѣетъ, какъ пламя подъ пепломъ, является то добрымъ ангеломъ, то демономъ, заставляющимъ васъ Богъ знаетъ что говорить и дѣлать и безплодно губящимъ вашу жизнь. Я возразила, что это-то и очаровательно, а что до религіи, то подъ солнцемъ нѣтъ ничего выше любви красиваго и умнаго мужчины къ красивой и умной женщинѣ, когда онъ отдается ей душой и тѣломъ, готовый пожертвовать для нея всѣмъ на свѣтѣ. Должно быть, онъ увидалъ что-то особенное въ моихъ словахъ, потому что, хоть онъ и ничего не сказалъ, въ чудныхъ глазахъ его загорѣлся какой-то новый дивный свѣтъ, и я подумала, что не будь онъ священникомъ... Впрочемъ, все равно. Письмо и безъ того страшно длинно».

IV.

Джонъ Стормъ былъ сынъ лорда Сторма и племянникъ перваго министра, графа Эрина. За два года до рожденія Джона, братья поссорились изъ-за женщины. Эта женщина была матерью Джона. Она дала слово младшему брату, а потомъ влюбилась въ старшаго. Голосъ совѣсти шепталъ ей, что ея долгъ—выполнить принятое на себя обязательство; она такъ и сдѣлала. Затѣмъ голосъ совѣсти сталъ на сторону законовъ жизни и шепнулъ влюбленнымъ, что они должны отказаться другъ отъ друга; оба такъ и сдѣлали. Но бѣдная дѣвушка скоро нашла, что отъ жизни отречься легче, чѣмъ отъ любви, и поискавъ въ религіи выхода изъ конфликта между супружескимъ дол-

гомъ и стихійной страстью, умерла, давъ жизнь ребенку. Она была дочерью богатаго банкира, вышедшаго изъ народа, и воспитана въ томъ убѣжденіи, что бракъ и любовь — двѣ вещи разныя. Промѣнявъ богатство на титулъ, она не разсчитала участія смерти въ мірѣ.

Мужъ ея, съ своей стороны, никогда не питалъ къ ней привязанности. Его женитьба была эгоистическимъ союзомъ безъ любви, основаннымъ на желаніи имѣть деньги, семью и выйти изъ незавиднаго положенія младшаго сына. Онъ погрѣшилъ противъ основного закона, требующаго, чтобы браки заключались только по любви, и возмездіе не заставило себя ждать.

Узнавъ о смерти молодой женщины, старшій братъ пріѣхалъ на похороны. Въ ночь, предшествовавшую этой церемоніи, вдовецъ, раздумавшись о томъ, какую роль игралъ онъ относительно покойницы, вдругъ почувствовалъ себя несчастнымъ. Онъ не подавалъ повода къ пересудамъ, но и не скрывалъ ни отъ кого, даже отъ матери своего сына, причинъ, побудившихъ его жениться. Бѣдная женщина умерла; онъ сталъ готовиться къ роли вдовца—и только; голосъ любви безмолвствовалъ. Взволнованный такими мыслями, онъ всю ночь проходилъ изъ угла въ уголъ по своему кабинету, а чуть забрежжилось утро, пошелъ въ комнату усопшей взглянуть еще разъ на ея лицо. Отворивъ дверь, онъ услыхалъ полу-заглушенныя рыданія. Кто-то, склонившись надъ блѣднымъ личикомъ, плакалъ, какъ плачутъ тѣ, чье сердце разбито. То былъ его братъ.

Съ этого дня лордъ Стормъ считалъ себя оскорбленнымъ. Онъ никогда не любилъ брата, а теперь задумалъ стереть его съ лица земли. Сдѣлать это долженъ былъ его сынъ. Ему предстояло унаслѣдовать графскій титулъ, такъ какъ графъ не былъ женатъ; но такая посмертная месть была слишкомъ тривіальна. Графъ пристрастился къ политикѣ и составилъ себѣ имя. Лорду Сторму недоставало благопріятнаго случая, чтобы сдѣлать то же, хотя онъ и былъ членомъ верхней палаты; но это ничего, сынъ его долженъ былъ затмить всѣхъ и все.

Задавшись такой мыслью, отецъ посвятилъ всю жизнь воспитанію мальчика. Всѣ общепринятые методы воспитанія были, по его мнѣнію, ложны въ самой основѣ. Школы, коллегіи, изученіе классиковъ,—все это вздоръ и чепуха, не имѣющая ничего общаго съ жизнью. Путешествіе—вотъ великій учитель! «Ты побываешь всюду, гдѣ свѣтитъ солнце», сказалъ отецъ сыну, и мальчикъ проѣхалъ всю Европу и Азію, изучивъ, хотя и поверхностно, множество языковъ. Онъ сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ отца; куда бы ни отправлялся лордъ Стормъ, онъ не считалъ неудобнымъ брать съ собою сына. Главная цѣль домашняго воспитанія—выростить ребенка, если возможно, въ полномъ невѣдѣніи самыхъ важныхъ фактовъ и функцій жизни. Но это невозможно; отсюда умалчиванія, лицемѣріе, ложь, тайный грѣхъ и половина всѣхъ золъ этого міра. Въ виду этого мальчика водили въ греческіе и

индійскія храмы, а на Западѣ—въ казино и на общественные балы. Ему еще не минуло двадцати лѣтъ, а ужъ онъ видѣлъ почти все, что только есть на свѣтѣ.

Когда пришла пора подумать о карьерѣ Джона, Англія была поставлена въ затруднительное положеніе относительно своихъ колоній. То былъ моментъ выхода «британскаго указа о Сѣверной Америкѣ» и это послужило указаніемъ лорду Сторму, въ какомъ направленіи дѣйствовать. Братъ его графъ напѣвалъ парламенту объ ограниченномъ самоуправленіи колоній короны. Отецъ Джона Сторма возъимѣлъ смѣлую мысль обратить все обширное государство, состоящее изъ трехъ соединенныхъ королевствъ, въ самоуправляющіеся штаты, которые назывались бы «Великобританскіе соединенные штаты».

Вотъ какой политики предстояло держаться Джону Сторму. Чтобы приступить къ выполненію задуманнаго, лордъ Стормъ поселился на островѣ Мэнѣ, гдѣ онъ всегда могъ созерцать свой планъ въ миніатюрѣ. Здѣсь онъ устроилъ контору для собиранія данныхъ, которыя могли современемъ понадобиться его сыну. Въ его уединенное убѣжище приходили газеты изо всѣхъ частей земного шара, всѣ подходящія сообщенія онъ вырѣзывалъ и откладывалъ. Его библіотека была пыльная комната, вся кругомъ уставленная коричневыми бумажными пакетами съ именами колоній и графствъ.

«Это возьметъ у насъ два поколѣнія, голубчикъ; зато мы измѣнимъ исторію Англіи», говаривалъ отецъ сыну.

Между тѣмъ тотъ, на кого возлагались всѣ эти огромныя надежды, отпрыскъ союза безъ любви, представлялъ собой существо совершенно самобытное, съ яркой индивидуальностью. Казалось, природа задалась мыслью сдѣлать изъ него во всѣхъ отношеніяхъ нѣчто крупное, и остановилась на полпути. Глядя на его голову, каждый чувствовалъ, что этому человѣку слѣдовало бы быть великаномъ, а между тѣмъ онъ далеко не могъ состязаться съ сынами Анака. Внимая его рѣчамъ, вы говорили себѣ, что передъ вами можетъ быть геній, но могло статься, что онъ былъ просто человѣкомъ мощныхъ настроеній. Лучшія силы его духа и тѣла, казалось, сосредоточились въ его сердцѣ. Весьма возможно, что скорбная неудовлетворенность его матери и подавленная ею страсть прошли красной нитью по душѣ Джона Сторма.

Въ дѣтствѣ онъ способенъ былъ плакать при видѣ красоты въ природѣ, надъ сказкой о героѣ или сентиментальной пѣсенкой, слышанной на улицѣ въ убійственномъ исполненіи. Увидавъ разоренное гнѣздо, лишенное яицъ, онъ заливался слезами, но если ему случалось найти на дорогѣ окровавленныя разбитыя скорлупки, слезы уступали мѣсто гнѣву, бѣшеной ярости; мальчикъ стрѣлою мчался домой, въ кабинетъ отца, и, схвативъ отцовское ружье, убѣгалъ снова, чтобы наказать смертью обидчика.

Поселившись на островѣ Мэнѣ, онъ сталъ замѣчать, каждый разъ,

какъ бывалъ въ церкви, что съ пасторской скамьи на него смотритъ во всѣ глаза маленькая, рыжая, кудрявая дѣвочка. Онъ былъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ двадцати двухъ лѣтъ, но эти дѣтскіе глаза, лучистые, яркіе, наполнили тревогой его душу. Въ любую минуту дня и ночи онъ могъ вызвать ихъ передъ собою. Потомъ отецъ послалъ его въ Канаду изучать ея политическую организацію. Воротившись домой, молодой человѣкъ привезъ съ собою канадскій челнокъ, американскую яхту и запасъ демократическихъ воззрѣній.

Въ первый же разъ, какъ онъ вышелъ въ море въ своей яхтѣ, ему случилось замѣтить поврежденную лодку и спасти двоихъ дѣтей. Однимъ изъ нихъ была дѣвочка съ пасторской скамьи, только теперь она стала выше и привлекательнѣе. Она крѣпко прильнула къ нему, когда онъ поднялъ ее, чтобы перенести въ яхту, и онъ, самъ не зная, зачѣмъ, все время держалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Въ подражаніе ея имени, онъ назвалъ свою яхту *Глорія* и отъ времени до времени бралъ съ собой дѣвочку въ море. Несмотря на разницу лѣтъ, оба переживали вмѣстѣ счастливое дѣтство. Въ своемъ бѣломъ джерси и вязаной шапочкѣ она съ ногъ до головы смотрѣла матросикомъ. Когда вѣтеръ крѣпчалъ и лодка прыгала по волнамъ, она стояла у румпеля, какъ мужчина, и онъ думалъ про себя, что болѣе прелестнаго зрѣлища не видано на кубрикѣ; въ тихую погоду нельзя было пожелать болѣе пріятнаго и веселаго спутника. Она запѣвала, онъ подхватывалъ, и голоса ихъ стройно сливались вмѣстѣ. Ея любимая пѣсня была «*Come, lasses and lads*»; его—«*John Peel*», и оба были готовы пѣть цѣлыми часами безъ перерыва. Въ лѣтніе вечера, когда заливъ спалъ, какъ усталое чудовище, и каждый всплескъ весла отдавался въ холмахъ, когда они, возвращаясь домой, огибали скалу съ развалинами стараго замка, по острову далеко разносилась ихъ пѣсня.

Два года онъ тѣшился ребенкомъ и вдругъ замѣтилъ, что Глори уже не ребенокъ. Ему стало жалко дѣвушки. Эта ясная, «солнечная» душа, эта рѣзвая дѣвушка, столь богато одаренная, сь глазами, сверкавшими и искрившимися, какъ молнія, съ голосомъ, похожимъ на щебетанье птички, эта златокудрая цыганочка, волшебница, фея—что предстояло ей? какая судьба ждала ее въ будущемъ? Жалость уступила мѣсто другому чувству и съ тѣхъ поръ онъ ощущалъ боль въ груди, думая о Глорѣ. Каждый разъ, какъ глаза ея останавливались на немъ, онъ мучительно краснѣлъ. Онъ подмѣтилъ въ себѣ черту, до тѣхъ поръ не проявлявшуюся—страстность—и въ испугѣ отступилъ. Эта стихійная сила, это бурное, пожирающее пламя въ груди—одному Богу извѣстно, куда это приведетъ его!

Изъ мрачнаго отцовскаго дома въ Кюкало, гдѣ вѣтеръ вѣчно гудѣлъ между деревьями, онъ глядѣлъ на Гленфабъ, и усадьба пастора представилась ему чѣмъ-то въ родѣ маленькаго бѣлаго облачка, залитаго солнечнымъ свѣтомъ. Его сердце рвалось къ этому свѣтлому

облачку, непрестанно взывая: «Глори! Глори!» Всего больнѣе было то, что дѣвушка, повидимому, все понимала и отлично знала, что раздѣляетъ ихъ. Она краснѣла отъ стыда, что онъ видитъ ее постоянно въ одномъ и томъ же платьѣ, и, полуотвернувъ головку, украдкой взглядывая на него, говорила о будущемъ, о тѣхъ дняхъ, когда онъ совсѣмъ покинетъ ихъ, уѣдетъ въ Лондонъ, гдѣ его ждетъ блестящая карьера, и Лондонъ захватитъ его и онъ забудетъ скучный старый островокъ и своихъ друзей. Такія слова задѣвали его за живое. Онъ видѣлъ свѣтъ, но женщинъ зналъ плохо и не научился понимать ихъ рѣчей.

Борьба длилась недолго. Онъ сталъ одѣваться проще, въ студенческую тужурку и фланелевую сорочку, сталъ говорить, что слава—пустой звукъ, и увѣрять отца, что онъ выше нелѣпыхъ условностей.

Отецъ послалъ его въ Австралію. Тогда для него наступилъ періодъ зрѣлыхъ думъ и смятенія духа. Онъ смотрѣлъ на міръ иными глазами,—открытыми для нужды и лишеній, и видѣлъ все въ новомъ свѣтѣ. Онъ безсознательно дѣлалъ, только въ другой формѣ, то же самое, что сдѣлала его мать, прибѣгнувъ къ религіи, чтобъ заглушить страсть. Воспитаніе сдѣлало его чѣмъ-то въ родѣ имперіалиста-демократа; онъ исправилъ погрѣшности воспитанія. Англія не нуждалась въ большемъ количествѣ парламентовъ; она нуждалась въ апостолахъ. Не избирательнымъ правомъ достигается свобода и величіе націи; надо, чтобы окрѣпла душа ея. Нуженъ не такой человѣкъ, который мечталъ бы прославиться, но человѣкъ, готовый отъ всего отречься, изъ великаго сдѣлаться малымъ, изъ богача—бѣднякомъ. Нуженъ апостолъ,—тысячи апостоловъ, умершихъ для славы міра сего, для денегъ и почестей, и поставившихъ себѣ задачей дѣйствовать въ духѣ Христа, вѣря, что въ отреченіи, заповѣданномъ Іисусомъ, единственный залогъ спасенія міра.

Онъ побывалъ въ трущобахъ Мельбурна и Сиднея, осмотрѣлъ всѣ глухіе закоулки Лондона, и, вернувшись на островъ Мэнъ христіанскимъ соціалистомъ, объявилъ отцу о своемъ намѣреніи вступить въ духовное званіе.

Старикъ не вспылилъ, не разразился гнѣвомъ. Онъ, шатаясь, отступилъ въ свою комнату, какъ быкъ, оглушенный смертельнымъ ударомъ на бойнѣ. Очутившись въ своей пыльной старой конторѣ, полной бумажныхъ пакетовъ съ вырѣзками изъ газетъ, онъ понялъ, что двадцать лѣтъ его жизни пропали даромъ. Сынъ былъ отдѣльнымъ, отличнымъ отъ него существомъ, а отецъ—лишь тѣмъ сѣменемъ, брошеннымъ въ землю, которое, давъ плодъ, должно умереть и погибнуть.

Онъ все-таки сдѣлалъ попытку сопротивляться.

— Но какъ же это, голубчикъ? Неужели ты, съ твоими дарованіями, пренебрежешь возможностью создать себѣ крупное имя?

— Мнѣ не нужно крупное имя, отецъ. Я хочу выиграть великую битву, одержать такую побѣду, какой не можетъ доставить мнѣ парламентъ.

— Но, сынъ мой, милый мой мальчикъ; одно изъ двухъ: нужно быть или верблюдомъ, или вожакомъ верблюда, и общество...

— Я ненавижу общество, и общество возненавидитъ меня. Богъ щадитъ его единственно ради немногихъ праведниковъ, какъ онъ пощадилъ Содомъ ради Лота.

Пройдя сквозь это испытаніе и сокрушивъ сердце старика-отца, Джонъ Стормъ обратился за наградою къ Глори. Онъ нашелъ ее на обычномъ мѣстѣ, на вершинѣ холма.

— Я покраснѣла, когда вы подошли, правда?—спросила она.— Сказать, почему?

— Скажите.

— Вотъ почему.—И она провела рукой по груди.

Онъ, видимо, былъ въ недоумѣніи.

— Вы не понимаете? Эти старыя тряпки... Я носила ихъ еще до вашего отъѣзда.

Ему хотѣлось сказать ей, какъ хороша она въ этомъ скромномъ костюмѣ, краше, чѣмъ когда-либо, теперь, когда молодая грудь ея обрисовывалась подъ гибкой тканью джерси, когда ея личико стало такимъ округленнымъ и подвижнымъ. Но сквозь ея смѣхъ проглядывалъ стыдъ за свою бѣдность, и онъ, думая утѣшить ее, сказалъ:

— Мнѣ самому предстоитъ сдѣлаться бѣднякомъ, Глори. Я поссорился съ отцомъ. Я буду священниковъ.

Лицо ея вытянулось.

— Вотъ ужъ не думала, что кто-нибудь можетъ стать бѣднымъ по своей охотѣ. Пойти въ священники—это годится для бѣдняка; но я ненавижу бѣдность; она ужасна.

Точно мракъ спустился на его глаза; ему стало грустно и больно; Глори обманула его ожиданія. Она оказалась пустой и вѣтреной дѣвушкой, неспособной на подвигъ; она никогда не узнаетъ, какую жертву онъ принесъ для нея; теперь онъ совершенно уронилъ себя въ ея глазахъ, но это ничего не значитъ: онъ пойдетъ разъ избраннымъ путемъ и еще ревностнѣе отдастся дѣлу, именно потому, что діаволъ пустилъ въ него стрѣлу и она цѣликомъ вошла въ тѣло.

— Съ Божьей помощью я прибью свое знамя къ мачтѣ! — сказалъ онъ и рѣшилъ продолжать начатое. Онъ былъ одаренъ силой, именуемой характеромъ. Раньше церковь была для него маякомъ, теперь стала прибѣжищемъ.

Необходимая подготовка оказалась не трудной. Съ годъ онъ читалъ творенія англійскихъ богослововъ—Іереміи Тэйлора, Гукера, Бутлера, Уотерланда, Пирсона и Пуси; когда же пришло время посвященія, дядя его, графъ Эринъ, уже успѣвшій сдѣлаться первымъ министромъ, доставилъ ему званіе викарія при популярномъ и вліятельномъ каноникѣ Уэльзси, въ приходѣ Всѣхъ Святыхъ, въ Бельгрэвіи. Съ разрѣшенія

епископа лондонскаго, онъ выдержалъ испытаніе и былъ рукоположенъ на своемъ же островкѣ, епископомъ содорскимъ и мэнскимъ.

Утромъ, въ день его отъѣзда въ Лондонъ, отецъ, все время донимавшій его ужасными сценами, на прощанье сказалъ ему слѣдующее:

— Насколько я понимаю, ты намѣреваешься вести жизнь бѣдняка, а, слѣдовательно, тебѣ не нужно приданое твоей матери, и я считаю себя вправѣ располагать имъ, какъ мнѣ будетъ угодно, если только ты не потребуешь его для молодой особы, которая, какъ я слышалъ, уѣзжаетъ вмѣстѣ съ тобой.

V.

«Я буду бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ», говорилъ себѣ Джонъ Стормъ по дорогѣ къ дому каноника, но на слѣдующее утро онъ проснулся въ спальнѣ, вовсе не отвѣчавшей его понятіямъ о бѣдности. Явился лакей съ чаемъ и горячей водой, а также съ порученіемъ отъ каноника, еще съ вечера наказавшаго передать м-ру Сторму, что онъ, каноникъ, будетъ радъ видѣть его послѣ завтрака въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Кабинетъ представлялъ роскошную комнату съ мягкими коврами, въ которыхъ безшумно тонула нога, и тигровыми шкурами поверхъ креселъ. На встрѣчу ему выступилъ господинъ среднихъ лѣтъ, съ веселымъ, оживленнымъ лицомъ, въ пенснэ въ золотой оправѣ, гладко выбритый и преисполненный любезности.

— Добро пожаловать въ Лондонъ, дорогой м-ръ Стормъ. Когда пришло письмо отъ перваго министра, я сказалъ своей дочери Фелиситэ,— вы сейчасъ увидите ее; надѣюсь, что вы будете друзьями, — я сразу сказалъ ей: «Дитя мое, я польщенъ возможностью исполнить желаніе милѣйшаго графа Эрина; я горжусь тѣмъ, что могу способствовать началу карьеры, которая несомнѣнно будетъ блестящей и выдающейся.

Джонъ Стормъ пробормоталъ какое-то возраженіе.

— Надѣюсь, вамъ понравились ваши комнаты, м-ръ Стормъ?

Джонъ Стормъ нашелъ ихъ гораздо лучшими, чѣмъ онъ ожидалъ или желалъ.

— Да, да, ничего, просто, но уютно. Во всякомъ случаѣ, располагайтесь въ нихъ какъ дома, принимайте кого хотите и когда хотите. Домъ достаточно великъ. Мы будемъ встрѣчаться не чаще, чѣмъ пожелаемъ, такъ что ссориться не придется. Обѣдать будемъ вмѣстѣ; завтракать и полдничать врозь. Не ждите ничего особеннаго. Простой, но здоровый столъ—вотъ все, что можетъ предложить вамъ семья священника.

Джонъ Стормъ отвѣчалъ, что онъ совершенно равнодушенъ къ ѣдѣ и черезъ полчаса послѣ обѣда не помнитъ, что ему подавали. Каноникъ засмѣялся и продолжалъ:

— Я подумалъ, что для васъ лучше будетъ поселиться у насъ, такъ какъ вы новичекъ въ Лондонѣ, хотя, признаюсь, до сихъ поръ у

меня жилъ только одинъ изъ моихъ викаріевъ. Онъ и теперь здѣсь. Вы будете иногда встрѣчаться съ нимъ. Его имя Голяйтли; это скромный, достойный молодой человѣкъ, окончившій, кажется, одинъ изъ низшихъ колледжей. Недурной молодой человѣкъ, полезенъ дѣлу, преданъ мнѣ и моей дочери, но, разумѣется совсѣмъ не то, что... э... э...

Каноникъ отличался одной особенностью: о чемъ бы онъ ни заговорилъ, въ концѣ концовъ онъ обязательно сводилъ рѣчь на себя.

— Я послалъ за вами сегодня утромъ (такъ какъ не имѣлъ возможности встрѣтиться раньше), чтобы кое-что сообщить вамъ относительно нашей организаціи и вашихъ собственныхъ обязанностей... Вы видите во мнѣ начальника штаба изъ шести священниковъ.

Джонъ Стормъ нисколько не удивился этому; за великимъ проповѣдникомъ должны толпами ходить бѣдняки; естественно, что они ищутъ его руководства и помощи.

— Въ моемъ приходѣ нѣтъ бѣдныхъ, м-ръ Стормъ.

— Нѣтъ бѣдныхъ, сэръ?

— Напротивъ, одна изъ моихъ прихожанокъ — ея величество, королева.

— Это должно очень огорчать васъ, сэръ?

— Вы о бѣднякахъ? Ахъ, да, конечно. У насъ есть, конечно, благотворительныя общества, напримѣръ, материнское убѣжище въ Сого, основанное м-рсъ Каллендеръ; весьма достойная старая шотландка, пожалуй, чудачка и фантазерка, но богата, очень богата и вліятельна. Но у моихъ подчиненныхъ и безъ того достаточно дѣла. Столько учрежденій подъ вѣдѣніемъ нашей церкви! Напримѣръ, женское общество, классы изящныхъ рукодѣлій, цехъ декоративныхъ цвѣточницъ, не говоря уже о филіальныхъ церквахъ и о госпиталяхъ; я всегда держался того мнѣнія... э... э...

Мысли Джона Сторма блуждали гдѣ-то далеко, но при упоминаніи о госпиталѣ онъ съ живостью взглянулъ на каноника.

— Кстати о госпиталѣ. Собственно ваши обязанности будутъ, главнымъ образомъ, относиться къ прекраснѣйшему госпиталю Виноградника Маррры. Вы будете имѣть духовное попеченіе обо всѣхъ больныхъ и сидѣлкахъ, да и сидѣлкахъ также. Приходъ вашъ будетъ, такъ сказать, заключаться въ его стѣнахъ. Вы такъ и скажите себѣ: «Это мой приходъ» и сообразно съ этимъ поступайте. Вы еще не вполнѣ посвящены и не можете пріобщать Св. Тайнъ, но ежедневно будете править службу въ одной изъ палатъ, по очереди. Палатъ всего семь; такимъ образомъ, въ каждой разъ въ недѣлю будетъ совершаться богослуженіе. Я всегда говорилъ, что чѣмъ меньше...

— Развѣ этого достаточно? Я былъ бы очень счастливъ...

— Да? Хорошо, хорошо, мы увидимъ. По средамъ вечеромъ служба идетъ въ церкви; обыкновенно, присутствуютъ и сидѣлки, не дежурныя. Ихъ всего около пятидесяти—довольно пестрая компанія. Есть ли

между ними леди? Да, т. е. дочери джентьменовъ, но принимаются особы всѣхъ сословій. На васъ будетъ лежать отвѣтственность за ихъ духовное благополучіе. Дайте подумать... Сегодня у насъ пятница и предположимъ, что вы скажете первую свою проповѣдь въ среду—угодно? Что касается взглядовъ, то—паства у меня самая разношерстная; поэтому я прошу своихъ подчиненныхъ строго держаться воззрѣній *via media*,—именно *via media*. Вы поете?

Джонъ Стормъ опять отвлекся, но опомнился во-время, чтобы отвѣтить отрицательно.

— Какъ это жаль! У насъ превосходный оркестръ—двѣ скрипки, альтъ, кларнетъ, віолончель, контрбасъ, трубы и барабаны, и органъ само собой. Нашъ органистъ...

Въ эту минуту въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, подобострастно раскланиваясь и разсыпаясь въ извиненіяхъ.

— А, это м-ръ Голяйтли. —Ми... гм... достойн... и преп... м-ръ Стормъ. Поручаю м-ра Сторма вашимъ заботамъ; приведите его въ церковь въ воскресенье утромъ.

М-ръ Голяйтли объяснилъ причину своего прихода. Дѣло касалось органиста. Его жена зашла сказать, что мужа ея отправили въ госпиталь для какой то неважной операціи, и теперь выходитъ маленькое затрудненіе: некому пѣть антифоны за обѣдней въ воскресенье.

— Чрезвычайно досадно! Приведите ее сюда.

Викарій попятился къ двери.

— Попрошу васъ извинить меня, м-ръ Стормъ. Моя дочь, Фелиситэ—ахъ, вотъ и она.

Вошла высокая молодая женщина въ очкахъ.

— Нашъ новый жилецъ, м-ръ Стормъ, племянникъ милѣйшаго лорда Эрина. Фелиситэ, дитя мое, я бы попросилъ тебя прокатиться съ м-ромъ Стормомъ и познакомить его со всѣми нашими. Я всегда говорю, что молодой священникъ въ Лондонѣ...

Джонъ Стормъ пробормоталъ что-то о первомъ министрѣ.

— Вы хотите прежде всего засвидѣтельствовать свое почтеніе дядюшкѣ? Очень хорошо, такъ и слѣдуетъ. Визиты можно отложить и до будущей недѣли. Да, да. Войдите, м-съ Кёнигъ.

Въ дверяхъ показалась пожилая кроткая женщина. У нея были темные волосы и глубокіе, блестящіе глаза съ влажнымъ взглядомъ, какъ у старой, утомленной таксы.

— Это жена нашего органиста и дирижера. До свиданія. Мой сердечный привѣтъ первому министру... Кстати, вы вступите въ свои обязанности капеллана при госпиталѣ сч... ну, скажемъ, съ понедѣльника.

Графъ Эринъ, въ качествѣ главнаго смотрителя государственнаго казначейства жилъ въ узкомъ невзрачномъ каменномъ зданіи въ Доунингъ-стритѣ, гдѣ помѣщается казначейство. Несмотря на свое зва-

ніе оффиціальнаго главы церкви, имѣющаго власть назначать епископовъ и высшихъ сановниковъ, онъ былъ въ душѣ скептикомъ, хотя и не позволялъ себѣ открыто смѣяться надъ священными обрядами. Виной тому былъ главнымъ образомъ романическій эпизодъ его юности. Борьба между долгомъ и страстью, заставившая любимую имъ женщину искать утѣшенія въ религіи, повліяла на него совсѣмъ въ другомъ направленіи, поселила въ душѣ его скорбь и уныніе. Послѣ такихъ ужасныхъ дней онъ рѣдко видѣлся съ своимъ братомъ, а племянника и совсѣмъ не видалъ; но когда Джонъ написалъ: «Скоро я буду связанъ высокимъ обѣтомъ священства», онъ счелъ необходимымъ что нибудь сдѣлать для него. Когда доложили о приходѣ Джона, онъ ощутилъ приливъ нѣжности,—чувства, давно уже незнакомаго ему. Онъ поднялся и ждалъ, стоя. По длинному корридору къ нему приближался молодой человѣкъ съ лицомъ своей матери и глазами энтузіаста.

Джонъ Стормъ засталъ дядю въ просторной старой залѣ совѣта, выходившей окнами на маленькій палисадникъ и паркъ. Первый министръ былъ худощавый старикъ съ рѣдкими усами и волосами и лицемъ, напоминающимъ мертвую голову. Онъ протянулъ руку и улыбнулся. Рука его была холодна, улыбка невеселая, будто сквозь слезы.

— Ты похожъ на свою мать, Джонъ.

Джонъ не помнилъ матери.

— Когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, ты былъ груднымъ ребенкомъ, а она—моложе, чѣмъ ты теперь.

— Гдѣ это было, дядя?

— Она лежала въ гробу, бѣдняжка.

Министръ нагнулся къ столу и переложилъ нѣсколько бумагъ.

— Ну-съ, тебѣ, вѣроятно, что-нибудь нужно?

— Ничего. Я пришелъ поблагодарить васъ за то, что вы уже сдѣлали.

Первый министръ махнулъ рукой, отклоняя благодарность.

— Я почти желалъ-бы, чтобъ ты избралъ другую карьеру, Джонъ. Впрочемъ, и служба церкви представляетъ удобные случаи выдвинуться, и если я могу...

— Я доволенъ,—прервалъ Джонъ, — болѣе, чѣмъ доволенъ. Я надѣюсь, что выборъ мой основанъ на истинномъ призваніи. На божьей нивѣ много работы, сэръ, и больше всего въ Лондонѣ. Вотъ почему я такъ благодаренъ. Подумайте только...

Джонъ наклонился впередъ и протянулъ руку.

— Изъ пяти милліоновъ, населяющихъ этотъ огромный городъ, болѣе четырехъ милліоновъ людей никогда не переступаютъ порога церкви. Вспомните, въ какомъ они положеніи. Около ста тысячъ всю жизнь нуждаются, голодаютъ, ежедневно, ежечасно умираютъ медленной смертью. Четвертая часть умирающихъ въ Лондонѣ стариковъ—нищіе. Развѣ это не широкое поприще? Разъ человѣкъ порѣшилъ духовно уме-

реть для свѣта,—оставить семью и друзей,—уйти съ тѣмъ, чтобъ не возвращаться, какъ идутъ на казнь...

Первый министръ внимательно слушалъ пылкую рѣчь молодого человѣка, голосъ котораго такъ напоминалъ голосъ его матери, и вдругъ перебилъ его словами:

— Мнѣ жаль...

— Жаль?

— Боюсь, что я сдѣлалъ ошибку.

Джонъ Стормъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Я не туда помѣстилъ тебя, Джонъ. Получивъ твое письмо, я естественно, предположилъ, что ты смотришь на свою профессію, какъ на средство сдѣлать карьеру, и постарался сразу поставить тебя на хорошую дорогу. Знаешь ты что-нибудь о своемъ начальникѣ?

Джонъ зналъ, что онъ славится, какъ прекрасный проповѣдникъ, одинъ изъ немногихъ, получившихъ отъ Духа Святаго даръ слова.

— Вотъ именно!—Первый министръ горько усмѣхнулся.—Позволь мнѣ прибавить кое-что къ этой характеристикѣ. Онъ былъ бѣднымъ деревенскимъ викаріемъ. Случилось такъ, что въ помѣстьѣ хозяйничалъ не владѣлецъ, а владѣлица. Онъ женился на владѣлицѣ помѣстья. Жена его умерла, а онъ купилъ приходъ въ Лондонѣ. Затѣмъ онъ прибѣгнулъ къ помощи одного старика актера, дававшаго уроки краснорѣчія и... ну, и добился дара слова. Съ тѣхъ поръ онъ вошелъ въ моду и ведетъ знакомство со знатью. Десять лѣтъ тому назадъ его сдѣлали каноникомъ, и съ тѣхъ поръ, какъ только откроется епископская вакансія, онъ слезливо жалуется: «Не знаю, что можетъ имѣть противъ меня наша милая королева!»

— Изъ этого слѣдуетъ?..

— То, что еслибъ я зналъ, какъ ты смотришь на вещи, врядъ ли я послалъ бы тебя къ канонику Уэльзси. А впрочемъ, право, не знаю, куда можно было бы опредѣлить молодого человѣка съ твоими воззрѣніями... Боюсь, что въ лонѣ церкви не мало каноииковъ Уэльзси.

— Избави Боже!—сказалъ Джонъ.—Безъ сомнѣнія, и въ наши дни есть фарисеи, какъ они были во дни Христа, но все же церковь—опора государства.

— Скажи лучше, червь, подтачивающій его сердце и жизненныя силы.

Первый министръ снова горько усмѣхнулся, потомъ быстро глянулъ въ закраснѣвшееся лицо Джона и прибавилъ:

— Печальный трудъ для старика подрывать энтузіазмъ молодого человѣка.

— Вы не можете сдѣлать этого, дядя. Все въ рукахъ Божіихъ, хорошее и дурное, то и другое Онъ направляетъ къ славѣ своей. Лишь бы только Онъ послалъ намъ силы выносить наше изгнаніе...

— Мнѣ непріятно, что ты говоришь это, Джонъ. Знаю я, къ чему

это ведетъ. У насъ цѣлая партія людей такихъ,—какъ бишь они зовутъ себя?—да, англиканскими католиками; такъ вотъ, припомни-ка, чтó говоритъ нѣмецкая пословица: «Въ каждомъ попѣ сидитъ папистъ»... Нѣтъ, Джонъ, если ужъ тебѣ, дѣйствительно, суждено быть служителемъ церкви, почему бы тебѣ не остепениться и не жениться? Сказать правду, я на старости лѣтъ чувствую себя довольно одинокимъ, какъ бы тамъ ни думали обо мнѣ другіе; что, если бы сынъ твоей матери подарилъ мнѣ для развлеченія внучка—а?

Первый министръ снова притворился, будто смѣется.

— Полно, Джонъ, полно, это было бы жаль... и еще такой красивый малый, какъ ты. Развѣ въ наше время нѣтъ хорошихъ дѣвушекъ? Или всѣ онѣ перемерли съ тѣхъ поръ, какъ я былъ молодъ? Я могъ бы предложить тебѣ большой выборъ, когда человѣкъ занимаетъ высокое положеніе... А я, право, былъ бы благоразуменъ—ты могъ бы взять какую хочешь: богатую или бѣдную, брюнетку или блондинку...

Джонъ Стормъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ и, наконецъ, не выдержавъ, поднялся.

— Нѣтъ, дядя,—выговорилъ онъ сдержанно,—я никогда не женюсь. Женатый священникъ привязанъ къ жизни слишкомъ крѣпкими узами. Даже его любовь къ женѣ уже связываетъ ему руки. А ея влеченіе къ свѣту, къ роскоши, лести, почестямъ...

— Хорошо, хорошо, не будемъ больше говорить объ этомъ. Все же лучше ужъ такъ, чѣмъ прожигать жизнь, а большинство молодыхъ людей въ наше время занимается именно этимъ. Но ты такъ долго воспитывался заграницей! И твой бѣдный отецъ — онъ теперь совсѣмъ одинъ, брошенъ на произволъ судьбы. До свиданія! Пожалуйста, навѣщай меня. Какъ ты бываешь иногда похожъ на свою мать! До свиданія!

Когда дверь затворилась за Джономъ Стормомъ, первый министръ подумалъ: «Бѣдный мальчикъ, онъ самъ себѣ готовитъ горе: какъ онъ жестоко разочаруется въ одинъ прекрасный день!»

А Джонъ Стормъ, невѣрной поступью шагая по улицѣ, говорилъ себѣ: «Какъ странно, что онъ *такъ* говорилъ со мной! Но, благодаря Бога, онъ ни чуточки не поколебалъ моей рѣшимости. Я умеръ для всего этого годъ назадъ».

Онъ поднялъ голову и пошелъ быстрѣе. Гдѣ-то, въ тайникѣ его души гордо возникла мысль: «Она увидитъ, что отречься отъ міра, значитъ обладать міромъ; что можно быть бѣднымъ и положить всѣ царства міра къ ногамъ своимъ!»

Онъ дошелъ до Вестминстерскаго моста и сѣлъ въ вагонъ третьяго класса подземной желѣзной дороги. Былъ полдень и вагоны были набиты биткомъ. Джонъ Стормъ былъ чрезвычайно оживленъ и вступалъ въ разговоры со всѣми сосѣдями. Выйдя на площади Побѣды, онъ наткнулся на своего викарія и нѣсколько демонстративно привѣтствовалъ его. Каноникъ отвѣтилъ довольно сдержанно и вошелъ въ вагонъ перваго класса.

Переходя Итонскую площадь, онъ замѣтилъ кучку любопытныхъ, столпившихся вокругъ чего-то, лежавшаго на мостовой. То была старуха, оборванная, грязная, съ блѣднымъ истощеннымъ лицомъ. «Несчастный случай?»—спросилъ джентльменъ, приставшій къ толпѣ. — Кто-то отвѣтилъ ему: «Нѣтъ, сэръ, просто въ обморокъ упала».—«Почему же ее не свезутъ въ больницу?» сказалъ джентльменъ и, какъ левитъ, прошелъ мимо. Подъѣхалъ мясникъ на телѣжкѣ и спрыгнулъ на землю со словами: «Въ больницахъ никогда нѣтъ мѣстъ, когда надо».

— Въ данномъ случаѣ и не надо, другъ,—сказалъ чей-то голосъ. То былъ голосъ Джона Сторма, пролагавшаго себѣ дорогу сквозь толпу.

— Пожалуйста, пусть кто нибудь постучится вонъ въ ту дверь.

Самъ онъ взялъ старуху на руки и понесъ ее къ дому каноника. Лакей пришелъ въ ужасъ.

— Дайте мнѣ знать, когда вернется каноникъ,—сказалъ Джонъ, и по устланной ковромъ лѣстницѣ прошелъ въ свою комнату.

Часъ спустя, старуха открыла глаза.

Очевидно, больная дошла до крайней степени нищеты и изнеможенія. Джонъ Стормъ принялся кормить ее цыпленкомъ и молокомъ, поданными ему къ завтраку.

Подъ вечеръ онъ заслышалъ голосъ и шаги каноника въ его кабинетѣ, находившемся какъ разъ подъ комнатой Джона. Онъ спустился внизъ и хотѣлъ постучать, но каноникъ продолжалъ декламировать что-то съ различными интонаціями, то повышая, то понижая голосъ. Дождавшись паузы, Джонъ постучалъ. Каноникъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ крикнулъ:

— Войдите!

Джонъ засталъ своего начальника съ рукописью въ рукѣ, готовящимся къ воскресной проповѣди. Это непріятно поразило Джона, но въ то же время помогло ему понять слова дяди относительно сошествія Духа Св. и дара языковъ.

Каноникъ нахмурился.

— А, это вы, м-ръ Стормъ? Мнѣ было грустно видѣть васъ сегодня выходящимъ изъ вагона третьяго класса.

Джонъ полагалъ, что ему слѣдуетъ ѣздить именно въ третьемъ классѣ, такъ какъ это классъ, предназначенный для бѣдняковъ.

— Вы несправедливы къ себѣ, м-ръ Стормъ. При томъ же, сказать вамъ правду, я не люблю, чтобы мои помощники...

Джонъ сконфузился.

— Если вы такъ смотрите на вещи, сэръ, какъ же вы отнесетесь къ моимъ дальнѣйшимъ поступкамъ.

— Я слышалъ о нихъ и, сознаюсь, мнѣ это не нравится. Кто бы ни была ваше *протеже*, въ моемъ домѣ ей совсѣмъ не мѣсто. Для этого существуютъ разныя благотворительныя учрежденія. Я вношу свою лепту

на поддержаніе ихъ и попросилъ бы васъ, не теряя времени, отправить ее въ больницу.

Джонъ былъ уничтоженъ.

— Хорошо, сэръ, если таково ваше желаніе; но я думалъ... Вы сказали, что мои комнаты... При томъ же, у этой бѣдной старухи есть свое мѣсто въ Божьемъ мірѣ, какъ и у королевы Викторіи, и, быть можетъ, ангелы охраняютъ одну не менѣе бдительно, чѣмъ другую.

На другой день Джонъ Стормъ отправился навѣстить старуху въ госпиталѣ Виноградника Маѳы и видѣлъ весь персоналъ: надзирательницу, домашняго врача и цѣлый штабъ сидѣлокъ. Всѣмъ, очевидно, было уже извѣстно его приключеніе. Раза два онъ поймалъ устремленные на него насмѣшливо-сострадательные взоры и слышалъ хихиканье. Когда онъ подошелъ къ постели, старуха пробормотала:

— Я сразу поняла, что онъ не изъ рабочаго дома... Голубчикъ мой, какъ онъ ласково говорилъ со мной и за руку держалъ крѣпко.

Проходя по палатамъ, Джонъ Стормъ искалъ одного только лица и не находилъ его, но тутъ онъ замѣтилъ молодую женщину въ ситцевомъ платьѣ и передникѣ больничной сидѣлки, молча стоящую у изголовья. Это была Глори съ заплаканными глазами.

— Вы не должны дѣлать такихъ вещей,—сказала она хриплымъ голосомъ.—Я не могу вынести этого.—Она топнула ногой.—Развѣ вы не видите, что эти люди...

Не докончивъ, она повернулась и ушла раньше, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить. Глори было стыдно за него! Можетъ быть, она вступилась, защищала его! Кровь бросилась ему въ лицо; щеки пылали до боли. Глори! У него самого выступили слезы на глазахъ. Онъ не смѣлъ посмотрѣть ей вслѣдъ, но готовъ былъ, въ порывѣ нѣжности, расцѣловать старый мѣшокъ съ костями, лежащій на кровати.

Вечеромъ онъ писалъ старику пастору: «Глори сняла свое домашнее платье и теперь краше прежняго въ бѣломъ, простомъ нарядѣ больничной сидѣлки. Это великое дѣло. Дай Богъ, чтобы она примѣнилась къ нему». Далѣе шло кое-что о томъ, кто придерживается, главнымъ образомъ, обрядовой стороны религіи: они заблуждаются; Богу не могутъ быть угодны такія формальности. «Но если и въ наше время есть мытари и фарисеи, какъ были они во времена Христа, тѣмъ больше дѣла предстоитъ тому, у кого нѣтъ ни честолюбія въ жизни ни страха передъ смертью. Благодаря Бога, я почти умеръ для всего этого... Я исполню свое обѣщаніе присматривать за Глори. Непрестанно молюсь, да не посмѣетъ соблазнъ коснуться ея. Здѣсь ему такъ легко войти и укрѣпиться въ сердцѣ дѣвушки. Новый огромный міръ, съ его свѣтскими обычаями, увеселеніями, блескомъ и красотой,—ничего удивительнаго, если молодая дѣвушка, полная здоровья и жизни, будетъ сгорать нетерпѣніемъ кинуться въ его объятія. Демонъ въ Лондонѣ, льстивый и вкрадчивый, какъ всегда».

VI.

Въ воскресенье, утромъ, къ Джону зашелъ его сослуживецъ, чтобы проводить его въ церковь. Преподобный Джошуа Голяйтли былъ маленькій человѣчекъ съ крючковатымъ носомъ, небольшими острыми глазками, рѣдкими волосиками и голосомъ, представлявшимъ собой нѣчто среднее между шопотомъ и свистомъ, съ подобострастными поклонами и вкрадчивой рѣчью.

— Надѣюсь, что васъ не разочаруетъ наша церковь и служба. Мы дѣлаемъ все, что можемъ, чтобъ быть достойными нашихъ прихожанъ.

По дорогѣ онъ продолжалъ разсказывать прежде всего о служащихъ въ церкви, почетныхъ попечителяхъ, церковныхъ старостахъ и дамахъ, завѣдующихъ украшеніемъ церкви цвѣтами; потомъ объ оркестрѣ, состоявшемъ изъ органиста и капельмейстера, профессіональныхъ музыкантовъ, любителей и секретаря. Антифоны поетъ всегда профессіональный пѣвецъ, обыкновенно теноръ изъ оперы; канонику всегда удается добыть пѣвца; артисты его очень любятъ. Разумѣется, поютъ за плату. На этой недѣлѣ все затрудненіе вышло изъ-за того, что итальянскій баритонъ изъ Ковентгарденскаго театра заломилъ непомѣрную цѣну.

На каждомъ шагу Джонъ Стормъ разочаровывался въ своихъ ожиданіяхъ и надеждахъ.

Церковь Всѣхъ Святыхъ была простое темное строеніе, фронтономъ не прямо на улицу, а во дворъ. Звонили колокола, близь портика тянулся рядъ экипажей, словно у подъѣзда театра; кареты подъѣзжали одна за другой, выпускали сѣдоковъ и отъѣзжали. У дверей прихожанъ встрѣчали швейцары съ булавами, въ золотой ливреѣ, короткихъ ш-та нахъ до колѣнъ, шелковыхъ чулкахъ и напудренныхъ парикахъ.

— Войдемте черезъ западную дверь. Я хочу показать вамъ иконостасъ въ выгодномъ свѣтѣ,—сказалъ м-ръ Голяйтли.

Внутри церковь отличалась пышнымъ убранствомъ: стѣны были расписаны фресками вплоть до клиросовъ, куполъ золоченый. Алтарь отдѣлялся отъ церкви рѣзнымъ желѣзнымъ иконостасомъ изящной работы; на престолѣ стояли золотые подсвѣчники. Надъ престоломъ и по бокамъ его были вставлены цвѣтныя стекла; лучи утренняго солнца, проникая сквозь нихъ, заливали алтарь мягкимъ теплымъ свѣтомъ. Дамы въ нарядныхъ весеннихъ платьяхъ, проходили вслѣдъ за швейцарами въ боковые предѣлы.

— Сюда,—шепнулъ Голяйтли, и Джонъ Стормъ вошелъ въ ризницу черезъ маленькую дверь, словно исполнитель на эстраду. Здѣсь уже находились шесть другихъ викаріевъ, его сослуживцевъ. Они привѣтствовали его кивкомъ головы и продолжали облачаться. Оркестръ и хоръ уже собрались въ отведенномъ имъ помѣщеніи; слышно было, какъ настраивали скрипки; хористы смѣялись, шумно болтая между собой.

Колокольный звонъ постепенно стихъ; послышались звуки органа. Облачившись, всѣ викаріи вышли въ длинный корридоръ и выстроились въ линію, лицомъ къ алтарю и спиною къ маленькой двери, передъ которой стоялъ швейцаръ въ голубой ливреѣ.

— Комната каноника,—шепнулъ м-ръ Голяйтли.

Кто-то прочелъ молитву; хоръ пропѣлъ отвѣтъ; затѣмъ процессія вошла въ алтарь,—хористы впереди, каноникъ сзади. Видимые сквозь рѣзьбу иконостаса, ряды прихожанокъ на скамьяхъ сливались въ одну пеструю нарядную толпу, наполняя церковь блескомъ и яркостью красокъ; воздухъ былъ пропитанъ запахомъ тонкихъ духовъ.

Во все время службы пѣлъ хоръ. По окончаніи проповѣди были пропѣты антифоны; подаяніе собирали передъ проповѣдью во время пѣнія гимна. Профессіональный пѣвецъ въ облаченіи походилъ на всѣхъ другихъ хористовъ, выдѣляясь только своимъ смуглымъ лицомъ и густыми усами.

Проповѣдь говорилъ каноникъ, въ докторскомъ красномъ клобукѣ и говорилъ превосходно. Проповѣдь отличалась краснорѣчіемъ и литературностью, изобиловала ссылками на великихъ писателей, художниковъ, музыкантовъ, заключала въ себѣ панегирикъ Микель-Анджело, цитату изъ Броунинга и оканчивалась цитатой изъ Данте въ оригиналѣ.

Джонъ Стормъ былъ ослѣпленъ и смущенъ. По окончаніи службы, онъ вышелъ одинъ и прошелъ черезъ всю церковь, опустѣвшую, но все еще благоухающую. Между прочими объявленіями, наклеенными на доску въ притворѣ, онъ прочелъ слѣдующее: «Настоятель церкви и старосты, съ прискорбіемъ узнавъ о нѣсколькихъ случаяхъ потери кошельковъ при выходѣ изъ церкви, рекомендуютъ прихожанамъ брать съ собою не больше денегъ, чѣмъ это необходимо для опусканія въ кружку».

Куда попалъ онъ? Неужели это домъ Божій? Все равно. Пусть. Богъ праведно правитъ міромъ и все въ концѣ концовъ направляетъ къ славѣ своей.

На слѣдующій день онъ вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей при госпиталѣ и, окончивъ чтеніе утреннихъ молитвъ, замѣтилъ, что комическое впечатлѣніе, вызванное его приключеніемъ со старухой, отчасти уже изгладилось. Бѣдный старый мѣшокъ съ костями замѣтно слабѣлъ, конецъ близился.

На обратномъ пути, проходя черезъ аптеку, онъ увидалъ Глори и узналъ, что она была въ церкви наканунѣ. Ей понравилось: столько нарядныхъ барынь въ свѣтлыхъ платьяхъ, шелестъ шелка, заглушенный говоръ—все это такъ красиво; ей вспомнилось море въ лѣтніе дни. Онъ спросилъ, какъ она нашла проповѣдь?

— Какъ вамъ сказать,—отвѣчала она,—это собственно не то, что называется религіей, — не то, что я называю религіей, — не «подымаетъ души», какъ выражался старикъ Чэльси, но...

— Глори,—пылко перебилъ онъ,—въ среду я говорю свою первую проповѣдь.

Онъ не просилъ ее придти слушать, но освѣдомился, не назначена ли она въ этотъ день на ночное дежурство. Она отвѣтила. «Нѣтъ», и ушла: кто-то позвалъ ее.

— Она придетъ,—сказалъ онъ себѣ и пошелъ домой, высоко неся голову. Онъ отыщетъ ее въ толпѣ, поймаетъ ея взглядъ; она увидитъ, что ей не придется больше стыдиться за него.

И сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ припоминать ея наружность. Новый костюмъ ея онъ могъ представить себѣ совершенно ясно; лицо и подавно легко было запомнить. «Въ сущности, красота своего рода добродѣтель», подумалъ онъ, «и всякая естественная привязанность—во благо душѣ, если въ основѣ ея лежитъ любовь къ Богу».

Онъ не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ своей проповѣди, ничего не писалъ, не заучивалъ наизусть; вся его подготовка состояла въ размышленіи и молитвѣ. Подъ вечеръ въ среду онъ пришелъ въ очень нервное состояніе. Но церковь была почти пуста; сторожа въ будничной ливреѣ даже не вполнѣ освѣтили ее. Каноникъ сдѣлалъ ему честь лично присутствовать; чтенія изъ Св. Писанія и молитвы взяли на себя его сослуживцы викаріи.

Когда онъ всходилъ на каѳедру, ему почудилось, что вдали, въ полумракѣ одного изъ придѣловъ, бѣлѣютъ чепчики сидѣлокъ; но Глори онъ не видалъ и не рѣшался посмотрѣть туда второй разъ. Текстъ, избранный имъ, былъ: «Царство мое не отъ міра сего». Джонъ повторилъ его дважды и не узналъ своего голоса,—такъ странно звучалъ онъ въ этой пустой церкви, такимъ казался тонкимъ и слабымъ.

Онъ началъ говорить, но его фразы казались ему самому неловкими и неуклюжими.

— Міръ полонъ суеты,—говорилъ онъ,—и народы міра сего отступили отъ заповѣдей Божіихъ. Люди, которые должны были бы жить, какъ братья, рвутъ на части и пожираютъ другъ друга. «Обманывай, или тебя обманутъ»—вотъ правило жизни, по словамъ современнаго философа. Съ одной стороны—толпа, умирающая отъ нищеты; съ другой—кучка избранныхъ, предающихся искусству и поэзіи, сочиняющихъ посланія къ цвѣтамъ, изощряющихся въ описываніи различныхъ видовъ и настроеній любви, живущихъ пустой, суетной жизнью, ищущихъ богатствъ и наслажденій, доступныхъ лишь тѣлеснымъ очамъ, между тѣмъ какъ тысячи несчастныхъ пресмыкаются въ грязи... Гдѣ же искать убѣжища?.. Церковь пристанище народа Божія... Отъ Христа надо ждать отвѣта... отвѣта... от...

Нужное слово не находилось. Джонъ усиленно боролся съ собой: произнесъ еще тираду, запнулся, опять началъ, опять запнулся, чувствуя, что его кидаетъ въ жаръ, сдѣлалъ надъ собой новое усиліе, выцарапалъ нѣсколько словъ, уцѣлѣвшихъ въ его памяти, весь обливаясь потомъ, выговорилъ ихъ слабѣющимъ голосомъ, остановился посрединѣ фразы и со словами: «Благословенъ Господь Богъ нашъ»... сошелъ съ каѳедры.

Онъ провалился и сознавалъ это. По возвращеніи въ ризницу, Голяйтли принялся поздравлять его, глупо улыбаясь. Каноникъ высказалъ себя искреннѣе, но зато и суетнѣе. Къ ласковому укору онъ присоединилъ надменный совѣтъ. М-ръ Стормъ слишкомъ легко отнесся къ своей задачѣ. Лучше было бы написать проповѣдь и читать по тетрадкѣ. Для деревни все годится, но лондонцы,—въ особенности прихожане церкви Вс. Святыхъ, предъявляютъ гораздо большія требованія къ проповѣди: она должна быть тщательно отдѣлана, обработана...

— Я, съ своей стороны, сознаюсь,—нѣтъ, съ гордостью заявляю, что мой девизъ: репетиція, репетиція и репетиція!

Что касается содержанія проповѣди...—правильность такой доктрины подлежитъ сомнѣнію. Необходимо жить въ *девятнадцатомъ* столѣтіи; невозможно примѣнять къ нему правила жизни, годныя для перваго.

Джонъ Стормъ не противорѣчилъ. Онъ худо спалъ въ эту ночь. Какъ только ему удавалось забыться, онъ видѣлъ себя старающимся сдѣлать что-то, чего онъ сдѣлать не могъ, просыпался, и его бросало въ жаръ, какъ бы при воспоминаніи о пережитомъ позорѣ. И все время позади его стыда шевелилась мысль о Глори.

На другой день, утромъ, онъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, приготовляя себѣ тартинки къ завтраку, какъ вдругъ дверь отворилась и веселый голосъ спросилъ: «Можно войти, голубчикъ?»

Вошла пожилая дама, высокая и тонкая, съ длиннымъ красивымъ лицомъ, проницательными, но добрыми глазами и почти снѣжно бѣлыми волосами.

— Я Джэнъ Календеръ,—заявила она.—Не хотѣлось мнѣ дожидаться представленій и всякой такой штуки, а вотъ просто взяла, да и пришла поглядѣть на васъ. Ахъ, родной мой, какая славная проповѣдь! Ничего подобнаго не слышала съ тѣхъ поръ, какъ переѣхала сюда изъ Эдинбурга. Тамъ вотъ тоже былъ славный такой докторъ Гутри—не изъ нынѣшнихъ, нѣтъ, не изъ вашихъ газетныхъ проповѣдниковъ. Нѣтъ, Томасъ не таковскій. Но и вы дѣло говорили, ей Богу. Половина всего народу, что ходитъ въ церковь, служитъ Вельзевулу. Охъ, ужъ эти мнѣ фарисеи! Молоко, и то киснетъ при нихъ. Кабы у нихъ всѣхъ да была одна шея, да кто-нибудь придавилъ бы ее хорошенько!—Эге, гдѣ это ты подслушала, Джэнъ. Ну, да все равно! А дѣвчонки со своими модами, да фалболами, еще хуже мужчинъ. Онѣ любятъ Спасителя, еще бы, но только издали: пусть Онъ лучше сидитъ себѣ на небѣ и не надоѣдаетъ имъ тутъ, въ Бельгрэвіи. Однако, мнѣ пора. Оставила Джемса на улицѣ, а онъ—не дай Богъ, какъ сердится, если заставить лошадей долго ждать. Пока, до свиданія. Только вотъ что, голубчикъ, боюсь я за васъ. Я думаю... я думаю... впрочемъ, все равно. Навѣстите меня въ Викторіа-скверѣ. Добраго утра!

Все это она выговорила однимъ духомъ и, пока онъ собрался отвѣтить, она уже спускалась съ лѣстницы, шурша шелковымъ платьемъ.

Джонъ Стормъ вспомнилъ, что каноникъ говорилъ съ нимъ объ этой дамѣ. Это и есть добрая женщина, открывшая убѣжище для дѣвушекъ въ Сого.

— Добрая душа, только затѣмъ и приходила, чтобъ утѣшить меня,— подумалъ онъ.—А Глори! Что думаетъ Глори?

Послѣ утренней молитвы онъ отправился разыскивать ее и нашелъ въ амбулаторіи, но она только кивнула и улыбнулась ему, отговариваясь тѣмъ, что завалена работой.

— Нынче утромъ просто вздохнуть некогда,—увѣряла она.—Я по уши въ перевязкахъ; на моей совѣсти четырнадцать пластырей и еще сейчасъ надо бѣжать къ своему мальчугану, у котораго въ субботу ногу-то отняли.

Онъ понялъ, но вечеромъ пришелъ опять, рѣшившись узнать правду.

— Что вы скажете насчетъ вчерашняго, Глори?

Она выразила на лицѣ своемъ полное недоумѣніе.

— А что? Что такое случилось? Ахъ, да, ну, конечно... Вы о проповѣди? Какъ это глупо съ моей стороны! Знаете, я вѣдь совсѣмъ забыла...

— Такъ вы не были въ церкви?

— И не спрашивайте. Право, мнѣ стыдно. И еще послѣ обѣщанія, даннаго дѣдушкѣ! Но среда вѣдь все-равно, что не считается. Вы скажете проповѣдь въ воскресенье...: и тогда!..

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ почувствовалъ себя глубоко униженнымъ. Глори не потрудилась даже запомнить день... Очевидно, онъ для нея ничто, тогда какъ она...

Домой онъ шелъ черезъ Сентъ-Джемскій паркъ. Миръ и безмолвіе ночи спустились на его душу, когда онъ вступилъ подъ сѣнь высокихъ деревьевъ. Уличный шумъ и гамъ доносились сюда лишь какъ тихій рокотъ далекаго моря. Сквозь листву деревьевъ виднѣлись часы на Вестминстерской башнѣ и слышно было, какъ они отбивали четверти. Лондонъ! Какимъ мелкимъ и эгоистичнымъ представлялось все личное передъ лицомъ великаго города! А онъ думалъ только о себѣ, о своихъ собственныхъ мелкихъ начинаніяхъ и поступкахъ. Какъ все это ничтожно и жалко!..

— Отчего мнѣ такъ стыдно своего провала на каѳедрѣ? Только ли оттого, что боюсь повредить Божію дѣлу, или тутъ другое: уязвленное самолюбіе, гордость, мысли о Глорѣ?..

Тихія звѣзды безмолвно сіяли надъ нимъ. Ночь была полна величія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАТЬ.

И дни, и ночи до утра
Въ степи метели бушевали
И вѣшки снѣгомъ заметали,
И заносили хутора.
А домъ стоялъ въ открытомъ полѣ
Печальнымъ сторожемъ степнымъ,
И вѣтеръ бѣшеный надъ нимъ
Какъ будто тѣшился на волѣ.
Онъ крышу снесъ, врывался въ домъ —
И стекла въ рамахъ дребезжали,
И снѣгъ въ пустой, старинной залѣ
Кружился въ сумракѣ ночномъ.

Но былъ огонь... Не угасая,
Въ пристройкѣ робко онъ свѣтилъ,
И кто-то тамъ всю ночь ходилъ,
Глазъ до разсвѣта не смыкая..,
То мать моя... забывши страхъ,
Она одна насъ не кидала,
Съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ
Она одна душой страдала.
Она мерцавшую свѣчу
Старинной книгой заслонила
И, положивъ его къ плечу,
Все напѣвала и ходила.

И ночь тянулась безъ конца...
Порой дремотой обвѣвая,
Шумѣла тише вьюга злая,
Шуршала снѣгомъ у крыльца.
Когда жъ буранъ въ порывѣ дикомъ
Внезапнымъ шкваломъ налеталъ,—
Казалось ей, что домъ дрожалъ,

Что кто-то слабымъ, дальнимъ крикомъ
Въ степи на помощь призывалъ...
И до утра не разъ слезами
Ея усталый взоръ блестѣлъ,
А мальчикъ вздрагивалъ, глядѣлъ
Большими, темными глазами...

Далеко хуторъ мой родной;
Давно прошли тѣ дни и ночи,
Когда я видѣлъ предъ собой
Ея заплаканныя очи.
Но не забыть ихъ никогда!
Во тьмѣ житейскаго ненастья,
Въ часы раздумья и труда
Я вспоминаю ихъ, какъ счастье,—
Какъ радость дѣтства моего,
Какъ утѣшенье предъ разлукой,
Какъ ласку нѣжную того,
Кто далъ мнѣ жизнь своею мукой!..

Ив. Бунинъ.

Физіологія растеній, какъ основа раціональнаго земледѣлія *).

Проф. К. Тимирязева.

Лекторъ, берущій на себя отвѣтственную обязанность—занять, въ теченіе часа или двухъ, вниманіе, хотя бы самой снисходительной аудиторіи—прежде всего бываетъ озабоченъ выборомъ для своей бесѣды предмета, который представлялъ бы, по возможности, живой, современный интересъ. Этотъ выборъ становится еще болѣе затруднительнымъ, когда приходится ограничиваться тѣсными предѣлами одной спеціальной науки. По несчастію—съ своей узко-эгоистической точки зрѣнія лектора, я чуть было не сказалъ по счастію—по несчастію, существуютъ вопросы, которые всегда возбуждаютъ живой интересъ, на которые не существуетъ моды. Таковъ вопросъ о насущномъ хлѣбѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ этого же мѣста, по поводу грознаго народнаго бѣдствія, мнѣ приходилось напоминать о томъ, что однимъ изъ главныхъ предметовъ изученія и заботъ человѣка должно быть растеніе **). Теперь та же мысль невольно представляется уму въ еще болѣе настоятельной формѣ. Въ эту минуту, послѣ ряда благодатныхъ въ метеорологическомъ отношеніи годовъ, возникаетъ вопросъ уже не объ остромъ, временномъ, а о хроническомъ недугѣ нашего земледѣлія или, вѣрнѣе, земледѣльца. Изъ-за техническаго вопроса—значенія низкихъ цѣнъ на хлѣбъ—выступаетъ цѣлый рядъ болѣе глубокихъ и жгучихъ вопросовъ: Что такое нашъ крестьянинъ-земледѣлецъ, производитель или только потребитель хлѣба? Покупаетъ ли онъ хлѣбъ или не покупаетъ, продаетъ или не продаетъ? И если продаетъ, то отъ избытка ли, а если не продаетъ, то чѣмъ же возмѣщаетъ свой, хотя бы до невозможности, скромный бюджетъ и свою менѣе скромную долю участія въ постоянно растущемъ бюджетѣ страны. И не продаетъ ли онъ, наконецъ, по дешевой цѣнѣ, покупая по дорогой? Вотъ рядъ вопросовъ и недоумѣній съ головокружительной стремительностью пробѣгающихъ въ умѣ. И въ то же время всякій смутно сознаетъ, что дол-

---

*) Лекція, читанная въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ, 15 марта 1897 г.

**) См. мою лекцію: *Борьба растеній съ засухой*. Москва 1893 г.

женъ разобраться въ нихъ, такъ какъ они касаются самыхъ коренныхъ основъ общественнаго благосостоянія, общественной нравственности.

Пока была вѣрна поговорка «цѣны Богъ строитъ», т. е. пока скудность или обиліе продукта, или, другими словами, естественные законы производства опредѣляли ему цѣну, натуралистъ еще могъ разобраться въ этомъ вопросѣ. Но когда къ нимъ стала примѣшиваться произвольная дѣятельность человѣка, мудрость государственныхъ людей, въ международныхъ отношеніяхъ, выражающаяся въ томъ, чтобъ какъ-нибудь повредить сосѣду, а во внутренней экономической политикѣ — въ покровительствѣ одной части населенія, хотя бы къ явному ущербу остальной, натуралисту, изучающему только неизмѣнные законы природы, тутъ дѣлать нечего. По счастью, обѣ спорящія въ настоящую минуту стороны согласны въ одномъ положеніи, въ томъ, — что урожай лучше недорода.

Какъ только произнесено это слово *урожай*, натуралистъ начинаетъ чувствовать почву подъ ногами, такъ какъ его задача къ тому и сводится, чтобы опредѣлить условія урожая, причину недорода и средства борьбы съ этой невзгодой. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ на свою задачу лучшіе представители науки Запада. «Наука безсильна повліять на цѣны», говоритъ Дегеренъ, «она можетъ только научить насъ поднять урожай; этимъ ограничивается ея роль». Ту же мысль развивалъ онъ недавно въ разговорѣ со мной. Подтрунивая надъ запретительными пошлинами, въ которыхъ французскіе аграріи ищутъ спасенія въ борьбѣ съ паденіемъ цѣнъ, онъ справедливо замѣтилъ «трудно человѣку брать на себя роль земного провидѣнія» и закончилъ остроумною шуткой: «ces messieurs prétendent que nous avons trop de pain. Eh bien nous allons manger des dindes». — («Если у насъ лишне хлѣба, будемъ ѣсть индѣекъ»). Едва ли состояніе нашего земледѣлія подаетъ поводъ къ такимъ оптимистическимъ шуткамъ *). Едва ли у насъ низкія цѣны на хлѣбъ будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ появленіе индѣйки на столѣ нашего крестьянина. Возвышеніе урожая и превращеніе его въ наиболѣе цѣнный продуктъ—вотъ, слѣдовательно, совѣтъ, который подаетъ западная наука своему земледѣльцу. И на первомъ планѣ возвышеніе урожая.

Но что же нужно для обезпеченія урожая? Прежде всего, конечно, знакомство съ потребностями растенія и умѣнье имъ удовлетворить. А затѣмъ уже—изысканіе наиболѣе выгодныхъ условій разрѣшенія этой задачи, при помощи средствъ, имѣющихся подъ рукою. Наука можетъ снабдить только первыми знаніями, вторая половина задачи всегда была дѣломъ личной находчивости, особаго практическаго чутья. Но какого

*) А между тѣмъ у меня на столѣ лежитъ брошюра одного моего коллеги по Société nationale d'agriculture, извѣстнаго практика, получившаго премію за свои высокіе урожаи и серьезно доказывающаго прибыльность откармливанія скота пшеницей.

же рода эти научныя свѣдѣнія, чѣмъ отличается современное раціональное земледѣліе отъ того чисто эмпирическаго искусства, какимъ оно было еще такъ недавно. Чѣмъ отмѣчены научные успѣхи за этотъ послѣдній вѣкъ, отразившіеся на земледѣліи, совершенно измѣнившіе его характеръ, превратившіе его изъ безсвязнаго собранія рецептовъ и слѣпого подражанія успѣшнымъ примѣрамъ въ болѣе или менѣе сознательную разумную дѣятельность? Конечно, возникновеніемъ двухъ отраслей знанія: *агрономической химіи и физіологіи растеній.* Недаромъ, величайшій изъ теоретическихъ и практическихъ авторитетовъ за истекшій вѣкъ, Буссенго поставилъ въ заголовкѣ собранія своихъ сочиненій эти три слова: Agronomie, Chimie agronomique, Physiologie. Такова въ дѣйствительности ихъ логическая послѣдовательность: агрономія ставитъ вопросы; агрономическая химія даетъ средства для ихъ научнаго разрѣшенія; физіологія растеній, изслѣдуя ихъ на живомъ объектѣ дѣятельности агронома, даетъ окончательный отвѣтъ на запросы практики. Успѣхи агрономической химіи, появленіе новыхъ методовъ расширяютъ область науки, но только провѣрка непосредственно на растеніи сообщаетъ полную достовѣрность ея объясненіямъ и выводамъ. Земледѣліе стало тѣмъ, что оно есть, только благодаря *агрономической химіи и физіологіи раетеній*; это очевидно, a priori и доказывается всей исторіей. И не странно ли, что у насъ, именно съ той поры, какъ стали особенно много говорить о подъемѣ научнаго земледѣлія, эти двѣ его научныя основы исчезли какъ самостоятельные предметы преподаванія въ нашихъ высшихъ земледѣльческихъ школахъ *).

Будущій историкъ развитія у насъ научнаго земледѣлія, конечно, затруднится объяснить себѣ эту непонятную аномалію.

Не подлежитъ сомнѣнію, что растеніе составляетъ центральный предметъ дѣятельности земледѣльца, а отсюда слѣдуетъ, что и всѣ его знанія должны быть пріурочены къ этому предмету. Въ послѣднее время много говорится и пишется о значеніи *сельскохозяйственной метеорологіи, бактеріологіи* и въ особенности *почвовѣдѣнія*, но всѣ эти знанія интересуютъ земледѣльца лишь настолько, насколько они касаются растеній *). Климатическія условія представляютъ интересъ лишь тогда, когда намъ, рядомъ съ ними, извѣстны требованія, предъявляемыя имъ растеніемъ; безъ этихъ послѣднихъ свѣдѣній, безконечныя вереницы цифръ метеорологическихъ дневниковъ останутся только безплоднымъ

---

*) Одинъ изъ нихъ—агрономическая химія—совершенно уничтоженъ, а другой — физіологія растеній, идетъ какъ-то на буксирѣ бактеріологіи, т. е. цѣлое является придаткомъ своей части. По слухамъ, проникшимъ уже въ печать и изъ новаго сельскохозяйственнаго института въ Кіевѣ предполагается изгнать эту основу современнаго научнаго земледѣлія—*агрономическую химію*; какая участь постигнетъ физіологію растеній—мнѣ точно неизвѣстно.

**) Само собою понятно, за исключеніемъ патологической бактеріологіи въ примѣненіи къ ветеринаріи и т. д.

балластомъ. Знаніе свойствъ почвы получаетъ смыслъ лишь съ того момента, когда намъ становится понятнымъ ихъ значеніе для растенія и при томъ не эмпирически, а сознательно *). Микроскопическіе организмы почвы играютъ роль въ глазахъ земледѣльца лишь настолько, насколько ихъ дѣятельность причиняетъ пользу или вредъ культурному растенію. Слѣдовательно, культурное растеніе и предъявляемое имъ требованіе—вотъ коренная научная задача земледѣлія, все остальное важно лишь настолько, насколько имѣетъ отношеніе къ ней; это слѣдуетъ имѣть прежде всего въ виду при оцѣнкѣ значенія той или иной отрасли естествознанія для земледѣлія.

Гдѣ же и какъ разрѣшается эта задача? Всего естественнѣе отвѣтить: конечно, тамъ, гдѣ протекаетъ жизнь этого растенія, т. е. въ полѣ. Но долголѣтній научный опытъ отвѣчаетъ: нѣтъ, не въ полѣ, а въ особенной, для того приспособленной физіологической лабораторіи, на такъ-называемой опытной станціи физіологическаго типа. Десятки лѣтъ отстаивалъ я у насъ эту мысль; насколько могъ, пытался приводить ее въ исполненіе и потому съ удовольствіемъ могу указать на успѣхи, которые она дѣлаетъ въ послѣднее время. Сошлюсь на свидѣтельство кіевскаго профессора Богданова, подводящаго итоги впечатлѣніямъ, вынесеннымъ имъ изъ прошлогодней поѣздки по германскимъ опытнымъ станціямъ въ статьѣ: «*Во что превращаются опытныя поля*». «Въ близкомъ будущемъ,—такъ заканчиваетъ онъ свою статью,—обширныя опытныя поля при рѣшеніи вопросовъ земледѣльческой культуры уступятъ свое мѣсто *опытнымъ станціямъ, широко пользующимся методомъ выращиванія растеній въ сосудахъ*» **)! Такія-то опытныя станціи физіологическаго типа были мною устроены въ 1872 году въ Петровской академіи, въ 1890 въ московскомъ университетѣ и, наконецъ, образцовая подобная станція была мною организована, по порученію министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, на прошлой выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ ***). Опыты, произведенные на

*) Могу привести въ качествѣ иллюстраціи слѣдующій случай. Одинъ юный почвовѣдъ увидавъ на опытной станціи на Нижегородской выставкѣ водныя культуры, былъ пораженъ ихъ противорѣчіемъ съ однимъ изъ положеній почвовѣдѣнія, по которымъ почва съ содержаніемъ воды свыше извѣстнаго максимума считается непригодною для культуры,—а тутъ выводятъ растенія прямо-таки въ водѣ! Очевидно, недостаточно знать, что избытокъ воды въ почвѣ вреденъ, нужно еще понимать, почему именно, а этому учитъ физіологія растеній, а не почвовѣдѣніе.

**) См. *Хозяинъ* 1897 г., 12-го января.

***) Еще въ 1885 году мною былъ составленъ подробный проектъ такой станціи для Москвы и еслибъ я нашелъ поддержку тамъ, гдѣ имѣлъ полное основаніе ее ожидать, Москва давно обладала бы подобнымъ образцовымъ учрежденіемъ, гдѣ лѣтомъ производились бы изслѣдованія, а зимой читались бы публичные курсы научнаго земледѣлія, о пользѣ которыхъ въ послѣднее время такъ много говорится. См. мою статью *Польза опытныхъ станцій*, въ сборникѣ *Публичныя лекціи и рѣчи*. Москва, 1888 г.

этой станціи, доставятъ намъ наглядный матеріалъ для дальнѣйшаго изложенія, тѣмъ болѣе интересный, что всѣ производились на глазахъ тысячъ зрителей.

Но къ чему же сводится задача изученія культурнаго растенія въ зависимости отъ *нормальныхъ* условій его существованія *) Условія эти всего удобнѣе пріурочить къ четыремъ факторамъ, пожалуй, соотвѣтствующимъ четыремъ стихіямъ древнихъ: землѣ, водѣ, воздуху и огню. Растеніе и почва, растеніе и влага, растеніе и воздухъ, растеніе и солнце—вотъ эти четыре категоріи явленій; съ ними приходится считаться земледѣльцу; во всякомъ случаѣ, ему необходимо понимать ихъ относительную роль.

I. Растеніе и почва.

Всего яснѣе, всего нагляднѣе выступаетъ зависимость растенія отъ почвы; въ то же время этотъ факторъ болѣе остальныхъ находится во власти человѣка, потому неудивительно, что ему съ незапамятныхъ временъ приписывалась выдающаяся, чуть не исключительная роль. Почвѣ всегда приписывалось значеніе не только твердаго материка, къ которому растеніе прикрѣпляется корнями—почти столь же естественнымъ представлялось, что этотъ корень пользуется ея *«соками»*. Но въ чемъ заключаются эти *соки* мы начали понимать всего какое-нибудь столѣтіе, да и въ настоящую минуту не разрѣшено еще многихъ сюда относящихся вопросовъ. Чѣмъ питается растеніе и какъ это узнать? Вотъ коренной вопросъ, на которомъ зиждется раціональное земледѣліе, а между тѣмъ полный и обстоятельный отвѣтъ на него мы получили только около половины текущаго столѣтія. Казалось бы, ничего не можетъ быть проще. Разъ, благодаря вѣковымъ успѣхамъ химіи, мы знаемъ составъ растенія и почвы, все сводится къ установленію соотвѣтствія между тѣмъ и другимъ. Питательная почва должна содержать тѣ вещества и въ томъ отношеніи, въ какомъ они находятся въ растеніи. Но это положеніе, несомнѣнное въ общихъ чертахъ, нуждается еще въ цѣломъ рядѣ поправокъ. Во-первыхъ, растеніе питается не одной только почвой (разумѣя подъ нею совокупность твердыхъ и жидкихъ частей), но и воздухомъ; этому не могло научить одно сравненіе анализовъ почвы и растенія. Во-вторыхъ, если почва *должна* содержать то, что входитъ въ составъ растенія и не могло быть ему доставлено изъ воздуха, то, наоборотъ, растеніе *можетъ* содержать извѣстныя вещества не потому, что они для него необходимы, а потому только, что они находились въ почвѣ. Рѣшить, какія вещества должны быть признаны необходимыми для растенія, одна химія не въ силахъ; отвѣтить на это можетъ только физіологія—прямой опытъ надъ растеніемъ.

*) Этимъ мы ограничиваемъ свою задачу, исключая изъ нея патологію растеній.

Наконецъ, анализъ можетъ указывать на присутствіе извѣстнаго элемента въ растеніи а опытъ доказывать, что этотъ элементъ долженъ быть отнесенъ къ числу необходимыхъ; спрашивается, достаточно ли на этотъ разъ одного анализа почвы, выясняющаго обиліе въ ней или недостатокъ этого элемента, чтобы судить о ея значеніи для растенія, т. е. о степени ея плодородія по отношенію къ данному растенію? Еще разъ нѣтъ; только само растеніе, т. е. умѣющій допросить его физіологъ можетъ доставить категорическій отвѣтъ. Такимъ образомъ, химическій анализъ, безъ котораго, конечно, наука не могла бы сдѣлать шага, еще самъ по себѣ не даетъ отвѣта на непосредственные запросы земледѣлія, и пока ученые не прониклись этой мыслью, они бродили вокругъ да около истины. Пояснимъ примѣромъ. Въ составъ самой плодородной почвы, напримѣръ, чернозема, входитъ углеродистое органическое вещество—перегной; оно же входитъ въ составъ важнѣйшаго изъ удобреній навоза; растеніе также состоитъ изъ органическаго вещества—не ясно ли, что для своего питанія оно нуждается въ органическомъ веществѣ почвы и что содержаніе этого вещества можетъ служить мѣрой плодородія; это—такъ долго господствовавшая въ земледѣліи такъ называемая теорія *гумуса*. Но произведемъ соотвѣтствующій опытъ и растеніе намъ отвѣтитъ, какъ мы сейчасъ увидимъ тому примѣры, что оно можетъ питаться нормально, даже роскошнѣе, чѣмъ въ унавоженной почвѣ и безъ слѣдовъ органическаго вещества *). Другой примѣръ. Въ золѣ растеній, особенно нашихъ хлѣбныхъ злаковъ, въ числѣ другихъ веществъ встрѣчается кремнеземъ, и вотъ Либихъ, на основаніи указаній химическаго анализа, предлагаетъ въ составъ своихъ минеральныхъ удобреній вводитъ растворимыя кремнекислыя соли, какъ наиболѣе благопріятную для растенія форму кремнезема. Но растеніе, допрошенное физіологомъ, отвѣчаетъ, что оно можетъ обойтись и безъ кремнезема. Еще послѣдній примѣръ. Химическій анализъ показываетъ, что растеніе изъ группы бобовыхъ (горохъ, бобы, клеверъ, вика и пр.) содержатъ значительно больше азота, чѣмъ хлѣбные злаки; казалось бы, имъ необходимо доставлять его въ изобиліи въ почвѣ, но прямой опытъ отвѣчаетъ, что они именно наименѣе благодарно относятся къ этому удобренію. Удобрять почву азотомъ подъ бобовыя растенія, значило бы безцѣльно разоряться. Итакъ, только опытъ прямой, точный, физіологическій опытъ надъ даннымъ растеніемъ, надъ данной почвой и удобреніемъ одинъ вполнѣ разрѣшаетъ всѣ вопросы. Замѣтимъ при томъ, что произвести анализъ почвы, анализъ растенія, задача далеко не всякому доступная. Даже не всякій, умѣющій производить химическій анализъ, имѣетъ подъ рукой необходимую лабораторную обстановку. Производство же физіологическихъ опытовъ для разрѣшенія самыхъ насущныхъ

*) Напомнимъ, что здѣсь идетъ рѣчь лишь о питательномъ значеніи органическаго вещества, а не о другихъ второстепенныхъ качествахъ, которыя оно сообщаетъ почвѣ и пользу которыхъ нельзя отрицать.

вопросовъ агрономической теоріи и практики по большей части вполнѣ доступно каждому.

Какъ же производятся подобные опыты? Безчисленныя изслѣдованія приводятъ къ заключенію, что только весьма незначительная часть почвы служитъ непосредственно для питанія; остальная составляетъ только мертвый остовъ, прямо въ питаніи не участвующій. Отсюда одинъ шагъ до заключенія, что этотъ, сложный по своему составу и затемняющій результаты опытовъ, остовъ можетъ быть замѣненъ какимъ-нибудь простымъ и совершенно безплоднымъ веществомъ, напримѣръ, пескомъ (прокаленнымъ, обработаннымъ кислотой для удаленія всѣхъ слѣдовъ питательныхъ веществъ) или, наконецъ, водою, перегнанной или дождевой, также для того, чтобы быть увѣреннымъ, что растеніе не получило другихъ питательныхъ веществъ, кромѣ тѣхъ, которые мы ему умышленно доставимъ. Сообразно съ этимъ, различаютъ двоякаго рода искусственныя культуры, песчаныя и водныя. Первый пріемъ принадлежитъ Буссенго, но особенно подробно разработанъ онъ Гельригелемъ; второй пріемъ систематически выработанъ Кнопомъ. Водныя культуры представляютъ самый простой и въ то же время самый изящный и совершенный способъ. Не даромъ ихъ называютъ *прозрачными*, такъ какъ корни развиваются на глазахъ у наблюдателя, какъ и воздушныя части, и допускаютъ такой же тщательный за собой уходъ *).

Всякому извѣстно, что если почва залита водою, то обыкновенныя, не болотныя, растенія на ней не развиваются, а здѣсь растенія находятся своими корнями прямо въ водѣ. Это можетъ навести на мысль о неестественности самого пріема. Но нужно знать, почему избытокъ воды дѣйствуетъ вредно. Опытъ научаетъ, что вредъ причиняется главнымъ образомъ вытѣсненіемъ изъ почвы необходимаго для корней воздуха. Поэтому черезъ воду культурныхъ сосудовъ необходимо, какъ и въ акваріумахъ, продувать воздухъ, по возможности, ежедневно. Это дѣлается обыкновенно при помощи всѣмъ извѣстныхъ каучуковыхъ мячиковъ, употребляемыхъ при пульверизаторахъ. При значительномъ же числѣ сосудовъ приходится прибѣгать къ помощи особаго приспособленія **).

---

*) Для этого употребляются стеклянные сосуды, завернутые клеенкою. Эта послѣдняя предосторожность необходима, такъ какъ иначе въ растворахъ заводятся зеленыя водоросли, они зацвѣтаютъ. Форма сосуда также не безразлична. Широкія банки неудобны, такъ какъ изъ нихъ растворъ легко расплескивается; банки съ узкимъ горломъ неудобны потому что изъ нихъ нельзя уже извлечь разросшагося корня а это бываетъ нужно, когда онъ случайно поврежденъ и необходимо удалить какую-нибудь загнившую мочку. Самой удобной формой должно считать изображенный на фиг. 6 (третій справа) сосудъ съ широкой пришлифованной пробкой, имѣющей посрединѣ горлышко. Этотъ типъ сосудовъ былъ выработанъ мною для Нижегородской выставки и выполненъ по моему заказу фирмой Герхардтъ въ Боннѣ.

**) На фиг. III справа виденъ особый газометръ, состоящій изъ двухъ частей, нижняя содержитъ воздухъ, верхняя—воду, которая, падая черезъ трубку съ кра-

Пророщенное сѣмя закрѣпляютъ при помощи ваты и пробки въ горлышкѣ культурнаго сосуда такъ, чтобы корешки были погружены въ воду. Этимъ почти ограничиваются простые пріемы этихъ культуръ. Но, конечно, самое важное условіе успѣха — составъ той питательной жидкости, въ которой выращиваются растенія. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на количество и качество доставляемыхъ веществъ. Долголѣтній опытъ показалъ, что всего лучше давать двѣ части питательныхъ веществъ на 1.000 ч. воды. Что касается до состава этой пищи, то оказалось существенно необходимымъ доставлять растенію слѣдующіе восемь элементовъ: азотъ, фосфоръ, сѣру, хлоръ, калій, магній, кальцій и желѣзо. Первые четыре образуютъ кислоты, послѣдніе— основанія, тѣ и другіе вмѣстѣ—соли. Число этихъ солей и ихъ относительное количество у различныхъ экспериментаторовъ различно. Мы употребляемъ обыкновенно нормальную смѣсь Кнопа:

1. Азотнокислаго	кальція	1.
2. »	калія	0,25
3. Фосфорно »	калія	0,25
4. Сѣрно »	магнія	0,25
5. Хлористаго	калія	0,25
6. Фосфорнокислаго	желѣза	
		2 ч. на 1.000 частей воды

Пять первыхъ изъ перечисленыхъ солей при указанной концентраціи вполнѣ растворяются въ водѣ; одна только шестая нерастворима даже при этой слабой концентраціи. Ее доставляютъ въ видѣ рыхлаго осадка, который постоянно должно взмучивать, чтобы онъ осѣдалъ на корешки, а не оставался на днѣ сосуда. Это достигается, побочно, ежедневнымъ продуваніемъ воздуха, о которомъ мы только что упомянули. Въ растворѣ Кнопа растенія получаютъ всѣ для нихъ необходимыя питательныя вещества и развиваются такъ же роскошно, какъ въ самой плодородной почвѣ *).

номъ въ нижній пріемникъ, вытѣсняетъ изъ него воздухъ, распредѣляемый каучуковыми трубочками по культурнымъ сосудамъ. Когда вся вода перелилась въ нижній сосудъ, небольшимъ ручнымъ насосомъ, изображеннымъ влѣво отъ газометра ее перекачиваютъ обратно въ верхній.

*) Многихъ интересуетъ непосредственное примѣненіе такихъ растворовъ къ цѣлямъ садоводства и комнатнаго цвѣтоводства. Для этихъ цѣлей рецептъ Кнопа можетъ быть значительно упрощенъ, т. е. изъ него можно выкинуть вещества, которыя въ почвѣ обыкновенно находятся въ достаточномъ количествѣ. Такихъ упрощенныхъ рецептовъ предложено много; наибольшей популярностью пользуется такъ называемыя «питательныя соли Вагнера». Привожу одинъ изъ новѣйшихъ рецептовъ, предложенный въ 1896 году Мюллеромъ Тургау и особенно пригодный для комнатной культуры:

Азотнокислаго калія	30 частей
Фосфорнокислаго »	25 »
Сѣрнокислаго аммонія	10 »
Азотнокислаго аммонія	35 »
	100 частей

Отъ 5 до 8 частей всей смѣси растворяютъ въ 10.000 частяхъ воды и поливаютъ горшки ежедневно, черезъ два, или три дня, смотря по надобности, а въ остальное

Если мы желаемъ произвести опытъ въ условіяхъ, болѣе близкихъ къ природѣ, т. е. въ твердой средѣ, то, по примѣру Гельригеля, беремъ безплодный песокъ и поливаемъ его питательнымъ растворомъ. При этомъ прежде всего нужно озаботиться, чтобы количество жидкости было надлежащее, т. е. чтобъ ея было достаточно, но не было бы избытка, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ доступъ воздуха къ корнямъ былъ бы затрудненъ. Опытъ показалъ, что для этого нужно брать воды въ количествѣ 60% полной влагоемкости. Мы узнаемъ это такимъ образомъ: беремъ на воронкѣ сухой песокъ, обливаемъ водой, даемъ стечь избытку, опредѣляемъ, сколько удержалось воды въ пескѣ. $^6/_{10}$ этого количества и будетъ наилучшее содержаніе воды, которое мы и поддерживаемъ въ теченіи всего опыта въ нашихъ сосудахъ, взвѣшивая ихъ отъ времени до времени на обыкновенныхъ десятичныхъ вѣсахъ.

Наконецъ, если бы мы желали еще болѣе приблизиться къ естественнымъ условіямъ, то остановимся на пріемѣ профессора П. Вагнера. Вагнеръ основой беретъ не дестиллированную воду или песокъ, а прямо *обезпложенную* или завѣдомо *безплодную* естественную почву. Обезпложиваніе почвы достигается продолжительной истощающей культурой. Безплодная почва берется, конечно, такая, которая неспособна давать урожаевъ вслѣдствіе недостатка питательныхъ веществъ, а не вслѣдствіе вреднаго присутствія какого-нибудь вещества, какъ, напр., въ солончаковой почвѣ и т. д. Какимъ бы изъ этихъ трехъ путей мы ни пошли, всѣ они сходны въ томъ, что собственно питательныя вещества мы вводимъ въ смѣсяхъ вполнѣ извѣстнаго состава.

Какъ же узнаемъ мы, что именно и въ какихъ количествахъ необходимо для растенія? Очень просто; мы дѣлаемъ всегда два параллельныхъ опыта, отличающихся между собою отсутствіемъ *одного* и, понятно, непремѣнно одного только *вещества*, т. е. въ одномъ случаѣ растеніе получаетъ *всю* питательную смѣсь; въ другомъ—ту же смѣсь безъ одного какого-нибудь вещества. Если отсутствіе этого вещества отражается на развитіи растенія, которое получаетъ ненормальный, хилый видъ, то, очевидно, это вещество принадлежитъ къ числу необходимыхъ, а не случайныхъ составныхъ началъ растенія. Затѣмъ мы вносимъ это вещество въ различныхъ количествахъ: по мѣрѣ увеличенія дачи, будетъ увеличиваться урожай, пока мы не достигаемъ предѣла, за которымъ дальнѣйшее увеличеніе не будемъ оказывать болѣе дѣйствія или можетъ оказаться даже вреднымъ, вновь понижая урожай. Если опытъ произведенъ тщательно, т. е. съ сохраненіемъ равенства всѣхъ про-

---

время простой водой. По описаніямъ Мюллера, при употребленіи этихъ солей можно довольствоваться очень незначительными количествами почвы; такъ въ одномъ случаѣ вѣсъ выращеннаго имъ растенія въ два съ половиною раза превышалъ вѣсъ взятой земли. Эта смѣсь, развѣшанная въ патрончики (граммовыя гомеопатическія трубочки), разсчитанная на одинъ штофъ раствора, раздавалась на моей лекціи публикѣ.

чихъ условій, то увеличеніе урожая до достиженіи имъ высшей точки идетъ пропорціонально количеству этого одного питательнаго вещества. Этотъ законъ доказанъ особенно удачно по отношенію къ азоту (селитрѣ) опытами Буссенго, Гельригеля, Вагнера и др. Это такъ называемый законъ *минимума*, высказанный Либихомъ и состоящій въ томъ, что развитіе растенія, а слѣдовательно, и урожай находятся въ прямой зависимости отъ того вещества (или вообще условія), которое присутствуетъ въ недостаточномъ количествѣ.

Сказаннаго, я полагаю, достаточно, чтобы показать все теоретическое и практическое значеніе такихъ опытовъ. Вмѣсто дорого стоющихъ, но въ результатѣ почти ничего не дающихъ, анализовъ и другихъ изслѣдованій почвы, рядъ такихъ простыхъ и въ сущности всякому доступныхъ опытовъ можетъ дать отвѣтъ на самые коренные вопросы земледѣлія: чего недостаетъ той или другой почвѣ? что и въ какомъ количествѣ должно быть ей доставлено? насколько увеличится отъ этого урожай и окупитъ ли эта надбавка урожая расходъ на удобреніе? Еслибъ оставалось какое-нибудь сомнѣніе относительно возможности изъ опытовъ въ горшкахъ дѣлать такія заключенія по отношенію къ полевой культурѣ, то эти сомнѣнія вполнѣ устраняются блестящими опытами П. Вагнера на его извѣстной опытной станціи въ Дармштадтѣ.

Вагнеръ производилъ параллельные опыты надъ дѣйствіемъ удобренія на данную почву въ сосудахъ и въ полѣ и результаты оказались совершенно сходными—опытъ въ сосудахъ могъ предсказать результаты, которые получались въ полѣ *).

Но всѣ изложенные опыты для своего производства нуждаются въ извѣстной обстановкѣ. Для того, чтобы опыты въ сосудахъ давали дѣйствительно нормальныя растенія, необходимо ихъ производить на открытомъ воздухѣ, при полномъ доступѣ свѣта и т. д. Но, оставляя растенія при такихъ условіяхъ, мы рисковали бы лишиться очень цѣнныхъ и стоившихъ не малаго труда результатовъ благодаря какому-нибудь внезапному порыву вѣтра, ливню или граду. Для огражденія себя отъ этихъ случайностей, необходимо помѣщать растенія такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, ихъ можно было быстро убирать подъ крышу. Если бы дѣло касалось нѣсколькихъ сосудовъ, то это условіе не представляло бы затрудненій, но на современныхъ (особенно нѣмецкихъ) опытныхъ станціяхъ такіе сосуды насчитываются сотнями, число ихъ иногда заходитъ за тысячу. Для разрѣшенія этой задачи, растеніе помѣщаютъ въ особаго рода холодныхъ тепличкахъ (т.-е. безъ отопленія) или стеклянныхъ сарайчикахъ, на низенькихъ столахъ или вагонеткахъ, движущихся по рельсамъ. Цѣлый день растенія остаются на

---

*) Эти опыты Вагнера были иллюстрированы на Нижегородской станціи его превосходными фототипическими таблицами и культурами въ особыхъ сосудахъ выписанныхъ изъ Дармштадта.

открытомъ воздухѣ и только ночью или въ ненастье вкатываются въ теплицу. Первая образцовая подобная тепличка, приспособленная къ цѣлямъ искусственной культуры, была устроена профессоромъ Ноббе въ Тарантѣ. Черезъ два года послѣ тарантской, въ 1872 году, первая такая теплица въ Россіи, какъ уже сказано, была устроена мною въ Петровской академіи и существуетъ до сихъ поръ. Другую подобную же ей теплицу черезъ нѣсколько лѣтъ я устроилъ на крышѣ московскаго университета, гдѣ столики выкатываются на открытую со всѣхъ сторонъ асфальтовую платформу. Наконецъ, образцовую подобную постройку исключительно изъ стекла и желѣза можно было видѣть въ отдѣлѣ земледѣлія на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. (Фиг. I даетъ ясное понятіе объ ея внѣшности, а фиг. III о ея внутреннемъ устройствѣ) *). Такія постройки составляютъ самую существенную часть опытной станціи современнаго типа, упраздняя въ извѣстномъ смыслѣ, какъ мы видѣли, даже опытныя поля. Но они представляютъ значительную цѣнность, а между тѣмъ желательно, чтобы производство подобныхъ опытовъ получило наиболѣе широкое распространеніе. Для этой цѣли, мною выработанъ другой типъ, болѣе простой и дешевый, но, понятно, меньшихъ размѣровъ. Сосуды съ растеніями остаются неподвижными; они стоятъ на землѣ или, еще лучше, какъ было показано въ Нижнемъ, погружены въ землю, а служащая для ихъ защиты желѣзная клѣтка на ночь или въ ненастье, накатывается на нихъ, двигаясь также на рельсахъ (фиг. III, въ глубинѣ подвижная клѣтка съ открытою дверцею) **).

Но довольно о самой обстановкѣ опыта—посмотримъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ рѣзки и убѣдительны получаемые при ихъ помощи результаты, воспользовавшись для этого фотографіями, снятыми съ нижегородскихъ опытовъ. Вотъ одна серія опытовъ, занимавшихъ цѣлую вагонетку. Девять сосудовъ (фиг. V по три сосуда съ краевъ и по серединѣ) получили полный питательный растворъ и по два зерна гречихи. Всѣ восемнадцать растеній развились роскошно и по своимъ размѣрамъ и по урожаю вѣскихъ, спѣлыхъ зеренъ, оставили за собою все, что можно видѣть при самой успѣшной полевой культурѣ. По опредѣленію Н. С. Понятскаго, урожай можно считать приблизительно въ самъ-двѣсти и на единицу сухого вещества посѣянныхъ сѣмянъ получилось болѣе трехсотъ пятидесяти единицъ сухого вещества въ урожаѣ. А между тѣмъ, ни одно изъ этихъ растеній не видало подъ собою земли—убѣдительнѣйшее доказательство, что изо всѣхъ веществъ, находящихся

*) Въ настоящее время она перенесена въ Московскій сельскохозяйственный институтъ.

**) Если бы потребовалось еще удешевить эту клѣтку, ее можно было бы сдѣлать изъ дерева и легкаго листового желѣза. Конечно, тогда растенія находились бы во время ненастья въ темнотѣ, но это едва ли существенно повліяло бы на ихъ развитіе.

въ почвѣ, растеніе нуждается только въ той щепоткѣ солей, которая была растворена въ водѣ этихъ сосудовъ. Но удалите изъ питательной смѣси только одно какое-нибудь вещество, напримѣръ, азотъ (селитру) и получатся хилые, тщедушные заморыши какъ въ двухъ сосудахъ во второмъ ряду слѣва (фиг. V). Или дадимъ растенію нормальное количество азота, но откажемъ ему въ фосфорѣ и каліи, этихъ главныхъ составныхъ частяхъ золы—результатъ будетъ тотъ же (второй рядъ справа фиг. V).

Можно ли требовать болѣе нагляднаго доказательства необходимости этихъ источниковъ питанія и полной остановки развитія растенія въ отсутствіи любого изъ нихъ. Эта равноправность каждаго изъ перечисленныхъ восьми тѣлъ еще нагляднѣе обнаруживается въ слѣдующемъ опытѣ. Желѣзо, какъ мы видѣли, единственный элементъ, который приходится брать въ нерастворимомъ состояніи, въ видѣ осадка, который растворяется только приходя въ прикосновеніе съ корневыми волосками. Въ золѣ растенія, оно также встрѣчается въ ничтожномъ количествѣ и, тѣмъ не менѣе, стоитъ не доставить его корнямъ, и растеніе окончательно захирѣетъ и погибнетъ. Рисунокъ (фиг. IV) намъ это доказываетъ самымъ нагляднымъ образомъ. Посрединѣ находится одинъ экземпляръ крупной кукурузы въ моментъ цвѣтенія, на фиг. III, такой же, еще большихъ размѣровъ, къ концу лѣта доросшій до крыши теплицы. Два краевые экземпляра (фиг. IV) принадлежатъ низкорослой скороспѣлой, такъ называемой огородной разновидности кукурузы; они дали каждый по нѣсколько початковъ со зрѣлыми зернами и вообще не отличались отъ экземпляровъ той же разновидности, разводившихся по сосѣдству съ теплицей, на участкѣ садоводства г-на Иммера. Въ промежуткахъ, между тремя нормальными растеніями (фиг. IV), помѣщается два жалкихъ растеньица, давшихъ пять мелкихъ, узкихъ листочковъ и затѣмъ погибшихъ. Эти два растеньица получили, какъ и остальныя, полный питательный растворъ, но были лишены одного только желѣза. Результатъ поразительный, особенно, если принять во вниманіе, что желѣзо составляетъ около *одной стотысячной* доли вѣса экземпляра нормальной кукурузы. Отсутствіе желѣза еще разительнѣе обнаруживается въ окраскѣ листьевъ: вмѣсто того, чтобъ быть окрашеннымъ въ здоровый зеленый цвѣтъ, они являются безцвѣтными почти бѣлыми *). Это рѣзкое различіе замѣтно даже на нашей фотографіи. Болѣзнь, вызываемую отсутствіемъ желѣза, называютъ блѣдной немочью, *хлорозисомъ*. Своевременно прописавъ растенію желѣзо, можно его вполнѣ излѣчить. Этотъ опытъ невольно напоминаетъ пріемы желѣза, возвращающія нормальный румянецъ малокровному больному. Сходство это, и нѣкоторые другіе факты, давно да-

*) Первые листья, до третьяго включительно, бываютъ еще зелены; это бываетъ отъ присутствія желѣза въ зернахъ.

вали поводъ сравнивать зеленое вещество растенія—хлорофиллъ съ красящимъ началомъ крови—гемоглобиномъ. Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ особенности профессора Ненскаго, это сближеніе получаетъ реальную почву. Оказывается, что изъ хлорофилла и гемоглобина можно получить производныя, почти между собою тожественныя, и это невольно наводитъ на мысль объ общемъ происхожденіи этихъ двухъ тѣлъ и еще разъ сближаетъ два царства природы.

Заговоривъ о хлорофиллѣ, не могу не остановиться на одномъ, совершенно превратномъ представленіи, которое было высказано нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскимъ ученымъ Жоржемъ Виллемъ и почему-то особенно понравилось нѣкоторымъ нашимъ агрономамъ практикамъ, поспѣшившимъ его признать однимъ изъ величайшихъ открытій въ области научной агрономіи. Изъ общеизвѣстнаго факта, что безъ хлорофилла невозможно питаніе растенія, Вилль заключилъ, что, по яркости ихъ зеленой окраски можно прямо судить объ успѣшности этого питанія и предложилъ даже пріемъ оцѣнки этой окраски. Для людей свѣдущихъ, напротивъ, было ясно, что Виллю незнакомы факты, какъ, напримѣръ, превосходные опыты Гильберта, доказывавшіе, что одно растеніе можетъ быть зеленѣе другого и, тѣмъ не менѣе, будетъ питаться хуже.

Вотъ еще примѣръ опытовъ, которые легко могъ бы провѣрить каждый хозяинъ, вмѣсто того, чтобъ восхищаться безпочвенной фантазіей Вилля.

Таковы простѣйшіе пріемы, при помощи которыхъ мы легко и точно можемъ разрѣшить главнѣйшіе вопросы касательно какъ источниковъ питанія доставляемыхъ растеніямъ почвой, такъ и относительно наиболѣе благопріятной формы и наиболѣе выгоднаго количества, въ которомъ они должны быть имъ доставлены. Водныя культуры, песчаныя культуры, культуры въ безплодной почвѣ, насъ постепенно приближаютъ къ болѣе сложнымъ, но и болѣе близкимъ къ природѣ условіямъ произрастанія растенія въ полѣ. Но существуетъ форма опытовъ, еще болѣе близкая къ естественнымъ условіямъ и въ то же время разрѣшающая новый рядъ любопытныхъ вопросовъ. Это опыты въ такъ называемыхъ cases de vegétation французскихъ изслѣдователей, т. е. въ зарытыхъ въ землю ящикахъ, наполненныхъ изслѣдуемой почвой. Устройство этихъ ящиковъ можетъ быть очень различно. Я остановлюсь на самомъ цѣлесообразномъ, образецъ котораго интересующіеся могли видѣть на Нижегородской выставкѣ, рядомъ съ опытной тепличкой. Три ящика, изображенные на прилагаемой фотографіи (фиг. II) сдѣланы изъ цемента; ёмкостью каждый изъ нихъ въ одинъ кубическій метръ. Они погружены краями своими въ ровень съ землею и опираются на кирпичную кладку, оставляющую подъ каждымъ ящикомъ пустое пространство. Параллельно одной изъ сторонъ ящиковъ, (на нашемъ рисункѣ передней), сдѣлана въ землѣ траншея, глубиною метра въ два

и настолько широкая, чтобъ опускающійся на дно ея наблюдатель могъ свободно двигаться и пропускать руки въ пустое пространство подъ ящиками. Дно ящиковъ, также цементное, выбрано воронкою, а на концѣ воронки находится отверстіе, подъ которое въ пространствѣ находящемся подъ каждымъ ящикомъ, помѣщены стеклянныя бутыли для собиранія просачивающейся черезъ почву ящиковъ воды. Ящики наполняютъ до краевъ изслѣдуемой почвой, неудобренной или получившей удобреніе, дѣйствіе которой желаютъ прослѣдить, и засѣваютъ изучаемыми растеніями. Понятно, что подобный опытъ уже совсѣмъ подходитъ къ условіямъ произрастанія въ полѣ и даетъ возможность легко перечислить получаемые результаты на гектары или десятины, т. е. переходить отъ результатовъ строго научнаго опыта къ задачамъ практики. Возможность собирать просачивающуюся воду и подвергать ее анализу, бросаетъ свѣтъ на цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ. Остановлюсь только на одномъ, въ качествѣ иллюстраціи этого пріема изученія. Извѣстно, что цѣлый рядъ цѣнныхъ удобрительныхъ веществъ—калій, фосфорная кислота, аміакъ, въ силу, такъ называемой, поглотительной способности почвы, не вымывается просачивающеюся и уходящею въ подпочву водою. По отношенію къ нимъ почва распоряжается очень экономно, сохраняя ихъ къ услугамъ растенія; но зато она крайне расточительна по отношенію къ едва ли не самому цѣнному, какъ мы видѣли, началу плодородія—къ селитрѣ. Селитра, какъ показываютъ опыты съ подобными ящиками, легко вымывается изъ почвы, уносясь въ источники и рѣки.

Такимъ образомъ совершенно непроизводительно спускаются въ море, какъ вычислено, громадные капиталы. Что бы сказалъ какой-нибудь хозяинъ, если бы ему объяснили, что для успѣха его культуры необходимо вносить, изъ года въ годъ, на десятину рублей на двадцать минеральныхъ удобреній? Конечно, поморщился бы и, можетъ быть, отвѣтилъ, что эта затрата ему не подъ силу. А между тѣмъ Дегеренъ доказываетъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, изъ почвы вымывается селитры именно на такую сумму. Слѣдовательно, сами того не подозрѣвая, мы можемъ *непроизводительно*, въ прямой себѣ ущербъ, тратить такую сумму,—*производительное* израсходованіе которой заставило бы призадуматься. Но какъ же избѣжать этой траты, или, по крайней мѣрѣ, ее обнаружить? Остановлюсь на одномъ опытѣ бельгійскаго ученаго Петермана, сдѣланномъ именно въ подобныхъ культурныхъ ящикахъ. Два ящика, засѣянные однимъ и тѣмъ же растеніемъ, отличались только тѣмъ, что въ одномъ была почва неудобренная, а въ другомъ удобренная селитрой. Анализъ просочившейся черезъ почву въ теченіе года воды показалъ, что въ послѣднемъ случаѣ въ ней было менѣе селитры, чѣмъ въ первомъ. Этотъ результатъ до того неожиданъ, до того парадоксаленъ, что на первый разъ думается, ужъ не обмолвился ли тотъ, кто его заявляетъ. Какъ согласить, что селитра легко вымывается изъ почвы и рядомъ съ этимъ ея оказывается тѣмъ менѣе въ водѣ, чѣмъ,

болѣе было селитры въ почвѣ, черезъ которую вода эта просочилась? Ключъ къ этой загадкѣ даетъ опять само растеніе. Въ удобренномъ селитрой ящикѣ оно развивается гораздо роскошнѣе, производитъ большую поверхность испаряющихъ воду листьевъ и сосущихъ эту воду корней, благодаря чему извлекаетъ не только ту селитру, которую внесли въ видѣ удобренія, но и ту, которая ужъ находилась въ почвѣ. Селитра не успѣваетъ вымываться, такъ какъ еще ранѣе перехватывается корнями. Удобривъ почву селитрой, мы дали растенію возможность использовать не только это удобреніе, но и естественное плодородіе почвы. Отсюда понятно, какъ невыгодно для хозяина, чтобы его земля была покрыта тощей растительностью. Еще менѣе выгодно, когда она вовсе пустуетъ, особенно осенью, когда селитра всего болѣе вымывается изъ почвы. Какъ же сохранить эту селитру, какъ оградить себя отъ непроизводительнаго расточенія одного изъ существеннѣйшихъ условій плодородія. Для борьбы съ этимъ зломъ, практикуются такъ называемыя пожнивныя культуры, cultures dérobées французскихъ агрономовъ, т. е. вслѣдъ за жатвой дѣлается посѣвъ быстро растущихъ растеній, которые своими корнями продолжаютъ до глубокой осени высасывать селитру почвы, превращая ее въ органическое вещество и затѣмъ запахиваются, какъ зеленыя удобренія. Для этой цѣли годно всякое растеніе, быстро растущее и развивающее обильную корневую систему, но мы увидимъ далѣе соображенія, которыя заставляютъ ограничивать свой выборъ по преимуществу растеніями бобовыми.

Таковы выводы, къ которымъ приводитъ западныхъ ученыхъ зависимость растенія отъ почвенной селитры. У нашихъ практиковъ распространено мнѣніе, что при нашемъ континентальномъ климатѣ вымываніе селитры не имѣетъ значенія, какъ будто у насъ не бываетъ дождливой осени. Съ другой стороны и у насъ можно встрѣтить практиковъ, придающихъ значеніе этимъ фактамъ. Таковы, напримѣръ, любопытные опыты г. Топоркова, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ; онъ объясняетъ вредъ вымочекъ на низинахъ, сопровождающихся желтѣніемъ всходовъ именно вымываніемъ селитры, такъ какъ ему случалось наблюдать, что удобреніе селитрой возстановляло нормальный зеленый цвѣтъ этихъ пожелтѣвшихъ растеній. Только опытъ и лучше всего опытъ въ подобныхъ ящикахъ можетъ дать отвѣтъ на этотъ важный практическій вопросъ.

Гораздо существеннѣе возраженіе, которое дѣлаютъ противъ такихъ пожнивныхъ культуръ, заключающееся въ томъ, что, заботясь о сохраненіи почвенной селитры, мы можемъ израсходовать осенній запасъ почвенной влаги, который при нашихъ климатическихъ условіяхъ, при нашихъ частыхъ засухахъ, долженъ составлять предметъ нашихъ заботъ, пожалуй, еще болѣе существенный, чѣмъ запасъ питательныхъ веществъ. Растеніе, собирая своими корнями селитру, въ то же время своими листьями будетъ расходовать воду, которая иначе сохранилась бы

въ почвѣ для потребностей послѣдующей культуры, и эта трата иной разъ будетъ еще чувствительнѣе. Въ этомъ примѣрѣ весьма наглядно проявляется вся сложность задачи, которую приходится постоянно разрѣшать сельскому хозяину. Нигдѣ, быть можетъ, не требуется взвѣшивать столько разнообразныхъ условій успѣха, нигдѣ не требуется такихъ многостороннихъ свѣдѣній, нигдѣ увлеченіе односторонней точкой зрѣнія не можетъ привести къ такой крупной неудачѣ, какъ въ земледѣліи. Слишкомъ заботясь о снабженіи растенія пищей, мы могли бы лишить его необходимой влаги, этого второго важнѣйшаго условія растительной жизни, къ разсмотрѣнію котораго и переходимъ.

II. Растеніе и влага.

При оцѣнкѣ потребности растенія въ водѣ, приходится разрѣшать два вопроса: сколько расходуетъ оно воды и точно ли все это количество для него необходимо, т. е. вопросъ, сходный въ основѣ съ тѣмъ, который приходилось разсматривать и по отношенію къ веществамъ, доставляемымъ растенію почвой.

Слѣдовательно, еще ранѣе необходимо рѣшить вопросъ: какую роль играетъ вода въ жизни растенія. Она, конечно, входитъ въ его химическій составъ—это самая ничтожная ея часть. Затѣмъ она растворяетъ, дѣлаетъ подвижнымъ его составныя части, безъ чего невозможно никакое дѣятельное проявленіе жизни—это только приложеніе къ физіологіи старой химической поговорки: corpora non agunt nisi soluta. Различіе сухого и размоченнаго въ водѣ сѣмени всего проще это поясняетъ. Вода не ограничивается, однако, этой исключительно химической ролью, она играетъ и роль механическую, являясь главнымъ дѣятелемъ, опредѣляющимъ процессъ роста. Притяженіе воды содержимымъ молодыхъ клѣтокъ, давленіе этого увеличивающагося на счетъ воды содержимаго на стѣнку и вызываетъ то, что называютъ ростомъ клѣточки. Но и это количество сравнительно невелико — ограничься потребность растенія только имъ, сельскій хозяинъ никогда и не зналъ бы, что такое засуха. Предметъ заботъ хозяина составляетъ вода, которая, въ отличіе отъ первой или *организаціонной*, мы можемъ назвать *расхожей*—та, которую растеніе всасываетъ корнями, повидимому, только для того, чтобы испарить ее листьями. Количество этой воды поражаетъ своими размѣрами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоило только слѣдить за выраженіемъ удивленія, появлявшагося на лицахъ посѣтителей нашей нижегородской теплицы, гдѣ были выставлены для поясненія этого факта извѣстное отвѣшенное количество пшеничныхъ зеренъ и рядомъ посудина съ водой, которую испаряютъ за свою жизнь растенія пшеницы, для образованія этого количества зеренъ. Вѣсъ этой воды, какъ извѣстно, въ круглыхъ цифрахъ превышаетъ въ тысячу разъ вѣсъ полученныхъ зеренъ. Люди, незнакомые съ этимъ фактомъ (да и знако-

мые также), оставались изумленными при видѣ этого нагляднаго сопоставленія.

Вотъ по отношенію къ этой-то расхожей водѣ необходимо придти къ опредѣленному заключенію: нужна ли она растенію въ такихъ количествахъ или не нужна; другими словами, испареніе воды, въ такихъ размѣрахъ, представляетъ ли оно необходимый физіологическій процесъ или только неизбѣжное физическое зло. Въ чемъ заключается его роль? До недавняго времени, предполагали, что растеніе вынуждено перегонять черезъ себя эти громадныя количества воды для того, чтобы осадить въ своихъ тканяхъ такъ скудно разсѣянныя въ почвѣ, необходимыя для его питанія, минеральныя вещества. Въ другомъ мѣстѣ *) я имѣлъ случай доказать несостоятельность этого воззрѣнія. Для покрытія своихъ потребностей въ почвенной пищѣ, растеніе можетъ довольствоваться гораздо менѣе значительнымъ испареніемъ. Недавно одинъ нѣмецкій ботаникъ Габерландъ указывалъ, что придти къ такому выводу онъ могъ только благодаря путешествію на Яву съ ея роскошною растительностью и относительно слабымъ испареніемъ воды, благодаря извѣстной влажности ея климата. Онъ даже видѣлъ въ этомъ одно изъ доказательствъ необходимости этихъ, ставшихъ теперь модными, ботаническихъ паломничествъ. Габерландъ доказывалъ, что европейскій опытъ не могъ, будто бы, привести ботаниковъ къ такому заключенію. Тѣмъ не менѣе, этотъ выводъ сдѣланъ мною раньше Габерланда на основаніи исключительно европейскихъ опытовъ и позже еще разъ подтвержденъ однимъ молодымъ русскимъ ботаникомъ г. Литвиновымъ, не ѣздившимъ за тѣмъ дальше Тульской губерніи. Г. Литвиновъ показалъ, что при искусственномъ пониженіи испаренія гречихи **), приблизительно въ 5—6 разъ, количество образовавшагося органическаго вещества не убыло, а даже увеличилось въ $2^1/_2$ раза, такъ что расходъ на воду понизился въ 12—15 разъ. Такіе опыты, во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что *для цѣлей питанія* растеніе не нуждается въ тѣхъ громадныхъ количествахъ воды, которыя они обыкновенно испаряютъ.

Другая польза, которую растенія извлекаютъ уже прямо изъ испаренія, заключается въ пониженіи его температуры, въ огражденіи его отъ лѣтняго солнечнаго зноя, но и отъ этого вреда оно могло бы въ значительной мѣрѣ оградить себя иными мѣрами ***).

Значитъ, растеніе могло бы обойтись безъ этой громадной траты воды на испареніе; самъ по себѣ этотъ процессъ, *въ такихъ размѣрахъ, какъ онъ совершается*, безполезенъ и даже вреденъ. Но какъ же себѣ объяснить тогда эту непроизводительную трату. Мы должны допустить, что эта трата не физіологическое отправленіе, а лишь неустранимое физическое зло. Откуда оно проистекаетъ не трудно себѣ объяс-

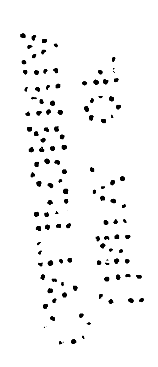
*) См. *Борьба растенія съ засухой*.

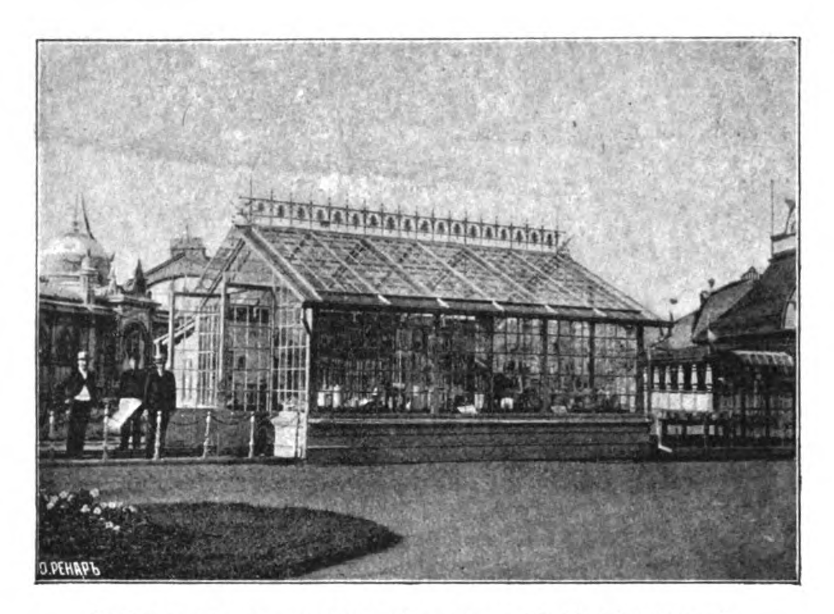
**) Въ замкнутомъ пространствѣ, подъ стеклянными колпаками.

***) См. тамъ же «Борьба растеній съ засухой».

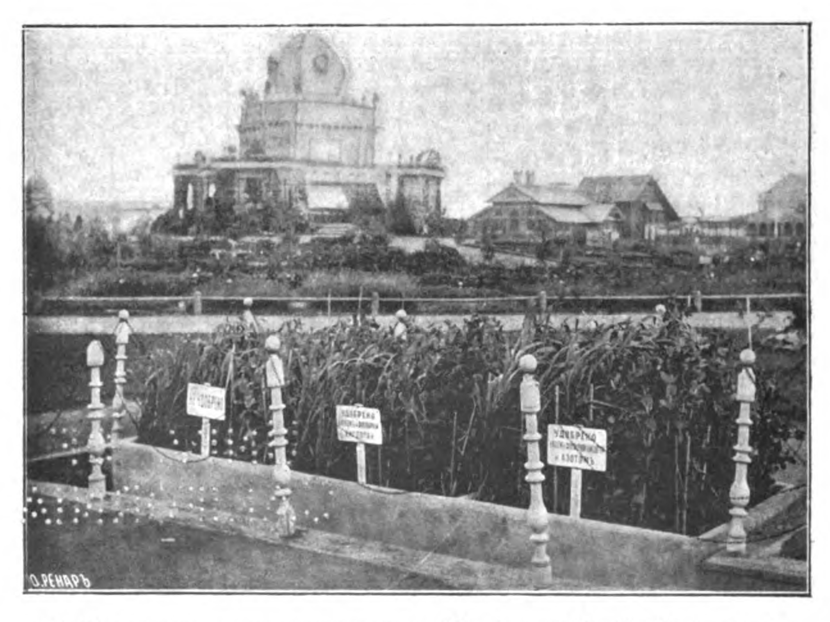
Іоганнъ Мюллеръ.
1801—1858.

Іоганнъ Лука Шёнлейнъ.
1793—1864.



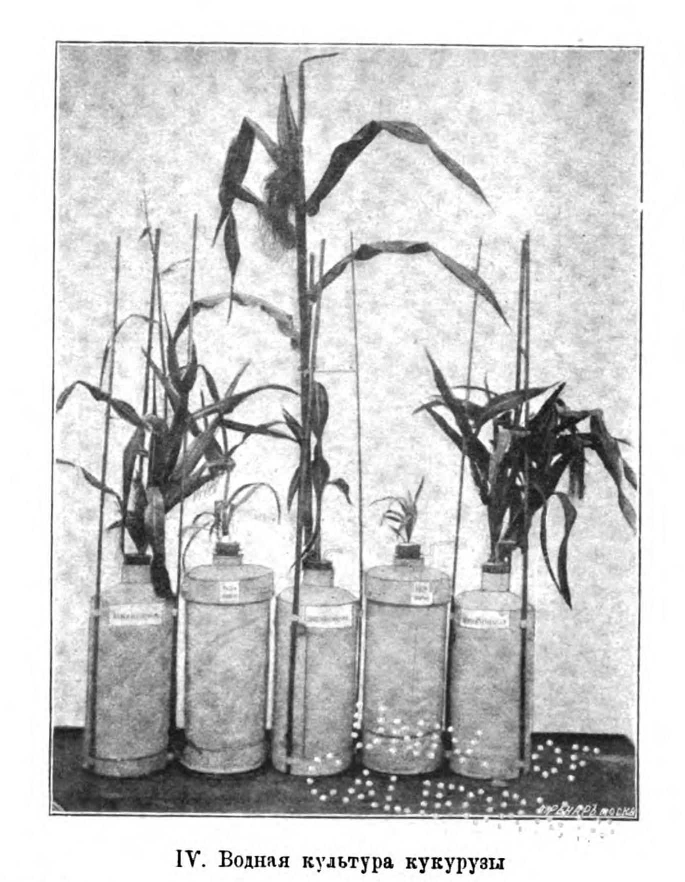


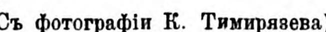
I. Внѣшній видъ теплицы. (Съ фотографіи К. Тимирязева).



II. Цементные ящики для культуръ (Съ фотографіи К. Тимирязева).

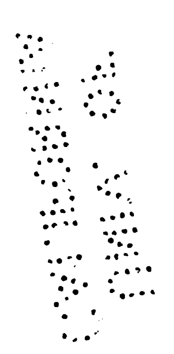
III. Внутренній видъ теплицы.

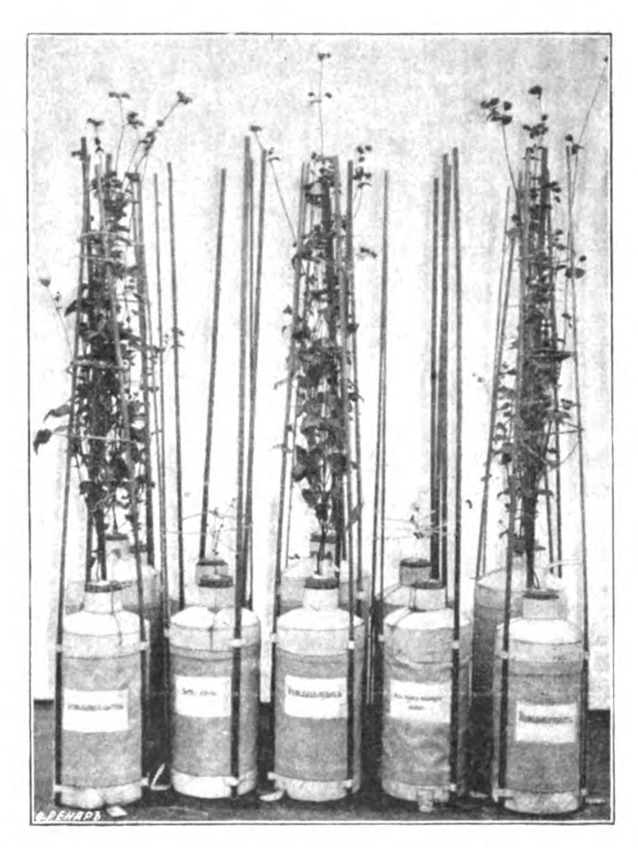




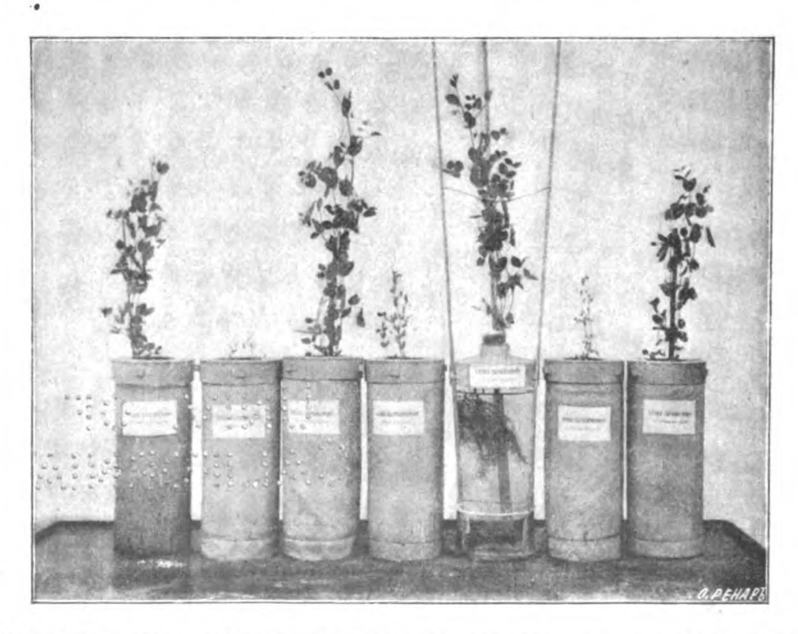
IV. Водная культура кукурузы

(Съ фотографіи К. Тимирязева).





V. Водная культура гречихи. (Съ фотографіи К. Тимирязева).



VI. Горохъ въ пескѣ: зараженномъ (нечетные сосуды) и стерилизованномъ (четные сосуды). (Съ фотографіи К. Тимирязева).

жить. Растеніе, какъ мы увидимъ вскорѣ, прежде всего и главнымъ образомъ аппаратъ для улавливанія воздуха и солнечнаго свѣта, а такой аппаратъ, представляя большую поверхность нагрѣва, роковымъ образомъ является аппаратомъ для испаренія воды. Можно сказать, что вся организація воздушныхъ частей растенія направлена къ тому, чтобы бороться съ этимъ зломъ испаренія, хотя бы даже въ ущербъ питанію. Растеніе, можно сказать, обрекло себя на постоянный постъ и воздержанность въ пищѣ, лишь бы только не подвергнуться опасности умереть отъ жажды. Вся поверхность воздушныхъ частей покрыта изолирующими веществами, препятствующими испаренію воды, но въ то же время препятствующими и свободному соприкосновенію съ воздухомъ, извлеченію изъ него питательныхъ веществъ. Это соприкосновеніе, какъ извѣстно, обезпечивается маленькими автоматическими раскрывающимися и закрывающимися отверстіями—устьицами, какъ это было, между прочимъ, очень наглядно совсѣмъ недавно доказано Ф. Н. Крашенинниковымъ, при помощи придуманнаго имъ очень простого и остроумнаго прибора. Что питаніе листьями могло бы совершаться гораздо успѣшнѣе, не будь растеніе вынуждено снабдить себя непроницаемою для воды (а вслѣдствіе этого и для газа) кожицею, доказывается хотя бы слѣдующимъ опытомъ. Какъ мы увидимъ вскорѣ, питаніе листа на счетъ воздуха выражается накопленіемъ въ его тканяхъ крахмала. Шталь показалъ, что если проколоть листъ булавкою, то вокругъ каждаго отверстія, черезъ которое откроется доступъ воздуха внутрь листа, отложеніе крахмала будетъ происходить гораздо обильнѣе. Изъ этого мы должны заключить, что листъ, съ котораго мы сорвали бы кожицу, питался бы еще лучше, еслибъ... еслибъ онъ ранѣе не завялъ и не засохъ. Слѣдующій примѣръ, быть можетъ, еще разительнѣе. Посѣтители Парижской всемірной выставки 1889 года могли видѣть въ агрономическомъ отдѣлѣ странныя искусственныя деревья изъ проволоки, съ бѣлыми листьями изъ азбестовой бумаги. Эти искусственные деревья дали возможность Мюнцу, ученому, извѣстному своими химико-агрономическими изслѣдованіями, доказать слѣдующій любопытный фактъ: если смочить эти искусственные листья сокомъ, выжатымъ изъ живыхъ листьевъ, то они будутъ поглощать изъ воздуха амміакъ, и въ такомъ количествѣ, что его, пожалуй, будетъ достаточно для покрытія всей потребности въ азотѣ растенія съ такою же листовой поверхностью. А между тѣмъ, настоящіе листья получаютъ этимъ путемъ только незначительное количество амміака, потому что они сообщаются съ атмосферою только черезъ свои устьица. Значитъ опять, сорви мы съ листьевъ кожицу, предоставь мы листовой мякоти возможность всей своей свободной поверхностью поглощать амміакъ изъ атмосферы и растеніе могло бы обойтись и безъ азота почвы, конечно... но,— опять то же но,—оно еще ранѣе погибло бы отъ недостатка влаги. Итакъ, мы видимъ, что испареніе воды, въ такихъ размѣрахъ, какъ оно обычно совершается, есть зло,

но зло, вытекающее изъ необходимости воздушнаго питанія растенія и далѣе, что вся организація растенія направлена къ борьбѣ съ этимъ зломъ къ наиболѣе выгодному компромиссу между двумя трудно согласимыми условіями существованія.

Легко понять, какъ важно для земледѣлія установить эту основную точку зрѣнія. Пока можно было думать, что растеніе прямо нуждается въ томъ количествѣ воды, которое оно испаряетъ, приходилось подчиниться необходимости и, во что бы то ни стало, доставлять его. Но мы видѣли, что растеніе можетъ мириться съ гораздо меньшимъ количествомъ воды, что оно само борется съ этимъ зломъ. Сельскому хозяину приходится только подражать растенію и брать его себѣ въ союзники при своей борьбѣ съ тѣмъ же зломъ. Но для того, чтобы эта борьба не велась въ темную, важнѣе всего знать ту цифру, то отношеніе между количествомъ испаряющейся воды и образующимся въ растеніи органическомъ веществомъ, о которомъ мы говорили выше. Эта цифра одна можетъ опредѣлить намъ выборъ того или другого культурнаго растенія, иногда даже разновидности—выбора того или другого культурнаго пріема—по отношенію къ разумному использованію находящагося въ нашемъ распоряженіи количества воды! Узнать ее, по счастью, очень не трудно *). И здѣсь мы снова встрѣчаемся съ широкимъ полемъ для изслѣдованія, доступнымъ всякому сознательно относящемуся къ своей дѣятельности сельскому хозяину, даже лишенному сложной, дорогой лабораторной обстановки. Въ 1892 году я указывалъ на пользу и важность такихъ изслѣдованій для характеристики нашихъ культурныхъ растеній. Въ появившейся вскорѣ затѣмъ интересной работѣ г. Винера мы получили цѣнную характеристику нѣкоторыхъ нашихъ культурныхъ растеній. Такъ, напримѣръ, для проса, этого, по преимуществу приспособленнаго къ нашему континентальному климату хлѣбнаго злака, отношеніе между количествомъ испаряемой воды и урожаемъ оказались наиболѣе выгодными.

Однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ средствъ пониженія этого отношенія между количествомъ испаряемой воды и количествомъ образуемаго растеніемъ органическаго вещества, является болѣе успѣшное воздушное питаніе растенія, съ которымъ теперь намъ необходимо познакомиться.

III. Растеніе и воздухъ.

Если бы фактъ зависимости питанія растеній отъ воздуха не былъ такъ широко извѣстенъ, то однихъ, приведенныхъ выше, опытовъ водныхъ и песчаныхъ культуръ было бы достаточно для его доказательства.

*) Въ упомянутой выше брошюрѣ я подробно описалъ всѣ доступные пріемы изученія испаренія воды растеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одной изъ этихъ культуръ мы не доставляли растенію элемента, наиболѣе важнаго, образующаго почти половину его сухого вѣса—*углерода*. Не было его ни въ прокаленномъ пескѣ, ни въ дестиллированной водѣ, ни въ той щепоткѣ соли, которой покрывались всѣ потребности нашихъ растеній. Для углерода, очевидно, остается одинъ источникъ—воздухъ. Воздухъ всегда содержитъ углеродъ въ видѣ его соединенія—углекислоты. Но количество этого газа въ атмосферѣ очень невелико, примѣрно *2 или 3 десятитысячныхъ*, и нужно собственными глазами увидѣть, какъ малъ этотъ кусочекъ угля, растореннаго въ громадномъ объемѣ воздуха, чтобы понять, какъ ничтожно это содержаніе *). И тѣмъ не менѣе, только это ничтожное количество углерода въ атмосферѣ дѣлаетъ возможнымъ существованіе растенія, а, слѣдовательно, и существованіе человѣка съ его земледѣліемъ. Питаніе растенія на счетъ скудно разсѣянной въ атмосферѣ углекислоты, долго смущало даже ученыхъ, пока не было доказано классическими опытами Буссенго, но самый этотъ опытъ, вслѣдствіе своей хлопотливости, послѣ Буссенго почти не повторялся и поколѣнія не только агрономовъ, но и ботаниковъ, исповѣдуя этотъ фактъ, не имѣли возможности убѣдиться въ немъ собственными глазами. Благодаря остроумному пріему, придуманному Дегереномъ, мы теперь легко можемъ показать это явленіе каждому. Возьмемъ двѣ стеклянныхъ трубки по метру въ длину и сантиметровъ пяти въ діаметрѣ и положимъ ихъ горизонтально на общей подставкѣ. Съ обѣихъ концовъ, трубки заткнуты каучуковыми пробками и съ одного конца получаютъ черезъ узенькія каучуковыя трубочки струю обыкновеннаго воздуха, подаваемаго уже знакомымъ намъ газометромъ (фиг. III). Съ другого конца, выходя черезъ такія же тонкія стеклянныя трубочки, прошедшій черезъ трубки воздухъ, промывается въ двухъ колбочкахъ съ баритовой водою. Одну изъ двухъ длинныхъ трубокъ наполняютъ свѣже собранными листьями, такъ чтобы они образовали какъ бы внутреннюю обкладку трубки. Когда приборъ, такимъ образомъ, собранъ, выставленъ на солнце и струя воздуха, пущена изъ газометра, черезъ нѣсколько времени убѣждаемся, что между тѣмъ какъ воздухъ, прошедшій черезъ пустую трубку, замутилъ баритовую воду, воздухъ, омывшій поверхность листьевъ, уже не мутитъ ея въ другой колбѣ. Осадокъ углекислаго барита въ первой колбѣ показываетъ присутствіе углекислоты въ атмосферѣ; отсутствіе его въ другой колбѣ доказываетъ, что вся углекислота извлекается изъ воздуха, пришедшаго въ прикосновеніе съ листьями, освѣщенными солнцемъ. Что явленіе зависитъ именно отъ солнца, не трудно также доказать: стоитъ набросить черное сукно на трубку съ листьями и мы увидимъ,

*) Въ нашей теплицѣ это было наглядно показано при помощи слѣдующей модели: большая стеклянная кубическая клѣтка изображала объемъ воздуха, а помѣщавшійся на ней едва замѣтный кубикъ угля—содержаніе углерода въ этомъ объемѣ.

что тогда выходящій изъ нея воздухъ начнетъ мутить баритовую воду такъ же, какъ воздухъ, не прошедшій надъ листьями и даже сильнѣе, потому что листья въ темнотѣ не разлагаютъ, а еще выдѣляютъ углекислоту.

Надъ этимъ опытомъ, хотя онъ не приводитъ къ непосредственнымъ практическимъ выводамъ, сельскому хозяину не мѣшаетъ почаще задумываться, такъ какъ въ немъ выражается одна изъ особенностей его промысла. Говорятъ, существуютъ такіе промышленники, которые торгуютъ щенками, предварительно обучивъ ихъ, куда бы ихъ ни занесли, возвращаться къ нимъ домой; понятна выгодность такого промысла, еслибъ только онъ не сталкивался съ соображеніями этическаго характера. Но сельскій хозяинъ можетъ безъ укоровъ совѣсти торговать углекислотою воздуха, которая, безъ всякаго съ его стороны участія, сама къ нему возвращается. Въ этомъ и заключается основная мысль раціональнаго хозяйства, провозглашенная Либихомъ. Продавайте, отчуждайте отъ своего хозяйства только то, что вамъ ничего не стоитъ, что даромъ возвращается черезъ воздухъ, а обо всемъ, что вы извлекаете изъ почвы, помните, что оно само ужъ не вернется къ вамъ, что или вы должны его возмѣстить въ формѣ удобренія, или должны готовиться къ упадку плодородія вашихъ полей. Точно ли несоблюденіе этого правила—безсознательное удаленіе изъ почвы того, что само собою въ нее не возвращается, было одной изъ причинъ паденія древнихъ цивилизацій, какъ это краснорѣчиво проповѣдывалъ Либихъ,—трудно сказать, но, во всякомъ случаѣ, его ученіе о необходимости «возврата» неуязвимо, какъ законъ природы. И едва ли правы тѣ писатели-экономисты, которые пытались доказать раціональность «*хищническаго*» хозяйства на томъ, будто бы, основаніи, что практика «возврата» появится сама собою, когда это окажется экономически необходимымъ. Этимъ противникамъ закона возврата нужно было бы еще прежде доказать существованіе a priori очевиднаго и столь же несомнѣннаго закона природы, въ силу котораго *вездѣ*, гдѣ истощенная земля откажется родить по прежнему, подъ рукою землевладѣльца *всегда* окажется экономически выгодное удобреніе. А пока такого закона природой не найдено, предусмотрительность, вытекающая изъ знакомства съ дѣйствительнымъ закономъ природы, указаннымъ Либихомъ, должно признать за правило болѣе дальновидной экономической дѣятельности, если не съ личной, то съ общественной точки зрѣнія.

Но если, сами о томъ не заботясь, мы успѣшно эксплуатируемъ такъ скудно разсѣянную въ воздухѣ углекислоту, то что же сказать о кислородѣ и азотѣ. Необходимость кислорода, если не для питанія, то для дыханія, весьма наглядно выразилась въ тѣхъ опытахъ, съ которыми мы уже успѣли ознакомиться. Мы видѣли, что при водныхъ культурахъ въ растворы необходимо пропускать воздухъ, а при культурахъ въ пескѣ—необходимо заботиться, чтобы вода не выполняла всѣхъ про-

межутковъ между твердыми частицами почвы и оставляла мѣсто для воздуха. Какъ въ нашей научной практикѣ, такъ и въ земледѣліи, если человѣку и приходится заботиться о доставленіи растенію кислорода, то развѣ только по отношенію къ корнямъ—съ этимъ связаны различные пріемы обработки почвы, дренажа и проч.

А самая главная составная часть воздуха, его азотъ, составляющій 4/5 атмосферы, пользуется ли имъ растеніе, научился ли имъ пользоваться человѣкъ? Открытіе факта возможности питанія растенія свободнымъ азотомъ воздуха, открытіе удивительныхъ условій, при которыхъ совершается это питаніе, составляетъ одно изъ крупнѣйшихъ пріобрѣтеній науки за послѣднія десятилѣтія. Оказалось, что тайной усвоять свободный азотъ атмосферы обладаютъ только микроорганизмы, бактеріи, или въ связи съ другими растеніями, какъ это открылъ Гельрогель, или и безъ ихъ участія, какъ это позднѣе доказалъ Виноградскій. Первое открытіе, какъ извѣстно, бросило яркій свѣтъ на эмпирическіе пріемы земледѣлія, практиковавшіеся въ глубокой древности, но получившіе особенно широкое примѣненіе съ конца прошлаго столѣтія— на значеніе бобовыхъ растеній въ плодосмѣнѣ *). Что растенія этой группы предъявляютъ почвѣ иныя требованія, чѣмъ злаки, что они какъ-то обогащаютъ почву, являлось эмпирическимъ результатомъ агрономической опытности; что эта особая роль бобовыхъ растеній въ плодосмѣнѣ должна быть связана съ вопросомъ о происхожденіи азота этихъ растеній высказалъ еще въ 40-хъ годахъ Буссенго, но только въ 1884 году Гельригелю удалось доказать, что бобовыя растенія могутъ быть выращены въ пескѣ, не содержащемъ слѣдовъ азота, лишь бы въ немъ находились извѣстныя бактеріи, вызывающія, какъ это показалъ еще ранѣе М. С. Воронинъ, на корняхъ бобовыхъ растеній особаго рода желвачки. Когда на корняхъ имѣются эти наросты, бобовыя растенія получаютъ способность жить насчетъ атмосфернаго азота; когда этихъ желвачковъ нѣтъ, а почва не содержитъ соединеній азота, растеніе погибаетъ. Вотъ наглядная форма опыта, въ томъ видѣ, какъ намъ удалось ее также показать тысячамъ посѣтителей Нижегородской выставки **). Рядъ стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ промытымъ и прокаленнымъ пескомъ, политъ извѣстнымъ растворомъ, но *безъ се-*

---

*) Вопросъ этотъ подробно разобранъ мною въ брошюрѣ *Земледѣліе и физіологія растеній*, II. *Происхожденіе азота растеній.*

**) Могу смѣло сказать, что еще ни одному ученому не удавалось въ одной лекціи иллюстрировать всѣ основные факты, касающіеся питанія растеній, какъ это удалось мнѣ 20-го августа 1896 года на Нижегородской выставкѣ. Всѣ основныя положенія были доказаны не на рисункахъ или засушенныхъ экземплярахъ, а на живыхъ культурахъ, при томъ выращенныхъ во всѣхъ своихъ стадіяхъ въ теченіе мѣсяцевъ на глазахъ у публики. На Брюссельской выставкѣ 1897 г. предполагалось обратить особое вниманіе на такія научныя демонстраціи, но, повидимому, на ней не было ничего такого, что могло бы выдержать сравненіе съ нашай опытной станціей.

литры, слѣдовательно, *безъ азота*, и засѣянномъ горохомъ. Затѣмъ въ нѣкоторые сосуды (нечетные на нашей фотографіи, фиг. VI) прилито съ наперсточекъ (нѣсколько кубическихъ сантиметровъ) воды, въ которой была предварительно разболтана обыкновенная полевая или огородная почва, всегда содержащая необходимыя для насъ бактеріи. Послѣ этого мы можемъ быть увѣрены, что въ четныхъ сосудахъ, такъ какъ песокъ ихъ былъ прокаленъ, бактерій нѣтъ, въ нечетные же мы ихъ умышленно ввели. Какой получается отъ этого результатъ превосходно показываетъ намъ фотографія. Растеніе въ четныхъ сосудахъ за неимѣніемъ азота погибли; въ нечетныхъ, гдѣ, благодаря доставленнымъ ихъ почвѣ бактеріямъ, они могли добывать азотъ изъ воздуха; они превосходно развились, цвѣли и принесли обильные стручки и спѣлыя горошины.

На оснаваніи всего сказаннаго, одного взгляда на развитые (нечетные) растенія достаточно, чтобы предсказать, что ихъ корни должны быть покрыты желвачками, но признаюсь не безъ нѣкотораго замиранія сердца стали мы ихъ отмывать на глазахъ у публики, предваривъ впередъ, что экземпляры развитые *должны* имѣть желвачки на своихъ корняхъ, экземпляры же не развившіеся должны отличаться ихъ отсутствіемъ. Ожиданіе, конечно, и на этотъ разъ оправдалось. Третій сосудъ справа (фиг. VI) представляетъ такой отмытый отъ песка и перенесенный въ воду экземпляръ, корни котораго были покрыты желвачками.

Итакъ, бобовыя растенія, при содѣйствіи бактерій, пользуются даровымъ азотомъ, этимъ самымъ дорогимъ изъ удобреній; мало того, они оставляютъ часть своего азота въ видѣ корней въ почвѣ, удобряя ее для послѣдующихъ культурныхъ злаковъ; мы, наконецъ, можемъ запахать все растеніе въ землю, какъ зеленое удобреніе, которое замѣнитъ намъ навозъ и т. д. И все это благодаря присутствію ничтожнаго количества бактерій, которыя сообщаютъ этимъ растеніямъ цѣнную способность существовать не только на счетъ дарового углерода, что дѣлаютъ всѣ растенія, но и на счетъ такого же дарового азота. Такая роль этихъ бактерій, естественно, подала мысль разводить ихъ искусственно. И съ 1896 года возникла новая промышленность — торговля бактеріями, замѣняющими азотистые удобренія. Удобреніе для цѣлаго поля въ жилетномъ карманѣ— эти слова звучатъ чѣмъ-то фантастическимъ, но, взглянувъ на эту фотографію, кто же усомнится въ полной возможности такого факта. Весною 1896 года, мнѣ привелось видѣть одинъ изъ первыхъ образцовъ этого новаго удобренія (нитрагина) у самого его изобрѣтателя, профессора Ноббе въ Тарантѣ — запаянную стеклянную трубочку съ застывшей въ ней желатиной, содержащей разводку бактерій. Стоитъ распустить эту желатину въ водѣ, смѣшать съ землею, разбросать по полю и поле удобрено самымъ цѣннымъ удобреніемъ—азотомъ. Пока, впрочемъ, еще не приходится слы-

шать объ особенно широкомъ примѣненіи этого новаго удобренія. Можетъ быть, оно и лучше. Лучше потому, что доказываетъ, возможность въ большей части случаевъ обойтись и безъ него; сама природа тароватo разсыпала его въ любой почти почвѣ. Только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, на почвахъ торфяниковыхъ, гдѣ, повидимому, нѣтъ этихъ микроорганизмовъ, удобреніе ими оказалось несомнѣнно полезнымъ. Такимъ же образомъ оно, быть можетъ, окажется полезнымъ для болѣе рѣдкихъ изъ культивируемыхъ бобовыхъ растеній, такъ какъ опыты Ноббе показали, что бактеріи, поселяющіяся на различныхъ растеніяхъ, повидимому, различны *). Что же касается обыкновенныхъ почвъ и обыкновенныхъ бобовыхъ растеній, то, по всей вѣроятности, мы будемъ и впредь довольствоваться тѣми дозами естественнаго *нитрагина*, котораго природа, земля доставляетъ даромъ.

Что касается самого процесса усвоенія свободнаго азота, при содѣйствіи этихъ бактерій, поселяющихся въ корняхъ бобовыхъ, то мы должны признаться, что ничего пока о немъ не знаемъ. Мы не знаемъ даже, гдѣ и какъ совершается этотъ процессъ—одно только очевидно, что мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ явленіемъ такъ называемаго симбіоза, т. е. союза двухъ организмовъ; это напротивъ какая-то борьба съ перемѣннымъ счастьемъ. Въ первые моменты поселенія бактерій на корняхъ, растеніе какъ будто даже хирѣетъ, но потомъ оправляется, пожираетъ своихъ постояльцевъ и на ихъ счетъ откармливается.

Какъ бы то ни было, открытіе Гельрогеля даетъ въ первый разъ человѣку раціональное средство эксплуатировать азотъ атмосферы, какъ онъ до той поры эксплуатировалъ только ея углеродъ. Для извлеченія углерода ему достаточно было культивировать свои зеленыя растенія, для извлеченія азота приходится подумать объ одновременной культурѣ невидимыхъ бактерій. Но можетъ быть культура этихъ послѣднихъ, для той же цѣли, окажется возможной и безъ участія растеній, прямо въ почвѣ. Изслѣдованіе послѣднихъ лѣтъ, въ особенности замѣчательны работы Виноградскаго, Бертло и Дегерена, повидимому, позволяютъ ожидать многаго и въ этомъ направленіи. Быть можетъ, они принесутъ намъ научную разгадку и для другихъ пріемовъ практики, напримѣръ, объяснятъ намъ значеніе пара и т. д.

Итакъ, земледѣліе эксплуатируетъ не одну только почву и ея влагу, какъ это представлялось человѣку вполнѣ понятнымъ съ незапамятныхъ временъ, но прежде всего и главнымъ образомъ воздухъ, о чемъ мы узнали по отношенію къ углероду всего одно столѣтіе, а по отношенію къ азоту съ небольшимъ одно десятилѣтіе тому назадъ.

---

*) Заводъ Люціуса изготовляетъ по указанію Ноббе различныхъ бактерій для различныхъ бобовыхъ растеній.

IV. Растеніе и солнце.

Только-что приведенный опытъ Дегерена, доказывающій поглощеніе углекислоты, въ то же время самымъ нагляднымъ образомъ показываетъ намъ зависимость растенія отъ послѣдняго и, быть можетъ, самаго важнаго условія его существованія—отъ солнца. Между тѣмъ, какъ листья, освѣщенные солнцемъ, извлекали изъ воздуха всю его углекислоту, питаясь ею—стоило набросить на трубку черное сукно и это явленіе прекращалось, даже измѣнялось въ обратное; листья начинали выдѣлять въ атмосферу новое количество углекислоты, образовавшейся чрезъ окисленіе растительнаго вещества кислородомъ воздуха. Въ темнотѣ растенія не только не увеличиваютъ своей массы, но еще уменьшаютъ ее, сжигая свое вещество въ этомъ процессѣ дыханія.

Итакъ, самый существенный процессъ питанія растенія, пріобрѣтеніе имъ главной его составной части—углерода, зависитъ отъ свѣта. Эту зависимость мы должны понимать въ строго *количественномъ* смыслѣ. Отъ количества получаемой солнечной энергіи зависитъ количество образующагося вещества; выводъ этотъ съ очевидностью вытекаетъ изъ слѣдующаго соображенія: растеніе получаетъ углекислоту, состоящую изъ углерода и кислорода; углеродъ оно удерживаетъ, а кислородъ выдыхаетъ обратно въ воздухъ, но химія насъ учитъ, что для такого разложенія углекислоты необходимо *затратить* столько же тепла, сколько выдѣлилъ бы его этотъ освободившійся углеродъ, сгорая обратно въ углекислоту. Мы знаемъ, сколько въ нашемъ урожаѣ находится органическихъ веществъ, сколько углерода, знаемъ далѣе, сколько этотъ углеродъ освободилъ бы тепла, если бы его сжечь—такое же, по меньшей мѣрѣ, количество тепла, въ формѣ солнечныхъ лучей, должно было получить растеніе *). Изъ этого строго количественнаго отношенія между солнечнымъ свѣтомъ и усвоеніемъ углерода растеніемъ вытекаетъ, между прочимъ, и тотъ результатъ, о которомъ мы вскользь упомянули выше. Мы сказали: чѣмъ лучше питается растеніе на счетъ воздуха, тѣмъ менѣе оно испаряетъ воды. Этотъ фактъ поставленъ внѣ всякаго сомнѣнія изслѣдованіями французскихъ ученыхъ, Дегерена и Жюмеля и мы можемъ дать ему такое объясненіе. На разложеніе углекислоты затрачивается энергія солнечныхъ лучей, но она же тратится и на испареніе воды; чѣмъ болѣе будетъ та доля, которая *производительно* затрачивается на питаніе, тѣмъ менѣе останется для *непроизводительной* ея траты на испареніе. Но, съ другой стороны, доказано, что питаніе листьевъ находится, между прочимъ, въ зависимости отъ доставленныхъ

---

*) Кромѣ этого, самыми точными опытами доказаннаго соотношенія между солнечнымъ свѣтомъ и усвоеніемъ углерода, новѣйшія изслѣдованія Лорана, повидимому, указываютъ на еще совершенно новое. По мнѣнію этого изслѣдователя, образованіе бѣлковыхъ веществъ въ растеніи, изъ полученныхъ ими азотнокислыхъ солей зависитъ отъ невидимыхъ ультра-фіолетовыхъ лучей солнца.

растенію солей калія, откуда можно усмотрѣть, какъ сложно иногда сплетается вліяніе почвы, влаги, воздуха и солнца и какъ безконечно сложна задача сельскаго хозяина, заключающаяся въ наилучшей эксплуатаціи всѣхъ этихъ четырехъ факторовъ.

Но, можетъ быть, возразятъ: эти соображенія о зависимости растенія отъ солнца очень любопытны, но какой же они могутъ представить практическій интересъ, вѣдь все равно, намъ не прибавить и не убавить ни одного луча солнца.

Конечно такъ, но изъ этого вытекаетъ съ очевидностью тотъ мало извѣстный выводъ, что предѣлъ плодородія данной площади земли опредѣляется не количествомъ удобренія, которое мы могли бы ей доставить, не количествомъ влаги, которою мы ее оросимъ, а количествомъ свѣтовой энергіи, которую посылаетъ на данную поверхность солнце. Между тѣмъ, только отправляясь отъ этого положенія, можемъ мы вполнѣ понять экономическое значеніе земледѣлія. А такое пониманіе важно не для одного только земледѣльца, но и для государственнаго человѣка. «Нашъ министръ финансовъ, — остроумно замѣчаетъ Г. Фогель, въ рѣчи, произнесенной на послѣднемъ съѣздѣ нѣмецкихъ натуралистовъ, — конечно, и не подозрѣваетъ, что тѣми 87 милліонами, которые ему даетъ сахарный акцизъ, онъ обязанъ химическому дѣйствію свѣта», т. е. солнцу. Въ послѣднее время у насъ часто приходится слышать разсужденія о «нѣдрахъ земли», о тѣхъ богатствахъ, которыя въ нихъ сокрыты, о каменномъ углѣ, который таится въ этихъ нѣдрахъ, откуда русскій рабочій призванъ его извлекать, хотя бы въ ущербъ себѣ, но зато въ подрывъ англійскому рабочему, какъ-то ухитряющемуся доставлять намъ его дешевле, чѣмъ онъ обходится намъ дома. Каждый разъ, что случается слышать эти разсужденія, невольно приходятъ на умъ такія соображенія. Вѣдь этотъ черный уголь только солнечный лучъ, схоронившійся въ землѣ, а какіе потоки этихъ лучей изливаетъ солнце на безконечный просторъ нашей родины. Или мы ужъ изловчились уловить ихъ всѣхъ и наша безграничная равнина покрыта воздѣланными полями и лугами, какъ поверхность Англіи? И, наоборотъ, не потому ли англійскій рабочій вынужденъ былъ зарыться въ землю, потому что на его тѣсномъ островкѣ не всякій можетъ предъявить свое droit au soleil? Говорятъ, трудъ земледѣльца плохо окупается, но неужели подземный трудъ углекопа оплаченъ лучше? Почему же тогда порою заходитъ рѣчь о томъ, что было бы полезно, вѣроятно, для возбужденія благороднаго соревнованія, замѣнить этотъ свободный трудъ трудомъ арестанта-каторжника? Если мы такъ озабочены извлеченіемъ изъ нѣдръ земли тѣхъ лучей солнца, которые рабочій обреченъ добывать ползкомъ и скрючившись въ безпросвѣтномъ мракѣ шахты, то почему же не позаботиться намъ ранѣе о лучшемъ использованіи тѣхъ неисчислимыхъ сокровищъ даровой силы, которую онъ можетъ добывать на вольномъ воздухѣ, подъ ясными лучами для всѣхъ равно свѣ-

тящаго солнца, гордо поднявъ голову и молодецки потряхивая кудрями, какъ его прототипъ—Микула? И не забудемъ, что этотъ черный уголь *никогда* не уйдетъ отъ насъ, хотя бы мы его приберегли на черный день, а каждый лучъ солнца, не уловленный зеленою поверхностью поля, луга или лѣса—богатство, потерянное *навсегда* и за растрату котораго болѣе просвѣщенный потомокъ когда-нибудь осудитъ своего невѣжественнаго предка.

Земледѣлецъ изъ дарового сырого матеріала—воздуха и даровой силы—солнечнаго свѣта изготовляетъ цѣнности; въ этомъ главная тайна производительности его труда. Но мыслимый предѣлъ производительности этого труда, приложеннаго къ данной площади, опредѣляется солнцемъ. Уже теперь, конечно, въ очень несовершенной формѣ, можемъ мы приблизительно опредѣлить физическій предѣлъ этого плодородія, т. е. тотъ предѣлъ, котораго человѣческое искусство, *при помощи растенія*, никогда не переступитъ. Оказывается, что самыя интенсивныя наши культуры утилизируютъ 1—2% всей солнечной энергіи, получаемой съ данной площади. Можно ли изъ этого заключить, что намъ когда-нибудь удастся использовать всѣ эти 100% солнечнаго свѣта. Конечно, нѣтъ, потому что тогда растеніе было бы не зеленое, а черное. Растеніе можетъ использовать только ту часть солнечнаго свѣта, которую оно поглощаетъ, а это поглощеніе зависитъ отъ его зеленаго вещества—хлорофилла. Это вещество, оказывается, поглощаетъ, примѣрно, около 20—30% всего падающаго на него свѣта. Но это еще не все. Непосредственные опыты, излагать которые здѣсь было бы неумѣстно, убѣждаютъ, что и эта величина должна быть понижена вдвое. Слѣдовательно, 10—15% солнечнаго свѣта—вотъ все, что можетъ быть утилизировано растеніемъ, а мы только что видѣли, что, при помощи самыхъ интенсивныхъ своихъ культуръ, мы утилизируемъ уже до 2%. Значитъ, когда человѣкъ когда-нибудь успѣетъ увеличить производительность самыхъ интенсивныхъ своихъ культуръ разъ въ пять, то вѣроятно будетъ вправѣ сказать, что получилъ все физически возможное, все, что даетъ ему солнце.

Это предѣлъ теоретическій, далекій; посмотримъ же, пока, что означаетъ тотъ предѣлъ, который осуществленъ на практикѣ. Какъ относится онъ къ количеству затраченнаго на него труда. Другими словами, насколько можетъ, а, слѣдовательно, долженъ вознаграждаться трудъ, приложенный къ землѣ. Рислеръ вычисляетъ, что для всѣхъ работъ на гектарѣ пшеницы нужно 50 рабочихъ дней, а при урожаѣ въ десять гектолитровъ получится количество, примѣрно, въ двадцать два раза болѣе того, которое затратится на пищу рабочаго за это время. Но человѣку нужно прокормить себя не 50, а цѣлыхъ 365 дней, слѣдовательно, при сказанномъ урожаѣ получится количество хлѣба, достаточное на троихъ. Понятно, что такой урожай, продолжаетъ Рислеръ, немыслимо малъ—не можетъ

же человѣкъ довольствоваться однимъ хлѣбомъ *); откуда же покроетъ онъ другія свои потребности, постоянно возрастающія съ развитіемъ человѣческой культуры? Очевидно, заключаетъ онъ, необходимы урожаи въ 20—25—30 гектолитровъ и они вполнѣ осуществимы. Возможны урожаи въ 40—60, наконецъ, извѣстенъ случай, когда онъ доходилъ до 72 гектолитровъ на гектаръ. Но что же такое этотъ урожай въ 10 гектолитровъ, который признается французскимъ ученымъ немыслимо малымъ? Это нашъ обычный средній крестьянскій урожай въ 5 четвертей ржи на десятину (по профессору А. Ѳ. Фортунатову), падающій для цѣлыхъ уѣздовъ до 4 и даже 3. А между тѣмъ датскій крестьянинъ получаетъ для своей пшеницы средній урожай въ 18 четвертей!

Откуда же такая разница, гдѣ ея причина? Говорятъ величайшій благодѣтель человѣчества тотъ, кто научитъ получать два колоса, гдѣ прежде родился одинъ. Сколько должно народиться этихъ благодѣтелей для русскаго крестьянина, пока его доля сравняется съ долей его датскаго собрата? Не можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, угадать, откуда, съ какой стороны ждать ихъ пришествія? Мы, натуралисты, даже въ области догадокъ руководимы индукціей. Наше поколѣніе воспиталось на книгѣ, о которой, повидимому, вспомнило и молодое поколѣніе судя по тому, что появляется ея новый переводъ—на «*Логикѣ*» Милля **), а въ ней имѣется такъ называемый *второй канонъ* экспериментальнаго изслѣдованія, поясняющій, что «если одинъ случай, когда наблюдается, данное явленіе, отличается отъ другого, когда оно не наблюдается однимъ условіемъ, то это условіе и есть причина или часть причины наблюденнаго явленія». Только что мы видѣли блестящій рядъ примѣненій этого пріема индуктивной логики. Почему та гречиха развилась роскошно, а эта захирѣла; чего не доставало ей? Опытъ отвѣчаетъ намъ—азота. Почему та кукуруза разрослась до потолка, а эта замерла на первыхъ же листочкахъ; чего не доставало ей? Опытъ говоритъ—желѣза. Чего же недостаетъ русскому крестьянину такого, что есть у его датскаго собрата? Быть можетъ, на этой необозримой равнинѣ ему недостаетъ угодій? Или земля у него хуже, чѣмъ у датчанина? Или солнце свѣтитъ ему не такъ привѣтливо? Или его самого обидѣла природа и не хватаетъ ему сметки и умѣнья? Или, быть можетъ, онъ слаще ѣстъ и долѣе спитъ и не привыкъ къ тяжелому

*) Что сказалъ бы почтенный французскій ученый о населеніяхъ, для которыхъ и такое довольство не всегда достижимый идеалъ.

**) Съ глубокой благодарностью вспоминается при этомъ дорогой для цѣлаго ряда поколѣній петербургскихъ студентовъ Андрей Николаевичъ Бекетовъ. Въ наши студенческіе годы онъ собиралъ у себя студентовъ-натуралистовъ для чтенія рефератовъ научныхъ споровъ и т. д. На этихъ четвергахъ пишущему эти строки приходилось именно излагать логику Милля. Остаюсь при убѣжденіи, что эта была болѣе здоровая пища для молодыхъ умовъ, чѣмъ Шопенгауэръ и Нитцше, которыми дурманили головы позднѣйшихъ поколѣній.

труду? Конечно, нѣтъ! Такъ, гдѣ же кроется различіе? Я полагаю, исторія отвѣчаетъ однимъ словомъ; это слово—школа *). Школа всѣмъ доступная и сильная всеобщимъ къ ней сочувствіемъ — вотъ та «причина или часть причины», которая приноситъ на поляхъ датскаго крестьянина тотъ урожай, о которомъ не смѣетъ и помыслить нашъ крестьянинъ. Мы съ радостью передаемъ извѣстіе, что то тамъ, то здѣсь, крестьяне стали сѣять клеверъ, а исторія земледѣлія повѣствуетъ, что этотъ клеверъ спасъ нѣмецкое крестьянство отъ неминуемаго разоренія сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Культура поля всегда шла объ руку съ культурой человѣка. Нѣмецкій учитель, говорятъ, побѣдилъ подъ Седаномъ. Будемъ утѣшать себя надеждой, что нашъ учитель поведетъ нашъ народъ къ иной побѣдѣ—безкровной и не угрожающей отместкой, къ побѣдѣ надъ природой, надъ невѣжествомъ и его неизмѣнной спутницею—нищетою **).

---

*) Читатели «М. Б.», кстати, недавно имѣли случай познакомится съ исторіей датской народной школы въ XIX столѣтіи и съ современной политической ролью датскаго крестьянства.

**) Лекція читана въ пользу Общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ училищахъ.

ЗАХОЛУСТНЫЕ ОЧЕРКИ.

I.

Хозяинъ.

Поѣздъ юго-восточной дороги подвигался къ станціи М. Въ одномъ изъ вагоновъ III класса, прислонясь къ стѣнѣ, полулежалъ молодой человѣкъ лѣтъ 22—23, брюнетъ, средняго роста съ маленькой окладистой бородкой, съ довольно энергичнымъ профилемъ смуглаго лица. Одѣтъ онъ былъ въ крытый чернымъ сукномъ полушубокъ и черную же барашковую шапку.

Противъ него на скамьѣ сидѣлъ пожилой, довольно полный человѣкъ, судя по долгополой драповой сибиркѣ съ бархатнымъ воротникомъ и огромному картузу съ блестящимъ козырькомъ—купецъ. Борода его была подкруглена по-купечески и на ногахъ сапоги бутылками въ галошахъ.

— А что̀, далече, господинъ, изволите ѣхать?—обратился купецъ къ молодому человѣку.

— Нѣтъ, только до М—ской станціи, а тамъ могу уступить лавочку въ ваше полное распоряженіе. Вамъ, вѣроятно, далеко ѣхать?

— Да-съ. До Н.—и купецъ назвалъ конечную станцію этой дороги.—А къ кому въ М. изволите ѣхать?

— Въ имѣніе князя О—ва ѣду на службу. Раньше онъ у князей Болховскихъ имѣніе купилъ, а теперь еще участокъ у купцовъ Даниловыхъ, такъ вотъ на этотъ-то участокъ я и ѣду.

— Знаю, знаю-съ. Участокъ этотъ намъ хорошо извѣстенъ. Съ Даниловыми намъ приходилось частенько дѣла дѣлать. Вѣдь старикъ-то ихъ померъ-съ.

— Да я слышалъ, что одинъ молодой остался. Такъ вы знаете это мѣсто,—скажите, пожалуйста, каковъ этотъ участокъ?

— Мѣста эти, прямо надо говорить, гефсиманскія-съ. Что степь, что кусты, что земля, да я такъ полагаю, другого этакого участка во всей здѣшней губерніи не сыщешь. Прямо надо говорить, золотое дно. И ужъ какъ этакой участокъ Даниловъ прожить ухитрился—непонятное дѣло-съ. Живо жалко. Положимъ, старикъ-то, царство ему

небесное, характеренъ былъ; крутой человѣкъ былъ покойникъ, старинной заправки: сказалъ, къ примѣру, деньги такого-то числа отдамъ— и отдастъ, скажетъ отойди, а то побью, не отойдешь—ужъ это вѣрно битъ будешь. А, вѣдь, вотъ что чудно: какъ старики ни дуроваты были, а все наживали; а вотъ молодые, смотришь, и потише, и поглаже, будто, а все прожили...

— Да, вѣдь, время перемѣнилось, ушла старинка-то,—замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Это вы, господинъ, правильно! Время точно-что перемѣнилось: построже стало, что прежде съ рукъ сходило—теперь не сойдетъ-съ. Да, вотъ, хоть бы Михаилъ Федорычъ Даниловъ, у котораго вашъ хозяинъ участокъ-то купилъ. Я вамъ про него поразскажу, какія дѣла ему сходили. Былъ у него сынъ старшій, Николай Михайловъ; такъ вотъ этотъ самый, Николай Михалычъ и шелъ однова съ гуртомъ изъ низовъ. Да-съ. Вотъ, подходятъ въ одномъ мѣстѣ къ рѣчкѣ, къ мосту-съ, поглядѣли: мостъ надежный и погнали быковъ черезъ. Глядь, съ того бока на встрѣчу имъ на тройкѣ валитъ кто-то. Подъѣхала тройка къ мосту, кричатъ изъ тарантаса: «окороти быковъ!»

— А ты кто такой?—Николай Михайловъ спрашиваетъ.

— Не видишь развѣ, становой приставъ? Сгоняй быковъ съ моста!

— Нѣтъ, баринъ, скотину ломать я не буду; обожди, пройдетъ гуртъ черезъ мостъ и проѣдешь.

Становой распалился, выскочилъ изъ тарантаса да къ нему на мостъ; солдатишко съ нимъ какой-то.

Вотъ, становой-то и кричитъ: «Какъ, каналья, въ моемъ станѣ мнѣ проѣзду не даешь»?

А Николай Михайловъ (сильный былъ человѣкъ, да и вся ихъ порода сильная была) ухватилъ его за шиворотъ, да не долго думавши— прямо черезъ перила да въ рѣчку и швырнулъ его, да еще приговариваетъ: «дюже ты, баринъ, распалился—охолонь маленько!» Да-съ! Вотъ какую штуку откололь!

— Ну, пригналъ онъ быковъ домой и идетъ, чинъ-чиномъ, къ старику. Помолился Богу, поздоровался, сталъ, по старинному, къ притолкѣ и пошелъ у нихъ разговоръ: какъ покупка, дорогà-ли. гдѣ покупалъ, да каковъ товаръ, да какъ корма, благополучно ли шелъ?

— Благополучно—говоритъ. Въ одномъ мѣстѣ только случай вышелъ.

— Какой-же?—старикъ спрашиваетъ.

— Да станового, батенька, съ мосту въ рѣчку сбросилъ.

— Какъ-же это? Разскажи!

— Такъ и такъ.

— Ну что же становой-то вылѣзъ изъ рѣчки?

— Вылѣзъ, говоритъ.

Помолчалъ старикъ, погладилъ бороду, да и говоритъ:

— Да! Вотъ какіе люди характерные были-съ!

— Ну и что же,—спросилъ молодой человѣкъ,—сошло имъ это самодурство съ рукъ?

— Сошло-съ. Помирились съ становымъ; ужъ за сколько—не знаю- не хочу соврать. Денежные люди были, а, вѣдь, за деньги въ прежнее время все сходило-сь.

Съ другого бока скамьи, на которой сидѣлъ купецъ, во все время его разсказа внимательно прислушивался высокій бѣлокурый человѣкъ, одѣтый въ крытый полушубокъ и халатъ. Видимо, заинтересованный разговоромъ, онъ слушалъ, ставъ однимъ колѣномъ на свою лавочку и держась рукой за желѣзную подпорку, на которой укрѣплены полки для вещей.

Когда купецъ кончилъ разсказъ, человѣкъ этотъ перешелъ съ своей лавочки и сѣлъ около купца.

— Это, вы, хозяинъ про Михаила Федорыча Данилова разсказывали?

Тонъ этого вопроса довольно развязный, былъ, повидимому, не тотъ, съ которымъ служащіе обращаются къ своимъ хозяевамъ - купцамъ, у которыхъ они служатъ, а самое слово «хозяинъ» было просто титуломъ, вмѣсто, напримѣръ, «милостивый государь» или «ваше степенство».

Это обращеніе указывало на то, что говорившій принадлежитъ къ тому разряду мелкихъ служащихъ на хуторахъ, цѣлыя массы которыхъ съ первыми вешними днями бредутъ по хуторамъ и усадьбамъ. По большей части довольно чистенько одѣтые въ поддевку, поверхъ которой надѣтъ длинный халатъ въ дурную или холодную погоду, а если день тепелъ, то халатъ или виситъ на рукѣ, или перекинутъ черезъ плечо, на головѣ картузъ, на ногахъ длинные сапоги, а въ рукахъ непремѣнно палка, изрѣдка кнутъ, и если кнутъ, то непремѣнно хорошей работы, «прокуровскій», называемый такъ по имени одного села, лежащаго на скотопрогонной дорогѣ, славящагося искусной подѣлкой этихъ орудій. Хорошій кнутъ у этихъ мелкихъ степняковъ, въ ихъ мелкой жизни служитъ своего рода щегольствомъ и за него иногда платится отъ 2 до 5 рублей.

Приходитъ такой человѣкъ на хуторъ и, узнавъ предварительно, гдѣ хозяинъ или старшій приказчикъ подходитъ къ вамъ. Если вы наружѣ, на дворѣ, онъ, не доходя до васъ шага три, галантно снимаетъ свой картузъ, перегибается нѣсколько напередъ, руку съ картузомъ вытягиваетъ по шву, а если ужъ очень галантенъ, то даже прячетъ назадъ за спину и обращается къ вамъ съ готовой формулой: «человѣчка по земельной части не требуется-съ?»

Если онъ приходитъ къ вамъ въ комнату, то предварительно снимаетъ картузъ, крестится, здоровается съ вами и потомъ уже предлагаетъ вамъ тотъ-же вопросъ. Если онъ нуженъ, то начинаются вопросы: откуда онъ, у кого служилъ раньше и т. д. и за 8—10 рублей въ мѣсяцъ онъ поступаетъ къ вамъ по большей части «въ лѣто».

Эти же злосчастные «человѣчки» служатъ объектами, на которыхъ изощряется остроуміе «хозяевъ».

— А водку пьешь? спрашиваетъ, напримѣръ, «хозяинъ».

— Не потребляю-съ.

— Ну такъ ступай, братецъ, съ Богомъ, мнѣ такихъ не надо.

Или иначе:

— А насчетъ хозяйскаго—какъ? Съ прихватинкой? Что подъ руку попадетъ, не спустишь?

«Человѣчекъ» растерянно отвѣчаетъ: «Какъ можно-съ! Помилуйте!»

— Что же, не воруешь?

— Избави Боже! Заслужоное это такъ, а чтобы, къ примѣру, украсть...

— Не украдешь?

— Сохрани Господь! Въ этомъ замѣчены не бывали-съ,—начинаетъ оправляться «человѣчекъ».

— Ну такъ иди! Мнѣ этакихъ не надо! Когда ты себѣ не радѣешь, а мнѣ-то ты подавно ничего «не произнесешь».

— Это, братъ, что за человѣкъ—ни себѣ ни людямъ, а ты хозяину пользу принеси и себѣ наживи—вотъ это такъ.

Повидимому, однимъ изъ такихъ «человѣчковъ» и былъ подсѣвшій къ разговаривавшимъ.

— Это, вы, хозяинъ про Михаилъ Федорыча Данилова разсказывали?

Купецъ какъ-то бокомъ взглянулъ на спрашивавшаго и не спѣша, сказалъ:

— Про него.

— Это они правильно-съ!..—обратился «человѣчекъ» къ молодому человѣку.—Я у Михаила Федорыча года съ два выжилъ. Карахтерные были, царствіе Божіе, и, кое гдѣ, можно даже сказать, самодурные-съ. На хуторѣ они сами не жили-съ, а наѣзжали только, а постоянно жили они въ городѣ К—ѣ; и никогда невзначай не ѣздили къ намъ, а прежде, бывало, напишутъ: такого-то числа буду самъ. Вотъ смотришь и валятъ сами тройкой въ тарантасѣ. Мы всѣ служащіе и старшіе, и младшіе, у крыльца около дому стоимъ. Само собой, безъ шапокъ всѣ, и, знали ужъ ихъ, одѣнемся какъ похуже, потому щегольства этого самаго не любили они и на одежу большое вниманіе обращали. Такъ, бывало: придетъ къ нимъ молодецъ наниматься, вотъ они его все доподлинно выспросятъ, а потомъ и говорятъ ему: «малый, ты, я вижу недурной, да вотъ горло у тебя бѣлое, а я этого не люблю, а люблю я, чтобы горло у вашей братіи было либо красное, либо пестрое»,—это значитъ, что онъ, къ примѣру, въ бѣлой рубашкѣ, а не въ кумачной или ситцевой. А то однова такой случай былъ: жилъ у насъ на хуторѣ вродѣ конторщика малый молодой одинъ, ну, вотъ и взяли его съ собой Михаилъ Федорычъ въ городъ: переписать имъ по письменной

части что-то требовалось. А малый-то молодой и форсовитый былъ, возьми да и надѣнь крахмальную рубаху—потому, думаетъ, въ городъ ѣду. Вотъ, ѣдутъ они съ хозяиномъ и нагоняютъ обозъ,—наши на быкахъ въ городъ хлѣбъ везли. Хозяинъ и говорятъ малому: «ну, ты, теперь слѣзай да садись на возъ, на быкахъ и пріѣдешь, а то мнѣ съ тобой ѣхать не подходитъ: вишь у тебя рубаха-то какая—подумаютъ, ты хозяинъ-то, а я работникъ.»

— Да, вѣдь, васъ, Михалъ Федорычъ вся губернія знаетъ.

— Это, ты, говорятъ, хорошо сказалъ—вѣрно, а все-таки слѣзай!

Такъ и ссадили малаго; такъ и ѣхалъ тотъ двое сутокъ до города на быкахъ.

Такъ вотъ, бывало, и подкатываютъ Михалъ Федорычъ. Росту они были агромаднѣйшаго-съ и въ плечахъ косая сажень. Вотъ, вылѣзутъ они изъ тарантаса, мы всѣ сейчасъ въ одинъ голосъ съ пріѣздомъ ихъ проздравляемъ: «съ пріѣздомъ, Михалъ Федорычъ, честь имѣемъ проздравить!»

— Здравствуйте, жилеточники, — скажутъ бывало, — ну, какъ у васъ тутъ? Какъ дѣла?

— Благодаря Бога, Михалъ Федорычъ,—хорошо!

— Ну, то-то! Отпрягай, Кудряшевъ, лошадей!

Кудряшевъ это у нихъ кучеръ былъ. И такая ужъ заправка была, чтобы тарантасъ отпрягать у дома около крыльца, а въ сарай мы его ужъ на себѣ отвозили и запрягать, когда уѣзжали, такъ же: сначала мы на себѣ тарантасъ изъ сарая привеземъ къ крыльцу, а потомъ Кудряшъ лошадей сюда же ведетъ, здѣсь и запрягаетъ.

Ну, поздоровавшись съ нами, къ домъ прямо идутъ и приказчика съ собой зовутъ; главный приказчикъ у насъ Ковыряловъ Федоръ Прохоровъ былъ. Тамъ про дѣла, про посѣвы, про уборку, про скотину обтолкуютъ, а по двору или по участку на первый день никуда не пойдутъ-съ.

Вотъ на другой день, утромъ, попивъ чайку, приказываютъ дрожки запречь и въ поле ѣдутъ; ежели время горячее, то молодцы всѣ въ полѣ на уборкѣ или на полкѣ, и тутъ намъ полегче, поскорѣй отъ нихъ отдѣлаешься, а не дай Богъ пріѣдутъ, когда работъ горячихъ нѣтъ, замучаютъ-съ.

Когда посвободнѣе время, непремѣнно требовали, чтобы молодцы за ними верхами, конечно-съ, въ поле ѣхали.

Лошадей Михалъ Федорычъ двухъ сортовъ уважали: верховыя наши лошади—оторви голову были, съ своими гуртами изъ низовъ приходили, а рабочихъ лошадей любили, что ни на есть лѣнивыхъ: прямо сказать, цѣпомъ ее погоняй, она и хвостомъ не махнетъ.

— Вамъ, говорятъ, дай добрую-то, вы ее сейчасъ обдерете, а эту, небойсь, не перегонишь.

Прежде Михалъ Федорычъ и верхомъ кое-когда въ поле ѣзжали-съ,

а потомъ, какъ постарѣли и огрузли—бросили-съ, да еще одинъ разъ случай съ ними непріятный вышелъ. Разсказчикъ остановился.

— Что же такое?—спросилъ его молодой человѣкъ.

— Да вотъ какая оказія случилась. Нанялся на хуторъ къ намъ въ объѣздчики солдатъ одинъ. Малый шустрый-съ. А лошадей въ ту пору настоящихъ верховыхъ свободныхъ не было; заняты всѣ были. Вотъ и дали ему лошадь изъ рабочихъ, здоровенный меринъ былъ, Кузькой звали, а лѣнь непроломная, не токмо что кнутомъ, а его и оглоблей не разгонишь-съ. Ну, а солдатъ-то малый ловкій, иной разъ надо поскорѣе куда доѣхать или догнать кого, ну, ужъ тутъ хоть слѣзай, да самъ догоняй—скорѣй будетъ, или на полкѣ передъ дѣвками форснуть—прямо хоть плачь.

Вотъ и придумалъ солдатъ средство: взялъ себѣ въ картузъ въ подкладку и заткнулъ иголку здоровую-прездоровую, какой мѣшки да веретья шьютъ, цыганскими эти иглы называются. Вотъ отъѣдетъ солдатъ отъ хутора нѣсколько, картузъ сниметъ, иголку вытащитъ, да какъ этаго Кузьку кольнетъ иглой разъ другой, и летитъ этотъ Кузька, откуда что берется только. И такъ со временемъ пристроилъ онъ этого Кузьку, что только руку къ картузу подноситъ, такъ этотъ самый Кузька летитъ какъ бѣшеный, даже уши прижимаетъ-съ.

Вотъ и пріѣзжаютъ, какъ-то, Михалъ Федорычъ на хуторъ и вздумали ѣхать въ поле. Пошли на конюшню сами и говорятъ конюху:

— Ты бы, братъ, подсѣдлалъ мнѣ лошадку бы какую въ поле проѣхать, только ты поплотнѣй какую, а то во мнѣ, вѣдь, обаполъ десяти пудовъ. Это, вотъ, что за меринъ стоитъ?—на Кузьку-то и показываютъ?

— Это, Михалъ Федорычъ, объѣздной—солдатъ на немъ ѣздитъ.

— Ну, вотъ и добро. Подсѣдлай мнѣ его.

Вотъ и подсѣдлали имъ этого самаго Кузьку. Сѣли-поѣхали, за ними молодцевъ двое. Проѣхали на посѣвъ, взглянули, потомъ на покосы проѣхали и ѣдутъ дальше къ гуртамъ: гурты на расходахъ ходили. Ѣдутъ они дорогой—дорога черезъ расходъ пролегала-съ. Только, глядь, на встрѣчу имъ тарантасъ тройкой ѣдетъ и сидитъ въ этомъ тарантасѣ сосѣдъ купецъ, тоже богатѣйшій—Александръ Алексѣичъ Лягушкинъ-съ. Вотъ подравнивается тарантасъ супротивъ нихъ, Александръ Алексѣичъ и узнали Михала Федорыча и кланяются имъ. Михалъ Федорычъ мерина остановили и тоже хотѣли картузъ снять, раскланяться; только они руку къ картузу, какъ этотъ самый анаѳемскій Кузька, какъ хватитъ сразу съ мѣста во всю мочь, Михалъ Федорычъ-то съ него кубаремъ... Вотъ, вѣдь, какая исторія-съ. Ну, конечно, сейчасъ молодцы подлетѣли, подъ руки подняли ихъ, и Александръ Алексѣичъ остановились, вышли изъ тарантаса, пособолѣзновали; съ ними же Михалъ Федорычъ въ тарантасъ сѣли и до хутора доѣхали. Серчали только послѣ долго, что при постороннемъ человѣкѣ конфузъ такой вышелъ. А солдатъ тутъ же удралъ и жалованья не спросилъ. Такъ вотъ

съ эстихъ самыхъ поръ и стали они больше въ дрожкахъ въ поле ѣздить.

Ѣдутъ они такъ-то тихонечко, лошадь лѣнь-обломъ, а мы сзади человѣка три верхами ѣдемъ со всей своей присягой: у кого сажень въ торокахъ ввязанъ, у кого крестъ пахоту мѣрять болтается.

Вотъ и начнутъ Михалъ Федорычъ намъ экзаменъ производить:

— Что-й-то, ребята, вонъ у Сурочьяго озера на курганѣ чернѣется? Ну-ка, доскачьте—поглядите!—А до этаго озера версты три будетъ и знали мы ихъ обычай: ежели послали—скачи, сколько захватитъ. Вотъ и полосуемъ мы другъ передъ другомъ къ этому озеру и знамъ всѣ, что ничего тамъ и не чернѣлось, а захотѣлось хозяину моціонъ намъ сдѣлать, ухватку нашу поглядѣть.

Ну, прискакиваемъ къ кургану—тамъ, извѣстно, нѣтъ ничего и летимъ опять назадъ. Вотъ, который скорѣй оборотилъ и докладываетъ хозяину:

— Ничего не видать, Михалъ Федорычъ, такъ это сурки накопали-съ.

— Ахъ, чертовы дѣти! Все роютъ?

— Копаютъ-съ, Михаилъ Феодорычъ, и даже очень степь гадятъ-съ.

— Ахъ, дьяволы! Что же намъ съ ними дѣлать?

— Да сурочниковъ пригласить попробовать. Все, можетъ, перебьютъ ихъ нѣсколько.

— Это ты вѣрно; не забыть Федоръ Прохорову сказать надо. Ну, молодчина!

А который молодецъ ежели отсталъ или замѣшкался тутъ, они его и начинаютъ пробирать, а пробирали они не просто, не руганью, а вотъ какъ-съ:

— А что, Корявинъ, ской эта межа длинна у насъ?—спрашиваютъ этого самаго отсталого.

— Версты подъ четыре Михалъ Федорычъ надо быть-съ.

— Ну? Наврядъ!? Не должно!

— Такъ думаю, надо быть-съ.

— Сажень-то у васъ есть тутъ у кого?

— Есть-съ.

— Ну-ка, прикинь ее.

И пойдетъ этотъ Корявинъ четыре версты сажнемъ мѣрять: одной рукой за чумбуръ лошадь ведетъ, а другой мѣряетъ, а время, извѣстно, лѣтнее, какъ отмѣряетъ четыре версты-то, весь мокрехонекъ вернется.

— Ну что? Сколько?

— Тысяча девятьсотъ двадцать сажень-съ.

— Это что же выходитъ?

— Да, безъ восьмидесяти сажень четыре версты должно-съ.

— Ну вотъ, я такъ и оглядывалъ, что не будетъ четырехъ верстъ.

Бываетъ на этомъ и окоротятся, а ежели который очень ужъ имъ

не нравится, такъ еще вотъ что дѣлали: пріѣдутъ на хуторъ и сейчасъ велятъ его къ себѣ позвать.

— На-ка вотъ тебѣ, Корявинъ, двугривенный, скатай ты въ Салтыки, купи мнѣ тазъ глиняный, а то умыться не надъ чѣмъ.

А до Салтыковъ тридцать верстъ; вотъ и скачи туда тридцать да оттуда тридцать.

А на другое утро опять бѣгутъ «въ конторку», гдѣ молодцы помѣщались.

— Самъ Корявина требуетъ! Скорѣй!

Прибѣгаетъ Корявинъ къ самому.

— Что, братъ,—незадача! Разбилъ я тазъ-то твой ночью! Видать, похлопочи еще! На-ка вотъ тебѣ двугривенный. Валяй!

И такъ случалось раза три, а то четыре его подрядъ сгоняютъ. Да и не одного нашего брата такъ проваривали, а и своихъ случалось. Жилъ на нашемъ хуторѣ постоянно молодой хозяинъ, Андрей Михалычъ.

Годовъ пятнадцати прислали его Михалъ Федорычъ на выучку на хуторъ, чтобы, то-есть, къ дѣлу пристроивались. Отчаянные тоже, въ родителя были. Вотъ и присталъ молодой хозяинъ къ приказчику главному: купи да купи ему пару собакъ борзыхъ. Ну, извѣстно, тоже хозяева,—какъ отказать—купилъ. Вотъ какъ-то пріѣзжаютъ Михалъ Федорычъ на хуторъ и попадись имъ на глаза одна эта борзая; вѣдь и заперты, спрятаны въ шалашѣ были, какъ и откуда нелегкая вынесла, кто ее знаетъ.

— Это что за собака?—спрашиваютъ.—Чья?

Ну ужъ тутъ врать сохрани Богъ—говорятъ: Андрея Михалыча.

— А! Такъ вотъ онъ какъ дѣломъ-то тутъ занимается. Послать сюда Федора Прохорова!—это то-есть главнаго приказчика.

— Вотъ что, Федоръ Прохорычъ: пошли ты сейчасъ малаго—куда знаешь—только чтобы завтра къ утру у тебя были: халатъ новый, портки тяжевые, рубаха холстинная, онучи, лапти и шапка!

— Слушаю, говоритъ, хозяинъ.

Вотъ на другой день утромъ все это приносятъ къ Михалъ Федорычу.

— Позвать сюда Андрея!

Приходятъ Андрей Михалычъ.

— Ну, Андрей Михалычъ, вотъ тебѣ одежа, надѣвай ее, бери бадикъ (палку) и ступай къ Аверьяну гуртоправу на Сурочій расходъ быковъ стеречь. А то ты, батюшка, себѣ въ голову барство забралъ—собакъ понавелъ; это не наше, не купецкое дѣло. Иди-ка, постереги быковъ, лучше узнаешь, какъ ихъ нагуливать.—И такъ случается у гурта недѣли двѣ продержатъ иной разъ. Да еще пріѣдутъ на расходъ къ гурту, посмѣиваются:

— Что это, Андрей Михалычъ, вонъ у косорогаго быка-то никакъ черви? Ты, батюшка, деготькомъ почаще помазывай, а то табакомъ присыпь—они и пройдутъ.

А то такой случай былъ: набѣдокурили что-то Андрей Михалычъ, вотъ Михалъ Федорычъ и приказываютъ позвать ихъ. Пошелъ кто-то,— говоритъ: пожалуйте къ папашѣ, Андрей Михалычъ,—требуютъ.

— Не пойду! говорятъ. Такъ и скажите, что не пойду!

Идутъ, говорятъ Михалъ Федорычу, что не хочетъ идти молодой хозяинъ.

— Ахъ онъ такой-сякой! Притащить его сюда! Прямо взять и притащить!

Пошли опять къ молодому хозяину и говорятъ: папаша притащить силомъ васъ велѣли, Андрей Михалычъ.

Они выхватили кинжалъ да и говорятъ:

— А ну, подходи кому жить надоѣло! Погляжу я, какъ вы меня притащите!

Ну, извѣстно, кому охота на ножъ лѣзть. Пошли опять къ хозяину, говорятъ имъ: не даются Андрей Михалычъ, кинжалъ взяли.

Засмѣялись Михалъ Федорычъ: «Ну вотъ это, говорятъ, молодецъ! Подите скажите ему что ничего ему не будетъ—пусть идетъ сюда».

Приходятъ Андрей Михалычъ.

— Ты, никакъ, Андрюша, жилеточниковъ-то порѣзать хотѣлъ?

— Да, вѣдь они, говорятъ, силомъ возьмемъ. Ну я и не дался.

— Ха-ха-ха! Ну вотъ за это молодецъ! Люблю! И никогда не давайся!

— Скажите, пожалуйста,—перебилъ разсказчика молодой человѣкъ,— ну, а съ мужиками какъ онъ обращался?

— Да тоже-съ какой стихъ на нихъ найдетъ. Ежели злы, то лучше и не подходи, ну а ежели веселы—наградятъ мужика.

Приходитъ, къ примѣру, къ нимъ мужикъ, само собой шапку долой и кланяется Михалъ Федорычу.

— Ты что, галманина?—спрашиваютъ.

— Къ твоей милости, Михалъ Федорычъ!.. Не оставь... Будь отецъ родной...

— Ты не визжи, а толкомъ говори: чего тебѣ?

— Лошадь, батюшка Михалъ Федорычъ, исхарчилась. Остался не при чемъ... Весна вотъ подходитъ...

— Ну такъ я-то тебѣ что сдѣлаю?

— Будь отецъ родной... Заставь за себя вѣчно Бога молить... Нѣтъ-ли у тебя меренишки какого объ трехъ ногъ?.. Заработаю...

— Ну, такого добра у меня нѣту. А на вотъ тебѣ четвертной денегъ. Да, гляди, чтобы заработалъ. А то какъ тебя нужда-то прижметъ, какъ ужа вилами, ты что хошь наговоришь, а потомъ семь верстъ мимо будешь хуторъ объѣзжать...

— Да неужлижъ я?.. Ахъ Господи! Да лопни мои...

— Ну, ну, не причитай! Взялъ и ступай!

Ну, а ежели разстроены чѣмъ, лучше не подходи—и дать ничего не дадутъ, да еще и по шеѣ попадетъ. На это они просты были. Карактерные были. Черезъ свой карактеръ и конецъ себѣ получили.

— Какъ такъ?

— Да такъ-съ. Передъ самой Святой дѣло было. Поѣхали Михалъ Федорычъ съ хутора въ городъ. Путь ужъ послѣдній былъ,—плохой; надуваться ужъ и рѣчки, и лощины начали. Ну, мелкія рѣчки, лощины переѣзжали ничего, лошади-звѣри были. Подъѣзжають къ городу, ужъ и городъ видно, а рѣка подъ городомъ сильно вздулась и окрайники мѣстами отошли. Кудряшъ, этотъ самый, у нихъ кучеромъ былъ и говоритъ хозяину:

— Должно, на мостъ ѣхать надо, хозяинъ, а здѣсь кабы не уходиться.

— Это пять верстъ-то еще крючить? Ѣзжай зимникомъ.

— Воля ваша, Михалъ Федорычъ, а кабъ бы бѣды не нажить?

— Ну, не твое дѣло. Ѣзжай прямо!

Перекрестился Кудряшъ, тронулъ лошадей. Покупались немного у края, однако выбились на ледъ и поѣхали. Почти и переѣхали рѣку, у самаго у того берега сразу вся тройка подъ ледъ ухнула и пропала и Михалъ Федорычъ съ ней. Кудряшъ какими-то судьбами выбился, выкарабкался. А тройки и Михалъ Федорыча такъ и слѣдъ пропалъ и весной нигдѣ не нашли.

Поѣздъ пошелъ тише. Послышался сиплый свистокъ. Въ окнахъ замелькали мельницы и избы. Молодой человѣкъ началъ собираться къ выходу.

— Такъ вы, господинъ, на Даниловскомъ участкѣ жить будете?

— На немъ.

— Служащихъ новыхъ вамъ, можетъ быть, потребуется?

— Очень можетъ быть.

— Такъ дозвольте завернуть къ вамъ на этихъ дняхъ. Можетъ, мнѣ мѣстечка не будетъ ли.

— Что-же, заверните!

— А ужъ мѣста эта и народъ намъ вполнѣ извѣстны.

— Заверните, заверните!

— Заявлюсь на этихъ дняхъ. Безпремѣнно-съ. Счастливо оставаться!

II.

Панфирычъ.

На небольшомъ взлобкѣ, на берегу узенькаго ручья, почти пересыхавшаго лѣтомъ, сидѣла маленькая деревушка Шишовка; ручеекъ, протекавшій подъ ней, назывался тоже Шишовкой. Вотъ, въ этой самой Шишовкѣ и познакомился я съ однимъ любопытнымъ мужикомъ. Звали его Иваномъ Панфирычемъ. Заинтересовали меня разсказы о немъ его односельцевъ, которые иначе не отзывались о немъ, какъ о чудакѣ.

— Изыферный мужикъ,—хитрый.

Всѣ такіе разсказы возбуждали во мнѣ желаніе познакомиться поближе съ этимъ «изыфернымъ» мужикомъ. Конечно, познакомиться съ Панфирычемъ можно было всегда, но мнѣ не хотѣлось дать ему замѣтить, что я вижу въ немъ что-то любопытное или знакомлюсь съ тѣмъ, чтобы разузнать его «чудныя» продѣлки, и потому я предпочемъ ждать случая. Вскорѣ случай мнѣ поблагопріятствовалъ. Познакомился я съ нимъ при такой обстановкѣ, гдѣ мнѣ самому пришлось увидать его «изыферность». Ѣхалъ я, какъ-то, ранней весной передъ самой Пасхой въ сосѣднее село Кобылинку. Проѣзжать мнѣ нужно было черезъ Шишовку. Санный путь былъ уже послѣдній, такъ что, мѣстами, по взлобкамъ и деревнями, приходилось съ трудомъ тащиться по совершенно почти голой землѣ.

Хорошо дышалось чистымъ, холоднымъ вешнимъ воздухомъ. Я бросилъ возжи и шагомъ ѣхалъ почернѣвшей, часто уже «просовывавшейся» дорогой. Дорога почти на аршинъ возвышалась надъ уровнемъ земли; снѣгъ на ней, покрытый слоемъ навоза, плохо таялъ, а по бокамъ его почти уже не было. Какъ трупы лежали по бокамъ дороги отслужившія свою зимнюю службу и подтаявшія вѣшки. Вѣшки эти были разныя: были и соломенныя, и «моченцевыя», т. е. изъ моченой конопли, были и просто сучки, съ навязанными на нихъ пуками соломы, были и камышевыя, и всякія другія. До Шишовки было версты три и она хорошо видѣлась уже. Отъ нея на встрѣчу мнѣ ѣхалъ кто-то на саняхъ. Подъѣхавъ ближе, я увидалъ, что сани были на половину наполнены старыми вѣшками, а съ боку шелъ, собирая ихъ по дорогѣ, худощавый человѣкъ въ халатѣ, въ громадной овчинной шапкѣ и въ лаптяхъ. Поровнявшись съ санями, я поздоровался съ мужикомъ:

— Здорово, старшой!

— Здравствуй, Петровичъ!

— Да ты нешто меня знаешь?

— Какъ же, батюшка, не знать, вѣдь не за сто верстъ живешь-то!

— Да ты чей самъ-то?

— А, вотъ, Шишовскій.

— Тебя какъ же звать-то?

— Да былъ Иванъ Панфирычъ!

Такъ вотъ онъ Панфирычъ-то, подумалъ я.

— Далеко-ли, Панфирычъ, ѣдешь?—спросилъ я его.

— Да, почесть, никуда! Видишь, вотъ, въ саняхъ-то,—вѣшки старыя собираю.

— Да на что жъ они тебѣ, Панфирычъ?

— Эка, батюшка! Да нашему брату все годится. На топку. Вотъ высохнутъ, и пожгутъ бабы. А дѣловъ-то теперь только.

— Да ты пріѣзжай ко мнѣ на хуторъ, я тебѣ лучше соломы дамъ на топку-то.

— На этомъ благодаримъ покорно. Да, вѣдь, хорошо ты, вотъ,

велишь пріѣхать-то, а то, вѣдь, ее купить соломку-то надо, да и у тебя хоша и возьмешь возокъ другой, такъ вѣдь надо и тебя чѣмъ ни на есть отдарить,—курёнка какого принесть, а эта штука-то, вёшки-то, онѣ вѣдь, все-равно, такъ пропадутъ,—никому не нужны,— а я вотъ ихъ соберу. Они годятся.

Послѣ, когда я прожилъ въ этой мѣстности нѣсколько лѣтъ и ознакомился съ жизнью сосѣднихъ мужиковъ, Панфирычъ сталъ выясняться мнѣ рельефнѣе; стали понятны мнѣ и его бережливость, и его чудачества.

Ломка всего хозяйственнаго строя мужика, всѣхъ его прежнихъ взглядовъ и привычекъ глубоко поразила Панфирыча. Пришло время, когда натуральное, хлѣбное хозяйство должно было уступить свое мѣсто нахлынувшему совершенно неожиданно денежному. Панфирычъ противился этому нашествію всѣми своими силами. Воспротивился до того, что и односельцы стали считать его за чудака. Да и въ самомъ дѣлѣ, противленіе это выражалось въ самыхъ смѣшныхъ формахъ. Жилъ Панфирычъ чрезвычайно хозяйственно. Рѣдкій ювелиръ обращается такъ бережно съ своими драгоцѣнностями, какъ обращался Панфирычъ съ каждымъ зернышкомъ хлѣба, съ каждой соломинкой. Въ полѣ онъ уже почти не работалъ. Работали сыновья Иванъ и Морей, и развѣ только въ самую горячую рабочую пору Панфирычъ приходилъ «подсобить ребятамъ». Зато весь домашній распорядокъ велся имъ. Никто такъ хорошо не вывершивалъ и не крылъ въ деревнѣ «одонья», какъ Панфирычъ.

— Ишь, старый хрѣнъ, какъ яичко обточилъ!—говорили сосѣди.

Молоченая рожь у него непремѣнно въ кадушкахъ или подвѣшена въ веретьяхъ къ стропиламъ риги.

— На что жъ, ты, Панфирычъ, ржицу-то подвѣшиваешь? Ты бы ее ссыпалъ гдѣ-нибудь.

— Эка, батюшка, ссыпалъ... Ссыпать-то не хитро, да вѣдь она растериваться будетъ, мыши тамъ ее бѣдить будутъ, а ужъ тутъ мышь ее не достигнетъ.

Смотришь, другой разъ, Панфирычъ ходитъ въ полѣ и собираетъ въ кучи засохшую картофельную ботву.

— На чтой-то ты, Панфирычъ, ботву собираешь?

— Да вотъ копенки свои ей понакрыть хочу. Неравно Господь дожжичку пошлетъ. Все суше будутъ, а возитъ-то ихъ домой, кто ее знаетъ, когда будешь. Ребята-то вонъ все за расходъ у купца ворочаютъ. Охъ ужъ эти расходы, пуще всего уѣдаютъ они нашего брата. Вотъ надо бы свои копёнки за ведро, да за сухо прибрать, а ты у купца ворочай. И не снять нельзя—свои какіе были выгонишки подъ самыя гумна подпахали—вотъ и неминуче намъ къ купцу идти снимать, а купецъ-то, онъ вѣдь видитъ, что податься намъ некуда: какой хочетъ на насъ хомутъ надѣть—такой и надѣваетъ. Такая тѣснота—чистая бѣда.

Съ поля домой Панфирычъ никогда не придетъ съ пустыми руками; онъ непремѣнно что-нибудь да несетъ домой: вязаночку травки, нарванной имъ по межамъ, мѣшечекъ какихъ-нибудь грибовъ, пучки «душицы» или «чебора»—«старухѣ въ квасъ», пучки клубничныхъ листьевъ себѣ для чая, такъ какъ Панфирычъ въ этомъ случаѣ поддался новшествамъ и любитъ «попарить нутро» горяченькимъ, а чай-то, вѣдь его купить надо, а онъ и клубничный листъ «духовитъ».

— Вѣдь ты, Панфирычъ, стѣнолазовъ-грибовъ-то набралъ,—смѣется ему кто-нибудь,—ты съ нихъ на стѣну полѣзешь.

— Нѣтъ, батюшка, не полѣзу. Это печеричка—преотличный грибокъ, сладкій.

Въ рѣченкѣ Шишовкѣ по котловинкамъ водилась кое-какая мелкая рыбенка, а весной заходила порядочная. Панфирычъ постоянно рыбачилъ: кололъ острогой щукъ весной, ставилъ верши, ловилъ и бреднемъ. Всю пойманную мелкую рыбешку онъ непремѣнно сушилъ, толокъ ее въ ступѣ въ порошокъ и ссыпалъ въ мѣшечекъ, а въ постные дни выдавалъ бабамъ по щепоткѣ этого порошка «во щи».

— Вѣдь этакій хитренный мужикъ,—разсказываетъ про него кто-нибудь,—высушитъ эту рыбу, истолкетъ, да во щи и сыпетъ. Да, вѣдь ты смотри, щи какія—не ухлебаешься.

Кое-какіе примѣры «хитрости» Панфирыча приходилось и мнѣ видѣть. Ѣхалъ я разъ какъ-то въ Шишовку. Дѣло было осенью. Подъ самой Шишовкой былъ прежде небольшой выгонъ; выгонъ этотъ былъ сданъ подъ посѣвъ одному мѣщанину. Мѣщанинъ посѣялъ просо, убралъ его и обмолотилъ тутъ-же на выгонѣ, зерно онъ, конечно свезъ, солому убралъ и самъ уѣхалъ. Подъѣзжая къ Шишовкѣ я увидалъ, что на пустомъ уже «току», гдѣ молотили просо, копается Панфирычъ съ желѣзной скрябкою въ рукахъ. Онъ что-то копалъ и сыпалъ въ мѣшокъ. Я остановился.

— Здравствуй Панфирычъ! Надъ чѣмъ это трудишься?

— Здравствуй, Петровичъ! Да такъ себѣ, пустотой все займаюсь. Она, вѣдь, не даромъ пословица-то сложена, глупая голова и ногамъ покою не даетъ.

— Да ты разскажи, что дѣлаешь-то?

— Да дѣла-то тутъ чуть. Просо, вишь, бахчевникъ молотилъ тутъ, а токъ то сыроватъ былъ, его проса-то страсть сколько въ землю вбили колесами да ногами-то. Живо жалко. А у меня куренки есть дома, вотъ я его просцо-то это соскребаю съ землицей да въ мѣшокъ, да домой ношу, онѣ курочки-то и сыты, да еще, пожалуй, съ просца-то и поправляются. А изъ земли-то онѣ его какъ чисто выбираютъ. И свое какое зернышко цѣло останется, а этому-то просу все равно пропадать, такъ воробьи расклюютъ.

Самая проѣзжая, бойкая дорога съ того участка, на которомъ я жилъ, проходила черезъ Шишовку. На моемъ участкѣ была большая

раздача сѣнокосовъ. Съ начала февраля до самой полой воды съ этого участка безпрерывно двигались цѣлые обозы съ сѣномъ; тутъ Панфирычу была тоже «поправка». Особенно доволенъ онъ бывалъ, если зима снѣжная, дорога съ раскатами и ухабами; по такой дорогѣ воза съ сѣномъ безпрестанно раскатывались, ныряли въ ухабы, кувыркались и падали, такъ что безпрестанно приходилось ихъ поправлять, перевязывать и переваливать, отъ этого конечно по дорогѣ терялось много сѣна, и вотъ Панфирычъ отправлялся по этой дорогѣ съ граблями, если сѣна было натеряно много, сгребалъ его и приносилъ домой порядочныя вязанки сѣна «овченкамъ»; если же сѣна было натеряно мало, то Панфирычъ выгонялъ своихъ овецъ и «стерегъ» ихъ по этой дорогѣ цѣлый день, только пообѣдать приходилъ смѣнить его «внученокъ»; и, пообѣдавши, Панфирычъ немедленно возвращался къ своей паствѣ.

Пасха въ этомъ году была ранняя. Сѣять до Святой никакъ не начинали и, повидимому, самый сѣвъ долженъ былъ открыться на Ѳоминой недѣлѣ.

На третій или на четвертый день праздника ко мнѣ въ «контору» начали приходить шишовскіе мужики: тотъ земельки подъ яровое, другой кормочку какого нѣтъ ли, а то лошадей кормить дошло нечѣмъ, третій насчетъ пахоты потолковать.

Въ концѣ Святой пришелъ и Панфирычъ. Войдя въ помѣщеніе «конторы», онъ помолился на образъ.

— Здравствуй, Петровичъ! Живой себѣ?

— Какъ видишь!

— Ну дай Богъ! А я къ тебѣ насчетъ земельки!

— Что жь, садись—гость будешь!

— И постоимъ, батюшка, ноги-то не отвалятся!

— Садись! Старики сказываютъ, въ ногахъ правды нѣту.

— Это, батюшка, точно. Особливо, ежели годовъ семьдесятъ поживешь,—и вовсе.

— А тебѣ, Панфирычъ, много годовъ!

— Да какъ бы не соврать? Обаполъ семи десятковъ будетъ, а можетъ и всѣ семьдесятъ.

На видъ Панфирычу никакъ нельзя было дать болѣе пятидесяти лѣтъ. Гладкіе, темные волосы безъ признака сѣдины, небольшая козлиная борода «гвоздемъ»—тоже безъ сѣдого волоса, прямой станъ, звучный голосъ, веселые сѣрые глаза, а между тѣмъ человѣку семьдесятъ лѣтъ, да я еще слышалъ какъ-то разговоръ о трехстахъ розогъ или палокъ, полученныхъ за что-то Панфирычемъ во время крѣпостного права.

— Ну какъ живешь, Панфирычъ?

— Живемъ. Да, вѣдь, извѣстное оно наше житье-то. Мотаемся. Все нужды, да нехватки.

— Стало быть, ты своей жизнью недоволенъ, Панфирычъ?

— Ну, батюшка, на Бога пенять грѣхъ. Живемъ. Хуже насъ, грѣшныхъ, есть еще, живутъ; тѣсно только очень жить-то стало.

— А я, Панфирычъ, все вашей жизни завидую. Самъ ты себѣ хозяинъ, ни отъ кого ты не зависишь, дѣло твое чистое,—попахивай землицу, теленочекъ тамъ у тебя, ягненочекъ.

— Это ты, батюшка, правильно. Только вотъ землицы-то этой, что вотъ ты говоришь попахивай-то, нѣту ее у насъ, я вотъ къ тебѣ за ней пришелъ. Ну и телочекъ, ягночѐкъ растетъ, это точно, на нихъ радуешься, только-что вотъ водить ихъ негдѣ, не на чѣмъ, да вотъ какъ становой его ягночка-то съ двора сгоняетъ за подати—такъ жалко его.

— Такъ, вѣдь, что жь ты, Панфирычъ, сдѣлаешь? Нынче, вѣдь, время такое. Года, видишь самъ, подошли какіе. И господа поразорились, и купцы, и вы, мужики. Ну, вотъ ты мужикъ не глупый, кто, вотъ, по твоему правильнѣе, по Божьи живетъ? Баринъ ли, купецъ ли, мужикъ ли?

— Да, вѣдь, какъ сказать? Вездѣ хорошіе люди есть, вездѣ и плохіе. И господа хорошіе есть, и купцы, и изъ нашего брата съ совѣстью есть, и плохіе люди вездѣ есть. Только я такъ думаю: лучше и правильнѣй барской жисти нѣту; а хуже и грѣшнѣй нѣтъ нашей мужицкой жисти.

— Какъ же это такъ, Панфирычъ? Я что-то въ толкъ не возьму!

— Да такъ я своимъ глупымъ умомъ смекаю, батюшка. Ну, вотъ, хоша бы твоего хозяина взять. Графъ, что ли, какой, ты говоришь, онъ?

— Графъ,

— Ну, вотъ, его хоша бы взять. Я такъ полагаю, онъ два царствія себѣ получилъ. И тутъ на землѣ онъ живетъ тихо, спокойно, все-то у него есть, во всемъ у него достатокъ, что ему пожелалось, то и есть. Ну, за что онъ, скажи на милость, обругаетъ кого, или обидитъ, или позавидуетъ кому, или жисть свою клясть будетъ? Ему и согрѣшить-то негдѣ. Окромѣ этого—что онъ народу кормитъ; вотъ ты у него живешь кормишься, другой такъ-то, мало ли у него хуторовъ.

— Ну, а возьми ты нашего брата—мужика. Вскочилъ онъ утромъ, лба ему перекстить некогда—надо на работу скорѣй. Пошелъ лошаденку запрягать—она чуть тащится, онъ ее: идолъ, окаянная, такая-сякая, дугой ее, сталъ запрягать, сбруя-то извѣстно какая, гужъ оборвался — опять онъ ругается, грѣшитъ, окаяннаго тѣшитъ. Сошенка плохая, путемъ не пашетъ,—опять ругатство, грѣхъ. За что ни возьмись, все плохо, все рвется, чего ни хватись—нѣту, и себя-то онъ клянетъ, и жисть свою. Вотъ онъ мужикъ-то и тутъ страдаетъ, мается, и на томъ свѣтѣ за эту ругань добра ему не будетъ. Да и недостатки: смотритъ, смотритъ иной, да и украдетъ, а за это, тоже вѣдь, ни здѣсь, ни тамъ насъ не хвалятъ.

— Это, что же по твоему, Панфирычъ, выходитъ-то? Бѣдный, сталъ быть самъ за себя грѣшитъ, а богатый за себя нашего брата грѣшить нанимаетъ. Такъ ему за это грѣхъ будетъ—не нанимай!

— Ужъ вотъ этого тебѣ доподлинно не скажу; будетъ ли ему грѣхъ—нѣтъ ли. А такъ думаю: вѣдь онъ тебя осиломъ-то не тянулъ, а поди еще ты у него мѣста просилъ. А нанялся—продался. Коли не хорошо—не служи. Да, вѣдь и твое дѣло такое же. Ты самъ меня обмѣрять не будешь, объѣздного пошлешь, телку мою онъ же загонитъ, ежели я цѣликомъ гдѣ проѣду, онъ же мнѣ, свой братъ мужикъ, кнутомъ лытки настегаетъ и опять его мужиковъ грѣхъ. Да и время все мѣняется. Тонко надо теперь нашему брату жить. Такъ тонко, такъ тонко,—шагу лишняго не переступи. Прежде и промежду себя какъ-то лучше жили... А теперь, какъ пошли эти деньги—промежду себя-то хуже мы жить стали.

— Какъ деньги, Панфирычъ? Да развѣ прежде-то ихъ не было, денегъ-то?

— Быть-то онѣ были и тогда, и прежде, да не то, батюшка, дѣло было. Такъ я тебѣ скажу, на что мнѣ прежде деньги были нужны? Соли нѣшто купить да мелочь тамъ какую, гвоздей или чего? Вотъ ты возьми: гасу этого я не покупалъ—горѣла у меня лучина, а нѣтъ лучины, знаешь вонъ въ степи у тебя Акулинка, трава растетъ, ей свѣтились, гасу-то этого не покупали, спичекъ этихъ тоже не покупали, огниво да кремень, да трутъ, бывало, отвѣчаютъ. Ситцевъ этихъ не носили, свое одѣяніе все было холстинное. Сапогъ этихъ тоже не покупали, въ лапоткахъ ходили, въ самодѣльныхъ. Картузовъ этихъ не носили, ходили и зиму, и лѣто въ шапкѣ. Да все, что ты ни возьми, все свое было, не купленое. Свадьбу, скажемъ, сыграть, теперь надо, ужъ это худо-бѣдно, пять ведеръ вина взять, или праздникъ престольный, опять вина надо, а прежде-то, бывало, браги свои варивали, пива эти, наливки и все это свое некупленое. А теперь, за что ты не хватись, все купить надо, на все деньги нужны, а гдѣ ихъ, деньги-то, взять? Надо хлѣбъ свой везти да продавать, скотинку какую бы и не продать—продавать надо, гдѣ бы хомутъ какой на шею не надѣвать—надѣнешь.

— Это ты про какой хомутъ, Панфирычъ?

— Да вотъ, батюшка, зимнія-то наемки эти. За полцѣны наймется, трюшницу какую возьметъ, слѣдомъ ее и исхарчитъ, да свою работу упуститъ не во время сдѣлаетъ, она и влѣзетъ эта трюшница-то далеко. Нѣтъ, какъ можно, батюшка, сытнѣй, хлѣбнѣй прежде жили. Оно можетъ и посѣрѣй, да посытнѣй. А теперь, что ты ни хвати, все купи, все купи. И чуть ты гдѣ себя на волосокъ повольнѣй пустилъ—глядь—нехватки. А не хватило—купи. Купить-то бы ничего, да купило—притупило. Купилъ бы вола, да спина гола. Ихъ вотъ однѣхъ податей, да штраховки, да волостныхъ этихъ конца нѣту. Сколько на нихъ хлѣба-то со двора согнать надо? А почемъ онъ хлѣбъ-то?!

— Отчего же это, Панфирычъ?

— Такъ я, Петровичъ, смекаю все отъ земли.

— Какъ отъ земли?

— Оттого, стало быть, что у насъ, у мужиковъ, земли мало, оттого и хлѣбъ дешевъ.

— Это я что-то не пойму, Панфирычъ. Вѣдь, если у васъ земли больше будетъ, такъ и хлѣба еще больше будетъ и еще онъ дешевле станетъ.

— Н-не скажи. Ты вотъ погляди осенью, кто прежде хлѣбъ на базаръ везетъ—справный мужикъ или тощій? Самая, что ни на есть, голь перекатная спервоначалу попередъ всѣхъ везетъ. Потому—не за что ей кромѣ взяться—ни козы, ни овцы. А у средственнаго жителя, глядь, жеребчикъ стоитъ, кормится, свиньи двѣ-три сидятъ—кормятся, овченки тамъ,—ему есть чего и окромя хлѣба продать. Вотъ онъ, справный-то, овесъ свой и не везетъ на базаръ—жеребчика кормитъ, ржицу за лишнюю онъ тожь на базаръ не везетъ, а свиней ей выкормитъ, да продастъ. Вотъ кабы намъ повольготнѣй жилось-то, кабы землицы-то было побольше, побольше и скотинки бы было и какой залишній хлѣбецъ, онъ бы на базаръ-то задаромъ не попадалъ, а своей бы скотинкѣ шелъ. Вотъ замѣсто тысячи возовъ въ базаръ-то его бы можетъ только сто и вывозили бы. Глядишь и цѣна-то другая была бы. А теперь: нужны деньги—вези хлѣбишка послѣдній. Окромѣ ничего, вѣдь, нѣту. Ахъ и легокъ нонѣ народъ сталъ, такъ легокъ, такъ легокъ, потроху-то въ немъ то-есть ничего нѣту, такъ—обличье одно. Чего жъ, почитай въ каждомъ дворѣ по одной лошаденкѣ осталось. Иной только мужикомъ числится, а онъ баринъ. Право-слово баринъ. Избенка заколочена, а то и вовсе продана, самъ гдѣ-нибудь, хоть вотъ у тебя, за жалованье служитъ,—какъ есть баринъ. А ты вотъ говоришь: завидую вашей жисти. Не завидуй, соколъ. Чуть завистного-то!..

Л. Хлоповъ.

СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Ея исторія, современное положеніе и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ германскихъ ученыхъ.

III *).

Въ послѣдніе годы славнаго царствованія Фридриха II Пруссію посѣтилъ одинъ геніальный французъ, глубоко интересовавшійся внутреннимъ строемъ государства, которое почиталось среди европейскихъ политическихъ людей совершеннѣйшимъ созданіемъ правительственной мудрости. Безпримѣрные внѣшніе успѣхи фридриховой монархіи не ослѣпили, однако, глазъ этого проницательнаго наблюдателя, и въ «Письмѣ, врученномъ Фридриху-Вильгельму II въ день его восшествія на престолъ», онъ далъ новому королю цѣлый рядъ внушительныхъ совѣтовъ и предостереженій. Онъ указывалъ ему, что прусскому правительству въ самой высокой мѣрѣ грозитъ опасность, которой подвержены всѣ сильныя правительства,—опасность погибнуть отъ избытка собственной силы, изсушивъ чрезмѣрной опекой конечный источникъ всякой общественной силы, живую дѣятельность индивидуума. Онъ совѣтовалъ молодому монарху не относить на счетъ политическаго режима тѣхъ успѣховъ, которыми Пруссія обязана была только личной геніальности его великаго предшественника, и во избѣжаніе крушенія не натягивать слишкомъ туго пружинъ могучаго государственнаго механизма. Поменьше общественныхъ неравенствъ и побольше свободы личности—такова должна была быть, по мнѣнію автора «Письма», программа новаго правительства.

Но прусскіе совѣтники Фридриха-Вильгельма II отнюдь не расположены были соглашаться съ такими радикальными взглядами заѣзжаго иностранца. По ихъ искреннѣйшему убѣжденію, для прусскаго монарха было бы верхомъ безумія въ чемъ-нибудь отступить отъ завѣтовъ пред-

---

*) Два первыхъ очерка этой работы г. Сперанскаго помѣщены въ октябрѣ и ноябрѣ 1897 г. нашего журнала. Но, какъ эти первые, такъ и печатаемые въ 1898 г. имѣютъ, при общей связи, вполнѣ самостоятельное значеніе. Замѣтимъ только, что въ первыхъ двухъ изложена исторія классической системы въ XVI, XVII и XVIII в.в. *Ред.*

ковъ и уклониться съ того пути, который довелъ скромныхъ «маркграфовъ бранденбургскихъ» до положенія «вершителей судебъ Европы». Правда, и они находили, что внутренняя политика предшествовавшаго царствованія была несвободна отъ недостатковъ: но недостатки эти они видѣли не въ чрезмѣрной правительственной опекѣ надъ обществомъ, а какъ разъ напротивъ, въ излишнемъ свободомысліи, которое допускалъ среди своихъ подданныхъ вѣнценосный другъ Вольтера. Этому свободомыслію, проявлявшемуся особенно въ области религіозныхъ вопросовъ, они считали необходимымъ положить, наконецъ, предѣлъ: чтобы стать образцомъ «отечески управляемой» страны, Пруссіи надобно было побороть растлѣвающее вліяніе «галльскаго яда».

Фридрихъ-Вильгельмъ II безъ колебаній сталъ на сторону національно-консервативной партіи. Душою его правительства сдѣлался своего рода протестантскій донъ-Базиліо—елейный пройдоха, полу-богословъ, полу-юристъ, Вёльнеръ, со вступленіемъ котораго во власть начинается жестокая реакція противъ эпохи просвѣщенія, главной своей тяжестью обрушившаяся на школьное вѣдомство. «Время, послѣдовавшее за смертью Фридриха II,—говоритъ Паульсенъ,—принадлежитъ къ печальнѣйшимъ воспоминаніямъ въ жизни прусскаго государства. Правительство просвѣщенія смѣняется правительствомъ пронырливыхъ ханжей, которые такъ ненавистны были великому королю. Исторія министерства Вёльнера съ его попытками силой измѣнить ходъ общественной мысли, добиться путемъ репрессіи всеобщаго подчиненія знаменитому «религіозному эдикту» и отстранить всѣхъ «неологовъ» отъ какихъ бы то ни было общественныхъ должностей, заслуживала бы стать предметомъ обстоятельнаго труда, въ назиданіе и въ предостереженіе всѣмъ грядущимъ политическимъ дѣятелямъ, которые подпадутъ соблазну утверждать религіозность съ помощью правительственныхъ указовъ».

Господство крайней реакціи продолжалось, правда, не слишкомъ долго. За какія-нибудь десять лѣтъ Вёльнеръ и его клевреты съумѣли окончательно дискредитировать то дѣло, которому взялись служить, и не успѣлъ Фридрихъ-Вильгельмъ II смежить очи, какъ его клерикальное министерство рухнуло подъ напоромъ всеобщей ненависти и презрѣнія. «До васъ,—публично заявилъ Вёльнеру самъ новый король,—въ Пруссіи не бывало религіозныхъ эдиктовъ, но было гораздо больше религіозности и гораздо меньше лицемѣрія». Однако, искренне гнушаясь шайкой пройдохъ, хозяйничавшихъ при дворѣ въ предшествовавшее царствованіе, Фридрихъ-Вильгельмъ III далеко не былъ въ состояніи оцѣнить всю важность тѣхъ совѣтовъ, которые преподалъ его отцу въ своемъ «Письмѣ» Мирабо. Онъ отъ души желалъ всякаго блага своей родинѣ, но боязливо относился къ новымъ, смѣлымъ идеямъ и къ людямъ съ независимымъ, самобытнымъ характеромъ. Онъ чувствовалъ себя спокойнѣе только на проторенныхъ дорогахъ, среди лицъ, не возвышавшихся надъ уровнемъ честной посредственности.

Надобны были аргументы иного вѣса, чтобы сломить упорный консерватизмъ прусской бюрократіи. Надобно было, чтобы судьба, давшая въ эпоху революціи столько краснорѣчивыхъ уроковъ царямъ и народамъ, сама взяла на себя трудъ разъяснить тогдашнимъ руководителямъ прусской политики, что проторенныя дороги не всегда бываютъ самыми безопасными, и что столь пріятная сердцу правителей привычка подданныхъ во всемъ полагаться на властей предержащихъ можетъ при случаѣ являться серьезной угрозой для самаго существованія государства.

14 октября 1806 года на поляхъ Іены и Ауэрштедта войска обновившейся въ революціи Франціи столкнулись съ «непобѣдимой» арміей, завѣщанной отечеству Фридрихомъ Великимъ. Извѣстно, съ какимъ страхомъ самъ Наполеонъ готовился къ этому столкновенію: ореолъ, которымъ окружила Пруссію Семилѣтняя война, глубоко дѣйствовалъ даже на этого знатока европейскихъ отношеній. Но грозный кумиръ оказался на глиняныхъ ногахъ. Стоило ему получить одинъ рѣзкій толчокъ—и онъ рухнулъ, разбившись вдребезги. Трудно найти въ исторіи какого бы то ни было европейскаго государства такую постыдную страницу, какую представляютъ въ исторіи Пруссіи событія, непосредственно послѣдовавшія за битвой при Іенѣ. Довольно было одной крупной военной неудачи, и вымуштрованные фельдфебельской палкой солдаты не хотятъ больше сражаться, предпочитая дезертировать массами. Военныя и гражданскія власти, такъ долго признававшія право на разсужденіе своей монополіей, сразу теряютъ голову: лучшіе изъ ихъ представителей погружаются въ тупое отчаяніе, худшіе бросаются заискивать передъ побѣдителемъ. Само населеніе, давно отвыкшее сколько-нибудь активно относиться къ общественнымъ дѣламъ, смотритъ на все совершающееся съ тупымъ равнодушіемъ, и развязкой положенія является позорный Тильзитскій міръ, по которому Пруссія сразу ниспадаетъ со степени великой державы на уровень второстепеннаго нѣмецкаго королевства. Чтобы дать несчастной странѣ выпить чашу униженія до дна, побѣдитель громогласно при этомъ заявляетъ, что даже въ такомъ жалкомъ видѣ Пруссія обязана сохраненіемъ существованія не себѣ самой, а лишь желанію Франціи сдѣлать удовольствіе новому своему союзнику, русскому императору.

Урокъ былъ жестокъ; но надо отдать справедливость и Пруссіи—она его поняла и съумѣла имъ воспользоваться. Во время скитальчества по окраинамъ своего государства въ ожиданіи, пока два императора вырѣшатъ его участь, король прусскій успѣлъ освободиться отъ прежняго своего страха и недовѣрія къ людямъ самостоятельной мысли и дѣйствія. «Государство должно вознаградить себя поднятіемъ своихъ духовныхъ силъ за понесенный имъ тяжкій матеріальный ущербъ»—таковъ былъ новый лозунгъ, съ которымъ бывшій поклонникъ административной умѣренности и аккуратности вернулся въ свою столицу.

Подобное пожеланіе легче было, конечно, высказать, нежели исполнить, особенно въ такой странѣ, какъ Пруссія, гдѣ за долгій рядъ

поколѣній всѣ лучшія силы общества неизмѣнно забирались на службу, все тѣмъ же узко-государственнымъ нуждамъ и интересамъ. Но, къ счастью для Пруссіи, она не одна страдала отъ чужеземнаго ига. Въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, успѣвшихъ въ XVIII-мъ вѣкѣ дать широкое развитіе индивидуальной культурѣ, всѣ лучшіе люди тоже сгорали отъ стыда при видѣ глубокаго политическаго униженія нѣкогда могучей Германіи, и готовы были положить душу свою за ея внѣшнюю и внутреннюю свободу. Само по себѣ прусское государство не было и не могло быть для нихъ особенно симпатичнымъ. Но безъ участія Пруссіи для Германіи немыслимо было объединиться, и, ради общаго дѣла, всѣ нѣмецкіе патріоты радостно откликнулись на призывъ Фридриха-Вильгельма III помочь ему во внутреннемъ обновленіи его государства. Душою новаго прусскаго правительства сталъ геніальный уроженецъ маленькаго Нассау, фонъ-Штейнъ, а кругомъ него собралась цѣлая плеяда крупныхъ талантовъ со всѣхъ концовъ Германіи.

Первой задачей Штейна и его сотрудниковъ было поставить діагнозъ того недуга, отъ котораго погибла старая прусская монархія. Источникъ его они нашли въ томъ же, на что, двадцатью годами раньше, указывалъ Мирабо—въ недостаткѣ самодѣятельности общества, являвшемся слѣдствіемъ стараго государственнаго строя. По теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, государство воплощалось не въ народѣ, а въ правящей династіи и въ приглашенныхъ ею на свою службу чиновникахъ. Подданнымъ же полагалось только повиноваться, платить налоги, да поставлять живой матеріалъ для войска. Неизбѣжнымъ результатомъ такого порядка вещей, говорили реформаторы Пруссіи, является духъ чистой пассивности; подданный не хочетъ дѣлать ничего, къ чему его не принуждаютъ; духъ общественности вымираетъ; духъ косности и эгоизма пышно развивается. Ослабни движущая сила центральнаго правительства—и весь ходъ государственной жизни останавливается, какъ въ мертвомъ механизмѣ; толчокъ извнѣ—и государство разсыпается на куски. Итакъ, если желать возрожденія растоптанной чужеземцами страны, то произвести его можно лишь путемъ внутренняго развитія скрытыхъ въ народѣ въ дремотномъ состояніи силъ. Новое государство должно быть построено на самодѣятельности всѣхъ своихъ членовъ. Тогда въ немъ окажется и присущая всѣмъ живымъ организмамъ сила сопротивленія и способность возстановляться. Для этого же необходимо, во-первыхъ, дать индивидууму полную свободу движенія въ его жизненномъ кругѣ: необходимо разбить всѣ цѣпи, которыми государство ранѣе сковывало свободу личности и свободу собственности, какъ крѣпостное право и цеховой строй промышленности. А затѣмъ, бывшій подданный, превратившійся теперь въ гражданина, долженъ получить доступъ къ участію въ общественной жизни; учрежденія мѣстнаго самоуправленія и народное представительство въ общегосударственныхъ дѣлахъ являются лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы воспитать въ

членахъ государства дѣйствительный общественный смыслъ, чтобы развить въ нихъ привычку сознательно и активно относиться къ вопросамъ общаго блага. Наконецъ, дѣло внѣшней обороны страны тоже должно было стать въ новомъ государствѣ на новыя основанія: самая тяжкая изъ государственныхъ повинностей, воинская повинность, была рѣшительно объявлена первою обязанностью каждаго гражданина безъ различія сословій и общественныхъ положеній. Такимъ путемъ армія превращалась изъ толпы «военныхъ рабовъ» въ вооруженную націю и лагерь становился школой гражданскаго самоотреченія и самопожертвованія.

Однако, сами творцы новаго государственнаго строя въ Пруссіи отчетливо сознавали, что онъ можетъ оправдать въ полной мѣрѣ возлагавшіяся на него надежды только въ томъ случаѣ, если будетъ покоиться на соотвѣтственной системѣ воспитанія подрастающихъ поколѣній. И здѣсь требованія политическихъ реформаторовъ Пруссіи совпали съ тѣмъ, чего раньше ихъ сталъ уже пылко требовать отъ всѣхъ европейскихъ націй Песталоцци, этотъ апостолъ новѣйшей педагогики, высокое сердце котораго съумѣло превратить краснорѣчивыя отвлеченности Руссо въ дѣло спасительной любви. Его страстная борьба противъ старой школьной системы съ царившимъ тамъ духомъ пассивности, его идеи о необходимости воспитывать народъ къ самодѣятельности и самопомощи путемъ согласнаго природѣ развитія вложенныхъ природою въ человѣка силъ, нашли себѣ теперь среди нѣмецкаго общества вдохновеннаго толкователя въ лицѣ Фихте, и послѣ «Рѣчей къ нѣмецкой націи» педагогическіе принципы Песталоцци стали неразрывной частью общей программы обновленія Пруссіи.

Но самъ Песталоцци облекъ свой воспитательный идеалъ въ конкретныя формы только примѣнительно къ одной области начальной школы. Тутъ у него можно было учиться непосредственно, и въ ближайшіе годы послѣ Іенскаго погрома Ивердонскій институтъ, дѣйствительно, сталъ мѣстомъ пилигримства для лицъ, стремившихся посвятить себя дѣлу образованія народныхъ массъ въ Германіи. Что же касается вопроса о школьномъ воспитаніи тѣхъ классовъ общества, которымъ открыта была дорога къ высшимъ кругамъ дѣятельности, то здѣсь реформаторамъ Пруссіи самимъ приходилось вырабатывать соотвѣтствующую новому идеалу дѣйствительность и въ руководство себѣ они взяли изложенныя мною выше *) основныя воззрѣнія ново-гуманистической педагогики. «Воспитывать *людей*—вотъ задача школы: не профессіональныя машинки должна она давать обществу и не конфессіональныхъ маріонетокъ, но полныхъ, цѣльныхъ, свободныхъ людей, у которыхъ всѣ тѣлесные и душевные задатки, путемъ свободнаго упражненія, развились въ живыя познавательныя и дѣятельныя силы. Такая свобода

*) См. второй очеркъ, ноябрь 1897 г.

развитія обезпечиваетъ и его индивидуальную самобытность: важнѣйшая вещь, ибо разнообразіе въ формахъ развитія личности составляетъ истинное богатство человѣчества; однообразіе—синонимъ бѣдности. А научить тому, что такое истинно развитой человѣкъ, можетъ только греческій міръ. Въ римскомъ—слишкомъ большую роль играло государственное властолюбіе, и слишкомъ мало было простора для личности; христіанскій—гналъ природу; новый—слишкомъ поглощенъ заботами о техникѣ и о внѣшней пользѣ. Только греческій народъ являлъ образцы полно, изящно и свободно развитыхъ личностей. И онъ самъ сознавалъ это исключительное свое значеніе, противополагая эллинство всему остальному міру, какъ варварскому». Въ такихъ идеяхъ живутъ Шлейермахеръ, Вольфъ, Гумбольдтъ и съ ними крупная часть образованнаго нѣмецкаго общества, напряженно работавшаго въ эту пору надъ школьнымъ вопросомъ.

Правда, и тогда находились люди, которымъ казалось, что путь, ведущій къ высокому идеалу развитія личности черезъ познаніе греческой древности нельзя не считать очень окольнымъ. Не говоря о другихъ, я назову лишь самого Песталоцци. Онъ горячо убѣждалъ своихъ нѣмецкихъ послѣдователей не впадать въ ошибку, «не искать жизни у мертвецовъ» и брать исходной точкой при организаціи воспитанія прямо здоровую человѣческую природу, какъ это дѣлали въ свое время тѣ же греки Но эти трезвыя, скептическія замѣчанія не могли охладить пылкости ново-гуманистическаго энтузіазма, которому въ занимающіе насъ годы нѣтъ предѣловъ. Какъ мы уже замѣтили, культъ древней Греціи носилъ въ Германіи съ самаго своего зарожденія очень опредѣленную національную и соціальную окраску. Восторженныя похвалы Греціи были, съ одной стороны, средствомъ борьбы за освобожденіе нѣмецкой культуры отъ французскаго вліянія, а съ другой—онѣ дышали горячей ненавистью къ господству того класса, который являлся главнымъ проводникомъ этого вліянія въ нѣмецкомъ обществѣ, т. е. придворной знати. Идеалъ Руссо, въ его ново-гуманистической оболочкѣ, искони защищался вождями третьяго сословія, которые съ гордостью противопоставляли выработанный ими новый типъ человѣческо-греческаго образованія старому, аристократическо-французскому, находя, что онъ и выше, и благороднѣе. Теперь, послѣ битвы при Іенѣ, когда въ растоптанной Наполеономъ Пруссіи шла патріотическая работа надъ реформой соціальнаго строя, оба чувства, лежавшія въ подкладкѣ «грекоманіи», достигли высшей напряженности, и нѣтъ ничего мудренаго, что въ пылу національной и сословной борьбы наиболѣе горячія головы доходили до полной потери сознанія дѣйствительности. Въ качествѣ характернаго образчика такого смѣшенія культа Греціи съ нѣмецкимъ патріотизмомъ и враждой къ старому сословному строю мы можемъ взять педагогическіе трактаты одного изъ самыхъ видныхъ гуманистовъ этой эпохи—Пассова. Пассовъ глубоко увлеченъ

*

идеями Яна и Фихте о томъ, что, унижаемый гордыми сосѣдями, нѣмецкій народъ все же остается первой націей въ мірѣ, и что за нимъ будущее. «Его духъ, — восклицалъ Пассовъ вслѣдъ за Фихте, — пробьетъ новыя шахты, прольетъ яркій свѣтъ въ ихъ глубину и броситъ міру громады мыслей, изъ которыхъ грядущія поколѣнія будутъ созидать себѣ жилища». Но зачѣмъ же тогда этой первой изъ націй идти въ науку къ грекамъ? Затѣмъ, что временно она сама себя потеряла, и чтобы вновь найти себя, нѣмецкій духъ необходимо долженъ искать помощи у греческаго. Одна Греція можетъ очистить его отъ латинской грязи, покрывшей его «въ ту седмижды проклятую потомками эпоху, когда нѣмцы добровольно возложили на себя иго, которое не удавалось наложить на другіе народы самой тираннической и хитрой политикѣ завоевателей, когда они бросили вмѣстѣ съ отеческими нравами и благородный, могучій, богатый родной языкъ, промѣнявъ его на совершенно чуждое и, притомъ, дрянное нарѣчіе. А очагомъ этого зараженія націи иностраннымъ ядомъ явились тѣ общественные классы, которые, въ отличіе отъ образованныхъ, до сихъ поръ именовали себя высшими; отсюда шла отрава, и языкъ этихъ классовъ даже и теперь заклейменъ и обезображенъ всѣмъ, что можетъ уродовать языкъ». Противоядіемъ и должно служить изученіе греческаго языка, какъ высшаго изъ существующихъ. Поэтому-то греческая грамматика можетъ являться самодовлѣющею цѣлью занятій, и цѣль эту нужно признать національною: къ ней должны одинаково стремиться и наслѣдникъ престола, и послѣдній изъ его подданныхъ. Полное знаніе греческаго языка, конечно, не можетъ являться всеобщимъ удѣломъ; но каждый долженъ хотя немного поучиться по гречески. Такими же смѣлыми идеями полны относящіяся къ этой эпохѣ статьи Якобсена и Яхмана, Аста и Крейцера, Тирша и Нитгаммера и цѣлаго ряда другихъ филологовъ.

Gewiss, niemals hat ein Kranker etwas je geträumt
So toll, wass nicht als Lehrsatz bringt ein Philosoph,

вырывается по этому поводу у самаго сдержаннаго Паульсена.

Задача реорганизовать все общественное воспитаніе согласно новымъ идеаламъ была возложена прусскимъ правительствомъ на Вильгельма фонъ-Гумбольдта, который былъ назначенъ въ 1809 г. директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Правой его рукой сталъ при этомъ бывшій кёнигсбергскій профессоръ Зюфернъ, продолжавшій вмѣстѣ начатое дѣло и послѣ того, какъ Гумбольдтъ вскорѣ переведенъ былъ на другой, дипломатическій постъ. Но при Гумбольдтѣ и Зюфернѣ министерство не отдѣлялось отъ общества никакимъ средостѣніемъ, и работы его не вѣдали покрова канцелярской тайны: руководители департамента народнаго просвѣщенія первые же заботились о томъ, чтобы каждый ихъ проектъ получалъ возможно широкую гласность, и не предпринимали ничего, не опросивъ всѣхъ лицъ, отъ которыхъ надѣялись получить полезныя теоретическія или практическія указанія. И довѣріе

ихъ къ обществу не было обмануто. Созданные, такою коллективною работою, новый университетъ и новая народная школа до сихъ поръ являются гордостью Пруссіи *). Если же реформа средней школы не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, то вина въ этомъ падаетъ главнѣйшимъ образомъ на слѣдующій, темный періодъ прусской исторіи, когда ничему не выучившаяся и ничего не забывшая бюрократія снова забрала подъ свою тяжелую руку всю общественную жизнь.

Самымъ больнымъ мѣстомъ старой гимназіи являлось, какъ намъ извѣстно, бѣдственное положеніе ея преподавателей. Благодаря нищенской оплатѣ тяжелаго педагогическаго труда и унизительной зависимости гимназическаго персонала отъ мѣстныхъ церковныхъ властей, съ одной стороны, и отъ самого городского населенія, съ другой, учитель по профессіи, спеціально подготовившійся къ преподаванію опредѣленнаго круга предметовъ, былъ въ прежнее время почти невиданною рѣдкостью. Преподавателями всѣхъ предметовъ въ гимназіи являлись по общему правилу молодые кандидаты богословія, остававшіеся при школьной дѣятельности только до тѣхъ поръ, пока имъ не удавалось получить пасторскаго или иного сравнительно доходнаго и спокойнаго мѣста. Пожизненными же учителями оказывались одни неудачники. Съ борьбы противъ этого зла и началъ Гумбольдтъ свою реформу. Первыя проведенныя имъ законодательныя мѣры сразу смели съ лица земли такіе уродливые остатки стараго, средневѣкового школьнаго строя.

Гимназіи были рѣшительно изъяты изъ вѣдѣнія церкви и провозглашены государственными учрежденіями, подчиненными контролю, спеціально для того созданныхъ органовъ, центральной власти. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнены были и условія доступа въ составъ ученаго персонала средней школы. Званіе кандидата богословія перестало открывать передъ его обладателями двери гимназій. Съ 1810 г. Пруссія ввела у себя особый экзаменъ на учителя, гдѣ не было болѣе рѣчи о богословіи, а требовались основательныя познанія по филологическимъ, историческимъ и математическимъ наукамъ. Крупное сокращеніе числа школъ, открывавшихъ воспитанникамъ доступъ въ университетъ или, выражаясь по новому, имѣвшихъ право выдавать аттестатъ зрѣлости, и возвращеніе въ гимназію дворянства—«кавалерскія академіи» въ эпоху штейновскихъ реформъ сами собой исчезли безслѣдно—позволили наконецъ улучшить матеріальный бытъ гимназическаго персонала, и благодаря этимъ мѣропріятіямъ, въ Пруссіи быстро развилось особое, чисто свѣтское сословіе профессіонально подготовленныхъ учителей почти въ томъ самомъ видѣ, какъ мы теперь его знаемъ.

*) О томъ, что дала эта эпоха нѣмецкому университету, читатель можетъ найти указанія въ интересной книгѣ Лависса «Очерки по исторіи Пруссіи», М. 1897; о значеніи этого времени въ развитіи народной школы смотри мою брошюру: «Свѣтлая страница изъ исторіи прусской народной школы», М. 1897.

Я не буду говорить здѣсь о широкомъ демократическомъ основаніи, на которое Гумбольдтъ и Зюфернъ хотѣли поставить подборъ учениковъ новой гимназіи, такъ какъ этой части ихъ проекта не суждено было стать закономъ, и перейду прямо къ составленному ими для гимназій учебному плану.

Въ основу его положены были, конечно, древніе языки и литература, въ которыхъ подавляющее большинство педагоговъ этой эпохи видѣло ничѣмъ не замѣнимое средство для развитія въ воспитанникахъ остроты мышленія и гуманистическаго духа. Однако, уже въ этой области жизнь принудила гуманистическую теорію къ очень важнымъ уступкамъ. Съ точки зрѣнія ново-гуманизма знакомство съ греческимъ языкомъ и греческой древностью имѣло несравненно бо́льшее воспитательное значеніе, нежели знакомство съ латинскимъ языкомъ и съ римскимъ бытомъ. Но латинскій языкъ недаромъ занималъ въ теченіе столѣтій первенствующее положеніе въ ученомъ мірѣ, и въ началѣ XIX вѣка основательное знакомство съ нимъ все еще являлось необходимымъ условіемъ для успѣшности занятій почти всѣми преподававшимися въ университетѣ науками. Притомъ же онъ попрежнему продолжалъ оставаться академическимъ языкомъ всего міра, и нѣмецкіе университеты, не роняя своего международнаго достоинства, не могли допустить въ свои стѣны питомцевъ, не овладѣвшихъ тайнами латинскаго стиля. Въ виду этого защищавшійся, многими послѣдовательными гуманистами, проектъ истинно-греческой школы, гдѣ преподаваніе начиналось бы съ греческаго языка и на немъ концентрировалось, былъ признанъ организаторами прусской гимназіи за прекрасную, но неосуществимую мечту.

«Если сдѣлать такую попытку,—писалъ по этому поводу одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ Гумбольдта, знаменитый Фр. Авг. Вольфъ,—то окажется, что скоро никто не будетъ въ состояніи писать на древнихъ языкахъ, ибо писать по гречески современному человѣку немыслимо. И по латыни-то писать крайне трудно: легко отзываются объ этомъ искусствѣ только тѣ, кто сами не пробовали въ ней своихъ силъ. Совсѣмъ хорошо пишутъ по латыни развѣ три человѣка въ Европѣ». Такимъ образомъ страстная ненависть молодыхъ филологовъ ко всему романскому должна была смолкнуть передъ требованіями жизни, и латинскій языкъ въ новой школѣ занялъ болѣе важное мѣсто, чѣмъ греческій.

Третьимъ главнымъ предметомъ поставленъ былъ въ учебномъ планѣ нѣмецкій языкъ—«третье изъ классическихъ коренныхъ европейскихъ нарѣчій». Иначе это и быть не могло, такъ какъ сами древніе языки въ конечномъ своемъ назначеніи должны были послужить ничему иному, какъ пышному развитію національной нѣмецкой культуры.

Чистые филологи готовы были почти что этимъ и ограничиться и во всякомъ, случаѣ считали необходимымъ сосредоточить гимназическое

преподаваніе на языкахъ. Но при предварительномъ обсужденіи учебнаго плана противъ нихъ возстала другая школа педагоговъ съ Гербартомъ во главѣ. Признавая важность филологическо-литературнаго образованія, Гербартъ съ своими послѣдователями находилъ его крайне одностороннимъ и требовалъ, чтобы новая школа, въ дополненіе и въ противовѣсъ къ языкамъ, приняла въ себя и науки, т. е. физико-математическія и естественно-историческія дисциплины. Доводы эти были оцѣнены по достоинству всесторонне развитымъ Гумбольдтомъ, и новую прусскую гимназію рѣшено было съ самаго начала поставить на двойное, литературно-научное, или, если говорить языкомъ времени, гуманистическо-реалистическое основаніе. Такимъ образомъ наряду съ языками въ ней было отведено почетное мѣсто математикѣ, курсъ которой долженъ былъ охватывать значительную долю того, что теперь относится въ область университетскихъ занятій. Въ качествѣ же второстепенныхъ предметовъ гимназія приняла на себя естествознаніе, исторію, географію, а также искусства рисованія и пѣнія. Интересно отношеніе новаго учебнаго плана къ преподаванію религіи. Предметъ этотъ былъ удержанъ въ программѣ занятій, но изъ программы экзамена зрѣлости онъ былъ исключенъ «по полной своей несоизмѣримости съ тѣми предметами, на которыхъ основано сужденіе о научной зрѣлости или незрѣлости абитуріентовъ». Характерно для времени и то обстоятельство, что французскій языкъ былъ оставленъ въ гимназіи только въ качествѣ необязательнаго предмета.

Итакъ, молодой человѣкъ, способный не только свободно читать, но и говорить и писать по латыни—настолько у себя дома въ греческомъ, чтобы разбирать безъ посторонней помощи даже такія трудныя вещи, какъ хоры трагедій, съ изящной нѣмецкой рѣчью и основательнымъ знаніемъ родной литературы—съ солидными познаніями по математикѣ вплоть до аналитической геометріи, сферической тригонометріи, основъ механики и теоріи, не чуждый, наконецъ, знакомству какъ съ окружающею его природою, такъ и съ жизнью человѣческаго общества въ настоящемъ и прошломъ,—вотъ что такое, по взгляду составителей новаго учебнаго плана, «юноша зрѣлый для университетскихъ занятій». Его нельзя не признать зрѣлымъ, его смѣло можно вводить въ любую изъ спеціальныхъ отраслей науки, ибо результатомъ его работы надъ перечисленными предметами неизбѣжно должно было явиться «полное и всестороннее образованіе» всѣхъ силъ человѣческаго духа (allgemeine und allseitige Bildung), Этой и почти одной этой цѣлью опредѣленъ весь составъ гимназической программы. Новая гимназія съ презрѣніемъ смотритъ на своихъ предшественницъ—городскую «латинскую школу» и «кавалерскую академію», одинаково гнавшихся за внѣшними формами, одинаково забывавшихъ благородное правило: plus être que paraître. Она рѣшительно порвала, съ другой стороны, и со всѣми преданіями утилитарнаго энциклопедизма XVIII вѣка. Она не хочетъ набивать голову

воспитанниковъ обрывками безконечнаго количества «полезныхъ въ жизни» знаній. Пусть въ ней сравнительно съ «филантропинами» и другими подобнаго рода заведеніями очень немного предметовъ; но зато она гордится тѣмъ, что всѣ они требуютъ отъ воспитанника самодѣятельности и, въ общей своей сложности, не оставляютъ безъ культуры ни одной изъ главныхъ сторонъ ума и чувства.

При такомъ взглядѣ на дѣло, при глубокомъ убѣжденіи, что въ программѣ новой гимназіи нѣтъ ничего лишняго, что весь ея курсъ представляетъ собой «органическое единство», соотвѣтствующее самому «организму наукъ», и что ни одного изъ введенныхъ туда предметовъ нельзя опустить бесъ ущерба для общности и всесторонности развитія воспитанниковъ,—Зюфернъ счелъ даже нужнымъ нѣсколько ограничить дорогой ему принципъ свободы индивидуальности въ школѣ. На первыхъ же страницахъ изданнаго министерствомъ новаго учебнаго плана онъ вмѣнялъ въ прямую обязанность гимназическому начальству тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы воспитанники не увлекались занятіями какимъ-либо однимъ излюбленнымъ предметомъ, но работали болѣе или менѣе равномѣрно по всей программѣ, ибо иначе высшая цѣль гимназіи не можетъ быть достигнута. По мысли Зюферна, эта принудительная равномѣрность гимназическихъ занятій отнюдь не являлась посягательствомъ на индивидуальность учащихся, такъ какъ она служила самымъ надежнымъ залогомъ возможно пышнаго развитія особыхъ, личныхъ дарованій на высшихъ ступеняхъ академической карьеры.

Въ планъ этотъ вложено было много ума и высокаго одушевленія. Оставался одинъ вопросъ: насколько тотъ путь, по которому отдѣльныя личности въ благопріятныхъ условіяхъ завѣдомо успѣвали доходить до завидной степени духовнаго развитія, способенъ былъ превратиться въ общественную, торную педагогическую дорогу? Но отвѣтъ на этотъ вопросъ могла дать только жизнь. Къ сожалѣнію, жизненный экспериментъ Пруссіи съ системой классическаго образованія былъ произведенъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Слишкомъ мало времени новая школа оставалась подъ руководствомъ гуманистовъ по духу: слагаться въ окончательную форму ей пришлось въ крутыя времена.

Программа экзамена зрѣлости была утверждена правительствомъ въ 1812 году. Соотвѣтствовавшій ей учебный планъ классической гимназіи былъ представленъ на разсмотрѣніе министерства въ 1813 году и вступилъ въ дѣйствіе въ 1816 году. Даты эти, какъ всѣмъ извѣстно, знаменательны не въ одной школьной исторіи. Гибель «великой арміи» въ снѣгахъ Россіи, война за освобожденіе Германіи, взятіе Парижа, вѣнскій конгрессъ, сто дней, Ватерло и новое размежеваніе Европы по принципу легитимизма—вотъ событія, которыя съ головокружительной быстротой успѣли пронестись за это короткое время надъ ошеломленнымъ міромъ, въ корень измѣнивъ внѣшнее положеніе Пруссіи. Уни-

женная Пруссія Тильзитскаго мира, симпатія и надежда всей молодой Германіи, превращается ими въ самодовольную Пруссію Священнаго союза, не желающую больше слушать прежнихъ рѣчей о свободѣ и о правахъ гражданина. Послѣ столькихъ треволненій Фридрихъ-Вильгельмъ III жаждетъ покоя и съ радостью спѣшитъ отказаться отъ дальнѣйшихъ услугъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, рукамъ которыхъ онъ ввѣрилъ судьбу своей страны въ годину бѣдствій. Онъ, правда, не беретъ при этомъ назадъ уже исполненныхъ преобразованій въ общественномъ строѣ, но онъ рѣшительно отказывается доводить програму намѣченныхъ реформъ до конца; а когда обманутая въ лучшихъ своихъ мечтахъ передовая часть общества позволяетъ себѣ выразить свое негодованіе противъ водворившагося царства застоя, — прусское правительство показываетъ ей, что оно не даромъ слыветъ самымъ сильнымъ правительствомъ въ Европѣ.

Къ числу лицъ, присутствіе которыхъ на руководящихъ постахъ въ, Пруссіи стало представляться послѣ 1815 г. явнымъ анахронизмомъ находились и бывшіе сотрудники Вильгельма фонъ-Гумбольдта по реформѣ образованія. Такимъ образомъ, когда департаментъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ 1817 г. былъ преобразованъ въ самостоятельное министерство, то первымъ дѣломъ новаго министра фонъ-Альтенштейна, было взять завѣдываніе высшими и средними школами изъ рукъ Зюферна. Мѣсто его занялъ теперь тоже филологъ, но совершенно иного типа—Іоганнъ Шульце. Альтенштейнъ и Шульце, остававшіеся у власти въ теченіе доброй четверти вѣка, и являются истинными строителями прусской классической гимназіи. Гумбольдту и Зюферну здѣсь принадлежатъ почти только проекты. Въ виду такого опредѣляющаго значенія этихъ обѣихъ личностей, духъ которыхъ почіетъ на прусской гимназіи и понынѣ, намъ надо познакомиться съ ними поближе. Вотъ ихъ портреты, набросанные Паульсеномъ, гдѣ вмѣстѣ съ фигурами дѣятелей обрисовывается и цѣлая новая система школьнаго правленія.

«Фонъ-Альтенштейнъ былъ по происхожденію франконецъ. На службу прусскому государству онъ былъ привлеченъ своимъ землякомъ Гарденбергомъ, и сталъ играть извѣстную роль уже въ эпоху великаго политическаго кризиса, хотя роль эта, надо признаться, оказалась не изъ счастливыхъ. Во второй половинѣ царствованія Фридриха-Вильгельма III онъ получилъ въ свои руки выдѣленное изъ министерства внутреннихъ дѣлъ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Это былъ образованный, разсудительный, благонамѣренный человѣкъ, но безъ всякой рѣшительности и энергіи, составляющихъ первую добродѣтель государственнаго дѣятеля; въ особенности, у него совершенно не оказывалось силы на то, чтобы не допускать вещей, которыхъ онъ не одобрялъ. Многое изъ того, что претерпѣли въ его министерство университеты, школы и принадлежавшія къ нимъ лица, совершилось

вопреки его волѣ; для человѣка на руководящемъ посту это плохая похвала. Въ его оправданіе говорятъ: дѣйствуй онъ рѣшительнѣе, ему самому пришлось бы выйти въ отставку, и его мѣсто занято было бы болѣе зловреднымъ человѣкомъ. Очень можетъ быть, но врядъ ли этотъ зловредный человѣкъ могъ бы надѣлать больше зла, чѣмъ его дѣлалось съ попущенія Альтенштейна. И можетъ быть, напротивъ, на короля произвелъ бы впечатлѣніе отказъ одного изъ довѣреннѣйшихъ министровъ идти по пути крайней реакціи. Въ сущности Альтенштейнъ былъ порядочный квіэтистъ: онъ желалъ добра, но нисколько не намѣревался приносить изъ-за него въ жертву свою особу и мѣсто. Въ свое время онъ слушалъ Фихте и имъ увлекался; но страстной готовности Фихте отдать жизнь за идею въ немъ не было и слѣда. Ближе стоялъ онъ къ Гегелю, который въ его управленіе и былъ осыпанъ почестями, такъ что его даже прозвали прусскимъ государственнымъ философомъ. Вѣра въ государство, какъ воплощеніе всеобщаго разума, которая составляла одно изъ существенныхъ положеній гегелевской философіи и въ борьбѣ съ философскими и политическими противниками дошла у самого Гегеля почти до философской вѣры въ данное правительство, жила и въ Альтенштейнѣ. Она и помогала ему выходить изъ затруднительнаго положенія всякій разъ, какъ ему приходилось уступать въ отдѣльныхъ вопросахъ наперекоръ совѣсти могучимъ постороннимъ вліяніямъ. Эта вѣра въ raison d'Etat или въ мудрость системы, частью которой онъ самъ являлся, дѣлала также Альтенштейна глухимъ къ представленіямъ, шедшимъ снизу. Онъ раздѣлялъ презрѣніе Гегеля къ мелкому «субъективному резонерству» или, какъ выражался впослѣдствіи одинъ изъ его коллегъ, къ «ограниченному разуму подданныхъ». Эта самоувѣренность и порождала въ Альтенштейнѣ, наравнѣ съ Гегелемъ, ту нетерпимость ко всему индивидуальному, которая такъ рѣзко бросается въ глаза во всякой бюрократіи, въ томъ числѣ и въ школьномъ правительствѣ Альтенштейна и Шульце.

«Шульце во многихъ отношеніяхъ былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, нежели Альтенштейнъ. За студенческіе годы и первые годы преподавательской дѣятельности онъ успѣлъ сродниться со всѣми передовыми теченіями своего времени. Къ Меттерниховской системѣ онъ всегда относился съ ненавистью, и приверженцы ея въ Пруссіи платили ему тѣмъ же. При этомъ онъ отличался широкимъ образованіемъ, необычайной живостью и непреодолимой энергіей; и нѣтъ сомнѣнія, что, вопреки всяческимъ помѣхамъ со стороны политическаго міра ему удалось сдѣлать многое для развитія образованія въ Пруссіи. Ему удалось также если не обезвредить тяжкій гнетъ политической системы, то по крайней мѣрѣ защитить не одного свободомыслящаго человѣка отъ его послѣдствій.

«Родомъ Шульце былъ изъ Мекленбурга. Учился онъ сначала въ Шверинѣ, но, кончивъ тамошнюю гимназію, не пошелъ прямо въ университетъ, а поступилъ по собственному желанію еще на два съ поло-

виной года въ знаменитую прусскую гимназію Kloster Berge. Съ 1805 г. онъ сталъ слушателемъ университета въ Галле, гдѣ вмѣстѣ съ Бёкомъ и Беккеромъ работалъ въ семинаріи Фр. Авг. Вольфа и съ восторгомъ слѣдилъ за лекціями Шлейермахера. Получивъ въ 1807 году ученую степень въ Лейпцигѣ, онъ былъ назначенъ преподавателемъ гимназіи въ Веймарѣ. Здѣсь онъ четыре года работалъ вмѣстѣ съ Пассовымъ, который хлопоталъ и о самомъ его назначеніи въ Веймаръ; имъ поручено было преподавать греческій языкъ, и оба молодые энтузіаста вели занятія по нему съ страстнымъ рвеніемъ. Въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ сохранились разсказы о той «почти конвульсивной живости», которую Шульце проявлялъ, какъ учитель; свойство это онъ сохранилъ до глубокой старости; не измѣнила ему до старости и способность увлекаться людьми и вопросами; надо только замѣтить, что нерѣдко увлеченіе это исчезало такъ же быстро, какъ появлялось, коекогда переходя даже въ противоположное чувство. Но Шульце и въ Веймарѣ не ограничивался гимназической дѣятельностью: онъ стремился дѣйствовать на болѣе широкіе круги общества съ церковной каѳедры. Самъ онъ въ эту эпоху жизни горячо увлекался всѣмъ, что только волновало умы. Однимъ изъ наиболѣе близкихъ ему семействъ была семья Шиллера. Въ 1812 г. Дальбергъ пригласилъ его, предложивъ ему мѣсто директора въ Ганау, и назначилъ Oberschul- und Studienrat'омъ. Война не позволила, однако, Шульце проявить здѣсь замѣтной дѣятельности. Изъ нестерпимыхъ условій, водворившихся съ переходомъ Ганау подъ власть гессенскаго правительства, выручило Шульце приглашеніе въ Пруссію; въ 1816 г. онъ былъ назначенъ Schulrat'омъ въ Кобленцъ, въ 1818 г. Oberregierungsrat'омъ въ Берлинъ. Если во время житья на Рейнѣ онъ сблизился съ симпатичнымъ, оживленнымъ кружкомъ Гнейзенау, то въ Берлинѣ онъ совершенно былъ поглощенъ вліяніемъ Гегеля и гегелевской философіи. Тайный совѣтникъ снова садится на школьную скамью. Онъ почувствовалъ — какъ онъ самъ говоритъ въ автобіографическихъ замѣткахъ—необходимость «дать поставить себя на общія точки зрѣнія, отвѣчающія современному состоянію науки». Средствомъ для этого онъ избралъ «основательное знакомство съ философіей въ ея новѣйшей системѣ». «Ради такой цѣли,—говоритъ онъ,— я посѣщалъ съ 1819 по 1821 г. ежедневно всѣ вечернія двухчасовыя лекціи Гегеля по энциклопедіи философскихъ наукъ, по логикѣ, по психологіи, по философіи права, по исторіи философіи, по натуръ-философіи, по философіи искусства, исторіи, религіи, и, не жалѣя труда, тщательно составлялъ записки, чтобы лучше усвоить себѣ ихъ содержаніе. Послѣ лекціи Гегель обыкновенно заходилъ ко мнѣ, или мы съ нимъ отправлялись вмѣстѣ гулять, и здѣсь онъ разбиралъ со мной являвшіеся у меня вопросы». Кромѣ философіи, идеализмъ и универсализмъ которой приходился какъ нельзя болѣе по сердцу Шульце, шваба и мекленбуржца сближало общее чувство благодарности и уваженія къ прусскому

государству съ его широкимъ размахомъ, такъ выгодно отличавшимъ Пруссію отъ мелкихъ и мелочныхъ условій жизни на оставленной ими родинѣ. Шульце восхвалялъ еще своего друга за то, что Гегель являлся для него неизмѣнно вѣрнымъ, проницательнымъ и безкорыстнымъ совѣтникомъ по всѣмъ вопросамъ средняго и высшаго образованія.

«При такихъ условіяхъ прежняя близость Шульце съ Шлейермахеромъ не могла уже возстановиться. Шлейермахеръ нисколько не раздѣлялъ великой вѣры Гегеля въ государство или въ канцелярскую мудрость; не сочувствовалъ онъ и абстрактному идеализму и энциклопедизму его системы. Для Шлейермахера на первомъ мѣстѣ стояла индивидуальная жизнь и индивидуальное развитіе, и въ силу этого онъ оставался неизмѣннымъ другомъ свободы какъ въ государствѣ, такъ и въ наукѣ, и въ школѣ. Гегелева склонность къ школьному самодержавію, не остававшаяся безъ воздѣйствія на его политическія и педагогическія воззрѣнія, не встрѣчала въ душѣ Шлейермахера никакихъ симпатій.

«Вступивъ на свой постъ въ министерствѣ, Шульце вскорѣ оказался главнымъ руководителемъ всего средняго и высшаго образованія въ Пруссіи. Онъ безспорно обладалъ выдающимися къ тому дарованіями. Онъ воспринялъ въ себя обѣ передовыя умственныя силы эпохи—новогуманистическую филологію и спекулятивную философію. Онъ обладалъ выдающейся рабочей силою, честной волей, рвеніемъ къ дѣлу, уваженіемъ къ наукѣ и вдобавокъ еще пониманіемъ личностей, которое столько значитъ въ этой области; онъ «открылъ» цѣлый рядъ талантовъ, блестяще оправдавшихъ возлагавшіяся на нихъ ожиданія. Вообще нельзя не признать, что прусскому государству трудно было бы найти на это мѣсто болѣе способнаго человѣка, а свободомыслящій человѣкъ при данныхъ обстоятельствахъ былъ на немъ совершенно невозможенъ. Университеты очень многимъ обязаны управленію Шульце: съ особеннымъ личнымъ участіемъ слѣдилъ онъ за гуманитарными дисциплинами—прежде всего за классической филологіей, а также и за новыми отраслями филологическихъ и историческихъ изслѣдованій, начавшими тогда развиваться. Но и занятія естественными науками отнюдь не оставлялись при немъ въ забросѣ. И если прусскіе университеты въ началѣ 40-хъ годовъ, когда Шульце пришлось сойти со сцены, занимали такое почетное мѣсто среди однородныхъ учрежденій, а въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ знанія шли даже во главѣ, то долю чести нельзя здѣсь не приписать его разумному управленію. Заслуги его здѣсь приходится ставить тѣмъ выше, что король очень туго входилъ въ его планы, а министръ финансовъ оказывалъ упорное сопротивленіе даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Но, съ другой стороны, добродѣтели Шульце имѣли тоже свою изнанку. Въ своемъ неутомимомъ административномъ рвеніи онъ нерѣдко хваталъ черезъ край, доводя свое вмѣшательство въ подвѣдомственныя ему отношенія до назойливаго опекунства: особенно сильно чувствовали это на себѣ гимназіи. Ему было трудно уважать самостоятельность

подчиненныхъ и еще труднѣе—признаваться въ своихъ ошибкахъ. Ко всякой критикѣ введенныхъ имъ мѣръ и учрежденій онъ относился съ такимъ же пренебреженіемъ, съ какимъ Гегель отвергалъ критику своей системы, обзывая ее мелкимъ резонерствомъ и субъективнымъ мудрствованіемъ. Онъ питалъ глубокую вѣру въ законы и распоряженія, въ испытанія и контроль, и вѣра эта легла тяжкимъ гнетомъ на школу. Строгій къ самому себѣ, онъ предъявлялъ высокія требованія и къ другимъ; «arbeiten oder untergehen»—часто срывалось съ его губъ, и формула эта въ нѣсколько измѣненномъ видѣ встрѣчается даже въ его оффиціальныхъ распоряженіяхъ. Министерство, говорится въ одномъ указѣ 1829 г., вообще считаетъ необходимымъ, чтобы ученики гимназій, собирающіеся посвятить себя ученымъ профессіямъ, отнюдь не встрѣчали облегченій на своемъ пути къ этой цѣли: «напротивъ того, уже въ школѣ и чрезъ школу они должны ясно представить себѣ тѣ труды, тягости и жертвы, которыя являются неизбѣжными условіями плодотворнаго служенія наукѣ, государству и церкви и съ юности, должны привыкнуть къ мысли о суровой высотѣ своего призванія».

«Гимназіи сразу почувствовали, что перешли изъ подъ небрежной церковной руки въ государственное управленіе. «Почти инстинктивно,—говоритъ Кепке,—бросилась старопрусская дисциплина на область воспитанія и образованія». Нѣтъ слова, этимъ достигнуто было много хорошаго: превратная школьная рутина была во многомъ искоренена; безпомощности латинской школы передъ неразумнымъ произволомъ городскихъ властей и родителей былъ положенъ конецъ, и сами эти заведенія, гдѣ часто царилъ полный хаосъ, гдѣ нерѣдко курсъ разбивался на совершенно безсвязные отрывки, и классы не представляли никакой правильной градаціи, были приведены теперь въ порядокъ. Но когда въ жизнь школы проникли формы приказа и запрещенія, регламентаціи и инспекціи, выработанныя собственно въ нуждахъ военнаго и политическаго управленія и тамъ, быть можетъ, являющіяся необходимостью, то вмѣстѣ съ этимъ отъ нея отлетѣла крупная доля свободы и непосредственности, которыя въ концѣ концовъ составляютъ въ духовномъ мірѣ все. Слишкомъ часто приказъ и контроль вызываютъ здѣсь къ существованію лишь обманчивые призраки того, чего имъ хотѣлось достигнуть, а попутно растаптываютъ много хорошаго, что развивалось само собой. Любовь прогоняетъ страхъ, говоритъ апостолъ; но вѣрно и обратное: страхъ прогоняетъ любовь. Я опасаюсь, что этотъ законъ человѣческой природы оправдался и на попыткѣ обратить юношескую страсть ново-гуманизма къ древности, въ предписанный закономъ и охраняемый властями, бракъ по разсудку. Исторія умственныхъ движеній постоянно представляетъ намъ такую печальную картину: идеалы одной эпохи становятся догматами и законами въ слѣдующую и то, что въ качествѣ цѣли свободныхъ стремленій заставляло усиленно биться сердце перваго поколѣнія, то самое ложится тяжкимъ гнетомъ на второе, пока

наконецъ третье не свергаетъ это иго, какъ несносную тираннію. Съ церковью такъ было испоконъ вѣка: съ тѣхъ поръ, какъ государство взяло школу въ свои руки, то же наблюдается и въ ея судьбахъ».

Но прежде чѣмъ перейти къ исторіи гимназіи подъ управленіемъ Шульце, я напомню тѣ общія политическія условія, въ которыхъ ему пришлось дѣйствовать. Едва успѣлъ онъ вступить въ министерство, какъ подъ кинжаломъ мечтательнаго поклонника свободной Германіи, Занда, палъ въ Маннгеймѣ извѣстный агентъ русскаго правительства въ Германіи, Коцебу. Это прискорбное событіе дало Меттерниху давно желанную возможность увлечь на свой путь всѣ нѣмецкія правительства. Принятыя карлсбадскимъ съѣздомъ министровъ коллективныя постановленія (1819 г.), возлагали главную отвѣтственность за вину Занда на печать и на высшую школу. Печати пришлось ознакомиться вновь съ строжайшими законами о цензурѣ; къ университетамъ прикомандированы были для надзора за политическою благонадежностью профессоровъ и студентовъ особые полицейскіе «кураторы», и для полной гармоніи въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ по искорененію общаго ихъ врага, либеральныхъ идей, наряжена была центральная сыскная коммиссія изъ представителей семи главнѣйшихъ союзныхъ державъ. Вслѣдъ за этимъ по всей Германіи начинается ожесточенная травля «демагоговъ», жертвами которой сдѣлалось не мало видныхъ представителей нѣмецкой науки. Въ Пруссіи главнымъ ея организаторомъ явился извѣстный директоръ департамента полиціи фонъ-Камптцъ. Желая истребить либерализмъ по возможности до самаго корня, фонъ-Камптцъ просилъ и получилъ у короля разрѣшеніе совмѣстить свой полицейскій постъ съ должностью директора департамента народнаго просвѣщенія въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, Альтенштейну и Шульце приходилось организовать задуманную Гумбольдтомъ гимназію при ревностномъ участіи новаго полицейскаго коллеги.

Фонъ-Камптцъ и его партія съ радостью были бы готовы и совсѣмъ отдѣлаться отъ классической системы, въ которой они не безъ основанія видѣли отголосокъ эпохи революціи. Однако Альтенштейнъ, опираясь на общественное мнѣніе и пользуясь личнымъ вліяніемъ на короля, успѣлъ отстоять противъ нихъ какъ систему, такъ и ненавистнаго имъ Шульце. Но зато министерство народнаго просвѣщенія увидало себя теперь вынужденнымъ торопиться съ мѣрами, которыя засвидѣтельствовали бы о полной совмѣстимости классическаго образованія и политической благонадежности даже въ эпоху реакціи.

И мѣры эти не заставили себя слишкомъ долго ждать. Въ 1824 г. министерство внутреннихъ дѣлъ и полиціи въ указѣ «О нарушеніи обязанностей передъ государствомъ» сдѣлало отъ себя самое рѣзкое внушеніе всей школьной администраціи. Оно просило всѣхъ причастныхъ къ школѣ лицъ отнюдь не забывать, «что учебныя учрежденія вовсе

еще не достигаютъ своей цѣли, давая воспитанникамъ одно научное образованіе, да не позволяя развиваться при этомъ никакимъ вреднымъ мыслямъ и направленіямъ. Конечная задача этихъ учрежденій—развивать въ питомцахъ чувство преданности, вѣрности и покорности государю и государству. «Въ соотвѣтствіи съ этимъ, окружнымъ школьнымъ коллегіямъ *) вмѣнялось въ обязанность строжайше слѣдить, съ этой точки зрѣнія, за преподавателями и за личной отвѣтственностью каждаго изъ членовъ коллегіи немедленно доносить о замѣченныхъ признакахъ неблагонадежности, не только министерству народнаго просвѣщенія, но одновременно и высшей мѣстной полицейской власти». Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, немедленно подтвердило этотъ указъ, разъяснивъ школьнымъ властямъ, что для провѣрки учительской благонадежности особенно удобно пользоваться принятымъ въ прусскихъ гимназіяхъ обычаемъ до назначенія на должность держать молодыхъ педагоговъ годъ на испытаніи. «Пробный годъ даетъ окружнымъ школьнымъ коллегіямъ надежный и удобный случай основательно знакомиться съ кандидатами на учительскія мѣста со стороны ихъ религіозно-нравственнаго образи мыслей, особенно же со стороны политическихъ ихъ принциповъ. И министерство выражаетъ полную увѣренность, что школьныя коллегіи не преминутъ самымъ серьезнымъ образомъ пользоваться такой возможностью».

Требованія политики заставили министерскихъ гегеліанцевъ заговорить и въ области религіи языкомъ правовѣрныхъ протестантовъ. Въ указѣ отъ 28-го мая 1826 г. министерство народнаго просвѣщенія ставитъ преподавателямъ на видъ, «что государству важно, чтобы изъ его школъ выходили истинные христіане. А посему гимназіи должны прививать своимъ воспитанникамъ не безпочвенную, лишенную всякаго солиднаго основанія такъ называемую мораль, но богобоязненный нравственный складъ, покоящійся на вѣрѣ въ Іисуса Христа и на основательномъ познаніи важнѣйшихъ откровенныхъ истинъ». Одно изъ разъясненій къ этому указу прямо называло въ числѣ книгъ, признававшихся не соотвѣтствующими цѣлямъ гимназическаго преподаванія, учебникъ христіанской религіи, составленный знаменитымъ директоромъ педагогической семинаріи въ Галле, Нимейеромъ. Если мы примемъ во вниманіе, что подъ «такъ называемой моралью» разумѣлась въ указѣ этика Канта, вдохновлявшая великихъ прусскихъ дѣятелей въ годину бѣдствій, и что Нимейера прусское правительство усиленно приглашало на постъ, занятый потомъ Вильгельмомъ фонъ-Гумбольд-

*) Управленіе учебными округами построено въ Пруссіи на коллегіальномъ началѣ. Во главѣ каждаго учебнаго округа, всегда совпадающаго съ соотвѣтствующей провинціей, стоитъ окружная школьная коллегія. Предсѣдателемъ ея является оберъ-президентъ провинціи; въ составъ членовъ входятъ представители администраціи, духовнаго вѣдомства и, наконецъ, два (въ берлинской коллегіи пять) Schulrat'а, которые избираются изъ извѣстныхъ практическихъ педагоговъ.

томъ, то намъ ясно представится весь путь, пройденный Пруссіей съ 1808 по 1826 годъ. Гоненіе на Канта и Нимейера блѣднѣетъ, впрочемъ, передъ другимъ подвигомъ прусской реакціи: въ 1824 году цензура сочла нужнымъ воспретить переизданіе славныхъ «Рѣчей къ нѣмецкой націи», прочтенныхъ и въ первый разъ напечатанныхъ Фихте съ разрѣшенія военнаго губернатора Берлина, суроваго маршала Даву.

Чтобы утвердить христіанскій духъ въ гимназіи, министерство народнаго просвѣщенія спѣшитъ соотвѣтственно измѣнить самую программу экзамена на учителя. Уступая громко высказываемому консервативной партіей взгляду, что въ старомъ порядкѣ, когда преподавателями всѣхъ предметовъ въ гимназіи являлись исключительно кандидаты богословія, было много добраго, оно вводитъ въ 1824 г. такое постановленіе. Послѣ успѣшнаго экзамена въ государственной коммиссіи по философскимъ, филологическимъ, историческимъ и математическимъ наукамъ, кандидатамъ на званіе учителя гимназіи полагается теперь представляться въ духовную консисторію, «гдѣ спеціально для того подготовленный ея членъ подвергаетъ ихъ добавочному испытанію по богословію, какъ-то по христіанскому вѣро- и нравоученію, по экзегезѣ Ветхаго и Новаго Завѣта и по церковной исторіи, выдавая имъ затѣмъ соотвѣтственное свидѣтельство». Особое вниманіе на солидность богословской подготовки предписывалось обращать при выборѣ лицъ на директорскія мѣста.

За учителями не были забыты и ученики. Министерскій указъ отъ 30-го октября 1819 г.—то былъ годъ, когда состоялись карлсбадскія постановленія, строжайше внушалъ лицамъ, облеченнымъ школьною властью, чтобы они въ виду только что происшедшихъ печальныхъ событій не щадили силъ въ борьбѣ съ самыми зародышами пагубнаго и превратнаго образа мыслей у питомцевъ гимназіи. Лучшимъ средствомъ въ такой борьбѣ, говоритъ указъ, является строгая и серьезная постановка самаго преподаванія: его надо вести такъ, чтобы оно убивало въ ученикахъ всякое самомнѣніе и склонность къ вредной, расплывчатой мечтательности. «А къ этому должна присоединяться строгая дисциплина. Малѣйшая распущенность, ослушаніе и небрежность должны влечь за собой серьезное взысканіе; всякая заносчивость—немедленно вызывать острастку; но особенно строгія кары должны налагаться за неповиновеніе учителямъ и за нарушеніе должнаго имъ почтенія». Преподавателямъ рекомендовалось при этомъ «избѣгать всякихъ ненужныхъ разсужденій и толкованій съ юношествомъ, дабы оно какъ можно ранѣе пріучалось безпрекословно повиноваться законамъ, охотно подчиняться установленнымъ властямъ и поступками доказывать свое признаніе существующаго порядка».

Въ связи съ этимъ указомъ стоитъ учрежденный въ 1820 г. институтъ классныхъ наставниковъ. Смыслъ этого института министерство разъяснило такъ: «Обстоятельства времени болѣе, чѣмъ когда либо,

заставляютъ дорожить введеніемъ въ школы строгой дисциплины, дабы подростающее поколѣніе не заражалось духомъ разнузданной свободы и дерзости и съ младыхъ лѣтъ пріучалось къ покорности и повиновенію законамъ. За учениками необходимъ самый бдительный надзоръ не только въ стѣнахъ школы, но и внѣ ея, и при такихъ условіяхъ одни директора гимназій, очевидно, не въ состояніи будутъ удовлетворить необходимо являющимся здѣсь высокимъ требованіямъ». Поэтому, въ помощь директору для каждаго класса долженъ быть избранъ одинъ изъ преподавателей, который имѣетъ являться «центромъ классной дисциплины». Высказавъ надежду, что такіе классные наставники вообще съумѣютъ поставить себя съ подчиненными ихъ надзору воспитанниками на отцовскую ногу. «Инструкція» опредѣляетъ затѣмъ довольно подробно ихъ ближайшія обязанности. Классные наставники, говоритъ она, должны слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ воспитанниками уроковъ, за ихъ книгами и тетрадями, за аккуратнымъ хожденіемъ въ церковь и вообще за ихъ религіозностью и нравственностью. Они должны посѣщать учениковъ на ихъ квартирахъ—особенно, когда тѣ живутъ не у родителей. Они должны затѣмъ всякими подходящими путями собирать свѣдѣнія, не устраиваютъ ли молодые люди какихъ-либо сборищъ у себя по домамъ или въ иныхъ мѣстахъ, не затѣваютъ ли они какихъ-либо обществъ и въ какихъ именно цѣляхъ. Обо всемъ, что онъ узнаетъ, классный наставникъ немедленно доноситъ директору, который и принимаетъ тогда соотвѣтственныя рѣшительныя мѣры. Наконецъ, «дабы новый институтъ получилъ тѣмъ большую надежность, прочность и цѣльность», «Инструкція» рекомендуетъ класснымъ наставникамъ вести относительно каждаго изъ учениковъ гимназіи «кондуитный листъ». Листъ этотъ долженъ былъ, по мѣрѣ перехода ученика изъ класса въ классъ, передаваться отъ одного класснаго наставника къ другому, а по окончаніи воспитанникомъ курса онъ оставался въ архивѣ гимназіи на случай позднѣйшихъ справокъ со стороны какого-либо вѣдомства. Подобнаго же рода листы директора гимназій должны были вести относительно учителей, Schulrat'ы относительно директоровъ.

Вѣнцомъ такого рода мѣропріятій, направленныхъ къ охраненію питомцевъ классической гимназіи отъ всякаго рода вредныхъ вліяній, является циркуляръ Шульце относительно внѣкласснаго чтенія (1829 г.). Согласно ему, педагогическій персоналъ каждой гимназіи долженъ былъ слѣдить не только за тѣмъ, что ученики читаютъ для уроковъ, но и за тѣмъ, что они читаютъ дома, сами для себя. Чтобы доставить ему эту возможность, ученикамъ предписывалось вести списокъ всѣмъ, попадающимъ въ ихъ руки книгамъ. Списокъ этотъ они должны были регулярно предъявлять въ началѣ каждой учебной четверти своему классному наставнику и преподавателю родного языка; но, сверхъ того, всякій изъ преподавателей имѣлъ право потребовать его отъ ученика

въ каждую данную минуту. На экзаменѣ зрѣлости воспитанники въ своемъ curriculum vitae обязаны были помѣщать полный перечень всѣхъ прочтенныхъ ими въ жизни сочиненій. Чувство того, что можно и чего нельзя приказывать, замѣчаетъ по этому поводу Паульсенъ, очевидно, успѣло ко времени этого циркуляра совершенно помутиться у Шульце.

Нельзя не признать, что на пути такихъ сдѣлокъ съ политикою Шульце успѣлъ мало-по-малу поступиться почти всѣми существенными чертами въ той идеальной *человѣчности*, которою думали подарить міръ творцы классической гимназіи. Но чѣмъ дальше отлеталъ отъ гимназіи создавшій ее духъ, тѣмъ крѣпче держался Шульце за то, что можно было сохранить изъ ново-гуманистической педагогики, т.-е за ея формальные принципы. Никто глубже его не былъ убѣжденъ въ томъ, что школа должна заботиться исключительно о всестороннемъ развитіи своихъ питомцевъ, нисколько не считаясь съ вопросомъ объ ихъ будущей профессіи въ жизни, и что путь къ такому развитію неизбѣжно пролегаетъ черезъ область классической древности. Правда, проектированный Зюферномъ учебный планъ новой гимназіи оказался на практикѣ далеко не вполнѣ примѣнимымъ, и за долгую свою административную дѣятельцость Шульце, какъ мы ниже увидимъ, вынужденъ былъ внести въ него цѣлый рядъ очень существенныхъ измѣненій. Но въ глазахъ Шульце то были лишь частныя, техническія поправки. Въ общемъ же прусская классическая гимназія являлась для него своего рода педагогическимъ откровеніемъ и ко всякимъ нападкамъ на положенные въ ея основу принципы онъ относился, какъ къ святотатству.

А между тѣмъ критика новаго школьнаго строя не замедлила вступить въ свои права. Послѣ войны за освобожденіе, энтузіазмъ нѣмецкаго общества передъ античнымъ міромъ сталъ быстро стихать. Уже въ 1816 году берлинскій университетъ, собравшій въ своихъ стѣнахъ Вольфа и Гейндорфа, Беккера и Бека, Нибура и Лахмана, жаловался устами Беккера, что даже въ немъ скоро профессоровъ филологіи будетъ больше, чѣмъ слушателей. Печалью и разочарованіемъ дышатъ письма всѣхъ видныхъ гуманистовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Въ 1829 г. извѣстный филологъ Тиршъ, работавшій надъ реформою баварской школы, горько плачется Нибуру на муки, которыя ему приходится испытывать при «гуманизированіи» мужицкой Баваріи, этой «нѣмецкой Бестіи». «Отъ души желаю вамъ всякаго успѣха въ вашемъ предпріятіи,—отвѣчаетъ ему Нибуръ,—но только напрасно вы полагаете, что подобное отношеніе къ классицизму является особенностью Баваріи. Въ католической прирейнской Пруссіи классицизмъ держится лишь стараніями центральнаго правительства. Да и въ протестантскихъ провинціяхъ тамъ, гдѣ развита фабричная промышленность, общество относится къ филологіи какъ нельзя враждебнѣе. Въ этихъ людяхъ

живетъ неясное сознаніе, что для промышленныхъ классовъ надобно не то образованіе, какое дается филологической школой: если бы только они не мыслили его такимъ жалкимъ и пошлымъ, какимъ оно часто является въ проектахъ самыхъ почтенныхъ лицъ изъ этого круга! Задача эта—создать для чуждыхъ учености общественныхъ классовъ особый видъ образованія, аналогичный тому, которымъ мы обязаны филологіи—безъ сомнѣнія, безконечно трудна; но разрѣшить ее необходимо».

Однако министерство Альтенштейна, съ своей стороны, вовсе не склонно было брать на себя рѣшеніе подобной задачи. Оно предпочитало объяснять нерасположеніе крупной части общества къ филологической школѣ просто тупостью и необразованностью, которыя со временемъ должны будутъ исчезнуть подъ благотворнымъ вліяніемъ той же самой классической гимназіи. Такая заносчивость казенной педагогики вызвала рѣзкую отповѣдь со стороны Гербарта. Въ двухъ педагогическихъ работахъ, изданныхъ имъ въ 1818 и 1823 году, онъ подвергъ жестокой критикѣ «гимназическую монополію». «Филологи,—писалъ Гербартъ,—могутъ сколько угодно облекать въ самоновѣйшія фразы свою старую теорію относительно присущей изученію языковъ силы давать формальное развитіе разуму; но все это лишь пустыя слова, и не убѣдить ими никого, кому знакома гораздо высшая развивательная сила другихъ занятій, и кто открытыми глазами смотритъ на міръ, гдѣ есть не мало крупныхъ людей, ни на іоту не обязанныхъ своимъ духовнымъ существованіемъ классической школѣ. То обстоятельство, что мы заставляемъ молодыхъ людей даже тогда, когда они вовсе не готовятъ себя къ ученой карьерѣ, все-таки поступать въ гимназію и напрягать тамъ свои силы надъ занятіями, которыя, очевидно, ни зачѣмъ имъ потомъ не могутъ понадобиться, является однимъ изъ самыхъ яркихъ показателей господствующаго у насъ отсутствія вдумчивости: общество просто поддалось громогласнымъ увѣреніямъ въ чудодѣйственной силѣ древнихъ языковъ, доходящимъ прямо до шарлатанства». Самъ Гербартъ видѣлъ въ изученіи языковъ только печальную практическую необходимость. Съ педагогической точки зрѣнія онъ находилъ, что занятія эти надолго задерживаютъ дѣтское развитіе и даже чувствительно нарушаютъ его ходъ: онъ сравниваетъ это съ дѣтскими болѣзнями. «Отрицать, что многолѣтнее упорное и строгое изученіе языковъ приводитъ юношество въ напряженное состояніе, никоимъ образомъ не отвѣчающее естественному ходу развитія духа,—отрицать это, значитъ, смотрѣть на свѣтъ и не хотѣть его видѣть. Являющаяся здѣсь напряженность причиняетъ большинству индивидуумовъ положительное страданіе, отъ котораго дѣтская природа, естественно, стремится избавиться. Удержать же ее отъ этого можно лишь путемъ наказаній, внушеній, раздраженія самолюбія и другими подобными вещами. Положимъ, человѣческая природа можетъ многое вы-

*

нести: и съ физической, и съ духовной стороны она обладаетъ невѣроятной способностью возстановляться. Но именно это обстоятельство вводитъ педагоговъ и врачей въ соблазнъ рѣшаться на слишкомъ ужъ многое. Разница здѣсь въ томъ, что врача хвалятъ за рискъ лишь въ случаѣ удачи, а педагогъ въ случаѣ неудачи первый начинаетъ ругательски ругать самого своего паціента. Сходитъ же все это филологамъ съ рукъ потому, что они отлично умѣютъ прикрывать полное свое незнаніе людской природы и неумѣнье съ ней обращаться блескомъ своей учености».

Гербартъ разбиралъ спеціальный вопросъ о психологическомъ вліяніи на учащихся усиленныхъ занятій древними языками. Строй новой прусской гимназіи въ цѣломъ нашелъ себѣ критика въ лицѣ знаменитаго автора исторіи Гогенштауфеновъ, профессора берлинскаго университета, Фридриха фонъ-Раумера. Въ своей брошюрѣ «О прусскомъ городскомъ устройствѣ» Раумеръ коснулся и школьнаго дѣла. Онъ выражалъ сожалѣніе, что гимназія, которая посѣщается фактически вовсе не одними будущими учеными, но также и юношами, готовящимися къ практической дѣятельности, приняла за непреложное правило не обращать никакого вниманія на будущую профессію своихъ питомцевъ. Принципъ, что школа должна образовывать «человѣка вообще» представлялся ему опасной фантазіей. Этотъ «человѣкъ вообще», говорилъ онъ, сильно смахиваетъ на извѣстнаго Діогеновскаго пѣтуха. Только теперь въ голую нѣмецкую кожу полагается натыкать въ пожизненное украшеніе нѣсколько латинскихъ и греческихъ перьевъ. «Въ томъ здравомъ убѣжденіи, что не все одинаково для всѣхъ годится, школа прежде всего охотно разрѣшала своимъ питомцамъ, смотря по способностямъ или по будущему жизненному призванію, заниматься усиленно тѣмъ или другимъ предметомъ. Теперь, напротивъ, она провозглашаетъ: все для всѣхъ одинаково важно, и ссылаясь на это не позволяетъ ученику переходить въ высшій классъ, пока знаніе его не возрастетъ по всѣмъ предметамъ равномѣрно. Эта механика, выдаваемая съ точки зрѣнія мелкой отрицательной абстракціи за высшую мудрость, убиваетъ въ дѣйствительности удовольствіе, любовь, свободную игру ума, индивидуальность, и высшими похвалами осыпаетъ тѣхъ, кто довольно одинаково можетъ заниматься всѣми предметами человѣческаго знанія, т. е. прирожденныхъ филистеровъ. Если наша гимназія застынетъ въ такихъ педантическихъ принципахъ, то расколъ между тѣмъ, чего повелительно требуетъ время, и что даетъ жизни школа, будетъ со дня на день увеличиваться и дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что въ избыткѣ усердія общество изгонитъ классическое образованіе, даже оттуда, гдѣ оно необходимо».

Раумеръ преподнесъ свою брошюру, между прочимъ, и министру народнаго просвѣщенія. Въ отвѣтъ на это подношеніе со стороны министерства послѣдовалъ выговоръ автору за его легкомысленную и недо-

стойную критику школьнаго строя. Раумеръ счелъ нужнымъ отписаться. Въ своей запискѣ онъ указывалъ, что министерство напрасно упрекаетъ его въ легкомысліи: оно не можетъ отрицать его компетентности въ поднятыхъ имъ вопросахъ, такъ какъ само же въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ поручало ему отвѣтственнѣйшіе посты въ своемъ вѣдомствѣ. Притомъ же, говорилъ онъ, я вовсе не одинъ такъ гляжу на гимназію: взглядъ этотъ раздѣляется цѣлымъ рядомъ видныхъ людей школьнаго вѣдомства; я только не хочу называть ихъ по имени, чтобы не навлечь на нихъ непріятностей. На это послѣдовала слѣдующая резолюція: «Вмѣсто того, чтобы скромно извиниться въ своемъ промахѣ, вы въ вашей запискѣ позволили себѣ выражаться такъ рѣзко, что министерство не считаетъ болѣе возможнымъ ограничиться однимъ выраженіемъ крайняго своего неудовольствія на тяжкое нарушеніе вами служебной дисциплины и присовокупляетъ къ нему штрафъ въ десять талеровъ». Въ случаѣ же упорства оффиціальная бумага грозила болѣе серьезными взысканіями.

Въ этихъ упрекахъ Гербарта и Раумера Шульце слышалъ лишь отголоски глубоко презираемыхъ имъ утилитарныхъ идей XVIII вѣка. Гораздо больнѣе задѣвали его нападки, шедшія совсѣмъ съ другой стороны: къ крайнему его неудовольствію цѣлый рядъ видныхъ филологовъ, дѣйствовавшихъ внѣ Пруссіи, рѣшительно отказывался видѣть въ прусской гимназіи законное дитя гуманизма.

Политическія реформы, вызванныя по всей Германіи наполеоновскимъ погромомъ, сопровождались почти повсюду и реформой образованія въ новогуманистическомъ духѣ. Но между тѣмъ какъ сѣверогерманскія государства по большей части прямо приняли новую прусскую гимназію за образецъ, государства средней и южной Германіи попытались выработать у себя самостоятельные типы гуманистической школы *). Особенной самобытностью и послѣдовательностью отличался учебный планъ, проектированный для баварской гимназіи извѣстнымъ филологомъ Тиршемъ. Наиболѣе характерной его чертой являлась концентрація всего преподаванія на древнихъ языкахъ. На другіе предметы въ немъ удѣлено было сравнительно немного времени, и при этомъ всѣ они—не только родной языкъ, исторія, философія, но даже религія и математика — должны были примыкать къ чтенію древнихъ авторовъ. Принципы, положенные въ основу баварскаго плана, были подробно развиты Тиршемъ въ обширномъ сочиненіи «О среднемъ и высшемъ образованіи, преимущественно въ Баваріи».

Шульце удостоилъ первый томъ этой работы снисходительною рецензіею въ одномъ изъ ученыхъ журналовъ. Онъ признавалъ, что баварская школа не лишена достоинствъ, но находилъ ее одностороннею

*) Я не останавливаюсь на исторіи этихъ попытокъ, такъ какъ въ концѣ концовъ онѣ не увѣнчались успѣхомъ. Ко второй половинѣ нашего столѣтія всѣ нѣмецкія гимназіи оказываются перестроенными по казенному прусскому типу.

и превозносилъ, въ свою очередь, всесторонность организованной имъ прусской гимназіи. Задѣтый за живое, Тиршъ въ послѣднемъ томѣ своего сочиненія отвѣтилъ на эту рецензію настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ Шульце и его школьной политики.

Іоганнъ Шульце, говоритъ Тиршъ, посидѣвъ въ юности у филологіи въ передней, поступилъ затѣмъ на прусскую службу. Тамъ онъ сталъ важнымъ чиновниковъ и такъ о себѣ возмечталъ, что теперь берется учить весь міръ педагогической мудрости. Мудрость эту перенялъ онъ у Гегеля; заключается же ея рецептъ въ томъ, что государство своей желѣзной рукой должно вбивать въ голову воспитанниковъ и классическія и реальныя познанія сразу. Но люди, которые сами поработали въ филологіи и сами являются носителями гуманистическаго духа, смотрятъ на дѣло иначе. Для нихъ прусская школа вовсе не является учрежденіемъ, воспитывающимъ человѣка къ человѣчности. Превратившись въ часть государственнаго механизма, прусская гимназія вырабатываетъ только нужныхъ государству служителей. Пруссія гонится за всесторонностью образованія. Но пробуя достигнуть такой всесторонности путемъ школьнаго машиннаго производства, она легко можетъ добиться совсѣмъ иного; нѣтъ сомнѣнія, что ей грозитъ самая серьезная опасность совсѣмъ потерять истинное образованіе, а съ нимъ и истинную науку. Въ прусской гимназіи учатъ и учатся безъ конца: каждый предметъ проходится тамъ съ величайшею требовательностью. И вотъ, «благодаря проникающему всю школу возбужденно напряженному состоянію, которое называется неусыпной, во всѣ мелочи вникающей инспекціей и постоянно поддерживается строгостями экзамена зрѣлости, мы слышимъ уже со всѣхъ сторонъ справедливыя жалобы, что прусскіе гимназисты особенно въ старшихъ классахъ положительно изнемогаютъ подъ бременемъ ученья». Въ погонѣ за фантомомъ общности и всесторонности образованія прусская гимназія заѣздитъ учителей и учениковъ на смерть. У всѣхъ на глазахъ, до чего гимназисты въ Пруссіи переутомлоны и до чего они пресыщены знаніями. А вѣдь такое раннее пресыщеніе—предвѣстникъ умственной смерти. Ἐγγὺς ἤδη ὁ θάνατος!

Въ Тиршѣ говорило здѣсь не одно оскорбленное самолюбіе. Подъ этимъ безпощаднымъ обвиненіемъ прусской гимназіи подписалось большинство средне-и южно-нѣмецкихъ филологовъ съ славнымъ Готфридомъ Германомъ во главѣ. «Богъ да сохранитъ насъ,—писалъ Готфридъ Германъ,—отъ того пути, по которому теперь увлекается школа,—отъ пути къ невѣжественному всезнайству и никуда негодной всепригодности (zu allwissender Unwissenheit und altauglicher Untauglichkeit). Вступивъ на него, самъ гуманизмъ превращается въ варварство; за примѣрами ходить недалеко».

Шульце, положимъ не испытывалъ большого замѣшательства передъ нападками гуманистовъ на двойственный характеръ прусской гимназіи.

Ему не трудно было доказать, что введеніе въ програму классической школы серьезнаго курса реальныхъ предметовъ, явилось лишь отвѣтомъ на законнѣйшія требованія времени. Но презрительныя насмѣшки Тирша надъ тѣмъ, какъ прусскіе гимназисты, ничему путемъ не выучиваясь, заучиваются при этомъ чуть не до смерти, попали руководителю прусскаго министерства народнаго просвѣщенія въ самое больное мѣсто.

Тиршъ былъ правъ, говоря, что Пруссія стонетъ подъ игомъ своей новой системы образованія. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣла гимназія подъ руководствомъ Шульце сложиться въ свою окончательную форму, какъ въ прусскомъ обществѣ начинаютъ раздаваться жалобы на то, что поставленныя въ классической школѣ задачи оказываются для юношества совсѣмъ не подъ силу. Жалобы эти носятъ сначала характеръ скромныхъ почтительныхъ представленій, но затѣмъ, оставаясь безъ удовлетворенія, переходятъ въ сдавленный озлобленный ропотъ и наконецъ, при удобномъ случаѣ, представившемся въ концѣ управленія Шульце, онѣ разражаются цѣлою бурею.

Первый разъ выступилъ этотъ злосчастный вопросъ о переутомленіи воспитанниковъ классической гимназіи на прусскую школьную сцену въ 1825 году. Въ началѣ этого года министерство рекомендовало преподавателямъ древнихъ языковъ обратить особое вниманіе на то, чтобы ученики читали греческихъ и латинскихъ авторовъ не только для уроковъ въ гимназіи, но и самостоятельно, дома, и въ руководство предложило очень обширную программу такого внѣкласснаго чтенія, которую выработалъ въ данцигской гимназіи директоръ ея, извѣстный филологъ Мейнеке. Въ отвѣтъ на министерскій циркуляръ, берлинская школьная коллегія представила въ министерство докладъ, гдѣ просила уволить берлинскія гимназіи отъ такой новой тягости. «Мы признаемся съ почтительною откровенностью, которою мы обязаны королевскому министерству, что рекомендованная намъ мѣра ставитъ насъ въ немалое затрудненіе. Если принять въ разсчетъ, что наши гимназисты имѣютъ въ среднемъ семь часовъ уроковъ въ день, къ большинству которыхъ они должны готовиться, которые они должны повторять, къ которымъ имъ приходится писать упражненія, переводы и сочиненія, то невозможно будетъ не признать, что они и такъ работаютъ слишкомъ много: дальнѣйшія требованія могутъ идти только за счетъ ихъ здоровья, а оно и теперь нерѣдко оказывается по окончаніи курса сильно расшатаннымъ». Указавъ затѣмъ на крайнюю обременительность новаго распоряженія также и для учителей, берлинская коллегія почтительнѣйше просила министерство не настаивать на своемъ циркулярѣ и оставить за педагогическими совѣтами отдѣльныхъ гимназій прежнюю свободу въ регулированіи домашнихъ занятій.

Шульце на этотъ разъ пропустилъ упрекъ мимо ушей. Въ своемъ отвѣтѣ онъ сухо указалъ, что вовсе не имѣлъ въ виду требовать бук-

вальнаго примѣненія повсюду данцигской программы, но что у воспитанниковъ двухъ старшихъ классовъ обязательно должно оказываться время на внѣклассное чтеніе авторовъ.

Берлинская коллегія продолжала настаивать. Въ 1828 году она опять помянула въ одномъ изъ докладовъ, «что гимназисты совсѣмъ погибаютъ подъ бременемъ уроковъ и домашнихъ занятій». Тогда министерство потребовало, чтобы она указала ему, на какихъ именно фактахъ основывается такое утвержденіе. Коллегія пригласила къ себѣ директоровъ пяти берлинскихъ гимназій и просила ихъ дать ей свой отзывъ. Директора показали, что число обязательныхъ учебныхъ часовъ колеблется по различнымъ гимназіямъ отъ 34 до 38 въ недѣлю, и что на приготовленіе уроковъ среднихъ способностей ученикъ долженъ употреблять часовъ пять въ день. Четверо изъ директоровъ находили, впрочемъ, что такія занятія не слѣдуетъ считать чрезмѣрно тяжелыми. Зато пятый, Кёпке, положительно утверждалъ, что при одиннадцатичасавомъ рабочемъ днѣ гимназисты жестоко переутомляются. Онъ говорилъ, что можетъ привести случаи, когда молодые люди отъ чрезмѣрной работы наживали себѣ болѣзни, иногда даже съ смертельнымъ исходомъ, и требовалъ, чтобы ни въ одной гимназіи не задавалось уроковъ больше, чѣмъ на три часа. Другіе ему возражали, что, можетъ быть, это и являлось бы желательнымъ, но что пока программа и пріемы экзамена зрѣлости останутся безъ измѣненій объ этомъ и думать нечего.

Въ поданномъ министру докладѣ берлинская школьная коллегія подвела своему разслѣдованію такіе итоги. «Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что воспитанники старшихъ классовъ въ нашихъ гимназіяхъ чрезмѣрно обременены занятіями, и что это дѣйствуетъ пагубно не только на ихъ физическое благосостояніе: позже, на пути практической дѣятельности они обнаруживаютъ умственное и душевное истощеніе; въ нихъ совершенно нѣтъ жизненной цѣльности и свѣжести... Переутомляется же наше юношество не только отъ количества, но и отъ качества требуемой съ него работы и послѣднее можетъ быть еще важнѣе перваго. Смотря по точкѣ зрѣнія, можно считать великимъ счастьемъ или великимъ несчастьемъ для націи, если она оказывается обязанною крупной частью своей культуры не себѣ самой, а другимъ народамъ, покончившимъ свое существованіе тысячи лѣтъ тому назадъ, и если представители власти, съ которой нельзя безнаказанно вступать въ столкновеніе, находятъ удобнымъ мѣрять все по мѣркѣ того отдаленнаго прошлаго... Отъ массы обязательныхъ занятій ходъ свободнаго внутренняго развитія юношества терпитъ великій ущербъ. Воспитанники получаютъ слишкомъ много извнѣ и не могутъ изъ полученнаго матеріала вырабатывать себѣ личное духовное достояніе. У нихъ какъ разъ не остается при этомъ времени на особенно важные съ точки зрѣнія общаго развитія предметы—на толковое чтеніе нѣмецкихъ писателей и на нѣмецкія сочиненія». Согласно этому коллегія просила министерство принять мѣры

къ сокращенію числа уроковъ и количества домашнихъ занятій въ гимназіяхъ и дать вообще дѣлу такую постановку, при которой могла бы развиваться ученическая самодѣятельность.

Отвѣтомъ на это представленіе явился тотъ министерскій указъ отъ 29-го марта 1829 г., гдѣ находится приведенная выше парафраза Шульцевскаго: «arbeiten oder untergehen» *). Министерство находило, что въ общемъ фактъ переутомленія остается недоказаннымъ, и что поэтому вносить какія-либо перемѣны въ установленную программу гимназіи является совершенно излишнимъ. Оно признавало вполнѣ нормальнымъ, чтобы ученики старшихъ классовъ гимназіи работали ежедневно отъ пяти до шести часовъ въ классѣ и часовъ пять дома: это, конечно, не легко, но никто и не намѣренъ стараться, чтобы учиться въ гимназіи было легко. Что касается отдѣльныхъ, вполнѣ доказанныхъ случаевъ истощенія учениковъ отъ непосильныхъ занятій, то министерство всецѣло ставило ихъ въ вину педагогическому персоналу отдѣльныхъ гимназій. «Если такіе достойные порицанія случаи по неразумному усердію, по недостаточной опытности или по какимъ-нибудь инымъ причинамъ и имѣли дѣйствительно мѣсто въ берлинскихъ или иныхъ гимназіяхъ, то вина въ этомъ падаетъ прежде всего на соотвѣтственныхъ учителей и директоровъ, а затѣмъ на саму окружную школьную коллегію, въ права и обязанности которой входитъ забота объ устраненіи всѣхъ вкрадывающихся въ школьное дѣло промаховъ и недостатковъ».

Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi или въ вольномъ переводѣ Паульсена: если затѣянное высшимъ начальствомъ дѣло не ладится, то подчиненные могутъ быть увѣрены, что виноваты останутся они.

Указъ былъ достаточно вразумителенъ Для близко стоявшихъ къ дѣлу лицъ притомъ же не было тайной, что, защищая законность 10—11-часовыхъ ежедневныхъ занятій въ старшихъ классахъ гимназіи, Альтенштейнъ и Шульце руководствовались не одними педагогическими, но и высшими политическими соображеніями. Такая напряженная работа представлялась министерству надежнѣйшимъ средствомъ къ тому, чтобы удерживать учащуюся молодежь отъ опасныхъ «политическихъ мечтаній»,—съ одной стороны, и сократить наплывъ учениковъ въ гимназію—съ другой. Плохо одареннымъ и плохо обезпеченнымъ юношамъ, по мнѣнію министерства, въ гимназіи было не мѣсто. При такихъ условіяхъ всѣмъ независимо мыслившимъ школьнымъ дѣятелямъ оставалось только молчать, и они съ горечью въ сердцѣ подчинились своей печальной участи.

Но несносный вопросъ о переутомленіи рѣшительно не хотѣлъ давать Шульце покоя и черезъ нѣсколько лѣтъ снова успѣлъ всплыть на поверхность съ иной, гораздо болѣе опасной для министерства сто-

*) «Работать или погибнуть».

роны. 8-го января 1836 года «Медицинская Газета» помѣстила на своихъ столбцахъ небольшую статью доктора Лоринзера «Въ защиту здоровья учащейся молодежи», гдѣ авторъ съ медицинской точки зрѣнія подвергъ жестокой критикѣ установившіяся въ классической гимназіи нормы и пріемы работы. Статья попала въ руки королю. Король крайне обезпокоился сообщенными въ ней фактами и немедленно написалъ Альтенштейну, требуя отъ министерства особаго доклада по этому поводу и приказывая, чтобы оно безотлагательно озаботилось мѣрами къ пресѣченію зла.

Согласно королевскому приказу Альтенштейнъ разослалъ всѣмъ окружнымъ школьнымъ коллегіямъ циркулярное предписаніе доставить въ министерство необходимыя для доклада свѣдѣнія; *буде же окажется, что Лоринзеръ правъ*, то указать и мѣры для борьбы съ переутомленіемъ. Тонъ циркуляря не оставлялъ сомнѣній, что министерство вовсе не намѣрено сдаваться и требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ не столько ихъ истинныхъ взглядовъ, сколько поддержки. Но важно здѣсь было то, что новый поворотъ дѣла снялъ съ общества наложенную на него печать молчанія. Оно получило теперь возможность смѣло высказываться по поводу гимназіи и широко воспользовалось этой возможностью. Такъ называемый Lorinserstreit оставилъ послѣ себя цѣлую литературу, составляющую поучительнѣйшее дополненіе къ знакомой намъ восторженной литературѣ той эпохи, которая дала жизнь системѣ классическаго образованія.

Изъ множества книгъ, брошюръ и статей, гдѣ вылилась долго накипавшая въ сердцѣ общества горечь противъ шульцевской гимназіи, я возьму для образчика книгу Шейберта «Das Gymnasium und die höhere Bürgerschule». Авторъ ея былъ сначала учителемъ, затѣмъ директоромъ штетинской гимназіи и кончилъ свою карьеру членомъ силезской окружной школьной коллегіи. Такимъ образомъ, компетентность его въ поднятыхъ имъ вопросахъ стоитъ внѣ сомнѣнія.

«Что такое жизнь нашего гимназиста?—спрашиваетъ Шейбертъ.— Онъ учится съ утра до ночи, а гимназія говоритъ ему, что онъ слишкомъ мало работаетъ дома. Ему приглашаютъ на домъ учителей и репетиторовъ, а гимназическіе наставники его все недовольны; къ нему приставляютъ тогда надзирателя, который слѣдитъ, чтобы ропщущій мальчикъ, не разгибаясь, сидѣлъ за своимъ учебнымъ столомъ и работалъ; мать и сестры сами начинаютъ проходить латинскія и греческія склоненія и спряженія, чтобы этимъ сколько-нибудь подбодрить измучившагося малютку; въ семьѣ перестаютъ праздновать семейныя торжества, чтобы не мѣшать ему заниматься; родные стѣсняются приглашать къ себѣ гостей, перестаютъ устраивать домашнія вечеринки и сами почти никуда не ѣздятъ: иначе пришлось бы еще больше терзать своего гимназиста, не позволяя ему принимать участія въ этихъ невинныхъ, но развлекающихъ удовольствіяхъ; весь домъ живетъ словно

въ осадѣ. Но вотъ гимназистъ перешелъ въ старшіе классы, и всѣ вздохнули легко. Напрасно—скоро всѣ видятъ, что тутъ еще труднѣе и страшнѣе... А гимназиста такое безпрерывное пичканье и помыканье доводитъ, наконецъ, до состоянія безнадежной разсѣянности. Гимназіи на переходныхъ экзаменахъ могутъ сколько угодно доказывать, что онѣ прошли съ воспитанниками весь предписанный для каждаго класса курсъ; въ дѣйствительности, у ихъ воспитанниковъ ничего отъ него въ головѣ не остается, и работа учителей является чистою работою Данаидъ. Какъ туристы только устаютъ отъ бѣготни по музеямъ и художественнымъ галлереямъ и, пересмотрѣвъ слишкомъ много разныхъ интересныхъ вещей, приносятъ домой, вмѣсто чувства освѣженія и удовольствія, одно сознаніе, что все это имъ надоѣло и опротивѣло, такъ выходитъ и съ гимназистами. Мало-по-малу они теряютъ всякую охоту учиться; при безконечномъ количествѣ обязательныхъ занятій имъ и въ голову не приходитъ попытать на чемъ-нибудь свою самостоятельность; новыя знанія теряютъ для нихъ всякую привлекательность: видя, что учителя постоянно ихъ бранятъ и наказываютъ, они трусливо жмутся подальше отъ нихъ и, считая невозможнымъ удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ, безъ зазрѣнія совѣсти пускаютъ въ дѣло всякія увертки, ложь и обманъ. Таковы плоды, выросшіе отъ чрезмѣрнаго обремененія учениковъ. Правду говорятъ, что наши гимназисты вовсе не выматываютъ изъ себя чрезмѣрнаго количества работы—они всякой работы боятся пуще огня; еще справедливѣе то, что они никакъ уже не страдаютъ избыткомъ знаній; но вѣрно вѣдь и то, что очень часто въ тѣхъ самыхъ школахъ, гдѣ отъ учениковъ сравнительно мало требуютъ, они всего больше и всего охотнѣе учатся, оказывая блестящіе успѣхи. Какъ ни парадоксально это звучитъ, но въ общемъ у насъ выходитъ такъ: чѣмъ лучше поставлена гимназія, тѣмъ хуже въ ней ученики». Вслѣдствіе всего этого гимназіи сдѣлались предметомъ своеобразной ненависти со стороны общества. Общество со злорадствомъ изыскиваетъ всѣ ихъ недостатки и видитъ въ оффиціальныхъ отчетахъ объ успѣхахъ гимназій одинъ обманъ. Усиливается же особенно эта ненависть благодаря гимназической монополіи. «Гимназія для всѣхъ сословій превратилась въ образовательный барометръ, и классы ея являются у насъ скалою трубки, указывающей высоту образовательнаго давленія».

Во всемъ этомъ, продолжаетъ Шейбертъ, виноваты вовсе не учителя. Конечно, и они дѣлаютъ часто промахи и вообще надо признать, что они у насъ болѣе ученые, нежели педагоги. Но корень зла лежитъ въ самой системѣ съ ея придирчивымъ контролемъ, безконечными ревизіями и экзаменами. При господствующей постановкѣ дѣла учителя въ гимназіи страдаютъ не менѣе учениковъ. «Если у воспитанниковъ не остается ни охоты, ни времени заниматься самостоятельно какими-нибудь предметами по собственному выбору, то и у преподавателей не

остается ни времени, ни силъ на то, чтобы руководить попытками ученической самостоятельности. Очень большое число уроковъ, къ которымъ прибавляется еще время, необходимое для исправленія на дому ученическихъ работъ, отнимаетъ почти всѣ ихъ силы, а они, сверхъ того, обязаны еще поддерживать свою ученую репутацію (Шульце обязалъ всѣхъ учителей помѣщать періодически ученыя статьи въ такъ называемыхъ «программахъ» гимназій) и нерѣдко вынуждены бываютъ искать добавочнаго заработка». Благодаря этому, они совсѣмъ и не видятъ своихъ воспитанниковъ внѣ уроковъ. А часы уроковъ изъ-за чрезмѣрнаго обремененія обѣихъ сторонъ, изъ-за переполненія классовъ, изъ-за экзаменовъ, превратились въ часы простого спрашиванья. За класснымъ урокомъ никто не учитъ и не учится. Ученики работаютъ дома, а гимназія только провѣряетъ ихъ работу. Да всего, что надо пройти въ гимназіи, и немыслимо выучить на урокахъ. «Такимъ образомъ ученикъ имѣетъ, главнымъ образомъ, дѣло не съ учителемъ, а съ книгою, съ мертвою буквою. Съ дѣтства онъ растетъ буквоѣдомъ. Ревность учителя проявляется при такихъ условіяхъ не въ старательной подготовкѣ къ уроку, а въ энергичномъ преслѣдованіи нерадивости, которую мальчики могли проявить наканунѣ вечеромъ».

На экзаменахъ же лучшими оказываются тѣ ученики, а вмѣстѣ съ ними и тѣ учителя, которые всего беззастѣнчивѣе признаютъ такое положеніе дѣлъ и, отбросивъ въ сторону ученье, прямо занимаются зубрежкой. Экзамены и являются въ концѣ концовъ главной пагубой для преподаванія: они изгнали изъ него всякую задушевность, они лишили его всякаго воспитательнаго вліянія и облагороживающаго воздѣйствія. «Гимназистъ учится всѣмъ предметамъ гимназическаго курса не затѣмъ, чтобы ихъ знать, а затѣмъ, чтобы сдавать по нимъ экзамены. И можно ли ждать чего-нибудь другого? Развѣ экзаменъ не рѣшаетъ вопроса о переходѣ ученика въ слѣдующій классъ, т. е. объ его участи въ школьной жизни, какъ государственный экзаменъ опредѣляетъ потомъ его участь въ гражданской жизни? Конечной цѣлью всей школьной дѣятельности воспитанника является экзаменъ зрѣлости. Удалось ему получить казенное свидѣтельство зрѣлости, онъ вольная птица, ему открыты всѣ жизненные пути; не удалось—и онъ долженъ считать всѣ свои юношескіе годы потерянными. Такимъ образомъ вся жизнь его получаетъ внѣшнюю цѣль, всѣ мотивы его дѣятельности носятъ внѣшній характеръ: а вѣдь пока человѣкъ покончитъ со всѣми экзаменами, ему исполняется уже 25 лѣтъ, а то и побольше». «Гимназисты учатся лишь для экзамена, и разъ онъ миновалъ, они больше знать не хотятъ ни того, чему ихъ учили, ни тѣхъ, кто ихъ училъ. Къ экзамену они наглатываются учености по горло; на экзаменѣ они ее извергаютъ и съ наслажденіемъ сознаютъ, какъ легко стало послѣ этого у нихъ на душѣ». И на этомъ тяжеломъ свинцовомъ небѣ, подъ которымъ трудятся несчастные поденщики образованія, никогда не

бываетъ просвѣта, никогда на немъ не играетъ лучъ солнца. Школа и не помышляетъ о томъ, что ей не худо было бы время отъ времени отъ себя предлагать воспитанникамъ какое-нибудь веселое, живое, бодрящее духъ развлеченіе. «Гимназія не вѣдаетъ школьныхъ торжествъ, не вѣдаетъ праздниковъ. Праздничные дни въ ней — это дни суда, когда ученикамъ сообщаются приговоры относительно ихъ успѣховъ и поведенія: острыми когтями впиваются часто приговоры эти въ душу ребенка, и съ обливающимся кровью сердцемъ онъ ихъ выслушиваетъ. Ученикъ можетъ дождаться отъ школы похвалы, но не радости,—чести, но не удовольствія: отличіями и раздраженіемъ самолюбія замѣняетъ она искреннее, любовно-возбужденное отношеніе къ занятіямъ. Оттого-то теплая атмосфера родительскаго дома отлетѣла отъ школы, а гимназія—да проститъ ей Богъ—хочетъ вернуть ее карцеромъ и палкой».

Въ параллель этимъ скорбнымъ страницамъ, я приведу нѣсколько отрывковъ изъ школьныхъ воспоминаній людей, учившихся въ ту пору, когда старая латинская школа только что начала наполняться новогуманистическимъ духомъ и выпускала въ свѣтъ горячихъ поборниковъ системы классическаго образованія. Извѣстный прусскій педагогъ начала нашего вѣка Динтеръ, такъ много потрудившійся для дѣла народной школы, обучался въ 1773—1779 годахъ въ знаменитой саксонской гимназіи Grimma. Въ школѣ было еще не мало средневѣковщины. Латинскій языкъ безусловно господствовалъ надъ всѣмъ преподаваніемъ: воспитанники старшихъ классовъ разговаривали съ учителями не иначе, какъ по латыни. Но ректоръ гимназіи, Кребсъ, одинъ изъ учениковъ знаменитаго гуманиста Эрнести, умѣлъ вдохнуть жизнь въ эти сухія занятія. Онъ выше всего ставилъ свободный характеръ работы, и подъ его руководствомъ воспитанники пріучались заниматься самостоятельно. «Однажды придя къ намъ въ классъ,—разсказываетъ Динтеръ, — онъ сказалъ намъ: мои почтенные коллеги находятъ, что слѣдовало бы вамъ, выпускному классу, задавать побольше уроковъ. Но этого не будетъ. Начни я давать моимъ выпускнымъ воспитанникамъ много обязательной работы, они выростутъ въ никуда негодныхъ студентовъ». Разъ въ мѣсяцъ гимназисты отправлялись съ ректоромъ въ библіотеку, и каждый просилъ у него какое-нибудь сочиненіе по своему выбору — само собой разумѣется, что оно всегда должно было относиться къ области классической древности. Возвращая полученную книгу обратно, воспитанникъ давалъ отчетъ о ея содержаніи. Въ третьемъ классѣ (считая съ верха) Динтеръ велъ такую самостоятельную работу по «Метаморфозамъ» Овидія, во второмъ по Ливію. «Я такъ ихъ зналъ, что смѣло могъ говорить: прочти мнѣ изъ «Превращеній» первую половину любого стиха, и я договорю вторую; начни мнѣ читать страницу изъ Ливія, и я скажу тебѣ, на какой сторонѣ находится она у меня въ изданіи—на правой или на лѣвой. Два раза я даже бился изъ за

этого объ закладъ и оба раза выигралъ». Динтеръ, конечно, старательно занимался при этомъ и латинскимъ стихосложеніемъ. По-гречески въ гимназіи Кребса работали не такъ усиленно. Еврейскому—Динтеръ выучился по своей охотѣ у одного изъ товарищей. Математикой можно было заниматься, но можно было и не заниматься. Естественной исторіи и нѣмецкаго языка въ программѣ гимназіи совсѣмъ не оказывалось. Географія проходилась по Помпонію Мелѣ *), исторія по маленькому учебнику Нимейера. Такимъ образомъ со всѣми этими предметами Динтеръ познакомился серьезно лишь въ университетѣ. И тѣмъ не менѣе, онъ сохранилъ до конца дней глубокую любовь и благодарность къ воспитавшей его гимназіи. «Я вышелъ оттуда, не читавъ ни Софокла, ни Эврипида, и понятія не имѣя о коническихъ сѣченіяхъ: приступающіе теперь къ экзамену зрѣлости юноши все это знаютъ. Зато все, что я зналъ, было дѣломъ моего личнаго любовнаго труда, и моя академическая карьера показала, что это значитъ. Вѣрьте твердо: если въ старшихъ классахъ ученикамъ предоставляется большая свобода, то она, конечно, неблагопріятно отражается на успѣшности занятій слабыхъ или лѣнивыхъ воспитанниковъ, но наука и большинство дѣльныхъ юношей отъ нея остаются въ полномъ выигрышѣ».

Такимъ же свѣтлымъ чувствомъ проникнуты воспоминанія извѣстнаго филолога Дёдерлейна о другой знаменитой саксонской гимназіи Schulpforta, которая считаетъ въ числѣ своихъ воспитанниковъ Тирша, Диссена, Нэке, Нитча, Леопольда и Фердинанда Ранке, Петера, Яна, Боница и цѣлый рядъ другихъ видныхъ работниковъ нѣмецкой науки. «Въ наше время,—говоритъ Дёдерлейнъ,—постановка преподаванія въ этой гимназіи безспорно являлась очень одностороннею: все сосредоточивалось на древнихъ языкахъ. Кто хотѣлъ пользоваться какимъ-нибудь уваженіемъ со стороны учителей и товарищей, тотъ долженъ былъ основательно знать эти языки и обладать начитанностью въ классикахъ. Правда, у насъ былъ также особый и очень уважаемый преподаватель математики; но кто не хотѣлъ ей заниматься, того и не заставляли: въ такомъ случаѣ довольно было исправно посѣщать уроки. Воспитанники, увлекавшіеся этимъ предметомъ, пользовались со стороны товарищей уваженіемъ, но на нихъ глядѣли, какъ на чудаковъ съ очень странными вкусами. Напротивъ, тѣ изъ учениковъ, которые набрасывались на исторію и географію—этихъ предметовъ до 1808 г. у насъ даже совсѣмъ не было въ программѣ—находились у насъ не въ почетѣ: мы считали ихъ межеумками, набивающими себѣ голову всякимъ хламомъ или просто забавляющимися чтеніемъ интересныхъ книжекъ. Предъ умѣньемъ писать хорошо латинскіе и греческіе стихи мы преклонялись, но мы безпощадно поднимали на смѣхъ товарищей, которые пописывали нѣмецкіе стишки. Наряду съ строжайшимъ внѣш-

*) Римскій географъ I-го вѣка по Р. Х.

нимъ порядкомъ жизни у насъ царила въ старшихъ классахъ самая широкая свобода занятій. Лѣтъ съ семнадцати мы становились въ глазахъ начальства взрослыми людьми, которые должны работать по собственной охотѣ; если же ея не оказывалось, то начальство считало, что этому горю ничѣмъ не поможешь, и что пускать въ ходъ надзоръ, взысканія и понуканья совершенно не стоитъ труда. Благодаря такой свободѣ, мы были исполнены чувствомъ личнаго достоинства. Любовь къ предмету или развѣ похвала всѣми уважаемаго наставника, а не разсчетъ на награду или страхъ предъ наказаніемъ вызывали въ насъ то трудолюбіе, которымъ всегда славилась наша гимназія».

Авторы этихъ воспоминаній сознательно выдвигали въ нихъ на первый планъ именно тѣ черты, которыми прежняя гуманистическая школа особенно рѣзко отличалась отъ казенной прусской гимназіи. Отвлеченно разницу эту можно формулировать такъ. У передовыхъ школъ блестящей эпохи ново-гуманизма было три жизненныхъ принципа: единство преподаванія, свобода и самодѣятельность. Казенная прусская гимназія замѣнила эти принципы тремя другими: она написала надъ своими дверями—всесторонность образованія, надзоръ, экзамены. Здѣсь и надо было искать, по мнѣнію Шейберта, Динтера, Дедерлейна и другихъ педагоговъ ихъ школы, причину того печальнаго явленія, что тѣ самыя занятія, которыя нѣкогда велись въ гимназіи съ такимъ одушевленіемъ, превратились въ тяжкій крестъ для учащихъ и учащихся.

Но само собой разумѣется, что въ поднятомъ статьей Лоринзера спорѣ существовавшій школьный строй тоже не испытывалъ недостатка въ корыстныхъ и безкорыстныхъ защитникахъ. Изъ послѣднихъ особенно выдается Дейнгардтъ, авторъ пространной работы «О гимназическомъ преподаваніи съ точки зрѣнія научныхъ требованій нашего времени». Очень характеренъ для эпохи способъ его полемики съ противниками. Какъ истый гегеліанецъ, Дейнгардтъ рѣшительно отказывается признавать какую-нибудь цѣну за «субъективными наблюденіями», въ родѣ приведенныхъ мною выше, и строго философскимъ путемъ приходитъ къ выводу, что за существующей прусской гимназіей должна быть признана полная «объективная разумность».

Впрочемъ, лучшимъ защитникомъ новой гимназіи являлся безспорно самъ ея творецъ, Іоганнъ Шульце. Его пространный циркуляръ отъ 24 октября 1837 года, гдѣ онъ излагаетъ результаты, къ которымъ пришло предписанное королемъ оффиціальное разслѣдованіе вопроса о переутомленіи, долженъ былъ, по мнѣнію министерства, сразу пресѣчь всѣ поднявшіеся въ обществѣ толки о необходимости гимназической реформы.

Полученные министерствомъ доклады окружныхъ школьныхъ коллегій и отзывы компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ—такъ говоритъ этотъ циркуляръ, представляющій итоги и апологію всей административной дѣятельности Шульце—даютъ министерству полное право утверждать,

что выработанная имъ организація средняго образованія является разумной и необходимой. «Гимназическіе учебные предметы, какъ-то: нѣмецкій, латинскій и греческій языки, религія, философская пропедевтика, математика съ физикой и естествознаніемъ, исторія, географія и, наконецъ, техническіе навыки въ каллиграфіи, рисованіи и пѣніи, при своемъ расположеніи въ закономѣрномъ, приспособленномъ къ юношескому возрасту порядкѣ, составляютъ необходимую основу всякаго высшаго образованія и стоятъ къ конечной цѣли гимназіи въ столь же естественномъ, сколь необходимомъ отношеніи. Опытъ вѣковъ и приговоръ свѣдущихъ лицъ, голосу которыхъ должно придаваться особое значеніе, говорятъ за то, что именно эти учебные предметы являются лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы чрезъ нихъ и на нихъ пробуждать, развивать и укрѣплять всѣ духовныя силы и давать юношеству необходимую для успѣшныхъ занятій науками подготовку какъ съ формальной стороны, такъ и со стороны содержанія. Они собрались въ гимназію не случайно, не по чьему-нибудь произволу: они существовали въ гимназіи искони и въ теченіе столѣтій расли въ ней и крѣпли, какъ части одного живого организма». Поэтому-то ни одного изъ указанныхъ предметовъ нельзя вычеркнуть изъ гимназической программы, и всѣ клонящіяся къ тому предложенія должны быть отклонены, какъ нецѣлесообразныя и неисполнимыя.

Отчего же при всей разумности и необходимости учебной организаціи дѣло въ гимназіи идетъ иногда не такъ, какъ слѣдуетъ, и гимназія подаетъ поводы къ нареканіямъ со стороны общества? Отвѣтъ на это ясенъ: разъ основной планъ безошибочно вѣренъ, то неуспѣшность результатовъ можетъ являться только слѣдствіемъ его плохого выполненія. На учителей падаетъ отвѣтственность за всѣ недостатки, въ которыхъ обвиняютъ гимназію. Ихъ неразумное рвеніе и неумѣлое преподаваніе больше всего поддерживаютъ въ умахъ общества ту ложную мысль, будто всесторонность гимназической программы неизбѣжно должна убивать силу мысли и вселять путаницу въ головахъ воспитанниковъ. Такимъ образомъ, чтобы освободить гимназію отъ замѣченныхъ въ ней недостатковъ, надобна не свобода, а напротивъ, надобенъ болѣе строгій надзоръ за ходомъ преподаванія.

Согласно такому взгляду циркуляръ предписываетъ окружнымъ школьнымъ коллегіямъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы директора держали подъ своимъ неослабнымъ контролемъ всѣхъ преподавателей ввѣренныхъ имъ гимназій. Онъ рекомендуетъ затѣмъ, чтобы каждая гимназія въ началѣ учебнаго года представляла въ округъ свою программу занятій и въ руководство предлагаетъ выработанное министерствомъ нормальное росписаніе уроковъ по классамъ. Кромѣ того, каждый учитель въ началѣ учебнаго полугодія долженъ былъ предъявлять педагогическому совѣту программу тѣхъ работъ, которыя онъ намѣренъ былъ давать ученикамъ на домъ, расписавъ ее по мѣсяцамъ, недѣ-

лямъ и днямъ. Общее число обязательныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ не должно было теперь превышать 32 часовъ въ недѣлю. Что касается времени, нужнаго для ихъ приготовленія, то министерство не поминаетъ болѣе о пяти часахъ, которые раньше оно считало нормой для старшихъ классовъ: оно неопредѣленно говоритъ, что при соблюденіи всѣхъ указанныхъ имъ предосторожностей у воспитанниковъ необходимо должно оставаться время и на отдыхъ, и на свободную работу. Наконецъ, въ интересахъ физическаго развитія учащихся циркуляръ предписывалъ ввести въ школу занятія гимнастикой.

Познакомимся теперь съ приложеннымъ къ этому циркуляру окончательнымъ «нормальнымъ» учебнымъ планомъ классической гимназіи, гдѣ Шульце подвелъ итогъ всѣмъ уступкамъ, которыя онъ принужденъ былъ разновременно сдѣлать жизни. Сравнивая планъ 1837 года съ проектомъ, представленнымъ Зюферномъ министерству въ 1812 г., мы находимъ прежде всего въ гимназіи два новыхъ обязательныхъ предмета—философскую пропедевтику и французскій языкъ. Философская пропедевтика была введена въ гимназію по настоянію Гегеля; французскій же языкъ самъ туда вернулся, такъ какъ, несмотря на доказанную его ненужность съ педагогической точки зрѣнія, родители упорно считали его совершенно необходимымъ для своихъ дѣтей. Но для насъ гораздо важнѣе тѣ перемѣны, которыя произведены были Шульце въ распредѣленіи времени между главными предметами гимназическаго курса. По плану Зюферна изъ общаго числа 318 уроковъ въ недѣлю (при десятилѣтнемъ курсѣ) на латинскій яз. отводилось 76, на греческій—50, на нѣмецкій—44 и на математику—60. По плану 1837 года изъ общаго числа 280 уроковъ (при девятилѣтнемъ курсѣ) на латинскій яз. отведено было 86, на греческій—42, на нѣмецкій—22 и на математику—33. Надо замѣтить, что требованія по латинскому языку вовсе не были при этомъ возвышены. Зато, какъ само собой разумѣется, требованія по нѣмецкому, по греческому и по математикѣ, при сокращеніи числа отведенныхъ имъ часовъ, пришлось сильно понизить. Широкая программа математики, установленная Зюферномъ, мало-по-малу свелась къ элементамъ алгебры, геометріи и тригонометріи; невниманіе гимназіи къ родному языку было предметомъ постоянныхъ жалобъ со стороны общества; что же касается греческаго, то при всемъ вниманіи, которымъ онъ пользовался со стороны гимназическихъ властей, успѣхи учениковъ въ немъ оказывались ничтожны. Уже въ 1829 году одна изъ окружныхъ школьныхъ коллегій настойчиво внушала директорамъ и преподавателямъ древнихъ языковъ, чтобы они отнюдь не держали на слишкомъ высокомъ уровнѣ свое преподаваніе. Когда въ гимназіи, говорила она, читаютъ такія лекціи, которыя впору было бы слушать развѣ студентамъ филологамъ, то греческій языкъ начинаетъ внушать гимназистамъ одинъ безпредѣльный страхъ. Въ гимназіи не надо мудрствовать лукаво. Учитель долженъ твердить съ учениками этимологическія формы, не пренебрегая этимъ

и въ старшихъ классахъ; онъ долженъ затѣмъ постоянно давать устныя и письменныя упражненія на главныя правила синтаксиса и заботиться о надлежащемъ запасѣ словъ. Окружная коллегія рекомендовала преподавателямъ для достиженія послѣдней цѣли составить списокъ тысячи въ три важнѣйшихъ коренныхъ словъ, расположить его въ алфавитномъ порядкѣ и учить съ гимназистами, начиная съ младшихъ классовъ и до послѣдняго года.

Всѣ эти перемѣны въ планѣ ясно показываютъ, что тотъ идеально зрѣлый юноша съ всестороннимъ развитіемъ ума и съ греческой душой, о которомъ нѣкогда мечтали ново-гуманисты, такъ и остался въ области идеала, не согласившись воплотиться въ прусскомъ «абитуріентѣ». Въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли было, чтобы ученики, съ которыми и въ старшихъ классахъ приходилось твердить этимологическія формы, могли получать отъ греческихъ авторовъ то, на что надѣялись Гумбольдтъ и Зюфернъ? А разъ знакомство съ эллинскимъ духомъ силою вещей свелось къ знакомству съ элементами греческой грамматики и съ нѣсколькими отрывками изъ менѣе трудныхъ авторовъ, то присутствіе греческаго языка въ гимназіи въ качествѣ для всѣхъ обязательнаго предмета являлось уже ничѣмъ не оправдывающейся странностью *).

*) По общему признанію современниковъ, Гёте явился человѣкомъ, которому удалось полнѣе всего осуществить въ своей личности ново-гуманистическій идеалъ развитія. Для насъ поэтому особенно интересно видѣть, какъ относился Гёте къ сфабрикованнымъ въ прусской гимназіи нѣмецкимъ «эллинамъ». «Какъ вы знаете,—говорилъ Гёте въ одной бесѣдѣ съ Эккерманомъ,—не проходитъ почти дня, чтобы у меня не побывалъ кто-нибудь изъ проѣзжающихъ здѣсь иностранцевъ. Но, по правдѣ сказать, я рѣдко выношу отъ нихъ пріятное впечатлѣніе: особенно не по душѣ мнѣ приходятся молодые нѣмецкіе ученые съ сѣверо-востока Германіи. Близорукіе, блѣдные, съ ввалившейся грудью, въ юныхъ лѣтахъ безъ тѣни молодости—вотъ какіе они обыкновенно бываютъ изъ себя. Чуть лишь у насъ завязывается разговоръ, какъ я уже вижу, что тѣ вещи, которыя живо интересуютъ насъ съ вами, для нихъ представляются презрѣнной пошлостью: они признаютъ только идеи и способны интересоваться лишь высшими спекулятивными проблеммами. О здоровыхъ чувствахъ, о живомъ пониманіи чувственнаго—въ нихъ нѣтъ и помина; молодая жизнерадостность изъ нихъ вытравлена и вытравлена безвозвратно: кто не былъ молодъ на двадцатомъ году, тому не увидать уже молодости, когда ему стукнетъ сорокъ лѣтъ.

«Я вообще не могу одобрить, что у насъ въ школѣ къ будущимъ членамъ гражданскаго общества предъявляютъ такія высокія требованія по части теоретической учености, подрывая этимъ ихъ физическую и духовную энергію. Когда они вступаютъ въ практическую жизнь, то у нихъ оказывается огромный запасъ всякихъ отвлеченныхъ, философскихъ познаній; но въ узкомъ кругѣ жизненной дѣятельности познанія эти оказываются неприложимыми и потому наконецъ совсѣмъ забываются. А ради этого ненужнаго скарба школа отняла у нихъ то, безъ чего въ жизни нельзя обойтись: ея питомцамъ не хватаетъ тѣлесной и душевной бодрости, которыя такъ необходимы при всякомъ родѣ практической дѣятельности.

«И потомъ, развѣ служителю государства въ сношеніяхъ съ ввѣренными его руководству людьми не слѣдуетъ быть проникнутымъ любовью и благожелательствомъ? А откуда возьмется у человѣка благожелательство къ другимъ, когда онъ самъ не знаетъ, что такое счастье?»

Шульце могъ бы припомнить въ 1837 году, что говорилъ въ свое время о планѣ классической гимназіи никто иной, какъ Фр. Авг. Вольфъ, тотъ самый Вольфъ, на котораго такъ охотно ссылаются всѣ защитники классицизма и котораго они, къ сожалѣнію, такъ мало читаютъ. Что касается греческаго языка въ гимназіи, писалъ Вольфъ своимъ друзьямъ въ прусскихъ правительственныхъ сферахъ, то къ нему совсѣмъ не надо привлекать тѣхъ мальчиковъ, у которыхъ не оказывается особой способности и охоты къ занятію языками. Уроки греческаго должны являться не обязательною повинностью, а скорѣе наградою за успѣхи въ другихъ предметахъ. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ воспитаннику учиться по гречески, необходимо должно обусловливаться его собственнымъ согласіемъ и согласіемъ его родителей. Начни учить по гречески всѣхъ гимназистовъ безъ разбора и противъ ихъ воли и выйдетъ, что даже тѣ, кто могъ бы оказывать дѣйствительные успѣхи, будутъ подвигаться впередъ черепашьимъ шагомъ. И при томъ надо помнить, что люди скроены не на одинъ образецъ, и что не все годится для всѣхъ. Такъ, очень рѣдко можно встрѣтить, чтобы филологическія и математическія дарованія соединялись въ одномъ лицѣ. Школа должна съ этимъ внимательно считаться, и разъ человѣкъ оказывается слабо одареннымъ въ одной изъ ея областей, она поступитъ правильно, понизивъ здѣсь свои требованія, чтобы дать ученику возможность выше подняться тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя привольно.

Но все это для Шульце слишкомъ отзывалось бредившимъ свободою XVIII вѣкомъ. Въ Вольфѣ онъ чтилъ только филолога, создавшаго дорогую его сердцу теорію о благодѣтельномъ вліяніи древнихъ языковъ на развитіе формальнаго мышленія. Въ другихъ же вопросахъ онъ клялся именемъ Гегеля, и никто не могъ ожидать отъ строгаго гегеліанца, чтобы онъ отступился отъ философски обоснованнаго его великимъ учителемъ плана только въ виду доводовъ простого здраваго смысла.

Зато люди, не смогшіе постигнуть тайнъ гегелевской премудрости и принужденные жить «ограниченнымъ разумомъ подданныхъ», въ свою очередь, рѣшительно отказывались понимать, что такое представляетъ изъ себя задуманная Гумбольдтомъ и осуществленная Шульце классическая школа. «Тысячи молодыхъ людей,—писалъ по этому поводу довольно извѣстный въ свое время педагогъ Магеръ,—по приказанію свыше проводятъ семь, восемь, иногда десять лѣтъ жизни въ занятіяхъ латинскимъ и греческимъ и къ окончанію курса знаютъ по этимъ языкамъ меньше, чѣмъ знали у Тротцендорфа или Штурма двѣнадцатилѣтніе мальчики. Строй нашей гимназіи—одно изъ проявленій той великой лжи, которою больна вся наша общественная жизнь. Глядя на то, что дѣлается въ гимназіи, можно подумать, что правительство, учителя древнихъ языковъ и родители учениковъ затѣяли между собой

какую-то игру, гдѣ всѣ участники должны расплачиваться другъ съ другомъ фальшивою монетою. Родители смотрятъ на восемь лѣтъ гимназическаго ученія, какъ на повинность, которую долженъ заплатить всякій, кто хочетъ впослѣдствіи кормиться изъ государственныхъ яслей; школьныя власти, повидимому, приписываютъ латино-греческому преподаванію тайную волшебную силу; но всего непонятнѣе, какъ могутъ находиться учителя, которые соглашаются всю жизнь ходить въ такомъ мельничномъ колесѣ. Мельница должна давать муку, и ни одинъ человѣкъ, ходя въ ея топчакѣ, не согласится довольствоваться формальнымъ успѣхомъ, тѣмъ, что колесо вертится; а наши педагоги дошли до того, что рѣшаются утверждать, будто цѣлью занятій по древнимъ языкамъ можетъ являться вовсе не знаніе этихъ языковъ».

«Синяя книга»—подъ такимъ именемъ извѣстенъ циркуляръ 1837 г. въ лѣтописяхъ нѣмецкой школы—была лебединою пѣснью Шульце. Предложенныя въ ней мѣры къ разрѣшенію гимназическаго кризиса не успѣли еще получить окончательной санкціи свыше, какъ умеръ Альтенштейнъ, а слѣдомъ за нимъ и старикъ король. Для новаго же монарха не было сомнѣнія, что общество имѣло полное основаніе жаловаться на классическую гимназію, и онъ поспѣшилъ сдать Шульце въ архивъ. Но общество не долго могло этому радоваться: новые руководители дѣломъ народнаго просвѣщенія при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV повели среднюю школу по еще горшимъ мытарствамъ.

Н. Сперанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СО ВЗЛОМОМЪ.

Разсказъ **Маріи Конопницкой.**

Въ тотъ день судебная палата была почти совсѣмъ пуста. Съ утра моросилъ дождикъ, на улицахъ была грязь непроходимая и всякій благодарилъ судьбу, если только могъ оставаться дома.

Къ тому же, интересъ публики былъ уже нѣкоторымъ образомъ исчерпанъ недавно законченнымъ дѣломъ гг. Градевица и Горнштейна. Блестѣвшая остроуміемъ защитительная рѣчь пріѣхавшаго издалека адвоката, изслѣдованія экспертовъ, показанія свидѣтелей изъ высшихъ сферъ общества, наконецъ, прибытіе красавицы г-жи Луніа, которая, ради подачи показаній, должна была порвать свое лѣченіе во Франценсбадѣ и блистала на судѣ своимъ освѣженнымъ личикомъ съ великолѣпными золотисто-черными глазами и роскошными новыми туалетами—все это привлекло къ этому дѣлу вниманіе и интересъ пинской публики, который затѣмъ сталъ быстро охладѣвать.

На очереди стояли одни лишь крестьянскія дѣла, при которыхъ засѣданія тянутся страшно медленно и на которыхъ не услышишь блестящихъ рѣчей адвокатовъ, не увидишь представителей высшаго круга.

И господа присяжные, будучи, повидимому, такого же мнѣнія, поздно вставали изъ-за картъ, долго спали, обильно ѣли. Отъ одного заѣзжаго дома къ другому то и дѣло бѣгали мишурисы, шлепая туфлями по деревяннымъ, высоко приподнятымъ надъ грязными лужами, тротуарамъ, торговля въ магазинахъ винъ, ликеровъ и бакалейныхъ товаровъ шла необыкновенно бойко; зато передъ зданіемъ судебныхъ засѣданій улица пустѣла съ каждымъ днемъ.

Бывало, здѣсь пройти нельзя было отъ тѣсноты и толкотни, и всякій норовилъ пойти по этой улицѣ, будто мимоходомъ, постоять, потолковать—ничего этого не было теперь: рѣдко-рѣдко кто проходилъ по ней. Даже факторы сюда не заглядывали, а заглянувши случайно, презрительно сплевывали сквозь зубы.

Правда, собирались тутъ еще кучками мужички изъ Волгатичъ, изъ Крынекъ, изъ Загайнаго, изъ Мытрыкъ, Долгушекъ, изъ Корнятъ, да что выжмешь изъ полѣщука, который въ городъ обыкновенно приходитъ безъ гроша за душой, съ краюхой чернаго хлѣба за пазухой, съ

горсткой толокна въ тряпицѣ, и этимъ питается онъ дня три и четыре даже? Даже рыжій Юдко не показывался между ними, а это было вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что отъ этихъ пропитанныхъ дегтемъ и пóтомъ тулуповъ не поживишься ничѣмъ: тонкое чутье Юдки далеко угадывало пустой карманъ.

Но вотъ насталъ день, когда не видать было и этихъ мужичковъ; разошлись они всѣ, каждый за своей нуждой. Въ судѣ разбиралось послѣднее дѣло, оставленное на самый конецъ, не возбуждавшее ничьего интереса, не привлекавшее ничьего вниманія. Это было какое-то ничтожное дѣлишко о кражѣ сыра и масла.

— Нищенки какіе-то!—говорилъ остроумный панъ Іеронимъ, раздавая карты въ заѣзжемъ домѣ Шіи Фроима.

Никому и дѣла не было до этихъ «нищенокъ». Только двѣ бабы, одна въ тулупѣ и сапогахъ, другая въ платкѣ, понявѣ и онучахъ, вошли въ ворота суда и исчезли въ нихъ.

Улица совершенно опустѣла. Только у стѣны дома, находившагося противъ судебной палаты, стоялъ «дидъ» въ рваномъ тулупѣ и порыжѣвшей, нахлобученной на уши, шапкѣ, цвѣтъ которой мало отличался отъ цвѣта его колтуноватыхъ волосъ и рыжеватой бороды. Лицо его еще не было совсѣмъ старо, но сильно обезображено оспой, да и водка оставила на немъ свои слѣды. У ногъ его, обутыхъ въ лапти, сидѣла на заднихъ лапкахъ небольшая, бураго цвѣта собаченка, привязанная за веревочку къ желѣзной палкѣ, служившей «диду» подпорой.

Напротивъ, въ судебной палатѣ, ярко свѣтились окна освѣщенной залы. Туда-то смотрѣли и «дидъ», и собаченка, но, между тѣмъ, какъ «дидъ» глядѣлъ равнодушно и тупо, во взглядѣ собаченки сказывалось явное безпокойство и нетерпѣніе.

Между тѣмъ, по пустой улицѣ, словно въ открытомъ полѣ, гудѣлъ вѣтеръ, задувая желтое пламя фонаря, развѣвая бороду «дида» и его заплатанный тулупъ, а собачка, вся дрожа отъ рѣзкаго холода, начинала жалобно и отрывисто завывать, слегка порываясь къ воротамъ суда. Но сильный толчокъ ногою заставлялъ ее сидѣть на мѣстѣ, и, поджавъ подъ себя хвостъ, она снова съ величайшей тревогой всматривалась въ окна палаты.

А тамъ, въ большой теплой комнатѣ, привѣтливо горѣли по стѣнамъ яркіе огоньки, освѣщая позолоту недавно выкрашеннаго потолка; сѣрыя шторы на высокихъ окнахъ были опущены; строгими, безмолвными рядами стояли высокія пустыя скамьи, кончаясь небольшой галлереей, которая на нѣкоторомъ возвышеніи поднималась какъ разъ напротивъ стола, за которымъ засѣдали судьи. На одной изъ этихъ скамей, у самаго входа въ палату что-то чернѣлось: это былъ служитель, который, видя, что никто не приходитъ, на цыпочкахъ подошелъ къ скамейкѣ, присѣлъ на ней, предварительно съ достоинствомъ раздвинувъ полы мундира, и, сгорбившись, началъ осторожно понюхивать табакъ.

Полный свѣтъ спускавшейся съ потолка люстры падалъ на стоявшаго у края стола прокурора. Это былъ мужчина уже не первой молодости, хорошо сложенный, съ неторопливыми движеніями. Голова у него была большая, круглая, вся лысая, лицо мясистое, глаза тусклые, выпуклые, въ золотыхъ очкахъ, свѣтлые большіе усы, совершенно обросшія волосами щеки и подбородокъ, взглядъ немного грустный. Онъ говорилъ тяжеловато, почти монотонно, но голосъ у него былъ теплый и задушевный. Вообще, во всѣхъ чертахъ его лица и во всей его фигурѣ сквозило особенное добродушіе, свойственное полнымъ людямъ, которое мало гармонировало съ его ролью публичнаго обвинителя.

Передъ нимъ, въ видѣ амфитеатра, были расположены скамьи для господъ присяжныхъ, по правую его руку стояли стулья и столики защитниковъ, а по лѣвую—блестѣли мундиры предсѣдателя и его товарищей. Предсѣдатель сидѣлъ въ своемъ креслѣ, оперпшись на его ручки и слегка склонивъ на грудь голову; налѣво и направо отъ него сидѣло еще двое господъ, изъ которыхъ одинъ просматривалъ бумаги, а другой забавлялся, вставляя въ глазъ монокль и тотчасъ же сбрасывая его легкимъ, почти незамѣтнымъ движеніемъ носа. Не смотря на это, онъ, казалось, внимательно слѣдилъ за рѣчью прокурора, придавъ другому, незанятому глазу сосредоточенное и мечтательное выраженіе.

На скамьяхъ присяжныхъ, по обыкновенію, пестрота костюмовъ и разнообразіе званій, возрастовъ и физіономій; но на всѣхъ лицахъ одно общее выраженіе усталости. Ничего удивительнаго: на послѣднихъ судебныхъ засѣданіяхъ это—явленіе самое обыкновенное, и нужно чрезвычайно занимательное, капитальное дѣло, чтобы согнать съ этихъ лицъ выраженіе усталости и вдохнуть въ нихъ оживленіе и интересъ.

Но, видно, сегодня, разбиралось не капитальное дѣло; чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно было взглянуть на сидѣвшаго у бокового столика защитника.

Господинъ сей то и дѣло зѣвалъ, щурилъ глаза и погружался въ слѣдующее интересное занятіе: разсматривалъ сперва ногти лѣвой руки, потомъ ногти правой, затѣмъ опять лѣвой, потомъ еще разъ правой и, наконецъ, обѣихъ сразу.

Это одно уже какъ нельзя лучше характеризовало его роль защитника ex officio. Защитникъ ex officio обыкновенно возится съ своими ногтями во все продолженіе рѣчи прокурора, развѣ отвлечетъ его отъ этого звонъ въ правомъ или лѣвомъ ухѣ. А то возьметъ лежащую передъ нимъ бумажку и, самъ того не сознавая, начнетъ выводить на ней букву L или букву S съ неимовѣрной, все увеличивающейся, быстротой, и только когда вся четвертушка будетъ испещрена, онъ пробуждается изъ своего забытья и окидываетъ присутствующихъ слегка удивленнымъ взоромъ.

Время шло. Газовые огоньки издавали однообразный трескъ; со скамьи, гдѣ сидѣли свидѣтели, доносилось сильное сопѣніе, изрѣдка прерываемое храпомъ, который, впрочемъ, тотчасъ же обрывался.

Зала вся сіяла лучезарнымъ свѣтомъ и великолѣпіемъ; все въ ней, казалось, дышало теплотой и лаской. Ярко горѣли свѣчи въ блестящихъ подсвѣчникахъ, освѣщая покрытый краснымъ сукномъ столъ; сверкали всѣми цвѣтами радуги хрустальные письменные приборы, граненые графины и стаканы; блистали богато расшитые, украшенные звѣздами и лентами, мундиры; лучи люстры обливали свѣтомъ широкую, неровную лысину прокурора, отражаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и на серебряномъ крестѣ, стоявшемъ на столѣ, и даже на блестящемъ штыкѣ стоявшаго у дверей солдата.

Но при всемъ томъ обращало на себя вниманіе то странное обстоятельство, что въ залѣ совсѣмъ не видать было обвиняемыхъ. Высокія, похожія на закрытыя мѣста пѣвчихъ въ церкви, скамьи подсудимыхъ казались совершенно пустыми.

Казалось, все великолѣпіе, вся роскошь судебной палаты были направлены на какое-то безъимянное, безличное преступленіе; казалось, что эту громадную судебную машину завели и пустили въ ходъ только для пробы, какъ пускаютъ первый поѣздъ желѣзной дороги по новой насыпи.

Но это только казалось. Въ пустыхъ, повидимому, скамьяхъ отъ времени до времени слышался легкій шумъ, напоминающій шорохъ мышей; отъ времени до времени доносилось оттуда шлепанье нѣсколькихъ паръ босыхъ ножекъ. Такъ кролики, забравшись въ ямку подъ поломъ избы, невидимками топчутся по разглаженной глинѣ.

Прокуроръ кончалъ свою рѣчь.

Это была одна изъ тѣхъ рѣчей, всѣ обороты которыхъ легко предугадать заранѣе. Тема была избитая, гладкая, какъ наилучшій санный путь; слова, разъ пущенныя въ ходъ, свободно лились сами изъ устъ автора.

— Мелкіе проступки,—говорилъ онъ,—одно и то же, что маленькія вѣточки, которыя употребляются для прививки. Какъ изъ вѣточекъ выростаютъ деревья, такъ изъ мелкихъ проступковъ рождаются большія преступленія. Что же такое, разберемъ, малое преступленіе и что такое преступленіе большое? Въ основѣ это—одно и то же посягательство на законъ, то же нарушеніе общественнаго порядка. Если бы правосудіе чаще уничтожало первые зародыши преступленій, зараза порока не распространялась бы на цѣлыя массы съ такой роковой и неудержимой силой. Преступникъ, наказанный во-время, это—человѣкъ почти спасенный, но поздно будетъ вырывать его изъ когтей порока, когда онъ ужъ запятналъ себя позоромъ несмытыхъ и неотомщенныхъ преступленій.

Онъ остановился, переводя духъ. Собственно, онъ могъ или этимъ же закончить свою рѣчь, или продолжать ее: у него былъ свободный выборъ между тѣмъ и другимъ. Съ минуту казалось, что онъ тутъ кончитъ; быть можетъ, онъ и самъ подумывалъ объ этомъ. Какъ человѣкъ спокойный, добродушный, онъ не любилъ всѣхъ этихъ воззваній

къ правосудію, которыми какъ бы обязательно заканчивается всякая прокурорская рѣчь. Сердце у него было мягкое, да и вообще, правду сказать, ему не хотѣлось въ данномъ случаѣ выступать cum apparato belli; просто даже не стоило рукъ марать. Ну, подумать только: три сыра да кусокъ масла!

«Боже ты мой! Да вѣдь нашъ братъ и за завтракомъ, душечка, справился бы съ этимъ!»

Защитникъ, котораго къ концу прокурорской рѣчи стало охватывать нѣкоторое безпокойство, кидалъ на него короткіе быстрые взгляды. Очевидно было, что онъ чего-то ждетъ и чего-то боится.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и, опустивъ глаза, еще внимательнѣе прежняго сталъ разглядывать свои ногти: взглядъ выпуклыхъ глазъ прокурора упалъ на столъ, гдѣ, въ качествѣ вещественнаго доказательства, лежала длинная, загнутая съ одного конца, палочка, точь-въ-точь такая, какую употребляютъ садовники для сбрасыванія весной гусеницъ съ грушъ и яблонь.

Въ то же время, защитникъ, разсматривавшій свои ногти, сдѣлался предметомъ наблюденія для господина предсѣдателя; скосивъ свои прекрасные продолговатые глаза, устремилъ на него тотъ свой взоръ и долго-долго, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, разглядывалъ его.

— Еще слово, господа!—продолжалъ въ эту минуту прокуроръ свою рѣчь.—Въ данномъ случаѣ является еще одно обстоятельство, не мало отягчающее вину подсудимыхъ и тѣмъ склоняющее судъ къ бóльшей строгости: обстоятельство это—то, что предметы, состовляющіе сущность проступка, украдены ими изъ-подъ замка, причемъ самый замокъ оказался поврежденнымъ. Беззаконіе, какое позволили себѣ въ этомъ случаѣ обвиняемые, такъ ужасно, такъ возмутительно, что этого одного достаточно, чтобы направить противъ нихъ мечъ карающаго правосудія. Передъ вами, господа, неопровержимое доказательство ихъ виновности! Вотъ то орудіе преступленія, которое помогло обвиняемымъ совершить одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ проступковъ, какіе предусмотрѣны закономъ. Обращаюсь къ вамъ, господа присяжные, и надѣюсь, что вы не задумаетесь выразить свое справедливое негодованіе отъ лица всего общества!

Онъ кончилъ и, словно теперь только самъ услышалъ собственныя слова, удивился и мутнымъ, неувѣреннымъ взглядомъ окинулъ присутствующихъ.

Что за чертъ! Вѣдь, кажется, такъ былъ расположенъ къ снисходительности, къ мягкости, а вонъ какъ выпалилъ! Ей-Богу, и не думалъ, и не гадалъ! А смотри-ка, душечка, что вышло! А?.. Вотъ такъ привычка! Вотъ такъ штука! Пугалъ Иванъ волкомъ, пугалъ, анъ глядь, козу и задушилъ! А?..

Онъ тихо разсмѣялся про себя, махнулъ рукой и тяжеловато опустился въ кресло.

Между тѣтъ за столомъ и на скамьяхъ поднялось движеніе. Сидѣвшіе тамъ зашевелились, зашептались, тотъ крякнулъ, другой вытянулъ шею, чтобы взглянуть на злополучную палочку.

Берестяная табакерка заходила между свидѣтелями. Кто-то чихнулъ, другой пожелалъ ему здоровья шепотомъ, тѣмъ славнымъ мужицкимъ шопотомъ, который за полъ-версты услышишь, кто-то зѣвнулъ такъ, что челюсти затрещали.

Между тѣмъ служитель тихохонько подвигался на самый край скамейки и усердно смотрѣлъ по направленію къ столу, дескать, береженаго и Богъ бережетъ. Однако, никто, славу Богу, не показывался. Лишь за дверьми, изъ холодной пріемной доносилось шлепанье босыхъ ногъ да жалостливое плаксивое сморканье, смѣшивавшееся со вздохами и шепотомъ. Но это ни мало не безпокоило служителя.

Онъ отлично зналъ, что тамъ однѣ бабы. Безъ бабъ не обойдется ни одно, хотя бы и самое пустяшное, мужицкое дѣло. Извѣстное, вѣдь, дѣло, какъ бабы лакомы на всякое гореванье. Иная и медомъ, или даже перцовкой не насладится такъ, какъ причитаньемъ да плачемъ. Начнись только дѣло въ судѣ, глядь, ужъ и тянется цѣлая процессія, ужъ и въ двери суются, ужъ и хнычутъ, дуры. Такъ это имъ и помогло! Какъ разъ!

Тутъ онъ дѣлаетъ гримасу и пренебрежительно усмѣхается. Ну, сплюнулъ бы, право, такая его разбираетъ досада на этихъ глупыхъ бабъ, только то, что въ такомъ мѣстѣ нельзя.

Въ эту минуту раздается звонокъ предсѣдателя: защитникъ начинаетъ говоритъ.

Защитникъ подымается. Сначала онъ не знаетъ, куда дѣвать свои длинныя руки въ короткихъ рукавахъ, наконецъ, кладетъ ихъ на столикъ и поднимаетъ голову. На лицѣ его на одно мгновеніе выступаетъ легкій румянецъ.

Это — неказистый человѣкъ, съ сгорбившейся спиной и впалой грудью; лицо у него вялое, безъ всякаго выраженія, высокій лобъ рѣдѣющіе волосы, взглядъ потухшій.

Онъ никогда не держитъ прямо свою голову, но постоянно наклоняетъ ее то въ одну, то въ другую сторону, бросая взглядъ снизу въ сторону, какъ это дѣлаетъ коршунъ. Сухія, тонкія губы его постоянно раскрываются въ какую-то особенную улыбку, даже тогда, когда онъ говоритъ совершенно серьезно; впрочемъ, у него нельзя точно уловить этого момента и то, что онъ говоритъ серьезно, носитъ какой-то оттѣнокъ грустной ироніи, и въ томъ, что онъ говоритъ съ ироніей, слышится что-то суровое, неумолимое. Вообще, онъ напоминаетъ человѣка, который любитъ горько насмѣхаться надъ самимъ собою.

Неважная была это личность. Кліентовъ у него вовсе не было; а въ канцеляріи его, неизвѣстно зачѣмъ, стоялъ пустой столикъ рядомъ съ лишней конторкой, между тѣмъ какъ онъ рѣшительно не нуждался въ

помощникѣ, да и едва ли примирился бы онъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, какъ съ этимъ пустымъ столикомъ.

Онъ всталъ, откинулъ голову съ лѣваго плеча на правое, искривилъ губы сперва въ одну сторону, потомъ въ другую, точь-въ-точь, какъ дѣлаетъ сапожникъ, когда вытягиваетъ кожу, затѣмъ стрѣльнулъ взглядомъ въ бокъ, прямо въ расшитый обшлагъ мундира прокурора, приводившаго въ порядокъ свои бумаги.

«Задача, выпавшая мнѣ на долю, почтенные гг. судьи,—началъ онъ съ разстановкой, безцвѣтнымъ, вялымъ голосомъ,—задача чрезвычайно легкая, я сказалъ бы даже, задача благодарная, если бы не было общепринятой истиной, что всѣ вообще задачи человѣческой жизни—дѣло неблагодарное. Но не въ этомъ дѣло.

«Подсудимые обвиняются въ томъ, что украли и съѣли сыръ и масло. Какъ защитникъ оффиціальный, я понимаю все значеніе этого факта и нисколько не думаю ослаблять вины ввѣренныхъ мнѣ кліентовъ. Блестящая рѣчь господина прокурора не допускаетъ никакой альтернативы. Разъ малое преступленіе одно и то же, что преступленіе большое, къ чему же, спрашивается, его уменьшать? Не значило ли бы это то же, что его увеличивать? Посему, я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія затѣвать такую ненадежную игру. Впрочемъ, къ чему все это? Собственно говоря, вся моя защита—дѣло ненужное, лишнее. Обвиняемые не отрицаютъ своей вины. Да-съ, господа судьи! Они съѣли три сыра и цѣлый фунтъ масла. Возможно даже, что и больше, чѣмъ фунтъ масла, какъ утверждаетъ потерпѣвшая сторона. Возможно! У этакихъ бездѣльниковъ обыкновенно аппетитъ бываетъ отличный».

Онъ смолкъ, откинулъ голову на другое плечо, и взглядъ его упалъ на золотую цѣпь предсѣдателя.

«Я, напримѣръ,—продолжалъ онъ,—совершенно не употребляю масла: оно возбуждаетъ у меня горечь во рту и жаръ въ нижней его части, какъ и всѣ другія жирныя вещества.

«Однако, я вполнѣ склоненъ вѣрить, что такіе здоровые, такіе мужицкіе желудки, которымъ даже можно бы позавидовать, были въ состояніи переварить цѣлый фунтъ масла или даже немного больше.

«При всемъ томъ,—прибавилъ онъ,—откидывая голову, словно бильярдный шаръ, на противоположное плечо,—является весьма интересный и достойный разсмотрѣнія вопросъ: какъ было истреблено сіе масло: съ хлѣбомъ или безъ хлѣба? И если съ хлѣбомъ, то откуда взялся у обвиняемыхъ хлѣбъ? Въ томъ, что они не достали его въ хатѣ, у матери, можно быть болѣе чѣмъ увѣреннымъ.

«Скажите, милостивые государи мои, у кого теперь въ хатѣ найдешь хлѣба? Абсолютно ни у кого! Годъ плохой былъ, жатва обманула ожиданія, рожь не уродилась, картофель погнилъ, овесъ почернѣлъ, ячмень высохъ на корню, даже лебеда плохая была, горькая и червивая».

Онъ снова оборвалъ свою рѣчь сдѣлалъ такую гримасу, такъ искривилъ свои губы, точно самъ пробовалъ эту лебеду и еще чувствовалъ ея горечь.

«Въ пустыхъ закромахъ,—продолжалъ онъ черезъ минуту,—мыши устроили свои норы; бабы послѣднія крохи крупъ повымели изъ клѣтей; давно неупотребляемыя квашни разсохлись и разсыпались въ клепки. Быть можетъ, васъ удивляетъ, господа, что у меня имѣются такія подробныя свѣдѣнія о томъ, что творится въ деревнѣ, въ такое неудачное, неурожайное время? Я самъ—крестьянскій сынъ, милостивые государи мои, мужицкое отродье, если позволите такъ выразиться, и отлично помню, какъ докучаетъ нужда, когда рожь не уродится, да картофель сгніетъ».

И первый разъ въ продолженіе своей рѣчи онъ выпрямилъ немного голову и сверху посмотрѣлъ на слушателей. Казалось, равнодушный взглядъ его загорѣлся и глаза сверкнули влагой. Но мгновенно онъ принялъ свою обыкновенную позу и, опустивъ глаза, продолжалъ:

«Во всякомъ случаѣ, для хода дѣла не можетъ быть безразличнымъ то обстоятельство, что въ такой плохой, неудачный годъ обыкновенно на десять крестьянъ приходится девять голодныхъ. Если я нахожу защиту, которой пользуется кліентъ отъ своего адвоката, пустой и безполезной, то, наоборотъ, величайшее значеніе я придаю всему тому, что само по себѣ говоритъ въ защиту дѣла. Итакъ, если вы, почтенные судьи, признаете справедливымъ мое скромное мнѣніе, то я предлагаю приступить не медля къ допросу обвиняемыхъ, съ цѣлью разъясненія этого во всѣхъ отношеніяхъ интереснаго пункта. Процедура ничего не потеряетъ на такомъ незначительномъ отступленіи отъ правилъ, зато господа присяжные несомнѣнно выиграютъ отъ болѣе всесторонняго разсмотрѣнія дѣла съ той точки зрѣнія, которую въ предварительномъ слѣдствіи, къ сожалѣнію, поторопились обойти».

Тутъ онъ остановился, прищурилъ глаза и кинулъ быстрый взглядъ въ сторону слѣдователя, который въ ту же минуту захлебнулся и покраснѣлъ, словно его схватили за горло.

Этотъ упрекъ адвоката, самъ по себѣ почти не имѣвшій никакого отношенія къ защитѣ, да еще грозящій замедленіемъ дѣла сверхъ предназначеннаго для него времени, не могъ, понятно, никому придтись по вкусу.

Первый заявилъ свое неудовольствіе служитель, пожимая плечами и тихонько подсмѣиваясь въ свои саперскіе, подстриженные усы; впрочемъ, онъ тотчасъ же успокоился и, погрузивъ свои два пальца въ табакерку, старался ограничить свои движенія какъ можно менѣе замѣтными приближеніями табака къ носу. Дѣйствительно, ему-то что́ такъ сидѣть и слушать? Другое дѣло, если бы онъ стоялъ при дверяхъ: тогда, понятно, онъ присоединился бы къ оппозиціи.

Между тѣмъ, сидѣвшіе за столомъ стали пошевеливаться въ своихъ

креслахъ съ такимъ видомъ, который не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, что предложеніе защитника они не одобряютъ и даже считаютъ его неумѣстной шуткой.

Что это за новые законы, чтобы обвиняемыхъ, передъ произнесеніемъ послѣдней рѣчи, требовать къ разъясненіямъ при разборѣ дѣла? Не своеволіе ли это, ни на чемъ не основанное! Или притязаніе на пустой эффектъ? на оригинальность?

И господа присяжные, въ свою очередь, ворочались на своихъ скамьяхъ.

Что же это, чортъ возьми, до какихъ поръ ихъ тутъ думаютъ держать? Пулька не разыграна, въ девять часовъ назначенъ у Фроима ужинъ съ щукой, а тутъ—вотъ тебѣ и разъ! Чортъ побери такое дѣло, когда ни поѣсть, ни отдохнуть не дадутъ во время!

Одинъ лишь прокуроръ сочувственно смотрѣлъ на защитника. И онъ, правда, признавалъ несвоевременность этихъ рекриминацій, даже готовъ былъ считать ихъ уклоненіемъ отъ закона, но, съ другой стороны, какая-то тайная симпатія влекла его къ адвокату.

Тотъ налету подхватилъ это выраженіе на лицѣ прокурора, а такъ какъ предсѣдатель молчалъ, нервно барабаня по ручкѣ кресла, что можно было себѣ объяснить и такъ, и иначе, то онъ, слегка наклонившись къ столу и откинувъ голову, какъ мячъ, съ лѣваго плеча на правое, проговорилъ:

— Я позволяю себѣ повторить мое предложеніе и усиленно настаивать на немъ. Вы, почтенные гг. судьи, не можете отнестись равнодушно къ тѣмъ выгодамъ, какія можетъ принести дѣлу выясненіе указаннаго пункта.

«Не одно и то же—съѣсть сыръ и масло съ хлѣбомъ или вмѣсто хлѣба; я напираю на эту разницу. Это важный, рѣшающій элементъ въ данномъ случаѣ. Въ виду же того, что ни только что оконченный допросъ свидѣтелей, ни потерпѣвшая сторона не дали въ этомъ отношеніи никакихъ указаній, ясно, что за полученіемъ этихъ выясненій слѣдуетъ обратиться къ самимъ обвиняемымъ. Съ вашего разрѣшенія, господинъ предсѣдатель...—прибавилъ онъ, слегка поклонившись, и смолкъ въ ожиданіи.

Категорическаго отказа не послѣдовало; защитникъ повернулся къ рядамъ скамеекъ.

— Ходите, ребята!—кликнулъ онъ на простонародномъ нарѣчіи полѣщуковъ.

Въ ту же минуту въ скамейкахъ, которыя до сихъ поръ казались пустыми, что-то зашевелилось, зашлепали босыя ноги и изъ глубины понемногу повылѣзли небольшія сѣрыя фигурки.

— Ближе!—крикнулъ адвокатъ, и глаза его вдругъ разгорѣлись.

Маленькія сѣрыя фигурки зашевелились, засуетились и шагомъ начали подвигаться къ защитнику.

— Ще ближе! — крикнулъ онъ снова какимъ-то свѣжимъ, помолодѣвшимъ голосомъ.—Ще ближе!

Они хорошо были видны теперь: прижались другъ къ дружкѣ и стали въ кучку, словно овечки сѣрыя.

Ихъ было всего пятеро.

Это были маленькіе, худенькіе мальчики, загорѣвшіе отъ вѣтра и солнца. Старшему изъ нихъ было на видъ лѣтъ четырнадцать, младшему—лѣтъ десять или даже еще меньше. Ну, деревенскіе мальчуганы, что пасутъ гусей, телятъ да другой мелкій скотъ, а то и просто изъ хаты. Низко подстриженныя, темнорусыя и черныя гривы закрывали ихъ лбы, щеки у нихъ—смуглыя, слегка впалыя, на лицѣ—выраженіе испуга и въ то же время любопытства.

Одни изъ нихъ были въ полотняныхъ свиткахъ, другіе въ рваныхъ полушубкахъ, шитыхъ разными нитками; на самомъ младшемъ была надѣта простая холщевая рубашенка поверхъ такихъ же штанишекъ, завязанныхъ веревочкой на босыхъ ногахъ.

Держа обѣими руками свои шапченки, они крѣпко прижимали ихъ къ груди; вытаращивъ глаза, разинувъ рты, вытянувъ тонкія, какъ у воробьевъ, шеи, они, казалось, были совершенно поглощены невиданнымъ дотолѣ зрѣлищемъ. Одинъ изъ господъ, сидѣвшихъ за столомъ, обратился было къ нимъ, но они его не поняли. Ихъ разсѣянные взгляды блуждали по блестящимъ мундирамъ, по золотой рамѣ, висѣвшаго въ углу, образа, останавливались на звонкѣ, на сверкавшихъ чернильницахъ, на серебряномъ крестѣ, на красномъ сукнѣ стола.

— Ой-ой, сколько тутъ богатства всякаго! Ой-ой, сколько богатства!

Маленькій Хведось даже не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что сидѣвшіе за столомъ господа были настоящіе, живые люди, и въ недоумѣніи толкнулъ въ бокъ Бенедыся, указывая головой на прокурора. Но Бенедысь ничего не чувствовалъ; онъ весь былъ поглощенъ созерцаніемъ цѣпи на груди предсѣдателя.

— Богъ мій! А какъ свѣтло-то! Свѣчи-то какія! Большое богатство! Большущее богатство!

— Кабъ ѣсть дали,—думаетъ разсудительный Лукась, недовѣрчиво поглядывая исподлобья,—а то стой, да гляди, да дивуйся!

Онъ покачиваетъ головой и задираетъ свою темнорусую гриву кверху, къ горящей надъ нимъ люстрѣ, которая кажется ему больше и гораздо красивѣе солнца.

Самый старшій изъ мальчиковъ, Устимъ, единственный сынъ вдовы Хвылыны, который вотъ уже годъ, какъ пасетъ дворовыхъ жеребцовъ, соображаетъ, что ужъ коли ихъ впустили въ этакую красоту, такъ это не даромъ. Онъ—мальчикъ умный и смѣтливый.

— Ого!—думаетъ онъ, и на смугломъ лицѣ его вдругъ выражается безпокойство. Онъ отлично помнитъ, что былъ зачинщикомъ въ дѣлѣ истребленія тѣхъ сыровъ и масла, а это, видно, гладко не пройдетъ.

Кутузка—кутузкой, еще бы не такъ страшно, такая же грязь и голодъ, какъ у себя въ хатѣ. Но тутъ, въ этомъ богатствѣ, при такихъ господахъ, ужъ тутъ вѣрно что-то будетъ, ого! Не даромъ, вѣрно, забрали ихъ сюда, ужъ никакъ не иначе, какъ выпороть... Ого!.. И онъ переступаетъ съ ноги на ногу, крѣпче сжимаетъ свои руки и съеживается. А то ему вдругъ покажется, что ему больно въ нижней части спины, и онъ тревожно озирается назадъ. Однако, ничто не грозитъ ему съ этой стороны.

За нимъ стоитъ Климъ, маленькій погонщикъ гусей; онъ живетъ въ послѣдней хатѣ, что у самаго лѣса. Онъ стоитъ, какъ очарованный. Съ той минуты, какъ его ввели сюда, его глазенки не переставали бѣгать по потолку, который былъ виденъ съ высокихъ закрытыхъ скамеекъ; теперь разгорѣвшимся, мечтательнымъ взоромъ онъ оглядываетъ всю залу.

— Кабъ гуси-то видѣли!.. Мама ты моя, кабъ они видѣли!..—шепчетъ онъ.—Церковь—не церковь, а словно сонъ какой... Да гдѣ! На самой теплой печкѣ не приснятся этакія дива!.. Въ молитвѣ не придумать... На сурнѣ не съиграть, хоть и на самой длинной!.. Ахъ, мама ты моя! Кабъ гуси-то видѣли!

Онъ говорилъ «мама» такъ себѣ, по глупости, по привычкѣ: онъ былъ сиротой, и добрые люди пріютили его у себя изъ жалости да еще ради гусей, которыхъ лисица душила на дорогахъ; и такъ онъ привыкъ уже къ своему маленькому стаду, что считалъ гусей своими ближайшими друзьями, и въ эту минуту жалѣлъ только о томъ, что гуси его не могли видѣть этого дива.

Устимъ, между тѣмъ, насторожилъ уши: ему показалось, что кто-то заговорилъ о хлѣбѣ. Онъ чувствуетъ какое-то непріятное ощущеніе пустоты въ желудкѣ и сильнѣе затягиваетъ спавшій подъ ребра поясокъ.

— А что?—думаетъ онъ, и страхъ смѣняется у него надеждой,—а что? Можетъ, дадутъ хлѣба, да и пустятъ!

Онъ пытливо и подозрительно взглядываетъ на столъ.

— Э... можетъ, и не дадутъ! Хлѣба-то этого самаго что то не видать! Гдѣ жъ бы ему тутъ быть?

И сомнѣніе охватываетъ его съ новой силой. Какъ бы то ни было, онъ не чувствуетъ себя здѣсь въ полной безопасности. Тутъ ужъ никакъ не пособишь! Тутъ ужъ, видно, плохо придется, добромъ не пройдетъ! Онъ медленно оглядывается въ сторону и вдругъ замѣчаетъ у дверей солдата. Въ то же мгновеніе онъ съ быстротою молніи опускаетъ глаза и начинаетъ сильно моргать длинными, свѣтлыми рѣсницами. Быстро подымающіяся и опускающіяся вѣки его напоминаютъ въ эту минуту тонкія, быстро бьющіяся въ смертельномъ страхѣ, крылышки наполовину обожженной ночной бабочки.

Вдругъ онъ слышитъ, что къ нему обращаются; это тотъ самый господинъ, что сказалъ имъ «ходите!» Онъ отлично понимаетъ его:

господинъ этотъ спрашиваетъ его, съѣли ли они сыръ и масло съ хлѣбомъ или безъ хлѣба?

— Съ хлѣбомъ?..—Мальчикъ поднимаетъ глаза, улыбается, выказывая мелкіе зубы, и качаетъ головой. Вся его прежняя робость прошла, какъ только онъ услышалъ, что съ нимъ заговорили такъ просто, точно въ деревнѣ. Но то, что его спрашиваютъ о хлѣбѣ, кажется ему просто смѣшно. Ну, гдѣ жъ бы имъ было хлѣба взять, когда его не было? На полкахъ бабы хлѣба не кладутъ. Коли есть хлѣбъ, такъ онѣ его въ клѣть прячутъ, аль въ другія какія бабьи мѣста, а на полкахъ, ну, откуда бы ему тамъ быть?..

Ныньче такъ хлѣба и вовсе-то не пекутъ; ржи, вишь, въ деревнѣ мало. Кабы только Богъ далъ, чтобы хоть на посѣвъ хватило...

Такъ думаетъ себѣ Устимъ, но, понятно, вслухъ этого не высказываетъ. Куда, онъ бы и не посмѣлъ, да ужъ и стыдно больно. И, думая все это про себя, онъ улыбается и качаетъ отрицательно головой. Защитникъ и не требуетъ. Онъ, видно, отлично знаетъ эту отрицательную улыбку полѣщука; знаетъ онъ, что тотъ словомъ, пожалуй, и солжетъ порой, но такой улыбкой никогда.

— А давненько-ль ты хлѣбъ ѣдалъ?—спрашиваетъ онъ вдругъ, обращаясь къ мальчику.

Устимъ поднимаетъ голову и начинаетъ припоминать. Худенькій и высокій, съ поднятой головой, онъ кажется еще выше, его вытянутая шея такъ тонка, что такъ, кажется, и перерѣзалъ бы ее веревочкой, изъ-за растегнутаго ворота рубашки видны глубокія выемки въ ключицѣ; кожа на подбородкѣ и нижней челюсти сморщилась, какъ у старика. Сначала онъ пробуетъ считать на дни, но ихъ слишкомъ много, не ладится у него; тогда онъ начинаетъ считать на воскресенья, но это опять не клеится. Онъ начинаетъ еще разъ съизнова, вслухъ, и считаетъ по ярмаркамъ. Вотъ такъ, теперь ладно! Теперь онъ знаетъ, когда это было! Теперь онъ помнитъ... Живое дѣтское воображеніе вызываетъ передъ нимъ всю эту минуту со всѣми ея подробностями.

— А было это за двѣ ярманки передъ той, что послѣдней была, на Пилыпа это было... Мамушка шерсть продала и купла хлѣба—два каравая, да еще булочку для Софійки сусѣдской... Отъ хлѣбушка хорошо таково пахло... Мамка его въ фартухѣ несла, а я тутъ же, при ней, бѣжалъ... Идемъ мы этакъ шибко, потому сонце ужъ за «гвоздокъ» *) заходило... А Тытъ Желизный подъ «розсвитней» **) пахалъ. Вотъ, идемъ, а мамка и говоритъ: Слава Богу! А Тытъ ей въ отвѣтъ: во вики виковъ! А что, говоритъ, несешь, Хвылына? А мать: хлѣба, вотъ, говоритъ, купила. А Тытъ опять: Что жъ это, свадьба, что ль, у тебя, что хлѣба-то купила? А мамка ему на это: То-то, гово-

*) Рощица.

**) Rozświetnia—вырубленное или незаросшее мѣсто въ лѣсу.

рить, что свадьба! Колы хлѣбъ есть, то и свадьба! И разсмѣялася: ай-да ярманка! ай-да Пылыпокъ! А чому, Тытъ говоритъ, и не пошалыты, колы прыступае! И тутъ покрикивать зачалъ: а ну, малый! а ну, ладный! Потому тамъ у «розсвитни» потайникъ *), а у потайника и на волахъ тяжко. Вонъ въ ту пору я и хлѣбъ-то ѣлъ!

Мальчикъ разсказываетъ все это медленнымъ, тихимъ, точно усталымъ голосомъ, и самый этотъ голосъ его подтверждаетъ, что ярмарка на Пилыпа давно ужъ была, давно...

Защитникъ ни разу не прервалъ разсказа мальчика. Наклонившись къ нему, онъ смотрѣлъ на него разгорѣвшимися глазами, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и дрожавшими губами, и, казалось, жадно вслушивался въ лепетъ этого деревенскаго пастушка.

Мальчикъ смолкъ, а онъ все еще прислушивался. Наконецъ, онъ тихо, горько засмѣялся и повернулся къ судьямъ.

Несмотря на его кажущееся спокойствіе, видно было, что весь онъ горитъ отъ внутренняго волненія. Голова его не производила обыкновенныхъ своихъ движеній, она поднималась все выше и выше, все смѣлѣй и смѣлѣй; глаза уже не глядѣли изподлобья, въ сторону, но рѣзко, словно ножомъ, пронизывали сидѣвшихъ и метали искры въ узоры мундировъ, перстни и ленты.

Судьи опустили глаза: больно не по вкусу приходилась имъ вся эта сцена. Не нравилось имъ ни это разспрашиваніе мальчика, ни эта кучка оборванцевъ, которыхъ неизвѣстно зачѣмъ вызвали сюда съ ихъ мѣстъ. Все это, думали они, пожалуй, красиво въ романѣ, въ книжкѣ, но никакъ не въ судебной палатѣ. Не то, чтобъ они были холодные эгоисты, нѣтъ, нѣкоторые изъ нихъ даже отворачивались, не будучи въ состояніи смотрѣть на бѣдныхъ истощенныхъ мальчугановъ, жалко имъ становилось этихъ несчастныхъ, безпомощныхъ сиротинокъ, но—все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Но болѣе всѣхъ былъ изумленъ служитель. Онъ просто не хотѣлъ вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ и въ недоумѣніи такъ покачивалъ головой, что табакъ съ трудомъ попадалъ ему въ носъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ при судѣ, онъ еще не видывалъ подобной «комедіи». Посмотришь, такъ и театръ тутъ себѣ скоро устроютъ!

Защитникъ, между тѣмъ, кончалъ свою рѣчь.

— Вотъ и все, что относится къ хлѣбу, т. е., собственно, къ отсутствію хлѣба,—говорилъ онъ.—Но я принужденъ обратить ваше вниманіе, почтенные судьи, еще на одинъ пунктъ, который опять-таки самъ по себѣ говоритъ въ защиту дѣла моихъ кліентовъ. Пунктъ этотъ указанъ мнѣ господиномъ прокуроромъ въ его блестящей рѣчи, и я позволю себѣ повторить тутъ подлинныя слова почтеннаго оратора: «Вотъ орудіе преступленія!»—такъ сказалъ онъ, указывая на неболь-

*) Камень, глубоко засѣвшій въ землѣ.

прямо, какъ онъ стоитъ, въ своей изношенной сѣрой рубашенкѣ, безъ застежекъ, съ открытой грудью, ему бы хотѣлось прижаться къ мокрой шерсти, къ мохнатой головѣ воющей собаченки.

— Козырекъ это... Козырекъ завывае!..

— Хведось, Хведось Пыштюкъ! — все смѣлѣй и смѣлѣй толкуетъ между тѣмъ судьямъ Бенедысь. Онъ отлично чувствуетъ себя.—И чего это тамъ на деревнѣ болтали: судъ! судъ! Мать плакала, отецъ на прощанье, отъ пущей жалости, влѣпилъ ему три тумака въ спину, а тутъ, гляди, и ничего страшнаго! Не бьютъ, не ругаютъ, сидятъ себѣ такъ тихо, красиво. А тамъ о сырѣ да маслѣ — ни слова, почитай! Вонъ и того не знаютъ, какъ этого дурня Хведося звать.

И онъ засмѣялся въ руку тѣмъ тихимъ быстрымъ смѣшкомъ, какимъ уже съ самаго дѣтства, умѣютъ смѣяться только полѣщуки.

Если бы волчата въ лѣсахъ смѣялись, они бы навѣрно выглядывали именно такъ, какъ выглядывалъ въ эту минуту Бенедысь.

— Ну, такъ какъ же?.. Ошибка тутъ? А?... спросилъ предсѣдатель, начиная горячиться.

Секретарь въ отвѣтъ только поднялъ брови и развелъ руками.

— А тебя какъ зовутъ? — вдругъ обратился предсѣдатель къ Бенедысю.

Мальчикъ былъ на седьмомъ небѣ; глаза его такъ и блестѣли отъ радости. Разспросы предсѣдателя приводили его въ восторгъ. Онъ выдвинулся изъ группы товарищей и смѣло отвѣтилъ:

— Тихобай!

— Бенедиктъ Гуцъ написано въ протоколѣ! Что жъ это ты? А?

Бенедысь сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Онъ нисколько не стѣснялся передъ всѣми этими господами, словно это для него были свои люди.

— Нестёръ Сирычъ—это батько! Гуцъ, та Сирычъ, та Несторъ! А що Бенедысь, та Тихобай—это я!—растолковалъ онъ и ударилъ себя въ грудь своимъ маленькимъ кулачкомъ.

Чрезвычайно довольный собою, онъ съ гордостью оглянулся вокругъ. Ишь, гдѣ они! Стоятъ тамъ, словно телята въ хлѣву! А онъ-то, онъ передъ самимъ столомъ, передъ самими господами!

Онъ проглотилъ слюну, выпрямился, опустилъ руки по швамъ, сдвинулъ свои босыя ноги, по примѣру стоявшаго на порогѣ солдата.

— Такъ какъ же тебя зовутъ?—снова спросилъ предсѣдатель, пожимая плечами.—Сирычъ, Гуцъ или Тихобай? Такъ и отца твоего звать Тихобай? А?..

Мальчикъ даже покраснѣлъ отъ радости, что еще не конецъ его торжеству.

Въ залѣ водворилась тишина. Предсѣдатель, потерявъ всякую надежду добиться какого-нибудь толку отъ мальчика, раздосадованный усѣлся въ кресло.

Между тѣмъ, защитникъ, въ продолженіе всей этой сцены, съ не-

скрываемымъ раздраженіемъ сидѣлъ за своимъ столикомъ; перекинувъ голову на плечо, онъ оперся локтемъ на колѣно и дергалъ свою темную, рѣдкую бородку. Когда предсѣдатель сѣлъ, онъ медленно поднялся съ своего мѣста и, не переставая подергивать бородку, скромно опустилъ глаза и произнесъ сухимъ равнодушнымъ голосомъ:

— Не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, почтенные гг. судьи, что народъ въ этой мѣстности обыкновенно носитъ болѣе, чѣмъ одну фамилію.

И, сказавъ это, онъ вдругъ поднялъ голову и, быстро взглянувъ въ лицо ребенку, спросилъ его просто, по мужицки:

— А какъ тебя зовутъ по батькѣ, э?

Мальчикъ, точно по командѣ, повернулся къ нему. Яркій румянецъ выступилъ на его личикѣ; что-то близкое, что-то родное почуялъ онъ въ этомъ вопросѣ.

— Бенедысь Гудъ!—откликнулся онъ тоненькимъ, но внятнымъ голосомъ.

— А въ «канцеляріи» какъ тебя записали?—продолжалъ спрашивать защитникъ, все съ тѣмъ же мужицкимъ акцентомъ.

— Бенедысь Сирычъ!—тотчасъ же отвѣтилъ малышъ.

— Добре! — воскликнулъ защитникъ.—А на деревнѣ какъ тебя дразнятъ?

— Бенедысь Тихобай!—выпалилъ мальчикъ, въ восторгѣ, что его, наконецъ, хорошо поняли.

Предсѣдатель всталъ, обвелъ глазами присутствующихъ и, послѣ минутнаго молчанія, приступилъ къ резюмированію дѣла. Всѣ взгляды обратились на него.

Это былъ еще молодой, высокій, красивый брюнетъ; туго стянутый мундиръ красиво облегалъ его стройную фигуру; волосы на головѣ у него было коротко острижены, лобъ высокій и какъ будто покатый съ небольшой горбинкой носъ съ тонкими раздувающимися ноздрями, небольшіе усики, взглядъ быстрый и холодный.

По происхожденію онъ, вѣроятно, былъ грузиномъ или черкесомъ такъ можно было, по крайней мѣрѣ, судить по характернымъ чертамъ его лица, красивымъ продолговатымъ глазамъ съ темными, словно загорѣвшими вѣками и матово-смуглой кожѣ.

Голосъ у него былъ металлическій и нѣсколько сухой, но сильный и выразительный; онъ говорилъ не спѣша и какъ бы сдержанно. Заложивъ одну изъ своихъ длинныхъ худыхъ нервныхъ рукъ за бортъ мундира, онъ дѣлалъ другою легкіе, изящные жесты, придававшіе словамъ его необыкновенную убѣдительность и силу.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ ораторовъ, которые сразу овладѣваютъ своими слушателями неотразимой силой логики и безпристрастія.

Сила его рѣчи съ первыхъ же словъ сказалась на господахъ присяжныхъ. Весь ихъ прежній дилеттантизмъ исчезъ куда-то безслѣдно, вни

маніе обострилось, разсѣянныя мысли сосредоточились, даже панъ Іеронимъ забылъ о поджидавшихъ его впереди у Фроима щукѣ и вистѣ.

Онъ съумѣлъ придать своей рѣчи такую ловкость и стройность, такую строгую систему, что только теперь они почувствовали себя настоящими судьями, твердыми, непоколебимыми жрецами истаго правосудія. Главное то, что самый фактъ, самая суть дѣла встала передъ ними ясно, прямо, во всей своей наготѣ, отдѣленная отъ именъ, лицъ, мѣстъ и предметовъ.

Исходнымъ пунктомъ, за который крѣпко держались и ораторъ, и присяжные, явился совершившійся фактъ: кража. Пунктъ этотъ, очищенный отъ всего посторонняго, словно выросъ и образовалъ родъ возвышенія, съ котораго можно было обозрѣвать все поле битвы. И ораторъ, какъ искусный стратегъ, развернулъ передъ слушателями всѣ обстоятельства факта въ видѣ узкой фронтовой линіи, поражавшей стройностью и силой. Не успѣли они, однако, еще окинуть ее, какъ слѣдуетъ, взглядомъ, какъ вдругъ она тутъ же раздѣлилась на двое, на правое и лѣвое крыло: на кражу обыкновенную и кражу со взломомъ. И въ то же мгновеніе съ обоихъ фланговъ посыпались частые, ловкіе, мастерскіе удары, въ воздухѣ засверкали мечи, а господа присяжные были ослѣплены и очарованы.

И вотъ теорія кражи обыкновенной предстала предъ ихъ глазами въ видѣ стѣны, а теорія кражи со взломомъ—въ видѣ грозной, непобѣдимой арміи. И чѣмъ дальше лилась рѣчь предсѣдателя, тѣмъ больше и больше, тѣмъ глубже и глубже становилось разстояніе между этими двумя понятіями. Изъ небольшого углубленія образовался ровъ, изъ рва—непроходимая пропасть.

И господа присяжные сами были глубоко изумлены, какъ это они когда-либо могли смѣшивать два такихъ различныхъ, такихъ далекихъ одно отъ другого понятія. Но не долго оставилъ ихъ ораторъ и подъ этимъ впечатлѣніемъ. Онъ снова заговорилъ, сдѣлалъ легкое, едва замѣтное движеніе рукой, и въ ту же минуту каждое изъ обоихъ крыльевъ распалось, въ свою очередь, на двое, образуя правильный четыреугольникъ: какъ кража обыкновенная, такъ и кража со взломомъ можетъ быть совершена или въ одиночку, или сообща. Тутъ предсѣдатель развернулъ передъ очарованными слушателями все свое ослѣпительное ораторское искусство, разбирая теорію преступныхъ сотрудничествъ, эту одну изъ самыхъ блестящихъ статей уголовнаго закона.

Главная причина того сильнаго вліянія, которое рѣчь его производила на аудиторію, заключалась въ ея необыкновенной простотѣ, отсутствіи всякой запутанности или двусмысленности. Основныя черты обоихъ видовъ преступленія были ясно и точно обозначены, строго-математически распредѣлены. Какъ легкая, развѣваемая вѣтромъ въ разныя стороны, хоругвь, колебалось предположеніе въ сторону преступленія единичнаго лица, между тѣмъ какъ рѣшеніе въ пользу престу-

пленія кооперативнаго, стояло твердо и непоколебимо, какъ побѣдное знамя. Роковой четыреугольникъ замкнулся на глазахъ присяжныхъ: посреди него зіяла пропасть.

Неизвѣстно, видѣли ли ее присяжные, но вѣрно только то, что новая точка зрѣнія открылась передъ ними, что доля силы и непосредственности самаго оратора передалась и имъ. Всѣ внѣшнія чувства ихъ достигли величайшей степени напряженія. Съ неимовѣрной быстротой слѣдили они за каждымъ словомъ оратора, ловили каждый звукъ, каждый изгибъ его голоса.

И все это дѣло представляется имъ теперь совершенно ясно. Вещественное доказательство виновности подсудимыхъ—закривленная палочка, дѣйствительно является теперь въ ихъ глазахъ какъ бы замѣной ключа, который взламываетъ чужіе замки и открываетъ чужія двери; въ ея шероховатости они усматриваютъ надрѣзы, которые умышленно были вырѣзаны затѣмъ, чтобы вѣрнѣе пробраться къ чужому добру. И когда ораторъ, въ пылу доказатества, сдѣлалъ легкій жестъ, какъ бы поворачивая этотъ ключъ въ замкѣ, господа присяжные ясно разслышали зловѣщій лязгъ его и трещаніе поднимавшейся скобки.

Сами обвиняемые являются теперь передъ ними въ совершенно иномъ свѣтѣ. Это уже не кучка забитыхъ, несчастныхъ ребятишекъ, но цѣлая воровская шайка, организованная спеціально для преступныхъ цѣлей, предусмотрѣнныхъ кодексомъ уголовныхъ законовъ. Это уже не голодные деревенскіе пастухи, пасущіе вмѣстѣ гусей и телятъ, которыхъ пустота въ желудкахъ и раздражающій запахъ свѣжаго сыра навели на такой нечестный поступокъ, нѣтъ, это—опасная для общественнаго спокойствія банда малолѣтнихъ бродягъ; возможность собираться вмѣстѣ въ одно и то же время, и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, являлась для нихъ слишкомъ даже удобнымъ средствомъ для того, чтобы подробно обдумать свой преступный планъ.

Все, что было до сихъ поръ сдѣлано какъ для обвиненія, такъ и для защиты подсудимыхъ, было забыто: превосходная рѣчь искуснаго оратора поглотила умы слушателей и совершенно изгладила изъ ихъ памяти впечатлѣніе рѣчей прокурора и защитника. Не усиливая обвиненія, не разбивая защиты, не затрагивая личностей, предсѣдатель какъ будто обходилъ самое дѣло; онъ развивалъ лишь принципы примѣнимаго въ данномъ случаѣ закона.

Это блестящее «*résumé*», вращавшееся, къ несчастью, исключительно въ сферѣ абстракціи, безстрастное, сухое, казалось, было скорѣе научной диссертаціей, чѣмъ изложеніемъ разбираемаго дѣла; а кучка бѣдныхъ оборванныхъ мальчиковъ играла здѣсь роль abc или xyz, которые приводятся лишь для рельефности доказательства, но которые сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія для выводовъ доказываемаго положенія.

Это безстрастіе сообщилось и господамъ присяжнымъ, охраняя ихъ отъ возможной опасности предаться впечатлѣніямъ дѣйствительности.

Суровый безплотный духъ закона обдалъ своимъ холоднымъ дыханіемъ всю эту огромную пустую залу.

. . . .

Въ заключеніе своей рѣчи, предсѣдатель нашелъ нужнымъ указать присяжнымъ тѣ параграфы законовъ, подъ которые подводятся различныя категоріи преступленій противъ чужой собственности. Совершилъ ли кражу человѣкъ взрослый или малолѣтній, совершилъ ли ее одинъ человѣкъ или цѣлая шайка, наконецъ, совершена ли кража обыкновенная или кража со взломомъ—степени наказаній въ каждомъ случаѣ бываютъ неодинаковы. Послѣдняя, т. е. кража со взломомъ, принадлежитъ къ категоріи тяжелыхъ преступленій и, даже совершенная малолѣтними, грозитъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ.

Онъ кончилъ. Продолжавшаяся около получаса рѣчь нисколько не утомила его: онъ былъ такъ же бодръ и такъ же холоденъ, какъ и тогда, когда начиналъ ее. На гладкомъ узкомъ лбу его не появилось ни одной морщинки, золотистые зрачки его прекрасныхъ продолговатыхъ глазъ не загорѣлись, но и не потемнѣли. Только движенія его худой, длинной руки сдѣлались болѣе рѣзкими и болѣе нервными, только голосъ сталъ нѣсколько болѣе сухимъ и твердымъ.

Судьи поднялись изъ-за стола и направились въ смежную комнату, для формулированія вопросовъ, которые слѣдовало поставить присяжнымъ. Торжественно, медленно, чинно шли они одинъ за другимъ, соотвѣтственно чину и званію.

Защитникъ провожалъ ихъ своей обычной улыбкой; прокуроръ успѣлъ уловить ее и, добродушно покачавъ головою, пробормоталъ про себя:

— Такъ у него, душечки, таки прокурорская мина? а?..

По удаленіи судей, всѣ въ залѣ вздохнули свободнѣе, поднялись, зашевелились, выпрямили согнутыя спины. Тихое перешептываніе поднялось на скамьѣ свидѣтелей, словно легкій вѣтерокъ, быстро проносящійся по полю; берестяная табакерка снова выглянула изъ кармана чьего-то сюртука. Но старичокъ-служитель уже держалъ въ рукахъ свою и, потряхивая головою, поочередно потчивалъ сидѣвшихъ, присоединяясь отчасти такимъ образомъ къ ихъ компаніи. Табакъ былъ лихой, чортъ знаетъ, чѣмъ заправленный, и потому они благосклонно отнеслись къ старику и то тотъ, то другой отодвигался, уступая ему мѣсто.

Защитникъ, повидимому, скучалъ, сидя за своимъ столикомъ, даже, пожалуй, и задремалъ. Но это только казалось служителю, который видѣлъ, какъ онъ сидѣлъ недвижимо, опершись на руку головою. Неподвижный взглядъ его впился въ кучку стоявшихъ передъ нимъ дѣтей; широко раскрытые глаза его казались совершенно прозрачными, столько безнадежной, безпредѣльной грусти сквозило въ нихъ! Такъ пусты и унылы безбрежные песчаники, на которыхъ ничего не растетъ, ни даже полынь, ни даже царскій скипетръ. Одно лишь солнце, знойное,

палящее, ослѣпительно яркое солнце ходитъ надъ ними и выжигаетъ послѣднюю долю земной влаги, послѣднюю долю живительной свѣжести.

«Судъ идетъ!» вдругъ раздалось въ залѣ.

Защитникъ вздрогнулъ, словно пробудившись отъ сна.

Всѣ встали.

«Судъ идетъ... Судъ... Судъ идетъ...» послышались голоса.

Мальчики вытянулись къ дверямъ и разинули рты.

Въ залѣ настала какая-то особенная, торжественная тишина. Дотолѣ здѣсь чувствовался разладъ, сомнѣніе и непримиримость, дотолѣ здѣсь было ни то, ни се: въ воздухѣ вѣяло чѣмъ-то угрожающимъ, какой-то карающей мстительностью.

Судъ идетъ; съ нимъ идетъ правосудіе, свѣтъ и умиротвореніе. Преступленіе получитъ достойное наказаніе, справедливость восторжествуетъ.

Въ большой пустой залѣ уже не вѣетъ холоднымъ дыханіемъ суроваго закона; она вся залита яркимъ свѣтомъ торжествующей правды.

— Судъ идетъ!

Судьи поспѣшно занимаютъ свои мѣста за столомъ, предсѣдатель не садится. Въ его красивой рукѣ шелеститъ небольшая четвертушка бумаги, на которой написаны вопросы.

Ихъ всего два. Первый: слѣдуетъ ли признать кражу, совершенную подсудимыми, при извѣстныхъ, обременяющихъ вину, обстоятельствахъ, кражей обыкновенной? Второй: слѣдуетъ ли признать ее кражей со взломомъ?

Громко и отчетливо прозвучали въ большой залѣ эти простыя, безстрастныя слова.

Защитникъ съеживается, закидываетъ голову назадъ и зажмуриваетъ глаза. Слова эти кажутся ему блескомъ меча, занесеннаго твердой и сильной рукой.

Но въ эту послѣднюю рѣшительную минуту правосудіе, держащее этотъ мечъ, оказывается добрымъ и сострадательнымъ. Оно не закрываетъ передъ подсудимыми пути для защиты: оно оставляетъ за ними послѣднее слово.

Пусть въ ушахъ присяжныхъ, когда имъ придется выбирать между «да» и «нѣтъ», звучитъ еще этотъ робкій, дрожащій, молящій голосъ! Пусть передъ глазами ихъ еще стоитъ этотъ взглядъ, ищущій въ ихъ груди теплаго человѣческаго чувства!

Въ виду этого прекраснаго права, предсѣдатель громко и внятно спросилъ: не желаютъ ли подсудимые сказать еще что-нибудь въ свое оправданіе?

. . . .

Господа присяжные удалились для совѣщаній.

Собственно говоря, здѣсь не о чемъ было и совѣщаться. Дѣло было ясно: совершена кража при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Но у нѣкоторыхъ все-таки возникали сомнѣнія. Убытокъ не великъ, ребята глу-

ные; вѣдь примѣнять къ нимъ строгіе параграфы наказаній—то же, что пушкой мухъ убивать. Слыханное ли дѣло, чтобы похищеніе фунта масла и трехъ сыровъ назвать грабежомъ. Неужели съ этакой палочкой можно взломать что-либо?

Мнѣнія раздѣлились. Болѣе пассивные умы еще находились подъ вліяніемъ блестящей абстрактной рѣчи предсѣдателя, но болѣе самостоятельные успѣли уже стряхнуть съ себя это вліяніе.

Только панъ Іеронимъ все еще не могъ принять окончательнаго рѣшенія. Но такъ какъ онъ очень торопился на ужинъ и на вистъ, то вдругъ присоединился къ первой категоріи и составилъ большинство. Чего тамъ еще возиться съ этими нищими!

Вѣдь очевидно и ясно, какъ Божій день, что разъ двери были заперты, а оказались открытыми, то тутъ былъ взломъ. Опять-таки, если изъ-за отпертыхъ такимъ образомъ дверей были украдены сыры и масло, то это кража со взломомъ. Чего тутъ больше!

Послѣ такого, столь яснаго и категорическаго умозаключенія, еще одинъ голосъ оторвался отъ меньшинства и перешелъ къ большинству. Это былъ сосѣдъ и пріятель, а теперь, у Фроима, и партнеръ пана Іеронима, который счелъ лучшимъ не отставать отъ друга.

Въ залѣ раздался звонокъ. Присяжные выносили вердиктъ.

На первый вопросъ—большинство голосовъ отвѣтило «нѣтъ», на второй—то же большинство отвѣтило «да».

Преступленіе было признано кражей со взломомъ.

Пер. съ польскаго.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Девятнадцатый вѣкъ, возставая противъ критической, преимущественно отрицательной мысли предъидущей эпохи, усвоилъ ея самое существенное и дорогое наслѣдство—идею прогресса. Сенъ-симонисты, съ особенной страстью ополчившіеся противъ «вольтерьянскаго духа» и созидавшіе зданіе новаго порядка и новой вѣры, во главу угла положили законъ прогрессивнаго развитія человѣчества и этимъ основнымъ принципомъ своей религіи и церкви пытались объяснить прошлое и логически вывести изъ него будущее міровой цивилизаціи. Они воспользовались обильными трудами просвѣтителей, шедшихъ въ борьбу противъ стараго государства и стараго общества также съ непоколебимой увѣренностью въ поступательномъ, ничѣмъ не отвратимомъ движеніи человѣческаго разума.

Не мало въ высшей степени тяжелыхъ испытаній и препятствій предстояло преодолѣть этой вѣрѣ.

Исторія на всемъ своемъ пространствѣ отнюдь не представляла идиллической картины. Это было прекрасно извѣстно людямъ XVIII вѣка. Не даромъ именно среди нихъ явились обожатели «естественнаго состоянія», ожесточенные ненавистники цивилизаціи и даже «гражданскаго состоянія». Мы встрѣтимъ сколько угодно пессимистическихъ изліяній на счетъ судебъ человѣчества у философовъ и поэтовъ. Гиббонъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ сыновъ своего времени, нарисуетъ удручающую перспективу историческаго прошлаго. Это «списокъ преступленій, безразсудствъ и бѣдствій человѣческаго рода». Величайшіе герои на политической сценѣ весьма часто то же самое, что̀ злодѣи въ частной жизни...

Другой писатель эпохи, одновременно поэтъ и одинъ изъ самыхъ раннихъ философовъ исторіи, романтически-вдохновенный и глубокоученый Гердеръ, передавалъ современникамъ результаты своихъ изслѣдованій въ самой грустной формѣ:

«Земля—добыча насилія. Ея исторія—печальная картина охоты людей другъ за другомъ. Малѣйшая перемѣна въ рабскомъ состояніи человѣчества сопровождается кровью и слезами угнетенныхъ. Славнѣйшія имена принадлежатъ убійцамъ народовъ, деспотамъ, эгоистамъ»...

И вотъ, на глазахъ этихъ людей, даже при помощи ихъ самихъ, выросла идея, наложившая сильную и оригинальную печать на всю литературу и на личные характеры ея талантливѣйшихъ представителей.

Они не отступили предъ тьмой, окутывавшей прошлое человѣчества и таившей невѣдомое, можетъ быть, столь же зловѣщее будущее. Они отважно принялись изучать списокъ преступленій и безразсудствъ и прочитали въ немъ смыслъ, не скрывающій ни іоты правды и дѣйствительности и въ то же время исполненный надеждъ.

Да, заблужденій люди пережили неисчислимое множество, переживаютъ ихъ и до послѣднихъ дней. Но не въ заблужденіяхъ нашъ предѣлъ. Они не болѣе, какъ тѣ покрывала, какія природа даетъ вновь возникающимъ растеніямъ. Съ теченіемъ времени покровы вянутъ и отпадаютъ, замѣняются новыми, пока стволъ не увѣнчается короной цвѣтовъ и плодовъ. Этотъ процессъ—точный символъ медленно, но неуклонно развивающейся истины.

Страсти, не менѣе заблужденій, властны надъ людьми. Онѣ часто вызывали страшные кровавые перевороты, устремляли честолюбцевъ на разгромъ цѣлыхъ націй, и именно въ этой бурѣ рождались и крѣпли новыя идеи, и человѣческій разумъ собиралъ для себя новую пищу. Страсти «мятежныя и опасныя становятся источникомъ движенія и, слѣдовательно, прогресса». Все, что мѣняетъ сцену дѣйствія и положеніе дѣйствующихъ лицъ, расширяетъ кругъ идей. Столкновеніе добра и зла увеличиваетъ опытность и развиваетъ силы добрыхъ и утверждаетъ самое понятіе блага. Ни одна историческая перемѣна не совершается безъ пользы и человѣчество нерѣдко собираетъ первые плоды разума и нравственной энергіи на полѣ вчерашней битвы [1]).

Еще энергичнѣе защищалъ цѣлесообразность заблужденій и страстей отнюдь не лирическій авторъ. Кантъ всякій шагъ культуры считалъ неразлучнымъ съ проявленіемъ особаго свойства человѣческой природы—*Ungeselligkeit*, неприспособленности отдѣльной личности къ условіямъ даннаго общества. Именно личная страсть, все равно какой угодно нравственной цѣнности, создаетъ антагонизмъ общества и отдѣльнаго человѣка. Изъ борьбы постепенно возникаетъ закономѣрный порядокъ—высшій и болѣе про-

---

[1]) Turgot. *Sur les progrès successifs de l'esprit humain. Oeuvres*. Paris. 1808, II.

грессивный. А борьба, въ свою очередь, вызываетъ къ жизни таланты и совершенствуетъ ихъ среди опасностей и испытаній. Нѣтъ, слѣдовательно, ни одного бѣдствія безъ положительнаго вклада въ общій капиталъ цивилизаціи [2]).

И это убѣжденіе оставалось не только отвлеченной идеей, а живѣйшимъ нравственнымъ чувствомъ дѣятелей просвѣщенія. Оно помогло кенигсбергскому отшельнику проникнуть въ смыслъ событій революціи и за грозными, часто отталкивающими, фактами разглядѣть культурное зерно, обильное безсмертными міровыми плодами. Даже больше. То же самое убѣжденіе спасло мужество Кондорсе въ минуту насильственной смерти и философъ закрылъ глаза, не переставая восторженной мыслью созерцать необозримо-величественную даль человѣческаго совершенствованія.

Такія настроенія не умираютъ вмѣстѣ съ людьми и вѣра просвѣтителей перешла къ поколѣніямъ, готовымъ отречься отъ многихъ цѣлей отцовъ, но твердо сохранившимъ источникъ ихъ воинственныхъ критическихъ замысловъ и неисчерпаемаго идейнаго энтузіазма.

Борьба,—вотъ господствующій девизъ новѣйшей философіи исторіи. Не ложь, не гоненія на правду и истину опасны для прогресса, а застой, отсутствіе умственной жизни, усыпленіе мысли. Это величайшее изъ всѣхъ золъ. «Дайте намъ, — восклицаетъ Бокль,— парадоксъ, дайте намъ заблужденіе, дайте все, что̀ вамъ угодно, но только спасите насъ отъ застоя. Онъ холодный духъ рутины, окутывающій тьмой нашу природу. Онъ пятнаетъ людей подобно ржавчинѣ, притупляетъ ихъ способности, заставляетъ увядать ихъ силы, дѣлаетъ ихъ неспособными, даже убиваетъ у нихъ желаніе бороться за истину или просто опредѣлить предметъ своихъ дѣйствительныхъ вѣрованій» [3]).

Эта истина подтверждается ежедневнымъ опытомъ. Она точно опредѣляетъ смыслъ отдѣльныхъ историческихъ эпохъ и значеніе личностей. Оно должно быть измѣряемо не столько обиліемъ истинъ, доступныхъ данному человѣку, не столько широтой его ума и культурностью его воззрѣній, сколько способностью вызвать движеніе во имя истины и ради воззрѣній. Совершеннѣйшій и изящнѣйшій умъ можетъ остаться мертвымъ капиталомъ и тунеяднымъ эгоистическимъ явленіемъ, разъ онъ не выйдетъ на арену общихъ интересовъ и взаимныхъ столкновеній съ другими, менѣе совершенными духовными организаціями. Весь смыслъ человѣческихъ способностей въ жизнедѣятельности, а не во внутреннемъ отрѣ-

---

[2]) Kant. *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Abricht.* Werke. Leipzig. 1838, t. VII.

[3]) Buckle. *Mill on Liberty. Essays.* Leipzig, 1867, 93—94.

шенномъ совершенствованіи. Отсюда—немощное самоуслажденіе такъ называемыхъ избранныхъ аристократическихъ натуръ, ощущающихъ мучительную оторопь при одной мысли объ окрытой встрѣчѣ съ противникомъ. Отсюда положительное преимущество не столь привилегированныхъ талантовъ и не столь тонкихъ мыслителей и эстетиковъ, но исполненныхъ практическаго мужества и не таящихъ отъ свѣта своей *Ungeselligkeit*.

Исторія знаетъ не одну эпоху, когда изящество и культурность общества достигали высшаго предѣла, когда цивилизація, казалось, истощала всѣ свои силы на отдѣлку просвѣщеннѣйшихъ любителей мысли и творчества, и это именно были времена застоя и ржавчины. За нимъ слѣдовало увяданіе культуры и то варварство, какое итальянскій философъ Вико ставилъ въ концѣ мертвенной эгоистической цивилизаціи. И вина лежала въ мертвенности, въ принципіальной апатіи, въ нравственной немощи людей, утратившихъ инстинктъ движенія и борьбы.

Приложите этотъ принципъ къ какому угодно явленію или дѣятелю и вы получите безошибочную культурно-историческую оцѣнку. Факты и люди естественнымъ путемъ размѣстятся въ вашемъ приговорѣ. Вамъ не потребуется прибѣгать къ тяжелому искусу, ежеминутно стоять на стражѣ пристрастій и ошибокъ свидѣтелей прошлаго, считаться съ ихъ личными, часто невольными извращеніями чужихъ заслугъ и характеровъ.

Одного вопроса не можетъ ни скрыть, ни извратить какой угодно пристрастный свидѣтель. Напротивъ. Именно его пристрастіе сообщитъ особенно рѣзкую окраску спорному предмету,—и температура гнѣвнаго или ненавистническаго чувства создастъ блестящее освѣщеніе самой цѣнной черты въ унижаемой личности: ея способности вызывать сильныя чувства у свидѣтелей ея дѣятельности.

Пусть эта дѣятельность будетъ управляться ложными принципами, но только *принципами*, пусть она граничитъ даже съ фанатизмомъ, но только во имя *убѣжденій*, и за извѣстнымъ именемъ останется почетное мѣсто въ памяти потомства. Недаромъ, даже Платонъ, измышлявшій на склонѣ лѣтъ всевозможныя кары за «ереси», преклонился предъ *искренностью* заблужденій и не призналъ ихъ преступленіями. Истина, такая ясная и подлинная, какой требуетъ, напримѣръ, Солодинъ отъ Катона, вѣчно манящая, но врядъ ли достижимая цѣль для нашихъ силъ. Единственное неопровержимое назначеніе человѣчества—исканіе истины, и на этомъ неограниченномъ поприщѣ должно быть мѣсто всякому уму и всякому знанію. Терпимость—естественный необходимый результатъ основныхъ законовъ нашего нравственнаго міра, логическое слѣдствіе несовершенства нашихъ способностей, столь же логи-

ческое, какъ и принципъ открытой борьбы во имя того, что данному уму въ данную минуту представляется истиной.

Мы, поэтому, въ своей исторіи не произносили и не будемъ произносить приговоровъ по статьямъ какого бы то ни было партійнаго уложенія, и еще менѣе могли допустить судъ надъ дѣлами и дѣятелями прошлаго по современнымъ представленіямъ въ области общественныхъ идеаловъ. Мы лично могли сочувствовать усиліямъ какого-либо писателя въ одномъ опредѣленномъ—для насъ дорогомъ—направленіи, но это сочувствіе не помѣшало бы намъ оцѣнить *прогрессивныя* заслуги и его враговъ, т. е. его искренность и талантливость идейной борьбы, хотя бы даже за то, что̀ намъ кажется заблужденіемъ. Мы ни на минуту не забывали, что и наша современная истина—со временемъ—можетъ оказаться заблужденіемъ и тогда бы исторію пришлось превратить въ нескончаемый рядъ уголовныхъ протоколовъ и взаимныхъ бозпощадныхъ каръ одного поколѣнія другимъ.

Нѣтъ. Мы производимъ не слѣдствіе, стремимся не къ побѣдоносному сопоставленію нашихъ истинъ съ чужими ошибками, а желаемъ представить поучительнѣйшую школу независимаго развитія мысли и рыцарскаго труженичества во имя ея. Предъ нами нѣтъ ни героя, ни жертвъ, только ради большей или меньшей правильности воззрѣній и цѣлесообразности дѣйствій. Истинный героизмъ не въ способности усвоить болѣе жизненныя и, слѣдовательно, болѣе благодарныя для защиты идеи, и еще менѣе въ практическомъ успѣхѣ, а въ способности вообще вѣровать и разсчитываться съ другими за свою вѣру.

Нерѣдко, защитникъ отживающихъ идеаловъ можетъ предстать предъ нами съ гораздо болѣе свѣтлымъ ореоломъ, чѣмъ сторонники новизны, и наше сочувствіе будетъ завоевано совершенно другими достоинствами героя, чѣмъ самые передовые взгляды—нравственные и общественные. Недаромъ, Донъ Кихотъ одинъ изъ любимцевъ человѣчества, при всемъ ретроградствѣ цѣлей и многихъ инстинктовъ ламанчскаго рыцаря.

И мы помнимъ, единственные невозбранно-законные вѣсы, какими располагаетъ историческая Ѳемида, должны быть направлены не на умъ человѣка, какъ прогрессивнаго мыслителя, не на его сердце, какъ идеальнаго члена семьи и кружка друзей, не на его таланты дѣятеля, а на нѣчто высшее всего этого, на его *личность*, какъ нравственный типъ, на его *натуру*, какъ единичное проявленіе человѣческой природы вообще. И только при такихъ условіяхъ возможенъ достойный судъ, потому что онъ будетъ основанъ на единственно прочныхъ данныхъ, неизмѣнныхъ, по своему нравственному смыслу, во всѣ времена и во всякой средѣ: на глубинѣ и силѣ чувства, одушевлявшаго вашего под-

судимаго, и на безкорыстіи и мужествѣ, управлявшихъ его жизнью. Если вы найдете въ немъ цѣльность, послѣдовательность и искренность натуры, вы отведете ему мѣсто въ роскошнѣйшемъ пантеонѣ человѣчества. Если нѣтъ, васъ не подкупятъ личныя обаятельныя качества Деместра, не ослѣпятъ звучныя риѳмы Гейне, не закружитъ сказочное счастье Наполеона. Вы не послѣдуете за какими угодно совершенными авторитетами исторіи и эстетики, полными умиленія надъ семейной корреспонденціей автора *С.-Петербургскихъ вечеровъ*, восторгами надъ «пѣснями» автора парижскихъ писемъ. Вы не забудете гимновъ политики палачу и деспотизму ради нѣжныхъ словъ отца и шутовскихъ издѣвательствъ надъ нравственнымъ достоинствомъ человѣка и гражданина ради острыхъ каламбуровъ любовника.

Въ нашей исторіи до сихъ поръ мы встрѣчали только смутные и отрывочные намеки на подлинную исторически-безсмертную духовную силу. Предъ нами не прошло ни одной личности, одинаково искренней въ убѣжденіяхъ и отважной въ дѣлахъ. Русская жизнь не дала русской литературѣ ни одного героя—не въ смыслѣ талантливости и ума, а въ смыслѣ цѣльной натуры, гармоническаго нравственнаго міра писателя-борца. Только въ концѣ вѣкового движенія русской литературы явился журналистъ съ несомнѣнными задатками идейнаго борца. Не продолжительнымъ оказался его путь и далеко не выдержанными остались его дѣла. Полевой умеръ преждевременной авторской смертью и не донесъ до могилы лавровъ своей молодости.

Но эти лавры не были случайностью. Они неразрывно сплетались съ рѣдкими, но жизненными побѣгами такой же молодой энергіи среди раннихъ поколѣній и разрослись въ роскошный вѣнецъ гражданской славы у преемниковъ.

Именно этому не всегда глубокому, но ни при какихъ условіяхъ не умиравшему живому теченію русская критика обязана своими успѣхами. Какъ бы подчасъ ни казались мелочны боевыя схватки русскихъ журналистовъ, какимъ бы кошмаромъ ихъ ни угнеталъ авторитетъ иноземныхъ учителей, сколько бы средостѣній ни воздвигала отечественная дѣйствительность между идеями и явленіями, писателемъ и публикой, мы все время не теряемъ изъ виду проблесковъ подлиннаго прогресса и русской мысли и русской жизни, потому что намъ не перестаютъ говорить объ *убѣжденіяхъ* и не отступаютъ предъ посильной *борьбой* за нихъ. Въ этихъ фактахъ заключалось все будущее русскаго культурнаго развитія и историкъ долженъ лелѣять ихъ, какъ лучи разсѣянной истины, какъ достовѣрнѣйшіе показатели жизнеспособности національнаго генія и національной гражданственности.

II.

Мы знаемъ, съ какой стремительностью Полевой спѣшилъ выступить на защиту полемики,—онъ, болѣе всѣхъ терпѣвшій отъ личныхъ навѣтовъ и литературной вражды почти всей современной журналистики! Въ этой защитѣ сказался *инстинктъ* прирожденнаго публициста, и Полевой, можетъ быть, не сознавалъ всего значенія своихъ запальчивыхъ проповѣдей.

А между тѣмъ, онѣ краснорѣчивое эхо приближавшейся, уже наступавшей грозы. Онѣ предвѣщали не полемику, не единоборство ловкихъ «журнальныхъ сыщиковъ» и дерзкихъ спекуляторовъ литературы, а цѣлую бурю неумолкаемаго идейнаго боя и за вѣчныя основы искусства, и за насущные вопросы повседневной дѣйствительности. На сцену готовился выступить боецъ неукротимой энергіи, весь одушевленный страстной, всепоглощающей вѣрой въ свою истину, все слагающій—и талантъ, и умъ, всю свою природу и все свое личное счастье—предъ единымъ божествомъ—личнымъ убѣжденіемъ писателя и гражданина.

Ему, въ теченіе болѣе вѣка, предшествовали боязливые, будто разорванные голоса, также заявлявшіе объ убѣжденіяхъ и также требовавшіе борьбы. Мы ихъ слышимъ всякій разъ, когда сквозь педантизмъ и рутину пробивался свѣтъ національной стихіи или оригинальнаго ума и таланта. Сумароковъ и Ломоносовъ говорятъ лирическія хвалы родному языку, Мерзляковъ въ лицо аристократическому офранцуженному обществу бросаетъ укоръ въ недостаткѣ патріотизма и въ постыдномъ чужебѣсіи, Крыловъ издѣвается надъ просвѣщенными франтами, предпочитающими парикмахера философу. Это все вѣщія рѣчи, это все натурой воспринятыя убѣжденія и въ результатѣ все это борьба, протестъ, т. е. движеніе и прогрессъ.

И въ какой тьмѣ онъ осуществляется! Предъ нами будто *lucida intervalla*, свѣтлые моменты среди сословныхъ предразсудковъ, цеховой нетерпимости, варварской надменности—доблестей, не чуждыхъ самой литературѣ и наукѣ. Но духъ носится надъ хаосомъ, и, несомнѣнно, изъ хаоса долженъ возникнуть стройный міръ въ процессѣ все той же борьбы, личнаго увлеченія, партійнаго азарта, часто ненависти и злобы. Но пусть разыгрываются какія угодно страсти, лишь бы не мlѣла жизнь; онѣ навѣрное вынесутъ на поверхность взбаломученнаго общественнаго моря сѣмена подлинной силы.

Съ такимъ именно чувствомъ выступило новое *философское* поколѣніе на смѣну старикамъ, безпомощнымъ пловцамъ въ родѣ Мерзлякова, изнывавшаго въ безъисходной борьбѣ между личнымъ сочувствіемъ *убѣжденію* и *свободѣ* и стихійно-засасывающимъ бо-

лотомъ преданій и авторитетовъ. Теперь больше не будетъ сдѣлокъ человѣческой души со страхомъ іудейскимъ.

Теперь самъ учитель объявитъ молодежи: нѣтъ ни единаго мудреца, не подлежащаго «повѣркѣ общаго ума человѣческаго», нѣтъ безусловнаго воплощеннаго разума, а только «боренье мыслей», и оно единственный путь къ истинѣ.

Великія слова и ихъ однихъ достаточно было бы для вѣчной памяти потомства о профессорѣ Галичѣ. Но учитель желалъ бо́льшаго. Онъ требовалъ борьбы за *убѣжденія*. Онъ находилъ, что «безъ убѣжденій жить нельзя». Онъ, слѣдовательно, стремился среди юношества создать религію духа и истины и источникомъ счастья объявлялъ усвоеніе единаго вдохновляющаго философскаго принципа. Мысль сливалась съ чувствомъ и разумъ съ энтузіазмомъ. Воля дѣйствовать и жить по убѣжденіямъ вытекала изъ необходимости обладать ими.

И явился другой учитель, воплотившій въ своей личности эту гармонію идеи и паѳоса. Впослѣдствіи юные философы будутъ прямо объявлять «холоднаго человѣка»—«подлецомъ»: онъ «не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ» [4]). Это представленіе могло быть почерпнуто изъ лекцій Павлова, не прочитавшаго ни разу «ни одной холодной, ни одной сухой или скучной» лекціи, не утратившаго ни на минуту «воодушевленія» и сообщавшаго его слушателямъ.

Естественно, ученики пойдутъ еще дальше. «Мысль развивается въ борьбѣ»,—девизъ молодыхъ шеллингіанцевъ, мысль—душа литературы, а литература—служба родинѣ и народному просвѣщенію. Это вполнѣ логическая цѣпь положеній, и какимъ восторгомъ звучатъ рѣчи начинающихъ писателей при одной мысли, что лѣтъ черезъ двадцать они, послѣ честной гражданской работы, соберутся вмѣстѣ и взаимно отдадутъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ. А «въ свои свидѣтели каждый будетъ призывать просвѣщеніе Россіи. Какая минута!» [5]).

И вы думаете, имъ нужна непремѣнно громкая слава, рукоплесканія многочисленной публики. Нѣтъ! У кого жизнь сливается съ убѣжденіемъ, тому путь къ осуществленію идей безразличенъ, усѣятъ ли его розы или покроютъ терніи. Послѣдніе, пожалуй, еще желательнѣе: цѣль въ глазахъ энтузіаста возвысится до священнаго призванія именно благодаря препятствіямъ и испытаніямъ. А для утѣшенія ему достаточно увѣренности, что гдѣ-то, въ неизвѣстной дали есть другъ-читатель, какой-нибудь бѣд-

---

[4]) Слова Станкевича; *Н. В. Станкевичъ*. Анненковъ. *Воспоминанія и критическія очерки*. Спб. 1881. III, 290.

[5]) Письмо И. В. Кирѣевскаго къ И. А. Кошелеву. *Сочиненія*. I, 12—13

някъ на четвертомъ этажѣ, «скромно одѣтый» провинціалъ или даже мечтательная любительница поэзіи.

Да, всѣ эти цѣнители творчества и сочувственники философовъ и художниковъ безпрестанно проходятъ въ юномъ воображеніи нашихъ идеалистовъ, и если писателю приходится встрѣтить свою мечту воплощенной—онъ счастливъ, его грудь переполняется отвагой на дальнѣйшій путь.

Одинъ изъ такихъ счастливцевъ такъ изображалъ своему другу свои первыя писательскія впечатлѣнія:

«Если бы ты зналъ, какъ весело быть писателемъ! Я написалъ одну статью, говоря по совѣсти, довольно плохо, и если бы могъ, уничтожилъ бы ее теперь. Но, не смотря на то, эта одна плохая статья доставила мнѣ минуты неоцѣненныя. Кромѣ многаго другого скажу только одно. Есть въ Москвѣ одна дѣвушка, прекрасная, умная, любезная, которую я не знаю и которая меня отъ роду не видывала. Тутъ еще нѣтъ ничего особенно пріятнаго, но дѣло въ томъ, что у этой дѣвушки есть альбомъ, куда она пишетъ все, что ей нравится, и, вообрази, подлѣ стиховъ Пушкина, Жуковскаго и пр., списано больше половины моей статьи. Что она нашла въ ней такого трогательнаго, я не знаю; но, не смотря на то, это одно можетъ заставить писать, если бы даже въ самой работѣ и не заключалось лучшей награды» [6]).

Такъ мало требовали молодые писатели отъ славы! Очевидно, именно въ ней самой заключалось утѣшеніе, стоявшее выше популярности и публичнаго шума. На него трудно было разсчитывать, когда приходилось создавать еще публику для новой литературы и вчерашнихъ читателей *Бѣдной Лизы* и *Свѣтланы* преобразовывать въ мыслителей. Писательство выходило борьбой въ силу историческаго порядка вещей, и въ этой борьбѣ таилась несказанная притягательная сила для юныхъ дѣятелей.

Какая пропасть легла между ними и еще не сошедшими со сцены учителями и общепризнанными талантами! Карамзинъ, на верху славы, не желаетъ защищать дѣла всей своей жизни, сторонится отъ литературнаго спора, возникшаго по поводу его же произведеній, онъ соглашается уступить настоятельнымъ просьбамъ пріятеля, пишетъ полемическую статью, но, вмѣсто печати, бросаетъ ее въ огонь... Вотъ краснорѣчивѣйшій образчикъ умственной косности и эпикурейскаго литераторства! Я буду говорить умильныя и красныя рѣчи въ гостиной, чеканить поразительно художественныя фразы и измышлять неуловимо тонкія чувства въ своемъ кабинетѣ, но да сохранятъ меня силы небесныя отъ публичнаго ратоборства за эти рѣчи и чувства! Я брезгливо

[6]) Кирѣевскій. *О. с.* I, 16—17.

отвернусь отъ улицы и литературнаго «толкучаго рынка». Именно такъ на моемъ салонномъ нарѣчіи будетъ именовать сцена какой бы то ни было журнальной публицистики,—и я не стану отвѣчать «ни на одну критику», лишь бы не запачкать перчатокъ въ газетной пыли. Я буду «жаркимъ спорщикомъ въ своемъ кругу», но что дѣлается и говорится внѣ его, меня не можетъ ни волновать, ни даже интересовать [7]).

Съ такими мыслями старые русскіе писатели совершали свое величественное шествіе! Подъ стать Карамзину и другой великій авторитетъ аристократической словесности, Жуковскій. Прекрасная душа романтика также не выносила борьбы и онъ готовъ былъ возсылать хвалу «жизнедавцу Зевесу» во всякую минуту своего бытія. Кротость, равновѣсіе духа, «полнѣйшая тишина и покорность судьбѣ», во всемъ этомъ «высшая мудрость» и, слѣдовательно, возможное человѣческое счастье.

Эти настроенія по существу не дѣятельны и не прогрессивны. Благо русской литературы, что она рядомъ съ «мирными пастырями» создала писателей совершенно другого закала, и у карамзинской школы и у романтизма нашлись борцы и защитники. Иначе рости бы невозбранно плевеламъ классицизма. Именно рѣшимость спуститься до «толкучаго рынка» должна отвести въ исторіи даже и слабѣйшимъ литературнымъ талантамъ не менѣе почетное мѣсто, чѣмъ кроткимъ созерцательнымъ геніямъ.

Съ теченіемъ времени становятся все рѣже младенчески-невозмутимыя души въ жанрѣ Жуковскаго и слащавые самодовольные эгоисты въ стилѣ Карамзина. Все тѣснѣе ограничивается та священная вершина горы, откуда литераторы-собраты тусклыми очами обозрѣвали бурное житейское море. Олимпъ смертныхъ постепенно вымираетъ и гибнетъ въ преданіяхъ старины, подобно художественному Олимпу боговъ. Уже философы жаждутъ борьбы, для романтиковъ весь смыслъ въ движеніи, въ воинственныхъ вызовахъ прошлому и въ страстной защитѣ будущаго. Философы будутъ вести свои безконечные споры сравнительно мирно и терпимо, какъ и подобаетъ ученикамъ германскаго «любомудрія». Они немедленно намѣтятъ чрезвычайно возвышенныя цѣли, но именно благодаря отдаленности цѣлей отъ дѣйствительности, философы могутъ оберечь себя отъ излишней запальчивости. У кого стремленія граничатъ съ небомъ, тотъ можетъ, сравнительно, спокойно проходить мимо будничныхъ мелочей.

У него не будетъ недостатка въ энтузіазмѣ, въ нравственной энергіи, въ глубокой искренней вѣрѣ, но самыя свойства задачи

---

[7]) Сочувственная характеристика Карамзинскаго отношенія къ литературной полемикѣ у кн. Вяземскаго, въ статьѣ о *Ревизорѣ*. *Современникъ*. 1836, II, стр. 289.

неминуемо съузятъ кругъ его практическихъ дѣйствій. Только самыхъ избранныхъ можетъ захватить интересъ къ абсолюту и тожеству и только нарочито подготовленные умы могутъ принять участіе въ многотрудномъ путешествіи къ таинствамъ высшаго созерцанія.

Естественно, философы остаются гораздо болѣе принципіальными борцами, чѣмъ подлинными преобразователями дѣйствительности. Ими владѣетъ *идея*, борьбой развивать мысль, но они, по личнымъ организаціямъ и по намѣченнымъ идеаламъ, далеки отъ осуществленія этой идеи. Они благонамѣреннѣйшіе учители и неприспособленные дѣлатели жизни. Они окажутъ незамѣнимыя услуги въ теоретическомъ ниспроверженіи идейнаго рабства и ученаго педантизма. Они нанесутъ первые и жесточайшіе удары профессорской эстетикѣ и рядомъ съ университетской аудиторіей создадутъ свою свободную, оригинальную, просвѣтительную въ истинномъ смыслѣ слова.

Но эта аудиторія также останется привилегированной обителью науки и мысли. У нея также будутъ свои жрецы и свои «оглашенные». Это также общество вѣрующихъ и посвященныхъ, отдѣленное отъ большинства смертныхъ грозными средостѣніями малодоступныхъ философскихъ истинъ и эстетическихъ идеаловъ. Здѣсь провозгласятъ великій принципъ: «мысль развивается въ борьбѣ», но показать наглядно этого развитія, оправдать принципъ всенародно, а не только на глазахъ «своего круга», придется другимъ. Это будутъ менѣе философы и болѣе литераторы. Они поймутъ и литературу, какъ одну изъ отраслей жизненной, практически цѣлесообразной дѣятельности. Даровитѣйшій поэтъ молодого поколѣнія рѣшится назвать писаніе стиховъ ремесломъ, дающимъ ему средства къ существованію, критики на тѣ же стихи посмотрятъ, какъ на службу обществу и примѣнятъ къ нимъ всѣ тѣ же нравственные запросы, по какимъ оцѣниваются общественные дѣятели.

И вспомните, съ какой послѣдовательностью эти запросы становятся все опредѣленнѣе и настойчивѣе!

Сначала мы слышимъ о безполезности поэта, способнаго «наслаждаться въ собственномъ своемъ мірѣ» и, слѣдовательно, уклоняться отъ цѣли всеобщаго совершенствованія». Поэту рекомендуются живые интересы человѣчества, вниманіе къ *общему* уму и *общему* чувству. Это большой успѣхъ сравнительно съ созерцательной кротостью пастырей, но это слишкомъ неопредѣленная задача и крайне обширная программа. Точнаго, для всѣхъ яснаго руководящаго текста пока нѣтъ, потому что идея всеобщаго совершенствованія—понятіе всеобъемлющее, въ него можно вложить

какое угодно практическое содержаніе и намѣтить какой угодно путь на ближайшее будущее.

Необходимо идею расчленить, приблизить ее къ ближайшимъ насущнымъ цѣлямъ современности и предложить формулу по силамъ всякаго, у кого только можетъ явиться желаніе выйти изъ «своего міра».

И мы, дѣйствительно, слышимъ о *гражданскомъ* долгѣ поэта. Мысль несравненно болѣе вразумительная, чѣмъ всемірное идеальное реформаторство. Поэтъ—гражданинъ своего отечества и сама дѣйствительность укажетъ ему его назначеніе, если онъ только отнесется къ ней съ искренней и всесторонней вдумчивостью. Очевидно, и принципъ борьбы принимаетъ другую форму. Борьба неизбѣжно усвоитъ популярный и яркій характеръ, потому что предметъ ея захватитъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей времени, не только ученыхъ и философовъ, а всякаго, кто одаренъ способностью осмысливать хотя бы только свою личную жизнь. Литература на самомъ дѣлѣ превращается въ одну изъ общественныхъ и даже политическихъ силъ: она разрѣшаетъ вопросы сословныхъ отношеній, всеобщей равноправности предъ закономъ, затрогиваетъ авторитетъ пережитковъ старины и исключительныхъ преимуществъ.

Совершенно послѣдовательно въ литературѣ обнаружится сочувствіе тѣмъ или другимъ фактамъ и направленіямъ современной мысли и практики и, естественно, завязывается споръ между заинтересованными сторонами. Въ спорѣ немедленно обнаружатся два общихъ теченія—консервативное и преобразовательное. И то же самое поколѣніе литераторовъ разовьетъ *гражданскую* идею до ея частныхъ, слѣдовательно, еще болѣе практическихъ выводовъ. Рядомъ съ Рылѣевымъ, искавшимъ въ писателѣ вообще гражданина, явится гражданинъ-*демократъ* Бестужевъ-Марлинскій, защитникъ средняго сословія, его культурнаго прогресса и историческихъ заслугъ на всѣхъ поприщахъ ума и искусства.

Программа оказывается не только вполнѣ установленной въ смыслѣ общественной роли писателя, но она предписываетъ ему извѣстную партію, ставитъ ближайшую цѣль для его таланта. Рѣчь критика невольно становится энергичной, подчасъ задорной, потому что онъ ежеминутно представляетъ себѣ многочисленныхъ противниковъ своей идеи. Безстрастное и «краткое» обсужденіе вопроса немыслимо, потому что за каждымъ словомъ скрывается *фактъ* живой дѣйствительности и каждый выводъ—*убѣжденіе*, не художественный плодъ отрѣшеннаго мышленія, а результатъ непосредственныхъ историческихъ и жизненныхъ внушеній. Теперь писатель дѣйствуетъ думая, и намѣренъ, думая, вызывать дѣйствія въ дорогомъ для себя направленіи.

Съ этихъ поръ прогрессъ русской мысли и, слѣдовательно,

жизни, обезпеченъ. Подготовительный путь законченъ. Принципъ борьбы рѣшенъ безповоротно. Спастись отъ нея будутъ въ состояніи только исключительныя организаціи—умственно-косныя и нравственно-мертворожденныя. Борьба захватитъ впослѣдствіи даже «чистое искусство» и именно среди самыхъ идиллическихъ питомцевъ музъ найдетъ азартнѣйшихъ бойцовъ—за что́, догадаться не трудно. Культъ парнасской красоты тоже, по неотразимому велѣнію времени, превратится въ партію, въ тенденцію и потребуетъ отъ своихъ служителей самыхъ прозаическихъ средствъ защиты и нападенія. «Толкучій рынокъ» не только обезчеститъ эмпиреи, но именно здѣсь найдетъ не мало перловъ для своей, менѣе всего эстетической исторіи. Это—судьба сравнительно отдаленнаго будущаго, хотя неразрывно связанная съ народнымъ моментомъ воинствующей литературы.

Мы знаемъ его сильнѣйшаго выразителя. Полевой съ честью принялъ наслѣдство своихъ старшихъ современниковъ и его журналъ явился по преимуществу очагомъ борьбы. Въ этомъ фактѣ незабвенное значеніе *Телеграфа*. Полевой завершилъ предисловіе къ исторіи русскаго прогресса, вписалъ послѣднюю страницу поразительной силы и краснорѣчиваго содержанія. Онъ цѣликомъ воспринялъ не только *общіе* интересы и *гражданскій* долгъ предшественниковъ, онъ съ примѣрной отвагой всталъ на защиту именно прогрессивнаго направленія, онъ безъ колебаній понялъ, какимъ идеаламъ принадлежитъ будущее русскаго общества и неустанно ратовалъ за демократизмъ въ просвѣщеніи и въ общественномъ строѣ. Онъ первый дѣйствительно боролся и вызывалъ борьбу подъ страхомъ несомнѣнныхъ многочисленныхъ опасностей. Онѣ, наконецъ, сломили журналиста, подорвали его энергію и даже принизили его личность. Но лучшее прошлое осталось неизгладимымъ въ сознаніи современниковъ и друзей, и враговъ. Оружіе павшаго изъ рукъ въ руки взялъ еще болѣе сильный боецъ и «старому забіякѣ», такъ назывался Полевой, вскорѣ пришлось привѣтствовать «нашего Орланда». Мало этого. Ему выпало рѣдкое счастье, — въ самомъ началѣ новой борьбы, услышать отъ новаго героя, исполненнаго стремительной отваги и несокрушимой вѣры въ свои молодыя идеи, признаніе неразрывной нравственной связи между нимъ, юнымъ и начинающимъ, и имъ, утомленнымъ и отошедшимъ въ сторону.

III.

Весной 1835 года бывшій издатель *Телеграфа* получилъ слѣдующее письмо:

«М. г. Николай Алексѣевичъ! Я принимаюсь за изданіе журнала не изъ корыстныхъ видовъ, не изъ дѣтскаго тщеславія, но

вмѣстѣ съ тѣмъ и не по сознанію въ своихъ силахъ и въ своемъ назначеніи, а изъ увѣренности, что *теперь* всякій можетъ сдѣлать *что-нибудь*, если имѣетъ хоть искру способности и добра... какъ бы то ни было, но мнѣ было бы пріятно имѣть читателемъ того человѣка, который съ такимъ благороднымъ и безпримѣрнымъ самоотверженіемъ старался водрузить на родной землѣ хоругвь вѣка, который воспиталъ своимъ журналомъ нѣсколько юныхъ поколѣній и сдѣлался вѣчнымъ образцомъ журналиста... Да, мнѣ пріятно и лестно думать, что вы будете иногда, въ рѣдкіе часы вашего досуга, перелистывать книгу, мною составленную, хотя, можетъ быть, для васъ это будетъ ни пріятно, ни лестно... Но ваше вниманіе ко всякому благородному порыву, ваше расположеніе и ласковость къ молодымъ людямъ, сколько-нибудь принимающимъ участіе въ дѣлахъ книжнаго міра, ваша снисходительность къ способности силъ при честныхъ намѣреніяхъ, въ чемъ я имѣлъ удовольствіе увѣриться собственнымъ опытомъ, заставляютъ меня надѣяться, что вы не откажитесь принять моего приношенія».

Прошелъ годъ послѣ прекращенія *Телеграфа.* Полевому, кромѣ того, было запрещено вообще печатать свои статьи и самое имя его не допускалось въ періодической печати. Тѣмъ отраднѣе было получить подобное изъявленіе чувствъ отъ начинающаго автора, уже достаточно засвидѣтельствовавшаго независимость и смѣлость своихъ сужденій. Очевидно, устанавливалась тѣсная историческая и идейная связь между дѣятельностью Полевого и молодого критика. Связь тѣмъ болѣе важная, что имя критика было Бѣлинскій и его дѣятельности предстояло наложить неизгладимую печать на все дальнѣйшее умственное движеніе русскаго общества.

Начало полагалось при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Вмѣстѣ съ *Телеграфомъ* замолкъ единственный убѣжденный публицистическій голосъ. Сцена литературы и журналистики оказалась въ рукахъ уже не дуумвирата, какъ было во времена *Телеграфа*, а гораздо сильнѣйшаго союза—тріумвирата. Въ составъ его входили—тѣ же Гречъ и Булгаринъ, вновь присоединился Сенковскій. Въ ихъ распоряженіи состояли два журнала—*Сынъ Отечества*, *Библіотека для Чтенія* и ежедневная газета *Сѣверная Пчела.* Тонъ давала *Библіотека для Чтенія*, владѣвшая пятью тычами подписчиковъ и открывшаяся на капиталы и энергію перваго среди современныхъ издателей-книгопродавцевъ—Смирдина.

Современники съ особеннымъ усердіемъ разсказываютъ намъ о появленіи новаго журнала. Наступала будто новая эпоха, готовая подчиниться нѣкоему могучему, до тѣхъ поръ небывалому духу. *Телеграфъ*, при своемъ возникновеніи, не вызвалъ и малой доли сильныхъ чувствъ, сопровождавшихъ первыя книги *Библіотеки.* И очевидцы правы: волненія были вполнѣ основательны, особенно

у тѣхъ, кто сколько-нибудь дорожилъ достоинствомъ русской литературы.

Мы знаемъ о результатахъ двоедержавія Булгарина и Греча. Пушкинъ чрезвычайно метко опредѣлялъ положеніе: «Русская литература головою выдана Булгарину и Гречу». Факты указываютъ, не только одна литература и публика. Если критическія статьи Греча внушали оторопь молодымъ читателямъ, статьи Булгарина грозили всевозможными безпокойствами даже Пушкину, извѣстія *Сѣверной Пчелы* стояли подъ охраной власти. Это видно изъ злополучнаго эпизода съ *Литературной Газетой*.

Она позволила себѣ замѣтить, будто сообщенія булгаринской газеты ложны. Бенкендорфъ немедленно довелъ это происшествіе до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, главы цензурнаго вѣдомства, и просилъ его поставить на видъ цензору, что свѣдѣнія и статьи въ *Сѣверную Пчелу* сообщаются по «приказанію» его, Бенкендорфа и, слѣдовательно, *Литературная Газета* совершила поступокъ «неприличный», грозящій ослабленіемъ у публики довѣрія къ правительству и нарушеніемъ общественнаго спокойствія... [8]). Въ такую можно было попасть бездну зла только благодаря сомнѣнію въ непогрѣшимости репортернаго отдѣла въ изданіи Булгарина!

Когда съ друзьями или, какъ ихъ именовала пародія на поэму Пушкина, съ статьями разбойниками [9]), соединился профессоръ Сенковскій, иго превратилось въ невыносимый деспотизмъ, откровенный до циничности и вооруженный соблазнительнѣйшими приманками для публики. Всѣ, кто только былъ причастенъ къ литературѣ и стоялъ внѣ тріумвирата, почувствовалъ себя подъ гнетомъ невыносимой темной силы и въ первый разъ поэты и журналисты заволновались и затолковали объ освобожденіи. До тѣхъ поръ русской литературѣ не приходилось видѣть такого единодушія среди, лично и идейно враждебныхъ другъ другу людей, единодушія во имя общаго отвращенія къ систематическому растлѣнію читательскихъ мыслей и вкусовъ тремя союзными органами.

Прежде всего, впечатлѣнія двухъ первостепенныхъ современныхъ художниковъ. Именно бургаринская монополія давно уже возбуждала у Пушкина желаніе, пуститься въ публицистику и даже въ издательство. Еще до появленія *Библіотеки для Чтенія* онъ не могъ помириться съ мыслью о единовластномъ авторитетѣ *Сѣверной Пчелы* въ политикѣ, и не переставалъ носиться съ меч-

---

[8]) Барсуковъ. III, 235.

[9]) Объ этой пародіи пишетъ Плетневъ въ письмѣ къ Гроту: пародію читалъ Бѣлинскій у Плетнева. *Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.* Спб. 1896. II, 25.

той о политической газетѣ [10]). Когда на сцену выступилъ Сенковскій и сразу стяжалъ успѣхъ, мечта о газетѣ превратилась у Пушкина въ настойчивую страсть, пойти на встрѣчу *Библіотекѣ* журналомъ. Гоголь находилъ, что всѣ литераторы оказались «въ дуракахъ», а литература «безъ голоса» [11]). Такія мысли естественны у Пушкина и Гоголя, но даже сама цензура чувствовала ненормальность положенія и готова была съ полнымъ удовольствіемъ разрѣшить изданіе новаго журнала, особенно въ Москвѣ, для противодѣйствія петербургской монополіи [12]).

Именно такія соображенія были высказаны по поводу ходатайства извѣстнаго намъ сослуживца профессора Павлова, шеллингіанца Андросова. Ему безъ всякихъ препятствій былъ разрѣшенъ *Московскій Наблюдатель* и въ новой редакціи вновь сошлись знакомые намъ ученики германскаго любомудрія—Павловъ Кирѣевскій, Одоевскій.

Журналъ явно былъ разсчитанъ на оппозицію петербургскому тріумвирату. Разрѣшеніе состоялось въ концѣ 1835 года, одновременно Пушкинъ обратился къ Бенкендорфу съ просьбой дозволить ему издавать ежемѣсячный журналъ *Современникъ*. Съ слѣдующаго года журналъ появился. Такимъ образомъ, противъ *Библіотеки* сразу возстало два изданія, одинаково одушевленныя принципіальнымъ стремленіемъ—уничтожить врага.

Аттака въ сущности направлялась преимущественно противъ Сенковскаго. Спеціалистъ по восточнымъ языкамъ, докторъ философіи, онъ, по словамъ цензора Никитенко, былъ «весь сложенъ изъ страстей, которыя кипѣли и бушевали отъ малѣйшаго внѣшняго натиска». Темпераментъ, очевидно, какъ нельзя болѣе приспособленный къ журнальному поприщу. Для кипучихъ страстей Сенковскій избралъ самую доступную и прямую цѣль — успѣхъ журнала какими бы то ни было путями и средствами. Началъ онъ съ приглашенія въ редакторы Греча, слѣдовательно, съ тѣснаго союза съ *Сѣверной Пчелой*, единственной распространенной глашательницы славы. Потомъ слѣдовалъ длиннѣйшій списокъ сотрудниковъ, заключавшій имена и Пушкина, и Гоголя, и Полевого, и Жуковскаго, и Кирѣевскаго, и Одоевскаго, однимъ словомъ, всѣхъ современныхъ знаменитостей. Въ дѣйствительности, Гречъ игралъ роль почетнаго предсѣдателя, а большинство знаменитостей замышляло пойти грудью на новый журналъ. Душою и силой его явился единолично Сенковскій, покрывшій страницы

---

[10]) Письмо къ кн. Вяземскому отъ 2-го мая 1830 года. *Сочиненія*. VII, 223—224.

[11]) Письмо къ Погодину. *Письма*. VI, 157.

[12]) Барсуковъ. IV, 231.

Библіотеки разными псевдонимами: барона Брамбеуса, Тютюнджи-Оглу, А. Бѣлкина.

Таланты у профессора оказались самые разносторонніе. Онъ не желалъ знать себѣ равныхъ въ беллетристикѣ, въ критикѣ, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Мало этого. Онъ не допускалъ, чтобы чужое произведеніе могло появиться въ его журналѣ безъ его исправленій. Онъ принялся передѣлывать, перечерчивать, отрѣзывать концы и придѣлывать другіе—все равно, къ повѣстямъ или статьямъ. Журналъ превратился въ единоличную исповѣдь всемогущаго владыки,—исповѣдь одноцвѣтную и однотонную, но въ высшей степени удобочитаемую, легкокрылую и легкомысленную.

Въ сущности, мысли были заранѣе изгнаны изъ самой программы журнала и, конечно, немедленно предстояло утратить всякій авторитетъ философамъ, столь почитавшимся въ современной литературѣ. Шеллингъ, Гегель объявлены шарлатанами и сумасбродами, окончательно униженъ Велланскій. Это вполнѣ совпадало съ политикой Булгарина. *Сѣверная Пчела* энергично поддерживала вылазки Сенковскаго и Булгаринъ напалъ на «новыя слова»—абсолютъ, *субъективъ* и *объективъ*, и даже божился, что все это «галиматья», совершенно неожиданно для самого себя давая вѣрную оцѣнку *объективамъ* и *субъективамъ* собственнаго измышленія.

Но, спускаясь и въ болѣе доступныя области, Сенковскій не обнаруживалъ ни малѣйшихъ признаковъ мышленія. Вся критика барона состояла изъ издѣвательствъ и шутовскихъ выходокъ, разсчитанныхъ, дѣйствительно, на вкусъ «толкучаго рынка» и до послѣдней степени неприхотливаго читателя.

Библіотека, напримѣръ, напечатала длинную статью противъ своихъ противниковъ и вся полемическая соль ограничивалась остроумно-преднамѣреннымъ невѣдѣніемъ автора точныхъ названій *Телескопа* и *Московскаго Наблюдателя*. Тому и другому журналу дано множество чрезвычайно забавныхъ наименованій: *Московскій Надзиратель*, *Соглядатай*, *Назидатель*, *Набиратель*, *Темноскопъ*, *Каледоскопъ*, *Микроскопъ*, *Ораскопъ* [13]).

Въ другихъ случаяхъ, особенно критическихъ для остроумія критика, авторъ просто вставлялъ въ цитаты изъ чужихъ произведеній свои шуточки и пошлости и не боялся рѣшительно никакихъ уликъ. Барону ничего не стоило сегодня увѣнчать лаврами новооткрытаго генія, а завтра забросать его грязью и даже откровенно заявить публикѣ, что все это—шутка и баронъ не желаетъ помнить своихъ мнѣній.

Даже Гречу довольно скоро пришлось испытать на своей особѣ

---

[13]) *Библ. для Чтенія.* 1836, VII.

крайности баронской фантазіи и издать по этому случаю особую брошюру [14]). Менѣе чѣмъ въ четыре года Сенковскій успѣлъ составить два противоположныхъ мнѣнія о вопросѣ, казалось бы, вполнѣ опредѣленномъ,—о грамотности и стилѣ Греча. То слогъ Греча казался барону «пріятнымъ, свѣтлымъ», и критикъ находилъ въ немъ «очаровательную простоту» и «высокое краснорѣчіе», то вдругъ тотъ же слогъ выходилъ устарѣлымъ и даже «дикимъ».

Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ *Библіотека* строго вела одну линію, именно когда вопросъ шелъ о дѣйствительныхъ, сильныхъ талантахъ. Тамъ она выходила изъ себя и когда угодно могла излить сколько угодно желчи и пошлаго острословія по адресу Пушкина или Гоголя. Авторъ *Мертвыхъ душъ* до конца не выходитъ изъ Поль-де-Коковъ, за то Булгаринъ царствуетъ на русскомъ Парнасѣ. Эта игра велась такъ упорно и съ такой отвагой, что у современниковъ невольно являлось подозрѣніе, ужъ не впрямь ли въ русской критикѣ хозяйничаетъ какой-нибудь «турокъ», сбиваетъ съ толку простодушныхъ читателей и тѣмъ мститъ Россіи за униженіе своего отечества [15]). Серьезно трудно было повѣрить въ такое превращеніе, но невѣроятно наглая безпринципность и явная вражда ко всему истинно-талантливому требовали какого-либо объясненія. И между тѣмъ, весь секретъ заключался въ простѣйшихъ мотивахъ и вполнѣ естественныхъ побужденіяхъ: съ одной стороны темная публика, съ другой—азартная ловля подписчика. И *Библіотека* безъ малѣйшихъ колебаній превращалась въ балаганъ и нѣчто даже худшее.

У барона имѣлся въ распоряженіи обширный репертуаръ спеціальныхъ соблазновъ. Онъ первый пустилъ въ оборотъ беллетристику рѣзко-наркотическаго аромата, первый принялся живописать многообразныя приключенія героинь будущей натуральной школы и, насколько допускала цензура, не стѣснялся откровенностями ни въ фактахъ, ни въ нравственныхъ выводахъ, ни въ стилѣ. Ему принадлежатъ необыкновенно «вкусные» эпитеты, въ родѣ «теплое, роскошное, пуховое тѣльце дѣвушекъ», и еще круче приправленныя картины: «бѣлая, жирная ножка мандаринши, на которой влюбленныя насѣкомыя утопаютъ въ небесномъ блаженствѣ». Баронъ, въ погонѣ за пикантными соусами, доходилъ часто до подлиннаго декадентства, такъ что новѣйшіе исповѣдники школы свободно могутъ заимствовать со страницъ *Библіотеки*: «розовыя понятія», «свѣтлыя чувства» женщины и самую женщину «мягкую, хрустальную, благовонную»...

---

[14]) *Литературныя поясненія.* Спб. 1838 года. О нихъ замѣтка Бѣлинскаго, *Сочиненія.* Москва. 1875, II, 444.

[15]) Бѣлинскій. II, 56.

И такимъ оружіемъ Сенковскій билъ наповалъ провинціальнаго обывателя. *Библіотека* царствовала и могла управлять, потому что годъ за годомъ неустанно разсѣевала заразу пошлости, безъидейности, плутовства и цинизма по всѣмъ угламъ Россіи. По существу выходилъ настоящій заговоръ противъ просвѣщенія и умственнаго развитія публики. Въ иномъ направленіи и съ бо́льшимъ упорствомъ не могли бы дѣйствовать злѣйшіе враги русскаго общества. И между тѣмъ, именно эта дѣятельность считалась вполнѣ благонамѣренной и цѣлесообразной. Никакой опасности сверху тріумвиратъ не могъ ждать. Бенкендорфъ основательно входилъ въ издательскіе планы Булгарина и въ политику барона Брамбеуса: отъ такихъ просвѣтителей ничего «неприличнаго» въ смыслѣ шефа жандармовъ не могло произойти.

Но, мы уже знаемъ, время невозбранной эксплуатаціи какого бы то ни было литературнаго монополиста съ одной стороны и брезгливаго олимпійства—съ другой, миновало навсегда. Воздухъ, какимъ дышали лучшіе люди тридцатыхъ годовъ, былъ насыщенъ элементомъ протеста и борьбы, и именно тріумфы могущественнаго тріумвирата ополчили на него всѣхъ, кто только могъ отдать отчетъ въ нравственномъ и общественномъ смыслѣ его подвиговъ.

IV.

Московскій Наблюдатель съ первыхъ же книжекъ можетъ быть признанъ за воплощенное отрицаніе *Библіотеки*. Его походъ открылся статьей Шевырева *Словесность и торговля*. Авторъ жестоко нападалъ вообще на продажность литературы, картинно изображалъ благоденствіе удачливыхъ и ловкихъ литераторовъ. Но всѣ стрѣлы морали и живописи направлены на *Библіотеку* и *Пчелу*, и журналъ прямо именовался «пукомъ ассигнацій, превращеннымъ въ статьи».

Молодой ученый явно поддался полемическому пылу и хватилъ черезъ край, уличая русскихъ литераторовъ въ сибаритствѣ и роскоши. Сенковскій и Булгаринъ, несомнѣнно, блаженствовали, но это не давало публицисту права рисовать нѣкое Эльдорадо всей русской словесности и нападать на самый принципъ литературнаго заработка. По крайней мѣрѣ, Шевыревъ не съумѣлъ отдѣлить нормальныхъ явленій отъ порочныхъ, завѣдомыхъ козлищъ отъ ихъ жертвъ, и далъ поводъ другому воинствующему журналу подвергнуть критикѣ промахи своего же соратника.

Цѣлесообразнѣе могла выйти другая статья *Наблюдателя*—*Брамбеусъ и юная словесность*—отвѣтъ на одно изъ самохвальствъ Сенковскаго, провозгласившаго себя главой новой литературной школы и уничтожавшаго французскую литературу. Соль москов-

ской статьи заключалась именно въ этомъ уничтоженіи: баронъ усерднѣйше компилировалъ французскихъ беллетристовъ и ихъ же подвергалъ казни. *Наблюдатель*, на этотъ разъ въ добродушномъ тонѣ, разоблачилъ проказы Брамбеуса и путемъ буквальныхъ сопоставленій находилъ сплошное воровство въ знаменитѣйшемъ произведеніи *Большой выходъ у сатаны* [16]). Наконецъ, вскорѣ появилась еще третья статья, самая энергическая и искусная изъ всѣхъ трехъ. *Наблюдатель* доходилъ здѣсь до паѳоса въ своемъ гнѣвѣ на поруганіе литературы «новымъ Батыемъ». Ссылаясь на излюбленные критическіе пріемы барона, журналъ спрашивалъ:

«Читая все это легкомысленное пустословіе, котораго все честолюбіе заключается только въ томъ, чтобы сдернуть насильственную улыбку съ губъ празднаго читателя, позволительно ли молчать? Не долгъ ли всякаго честнаго человѣка возбуждать негодованіе къ этому зубоскальству, которое умерщвляетъ всякое вѣрованіе въ науку, даетъ толпѣ соблазнительный примѣръ осмѣивать ученіе, мысли, мнѣнія прежде, чѣмъ она узнала ихъ, оправдываетъ наглое невѣжество въ собственныхъ его глазахъ тогда, когда должно было бы стыдить и позорить его при всякомъ случаѣ? Не есть ли обязанность всякаго литератора, который еще не отдалъ пера своего на аренду, возставать явно и открыто противъ этихъ злоупотребленій, угрожающихъ ниспроверженіемъ всякаго уваженія къ литературѣ?» [17]).

Это были истинно гражданскія рѣчи, и имъ долго не суждено было утратить своего значенія. *Наблюдатель* умѣлъ подмѣтить изъяны своего врага и поднять вопросъ на высоту принципа. Проницательности требовалось не особенно много при вопіющихъ порокахъ *Библіотеки*, но очень много доброй воли и идейной силы, чтобы раскрыть общій смыслъ развивавшагося недуга и поставить точный діагнозъ его нравственному вліянію на общество.

На помощь *Наблюдателю* выступилъ *Современникъ*. Онъ также началъ съ аттаки на *Библіотеку* статьей Гоголя *О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году*. Геніальный сатирикъ, какъ и слѣдовало ожидать, обнаружилъ блестящій публицистическій талантъ. До статей Бѣлинскаго это единственная *художественно-яркая* характеристика литературныхъ явленій. Авторъ умѣетъ найти поразительно мѣткое слово, живой образъ, юмористическое сравненіе, и одной чертой запечатлѣть существенное содержаніе даннаго явленія.

Гоголь сѣтуетъ на небывалое «отсутствіе журнальной дѣятельности и живого современнаго движенія», и приписываетъ вину

---

[16]) *Моск. Наблюд.* 1835. II, 447 etc.

[17]) *Моск. Набл.* 1835, V. *Критическое объясненіе*, стр. 489.

безъидейности и безотчетности прежде всего первенствующаго журнала *Библіотеки*. Въ ней нѣтъ движущей, господствующей силы, нѣтъ опредѣленной цѣли, нѣтъ никакого вкуса, ея рецензіи—«не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ», и ея сподвижница *Пчела* такая же «корзина, въ которую сбрасывалъ всякій все, что ему хотѣлось».

Все это справедливо и остроумно и окончательный выводъ разбивалъ, казалось, на голову литературныхъ уродовъ, «литературное безвѣріе и литературное невѣжество», «мелочное въ мысляхъ и мелочное щегольство». Негодованіе Гоголя тѣмъ внушительнѣе, что оно сопровождалось вполнѣ опредѣленной положительной программой для всякаго настоящаго журнала и достойной критики.

Въ статьѣ усиленно подчеркивается необходимость имѣть журналу одинъ опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, а не быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ. Журналъ долженъ управляться «единою волею», ясной единой цѣлью, продуманной и прочувствованной идеей. Критикъ долженъ считать свое дѣло важнымъ и приниматься за него съ благоговѣніемъ и предварительнымъ размышленіемъ, готовый отдать отчетъ въ каждомъ словѣ своемъ...

И это все справедливо и въ высшей степени благородно. Мы видѣли, и *Наблюдатель* не отставалъ отъ *Современника* по части идеальныхъ запросовъ литературы. Его главный критикъ Шевыревъ издалъ одновременно докторскую диссертацію и историческимъ путемъ старался опредѣлить законное направленіе современной критической мысли.

Эта книга, *Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ*, послѣдній и самый совершенный плодъ ученой эстетики предъ эпохой Бѣлинскаго. Нѣкоторыя идеи ея представляютъ для историка большой интересъ; онѣ прежде всего показываютъ высшую точку, на которой стоялъ безспорно талантливѣйшій оффиціальный эстетикъ тридцатыхъ годовъ и, слѣдовательно, вообще университетская наука объ изящномъ, а потомъ разсужденія Шевырева косвенно опредѣляютъ степень оригинальности первыхъ статей Бѣлинскаго. Мы встрѣтимъ не мало совпаденій въ ученыхъ понятіяхъ профессора и страстныхъ проповѣдяхъ молодого критика, но мы замѣтили также не мало отличій, даже контрастовъ. Простое сопоставленіе рѣшитъ вопросъ объ относительной прогрессивности воззрѣній обоихъ писателей. Рѣшеніе тѣмъ настоятельнѣе, что Шевыревъ явится вскорѣ одной изъ излюбленныхъ мишеней Бѣлинскаго.

Когда вы читаете диссертацію Шевырева, предъ вами съ каждой страницей раскрывается великій прогрессъ университетской эстетики тридцатыхъ годовъ сравнительно съ неизглаголанными

вѣщаніями Надеждина. Предъ вами нѣтъ и слѣда уродливой реторики, сдобренной искусственнымъ азартомъ на самомъ дѣлѣ совершенно нехудожественной натуры автора и ясными отголосками далеко еще не покинутаго цехового педантизма. Шевыревъ пишетъ вполнѣ литературно, красиво и въ общемъ вполнѣ вразумительно.

Во главѣ книги стоитъ въ высшей степени важный выводъ: «искусство было прежде теоріи». Величайшіе поэты новаго міра «дѣйствовали безъ теоріи». Даже больше. «Во Франціи теорія, слишкомъ рано явившаяся, только что стѣснила художественную дѣятельность и произвела вліяніе, вредное для словесности».

Дальше подчеркивается замѣчательная идея Платона о критическомъ талантѣ. Такъ какъ начало поэзіи—вдохновеніе, то и судить о поэтахъ «не однимъ искусствомъ, а тѣмъ же божественнымъ наитіемъ». Проще, это значитъ: критикъ долженъ обладать художественнымъ чувствомъ, и, слѣдовательно, научиться критикѣ такъ же невозможно, какъ и поэтическому творчеству.

Естественно, авторъ даетъ превосходное опредѣленіе классицизма и классическаго вкуса,—опредѣленіе на основаніи тѣхъ же реторикъ: это просто чувство приличій—*le sentiment des convenances*, т. е. подражаніе этикету свѣтскаго общества [18]). Мысль эта не могла не быть извѣстной и раньше, но Шевыревъ первый выводилъ ее изъ первоисточниковъ и подкрѣплялъ подлинными фактами.

Наконецъ, заключительное обобщеніе автора кажется перломъ ума и учености сравнительно съ прежними эстетическими поученіями:

«Греція представила намъ сначала всѣ образцы поэзіи, потомъ теорію, отсюда не ясно ли слѣдуетъ, что и въ наукѣ знаніе образцовъ, исторія поэзіи, должна предшествовать ея теоріи; что настоящая теорія можетъ быть создана только вслѣдствіе историческаго изученія поэзіи, которому можемъ мы предпослать предчувствіе теоріи въ томъ же родѣ, какъ мы нашли оное въ поэтическихъ миѳахъ Греціи. Какъ было на дѣлѣ, такъ должно быть и въ наукѣ» [19]).

Этимъ положеніемъ устранялись не только старыя піитики, но подрывался авторитетъ и новыхъ философскихъ эстетикъ. Признавая заслуги германской философіи предъ наукой объ изящномъ, Шевыревъ указываетъ на протестующее теченіе въ самой Германіи. Протестъ направленъ противъ новаго вида схоластики, философскихъ изысканій о началахъ творчества и о смыслѣ прекраснаго. Въ самомъ отечествѣ Шеллинга и Гегеля нашлись

---

[18]) *Теорія поэзіи*. Москва. 1836, стр. 1, 34, 173 370—378.

[19]) *Ib.*, стр. 368.

критики отвлеченнаго фанатизма, и Шевыревъ присоединяется къ нимъ.

Одинъ изъ протестантовъ очень искусно изобличалъ пороки эстетическаго философствованія и его обличенія могли бы оказать большую услугу русскимъ послѣдователямъ германскаго любомудрія.

Критикъ находилъ, что Германія до сихъ поръ не имѣетъ хорошей эстетики. Существующія теоріи слишкомъ отвлеченны и не разсчитаны на основную силу поэзіи—воображеніе. Онѣ обращаются исключительно къ разуму, питаютъ его правилами и началами, но не предлагаютъ никакого образа, никакого созерцанія красоты, нисколько не говорятъ фантазіи. Въ результатѣ, можно прочесть цѣлые томы философскихъ поученій и не получить никакого представленія о прекрасномъ [20]).

Поэты, конечно, еще энергичнѣе должны были возставать противъ философской тьмы и деспотизма. Жанъ Поль Рихтеръ находилъ гораздо болѣе пользы и смысла въ журнальныхъ рецензіяхъ, чѣмъ въ хитроумныхъ философскихъ терминахъ и выводахъ. И русскій авторъ признаетъ, что поэтъ однимъ мѣткимъ замѣчаніемъ полнѣе можетъ высказать намъ извѣстную эстетическую идею, чѣмъ иной систематическій эстетикъ при помощи философскихъ опредѣленій.

И въ Германіи метафизическое направленіе уступаетъ мѣсто историческому. Эстетика должна слѣдовать путями естественной исторіи, собирать факты изящнаго, быть всеобъемлющей памятью изящнаго, все равно, какъ естествознаніе—зеркало и память природы. «Всеобъемлющій опытъ и собираніе»—таковы задачи новой эстетики.

Русскій авторъ не забывалъ указать на увлеченіе своихъ соотечественниковъ нѣмецкими умозрѣніями и желалъ, чтобы «эмпирическое изученіе искусства взяло верхъ надъ философскимъ» [21]).

Мы видимъ, ученый не только понялъ сущность искусства и художественной критики, но и сталъ впереди даровитѣйшихъ современныхъ эстетиковъ. Защитой *исторической* эстетики Шевыревъ опередилъ Бѣлинскаго перваго періода его дѣятельности. Молодому критику предстояло еще долго и мучительно биться въ сѣтяхъ философскихъ теорій и приносить самоотверженныя жертвы «терминамъ» и «опредѣленіямъ». Уже достаточно того факта, чтобы оцѣнить положительныя достоинства диссертаціи Шевырева. Не надо забывать, что ученый обладалъ и поэтическимъ талантомъ. Бѣлинскій находилъ возможнымъ признавать и поощрять

[20]) Разсужденія Менцеля. *Шевыревъ*, стр. 309.

[21]) *Ibid.*, стр. 363, 372.

этотъ талантъ. Можно было многаго ждать отъ такой разносторонней даровитости и учености. И Пушкинъ поспѣшилъ привѣтствовать Шевырева, какъ историка поэзіи [22]).

Слѣдовательно, противъ петербургскаго тріумвирата встали, повидимому, силы въ высшей степени серьезныя. Здѣсь было много знанія, искренней любви къ литературѣ, безусловно честныя цѣли и, что̀ важнѣе всего, принципіальная жажда борьбы. Какіе же получились результаты?

Мы должны оцѣнить ихъ съ особенной тщательностью: они именно та историчестая обстановка, въ какой появился Бѣлинскій, и мы не поймемъ дѣйствительнаго значенія его первыхъ шаговъ, не отдавъ всей справедливости его старшимъ современникамъ и соперникамъ.

V.

Московскій Наблюдатель съ самаго начала заставилъ насторожениться петербургскихъ монополистовъ, но не прошло года, Сенковскій успокоился и продолжалъ обычныя презрительныя игривыя шуточки. Для противника и этого казалось достаточно. Его ждали, какъ торжества Москвы надъ Петербургомъ, а онъ вышелъ какимъ-то тщедушнымъ, вялымъ и, прежде всего, безличнымъ. Ему также не далась единая направляющая воля, яркій опредѣленный характеръ, онъ также превратился въ альманахъ, въ сборникъ статей, несомнѣнно, болѣе литературныхъ, чѣмъ въ *Библіотекѣ*, но столь же случайныхъ и подчасъ довольно страннаго содержанія. Примѣръ тотъ же Шевыревъ.

Въ его диссертаціи мы могли найти не мало весьма цѣнныхъ идей, но если бы мы и здѣсь задали вопросъ, какая же физіономія и какой характеръ у нашего эстетика, мы не могли бы найти точнаго отвѣта. Шевыревъ правильно понялъ *историческое* развитіе поэзіи, составилъ вѣрное заключеніе и о будущемъ *художественной* критики, но не успѣлъ установить руководящихъ мотивовъ въ области *общественныхъ* идей. Свѣдущій историкъ и благоразумный эстетикъ, Шевыревъ совершенно неуловимый или крайне пестрый публицистъ. У профессора нѣтъ продуманнаго символа общественной вѣры, онъ прекрасный изслѣдователь книгъ и теорій и весьма плохой наблюдатель и осмысливатель жизни и фактовъ.

Въ *Теоріи поэзіи* Шевыревъ не могъ не коснуться самаго безпокойнаго вопроса современной критики: объ отношеніи поэзіи къ дѣйствительности. И онъ написалъ такую фразу: должны же существовать отношенія между искусствомъ и общественною жизнью [23]).

[22]) Замѣтка объ *Исторіи поэзіи* Шевырева, въ 1835 году. *Сочиненія*, V, 285.
[23]) *О. с.*, стр. 372.

Но этимъ все и ограничилось. Какія отношенія и какъ они могутъ установиться—отвѣтовъ не послѣдовало. И мы даже можемъ сомнѣваться, сознавалъ ли критикъ всю важность своего заявленія.

Онъ, напримѣръ, восхищается Гораціемъ за то, что тотъ открылъ «нравственное назначеніе» поэзіи, слилъ «обязанность гражданина» съ обязанностью поэта, и «вѣка оправдали слова Горація».

Кажется, достаточно сильно и точно. Но нѣсколько дальше дѣло принимаетъ другой оборотъ. Отдавъ дань восторга римской идеѣ нравственной и гражданской цѣлесообразности искусства, Шевыревъ не считаетъ противорѣчіемъ съ такимъ же восторгомъ встрѣтить и поэзію Гёте. «Великій поэтъ Германіи поставилъ цѣль искусства въ немъ самомъ, отрѣшивъ его отъ всѣхъ цѣлей внѣшнихъ», говоритъ авторъ, явно сочувствуя новой постановкѣ вопроса.

Та же исторія германской поэзіи вовлекаетъ Шевырева еще въ одно недоразумѣніе. Мы слышали отъ критика настойчивое отрицаніе благодѣтельнаго вліянія теоріи на искусство. Но, оказывается, Лессингъ именно критикѣ, т. е. все-таки теоріи, обязанъ своими художественными произведеніями и русскій авторъ признанія Лессинга сопровождаетъ такимъ замѣчаніемъ:

«Не слышится въ этихъ словахъ Лессинга голосъ начинающагося искусства Германіи, въ которой Гёте былъ питомцемъ критики?»... [24]).

Слѣдовательно, бываютъ случаи, когда критика не только направляетъ искусство, но даже создаетъ его, по крайней мѣрѣ вызываетъ къ дѣятельности? Вопросъ требовалъ тщательнаго обслѣдованія, во всякомъ случаѣ, ученый не долженъ былъ допустить возможности рѣзко толковать его личныя воззрѣнія какъ разъ на самые существенные принципы критической *практики.*

Выводъ можетъ быть одинъ: эти принципы не ясны самому автору и онъ будетъ безпрестанно грѣшить противъ логики, лишь только отъ обсужденія чисто-литературныхъ задачъ перейдетъ къ общественнымъ.

Такъ это и произошло именно въ статьяхъ *Наблюдателя.*

Мы уже видѣли, какую близорукость и наивность обнаружилъ Шевыревъ въ катоновскомъ гоненіи на корыстолюбіе русской литературы. Ученый метнулъ стрѣлу выше цѣли и подорвалъ убѣдительность даже своихъ вполнѣ основательныхъ замѣчаній. То же самое съ нимъ происходило едва ли не всякій разъ, лишь только онъ

[24]) *Ib.*, стр. 97—100, 233—234, 240.

стремился свои общія идеи осуществлять на отдѣльныхъ фактахъ и именахъ литературы.

Онъ, напримѣръ, удостоилъ историческую драму Кукольника громадной статьи и попутно произнесъ удивительный панегирикъ Карамзину. Этотъ панегирикъ прекрасно характеризуетъ ахиллесову пяту Шевырева, какъ профессора и какъ журналиста. Онъ не пропускалъ случая блеснуть словесной музыкой часто въ ущербъ какой угодной идеѣ и даже здравому смыслу.

Теперь онъ проситъ читателя представить знаменитаго исторіографа въ самомъ величественномъ положеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ дѣйствительностію и главное, съ исторіографическимъ геніемъ Карамзина.

«Представьте себѣ его въ двадцатипятилѣтнихъ креслахъ, свидѣтеляхъ его труда неутомимаго; одинъ, чуждый помощи, сильной рукой приподымаетъ онъ тяжелую завѣсу минувшаго, спитую изъ ветхихъ хартій, и устремляетъ на великую эпоху Россіи глубокомысленныя очи, а другою рукою пишетъ съ нея живую картину, возвращая минувшее настоящему... и внезапно хладная коса смертная касается неутомимой руки писателя на самомъ широкомъ ея разбѣгѣ... перо выпало изъ перстовъ, вслѣдъ затѣмъ свинцовая завѣса закрыла отъ насъ исторію Россіи—свинцовая, потому что, послѣ могучей руки Карамзина, никто до сихъ поръ не осмѣлился достойно поднять ее, хотя и были нѣкоторыя усилія... Славныя кресла Карамзина до сихъ поръ еще праздны, къ стыду нашей литературы!»

Этотъ же паѳосъ ставилъ критика часто въ менѣе всего внушительное положеніе. Шевырева преслѣдовала мысль не только быть выспренне-краснорѣчивымъ, но и безподобно-изящнымъ. Онъ хотѣлъ увлекать и очаровывать, и, прежде всего, конечно, сердца нѣжныя и тонко-чувствующія. Отсюда—манія Шевырева играть роль дамскаго рыцаря, оказывать дамамъ медвѣжьи услуги, осыпая ихъ донкихотскими комплиментами и изображая сверхъестественныя доблести русской женщины. Нѣкоторыхъ читательницъ это могло трогать, но эффектъ достигался цѣной серьезнаго авторитета и положительнаго ума. Профессоръ выходилъ какимъ-то селадономъ и сладкопѣвцемъ, замирающимъ при одномъ звукѣ — *женщина.*

Дальше шло еще хуже. Шевыревъ бралъ подъ свою защиту свѣтское общество и договаривался до рекомендаціи Гоголю—заняться высшими классами, какъ болѣе поучительнымъ явленіемъ русской жизни.

Въ этой рекомендаціи могла сказываться не одна смута критическихъ воззрѣній. Бѣлинскій жестоко обнаруживалъ безсмыслицу такихъ вѣщаній профессора, какъ изображеніе кончины Ка-

рамзина [25]), другіе свидѣтели дополнили характеристику, пожалуй, еще болѣе существенными чертами.

У Шевырева не только не было прочныхъ общественныхъ взглядовъ, но и личнаго достоинства. «Мелочно-самолюбивый, искательный, наклонный къ почестямъ и готовый при случаѣ подгадить»,—таковъ отзывъ современника [26]). И, какъ бы онъ ни былъ рѣзокъ по формѣ, сущность его не противорѣчитъ публицистической пестротѣ личности профессора. Очевидно, при всѣхъ здравыхъ идеяхъ и свѣдѣніяхъ, отъ Шевырева менѣе всего можно было ожидать послѣдовательной и граждански-мужественной борьбы, и, слѣдовательно, и *Московскій Наблюдатель* не грозилъ никакими серьезными опасностями злокозненному тріумвирату.

Оставался *Современникъ*.

VI.

Пушкинъ и Гоголь усердно снабдили первую книгу *Современника* своими произведеніями, рядомъ красовались имена Жуковскаго и кн. Вяземскаго. Выходило цѣлое созвѣздіе. Но злой рокъ тяготѣлъ надъ его блескомъ и готовился ежеминутно превратить его въ падучія звѣзды, при энергической помощи первостепеннаго свѣтила—издателя Пушкина.

Поэтъ не нашелъ въ себѣ никакихъ издательскихъ талантовъ, и, кромѣ того, въ союзѣ съ кн. Вяземскимъ, внесъ въ журналъ нѣкій трупный запахъ. Да, какъ это ни странно, но Пушкинъ вредилъ *Современнику* не меньше своимъ писательскимъ участіемъ, чѣмъ издательскимъ безучастіемъ.

Мы знаемъ, какихъ догматовъ держался поэтъ, принимаясь за публицистику. Это догматы вынудили его на незаслуженно-жестокое отношеніе къ гибели *Телеграфа* и еще раньше подсказывали ему выходки, менѣе всего достойныя его личности и генія. Но догматы были дѣйствительно вѣрой поэта и онъ съ обычной страстностью мечталъ сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ. Онъ, столько натерпѣвшійся отъ «свѣта», не разъ заклеймившій его пламенной рѣчью гнѣва и сарказма, онъ, владѣвшій всѣми силами свободнаго художника-реалиста, сталъ на защиту аристократизма противъ «отвратительной власти демократіи». До какой степени поэтъ попадалъ впросакъ, онъ могъ бы понять изъ совершенно неожиданныхъ послѣдствій своихъ убѣжденій: ему приходилось даже Булгарина заносить въ списокъ революціонеровъ.

---

[25]) *Сочиненія*. II, 86 etc.

[26]) Воспоминанія А. И. Афанасьева, *Русская Старина* 1886, авг. Ср. Колюпановъ. I (2) стр. 132 etc.

Современникъ немедленно отразилъ задушевныя мечты издателя, и этотъ фактъ легъ роковой чертой на его судьбу. Редакція, повидимому, заранѣе отказалась вдумываться въ какія бы то ни было современныя явленія, разъ ей грезилась обида аристократическимъ традиціямъ. Она не поколебалась бросить камнемъ въ чернь и ремесленниковъ, разрушавшихъ прядильныя машины, въ то время, когда на Западѣ самой наукой было признано трагическое положеніе рабочаго класса именно благодаря распространенію машинъ. Политическая экономія, въ лицѣ даже послѣдователей ученія о свободной конкурренціи и невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія, снисходила до лирическаго краснорѣчія ради бѣдствій «черни» и «ремесленниковъ». Сисмонди, напримѣръ, писалъ настоящія элегіи и памфлеты о соціальномъ и нравственномъ положеніи рабочихъ и капиталистовъ. Именно онъ машины объявлялъ національнымъ бѣдствіемъ, не видя спасенія даже въ отдаленномъ будущемъ. И въ это время русскій журналъ, повидимому, готовъ присоединиться къ цѣлительному средству, изобрѣтенному стихійной враждой владѣльцевъ машинъ противъ «лишняго» ремесленника, средству Мальтуса! По крайней мѣрѣ, иного выбора не представлялось-разъ публицистъ становился безусловно въ нападательное положеніе по отношенію къ черни [27]).

Въ той же статьѣ *Современникъ* защищалъ неизвѣстно отъ какихъ внутреннихъ враговъ русское правительство и даже ядовито просилъ у кого-то *извиненія* за свои вѣрноподданническія чувства. Соотвѣтственно подвергались поношенію критика «этотъ позоръ русской литературы», «демократическій духъ», переселившійся изъ Европы въ Россію и вызвавшій похвалы черни и нападки на высшее общество. Указывалось, конечно, что это общество «большею частью недоступно нашимъ сатирикамъ».

Потомъ слѣдовала статья кн. Вяземскаго о *Ревизорѣ*. Князь и теперь являлся «кулачнымъ бойцомъ», писалъ чрезвычайно запальчиво, но тратилъ свой порохъ во славу все того же Джаггернаута».

Онъ не нашелъ иного средства защитить Гоголя отъ разнаго сорта щепетильниковъ и лицемѣрныхъ брезгливцевъ, какъ сожалѣніемъ о незнакомствѣ русскихъ писателей съ высшимъ кругомъ читателей, т. е. «образованнѣйшимъ»—спѣшилъ прибавить князь. Дальше журналистика объявлялась «толкучимъ рынкомъ», выхвалялось карамзинское безучастіе къ журнальной полемикѣ, и даже доходило дѣло до преклоненія предъ «аристократическими тради-

---

[27]) *О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ.* Современникъ. II, 206.

ціями гостиныхъ вѣка Людовика XIV или Екатерины II». Вотъ что значило возстать противъ «демократіи», какъ черни! Безслѣдно исчезали всѣ задатки новой русской мысли, всѣ проблески прогрессивнаго движенія въ искусствѣ и въ общественномъ самосознаніи, аристократическій журналъ грозилъ договориться до эстетической семибоярщины.

Во всякомъ случаѣ образъ «человѣка въ сферѣ гостиной рожденнаго», какъ недосягаемаго идеала сравнительно съ русскими литераторами, явно тѣшитъ воображеніе критика. Онъ подробно живописуетъ манеры кровнаго аристократа и побиваетъ ими журналистовъ, находившихъ въ языкѣ гоголевской комедіи дурной тонъ.

Князь забывалъ, что это открытіе цѣликомъ лежало не на лакействѣ и не плебейскихъ претензіяхъ критиковъ, а именно на пережиткахъ литературныхъ аристократическихъ традицій гостиныхъ вѣка Людовика XIV.

У критика были, несомнѣнно, добрыя намѣренія и цѣль его усилій дѣлала честь его художественному чувству, но будто угнетаемый общимъ фальшивымъ настроеніемъ редакціи *Современника*, онъ пустился въ совершенно неподходящія размышленія и далъ богатую пищу сатирическому уму тѣхъ же литераторовъ. Неужели *Ревизора* нельзя было оправдать инымъ путемъ, помимо восхваленій салонныхъ господъ и даже эпохи Людовика XIV? Самъ Гоголь, вѣроятно, не выразилъ бы сочувствія подобному пріему, по крайней мѣрѣ въ періодъ *Ревизора*.

Но *Современникъ* велъ свою линію, преисполненную противорѣчій и уклоненій. Журналъ обнаруживалъ тотъ самый порокъ, въ какомъ гоголевская статья укоряла другіе журналы—безотчетность. Въ третьемъ выпускѣ *Современника* помѣщена статья *Вольтеръ*, по поводу корреспонденціи философа. Письма касались спеціальнаго вопроса, одной торговой сдѣлки и отнюдь не могли дать достаточно матеріала для полной характеристики Вольтера.

Но авторъ статьи будто задался корыстной цѣлью на нѣсколькихъ страницахъ собрать всѣ доступныя ему укоризны по адресу Вольтера. Сдѣлать это было не трудно,—несравненно труднѣе понять факты, повидимому, настойчиво требующіе укоризнъ.

Мы много слышимъ о неумѣньи Вольтера охранять собственное достоинство, о его слабости къ милостямъ государей. Все это, можетъ быть, и справедливо, но авторъ билъ совершенно мимо цѣли, обвиняя самого Вольтера въ его же несчастіяхъ и въ равнодушіи къ нимъ его современниковъ. Вольтера посадили въ Бастилію, изгнали, не переставали преслѣдовать и все это не могло «привлечь на его особу сострагданія и сочувствія!» По истинѣ изумительное теченіе мыслей и пониманіе историческихъ явленій! Не

доставало только присоединить оправдательную рѣчь въ пользу тюремщиковъ и гонителей.

И опять вина не въ зломъ умыслѣ журнала, а безтактности, безсознательности, въ недостаткѣ развитого общественнаго смысла. Вольтера можно бы обвинить кое въ чемъ и посущественнѣе, чѣмъ въ льстивыхъ письмахъ къ людямъ силы и власти, хотя бы, напримѣръ, въ его отношеніяхъ къ Руссо, но все это должно имѣть свою перспективу, занять надлежащее мѣсто въ личной біографіи писателя и въ общей исторіи времени, получить психологическое и культурное освѣщеніе. Если у редакціи *Современника* не было желанія или силъ выполнить подобную задачу, не представлялось необходимости сочинять памфлетъ на завѣдомую жертву темныхъ силъ фанатизма и варварства. Публицистъ, отдающій строгій отчетъ въ своихъ просвѣтительныхъ цѣляхъ, не допуститъ такого промаха. И Пушкинъ лично вполнѣ стоялъ на высотѣ призванія. Вѣдь съумѣлъ же онъ опредѣлить законное мѣсто въ исторіи русской литературы даже для Тредьяковскаго и понять сущность байроновской личности и поэзіи.

Естественно, отъ журнала невозможно было ожидать энергическаго и послѣдовательнаго воздѣйствія на общественное мнѣніе. У него былъ слишкомъ тщедушный публицистическій капиталъ, отзывавшійся притомъ временами Очакова и покоренія Крыма. Толковать о Людовикѣ XIV и Екатеринѣ II въ тонѣ былыхъ сановныхъ менторовъ литературы, значило заранѣе осуждать себя на роль выходцевъ съ того свѣта.

Вина падала на Пушкина далеко не всецѣло. Съ каждой книгой участіе поэта становилось менѣе замѣтнымъ. Но, несомнѣнно, пушкинская политическая программа, если такъ можно назвать его романтическія чувства относительно «демократіи», сослужила свою службу и въ сильной степени способствовала омертвѣнію *Современника*. Онъ какъ начался, такъ и остался *лишнимъ* журналомъ, все равно, какъ бываютъ лишніе люди, можетъ быть, и очень благонамѣренные и симпатичные, но только не приспособленные къ живому участію въ поступательномъ движеніи жизни. Современнику предстояло испытать ту самую судьбу, какую Погодинъ описывалъ въ статьѣ *Прогулки по Москвѣ* [28]).

У московскаго профессора редакція *Современника* просила сообщеній «о современномъ состояніи Москвы». Погодинъ въ отвѣтъ далъ протокольный отчетъ о печальной участи старинныхъ барскихъ домовъ. Оказывалось, всѣ они утрачивали свое благородное назначеніе и превращались въ казенныя или коммерческія учреж-

---

[28]) *Современникъ*, 1836, III, стр. 260.

денія. Духъ времени безпощадно сметалъ съ роскошныхъ хоромъ гербы и замѣнялъ ихъ вывѣсками присутствій, школъ, судовъ...

Внушительный урокъ, аристократамъ *Современника!* Они не поняли морали, и сами подписали себѣ смертный приговоръ. Кн. Вяземскій, порвавши съ Полевымъ изъ-за славы Карамзина, вставшій на защиту гостиныхъ, дошелъ впослѣдствіи до яростной вражды противъ современной литературы. И все къ принципу аристократизма и изящества и во имя отвращенія къ толкучему рынку. Это онъ въ стихахъ броситъ камнемъ въ «родоначальника литературной черни», въ «какіе-то не въ домекъ сороковые года» и сравнитъ ненавистное движеніе идей съ «потьмой» и «плѣсенью болотъ». Въ прозѣ князь будетъ еще откровеннѣе, коротко и ясно опредѣлитъ *чернь*: «Приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго въ глазахъ моихъ человѣкъ отпѣтый, и просто сказать пѣтый дуракъ» [29]).

И эти рѣчи не должны казаться неожиданностью. Можно прекрасно чувствовать художественныя достоинства произведеній искусства, и не понимать ихъ идейнаго смысла, отмѣчать успѣхи творчества и не видѣть развитія общественной мысли. Кн. Вяземскій одобрялъ *Ревизора* и защищалъ неизящный стиль комедіи, но ему не по силамъ было проникнуть въ содержаніе пьесы и на основаніи образовъ и сценъ вывести логическія заключенія касательно живыхъ людей и современной дѣйствительности. Много литературнаго вкуса и никакого публицистическаго чутья: таковъ благородный «кулачный боецъ» и таковъ весь *Современникъ*.

По смерти Пушкина журналъ не измѣнилъ своей окраски, сталъ только болѣе вялымъ и даже въ чисто-литературномъ отношеніи блѣднымъ и немощнымъ. Въ рукахъ профессора Плетнева *Современникъ* утратилъ всякую современность, и не только по какому-либо злополучному стеченію обстоятельствъ, а согласно намѣреніямъ самого издателя. Плетневъ будто желалъ воскресить времена Надеждина, воевавшаго противъ Пушкина, обнаруживалъ не менѣе ненавистническія чувства къ Лермонтову и не менѣе тупое непониманіе его таланта. И не одного только лермонтовскаго таланта. На проницательный взглядъ Плетнева и Бѣлинскій не обладалъ никакимъ художественнымъ чувствомъ, «не носилъ въ душѣ сочувствія съ художническими истинами», а былъ простымъ компиляторомъ чужихъ мыслей [30]).

И первоисточникъ этихъ настроеній все та же аристократичность. Предъ нами брезгливый бѣлоручка, во снѣ и на яву грезящій о «дѣйствительно благородной литературной школѣ» и впа-

---

[29]) *Литературная исповѣдь.* Полное собраніе сочиненій. Спб. 1887, XI, 168.—Письмо къ Погодину. X, 266.

[30]) *Переписка.* I, 163, 228; II, 66—7.

дающій въ смертный ужасъ предъ «геніально-литературной мерзостью», т. е. предъ всей вліятельной современнной литературой вообще, и въ особенности предъ статьями Бѣлинскаго.

Салонныя преданія сохраняются въ точности. Для Плетнева вступать въ полемику значитъ «пачкаться въ грязи». Правда, журналъ сильно отстаетъ отъ текущихъ вопросовъ жизни, превращается въ альманахъ и въ сборникъ историческихъ матеріаловъ; на это указываютъ издателю его близкіе друзья, далеко превосходящіе ученостью его самого. Но пусть разрушится весь міръ, а Плетневъ не перестаетъ быть Плетневымъ. Это его сильнѣйшій аргументъ, и во имя столь убѣдительной логики онъ презираетъ подписчика. Онъ желаетъ уподобиться *Revue des deux Mondes*; этотъ журналъ можно читать и черезъ двадцать лѣтъ.

Такимъ долженъ быть и *Современникъ*. Правда, во французскомъ *Обозрѣніи* постоянно идутъ политическіе обзоры. Но это—бездѣлица. «Вѣдь о политикѣ нельзя да и нечего писать у насъ», и *Современникъ* можетъ быть совершенно не современнымъ и для него это вѣрнѣйшій путь къ благородству и идеальной литературности [31]).

И Плетневъ до конца выдерживаетъ свой характеръ, клеймя нестерпимымъ презрѣніемъ Бѣлинскаго — какъ вожака партіи, Краевскаго—какъ издателя распространеннаго журнала и обзывая того и другого «скотиками».

А между тѣмъ, Плетневъ не реакціонеръ и не мракобѣсъ, онъ только пережитокъ архивнаго порядка вещей, тщедушное дѣтище «традицій», трагикомическій Донъ-Кихотъ прекрасной, но безнадежно отцвѣтшей дамы—словесности гостиныхъ. Естественно, *Современникъ* принципіальный врагъ идейнаго и культурнаго прогресса. Плетневъ не допускаетъ разногласія между отцами и дѣтьми. По его мнѣнію, очаковскія времена безсмертны и онъ съ негодованіемъ выписываетъ слѣдующую фразу Грота: «Одно поколѣніе никогда не можетъ мыслить совершенно одинаково съ другимъ». Это вопіющая ересь! Жизнь должна замереть на двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, все, что послѣдуетъ дальше,—вѣроотступничество отъ «благородной литературной школы».

Мы на примѣрѣ *Современника* можемъ вполнѣ точно оцѣнить нравственную силу и историческую важность не столько правильныхъ критическихъ сужденій, сколько энергіи мышленія, личной чуткости къ новымъ запросамъ жизни, неуклонной рѣшимости,—бороться за свой судъ и свои идеалы. Надежда культурнаго будущаго заключалась не въ одномъ тонко-развитомъ художественномъ чувствѣ, а еще болѣе въ граждански-мужественной

---

[31]) *Ib.* II, 197, 276—7, 284, 531, 835, 21, 295, 182.

независимой мысли. Если ея не было, то и художественное чувство рисковало измельчать и извратиться, такъ именно и произошло съ писателями *Современника*, отрицавшими у Лермонтова умъ и талантъ.

Но этого мало. Разъ въ личности писателя не заключается дѣятельныхъ инстинктовъ во имя общественнаго прогресса и, слѣдовательно, онъ осужденъ на неизбѣжную смерть за-живо, другіе болѣе грубые и эгоистическіе инстинкты невольно толкнутъ его на менѣе всего почтенную и идейную самозащиту. Именно невольно Пушкинъ заговорилъ о якобинствѣ *Телеграфа*, заговорилъ отнюдь не изъ сочувствія Уваровымъ и Бенкендорфамъ, а по самому естественному и простѣйшему стремленію къ самооправданію и самосохраненію. Полевой представлялъ демократическую идею, и этого было достаточно, чтобы вызвать вполнѣ искреннее негодованіе у поэта-публициста. Наслѣдники Пушкина, запутавшись въ тѣхъ же сѣтяхъ преданій, пойдутъ еще дальше.

Плетневъ, при всей своей брезгливости и аристократичности, не побрезгуетъ вести очень горячія бесѣды съ цензорами на счетъ ихъ снисходительности къ Бѣлинскому и компаніи, т. е. къ *Отечественнымъ Запискамъ*. Мы слышимъ поразительное сообщеніе, будто цензура состоитъ на откупу Бѣлинскаго и подобныхъ ему журналистовъ. «Отъ цензоровъ нельзя не бѣситься», восклицаетъ основатель литературнаго благородства, очевидно, переходя въ тонъ своеобразнаго патриціанскаго бѣлаго якобинства и уже не различая нравственнаго достоинства средствъ для борьбы. Онъ прямо жалуется цензору на ненавистныхъ журналистовъ, указывая даже казусы преступленія и повторяя такимъ образомъ роль московскаго профессора, Надеждина, относительно Полевого [32]).

Въ письмахъ къ другу его усердіе простирается гораздо глубже, и мы не имѣемъ безусловно убѣдительныхъ данныхъ сомнѣваться, чтобы подобное усердіе не обнаруживалось и предъ лицомъ власти. Чувства профессора были слишкомъ возмущены и мучительно уязвлены какъ разъ для подобнаго предпріятія. Предъ нами поучительный документъ,—письмо Плетнева къ Гроту по поводу революціонныхъ движеній на Западѣ. Онъ въ немногихъ словахъ рисуетъ цѣлый типъ русскаго литературнаго дѣятеля, отнюдь не злонамѣреннаго и не фанатически-нестерпимаго, но только безусловно лишеннаго способности вдумываться въ процессъ окружающей дѣйствительности и дѣлать логическіе выводы изъ наблюденій.

Плетневъ пишетъ:

«Ты доискиваешься причины тѣхъ безумствъ, которыя нынѣ

---

[32]) *Ib.* II, 177. 93, 494

потрясаютъ Европу, эти причины въ постепенности, съ какою безостановочно, по странному ослѣпленію, всѣ стремились въ нынѣшнемъ столѣтіи къ уничтоженію такъ называемаго *авторитета* во всемъ: въ религіи, въ политикѣ, въ наукахъ и въ литературѣ. Дерзость возстала съ такимъ безстыдствомъ, что достоинству оставалось только отстраниться. Въ нашей литературѣ лично приступилъ къ этому Булгаринъ, испугавшійся послѣ самъ и теперь за то страждущій отъ послѣдователей. Но во всемъ блескѣ это ученіе развито Полевымъ, Сенковскимъ и Бѣлинскимъ» [33]).

И дальше слѣдуетъ патріархальная защита авторитета вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ. Автору, конечно, приходится обмолвиться и умнымъ словомъ: онъ ратуетъ противъ маніи отрицанія, т. е. недуга, въ дѣйствительности существовавшаго только въ его воображеніи, насколько вопросъ шелъ о русской публицистикѣ. Легко возражать противъ чудовищнаго самодѣльнаго призрака! Но еще удивительнѣе смѣсь ихъ именъ, произведенная разстроеннымъ воображеніемъ писателя. Булгаринъ идетъ рядомъ съ Полевымъ, Сенковскій съ Бѣлинскимъ... Пріемъ, стоящій на высотѣ задушевныхъ бесѣдъ съ цензорами.

Очевидно, предъ нами нравственная агонія дѣятеля, отметаемаго современностью и мстящаго ей слѣпой неукротимой ненавистью. И нашъ выводъ не долженъ падать исключительно на одного Плетнева. Судьба *Современника* совершилась вполнѣ послѣдовательно. Еще при Пушкинѣ Бѣлинскій удивлялся: «И это *Современникъ?* Что жъ тутъ современнаго? «Эти вопросы такъ и остались безъ отвѣта. Пушкинъ, несомнѣнно, могъ бы озарить страницы журнала блескомъ своего *творчества*, но въ *общественныхъ идеяхъ* журнала, попрежнему, царствовала бы смута и нѣчто весьма близкое къ тьмѣ, пока поэтъ признавалъ бы необходимымъ держаться своей благородной программы и допускать своихъ критиковъ-друзей говорить похвальныя рѣчи «традиціямъ» вплоть до Людовика XIV.

Таковы были рыцари, вступавшіе въ ратоборство съ петербургскими диктаторами. *Московскій Наблюдатель* и *Современникъ*, одинаково преисполненные благихъ намѣреній, столь же одинаково отцвѣли, не успѣвши разцвѣсть. Бросивъ вызовъ врагу, рѣшившись, слѣдовательно, на борьбу, они не запаслись ни силами, ни оружіемъ. Чтобы разсчитывать на побѣду, необходимо *владѣть* настоящимъ по своему міросозерцанію и не очутиться врасплохъ предъ будущимъ по своимъ идеаламъ. Идейно надо быть гражданиномъ двухъ міровъ—дѣйствительнаго и того, какой долженствуетъ развиться изъ него въ силу историческаго процесса.

А между тѣмъ, оба журнала по своей *природѣ* явно принад-

[33]) *Ib.* III, 208.

лежали одному міру и притомъ—прошлому или отживающему свои дни. Отсталость сказывалась не во всемъ: въ области искусства и Шевыревъ, и кн. Вяземскій могли подчасъ сказать дѣльное и поучительное слово. Но времена безраздѣльнаго царства одной чистой литературности съ каждымъ днемъ уходили вспять. Уже давно въ общественномъ сознаніи вращались такія понятія, какъ поэтъ—пророкъ, писатель—гражданинъ, и рѣка забвенія неминуемо готова была поглотить всякаго, кто не доросталъ сознательно до этихъ понятій и кто сторонился отъ новаго жизненнаго шумнаго пути литературы, какъ отъ толкучаго рынка.

Крѣпкія слова никогда не измѣняли хода человѣческихъ дѣлъ и сильныя личныя чувства тогда только приносили настоящее осязательное утѣшеніе страстно-взволнованнымъ людямъ, когда за эти чувства стояла *общая* сила. Иначе, и слова, и чувства могутъ вызвать одно лишь комическое зрѣлище, напомнить ребенка, бьющаго рученкой по тому мѣсту, о какое онъ ушибся. Именно до этого незавиднаго положенія и дошелъ Плетневъ, въ теченіе многихъ лѣтъ извергавшій бранныя рѣчи на непобѣдимыхъ соперниковъ. И что особенно трагично для нашего героя, эти соперники собственно и не думали съ нимъ соперничать, кажется, даже и не помнили хорошо о существованіи его «школы», а шли своимъ путемъ и неотразимой силой увлекали за собой публику и даже отчасти друзей обездоленнаго *Современника*.

И имъ принадлежало не только настоящее, но и самое отдаленное будущее: они жили и дѣйствовали съ твердой увѣренностью—ни на мгновеніе не очутиться позади жизни, а если возможно, именно своей дѣятельностью уравнять путь ея поступательнаго движенія. Въ такихъ людяхъ и самыя ошибки, даже продолжительныя и глубокія заблужденія—моменты прогресса: потому что все это—не благоговѣйно и безсознательно воспринятое завѣщаніе «старшихъ», а личной борьбой добытое достояніе. А тамъ, гдѣ искренне борятся за убѣжденія, гдѣ ихъ не заимствуютъ, а завоевываютъ, тамъ не устанутъ совершенствовать ихъ, и недавнее заблужденіе ляжетъ въ основу новой истины.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ Н. БРАША.

Съ венгерскаго.

Надъ грудью жаждущей земли
Идутъ свинцовыхъ тучъ станицы,
И воздухъ душенъ, а вдали
Пылаютъ яркія зарницы.

Тамъ дождь идетъ; тамъ подъ грозой
Земля, ликуя, разцвѣтаетъ
И небесамъ она съ мольбой
Благоуханье посылаетъ.

Страна моя, и надъ тобой
Несутся мрачныхъ тучъ станицы,
И тяжко жить, и воздухъ твой
Душнѣе воздуха темницы.

И ждешь ты тучи грозовой
Давно, какъ нищій подаянья,
Но видишь съ горькою тоской
Зарницъ далекое мерцанье.

Вл. Ладыженскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Наслѣдіе минувшаго года въ литературѣ. — «Мужики» г. Чехова и «Инвалиды» г. Чирикова.—Несправедливое отношеніе народнической критики къ произведенію г. Чирикова.—Полное собраніе сочиненій г. Златовратскаго.—Мягкій и любовный тонъ его отношенія къ народу. — Невѣрное освѣщеніе деревни и ея идеализація.— «Золотыя сердца», «Устои», «Деревенскіе будни».—Значеніе г. Златовратскаго.— Стихотворенія П. Я.

Тускло, хотя и не безъ шума прошелъ минувшій годъ въ литературѣ и «малое наслѣдство оставилъ по себѣ». Ни въ области мысли, ни жизни оно не остановитъ особливаго вниманія будущаго историка. Были, правда, нѣсколько произведеній, которыя сосредоточили на время общее вниманіе, но не столько сами по себѣ, сколько связанными съ ними вопросами. Прежде всего, конечно, вспоминаются «Мужики» г. Чехова, вызвавшія какъ неумѣренное гоненіе, такъ и непомѣрную хвалу. Автора сравнивали чуть не съ Шекспиромъ и Тургеневымъ, увѣряли, что если «Мужики» не привлекутъ вниманія къ деревнѣ, какъ въ свое время «Записки охотника», значитъ, оскудѣло и очерствѣло сердце читателя. Другіе отказывали въ какомъ бы-то ни было значеніи «Мужикамъ», признавая за «суздальскую» мазню, за архитенденціозную вещь, нарочито мрачную, одностороннюю, невѣрную, грубую, и проч. и проч. Какъ помнятъ наши читатели, мы заняли середину между этими крайними мнѣніями, и теперь не можемъ взять ни одного слова назадъ изъ нашего отзыва тогда. Поэтому, не останавливаясь, перейдемъ къ «Инвалидамъ» г. Чирикова, которымъ досталось еще больше отъ народнической критики всѣхъ оттѣнковъ.

Самъ по себѣ разсказъ г. Чирикова недостаточно художественъ, какъ вообще бываетъ съ произведеніями, въ которыхъ авторъ стремится отразить то, что въ самой жизни еще только «на ходу». Положительныя стороны разсказа слабы, да и не въ нихъ, правду говоря, его значеніе. Но отрицательные типы, «инвалиды», какъ смѣло позволилъ себѣ авторъ окрестить представителей вымирающаго направленія, очерчены имъ, не безъ извѣстной живости. Если бы это было не такъ, еслибы его инвалиды не имѣли ни одной живой черточки, и авторъ ограничился бы чисто внѣшнимъ описаніемъ ихъ, то, право, народническая критика не была бы такъ пристрастна. Но, сквозь брань, всякія ругательства, подчасъ совсѣмъ нелитературнаго свойства («лакей»), сыпавшіяся по адресу автора, вы слышите горькую ноту. Чувствуется, что люди, что называется, до глубины души задѣты, и это вполнѣ понятно.

Крюкова,—такъ называется герой разсказа,—мы застаемъ въ повѣсти уже вполнѣ сложившимся, оформившимся человѣкомъ. Онъ—чистѣйшій идеалистъ, съ юности витавшій въ чистой сферѣ высокихъ мыслей, пострадавшій въ свое время за непониманіе непрактичности, неприложимости къ жизни своихъ прекрасныхъ мыслей о служеніи народу, объ «отданіи ему долга» и т. п. Въ

личной жизни человѣкъ отъ всего отрѣшившійся, почти аскетъ, онъ стоекъ до конца въ вопросахъ общественнаго долга и морали, хотя подчасъ и своеобразно имъ понимаемыхъ. Но практически онъ мало способенъ, мало дѣятеленъ. Немного писатель, но безъ выдающагося таланта, онъ занимается корректурой, какъ средствомъ существованія, и живетъ, какъ жилъ и всегда, въ мірѣ отвлеченности, несбыточныхъ грезъ. Самъ голубиной чистоты, онъ возмущается, встрѣтивъ стараго товарища доктора, который успѣшной практикой зарабатываетъ тысячи и проживаетъ ихъ въ то время, когда народъ и проч. Во всей обрисовкѣ Крюкова вы не видите ничего нарочито присочиненнаго для его осмѣянія, загрязненія или оплеванія. Симпатіи автора къ своему герою проглядываютъ на каждомъ шагу. Такъ, напр., въ сценѣ университетскаго праздника, когда мѣстная интеллигенція пьянствуетъ «за идею», Крюковъ, единственное лицо, которое привлекаетъ читателя. И если вслѣдъ затѣмъ происходитъ его смѣшное столкновеніе съ студентомъ, противникомъ народничества, то и здѣсь симпатіи автора на сторонѣ Крюкова, котораго болѣзнь, раздраженіе, вызванное шумнымъ и пьянымъ торжествомъ, доводятъ до нелѣпаго взрыва. И развѣ злоба и ненависть диктуютъ автору письмо, которое Крюковъ посылаетъ своему противнику? Въ виду тѣхъ нелѣпостей и крайне несправедливыхъ обвиненій, которыя распространяются по адресу автора, приводимъ это письмо цѣликомъ, какъ очень характерное и само по себѣ, и для обрисовки «инвалида».

«Удаляясь со сцены жизни, я хочу вамъ, господинъ Игнатовичъ, сказать нѣсколько словъ на прощанье. Безъ злобы, безъ всякой непріязни къ вамъ, я скажу вамъ это послѣднее слово. Да, хотя мы съ вами и разстались врагами, но вѣдь это была ошибка, ужасная ошибка!.. Въ сущности, мы друзья, въ ослѣпленіи не узнающіе другъ друга. Вѣдь, смѣшно, мой хорошій, честный юноша, еще самому себѣ создавать враговъ изъ людей, съ которыми связанъ общимъ интересомъ, общей задачей жизни—послужить, по мѣрѣ силъ своихъ, униженнымъ и оскорбленнымъ. Я хочу вамъ сказать еще, юноша, что вы были жестоки и безсердечны ко мнѣ, старику... Пусть я—психопатъ, никуда негодный человѣкъ, инвалидъ, смѣшной на вашъ взглядъ и окончательно безполезный.., Но вѣдь я отдалъ всю свою жизнь, съ ея юностью, молодостью, съ ея житейскими радостями и благополучіемъ, на служеніе идеѣ, которая дѣлаетъ насъ братьями.,. Пусть все мое прошлое—одна сплошная ошибка, миражъ въ вашихъ глазахъ, но вѣдь для меня-то это прошлое все, чѣмъ я жилъ и чѣмъ былъ живъ... Вы еще молоды, и Богъ вѣсть, что выйдетъ въ будущемъ, когда ваша голова станетъ сѣдой и лысой, какъ у меня... Быть можетъ, на смѣну вамъ придутъ новые люди, которые признаютъ ваши взгляды и вашу дѣятельность тоже ошибкой... Какъ все это знать? Надо все это принимать во вниманіе... Я, дѣйствительно, больной и исковерканный человѣкъ, но неужели я былъ достоинъ такого оскорбленія? Я вамъ и самъ скажу: да, я боленъ, боленъ и нравственно, и физически никуда негоденъ... Вы меня оскорбили и этимъ оскорбленіемъ только напомнили мнѣ о томъ, что я зналъ и о чемъ давно думалъ, а именно о томъ, что моя пѣсенка спѣта и больше мнѣ нечего дѣлать. Именно нечего дѣлать. И моимъ послѣднимъ дѣломъ я считаю послѣдній братскій, товарищескій совѣтъ вамъ, совѣтъ искренняго друга: не будьте жестоки къ людямъ!.. Исправляйте ошибки, но исправляйте ихъ осторожно, щадя человѣка; не думайте, что это легко и просто»...

Гдѣ же здѣсь злобствующая критика узрѣла насмѣшку, оплеваніе, оклеветаніе?

Могутъ замѣтить, что авторъ сочинилъ своего Крюкова. Такихъ не было и нѣтъ. Къ сожалѣнію, мы должны подтвердить, что всякому, кому довелось жить въ нашей провинціи, это хорошо знакомый типъ,—типъ человѣка, разбитаго, унылаго и больного, чистаго и прекраснодушнаго, но часто неспособнаго къ живой дѣятельности.

Допускаемъ, что г. Чириковъ поступилъ безъ необходимой осторожности, безъ достаточного «піэтета»,—ибо и инвалидамъ надлежитъ піэтетъ. Вѣдь, и они когда-то выходили гордые, смѣлые, окрыленные лучшими надеждами, несли на алтарь идеи чистѣйшую дань—юношескій жаръ сердца, беззавѣтную преданность, вѣру, могущую горами двигать. Они, безразсчетные, ни въ чемъ середины не знавшіе, подняли на плечи тягу не по силамъ, и она ихъ сломила. Теперь, они вызываютъ сочувствіе къ себѣ и много горечи по адресу тѣхъ жизненныхъ условій, которыя ихъ сдѣлали такими. Мы готовы отдать имъ полную дань уваженія. Они сыграли свою роль, но память по себѣ они оставили хорошую, которою не всякій можетъ гордиться. Это недостаточно оттѣнено въ повѣсти г. Чирикова, написанной безъ нюансовъ, слишкомъ однотонно и потому не вполнѣ ясно. Но отсюда еще далеко до тѣхъ обвиненій, о которыхъ мы упомянули выше. На одно изъ нихъ жизнь уже дала отвѣтъ, и строгій критикъ можетъ быть удовлетворенъ вполнѣ...

За исключеніемъ этихъ двухъ произведеній, послужившихъ, по крайней мѣрѣ, предметомъ шумныхъ споровъ, не знаемъ, что еще можно отмѣтить? Выдвинулся было вопросъ о конвенціи, но о немъ поговорили какъ-то вяло и безъ достаточнаго интереса. Большинство литераторовъ, коснувшихся этого вопроса, высказались противъ, наговорили достаточно пылкихъ фразъ о безкорыстіи, о просвѣщеніи, о высокихъ задачахъ литературы, какъ будто конвенція грозитъ существованію послѣдней, а не наоборотъ—не защищаетъ ее. Но въ нашей литературѣ установились нѣкоторые жупелы, и прикасаться къ нимъ нельзя. Они—табу для всякаго непосвященнаго, кто желаетъ сохранить свой престижъ въ глазахъ жрецовъ отъ литературы. Къ числу такихъ табу принадлежитъ и безданное пользованіе произведеніями чужой, иностранной, литературы. Свой взглядъ мы уже высказали по этому вопросу и повторяться не станемъ, а наши противники не высказали ничего, на что въ своемъ разсмотрѣніи вопроса конвенціи мы не возразили бы.

Ничтожны итоги минувшаго года въ литературѣ, хотя самъ по себѣ годъ былъ далеко не ничтоженъ, не значитъ-ли это, что все ўже и ўже становится кругъ доступнаго для литературы?

Къ добру или худу?—мудрый Эдипъ, разрѣши.

«Я рѣшительно не вѣрилъ глазамъ: мнѣ казалось, что кругомъ меня декораціи, и въ эти декораціи волшебною рукою загнаны заколдованные принцы, спящія царевны, золотокудрые пейзане и пейзанки»...

Такими словами характеризуетъ свое впечатлѣніе отъ разговора съ ямщикомъ одно лицо у г. Златовратскаго въ разсказѣ «Барская дочь». И мы не находимъ лучшей характеристики для всѣхъ произведеній этого автора, собранныхъ имъ въ трехъ увѣсистыхъ томахъ двухстолбцовой печати. Предъ нами не жизнь, не деревня, не городъ, не люди, а декораціи расписанные самоучкой живописцемъ, припущено въ нихъ, сколько влѣзло, сусальнаго золота, ярь-мѣдянки и киновари, и въ нихъ «загнаны» всякія рѣдкостныя дива. Тутъ «золотокудрые пейзане и пейзанки», благочестивые Пиманы, сладкоглаголивые Минаи и Мины; рядомъ косноязычные Башкировы, «золотыя сердца», восторженныя дѣвицы, малорѣчивыя, прерывающія свою не мудрую рѣчь многочисленными многоточіями; «мечтатели» всѣхъ сортовъ и видовъ, «заводскіе хлопцы», «вольные старцы» и прочій людъ безподобный, и среди нихъ сладко улыбающаяся, добродушная физіономія почтеннаго автора, сразу подкупающая своимъ благодушіемъ, мягкостью тона разсказа и мечтательностью.

Открывая первый томъ, вы сразу натыкаетесь на премилые очерки «Разсказы заводскаго хлопца»,—замѣтьте—«хлопца», а не просто мальчика или

парня. Слово хлопецъ настраиваетъ читателя на мечтательный ладъ, оно отдаетъ Маллороссіей, дидами, дивчинами, галушками и прочимъ аксесуаромъ хохлацкаго обихода. Васъ изумляетъ нѣсколько, что далѣе нѣтъ ни мати Украины, ни галушекъ, а рѣчь все время идетъ о стеклянномъ заводѣ, затерявшемся въ глуши исконно русскихъ муромскихъ лѣсовъ. Но ваше недоумѣніе богато вознаграждено декоративнымъ искусствомъ разсказчика. Фигурируютъ тутъ все крохотные, но такія очаровательныя фарфоровыя куколки, которыя умильно лепечутъ, сладко плачутъ, пьютъ еще умильнѣе и еще слаще льютъ токи блаженныхъ слезъ.

«И пошелъ я, братики, вольный человѣкъ, по заводамъ и много-много я исходилъ ихъ, много люда разнаго видѣлъ, и вездѣ люди заводскіе любили меня, потому приходилъ я къ нимъ съ добрымъ словомъ, съ утѣшеніемъ и весельемъ. Пришелъ я къ вамъ, братики, въ ваши дремучіе лѣса, привѣтъ вамъ принесъ отъ мірского люда, что живетъ за вашими лѣсами... Примете меня—будемъ въ дружбѣ жить, и умирать здѣсь останусь, потому что некуда мнѣ идти, старъ сталъ... Немного мнѣ, милые, надыть: хлѣбушка да водки, да добраго слова отъ добрыхъ вашихъ душъ—и умирай старикъ... И запой, старче, пока живъ, пѣсню въ усладу заводскому люду».

И запѣлъ старецъ, и заигралъ на гармоникѣ, а заводскій людъ дивуется-радуется: «И что это у насъ за человѣкъ проявился, старецъ Божій?»

Эти разсказы были написаны въ 1868—1870 гг., какъ значится на стр. 27 перваго тома, и съ тѣхъ поръ, вплоть до юбилея, который съ такимъ трогательнымъ единодушіемъ былъ отпразднованъ въ Москвѣ въ концѣ прошлаго года, г. Златовратскій не мѣнялъ своей манеры «вольнаго старца», поющаго въ усладу русскому интеллигенту дива разныя о декоративномъ мужичкѣ. Вначалѣ пѣсни его льются, какъ тихій ручеекъ, катятся, какъ струйки по чистому песочку, журча по свѣтлымъ камушкамъ, шелестя по травушкѣ-муравушкѣ. Но чѣмъ далѣе, чѣмъ болѣе приходитъ въ возрастъ г. Златовратскій, тѣмъ громче становится пѣсня добрая, раскатистѣе, и начинаетъ, наконецъ, въ «Устояхъ» литься каскадомъ, широко шумящимъ и бурнымъ, переходя въ мѣрный гекзаметръ эпическаго разсказа:

«Спитъ счастливый Пименъ и снится ему: какъ, чѣмъ и за что онъ сподобился этого счастья. То было давно, лѣтъ больше полсотни назадъ. Ни мать, ни отца онъ съ сестрою не помнитъ, и первое, что прежде коснулосъ сознанія его, былъ «міръ» деревенскій. Страшное было въ немъ что-то, и вмѣстѣ въ немъ было все—и защита, и сила, и правда».

Такъ начинается въ «Устояхъ» глава «Сонъ счастливаго мужика». Пѣвецъ русской общины, міра, мужичка созрѣлъ окончательно и пѣлъ—себѣ въ усладу, читателямъ въ поученіе, критикѣ на радость, русской литературѣ въ честь и утѣшеніе. Въ пѣсняхъ г. Златовратскаго есть что-то гипнотизирующее, нужно нѣкоторое усиліе, чтобы стряхнуть навѣянныя ими сладкія грёзы и увидѣть, что все это вымыселъ доброй души. А въ свое время, когда этотъ гипнозъ поддерживался дружно всей народнической литературой—и совсѣмъ было невозможно оторваться отъ декоративныхъ очерковъ г. Златовратскаго со всѣмъ антуражемъ народническаго жанра. Въ свою очередь, современному читателю совершенно невозможно войти теперь въ настроеніе сладкоголосаго пѣвца деревенскаго міра, и на каждомъ шагу, даже въ лучшихъ его произведеніяхъ вы чувствуете дѣланность, искусственность построенія, сочинительство и отсутствіе здоровой, жизненной правды. Остановимся на нѣкоторыхъ его разсказахъ подробнѣе, чтобы подтвердить наше положеніе.

Вслѣдъ за хлопцами идутъ «Крестьяне присяжные», написанные въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда суды съ присяжными только что еще начали дѣйствовать. Выбранные изъ крестьянъ присяжные идутъ въ городъ, и здѣсь начинается

сочинительство, которое растетъ, все возростая. На первомъ же ночлегѣ они слышатъ изъ устъ крестьянина извозчика благословеніе и напутствіе: «за благодушнаго-то судью молитва въ народѣ не пропадетъ». Далѣе они встрѣчаютъ суроваго деревенскаго «статистика», усчитывающаго деревенскіе грѣхи. «Плохо, братцы, дико въ нашей палестинѣ! Судите строго-праведно, други мои! можетъ, и пооcлабнетъ грѣхъ-то!» Подъ вліяніемъ этого моралиста, крестьяне задумываются, а вмѣстѣ съ ними и авторъ: «Такъ называемые «культурные люди» не могутъ имѣть даже смутнаго ощущенія этой близости (къ народу и къ его несчастью). Для нихъ народный «грѣхъ», «несчастіе» есть не болѣе, какъ «абстрактная идея» права (выражаясь ихъ словами); для народа—это «боль человѣка съ плотью и кровью». Ѳомушка (одинъ изъ присяжныхъ), вспоминая Архипа (встрѣченнаго моралиста), думалъ, ежели осудить человѣка «грѣха и несчастія», то какъ бы не превысить мѣру Господня наказанія, и какъ бы тому человѣку больнѣе не стало, чѣмъ по совѣсти слѣдуетъ. Въ то время, какъ, по понятіямъ однихъ, «грѣхъ» начинается съ момента преступнаго акта и требуетъ наказанія,—для крестьянина онъ уже самъ по себѣ есть часть «кары и несчастія», начало взысканія карающаго Бога за одному ему вѣдомые, когда-то совершенные «поступки». Такими поясняющими отступленіями и далѣе руководитъ авторъ неопытнаго читателя въ уразумѣніи всей глубины крестьянскаго міровоззрѣнія, въ то же время устраивая на пути своихъ присяжныхъ рядъ сценъ, гдѣ они какъ бы испытуютъ свое призваніе предварительно. Такъ, они судятъ лѣсника и лѣсовора, устраивая сцену суда, отрывокъ изъ которой позволимъ себѣ привести для характеристики декоративной живописи г. Златовратскаго. Тотъ самый Ѳомушка, размышленія котораго мы привели выше и который, по автору, въ группѣ присяжныхъ олицетворяетъ «мірскую совѣсть», вступается за злополучнаго мужичка, пойманнаго на мѣстѣ кражи лѣсникомъ.

« — А ты вотъ что подумай,—заговорилъ Ѳомушка,—добро-то тебѣ здѣсь, по лѣсной жизни, не часто, чай, дѣлать приходится? А намъ на старости нашихъ лѣтъ съ тобою, на гробъ-то смотрючи, добро-то бы не слѣдъ упускать... И такъ отъ него, отъ лѣсу-то, душа черствѣетъ, такъ не дѣло бы тебѣ еще на себя звѣрское то обличіе напущать...

« — Поблажники и есть... Свой братъ!

« — Ну, скажи-ка ты намъ, судьямъ, какъ мы его осудимъ, обличіе твое вспоминаючи, строгій воинъ? Нну?—наступалъ на него Ѳомушка.

« — Мы въ это не входимъ.

« — Ежели ты въ это не входишь, такъ ты хоть образъ-то звѣрскій сокрой... Да сходи ты въ Божью церковь,—все грознѣе говорилъ Ѳомушка,—да возьми ты къ себѣ въ хижину-то ребячью душу, какихъ много по нашимъ мѣстамъ сиротливыми бродитъ. Она-то, душа ребячья, сведетъ съ тебя узоры-то звѣрскіе, что мягкій воскъ растаетъ сердце твое отъ нея... Вѣрь, по себѣ знаю! Былъ и я лѣсникомъ. Обнялъ меня лѣсъ, охватилъ, не вынесла душа, руки хотѣлъ на себя наложить... И случись тутъ старуха странная; говоритъ: возьми, Ѳома, младенца на воскормленье,—лѣсъ надъ тобою силу потеряетъ, тоска у тебя съ души сойдетъ, отъ ребячьяго лика рукой тугу сниметъ... Сиротинка у насъ на селѣ былъ,—взялъ».

Умиленный лѣсникъ отпускаетъ мужичка, а присяжные шествуютъ дальше, подготовляясь по дорогѣ къ ожидающему ихъ дѣлу на «наглядныхъ» примѣрахъ, которые имъ устраиваетъ услужливый авторъ. Въ городѣ происходитъ столкновеніе мірской правды съ городскимъ зломъ, подкупомъ и обольщеніемъ, отчего одинъ изъ присяжныхъ сбѣгаетъ, а Ѳомушка, разнемогшись еще въ дорогѣ, умираетъ.

Не менѣе искусственно построенъ разсказъ «Въ артели». Разсказъ ведется отъ перваго лица,—это излюбленная форма г. Златовратскаго, кладущая еще

болѣе субъективный отпечатокъ на все, что онъ рисуетъ. И въ артели нѣтъ живыхъ лицъ, а созданья благодушной фантазіи автора, выдумывающей какую-то сладостную идиллію въ петербургскихъ углахъ, гдѣ артельщики водовозы ведутъ душевнѣйшіе разговоры, а авторъ ихъ подхватываетъ и заноситъ въ поученіе интеллигенціи.

Эти два очерка «Крестьяне присяжные» и «Въ артели» лучше другихъ. Въ нихъ не такъ сильно отдаетъ елейностью г. Златовратскаго, они написаны хорошимъ языкомъ, безъ слащавости и приторнаго умиленія. Но и въ нихъ фигурируютъ не люди, а скорѣе абстракціи, хотя эта особенность г. Златовратскаго еще не проявилась здѣсь съ такой силой, какъ въ главныхъ его произведеніяхъ—«Устои», «Деревенскія будни» и «Золотыя сердца». Что г. Златовратскій не чуждъ пониманія художественной правды и не всегда рисовалъ фарфоровыхъ мальчиковъ и мужичковъ, видно какъ въ упомянутыхъ разсказахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, напр., «Предводитель золотой роты», начало котораго сдѣлало бы честь Гл. Успенскому. Къ сожалѣнью, и этотъ разсказъ испорченъ дѣланнымъ концомъ, въ которомъ проглядываетъ никогда не покидающее автора желаніе не столько рисовать, сколько морализировать и поучать, крайне затрудняющее чтеніе произведеній г. Златовратскаго. Художественный талантъ, отпущенный ему отъ природы, онъ окончательно потопилъ въ фантастическихъ представленіяхъ о какой-то невѣдомой правдѣ, которую надо искать въ деревнѣ, для чего предварительно требуется—«отрѣшеніе», а затѣмъ «вѣра сердца».

«Золотыя сердца» должны иллюстрировать эти двѣ особенности истиннаго человѣка, какимъ онъ представляется г. Златовратскому. Его излюбленный герой Башкировъ «отрѣшается» отъ города и уходитъ въ деревню, гдѣ лѣчитъ мужиковъ. Онъ не то цыганъ, не то башкиръ по рожденью, не русскій во всякомъ случаѣ. Почему понадобилась эта чисто внѣшняя черта, непонятно. Имѣй мы дѣло съ авторомъ французомъ, было бы ясно, что авторъ желаетъ показать вліяніе наслѣдственности, напр., и ужъ, конечно, ни въ чемъ подобномъ нельзя заподозрить нашего автора. Башкировъ физически уродъ, но тѣмъ совершеннѣе его душевныя качества. Онъ—«двухъ-этажная башка», все ему дается съ полуслова, память, способности—все первый сортъ, и онъ, что самое главное, понимаетъ и знаетъ народъ. У него есть «устои», а каковы они, авторъ особенно не распространяется, но пытается въ одной сценкѣ выяснить, въ чемъ дѣло, почему Башкирову доступенъ народъ. Приводится слѣдующій знаменательный діалогъ.

«— Скажи, Башкировъ,—заговорилъ пріятель,—ты хорошо, вѣдь, знаешь простой народъ?

«— Чаво я знаю? знаю я Петра да Сидора. Вотъ чаво я знаю! (Нужно замѣтить, что Башкировъ говорилъ почти невозможнымъ для порядочнаго общества языкомъ: это была смѣсь семинарскаго жаргона съ мужицкимъ; да кромѣ того, онъ говорилъ протяжно, лѣниво ворочая языкомъ).

«— Ну, да хоть этого Петра да Сидора изучилъ же ты? Вотъ они съ тобой сходятся, тебѣ довѣряютъ. Ты, значитъ, знаешь, чѣмъ разрушить ту стѣну недовѣрія, которая существуетъ между нами и ими?

«— Знаю,—протянулъ Ванюшка, хитро улыбнувшись.

«— Въ чемъ же, въ чемъ же штука-то? — вскрикнулъ обрадовавшійся юноша:—трудно?

«— Нѣтъ, ничего... легко!

«— Легко?

«— Не сумлѣвайся... легко...

«— Ну такъ въ чемъ же штука-то?

«— Штука-то?.. Быть нещщастнымъ!

«Пріятель отчего-то переконфузился...»

Отчего переконфузился пріятель, дѣйствительно, трудно понять, и авторъ этого не объясняетъ.

Вотъ этотъ-то «нещщастный» Башкировъ и есть соль земли, отрѣшившійся отъ всего и ушедшій въ себя. Можно думать, что для отрѣшенія надо уйти въ народъ, но это невѣрно, такъ какъ и въ народѣ соль земли составляютъ двѣ бабы-начетчицы, которыя тоже отрѣшаются и поясняютъ это такъ.

«— Какъ же вы рѣшили?—спросилъ я.

«— А такое наше рѣшеніе: все сдать на міръ и отрѣшиться... Будетъ ужъ, Миколаичъ, пожили для міру...

«— И уйти?

«— И уйти.

«— Куда же?

«— Нигдѣ путь не заказанъ тому, кто отрѣшился,—сказала Павла.

«— И это не тяжело вамъ, тридцать лѣтъ проживши здѣсь?

«— Возьми крестъ свой, сказано... Чѣмъ тяжелѣе, тѣмъ и богоугоднѣе. Въ томъ-то, милушка, и сила, что умѣй отъ куска, отъ жилища, отъ живота отрѣшиться, и будетъ вѣра твоя велика. А безъ этого—все тлѣнъ и слабость...»

Къ нимъ присоединяется Катя, майорская дочь, которая открываетъ еще одинъ элементъ—«вѣру сердца». Въ чемъ заключается вѣра сердца, авторъ не поясняетъ. Онъ, впрочемъ, ничего не поясняетъ, полагаясь на читателя, который въ то время, когда писалось это апокалипсическое произведеніе, можетъ быть, и понималъ, но намъ теперь все это «темна вода во облацѣхъ». Не думаемъ, чтобы и самъ г. Златовратскій понималъ теперь, что онъ написалъ тогда, въ 1878 г. Если понимать его «золотыя сердца» какъ символъ заблудшей интеллигенціи, которая должна отрѣшиться отъ культуры и уйти въ деревню, то здѣсь мы наталкиваемся на начетчицъ, которыя жалуются на ослабленіе міра, не умѣющаго отрѣшаться.

А вѣдь когда-то этимъ зачитывались, жизнь свою ломали по рецептамъ Башкирова и Кати, не задумываясь, не видя всей вздорности этихъ рецептовъ, мало чѣмъ отличныхъ отъ знахарскихъ наговоровъ отъ «лихой болѣсти», «трясовицы» и т. п. Это одинъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ общественной психологіи—вліяніе такихъ произведеній, какъ «золотыя сердца», представляющихъ сплошной бредъ, наборъ недосказанныхъ, оборванныхъ фразъ, непонятныхъ словъ и смутныхъ образовъ. Перечитывая и пересматривая это произведеніе, мы старались найти въ немъ какую-либо руководящую мысль, какое-либо указаніе, что желалъ сказать авторъ, и, признаемся,—не нашли. Или въ наши дни секретъ пониманія ультранародническихъ шедевровъ утерянъ? Правду говоря, мы ни мало не скорбимъ объ этомъ.

«Вѣра сердца», какъ опредѣляетъ Катя, нѣчто такое, чему «еще нѣтъ названія». Думала ли бѣдная героиня г. Златовратскаго, что двадцать лѣтъ спустя никто и не поинтересуется подъискать ему названіе? Въ томъ и заключается огромный шагъ впередъ, сдѣланный общественной мыслью за эти годы, что пустопорожними, хотя и таинственно звучащими словами теперь никого не удивишь и не уловишь, тѣмъ менѣе наставишь на истинный путь. «Вѣра сердца», просто выражаясь, это вѣра въ слова, и чѣмъ они были мудренѣе, тѣмъ казались глубже. «Правда народной жизни», «міръ»,—беремъ первыя, подвернувшіяся подъ перо,—все это были спасительныя словечки, которыя должны были заблудшему интеллигенту уготовить путь въ душу народа, гдѣ ждетъ его спасеніе отъ золъ себялюбія, индивидуализма, капитализма и прочихъ культурныхъ бѣдъ, несущихся къ намъ съ гнилого Запада. Охранить не только себя, но и народъ отъ тлетворнаго вліянія послѣдняго, вотъ задача интеллигенціи.

Въ «Устояхъ» развивается борьба общиннаго и личнаго начала. «Устои»—самое крупное произведеніе г. Златовратскаго и, надо сказать, самое неудачное дѣтище его. Читать ихъ теперь нѣтъ возможности, до того въ нихъ все схематично, придумано, сочинено и наворочено одно на другое. Написаны они гекзаметромъ, вѣроятно, съ цѣлью придать имъ нарочитую важность. Разбираться въ нихъ мы отнюдь не намѣрены, такъ какъ это трудъ и неблагодарный, и несвоевременный. Думаемъ, что теперь доказывать ложность взглядовъ автора на спасительность «деревенскихъ устоевъ» совершенно лишнее. Тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ въ силу этихъ устоевъ не вѣритъ. Расписавъ ихъ самыми радужными красками, онъ заставляетъ ихъ рухнуть отъ вторженія одного «умственнаго» члена, побывавшаго въ городѣ Петра, который заразился тамъ духомъ индивидулизма. Что же могло остаться отъ бѣдной «Вальковщины», когда городъ сталъ напирать на нее со всѣхъ сторонъ, когда каждая линія желѣзной дороги приноситъ туда новый духъ, каждая книга—новые запросы, новыя требованія и желанія, какія и не снились отцамъ «Вальковщины»?

Декоративная манера автора получила въ «Устояхъ» самое широкое развитіе. Тутъ «пейзане и золотокудрыя пейзанки» разыгрываютъ роли крестьянъ и крестьянокъ, повторяя до извѣстной степени то, что было въ модѣ въ литературѣ временъ Карамзина. Только тамъ они говорили о чувствахъ, здѣсь—объ общинѣ, мірѣ, правдѣ, но въ обоихъ случаяхъ одинаково естественно и правдиво.

Г. Златовратскій является въ «Устояхъ» романтикомъ общины и міра. Въ «Деревенскихъ будняхъ» онъ выступаетъ изслѣдователемъ деревни, заявляя въ предисловіи, что «настала эпоха новой деревни—деревни крестянскаго самоуправленія, вольнаго труда, деревни - общины, какъ самостоятельно-активнаго элемента русскаго государственнаго строя. Мало того, наступило время, когда эта деревня «свободнаго труда» оказалась носительницей идеаловъ и обратила на себя сугубое вниманіе интеллигенціи». Онъ, находитъ, что никто «не вникъ», не вдумался въ эту деревню, что всѣ «программы» изученія ея были неправильно составлены, потому что и составители, и исполнители не такъ брались за дѣло. Можно подумать, что самъ г. Златовратскій проявитъ необычайное вниманіе, безпристрастіе, глубину и пониманіе народной жизни. «Пора, наконецъ, убѣдиться,—восклицаетъ онъ съ паѳосомъ,—что свѣтскій человѣкъ—плохой наблюдатель, что наблюденіе деревенской жизни безъ предварительной подготовки—недобросовѣстно, что, въ противномъ случаѣ, наши выводы, какъ бы ни были они остроумны, ложь, что, наконецъ, сами художники, вышедшіе изъ среды интеллигенціи и берущіеся за сюжеты изъ народной жизни, должны, во имя добросовѣстности, измѣнить методъ своихъ отношеній къ деревнѣ, основывая ихъ до сихъ поръ только на непосредственныхъ впечатлѣніяхъ: они должны заняться такой же предварительной солидной подготовкой, какую имѣютъ солидный этнографъ и историкъ народной жизни». Можно думать, что самъ авторъ вполнѣ обладаетъ такой подготовкой. Ничуть не бывало. Выбравъ небольшой удаленный уголокъ, онъ заноситъ личныя наблюденія, которыя и обобщаетъ, строя въ самомъ началѣ «схему народно-бытовыхъ основъ» и исходя затѣмъ изъ имъ же самимъ созданной системы. Такая замѣна «непосредственныхъ наблюденій» едва ли убѣдительна, какъ не убѣдительна и «вѣра въ сознаніе народа», которою онъ заканчиваетъ свои «Будни». Можетъ быть, въ то время, когда сочинялись эти «Будни», въ 1878—1879 гг., они имѣли извѣстное значеніе для изслѣдованія деревни, но въ настоящее время они не имѣютъ никакого для насъ интереса, что едва ли станутъ отрицать даже самые ярые поклонники г. Златовратскаго.

Добросовѣстно ознакомившись съ произведеніями г. Златовратскаго, приходишь въ нѣкоторое изумленіе, что собственно создало то вліяніе, какое онъ имѣлъ въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ? Мы думаемъ, что причины этого

вліянія лежали внѣ этихъ произведеній. Туманно-идеалистическое настроеніе, проникающее ихъ, отвѣчало неясному представленію о народѣ, тому мистическому «нѣчто», что каждый хотѣлъ найти въ немъ. Именно неопредѣленность, смута воззрѣній и взглядовъ г. Златовратскаго какъ нельзя лучше отвѣчала такой же смутѣ въ умахъ читателей. Таинственныя слова — «отрѣшиться», «быть несчастнымъ», «вѣра сердца»—возбуждали извѣстнымъ образомъ настроенное воображеніе, которое въ каждомъ работало по-своему и создавало разнообразные фантомы на общую тему «народъ», «міръ», «община». По мѣрѣ того, какъ этотъ туманъ таялъ, умалялось и значеніе г. Златовратскаго, какъ выразителя общественнаго настроенія. Его мѣсто постепенно занялъ другой писатель, который сначала далеко не имѣлъ такого значенія. Гл. Успенскій писалъ одновременно съ г. Златовратскимъ, его читали, но не увлекались имъ, не создавали себѣ понятій и представленій «по Успенскому». Онъ былъ слишкомъ ярокъ и ясенъ, какъ художникъ, его нельзя было понимать въ «разныхъ смыслахъ», въ немъ нѣтъ ничего мистическаго. Значеніе его стало выясняться именно тогда, когда началось знакомство съ народной жизнью, какъ она есть, безъ декоративныхъ украшеній, мистическихъ представленій о какихъ-то народныхъ глубинахъ, тайникахъ народной души и т. п. Значеніе Успенскаго, какъ великаго художника, растетъ еще и будетъ расти, чѣмъ дальше мы уходимъ отъ его времени. Все наносное, временное постепенно умаляется и исчезаетъ для насъ въ его произведеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, все ярче выступаетъ на первый планъ художественная правда. Словомъ, съ нимъ происходитъ совершенно обратное тому, что мы наблюдаемъ по отношенію къ г. Златовратскому. Уже теперь послѣдняго трудно читать, ключъ къ пониманію его героевъ потерянъ, и еще одно-два поколѣнія, и онъ станетъ вполнѣ историческимъ явленіемъ, важнымъ и многозначительнымъ для оцѣнки настроеній 70-хъ годовъ, но мало привлекающимъ вниманіе читателя. Развѣ нѣкоторые только изъ его небольшихъ разсказовъ уцѣлѣютъ отъ забвенія и, на ряду, съ разсказами Слѣпцова, Рѣшетникова, Левитова, займутъ въ библіотекахъ опредѣленное мѣсто въ отдѣлѣ народнической беллетристики.

Обиліе сборниковъ поэтическихъ произведеній составляетъ теперь удручающій литературный балластъ, среди котораго трудно разобраться и опытному рецензенту, не говоря уже о читателяхъ. Зато какое удовольствіе испытываешь, когда неожиданно появляется что-либо свѣжее, талантливое, проникнутое духомъ истинной поэзіи и мысли. Именно такое впечатлѣніе производитъ небольшой, къ сожалѣнію, сборникъ стихотвореній г. П. Я. Съ первой же страницы онъ приковываетъ вниманіе, и до конца вы остаетесь подъ впечатлѣніемъ оригинальнаго и сильнаго таланта, захватывающаго глубиной и содержательностью.

Поэтовъ нѣтъ, не стало свѣтлыхъ пѣсенъ,
Будившихъ міръ, какъ предразсвѣтный звонъ,
Какъ горизонтъ невыносимо-тѣсенъ,
И какъ унылъ тягучій жизни сонъ!
И гражданъ нѣтъ! О, сколько благородныхъ,
Красивыхъ словъ, но... лишь безплодныхъ словъ:
Въ ненастный день не больше волнъ холодныхъ
Рокочетъ у скалистыхъ береговъ.

А между тѣмъ, все также небо сине,
Душисты рощи, нивы и цвѣты.

ИЗЪ Н. БРАША.

Съ венгерскаго.

Надъ грудью жаждущей земли
Идутъ свинцовыхъ тучъ станицы,
И воздухъ душенъ, а вдали
Пылаютъ яркія зарницы.

Тамъ дождь идетъ; тамъ подъ грозой
Земля, ликуя, разцвѣтаетъ
И небесамъ она съ мольбой
Благоуханье посылаетъ.

Страна моя, и надъ тобой
Несутся мрачныхъ тучъ станицы,
И тяжко жить, и воздухъ твой
Душнѣе воздуха темницы.

И ждешь ты тучи грозовой
Давно, какъ нищій подаянья,
Но видишь съ горькою тоской
Зарницъ далекое мерцанье.

Вл. Ладыженскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Наслѣдіе минувшаго года въ литературѣ. — «Мужики» г. Чехова и «Инвалиды» г. Чирикова.—Несправедливое отношеніе народнической критики къ произведенію г. Чирикова.—Полное собраніе сочиненій г. Златовратскаго.—Мягкій и любовный тонъ его отношенія къ народу. — Невѣрное освѣщеніе деревни и ея идеализація.— «Золотыя сердца», «Устои», «Деревенскіе будни».—Значеніе г. Златовратскаго.— Стихотворенія П. Я.

Тускло, хотя и не безъ шума прошелъ минувшій годъ въ литературѣ и «малое наслѣдство оставилъ по себѣ». Ни въ области мысли, ни жизни оно не остановитъ особливаго вниманія будущаго историка. Были, правда, нѣсколько произведеній, которыя сосредоточили на время общее вниманіе, но не столько сами по себѣ, сколько связанными съ ними вопросами. Прежде всего, конечно, вспоминаются «Мужики» г. Чехова, вызвавшія какъ неумѣренное гоненіе, такъ и непомѣрную хвалу. Автора сравнивали чуть не съ Шекспиромъ и Тургеневымъ, увѣряли, что если «Мужики» не привлекутъ вниманія къ деревнѣ, какъ въ свое время «Записки охотника», значитъ, оскудѣло и очерствѣло сердце читателя. Другіе отказывали въ какомъ бы-то ни было значеніи «Мужикамъ», признавая за «суздальскую» мазню, за архитенденціозную вещь, нарочито мрачную, одностороннюю, невѣрную, грубую, и проч. и проч. Какъ помнятъ наши читатели, мы заняли середину между этими крайними мнѣніями, и теперь не можемъ взять ни одного слова назадъ изъ нашего отзыва тогда. Поэтому, не останавливаясь, перейдемъ къ «Инвалидамъ» г. Чирикова, которымъ досталось еще больше отъ народнической критики всѣхъ оттѣнковъ.

Самъ по себѣ разсказъ г. Чирикова недостаточно художественъ, какъ вообще бываетъ съ произведеніями, въ которыхъ авторъ стремится отразить то, что въ самой жизни еще только «на ходу». Положительныя стороны разсказа слабы, да и не въ нихъ, правду говоря, его значеніе. Но отрицательные типы, «инвалиды», какъ смѣло позволилъ себѣ авторъ окрестить представителей вымирающаго направленія, очерчены имъ, не безъ извѣстной живости. Если бы это было не такъ, еслибы его инвалиды не имѣли ни одной живой черточки, и авторъ ограничился бы чисто внѣшнимъ описаніемъ ихъ, то, право, народническая критика не была бы такъ пристрастна. Но, сквозь брань, всякія ругательства, подчасъ совсѣмъ нелитературнаго свойства («лакей»), сыпавшіяся по адресу автора, вы слышите горькую ноту. Чувствуется, что люди, что называется, до глубины души задѣты, и это вполнѣ понятно.

Крюкова,—такъ называется герой разсказа,—мы застаемъ въ повѣсти уже вполнѣ сложившимся, оформившимся человѣкомъ. Онъ—чистѣйшій идеалистъ, съ юности витавшій въ чистой сферѣ высокихъ мыслей, пострадавшій въ свое время за непониманіе непрактичности, неприложимости къ жизни своихъ прекрасныхъ мыслей о служеніи народу, объ «отданіи ему долга» и т. п. Въ

Въ пучинахъ звѣздъ, въ толпѣ людской, въ пустынѣ
Все столько же безсмертной красоты,
И также скорбь безмѣрна, скорбь людская...

Такимъ стихотвореніемъ открывается сборникъ, и оно, какъ основной тонъ въ пьесѣ, служитъ яркимъ эпиграфомъ къ нему, выражая общее настроеніе поэзіи г. П. Я. Наши читатели нѣсколько знакомы съ его произведеніями по тѣмъ образцамъ, которые отъ времени до времени печатались на страницахъ нашего журнала. Но эти отрывочныя стихотворенія не давали, конечно, сколько-нибудь яснаго представленія о физіономіи г. П. Я., какъ лирическаго поэта по преимуществу.

П. Я.—лирикъ несомнѣнный, но какъ далека его лирика отъ пустыхъ вздоховъ, воспѣванія луны и «ея» и тому подобнаго, до тошноты пріѣвшагося антуража поэтовъ послѣдняго времени, съ которыми намъ приходится имѣть постоянное дѣло! Этимъ мы отнюдь не желаемъ сказать, что ему чужды простые, но вѣчно юные мотивы любви, грусти и тоски. И у него они занимаютъ не мало мѣста, вызываютъ въ немъ нѣжныя и тихія настроенія, волнующія читателя и навѣвающія мечтательныя грезы. Только къ этимъ мотивамъ примѣшивается въ его стихахъ еще нѣчто, что углубляетъ ихъ и заставляетъ читателя волноваться совсѣмъ иными чувствами. Личныя страданія, личная тоска никогда не выдвигаются въ стихахъ П. Я. на первое мѣсто,—они какъ бы связаны особыми узами съ чѣмъ-то несравненно большимъ, передъ чѣмъ блѣднѣетъ и исчезаетъ все личное, чему «я» поэта служитъ лишь слабымъ выраженіемъ. Поэтъ оттѣняетъ эту разницу между собой и своими собратьями по поэзіи въ стихотвореніи, которое очень хорошо выдѣляетъ основную ноту его лирики:

Я также пѣть бы могъ:
　　Заката пышный блескъ,
Луны серебристый рогъ,
　　Волны дремотной плескъ.
О! я, какъ вы бъ, нашелъ
　　И нужный складъ, и слогъ,
Ко мнѣ не хуже бъ шелъ
　　Дешевый вашъ вѣнокъ.

Но взоръ прозрѣвшій мой,
　　Въ испугѣ увидалъ—
Въ печали край родной,
　　Въ позорѣ идеалъ.
И рой надеждъ моихъ
　　Развѣянъ какъ миражъ...
Вотъ отчего мой стихъ
　　Такъ непохожъ на вашъ!

Родина и идеалъ—вотъ то, что постоянно витаетъ передъ глазами поэта, что вдохновляетъ его, то вызывая пылкія, полныя горечи строфы, то исторгая изъ измученной усталой груди вопли отчаянія и безконечной муки. Проникающая стихи искренность заставляетъ чувствовать, что въ нихъ каждый звукъ выстраданъ, нѣтъ ни одного слова ради красоты. Подчасъ поэтъ бываетъ даже небреженъ, видимо, не выбирая выраженій, употребляя первое, которое вырвалось само въ минуту удручающей тоски. Формой г. П. Я. можетъ владѣть прекрасно, но онъ предпочитаетъ силу и искренность. Формой никого теперь не удивишь и не привле-

кешь, а искренность давно уже исчезла у современныхъ поэтовъ, если только это слово примѣнимо къ многочисленнымъ сочинителямъ, наводняющимъ книжный рынокъ своими «сборниками».

Родина, страстная любовь къ ней занимаетъ первое мѣсто въ сердцѣ поэта. Къ ней постоянно направлены его думы, ей посвящены его мысли, и ради нея только онъ желаетъ слышать голосъ поэзіи «вѣчно-прекрасной».

Оборванъ у музы цвѣтущій вѣнокъ,
И звучныя пѣсни допѣты!
Зловѣще молчанье, и сумракъ глубокъ...
—О, геній поэзіи, гдѣ ты?
Гдѣ голосъ твой прежній, что юность зажечь
Умѣлъ вдохновеньемъ и страстью,—
Свободная, смѣлая, честная рѣчь
Съ ея обаяньемъ и властью?
Ужели навѣкъ ты отъ насъ отвратилъ
Свой ликъ лучезарно-прекрасный,
И свѣтъ твой не утра предвѣстникомъ былъ,
А ночи тревожно-ненастной?

О, нѣтъ! Эти тучи безсилья и сна
Промчатся надъ родиной бѣдной,
И снова придешь ты, какъ жизни весна,
Въ сіяніи власти побѣдной...
И пѣсня, поникшая грустно челомъ,
Какъ птица въ предчувствіи бури,
Очнется внезапно, ударитъ крыломъ—
И гордо взовьется къ лазури!

Вѣра въ непобѣдимую силу идеала поддерживаетъ поэта въ трудныя минуты и внушаетъ ему гордую увѣренность, что зло не вѣчно. Лучшія стихотворенія выливаются у г. П. Я., лишь только онъ вспоминаетъ свой суровый край, который онъ, тѣмъ не менѣе, вовсе не идеализируетъ...

Ярко небо странъ далекихъ,
Но затмить оно не въ силахъ
Красоты небесъ родимыхъ,
Полинялыхъ и унылыхъ!

И отдастъ больное сердце
Всѣ созвучья въ поднебесной
За шуршаніе осоки
Въ рѣчкѣ мшистой и безвѣстной!

Красотой, довольствомъ, счастьемъ
Сторона цвѣтетъ чужая,
Но милѣй въ своихъ лохмотьяхъ
И слезахъ страна родная!

Эта страстная любовь, жажда жить горестями и радостями своей родины получаютъ особую силу въ стихотвореніи «Къ родинѣ». Вначалѣ поэтъ задается вопросомъ, за что онъ можетъ любить ее, когда она дала ему такъ мало радостныхъ минутъ, и затѣмъ отвѣчаетъ:

За что, не знаю я; но каждое дыханье,
Но каждый помыслъ мой, всѣ силы бытія
Тебѣ посвящены, тебѣ до издыханья!
Любовь моя и жизнь—твои, о мать моя!
И чтобъ еще хоть разъ твой горизонтъ обширный
Мой глазъ увидѣть могъ, твой сѣрый небосводъ,
Сосновый боръ вдали, сверканье рѣчки мирной,
И нивы скудныя, и кроткій твой народъ,
За то, чтобъ день одинъ могъ снова подышать я
Свободою полей и воздухомъ лѣсовъ,
Я крестъ нести бы радъ безъ стона и проклятья,
Тягчайшій изъ твоихъ безчисленныхъ крестовъ!
Я бъ умереть готовъ безъ тайныхъ сожалѣній
Въ лохмотьяхъ нищеты, въ недугѣ роковомъ,
На кучѣ мусора подъ чуждымъ мнѣ окномъ,
Въ жалчайшемъ изъ твоихъ заброшенныхъ селеній!..

Признаемся, давно уже не приходилось намъ читать болѣе сильнаго стихотворенія, которое по своей выразительности, сжатости и искренности напоминаетъ лучшія произведенія Некрасова.

Среди современныхъ поэтовъ и поэтиковъ, декадентовъ, «самоучекъ» и просто сочинителей стиховъ, г. П. Я. стоитъ совершенно одиноко. Въ немъ чувствуется своеобразная сила и оригинальность, въ его стихахъ, иногда не отдѣланныхъ и грубоватыхъ, дышитъ подкупающая искренность, неподдѣльная скорбь и жажда дѣла, борьбы, энергичная ненависть и не менѣе страстная любовь. Если бы не помѣтки подъ нѣкоторыми стихотвореніями, указывающія, что П. Я. уже давно пишетъ, — мы бы привѣтствовали въ лицѣ его новую будущую силу.

А. Б.

По поводу программы математической географіи, напечатанной въ «Извѣстіяхъ русскаго астрономическаго общества».

Проф. В. Цераскаго.

Въ послѣднемъ выпускѣ «Извѣстій рус. астроном. общества», въ Петербургѣ, напечатана программа преподаванія математической географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Появленіе этой программы есть явленіе совершенно исключительное и, въ сущности, въ высшей степени утѣшительное.

Въ самомъ дѣлѣ, была организована «спеціальная комиссія» изъ профессоровъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга и выдающихся педагоговъ; комиссія имѣла много засѣданій, и результатомъ совмѣстныхъ занятій этихъ весьма авторитетныхъ лицъ является программа, снабженная пространными указаніями и опубликованная въ органѣ столичнаго ученаго общества.

Начальству остается одно—предписать учебнымъ заведеніямъ руководствоваться, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, названною программою и указаніями. И вотъ это именно обстоятельство заставляетъ меня, пересиливъ всегдашнюю неохоту къ подобнаго рода разсужденіямъ, почтительнѣйше высказать нѣсколько соображеній по этому поводу.

§ 1. На разныхъ съѣздахъ и выставкахъ мнѣ не разъ приходилось слышать пренія о школьныхъ вопросахъ,—пренія въ которыя я никогда не вмѣшивался. Но меня всегда и неизмѣнно поражало одно: о какомъ бы предметѣ ни шла рѣчь—до гигіены и гимнастическихъ игръ включительно,—докладчикъ неизмѣнно доказывалъ, что его предметъ самый важный, что въ современной школѣ онъ поставленъ въ высшей степени неудовлетворительно, что настоятельно необходимо и т. д. и т. д. Всегда одно и то же. И разсматриваемая программа производитъ, какъ будто, подобное же впечатлѣніе.

Надо раздать небесные глобусы на руки ученикамъ, нужно ихъ собирать по вечерамъ на площади, задавать лѣтнюю работу, снабдивъ на это время звѣздными картами; желательно заниматься съ воспитанниками первыхъ классовъ еще до начала курса математической географіи... Составители программы, съ календаремъ въ рукахъ, сосчитали даже всѣ свободные вечера въ году, по субботамъ и наканунѣ праздниковъ, и скромно заявили притязанія лишь на одну четвертую или пятую долю этихъ вечеровъ.

Космографія дѣйствительно находится теперь въ довольно жалкомъ состояніи, но помочь этому несравненно труднѣе, чѣмъ написать пространную программу. Школа не можетъ и не должна увлекаться подобными усовершенствованіями космографіи или другого какого-нибудь предмета въ отдѣльности, но обязана обдумывать свою трудную и сложную задачу съ высокой точки зрѣнія однообразнаго воздѣлыванія всѣхъ предметовъ преподаванія и гармоническаго развитія умственныхъ и душевныхъ силъ и способностей своихъ учениковъ.

§ 2. Что касается самой программы, то она, какъ перечисленіе вопросовъ, составляющихъ содержаніе космографіи, отличается отъ другихъ подобныхъ программъ лишь своимъ значительно большимъ объемомъ и, думается мнѣ, невозможна для выполненія. Мало ли какія явленія есть на небѣ или изучаются въ спеціальныхъ курсахъ, но не обо всемъ можно съ пользою говорить въ школѣ. Конечно, очень легко будетъ сократить программу надлежащимъ образомъ. Но составители, подраздѣливъ ее на отдѣлы и придавъ этимъ подраздѣленіямъ номера по порядку, кажется, имѣли въ виду указать и ходъ самого изложенія. Это уже вопросъ другой и болѣе важный. Дѣло въ томъ, что кос-

мографія дѣлится на двѣ части: на геометрическую и описательную. Первую изъ нихъ очень легко превратить въ непроходимо скучный и мало полезный наборъ терминовъ, опредѣленій и разрозненныхъ задачъ, между тѣмъ какъ она, эта часть, должна являться образцомъ послѣдовательности и логической строгости, и въ ней разные вопросы должны естественно слѣдовать одинъ за другимъ, какъ слѣдуютъ части нити при разматываніи клубка.

Мнѣ лично очень трудно было бы развить космографическій клубокъ такъ, чтобы прежде показалась *нутація* (№ 15), которой я не упомянулъ бы и имени въ гимназическомъ преподаваніи, а затѣмъ уже появились фазы луны (№ 17), т. е. явленіе, о которомъ говорятъ въ народныхъ училищахъ и которое тамъ можетъ быть доведено до послѣдней степени ясности, показывая дѣтямъ, съ разныхъ точекъ, освѣщенную солнцемъ бѣлую верхушку ихъ сельской церкви.

Вторая, описательная, часть космографіи должна произвести глубокое впечатлѣніе и дать ученикамъ нѣкоторое понятіе о величественныхъ предметахъ звѣзднаго неба.

§ 3. Въ поясненіяхъ поименованы наблюденія, которыя желательно дѣлать съ учениками или рекомендовать ихъ вниманію.

Слѣдуетъ обнаружить изъ собственныхъ наблюденій обратное движеніе планетъ; обращать вниманіе на видъ солнечныхъ пятенъ близъ *края*, показывать ученикамъ кометы и указывать на перемѣщеніе ихъ между звѣздами и т. д.

Замѣтить попятное движеніе планетъ не особенно легко. Во-первыхъ, это удобно только для Марса; но его противостоянія наступаютъ черезъ два года съ лишнимъ, попятное движеніе продолжается цѣлыхъ 70 дней и равно лишь 16 градусамъ, такъ что обнаружить его можно только продолжительнымъ и аккуратнымъ нанесеніемъ Марса на хорошую карту и, въ концѣ концовъ, даже въ случаѣ успѣха, польза не будетъ соотвѣтствовать положенному на это труду.

Далѣе, совѣтуя разсматривать солнечныя пятна близъ солнечнаго *края*, составители хотѣли, вѣроятно, подчеркнуть несимметричность полутѣни. Но вѣдь извѣстно, что констатировать эту несимметричность очень трудно, даже при спеціальномъ изученіи солнца, а нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей утверждаютъ, что она совсѣмъ и не существуетъ.

Излишне также говорить о наблюденіяхъ такихъ исключительныхъ и очень рѣдко повторяющихся явленій, какъ кометы.

Наблюденія съ учениками имѣютъ особое значеніе, какъ живыя и ничѣмъ не замѣнимыя иллюстраціи описательной части. Задавшись же вопросомъ о развитіи наблюдательности вообще, нельзя упускать изъ вида, что въ другихъ областяхъ естествознанія есть безчисленное множество явленій болѣе простыхъ и болѣе доступныхъ непосредственному изученію.

Наконецъ прибавимъ, что въ подобной программѣ, какъ въ пѣснѣ, не должно быть лишняго слова. Посему, хотя, дѣйствительно, въ высшей степени желательно имѣть въ каждой школѣ зрительную трубу, но совершенно излишне говорить о выпискѣ такихъ трубъ отъ одного и того же заграничнаго мастера и ходатайствѣ объ освобожденіи ихъ отъ пошлины. Эти строки возбудили въ моемъ умѣ спектръ какой-то поставки школьныхъ трубъ. Скорѣе слѣдовало указать, что можно кое-что извлечь изъ самаго маленькаго инструмента.

Несомнѣнную пользу принесла и та труба, которую я когда-то составилъ для моихъ случайныхъ слушателей изъ сосновой линейки, очковаго стекла очень длиннаго фокуса и простой лупы, купленной на толкучкѣ.

§ 4. Составители программы весьма недовольны и университетскимъ преподаваніемъ, ибо, по ихъ мнѣнію, въ университетѣ хотя и проходится обширный курсъ астрономіи, но для школы нужно нѣчто другое. Поэтому отъ кон-

чившаго курсъ по математическому факультету необходимо требовать особаго свидѣтельства о занятіяхъ астрономіей и прочтенія пробной лекціи съ задаваніемъ ему различныхъ вопросовъ «въ предѣлахъ програмы учебнаго курса».

Университетское преподаваніе, само собою разумѣется, отнюдь не нуждается въ моей защитѣ. Только ради тѣхъ, кто далеко стоитъ отъ университета и въ чьи руки можетъ попасть программа, скажу, что трудные вопросы курса введены совсѣмъ не для того, чтобы обременять студентовъ чѣмъ-то лишнимъ и ненужнымъ, а для того, чтобы, уяснивъ теоретически и практически эти вопросы, дать имъ, студентамъ, полную возможность самимъ и съ величайшею легкостью оріентироваться во всѣхъ болѣе простыхъ задачахъ,—что преподаватель можетъ вращаться совершенно свободно въ тѣсномъ кругѣ школьныхъ вопросовъ, хотя и не переступая его границъ, только въ томъ случаѣ, когда его собственный кругозоръ несравненно шире. Безъ такой широты, напримѣръ, очень легко впасть въ педантизмъ и приписывать чрезмѣрное значеніе ничего нестоющимъ подробностямъ.

Далѣе, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшей разницы между космографіей, физикой, математикой и прочими физико-математическими и естественными науками, то, конечно, нужно было бы подобное же разсужденіе повторить касательно всякаго другого изъ этихъ предметовъ, и, слѣдовательно, придти къ такого рода неожиданному и курьезному выводу: студентъ, послѣ всевозможныхъ зачетовъ, сочиненій, практическихъ занятій и полукурсовыхъ экзаменовъ, послѣ успѣшно выдержаннаго полнаго государственнаго экзамена, оказывается неспособнымъ преподавать въ средней школѣ какой бы то ни было предметъ своего факультета и долженъ подвергаться новымъ испытаніямъ и отвѣчать на вопросы передъ какимъ-то еще особымъ судилищемъ.

Въ университетѣ есть студенты, пропустившіе мимо себя весь университетскій курсъ, безъ остатка, но есть и знающіе, работящіе, способные, даже талантливые; за лицами съ достаточною подготовкой дѣло не станетъ. Но одной подготовки еще мало. Школа должна умѣть поддерживать въ своихъ сочленахъ строгое отношеніе къ себѣ, гуманное къ воспитанникамъ—и убѣжденіе, что учить другихъ, даже юныхъ гимназистовъ, великое, но очень трудное дѣло.

Московская обсерваторія.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Къ вопросу о всеобщемъ обученіи. Вопросъ о всеобщемъ обученіи опять служилъ предметомъ обсужденія на многихъ земскихъ собраніяхъ въ минувшую сессію. Коммиссія по народному образованію въ черниговскомъ земствѣ выработала проектъ сѣти народныхъ училищъ для всей губерніи, изъ котораго выяснилось, что если уважено будетъ ходатайство губернскаго земства, возбужденное имъ въ истекшемъ году, о томъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія ежегодно открывало въ губерніи по 15-ти двухклассныхъ училищъ въ наиболѣе многолюдныхъ поселеніяхъ на свой счетъ, то земству представится возможность осуществить планъ повсемѣстнаго устройства школъ въ теченіе 20 лѣтъ, расходуя на одну постройку школъ по 200.000 рублей въ годъ.

Въ виду такого громаднаго расхода, какой необходимъ для осуществленія идеала всеобщаго обученія, а также и того обстоятельства, что въ настоящее время земское обложеніе дошло почти до возможнаго предѣла, коммиссія опредѣлила рекомендовать губернскому собранію обратиться за помощью къ правительству и просить его отпускать ежегодно по 100.000 рублей на постройку школъ въ Черниговской губерніи и по столько же на содержаніе ихъ. Земству Черниговской губерніи въ такомъ случаѣ придется расходовать столько же на постройку школъ (т. е. по 100 тыс.) и на содержаніе — столько же. Такимъ образомъ, по мнѣнію коммиссіи, за 20 лѣтъ могъ бы быть пополненъ тотъ пробѣлъ, какой замѣчается въ настоящее время въ отсутствіи школьныхъ зданій. Такъ какъ при болѣе усиленномъ открытіи новыхъ школъ необходимо увеличить и улучшить контингентъ народныхъ учителей, то коммиссія, по словамъ «Жизни и Иск.» рѣшила предложить собранію устроить въ Черниговѣ мужскую учительскую семинарію съ общежитіемъ и подготовительнымъ классомъ для учениковъ изъ сельскихъ сословій, окончившихъ начальныя школы; комплектъ учащихся въ семинаріи предположенъ въ 120 человѣкъ (по 30 на классъ) съ 60-ю стипендіями отъ губернскаго земства и съ предоставленіемъ права уѣзднымъ земствамъ и частнымъ лицамъ, а также учрежденіямъ и лицамъ изъ другихъ губерній, имѣть своихъ стипендіатовъ. При семинаріи предполагается практическая начальная школа. Изъ учениковъ желающіе будутъ посылаться на курсы садоводства, огородничества и ремеслъ.

Такой проектъ учительской семинаріи для пополненія учительскихъ вакансій въ существующихъ и новопредполагаемыхъ школахъ составленъ коммиссіею для представленія земскому собранію. Размѣръ ассигновки на постройку зданія для семинаріи будетъ зависѣть отъ того, останется ли сиротскій домъ, содержимый земствомъ, въ Черниговѣ или будетъ переведенъ въ село, какое предположеніе существуетъ съ прошлаго года. При такомъ или иномъ размѣрѣ расхода на этотъ предметъ исходъ представленія коммиссіи въ собраніе во всякомъ случаѣ интересенъ: если возьмутъ перевѣсъ голоса лицъ, искренно желающихъ двинуть болѣе быстрыми шагами дѣло народнаго образованія, то ассигновка суммъ на постройку какъ семинаріи, такъ и новыхъ зданій для школъ въ губерніи откроетъ новую эру въ дѣятельности черниговскаго губернскаго земства.

Дѣло въ томъ, что до настоящаго времени губернское земство принимало очень мало участія въ расходахъ на начальное народное образованіе: почти всю сумму расходовъ на этотъ предметъ несутъ уѣздныя земства; губернское даетъ субсидіи уѣзднымъ земствамъ только на организацію вечернихъ занятій съ бывшими учениками народныхъ школъ (нѣсколько сотъ рублей) и выдаетъ пособія учителямъ, командируемымъ на курсы плодоводства (также нѣсколько сотъ рублей). Если въ послѣдніе годы вносились извѣстныя суммы на устройство курсовъ для учителей, на образованіе фонда для постройки школьныхъ зданій и на устройство сельскихъ общественныхъ библіотекъ, то этимъ лишь отчасти выразилось стремленіе губернскаго земства придти на помощь развитію начальнаго образованія. Наибольшія же суммы въ смѣтѣ губернскаго земства и до сихъ поръ занимаютъ, какъ и прежде, субсидіи среднимъ учебнымъ заведеніямъ—гимназіямъ и реальнымъ училищамъ (15 тыс. руб.), содержаніе фельдшерской школы (10 т.) и сиротскаго дома (21 тыс.). При такихъ обстоятельствахъ увеличеніе смѣты на 100 или 200 тысячъ на расходы по постройкѣ и содержанію начальныхъ училищъ будетъ несомнѣнно признакомъ, что и губернское земство стремится приравнять свои расходы на народное образованіе къ расходамъ уѣздныхъ земствъ, дающихъ гораздо большія суммы на начальное образованіе, чѣмъ на среднее.

Много занималась коммиссія также и вопросомъ объ улучшеніи средствъ обученія. Въ работахъ подкоммиссіи, занятой этимъ отдѣломъ, не столько имѣлись въ виду какія-либо новыя предпріятія, грозящія большими расходами, сколько,

упорядоченіе операцій существующаго уже книжнаго склада губернскаго земства. Такъ какъ послѣднее поощряетъ увеличеніе въ уѣздахъ вечернихъ занятій съ окончившими народную школу и распространеніе сельскихъ общественныхъ библіотекъ, пополнять которыя обязанъ книжный складъ, то тутъ и было обращено большое вниманіе на составленіе списковъ книгъ, какія желательны для распространенія по селамъ. Къ составленному въ прошломъ году списку такихъ книгъ былъ и въ настоящемъ году составленъ дополнительный списокъ изъ 400 названій, который коммиссія рѣшила отпечатать для руководства сельскимъ учителямъ; для вечернихъ занятій намѣчены изъ этихъ книгъ болѣе подходящія, составлены пробныя программы, указаны источники для нихъ и т. п. Всѣ эти списки и руководящія указанія коммиссія проситъ собраніе сдѣлать извѣстными учителямъ и, конечно, отпустить суммы на разсылку ихъ при помощи книжнаго склада.

Тотъ же вопросъ разсматривался и въ курмышскомъ уѣздномъ земствѣ (Симб. губ.). Какъ сообщаетъ корреспондентъ «Сына Отеч.», въ очередное земское собраніе управа представила свои соображенія объ осуществленіи общедоступности начальнаго образованія. Принимая во вниманіе число селеній, ихъ населенность и распредѣленіе по уѣзду, управа нашла нужнымъ для всеобщаго обученія 215 школъ. Въ настоящее время въ уѣздѣ существуетъ уже 71 школа, изъ нихъ земскихъ—29, церковно-приходскихъ—20 и школъ грамоты—22. Кромѣ того, духовное вѣдомство въ недалекомъ будущемъ предполагаетъ устроить еще 59 школъ. Слѣдовательно, земству, съ своей стороны, предстоитъ открыть 85 школъ. Считая на постройку каждой школы 700 р. и столько же на ежегодное содержаніе, управа опредѣляетъ общую сумму единовременнаго расхода въ 60.000 руб. и столько же ежегоднаго расхода на содержаніе означенныхъ 85 школъ. Источники для выполненія этого дѣла управа указываетъ слѣдующіе: 13 школъ, по мнѣнію управы, уѣздное земство имѣетъ возможность построить и содержать на свои собственныя средства. Затѣмъ часть средствъ управа надѣется получить отъ губернскаго земства. Наконецъ, за дальнѣйшею помощью она предлагаетъ обратиться къ правительству.

Собраніе постановило: 1) составленную управою школьную сѣть одобрить; осуществленіе ея производить постепенно въ зависимости отъ имѣющихся средствъ; 2) поручить управѣ выработать типы школьныхъ зданій разныхъ размѣровъ съ тѣмъ, чтобы смѣты на постройку зданій не превышали въ крайнемъ случаѣ 800 р.; 3) возбудить ходатайство предъ министерствомъ финансовъ о томъ, чтобы суммы, получаемыя сельскими обществами за разрѣшеніе торговли напитками, съ введеніемъ винной монополіи въ Симбирской губерніи, уплачивалось министерствомъ финансовъ земству спеціально на нужды народнаго образованія (по Курмышскому у. общая сумма взимаемой сельскими обществами платы достигаетъ 14.450 руб.); 4) ходатайствовать объ отпускѣ для осуществленія выработанной сѣти школъ изъ суммъ выкупныхъ платежей 50.000 р. единовременно на постройку школъ и по 50.000 р. ежегодно на ихъ содержаніе. Принимая, однако, во вниманіе, что осуществленіе всей сѣти возможно только въ извѣстной постепенности и, во всякомъ случаѣ, не ранѣе 10 лѣтъ, собраніе признало цѣлесообразнымъ ходатайствовать объ отпускѣ названныхъ суммъ не сразу, а въ такой постепенности: въ первый годъ только 5.000 руб. на постройку школъ, считая стоимость каждой въ 500 р., затѣмъ въ слѣдующій годъ—5.000 р. на постройку и 5.000 руб. на содержаніе уже построенныхъ школъ, на третій годъ—5.000 на постройку и 10.000 р. на содержаніе школъ, построенныхъ въ первые два года и т. д. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ Черниговской губ., источники средствъ для осуществленія всеобщаго обученія въ губерніи предполагаются тѣ же самыя: пособія отъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ и отъ казны.

Бѣгство народныхъ учителей изъ школъ. Провинціальныя газеты отмѣчаютъ печальный фактъ оставленія народными учителями своихъ школъ, замѣчаемое повсюду: учителя бѣгутъ изъ Казанскаго уѣзда, изъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи, Новгородской, Смоленской, изъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній. Часть изъ нихъ спѣшитъ занять открывающіяся мѣста сидѣльцевъ въ кабакахъ тѣхъ районовъ, гдѣ вводится казенная монополія, часть идетъ въ учительскій институтъ продолжать полученное образованіе, часть устремляется въ различнаго рода учрежденія, часть идетъ на частную службу; словомъ, куда бы то ни было, только вонъ изъ школы. Въ школѣ остаются только тѣ, кому не посчастливилось пробраться ни «въ монополію», ни въ учительскій институтъ. Такимъ образомъ, народной школѣ приходится довольствоваться или юнымъ педагогомъ, или забракованнымъ даже въ качествѣ служителя при казенномъ кабакѣ.

Какъ сообщаетъ «Смол. Вѣстникъ», это явленіе было отмѣчено, между прочимъ, и на очередномъ собраніи уѣзднаго череповецкаго земства (Новгор. губ.). Къ сожалѣнію, говоритъ газета, гласный, останавливая вниманіе собранія на быстро увеличивающемся количествѣ побѣговъ учительскаго персонала народной школы, оставилъ совершенно въ сторонѣ выясненіе причинъ такого поголовнаго бѣгства. Гласный, самъ бывшій когда-то народнымъ учителемъ, увлекся на этотъ разъ ролью проповѣдника, и по поводу оставленія учителями народныхъ школъ ограничился лишь слѣдующей сентенціей:

— Эта молодежь не вполнѣ понимаетъ, что она дѣлаетъ, покидая изъ корыстныхъ цѣлей народную школу, не прослуживъ ей хотя бы нѣсколькихъ лѣтъ за свое образованіе; подобные учителя обманываютъ земство, обманываютъ воспитавшую ихъ семинарію; земство, затративъ на ихъ подготовку народныя средства, въ концѣ концовъ остается безъ учителей и вынуждено довольствоваться мало развитыми епархіалками и лицами, далеко не отвѣчающими назначенію учителя.—

Земское собраніе выразило полное сочувствіе этой сентенціи, и, въ видѣ средства задержать народнаго педагога хотя на нѣкоторое время, вотировало слѣдующее постановленіе: «ходатайствовать предъ новгородскимъ губернскимъ земствомъ, чтобы къ земскимъ степендіатамъ череповецкой учительской семинаріи неуклонно примѣнялось правило объ обязательномъ прослуженіи установленнаго числа лѣтъ (4 года) въ начальныхъ народныхъ училищахъ, содержащихся на средства уѣздныхъ земствъ».

Итакъ, чтобы пресѣчь въ корнѣ бѣгство учителей, земство требуетъ, чтобы съ ними поступали «по всей строгости закона».

Такая постановка вопроса невольно возбуждаетъ недоумѣніе: если учителя бѣгутъ изъ школъ, то, очевидно, на это имѣются какія-нибудь серьезныя причины, которыя слѣдовало бы хорошенько разсмотрѣть и принять посильныя мѣры къ ихъ устраненію. Вмѣсто этого, говоритъ «Смол. Вѣстникъ», гласные отнеслись къ положенію народнаго учителя, какъ къ тяжелой повинности: разъ повинность непріятна и тяжела—пусть примутъ мѣры для уклоненія отъ ея исполненія, а съ уклоняющимися отъ повинностей, извѣстное дѣло, долженствуетъ поступать по всей строгости законовъ. Если учителя не хотятъ добромъ оставаться въ школѣ, надо ихъ силой задержать. Весь вопросъ въ томъ, будетъ ли достигнута этимъ основная цѣль. Положимъ, череповецкому земству удастся задержать десятокъ—другой сбирающихся въ бѣга учителей, только будутъ ли они дѣйствительно желательными учителями? Этотъ вопросъ, конечно, не требуетъ для рѣшенія особенныхъ мыслительныхъ способностей, а потому отвѣтъ на него можетъ дать каждый. Учителя задержатъ на два, на три лишнихъ года; прикрѣпятъ его къ народной школѣ; —онъ будетъ отбывать повинность, но нельзя послѣ этого въ школьныхъ занятіяхъ такого педагога искать ничего иного, кромѣ

отбыванія повинности. Очень легко можетъ случиться, что то же земство, которое изловило и водворило учителя въ школу, черезъ полгода, или въ крайнемъ случаѣ черезъ годъ, само поспѣшитъ дать такому невольнику полную отпускную, т. е., средство не принесетъ желательнаго результата. Между тѣмъ вопросъ о массовомъ нежеланіи народныхъ учителей продолжать свою дѣятельность въ народной школѣ требовалъ, конечно, большаго вниманія, чѣмъ указаніе на корыстолюбіе нашихъ народныхъ педагоговъ и поспѣшное обращеніе за помощью къ «строгостямъ законовъ».

Между тѣмъ, одна изъ главныхъ причинъ бѣгства народныхъ учителей изъ школъ несомнѣнно заключается въ крайне тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ ихъ существованія. По справедливому замѣчанію «Смоленскаго Вѣстника», экономическая необезпеченность учителя заставляетъ многихъ изъ учителей уходить, но упрекнуть въ корыстолюбіи человѣка, живущаго съ семьей на 12—18 р. въ мѣсяцъ, имѣющаго извѣстныя умственныя потребности, стремящагося пополнить свое образованіе—весьма и весьма легкомысленно. Мало этого, бѣгутъ учителя не только въ силу недостаточнаго обезпеченія учительскаго труда: въ значительной степени народныхъ учителей тяготитъ ихъ правовое (вѣрнѣе безправное) положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, всякій считаетъ себя начальствомъ по отношенію къ учителю, всякій считаетъ обязанностью наблюдать даже за его личной жизнью, всякій при желаніи добивается его перевода «въ видахъ пользы службы», и народный учитель не находитъ ни способовъ, ни средствъ, ни учрежденій, ни лицъ, которыя возстановили бы его попранныя права. Мало этого, во всякомъ другомъ учрежденіи начальство очень мало интересуется частной стороной жизни и не предпринимаетъ никакихъ развѣдокъ, чтобы точно установить, что служащій по средамъ и пятницамъ ѣстъ, съ кѣмъ живетъ, куда ходитъ, но разъ вы поступаете учителемъ въ школу, будьте всегда готовы къ всевозможнымъ подсматриваніямъ, подслушиваніямъ и служебнымъ объясненіямъ на неслужебныя темы. Конечно, долго этого человѣкъ не вынесетъ и учителя бѣгутъ изъ школъ,—«хоть въ кабакъ, что же!—отсидѣлъ свое время, зато свободенъ и никому нѣтъ дѣла, какъ я свободнымъ временемъ пользуюсь, у кого его провожу, какую книжку читаю» и т. д.

Бѣгству учителей способствуетъ также все болѣе и болѣе мѣняющійся характеръ народной школы: въ послѣднее время школу, какъ извѣстно, стараются обратить въ мастерскую, а учителя—въ ремесленника, который долженъ только дрессировать дѣтей для экзамена. Получая грошевое содержаніе, урѣзывая свои потребности до конечнаго минимума, дрожа постоянно за свое будущее, влача самое беззащитное существованіе, чувствуя полную зависимость отъ всѣхъ, учитель, обращенный постановкой школьнаго дѣла въ простого мастера, не выдерживаетъ и съ проклятіемъ бѣжитъ отъ школы, пока еще молодъ, пока, слѣдовательно, есть сила и возможность добиться иной работы.

Народныя библіотеки въ Тамбовской губерніи. Въ Тамбовѣ существуетъ общество по распространенію въ губерніи внѣшкольнаго образованія, которое проявляетъ очень энергичную дѣятельность: за минувшій учебный годъ оно открыло вновь 125 народныхъ библіотекъ на сумму въ 6.700 руб. и пополнило 66 библіотекъ на сумму въ 1.771 руб., всего же израсходовано 8.481 р., изъ нихъ средствъ самого общества—2.079 руб., отъ уѣздныхъ земствъ 2.330 р., отъ губернскаго—2.400 р. и отъ сельскихъ обществъ—1.672 р. Всего обществомъ основано при школахъ губерніи 382 библіотеки, на сумму въ 23.631 р. Къ 1900 году общество надѣется основать при всѣхъ школахъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія народныя библіотеки, стоимостью не дешевле 50 рублей каждая. За тотъ же годъ общество приступило къ организаціи продажи книгъ для народнаго чтенія и при помощи земствъ открыло 12 отдѣле-

ній своего склада, изъ нихъ шесть при земскихъ врачебныхъ пунктахъ. Кромѣ этого открытъ при обществѣ «Справочный отдѣлъ» для устной и письменной подачи совѣтовъ по разнаго рода вопросамъ изъ области внѣшкольнаго народнаго образованія, т. е. относительно открытія и веденія публичныхъ народныхъ чтеній, организаціи народныхъ библіотекъ, читаленъ и книжныхъ складовъ. «Справочный отдѣлъ» общества давалъ письменные отвѣты не только въ предѣлахъ своей губерніи, но и къ лицамъ другихъ губерній, обращавшимся къ нему за разнаго рода совѣтами по вопросамъ внѣшкольнаго народнаго образованія. При обществѣ имѣется особая коммиссія по оцѣнкѣ книгъ для народнаго чтенія. Задачею ея являются оцѣнка и распредѣленіе по категоріямъ достоинства книгъ для народныхъ библіотекъ, составленіе для нихъ каталоговъ и разсмотрѣніе книгъ, еще не одобренныхъ министерствомъ для народныхъ библіотекъ. Такъ, въ прошломъ учебномъ году коммиссіею былъ выработанъ списокъ книгъ лучшаго достоинства, еще не допущенныхъ въ народныя библіотеки, и общество возбудило предъ министерствомъ ходатайство о включеніи этихъ произведеній въ министерскій каталогъ, но министерство потребовало отъ общества подробныхъ мотивовъ относительно каждой изъ вошедшихъ въ представленный списокъ книгъ, почему онѣ признаны желательными для народныхъ библіотекъ. Слѣдуетъ замѣтить, что коммиссія по оцѣнкѣ книгъ для народнаго чтенія придерживается такихъ оригинальныхъ взглядовъ на свою задачу, что они обратили на себя вниманіе даже въ столичной печати (корреспонденціи въ «Міровыхъ Отголоскахъ» и «Новомъ Времени»). Вотъ, напр., что, по словамъ корреспондента «Нов. Вр.», выяснилось на послѣднемъ земскомъ собраніи, на которомъ разсматривалось ходатайство общества о выдачѣ ему пособія отъ губернскаго земства.

Предводитель козловскаго дворянства Ю. А. Ознобишинъ обратилъ вниманіе собранія на корреспонденцію «Тамбовскихъ Губ. Вѣдомостей» изъ с. Ольховъ, Моршанскаго уѣзда, въ которой «ольховскій мужикъ» жалуется, что въ составъ присланной обществомъ въ с. Ольхи библіотеки вошли: «устарѣвшія» произведенія русской литературы XVIII ст., какъ-то «Россіада» Хераскова, «Сатиры» Кантеміра, «Душенька» Богдановича, мало доступныя, особенно деревенскому читателю, произведенія иностранной литературы; напримѣръ, «Адъ» Данте, «Иліада» Гомера, «Айвенго» Вальтеръ Скотта, «Пѣснь о Роландѣ» и, наконецъ, брошюры Ковальницкаго, написанныя языкомъ, слѣдующій образчикъ котораго приведенъ въ корреспонденціи: «Крайніе идеалисты, которыхъ критика преимущественно была направлена противъ матеріалистическихъ воззрѣній, естественно приходили къ заключенію, что понятіе о матеріи не имѣетъ никакого соотвѣтственнаго себѣ бытія, что единственно самодѣятельный духъ представляетъ себѣ матеріальный міръ, который въ дѣйствительности есть обманъ нашихъ представленій. Это былъ нигилизмъ идеалистическій». Посылка такихъ книгъ не имѣетъ случайнаго характера, а вытекаетъ изъ принципіальныхъ взглядовъ правленія, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ строкъ отчета общества: «Въ нѣкоторыя библіотеки посылались даже уже утратившія свое значеніе произведенія русской литературы XVIII ст., потому что опытъ прошлаго года показалъ, что классическія произведенія новѣйшаго времени мало понятны, потому и не нравятся народу. Можетъ быть, народъ въ развитіи своего литературнаго вкуса долженъ пройти тѣ же стадіи, которое прошло и русское общество XVIII—XIX ст., поэтому пришлось сдѣлать опытъ и въ этомъ направленіи». Другой гласный, врачъ Шингаревъ, привелъ слѣдующій случай, характеризующій отношеніе общества къ народнымъ библіотекамъ. Демшинская библіотека, Усманскаго уѣзда, просила общество выслать ей сочиненія гр. Л. Н. Толстого, но, вмѣсто просимаго автора, получились сочиненія Майнъ-Рида, и, несмотря на всѣ старанія, обмѣнить ихъ не удалось. Гласный обра-

тилъ вниманіе собранія и на другое мѣсто изъ отчета: «Наконецъ, посылались произведенія нашей древней письменности: «Слово о полку Игоревѣ», «Лѣтопись Нестора», а также избранныя сочиненія Ломоносова, Державина, Кантемира, Хераскова и друг., потому что опытъ перваго года показалъ, что произведенія нашихъ новѣйшихъ писателей мало понятны народу, и потому можно было предположить, что народу, воспитанному на Часословѣ и на чтеніи церковно-славянскихъ Четьихъ-Миней, будутъ ближе и понятнѣе писатели прошлаго столѣтія, которыхъ слогъ ближе къ строю церковно-славянской рѣчи, а нѣкоторая напыщенность въ выраженіяхъ, восхищавшая ихъ современниковъ, придется по вкусу народа». Предсѣдатель Борисоглѣбской уѣздной управы объяснилъ собранію, что онъ, просматривая каталоги 38 библіотекъ, присланныхъ обществомъ въ Борисоглѣбскій уѣздъ, не нашелъ въ нихъ лучшихъ книгъ изъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ библіотекъ; подборъ книгъ отличается крайней тенденціозностью, въ смыслѣ узкаго морализованія съ извѣстной точки зрѣнія. Дѣятельность редакціонной коммиссіи общества, разсматривающей книги для народныхъ библіотекъ, характеризуется, напримѣръ, неодобреніемъ нѣкоторыхъ изъ допущенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія произведеній Л. Н. Толстого, Гл. Успенскаго и др. Нѣкоторые члены общества находили вредными для народа даже Крылова, будто бы въ баснѣ «Листы и корни» раздувавшаго рознь между классами населенія. Такое направленіе дѣятельности общества объясняется, по мнѣнію гласнаго, тѣмъ, что правленіе его состоитъ изъ тѣсной группы педагоговъ среднихъ учебныхъ заведеній Тамбова, очевидно, не имѣющихъ яснаго представленія о народѣ и его жизни. Въ настоящее время въ составъ правленія вошло новое лицо изъ среды земскихъ людей (предсѣдателемъ правленія избранъ бывшій предсѣдатель губернской управы С. Н. Чичеринъ), и можно надѣяться, что дѣятельность общества приметъ другое направленіе; но выборъ этотъ—явленіе случайное и можетъ не повториться. Поэтому ораторъ полагалъ необходимымъ, въ виду значительной субсидіи, оказываемой земствомъ обществу, просить послѣднее о дополненіи состава правленія членомъ, выборнымъ отъ губернскаго земства, измѣнивъ соотвѣтственный § устава.

Земское собраніе постановило: выдать обществу обычное единовременное пособіе въ размѣрѣ 2.400 р., просить о напечатаніи полнаго списка разсылаемыхъ книгъ и о дополненіи устава общества предоставленіемъ губернскому земству права выбирать въ составъ правленія одного члена, обусловивъ исполненіемъ этихъ постановленій дальнѣйшую помощь земства. Постановленія эти приняты единогласно.

Переселенцы въ Семипалатинской области. Уже нѣсколько лѣтъ изъ европейской Россіи идутъ партіи переселенцевъ въ Семипалатинскую область и селятся въ Киргизской степи. Въ настоящее время тамъ уже образовано восемь поселковъ въ двухъ уѣздахъ Семипалатинской области. Статья въ «Недѣлѣ», посвященная этому вопросу, слѣдующимъ образомъ рисуетъ внѣшній видъ этихъ поселковъ:

Въ русскихъ переселенческихъ поселкахъ, за исключеніемъ Георгіевскаго и отчасти Маріинскаго, наблюдателя поражаетъ разбросанность, неустройство и бѣдность поселковъ. Построекъ, въ узкомъ смыслѣ слова,—не имѣется: вмѣсто нихъ одиноко стоятъ земляныя, небольшія хатки, грязныя, плохо сдѣланныя, почти не бѣленыя, безъ оградъ и пристроекъ, неуклюжія, бѣдныя, словно оставленныя зимовки бѣдняковъ киргизъ. Хаты эти въ одну комнату и частью даже безъ сѣней, которыя замѣняются плетенымъ маленькимъ заплотомъ (загородка) съ крытымъ верхомъ. Это—общій видъ всѣхъ селеній. Въ Таубенскомъ же селеніи даже этихъ зимовокъ, кромѣ двухъ-трехъ, не видно, потому

что преобладающій типъ жилья—землянки. Это что-то походное, временное; заботы, домовитости и осѣдлости не замѣтно; провалившіяся земляныя крыши, едва выглядывающія изъ-подъ земли, издали чуть примѣтны. И такъ живутъ піонеры, цивилизаторы степи!.. Хорошо же будетъ ихъ вліяніе на кочевниковъ, и внушатъ ли они къ себѣ уваженіе окружныхъ киргизъ!

По мнѣнію автора статьи, такое печальное положеніе поселенцевъ объясняется неудачно-выбраннымъ для нихъ мѣстомъ: по близости нигдѣ нѣтъ лѣса. Правда, на постройки переселенцамъ разрѣшено выдавать казенный лѣсъ безплатно, но казенный лѣсъ за сотни верстъ; не всякому возможно ѣхать эти сотни верстъ, да подчасъ бываетъ, что и ѣхать-то не на чемъ. Вотъ почему и у зажиточныхъ переселенцевъ отсутствуютъ деревянныя постройки. Казалось, почему бы въ Семипалатинской области, гдѣ всѣ почти селенія образованы далеко отъ казеннаго лѣса, не устроить, хоть въ г. Устькаменогорскѣ, при управленіи мѣстнаго лѣсничаго, лѣсной складъ, откуда переселенцы могли бы получать лѣсъ—хотя бы платя небольшой процентъ за заготовку лѣса. Это послужило бы переселенцамъ облегченіемъ пользоваться дарованной милостью; въ одномъ же дозволеніи при мѣстныхъ условіяхъ помощи немного.

Всѣхъ переселенцевъ въ Семипалатинской области къ концу 1895 г. числилось 2.336 человѣкъ обоего пола, пришедшихъ изъ разныхъ концовъ Россіи—изъ Пермской, Воронежской, Полтавской, Самарской и другихъ губерній. Живутъ они смѣшанно: въ одномъ и томъ же селеніи живутъ выходцы изъ разныхъ губерній. Наиболѣе зажиточными и благоустроенными являются тѣ поселки, въ которыхъ сгруппированы жители однородныхъ мѣстностей. Исключеніе составляетъ, впрочемъ, Карловское поселеніе, большая часть котораго заселена переселенцами изъ Полтавской губ. Бѣдноты здѣсь несравненно больше, чѣмъ въ двухъ первыхъ поселкахъ, дома хотя относительно и благоустроены, но стоятъ уныло въ одну линію, по крайней мѣрѣ на пространствѣ двухъ верстъ, не имѣя ни заплотовъ, ни простыхъ загородокъ, а ужъ о надворныхъ постройкахъ и говорить нечего. Это селеніе собственно среднее между лучшими здѣшними поселеніями и худшими, вполнѣ неудавшимися и едва ли когда-либо могущими развиться. Такими надо признать селенія Таубенское и Никольское. И нужны мѣры болѣе раціональныя, чѣмъ пособіе, чтобы сохранить эти селенія, иначе недалеко то время, когда поселенные въ нихъ разойдутся. У александрійцевъ хотя немного замѣтно желаніе осѣсть: близость лѣса и возможность его эксплуатаціи даетъ имъ силу пережить трудное время, тогда какъ у таубенцевъ и никольцевъ, повидимому, уже потеряна вѣра въ возможность лучшей жизни на данномъ имъ участкѣ, и это лучше всего подтверждается уже тѣмъ однимъ, что едва ли не все населеніе, мужское и женское, способное трудиться, ушло изъ этихъ селеній на заработки частью въ деревни Бійскаго округа, частью въ города Семипалатинскъ и Устькаменогорскъ. Хлѣбопашество у переселенцевъ Семипалатинской области оказывается очень неудачнымъ. Главная причина неурожайности скрывается въ самой почвѣ, мало, повидимому, пригодной для хлѣбопашества только что пришедшихъ сюда переселенцевъ, не знающихъ ни свойствъ совершенно нетронутой почвы, ни способовъ ея обработки и не обладающихъ современными земледѣльческими орудіями. Земля же, отведенная для хлѣбопашества переселенцамъ, да и не только эта земля, а и въ большинствѣ надѣла, песчаная и солонцевато-каменистая; нужны годы упорнаго труда, нужны иныя орудія, чтобы переработать почву и заставить здѣшнюю землю приносить плоды; сохой же, выданной въ пособіе или же самодѣльной, здѣшней земли на много не подымешь, что въ дѣйствительности и подтверждается тѣмъ, что землю подъ посѣвъ подымаютъ лишь на 2½ вершка. Присутствіе въ землѣ камней приноситъ ущербъ поселянамъ тѣмъ, что при работахъ ломаются и плуга, не только что сохи. Кромѣ всего

этого, переселенцамъ приходится страдать и отъ хищничества окружающихъ ихъ киргизовъ, вообще очень враждебно относящихся къ новымъ пришельцамъ. Въ виду всего этого, авторъ статьи въ «Недѣлѣ» высказываетъ очень вѣроятное предположеніе, что поселки въ Семипалатинской области распадутся и весь пришлый людъ разойдется въ разныя стороны, если только «ближайшіе руководители переселенческаго дѣла не придутъ на помощь растерявшемуся переселенцу, посодѣйствуютъ ему въ трудную минуту устройства на новомъ мѣстѣ и оградятъ его отъ кочевниковъ».

Еврейскій пролетаріатъ. Кіевская газета «Жизнь и искусство» описываетъ тяжелое положеніе массы еврейскаго населенія въ мѣстечкѣ Бѣлая-Церковь, Кіевской губ. По словамъ ея корреспондента, все мѣстечко, не смотря на десятки большихъ каменныхъ домовъ, пять-шесть огромныхъ магазиновъ, нѣсколько «чуть-чуть не банкирскихъ» конторъ,—кажется населеннымъ нищими. Торговля, та мелочная, до смѣшного микроскопическая торговля, которая испоконъ вѣка давала хлѣбъ большинству еврейскаго мѣщанства, теперь совершенно стала; чтобы заработать гривенникъ, приходится торгашу цѣлый день торчать на солнцѣ, на дождѣ, на морозѣ. Да и не только день: бѣшеная конкурренція, понукаемая призракомъ голода, довела эту базарную торговлю до того, что она прекращается лишь къ 12, даже къ 1 часу ночи, и теперь бѣлоцерковская базарная площадь представляетъ по ночамъ оригинальное зрѣлище: открытые базарные ряды уставлены керосиновыми факелами, которые ярко горятъ за полночь, освѣщая какъ бы пожарнымъ заревомъ центръ мѣстечка съ его оборванными, полуголыми торгашами, сидящими надъ арбузами, яблоками, сѣмячками и тому подобнымъ товаромъ, цѣною въ общемъ на 5 и много-много—на 10 рублей. Ремесленникамъ—не лучше. Нѣтъ, кажется, жалкой избенки въ самомъ глухомъ переулкѣ, надъ дверями которой не висѣла бы вывѣска, иногда самодѣланная, писанная углемъ и мѣломъ, приглашающая почтеннѣйшихъ заказчиковъ къ услугамъ «Варшавскихъ портныхъ», «Кіевскихъ сапожниковъ», «Харьковскихъ мѣдниковъ», «Женевскихъ часовщиковъ» и т. д. безъ конца. Но заказчиковъ нѣтъ, такъ какъ на одного ремесленника приходится врядъ ли болѣе 2—3 потребителей его произведеній, и въ семьяхъ этихъ людей, ищущихъ и не находящихъ себѣ заработка, царитъ такая безпросвѣтная нищета, что страшно становится за судьбу будущаго ихъ поколѣнія, живущаго впроголодь, босого и оборваннаго. Дѣти—почти всѣ безъ исключенія—худы, желты, съ задатками будущей, если не чахотки, то того безсилія, которое и имъ не дастъ выхода къ тяжелому физическому труду, способному теперь прокормить семью гораздо лучше и скорѣе, чѣмъ жалкая торговля и ремесла безъ потребителя. Да и не удивительно. Грязь покрываетъ все мѣстечко такими слоями, предъ которыми навозъ Авгіевыхъ конюшенъ, навѣрно, показался бы сущими пустяками».

Обыватели возлагаютъ надежды на то, что когда-нибудь мѣстечко съ 50-тысячнымъ населеніемъ будетъ обращено въ городъ, и послѣ введенія городового положенія примутся за упорядоченіе мѣстной жизни. Но корреспондентъ «Жизни и искусства» справедливо замѣчаетъ, что «для введенія городового положенія въ нашемъ мѣстечкѣ необходимъ прежде выкупъ земель, на которыхъ оно построено, такъ какъ вся земля подъ мѣстечкомъ (да и вокругъ его на цѣлыя сотни верстъ) принадлежитъ одной помѣщицѣ; во-вторыхъ же, чистота требуетъ денегъ. А гдѣ возьметъ этихъ денегъ будущее управленіе, если теперешній обыватель не имѣетъ ничего, кромѣ падающей отъ ветхости хатенки, не огороженной, не обмазанной, безъ службъ, безъ хозяйства? Одна вывѣска да иголка, либо стамеска. Между тѣмъ, жизнь дорога, особенно для евреевъ, которыхъ совершенно задавили разные «коробочные», «свѣчные», «рѣзницкіе»

и иные сборы. Особенно тяжелъ и вреденъ сборъ коробочный. Здѣсь онъ доведенъ до невозможнаго. Фунтъ говядины стоитъ на 4 и 5 к. дороже, чѣмъ покупаютъ его въ христіанскихъ лавкахъ, и, благодаря этому, большинство здѣшнихъ евреевъ варитъ горячую мясную пищу только въ субботу, а остальное время живетъ впроголодь на хлѣбѣ съ лукомъ и чеснокомъ. Діета, говорятъ, полезна; но, глядя на здѣшнихъ еврейскихъ дѣтей, еле дышущихъ на этой діетѣ, невольно задумаешься надъ судьбами будущаго поколѣнія несчастнаго мѣстечка, обреченнаго самой судьбой на безсиліе...»

Изъ наблюденій надъ кавказскими духоборами. Въ «Русск. Вѣд » помѣщена интересная замѣтка г. Соболевскаго, посвященная кавказскимъ духоборамъ. Авторъ ея, будучи студентомъ-медикомъ Ѵ курса, служилъ прошлымъ лѣтомъ разслѣдователемъ филоксерной партіи въ Закавказьѣ и, между прочимъ, занимался и оказаніемъ медицинской помощи въ ближайшемъ районѣ. Въ виду совершеннаго отсутствія врачебной помощи въ деревняхъ Закавказья, крайней трудности, а иногда и полной невозможности (напр., послѣ сильныхъ дождей, зимою и осенью) добраться по горнымъ тропинкамъ до ближайшаго города съ врачами и аптекой, въ его убогую квартирку стекалось почти ежедневно 30—40 человѣкъ больныхъ, среди которыхъ было немалое число духоборовъ. «Съ ними я тутъ познакомился впервые и затѣмъ нерѣдко посѣщалъ ихъ въ другихъ селеніяхъ,—разсказываетъ онъ.—Бывало, въ мою комнату входитъ духоборъ и, произнеся на распѣвъ: «здравствуй, Гриша» (это у нихъ обыкновенный способъ привѣтствія) проситъ поѣхать къ нимъ, говоря, что въ семьѣ больны всѣ дѣти и много бабъ. «Да и старички наши всѣ расхворались, непривычно намъ тутъ», добавляетъ обыкновенно онъ. Садишься въ фургонъ, которымъ они очень ловко управляютъ, не смотря на крайнее неудобство дорогъ (мѣстные жители пользуются исключительно арбой), пріѣзжаешь и застаешь дѣйствительно тяжелую картину. Въ маленькой сàгхели (избѣ), выстроенной наполовину подъ землею, въ сравненіи съ которой изба нашего крестьянина кажется дворцомъ, живетъ семья или, вѣрнѣе, нѣсколько семей духоборовъ, человѣкъ 15—20 обоего пола. Полъ избы земляной, во всю длину стѣнъ идутъ «мутаки» (родъ широкихъ наръ), на которыхъ, точно трупы, лежатъ больные, а возлѣ нихъ же примостились съ работой и здоровые. Въ комнатѣ, по выраженію Лѣскова, стоитъ «душная спираль», за темнотой трудно разобрать лица, отъ плача и крика ребятишекъ у непривычнаго, проведшаго часъ въ этой комнатѣ, заболѣваетъ голова, и сердце больно сжимается при взглядѣ на тѣ условія, въ которыхъ еще могутъ жить люди.

Въ такомъ тяжеломъ положеніи духоборцы очутились только послѣ своего выселенія на новыя мѣста. Какъ ни тяжела была ихъ жизнь на Мокрыхъ горахъ, мѣстности, гдѣ по климатическимъ условіямъ не можетъ расти ни овесъ, ни кукуруза (5.000 ф. надъ ур. моря), тѣмъ не менѣе, они тутъ достаточно акклиматизировались, кое-чѣмъ пообзавелись и, по ихъ словамъ, «не знали горя». Пришлось разстаться со своимъ хозяйствомъ, продать коровъ, лошадей и совсѣмъ бросить то, чего нельзя было взять съ собой въ фургонъ. Прошелъ годъ, средства истощились, еще кое-что продали, а теперь уже и продавать нечего. Заработковъ въ этой мѣстности почти нѣтъ, а если и есть, то весьма ничтожные (главнымъ образомъ отъ желѣзной дороги, куда доставляютъ шпалы и пр.). Работники они весьма умѣлые, крайне добросовѣстные, любящіе трудъ и тѣмъ не менѣе почти не имѣютъ заработковъ: до того малъ спросъ на рабочія руки. А если и бываетъ спросъ, то поденная плата необыкновенно низка.

Г. Соболевскій разсказываетъ, что при немъ общество духоборовъ, состоящее человѣкъ изъ 20-ти, взялось сдѣлать покосъ у одного грузинскаго князя, требовавшій около 2-хъ недѣль времени, за 60 руб. Они были весьма довольны этимъ

заработкомъ и сдѣлали работу безукоризненно. Мѣстные жители, грузины, относятся къ нимъ весьма дружелюбно и любятъ ихъ. Но взаимопомощь между ними немыслима: сами грузинскіе простолюдины—народъ въ высшей степени бѣдный; недородъ и болѣзни винограда, одного изъ самымъ главныхъ источниковъ ихъ существованія, въ послѣднее время слишкомъ расшатали ихъ хозяйство. Не только столкновеній, но даже и недоразумѣній между духоборами и грузинами почти никогда не бываетъ: духоборы весьма боятся этого и всегда согласны на уступки. Боясь чѣмъ бы то ни было обидѣть кого бы то ни было, духоборы отказываются даже идти въ число рабочихъ филоксерной партіи, игнорируя представляющійся имъ такимъ образомъ заработокъ. (Извѣстно, что дѣломъ рабочаго служитъ какъ предупрежденіе заразы, т. е. тщательный осмотръ кустовъ, такъ равно и уничтоженіе зараженныхъ виноградниковъ. Послѣднее служитъ нерѣдко не только огорченіемъ, но и большимъ горемъ для садовладѣльцевъ).

Г. Соболевскій отмѣчаетъ также то вліяніе, какое имѣютъ духоборы на окружающихъ, не смотря на ихъ бѣдность и зависимое положеніе. Такъ, одинъ грузинскій князь помѣстилъ у духоборовъ на воспитаніе свою маленькую дочь. «Дѣвочка, одѣтая по-духоборски въ пестрое платьице и разноцвѣтный чепчикъ, въ теченіе всего времени его пребыванія среди грузинъ (около 5-ти мѣсяцевъ), не покидала семьи духоборовъ и страстно полюбила ихъ».

Всѣ духоборы съ нѣкотораго времени «смѣшанные» вегетаріанцы. Они употребляютъ растительную пищу съ нѣкоторымъ количествомъ масла, молока, яицъ и другихъ продуктовъ животнаго царства, кромѣ мяса. Животныхъ они не убиваютъ, и лѣтъ 15 тому назадъ всѣ сообща сбросили съ себя обычную принадлежность кавказскаго костюма – кинжалы и другое оружіе и совершаютъ всѣ свои путешествія невооруженными. Нужда заставила ихъ питаться исключительно растительной пищей и такимъ образомъ стать «чистыми» вегетаріанцами. Это весьма сказывается на здоровьѣ дѣтей, а также взрослыхъ, среди которыхъ весьма распространена болѣзнь, подъ именемъ куриной слѣпоты, стоящая въ зависимости отъ дурного питанія. По крайней мѣрѣ, 25% обращавшихся къ нему духоборовъ страдали ею. Лихорадка, осложненная сильнымъ разстройствомъ кишечника,—одна изъ заурядныхъ болѣзней духоборцевъ, — обезсиливаетъ ихъ все больше и больше. Физически крѣпкіе до сихъ поръ, они замѣчаютъ въ послѣднее время упадокъ силъ, дѣлающійся все болѣе и болѣе ощутительнымъ.

Женская еврейская субботняя школа въ Одессѣ.

(Письмо изъ Одессы).

Въ области школъ для взрослаго рабочаго населенія въ текущемъ году сталъ распространяться новый типъ школы—я разумѣю субботнія школы, предназначающіяся для еврейскаго населенія. По своимъ цѣлямъ и организаціи субботнія школы вполнѣ соотвѣтствуютъ воскреснымъ; разница между тѣми и другими, во всякомъ случаѣ, незначительна и обусловливается лишь нѣкоторыми національными особенностями.

Первыя субботнія школы возникли въ 1859 году, но просуществовали не долго: въ 1862 г. онѣ были всѣ закрыты вмѣстѣ съ воскресными школами, за исключеніемъ одной—Одесской мужской субботней школы, учрежденной докторомъ Гольденблюмомъ, которой было Высочайше разрѣшено дальнѣйшее существованіе и школа продолжала дѣйствовать до 1871 г. Затѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ 13 лѣтъ мы не видимъ ни одной субботней школы и только въ 1884 г. въ Одессѣ открывается женская субботняя школа. Ниже мы и будемъ говорить о положеніи этой именно школы за послѣдній учебный годъ. Въ мартѣ 1897 г.

была открыта женская субботняя школа въ Харьковѣ, скоро вызвавшая подражаніе: въ настоящее время открыты субботнія школы еще въ Симферополѣ, Севастополѣ, Керчи и Аккерманѣ; поданы соотвѣтствующія прошенія изъ нѣсколькихъ другихъ городовъ; ведутся подготовительныя работы къ возбужденію ходатайствъ еще во многихъ мѣстахъ и надо надѣяться, что мы скоро увидимъ цѣлый рядъ субботнихъ школъ, въ которыхъ, съ одной стороны, еврейское рабочее населеніе найдетъ доступъ къ ученію, съ другой — еврейское интеллигентное общество удовлетворитъ свое законное стремленіе къ уплатѣ хотя бы части своего долга передъ своими и матеріально, и духовно обездоленными единовѣрцами.

Открытая въ 1884 году, Одесская женская субботняя школа съ января 1894 года существуетъ при женскомъ профессіональномъ училищѣ г-жи Сигалъ. Первое время послѣ этого перехода школа существовала въ тѣхъ же скромныхъ размѣрахъ, какъ и раньше: ученицъ было немного; преподаваніе велось безъ опредѣленной, подробно разработанной, программы; школьная библіотека состояла всего изъ 25 названій. Затѣмъ начинается постепенное расширеніе и совершенствованіе дѣла. Въ первые полгода своего существованія при училищѣ г-жи Сигалъ, съ января по май 1894 г., школа располагала только четырьмя классами, составлявшими все помѣщеніе пріютившаго ее училища. Ученицъ было около 80, преподавательницъ всего 6. Въ слѣдующемъ 1894—1895 учебномъ году ученицъ было уже 120, преподающихъ — 9; помѣщеніе училища увеличилось рекреаціоннымъ заломъ и двумя мастерскими, которыя въ субботу превращались въ классы; но такъ какъ ученицъ было еще немного, то каждая группа все же располагала отдѣльной комнатой. Въ 1895 — 1896 учебномъ году было 145 ученицъ и 16 преподающихъ въ 1896—1897 году— 159 учениць и 27 преподающихъ; въ настоящемъ (1897—1898) году пріемъ ученицъ еще не законченъ, а потому нельзя въ точности установить цифры ученицъ; очевидно только, что количество ученицъ, желающихъ быть принятыми въ школу, значительно превышаетъ число свободныхъ мѣстъ. Максимальное число всѣхъ мѣстъ въ школѣ 165; въ нынѣшнемъ году, вѣроятно, и будетъ такое же количество ученицъ. Преподающихъ въ настоящее время 27 и 2 классныхъ надзирательницы, главная обязанность которыхъ заключается въ томъ, что онѣ замѣняютъ отсутствующихъ учительницъ.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что количество ученицъ съ каждымъ годомъ возростало. Объясняется этотъ фактъ тѣмъ, что первоначально населеніе, для котораго предназначалась школа, не знало объ ея существованіи. Объявленій ни о переходѣ школы въ новое помѣщеніе, ни о пріемѣ ученицъ не печаталось. Тѣ немногія ученицы, которыя вмѣстѣ со школой перешли изъ одного училища въ другое, являлись единственными посредницами между школой и народомъ. Онѣ распространяли свѣдѣнія о школѣ и приводили съ собой родственницъ и знакомыхъ. Въ виду такихъ условій не могло быть, конечно, сразу большого наплыва ученицъ въ школу. Постепенно же свѣдѣнія о школѣ распространялись и съ каждымъ годомъ все возростало число желавшихъ попасть въ нее, а въ настоящее время наплывъ ученицъ такъ великъ, что приходится чуть ли не половинѣ отказывать вслѣдствіе недостатка мѣстъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что ежегодно обращается въ субботнюю школу масса малолѣтнихъ. Каждую субботу наряду съ подростками и взрослыми дѣвушками въ корридорѣ школы толпятся 9, 10 и 11-лѣтнія крошки, которыя часто со слезами на глазахъ выслушиваютъ свой приговоръ и пускаютъ въ ходъ все, чтобы быть принятыми: увеличиваютъ себѣ число лѣтъ, зная, что въ школу принимаютъ, начиная съ 12-лѣтняго возраста, разсказываютъ о своихъ мытарствахъ по другимъ школамъ, куда онѣ не были приняты за отсутствіемъ мѣстъ. Нерѣдко приходится выслушивать, что такія малютки уже принуждены рабо-

тать на фабрикахъ или въ мастерскихъ, а потому стремятся попасть хотя въ субботнюю школу, чтобъ не остаться совсѣмъ безграмотными. Факты эти краснорѣчиво указываютъ, насколько велика въ еврейской народной массѣ, несмотря на всю ея нищету, потребность въ просвѣщеніи, и насколько недостаточны въ этомъ отношеніи тѣ средства, которыя предоставлены ей обществомъ.

Зимой 1896 г. было приступлено къ разработкѣ опредѣленной програмы занятій, необходимость которой давно уже сознавалась всѣми. Въ програму эту, разсчитанную на четырехгодичный курсъ, кромѣ русскаго языка и ариѳметики, включенъ былъ новый предметъ: еврейскій языкъ и еврейская исторія. Осенью 1897 г. програма была утверждена директоромъ народныхъ училищъ въ видѣ опыта на два года и въ настоящее время обученіе въ школѣ ведется по этой програмѣ.

Преподаваніе русскаго языка ставитъ себѣ цѣлью дать ученицамъ такую подготовку, чтобы онѣ могли по выходѣ изъ школы самостоятельно читать книги не только беллетристическаго, но и серьезнаго содержанія: историческія, естественно-научныя и проч. До сихъ поръ въ школѣ не было еще ни одного выпуска ученицъ, прошедшихъ всю програму въ теченіе 4-хъ лѣтъ, а потому, къ сожалѣнію, пока невозможно провѣрить на опытѣ результаты обученія. Въ нашей субботней школѣ преподаваніе русскаго языка значительно осложняется тѣмъ, что приходится имѣть дѣло съ дѣтьми или, что еще хуже, со взрослыми дѣвушками, которыя безусловно всѣ плохо говорятъ по-русски, а иногда почти совсѣмъ не говорятъ и даже не понимаютъ русскаго языка. Это обстоятельство сильно замедляетъ успѣхи преподаванія, и въ этомъ, кажется, заключается главное отличіе субботней школы отъ воскресной: субботняя школа не можетъ достигать въ короткое время тѣхъ блестящихъ результатовъ, какъ воскресная. Занятія по русскому языку заключаются въ слѣдующемъ: первый годъ посвящается обученію чтенію и письму по звуковому методу и бесѣдамъ по картинамъ. Къ концу года, который въ лучшемъ случаѣ состоитъ изъ 32 субботъ, ученица въ состояніи бѣгло прочесть коротенькую статью и написать подъ диктовку короткое предложеніе, разложивъ его предварительно на отдѣльныя слова. Второй годъ посвящается объяснительному чтенію статей и пересказу ихъ, заучиванію наизусть короткихъ басенъ и стихотвореній, бесѣдамъ о главныхъ представителяхъ животнаго міра и объяснительной диктовкѣ на первоначальныя правила. Занятія грамматикой состоятъ въ практическихъ упражненіяхъ въ склоненіи и спряженіи. Програма III года обученія: объяснительное чтеніе и объяснительная диктовка на дальнѣйшія правила, заучиваніе наизусть стихотвореній, бесѣды о представителяхъ растительнаго и минеральнаго міра, а также о важнѣйшихъ производствахъ. Практическія упражненія въ спряженіи глаголовъ и въ склоненіи всѣхъ измѣняемыхъ частей рѣчи. Програма IV года: объяснительное чтеніе съ сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній изъ физической географіи и объяснительная диктовка. Разборъ предложеній по частямъ безъ опредѣленія, что такое подлежащее, сказуемое и проч., и даже безъ заучиванія названій отдѣльнымъ частей предложенія, а лишь въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Всѣ бесѣды, включенныя нами въ програму русскаго языка, имѣютъ цѣлью сообщить ученицамъ полезныя свѣдѣнія, безъ которыхъ имъ недоступно чтеніе многихъ книгъ, а также развить ихъ устную рѣчь. Что касается учебниковъ по русскому языку, то выборъ ихъ представляетъ большія трудности: ни одного вполнѣ подходящаго для субботней школы учебника не имѣется. Главное затрудненіе заключается въ томъ, что невозможно найти учебникъ, который совмѣщалъ бы въ себѣ и интересный для взрослыхъ матеріалъ и доступное имъ изложеніе. Кромѣ того, приходится еще считаться съ тѣмъ, что въ одномъ учебникѣ не поставлено удареній, другой составленъ слишкомъ односторонне, преимущественно изъ статей естественно-научнаго содержанія, третій—только

изъ литературныхъ образцовъ, четвертый—изъ совершенно неудачныхъ статей и проч., и проч. Трехлѣтніе поиски учебника привели насъ къ убѣжденію, что субботняя школа, въ силу присущихъ ей характерныхъ особенностей, отличающихъ ее отъ всякой нормальной школы, нуждается въ спеціально для нея составленномъ учебникѣ. Въ настоящее время школа пользуется слѣдующими учебниками: для 1-го года обученія—азбука Григорьева «Русское Слово»; для 2-го года—4 книги для чтенія Л. Толстого и отдѣльные сборники басенъ и стиховъ; для 3-го—въ нѣкоторыхъ группахъ «Вешніе Всходы» Тихомирова, въ другихъ—«Звѣздочка» Петрова; для 4-го—въ одной группѣ «Русская Школа» Павлова, въ другой—«Нашъ Другъ» бар. Корфа.

По ариѳметикѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ проходятся всѣ 4 дѣйствія надъ отвлеченными и именованными числами, причемъ большое вниманіе обращается на бѣглость устныхъ вычисленій. Всѣ группы пользуются задачникомъ Гольденберга.

Преподаваніе еврейскихъ предметовъ введено только съ января 1897 г., такъ какъ программа по еврейскому языку была утверждена лишь къ этому времени. Первоначально въ программу еврейскихъ предметовъ входило обученіе древне-еврейскому чтенію и письму на еврейскомъ жаргонѣ. Сдѣлано было такое раздѣленіе въ виду того, что древне-еврейское письмо не можетъ имѣть никакого практическаго примѣненія, да и нѣтъ никакой возможности научить ученицъ писать по древне еврейски при томъ незначительномъ времени, какимъ располагаетъ субботняя школа. Что же касается чтенія, то научить ученицъ свободно читать по древне-еврейски и понимать читаемое также невозможно, такъ какъ древне-еврейскій языкъ, какъ и всякій мертвый, требуетъ огромной затраты времени для его изученія. Ученицы неминуемо научаются читать сначала механически, но, такъ какъ чтеніе по древне-еврейски примѣняется при изученіи молитвъ, которыя проходятся съ переводомъ на русскій языкъ, то оно изъ механическаго переходитъ въ сознательное. Къ сожалѣнію, письмо на жаргонѣ, единственное, которое могло бы имѣть значеніе для нашихъ ученицъ, не было разрѣшено инспекторомъ народныхъ училищъ, который замѣнилъ его въ программѣ древне-еврейскимъ письмомъ. Въ виду полной безполезности этого письма для нашихъ ученицъ, на одномъ изъ педагогическихъ собраній постановлено было удѣлять ему самое незначительное вниманіе и посвящать больше времени чтенію и еврейской исторіи. Обученіе древнееврейскому чтенію и письму ведется по звуковому методу, такъ же, какъ и обученіе русской грамотѣ, при помощи подвижной азбуки и букваря. Въ теченіе одного года ученицы научаются механически читать и списывать съ книги. Кромѣ чтенія и письма, въ программу еврейскихъ предметовъ входитъ изученіе главнѣйшихъ еврейскихъ молитвъ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, сообщеніе краткихъ свѣдѣній изъ еврейской исторіи и объясненіе еврейскихъ праздниковъ, которое дается ученицамъ или на урокахъ, предшествующихъ праздникамъ, или на спеціальныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ съ этою цѣлью.

Занятія въ школѣ происходятъ каждую субботу отъ 9 до 2 час. Распредѣленіе занятій во всѣхъ группахъ слѣдующее: 1-й часъ — еврейскій языкъ, 2-й часъ—русскій языкъ, 3-й—ариѳметика, 4-й—русскій языкъ, 5-й—выдача книгъ. Одновременныя занятія по одному и тому же предмету во всѣхъ группахъ имѣютъ въ виду тѣ частые случаи, когда поступающая ученица оказывается болѣе подготовленною по одному предмету, чѣмъ по другому. Такая система занятій даетъ возможность переводить подобную ученицу въ различныя группы по каждому отдѣльному предмету: въ низшую по русскому и въ высшую по ариѳметикѣ, или—наоборотъ.

Ученицамъ задаются на домъ уроки, и хотя они не обязательны, но рѣдко случается, чтобы кто-нибудь не приготовилъ урока. Если же ученица не вы-

учитъ заданной басни или не напишетъ упражненія, это значитъ, у нея въ теченіе недѣли, дѣйствительно, не было свободной минуты. Вообще, такой охоты къ занятіямъ, такой неутомимости и такой жажды знанія, какую обнаруживаютъ наши ученицы, не приходится наблюдать среди другихъ учащихся. Это одинаково относится какъ къ дѣвочкамъ, такъ и ко взрослымъ дѣвушкамъ, а вѣдь въ школѣ нѣтъ ничего принудительнаго, ни отмѣтокъ, ни обычныхъ школьныхъ наказаній; учиться, или не учиться, зависитъ вполнѣ отъ доброй воли ученицъ. То же слѣдуетъ сказать и о дисциплинѣ въ субботней школѣ. Несмотря на полную свободу и простоту въ отношеніяхъ между ученицами и преподающими, во время уроковъ всегда царитъ порядокъ и тишина, и это достигается безъ всякихъ усилій со стороны учащихъ. Всѣ эти взрослыя дѣвушки и дѣти добровольно пришли въ школу; всѣ онѣ проникнуты такимъ горячимъ стремленіемъ къ знанію и обнаруживаютъ такое серьезное, сознательное, отношеніе къ своимъ обязанностямъ, что лучшей аудиторіи нельзя и пожелать. Три четверти ученицъ живетъ на дальнихъ окраинахъ города; работаютъ наши ученицы ежедневно въ теченіе 10, 12 часовъ при самой тяжелой обстановкѣ, и тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ имъ исправно посѣщать школу. Что касается вообще аккуратности посѣщенія школы ученицами, то это во многомъ зависитъ отъ преподавательницъ: въ группахъ тѣхъ учительницъ, которыя съумѣли стать въ болѣе близкія отношенія съ ученицами, внушить имъ любовь и довѣріе къ себѣ и возбудить ихъ любознательность, пропусковъ почти не бываетъ, во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ въ другихъ группахъ, учительницы которыхъ не такъ умѣло берутся за дѣло. Наибольшее количество пропусковъ падаетъ на субботы, предшествующія большимъ праздникамъ, когда ученицы необходимы дома для помощи по хозяйству. Обыкновенно, ежегодно къ концу ученія, количество ученицъ уменьшается, такъ какъ часть ихъ выбываетъ. Къ концу 1897 г. выбыло изъ школы 19 человѣкъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что нѣкоторыя оставили школу по болѣзни, а остальныя (ихъ большинство) потому, что принуждены работать по субботамъ. Почти всѣ просили дать имъ адресъ воскресной школы, куда и поступили.

Каждую субботу ученицамъ выдаются изъ библіотеки книги для внѣкласснаго чтенія, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что только въ началѣ второго года обученія ученица въ состояніи самостоятельно прочесть легкую книгу, а потому въ теченіе перваго года своего пребыванія въ школѣ ученицы не получаютъ книгъ изъ библіотеки. Въ настоящее время библіотека состоитъ изъ 202 названій и 514 экземпляровъ. Завѣдуетъ библіотекой одна изъ преподавательницъ, которая выдаетъ книги всѣмъ остальнымъ. Каждая учительница русскаго языка выдаетъ книги ученицамъ своей группы; въ особой тетрадкѣ она отмѣчаетъ время выдачи и возвращенія книги, а также, понравилась ли книга, понята ли она, хорошо или плохо передано ученицей ея содержаніе. Читаются книги очень охотно, и рѣдко случается, чтобъ кто-нибудь продержалъ у себя дольше недѣли. При возвращеніи книгъ ученицы обыкновенно сообщаютъ другъ другу свое мнѣніе о прочитанной книгѣ и часто на этомъ основаніи обмѣниваются книгами или просятъ дать ту, которую похвалила подруга. На выборъ книги вліяетъ также пересказъ содержанія, при которомъ присутствуютъ всѣ ученицы одной и той же группы. Интересно, что сказки не пользуются любовью нашихъ даже маленькихъ ученицъ; если и нравится иногда сказка, то развѣ такая, въ которой есть какая-нибудь опредѣленная идея, напр., «Аленькій цвѣточекъ» Аксакова. Но обыкновенно сказка возвращается со словами: «неинтересно, не понравилась!» Наибольшею популярностью среди ученицъ пользуются такія книги, какъ «Дѣлатели золота» Цшокке, «Испытанія доктора Исаака» Рубакина, «Хижина дяди Тома» Бичеръ-Стоу,

«Хрустальное сердце» Евг. Туръ, а также романы Диккенса въ передѣлкѣ, разсказы Оржешко, повѣсти Пушкина и нѣкоторые разсказы Л. Толстого. Что касается повѣстей Гоголя, то большинство ихъ недоступно нашимъ ученицамъ вслѣдствіе того, что языкъ ихъ пересыпанъ малороссійскими словами. Другія же повѣсти Гоголя, а также «Ревизоръ» и «Женитьба» читаются наиболѣе развитыми ученицами съ большимъ интересомъ. Изъ «Записокъ охотника» Тургенева больше всего нравится разсказъ «Живыя мощи»; остальные, хотя и понимаются ученицами, но большого интереса не возбуждаютъ.

Слѣдя за внѣкласснымъ чтеніемъ ученицъ, мы убѣдились въ томъ, что самостоятельное чтеніе книгъ не беллетристическаго содержанія недоступно имъ. Даже ученицы старшихъ группъ не обладаютъ достаточной подготовкой для чтенія популярныхъ книгъ по исторіи, географіи, этнографіи и пр. Желая возбудить въ ученицахъ интересъ къ серьезному чтенію и облегчить имъ первые шаги на этомъ пути, мы рѣшили устроить въ этомъ году рядъ чтеній вслухъ въ праздничные дни. Первое такое чтеніе состоялось 27 сентября, въ одну изъ праздничныхъ субботъ. Въ виду наступленія важнѣйшихъ для евреевъ праздниковъ, всѣмъ ученицамъ разсказано было о значеніи этихъ праздниковъ. Одинъ изъ преподавателей еврейскихъ предметовъ въ очень живой и интересной формѣ объяснилъ ученицамъ историческое происхожденіе праздниковъ, значеніе ихъ для современныхъ евреевъ и освѣтилъ имъ многія непонятныя подробности обрядовой стороны праздниковъ. Преподаватель съумѣлъ придать своему разсказу форму непринужденной бесѣды съ ученицами, которыхъ онъ незамѣтно заставлялъ излагать то, что имъ уже извѣстно о праздникахъ, и повторять то новое, что онѣ слышали въ первый разъ. Послѣ описанной бесѣды всѣ ученицы были раздѣлены на 3 группы: одну группу составили малолѣтнія, другую — подростки и взрослыя ученицы старшихъ группъ и третью — взрослыя безграмотныя, недавно поступившія въ школу. Первой группѣ былъ прочитанъ разсказъ Авенаріуса «Что комната говоритъ», второй — о Вильгельмѣ Теллѣ изъ сборника Острогорскаго «Изъ міра великихъ преданій», и третьей — біографія Христофора Колумба (изд. «Ясной Поляны»). Учительницы во время чтенія объясняли непонятныя слова и выраженія и, повидимому, съумѣли заинтересовать ученицъ.

Ежегодно во время Пасхи для ученицъ устраивается праздникъ. Первые три года на этихъ праздникахъ ученицамъ читали что-нибудь вслухъ, разсказывали о значеніи праздника и угощали чаемъ и лакомствами. Въ прошломъ году впервые устроено было, вмѣсто обычнаго праздника, музыкально-литературное утро. Знакомые учительницъ, любители, предложили свои услуги и общими усиліями удалось составить подходящую программу: пѣніе, игра на скрипкѣ и віолончели, декламація стихотвореній, причемъ выбраны были, конечно, вещи для ученицъ доступныя. Утро это прошло съ большимъ успѣхомъ.

Существуетъ школа на пожертвованія общества и, кромѣ того, получаетъ ежегодно субсидію въ размѣрѣ 60 р. отъ Одесскаго отдѣленія Общества распространенія просвѣщенія между евреями. Школа тратитъ ежегодно отъ 120 до 140 р. Бѣднѣйшимъ ученицамъ выдаются учебники безплатно. Въ заключеніе не могу умолчать о томъ, что большинство преподающихъ въ школѣ состоитъ изъ учителей и учительницъ, занятыхъ всю недѣлю частными уроками или преподаваніемъ въ ежедневныхъ школахъ и безкорыстно отдающихъ свой единственный свободный день субботней школѣ.

А. М.

За границей.

Негритянскій вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Когда одинъ американскій генералъ, посѣтившій, по окончаніи войны за освобожденіе, негритянскую школу въ Атлантѣ, спросилъ ученика: «Что мнѣ сказать о васъ на сѣверѣ, когда я туда пріѣду?» ученикъ, очень шустрый мальчуганъ, отвѣтилъ: «Скажите, что мы поднимаемся (we are rising)». Съ тѣхъ поръ прошло больше тридцати лѣтъ, но слѣды долголѣтняго рабства еще не исчезли вполнѣ ни въ характерѣ негровъ, ни въ отношеніяхъ къ нимъ бѣлаго населенія. Расовая вражда не могла прекратиться сразу и освобожденіе негровъ не могло исправить вполнѣ зло, которое господствовало въ теченіе двухъ вѣковъ. Негритянскій вопросъ, однако, принялъ какой-то особенно острый характеръ за послѣдніе годы; племенная рознь между освободителями и освобожденными какъ будто даже возросла и не только въ южныхъ штатахъ, гдѣ негритянское населеніе очень многочисленно, но и въ сѣверныхъ, гдѣ негровъ гораздо меньше. Южане смотрятъ на негровъ съ прежнимъ предубѣжденіемъ, къ которому примѣшивается и нѣкоторое опасеніе. Въ самомъ дѣлѣ, быстрый ростъ чернокожаго населенія не можетъ не заставить призадуматься. По заключенію нѣкоторыхъ статистиковъ чернокожее населеніе Соединенныхъ Штатовъ лѣтъ черезъ 20 будетъ вдвое многочисленнѣе бѣлаго. Южане, предчувствуя эту опасность, стараются всѣми средствами предупредить грозящее имъ преобладаніе негритянской расы и всячески устраняютъ негровъ отъ участія, въ законодательной, судебной и административной дѣятельности. Юридически негръ полноправный гражданинъ, но фактически ему далеко до этого и онъ все еще составляетъ низшую касту. Негровъ не пускаютъ ни въ церкви, посѣщаемыя высшимъ городскимъ обществомъ, ни въ общественныя собранія, клубы, отели, рестораны, куда ходятъ бѣлые, и для негровъ есть свои церкви, клубы, гостинницы, лавки, школы и т. д.; есть также и свои собственные врачи, адвокаты, учителя и пасторы. Въ первое время послѣ войны правительство, подъ вліяніемъ недовѣрія къ южанамъ, призвало негровъ къ дѣятельному участію въ выборахъ и охотно смотрѣло на занятіе ими мѣстъ въ администраціи. Но мало-по-малу негры были отстранены отъ этого участія, для чего были пущены въ ходъ всевозможныя средства: повышеніе образовательнаго и имущественнаго ценза, матеріальная зависимость негровъ отъ бѣлыхъ и даже обманъ и насиліе. Общее чувство расовой ненависти и презрѣнія къ неграмъ дѣйствовало въ данномъ случаѣ объединяющимъ образомъ и благодаря своей сплоченности бѣлому населенію удается вытѣснять негровъ отовсюду. Замѣчательно, что это отвращеніе къ чернымъ еще сильнѣе даетъ себя чувствовать въ сѣверныхъ штатахъ, нежели въ южныхъ, быть можетъ, потому, что въ южныхъ штатахъ негровъ почти столько же сколько и бѣлыхъ, и южане волей-неволей должны въ нѣкоторыхъ случаяхъ щадить ихъ и не слишкомъ строго примѣнять къ нимъ правила соціальнаго остракизма. Гордые сѣверяне не чувствуютъ этой надобности; они освободили негровъ, но въ ихъ глазахъ они остались все тѣми же рабами. Въ Нью-Іоркѣ и другихъ большихъ городахъ сѣверныхъ штатовъ нерѣдко можно встрѣтить надпись: «Входъ воспрещается людямъ цвѣтной расы и собакамъ». Законъ, дающій одинаковыя права всѣмъ гражданамъ безсиленъ уничтожить антагонизмъ, существующій между двумя расами, и совершенно не можетъ бороться съ установившимися обычаями и традиціями. Въ штатѣ Нью Іоркъ, напримѣръ былъ, изданъ законъ, обязующій владѣльцевъ ресторановъ, театровъ, отелей и другихъ общественныхъ мѣстъ пускать негровъ. Но иное дѣло законъ, иное—обычай. На другой же день по опубликованіи этого закона, нѣкто Андерсонъ, негръ, но очень образованный и извѣстный въ Нью-Іоркѣ и, кромѣ того, занимающій очень важное положеніе въ министерствѣ финансовъ, отправился съ своими

друзьями въ разные рестораны и модные кафе, чтобы убѣдиться, соблюдается ли законъ. Нигдѣ, конечно, его не посмѣли не пустить, но повсюду владѣльцы заведеній обращались къ нему съ покорнѣйшею просьбою пожалѣть ихъ и уйти, такъ какъ если они допустятъ въ свое заведеніе кого бы то ни было изъ цвѣтныхъ людей, то имъ грозитъ вѣрное разорѣніе. Одна изъ нью-іоркскихъ газетъ, замѣтила по этому поводу, что никакая власть не можетъ заставить соблюдать предписаніе, идущее наперекоръ общественному мнѣнію, и такимъ образомъ, законъ остается мертвою буквой.

Между тѣмъ негры во многихъ отношеніяхъ уже доказали, что они способны къ развитію, и когда имъ удастся смыть съ себя окончательно всякіе слѣды рабства и уничтожить привитые имъ недостатки, они по праву займутъ мѣсто среди цивилизованныхъ народовъ. Надо, однако, отдать справедливость американцамъ; не смотря на свое презрѣніе къ бывшимъ рабамъ, они все-таки заботятся объ ихъ образованіи и, со свойственною имъ въ этомъ отношеніи щедростью, жертвуютъ деньги на устройство всевозможныхъ школъ для негровъ, высшихъ и низшихъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Рядомъ съ этими школами процвѣтаютъ множество профессіональныхъ, между которыми въ Гемптонѣ, въ штатѣ Виргинія, располагаетъ уже капиталомъ 2.050.000 фр. Также богаты: коллегія Ливингстона, университетъ Атланты и университетъ Бодль. Большинство преподавателей и профессоровъ въ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — негры, причемъ нѣкоторые изъ нихъ считаются выдающимися учеными.

Благодаря такому великодушію американцевъ, негры имѣютъ возможность получать солидное образованіе за очень дешевую плату, а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ даже совсѣмъ даромъ. Профессіональныя школы дѣлаютъ изъ нихъ превосходныхъ ремесленниковъ и фермеровъ. Огромное большинство негровъ, получившихъ образованіе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, выходятъ оттуда не только съ запасомъ полезныхъ знаній, но и съ горячимъ желаніемъ содѣйствовать нравственному и умственному поднятію своей расы.

Негры обнаруживаютъ особенную склонность и способность къ журналистикѣ. «Черная пресса», какъ ее называютъ, развивается быстро, но начало ей было положено задолго до освобожденія негровъ. Первая негритянская газета была «Freedom's Journal», во главѣ которой стоялъ Джонъ Руссвурмъ, человѣкъ рѣдкаго ума и съ желѣзнымъ характеромъ. Не заботясь объ опасности, которой онъ подвергался, Руссвурмъ печаталъ рѣзкія и хлесткія статьи противъ рабства и старался пробудить въ неграхъ чувство человѣческаго достоинства. Это было въ 1827 году. Читателей у этой газеты было мало, потому что негры читали въ тѣ времена очень мало и большинство было неграмотно, а бѣлые не считали возможнымъ снисходить до чтенія негритянской газеты. Можно себѣ представить, съ какими препятствіями приходилось бороться этой газетѣ! Но редакторъ, воодушевленный своей идеей, мужественно боролся со всѣми затрудненіями. Годъ спустя, эта газета перемѣнила заглавіе и стала называться «Rights of All» (Права всѣхъ) и въ теченіе трехъ лѣтъ своего существованія не переставала горячо ратовать въ пользу освобожденія негровъ и признанія за ними правъ человѣка.

Второю негритянскою газетой была «Weekly Advocate», вслѣдъ за появленіемъ которой были основаны еще три негритянскія газеты, но существованіе всѣхъ ихъ было очень трудное, и только съ 1880 года негритянская печать стала развиваться очень быстро, такъ что въ теченіе десяти лѣтъ число газетъ возрасло до 154.

Журналистъ въ роли освободителя. Нѣсколько времени тому назадъ, въ большой и распространенной газетѣ «New-York Journal» появился сенсаціонный

разсказъ о бѣгствѣ изъ тюрьмы въ Гаваннѣ одной кубанской героини, молодой красивой дѣвушки Евангелины Чиперосъ. Бѣгство это носило необыкновенный и романическій характеръ. Оно было устроено журналистомъ, сотрудникомъ газеты «New-York Journal», спеціально командированнымъ для этой цѣли на Кубу. Какъ это ни странно кажется съ точки зрѣнія европейскихъ читателей и журналистовъ, но въ Америкѣ такіе подвиги газетныхъ репортеровъ составляютъ заурядное явленіе. Редакціи газетъ стараются перещеголять другъ друга въ этомъ отношеніи, также какъ и репортеры. Наиболѣе искуснымъ и смѣлымъ репортерамъ даются иной разъ необыкновенно замысловатыя и порою странныя порученія, при чемъ редакція открываетъ такому репортеру самый широкій кредитъ и не стѣсняетъ въ расходахъ, лишь бы онъ исполнилъ порученіе какъ слѣдуетъ, такъ какъ тогда все затраченное возвращается сторицей вслѣдствіе огромной популярности, пріобрѣтаемой газетой. Вѣдь отправила же нѣкогда редакція «New-York Herald'a» одного изъ своихъ репортеровъ въ Африку разыскивать Ливингстона. Этотъ бывшій репортеръ газеты, Стэнли, пользуется теперь всемірною извѣстностью, но и газета въ свое время извлекла немалыя выгоды изъ его смѣлаго путешествія. Нечего удивляться, что редактору одной изъ нью-іоркскихъ газетъ пришло въ голову воспользоваться кубанской войной, чтобы прославить свою газету. Кубанскія событія сильно волнуютъ американскую публику и все, что касается Кубы, пріобрѣтаетъ въ ея глазахъ особенный интересъ, такъ что сенсаціонный разсказъ о бѣгствѣ кубанской героини, сопровождаемый соотвѣтствующими рисунками, долженъ былъ не только обратить на себя вниманіе, но и сильно содѣйствовать распространенію газеты. Весьма возможно, что освобожденіе совершилось не совсѣмъ такъ, какъ повѣствуетъ объ этомъ газета, и больше дѣйствовалъ золотой ключъ, нежели что-либо другое, но до этого нѣтъ дѣла американской публикѣ, читающей съ захватывающимъ интересомъ повѣствованіе о подвигахъ репортера, имя котораго сразу прославилось по всей Америкѣ.

Разсказъ о побѣгѣ былъ перепечатанъ и многими европейскими газетами и появился цѣликомъ, даже со всѣми соотвѣтствующими рисунками, въ англійскомъ журналѣ «Review of Reviews». Одинъ изъ сотрудниковъ «Revue Bleue», пріѣхавшій какъ разъ въ это время въ Нью-Іоркъ, разсказываетъ, что этотъ побѣгъ былъ главною злобою дня, предметомъ всѣхъ разговоровъ въ городѣ и газета, конечно, расходилась въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ. Редакцію осаждали желающіе видѣть и поговорить съ журналистомъ, Карломъ Дукеромъ, совершившимъ подвигъ.

«Я также отправился со своимъ знакомымъ въ редакцію газеты «New-York Journal»,—разсказываетъ французскій журналистъ,—и, поднявшись въ двѣнадцатый этажъ на подъемной машинѣ, мы очутились въ пріемной, гдѣ насъ встрѣтила репортерша съ крайне дѣловымъ видомъ и отвела въ кабинетъ редактора.

— Дѣло Чинеросъ,—сказалъ мой пріятель.

Редакторъ нажалъ электрическую пуговку и, нагнувшись къ телефону, прикрѣпленному къ конторкѣ, крикнулъ: «Карлъ Дукеръ». Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ въ кабинетъ явился высокій усатый человѣкъ; онъ какъ-будто вылѣзъ изъ опускной двери, какъ это бываетъ въ театрѣ.

— Чинеросъ!—сказалъ ему лаконически редакторъ.

Карлъ Дукеръ провелъ рукою по лбу и съ видомъ человѣка, произносящаго урокъ, разсказалъ, быть можетъ, въ сотый разъ, необыкновенную исторію побѣга Евангелины Чинеросъ. Онъ сообщилъ сначала ея біографію и прибавилъ, что она замѣчательно красива. Отецъ ея принималъ участіе въ возстаніи противъ испанцевъ, а дядя былъ одно время президентомъ юной кубанской республики. Отецъ ея попалъ въ руки враговъ и былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ терпѣлъ всевозможныя физическія и нравственныя мученія. Евангелина отправилась къ

испанскому полковнику Баррацу просить за отца, но просьба ея не только не увѣнчалась успѣхомъ, но она сама попала въ тюрьму и за оскорбленіе испанскаго полковника была приговорена къ двадцатилѣтнему тюремному заключенію. Находясь въ тюрьмѣ, Евангелина сблизилась со своими товарищами по несчастью, другими женщинами, и при помощи одной изъ нихъ, которая была выпущена на свободу, Евангелинѣ удалось передать письмо женѣ американскаго консула, мисиссъ Ли. Письмо это Евангелина написала своею кровью. Мисиссъ Ли добилась свиданія съ Евангелиной, которая и разсказала ей свою исторію. Эта исторія появилась потомъ на столбцахъ «New-York Journal», соотвѣтствующимъ образомъ прикрашенная, чтобы произвести какъ можно большее впечатлѣніе на американскихъ читателей.

Цѣль была достигнута; общественное мнѣніе въ Америкѣ сильно заинтересовалось участью прекрасной кубанки. Всюду раздавались возгласы негодованія и мистеръ Хирстъ, редакторъ газеты «New-York Journal», воспользовался этимъ, чтобы организовать петицію къ испанской королевѣ, подписанную огромнымъ числомъ американскихъ женщинъ. Первая подписалась мать президента республики. Но, не довольствуясь подписями американокъ, редакторъ газеты поручилъ своему лондонскому корреспонденту собрать подписи англійскихъ женщинъ, что тотъ исполнилъ. Въ числѣ подписавшихся англичанокъ находились: герцогиня Вестминстерская, леди Генри Сомерсетъ и др. Неутомимый мистеръ Хирстъ обращался даже къ папѣ, который соблаговолилъ открыто выразить свое сочувствіе и соболѣзнованіе несчастной дѣвушкѣ, томящейся въ тюрьмѣ, и выразилъ ей пожеланіе скораго освобожденія.

Петиція, написанная на прекрасной веленевой бумагѣ и украшенная художественными золотыми и серебряными арабесками, къ которымъ примѣшаны были голубой и оранжевый цвѣта, была передана королевѣ черезъ посредство американскаго посланника. Говорятъ, что королева Христина очень была растрогана, читая этотъ документъ, и сейчасъ же хотѣла отдать приказъ объ освобожденіи плѣнницы, но военный совѣтъ поставилъ ей на видъ политическую безтактность такого поступка, и королева смирилась. Но мистеръ Хирстъ не захотѣлъ примириться съ такою неудачей. Онъ призвалъ одного изъ своихъ наиболѣе способныхъ репортеровъ, Карла Дукера, и сказалъ ему: «Завтра же отправляйтесь въ Гаванну и освободите миссъ Чинеросъ. Дѣйствуйте по усмотрѣнію и въ средствахъ не стѣсняйтесь!»

Сказано—сдѣлано. Дукеръ не былъ бы достоинъ званія американскаго репортера, еслибъ не съумѣлъ выполнить своей миссіи. Его дальнѣйшій разсказъ о томъ, какъ онъ освободилъ миссъ Чинеросъ, весьма смахиваетъ на романъ. Разумѣется, побѣгъ совершился ночью, по крышамъ, при помощи веревочной лѣстницы, перепиленной рѣшетки въ окнѣ и т. д. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ—не важно; главное заключалось въ томъ, что молодая дѣвушка была на свободѣ и Карлъ Дукеръ прославилъ свою газету.

Редакція зафрахтовала пароходъ, который стоялъ на готовѣ въ гавани, чтобы тотчасъ же увезти Евангелину. Карлъ Дукеръ посадилъ ее на пароходъ и тотчасъ же телеграфировалъ своему редактору условленное слово: «Humbugh», которое должно было увѣдомить его, что миссія выполнена. Самъ Дукеръ остался еще на нѣкоторое время въ Гаваннѣ, какъ онъ самъ говоритъ — «спеціально для того, чтобы полюбоваться на ярость испанскихъ властей, когда будетъ открытъ побѣгъ Евангелины».

Насладившись этимъ, Карлъ Дукеръ взялъ мѣсто на испанскомъ пароходѣ, отправлявшемся въ Нью-Іоркъ. По прибытіи въ гавань, Карлъ Дукеръ не могъ удержаться, чтобъ не поддразнить капитана испанца. Прощаясь съ нимъ и пожимая ему руку, онъ сказалъ:

— Не забудьте передать своимъ соотечественникамъ на Кубѣ, что у васъ,

въ качествѣ пассажира, находился Карлъ Дукеръ, освободитель Евангелины Чинеросъ. Отъ этого вы, конечно, только выиграете въ глазахъ своего начальства.

Капитанъ сдѣлалъ такое лицо, прибавилъ Дукеръ, въ заключеніе, что я бы очень не желалъ повстрѣчаться съ нимъ гдѣ-нибудь ночью въ пустынномъ мѣстѣ, «въ часъ преступленій».

Закончивъ разсказъ, американскій репортеръ быстро повернулся на пяткахъ и моментально исчезъ, не прибавивъ ни одного лишняго слова и даже не взглянувъ на изумленнаго французскаго журналиста. Теперь очередь была за мистеромъ Хирстомъ, который, указывая на пачку бумагъ, лежащую передъ нимъ, сказалъ:

— У меня тутъ 2.500 писемъ и телеграммъ, полученныхъ мною изъ разныхъ штатовъ и поздравляющихъ меня съ успѣхомъ моего предпріятія. Всѣ министры, сенаторы, губернаторы, епископы и, между прочимъ, лондонскій епископъ, прислали мнѣ поздравленія. Даже папа и тотъ прислалъ мнѣ свое благословеніе въ письмѣ своего личнаго секретаря. Дамы высшаго общества забрасываютъ меня цвѣтами и прославляютъ въ прозѣ и стихахъ. Въ теченіе всей этой недѣли меня безпрерывно интервьюирутъ, начиная съ утра, до полночи, и, наконецъ... газета моя расходится вчетверо больше, чѣмъ прежде! Повѣрьте мнѣ,—прибавилъ онъ воодушевляясь,—дѣло Чинеросъ будетъ служить поворотнымъ пунктомъ въ исторіи современной прессы, которая перейдетъ теперь отъ фразы къ дѣйствіямъ, отъ пера къ мечу и черезъ двадцать лѣтъ, составитъ государство въ государствѣ!

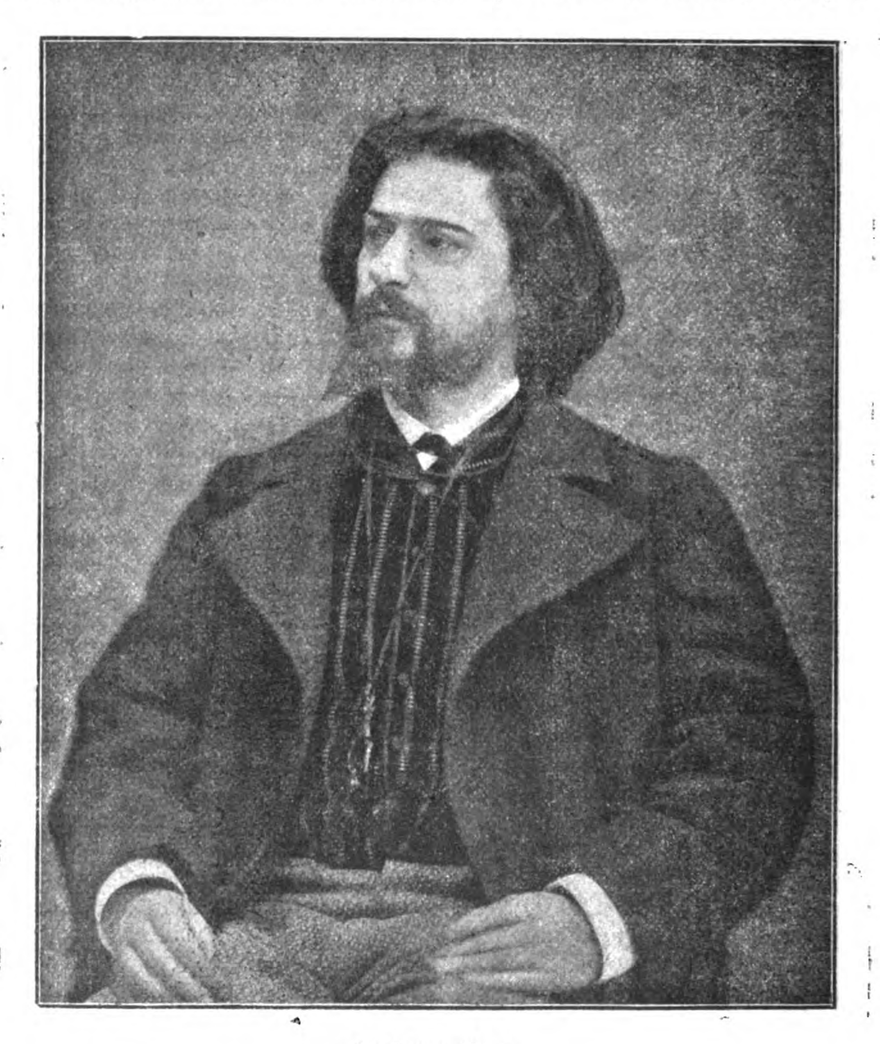
Европейскій журналистъ вышелъ изъ редакціи американской газеты совершенно ошеломленный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Положимъ, все это смахиваетъ на романъ, но... какъ далеко европейской печати до размаха и смѣлости американской печати тамъ, гдѣ дѣло касается того, чтобы опередить своихъ собратьевъ и заставить говорить о себѣ. Во всякомъ случаѣ, если дѣйствительно должна произойти метаморфоза современной журналистики и она превратится въ «активную журналистику», то, безъ сомнѣнія, иниціатива такого превращенія должна исходить отъ Америки.

Альфонсъ Додэ (Некрологъ). 4-го декабря, въ восемь часовъ вечера, во время обѣда въ семейномъ кругу, скончался знаменитый французскій романистъ Альфонсъ Додэ. Смерть его носила внезапный характеръ, хотя онъ уже былъ боленъ, давно, лѣтъ пятнадцать. У него была болѣзнь спиннаго мозга (атаксія), отъ которой его лѣчилъ еще покойной Шарко, его другъ. За послѣдніе три—четыре года болѣзнь усилилась, Додэ сильно страдалъ и исхудалъ до такой степени, что видомъ напоминалъ скелетъ. Онъ двигался съ трудомъ и обыкновенно его возили въ креслѣ. Но умственныя способности у него не были затронуты болѣзненнымъ процессомъ, онъ могъ работать до послѣдней минуты, не смотря на свою слабость. Казалось, вся жизнь сосредоточилась у него въ глазахъ, взглядъ которыхъ, по свидѣтельству всѣхъ видѣвшихъ его въ послѣднее время, пріобрѣлъ какую-то особенную напряженность, свидѣтельствующую о постоянной усиленной мозговой дѣятельности.

Альфонсъ Додэ умеръ 58 лѣтъ. «До двадцати одного года—нужда, съ 21-го года слишкомъ много счастья!» такъ самъ Додэ резюмировалъ свою жизнь англійскому журналисту Роберту Шерарду. «Мои дѣтство и юность были полны слезъ и горя,—сказалъ ему Додэ.—Я родился въ Нимѣ, гдѣ отецъ мой былъ мелкимъ торговцемъ. У меня не осталось ни одного сколько-нибудь веселаго воспоминанія о домѣ, я видѣлъ только слезы и слезы. Булочникъ, отказывающійся отпускать хлѣбъ въ долгъ, разные другіе поставщики, поступающіе точно также; моя мать вѣчно въ слезахъ, отецъ вѣчно озабоченный и сердитый—вотъ что осталось у меня изъ воспоминаній дѣтства!»

*

Жизнь сдѣлалась нѣсколько веселѣе, когда Альфонса Додэ отдали въ школу въ Ліонѣ. Тамъ среди товарищей онъ забывалъ и нужду, и слезы, и чувствовалъ себя счастливымъ, когда могъ кататься на лодкѣ по рѣкѣ. Притомъ же ему нравилось ученіе и въ особенности онъ охотно занимался латинскимъ языкомъ, зачитывался Тацитомъ, но терпѣть не могъ Цицерона. Кончивъ курсъ въ Ліонскомъ лицеѣ, онъ получилъ мѣсто школьнаго учителя въ Але, гдѣ пробылъ два года. «Это было самое ужасное время въ моей жизни»,—говорилъ



Альфонсъ Додэ.

Додэ, описавшій этотъ періодъ въ предисловіи къ «Petit Chose». Онъ самъ признавался Шерарду, что если не покончилъ въ то время самоубійствомъ, то лишь потому, что у него не хватило на это силы и воли. Но молодость взяла свое. Семнадцати лѣтъ Альфонсъ Додэ, вмѣстѣ со своимъ братомъ Эрнестомъ, отправился попытать счастья въ Парижъ, имѣя всего два франка въ карманѣ.

— Мнѣ пришлось испытать самую страшную нужду,—говорилъ Додэ объ этомъ періодѣ своей жизни.—По части лишеній я, кажется, вынесъ все, что только можетъ вынести человѣкъ. Мнѣ случалось цѣлые дни проводить безъ

куска хлѣба и лежать въ постели, потому что у меня не было сапогъ, чтобы выйти. Но больше всего я страдалъ отъ того, что вынужденъ былъ носить грязное бѣлье, такъ какъ мнѣ нечѣмъ было заплатить прачкѣ.

Судьба, наконецъ, улыбнулась ему. Его первый томикъ стихотвореній «Les amoureuses» обратилъ на себя вниманіе благосклонной критики. Императрицѣ Евгеніи понравились стихи Додэ и она поручила герцогу Морни навести справки о молодомъ поэтѣ. Юноша понравился герцогу, который предложилъ ему мѣсто личнаго секретаря, и Додэ сразу перешелъ отъ самой страшной нужды къ привольному существованію, всѣ удовольствія и радости жизни были къ его услугамъ.

Съ этого момента счастье уже ни разу ему не измѣняло. «Начиная съ 21-го года я былъ слишкомъ счастливъ,—говорилъ Додэ Шерарду,—и теперь я расплачиваюсь за это. Я всегда думалъ, что даромъ въ жизни ничего не дается и за все приходится потомъ расплачиваться»...

Додэ дѣйствительно повезло и на литературномъ поприщѣ, и въ семейной жизни. Кругъ его читателей все возросталъ, произведенія его пользовались громаднымъ успѣхомъ, и онъ ни разу не зналъ, что значитъ неудача или невниманіе. Онъ умѣлъ затрогивать сердце и душу своихъ читателей, потому что самъ всегда жилъ и чувствовалъ вмѣстѣ со своими героями, онъ любилъ ихъ и ненавидѣлъ и невольно сообщалъ эти чувства читателю — въ этомъ былъ главный залогъ его успѣха. Додэ всегда стремился къ точному воспроизведенію дѣйствительности и въ этомъ отношеніи онъ примыкаетъ къ натуралистической школѣ, но онъ никогда не оставался безучастнымъ и всегда въ его романахъ отражалось его собственное настроеніе и симпатія. Его романы «Jack» и «Nabab» въ особенности затрогиваютъ человѣческое сердце. Додэ умѣлъ и смѣшить. Въ комической эпопеѣ, «Tartarin sur les Alpes» и др. онъ превосходно изобразилъ характеръ хвастливаго, добродушнаго и веселаго южанина-француза. Такого же южанина онъ изобразилъ и въ «Numa Roumestan», но это уже не добродушная, а мѣткая и злая сатира на парламентскаго дѣятеля-фразера. Такой же сатирой является и его романъ «Immortel», гдѣ онъ осмѣиваетъ французскую академію, но въ этомъ послѣднемъ произведеніи сквозитъ слишкомъ большое раздраженіе, не свойственное характеру Додэ и, вѣроятно, вызванное его болѣзнью.

Додэ очень быстро достигъ литературной славы и вмѣстѣ съ нею обезпеченнаго положенія. Онъ самъ говорилъ, что подсчитывая въ первый разъ свои доходы въ 1872 году, онъ нашелъ, что зарабатываетъ въ годъ литературнымъ трудомъ, 5.000 фр., но уже черезъ шесть лѣтъ доходы эти возрасли до 100.000 фр. Въ семейной жизни Додэ былъ также счастливъ. Жена его помогала ему въ литературныхъ работахъ, такъ какъ сама она также писательница. Додэ говорилъ, что онъ очень многимъ обязанъ своей женѣ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ; онъ всегда предварительно прочитывалъ ихъ ей и совѣтовался съ нею, придавая большое значеніе ея литературному вкусу и сужденіямъ. Додэ женился, когда ему было 26 лѣтъ. «Я всегда говорилъ всѣмъ своимъ близкимъ, своей сестрѣ и другимъ,—разсказывалъ Додэ Шерарду,—что терпѣть не могу женщинъ, питающихъ склонность къ литературѣ и чуть ли не давалъ клятву, что никогда не женюсь на такой женщинѣ. Однако, въ первый же разъ, когда я увидѣлъ Жюли Алларъ, которая впослѣдствіи сдѣлалась моею женой, она побѣдила мое сердце. Она декламировала стихи и какъ ея наружность, такъ и ея декламація произвели на меня сильное впечатлѣніе. Когда мы возвращались домой, то сестра моя, смѣясь, спросила: «Не правда ли, Альфонсъ, эта барышня не въ твоемъ вкусѣ?» Я долженъ былъ, однако, сознаться сестрѣ, что готовъ отказаться отъ своего предубѣжденія противъ женщинъ, питающихъ склонность къ литературѣ».

Восхваляя свою жену, Додэ всегда говорилъ, что именно то, что она такъ

не похожа на него, служитъ главнымъ залогомъ ихъ счастья. «Она — олицетворенная логика и практичность», говаривалъ онъ, прибавляя, что у него эти качества весьма мало развиты. Додэ сознавался также, что онъ былъ очень суевѣренъ. Онъ питалъ священный ужасъ къ 13-му числу, ни за что не рѣшался никуда выѣхать въ пятницу, никогда не рѣшался пройти подъ лѣстницей, приставленной къ дому, и вообще имѣлъ массу предразсудковъ. Онъ былъ такъ нервенъ, что никогда не рѣшался присутствовать на первомъ представленіи, когда давалась его пьеса. Онъ узнавалъ объ успѣхѣ или провалѣ своей пьесы по обращенію своего консьержа. «Если пьеса имѣла успѣхъ,—говорилъ Додэ,—то консьержъ былъ со мною необыкновенно почтителенъ; если же газеты сообщили ему о моемъ пораженіи, то я сейчасъ же могъ заключить объ этомъ по тому, какъ онъ подавалъ мнѣ мои письма и ключъ отъ квартиры».

Додэ работалъ очень неправильно, порывами, случалось, онъ писалъ по восьми часовъ въ день, изо дня въ день, но иногда проходили цѣлые мѣсяцы и онъ не брался за перо. Додэ говорилъ, что онъ никогда не бывалъ доволенъ своею работой, онъ ее перечитывалъ и передѣлывалъ по многу разъ. Онъ никогда не могъ диктовать своихъ повѣстей, но могъ диктовать свои пьесы, только для этого онъ долженъ былъ непремѣнно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Когда онъ заболѣлъ и ходить ему стало трудно, то онъ долженъ былъ отказаться отъ такого способа работы.

Въ послѣднее время передъ смертью Додэ работалъ надъ новымъ романомъ «Soutien de famille», въ которомъ хотѣлъ изобразить юношество.

Додэ показывалъ Шерарду, какъ онъ работалъ. Прежде всего онъ бралъ записную тетрадь, въ которую вносилъ всѣ свои замѣтки и т. п., отчеркивая краснымъ карандашемъ то, чѣмъ онъ уже воспользовался. Затѣмъ во второй тетради онъ писалъ уже свою повѣсть. Онъ писалъ только на одной страницѣ, другую оставлялъ чистой и на этой чистой страницѣ писалъ уже потомъ эту самую повѣсть, но въ передѣланномъ видѣ. Затѣмъ онъ перечитывалъ и то и другое и начиналъ писать въ третій разъ, такъ что каждая его рукопись обыкновенно существовала у него въ трехъ видахъ.

Додэ написалъ довольно много театральныхъ пьесъ, но онѣ не имѣли особеннаго успѣха и ставились больше изъ уваженія къ имени автора. Но во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ всегда былъ весь на лицо, говорилъ устами своихъ героевъ и всегда становился на сторону униженныхъ и несчастныхъ, погибающихъ въ суровой борьбѣ за существованіе.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Temps».

«Revue de Paris» печатаетъ продолженіе статьи о дружбѣ Ницше и Вагнера. Эта дружба, какъ мы уже видѣли изъ предшествующей статьи (см. нашъ обзоръ въ декабрѣ) служила для Ницше источникомъ большихъ нравственныхъ мученій. Вагнеръ, никогда не интересовавшійся заглянуть въ душу своего молодого друга, поглощенный своей идеей и занятый личными дѣлами, не зналъ, да и не понималъ, что происходитъ съ Ницше. Его только нѣсколько обижало то, что Ницше уже далеко не съ прежнимъ энтузіазмомъ относится съ затѣянному имъ предпріятію, но когда Ницше, по пріѣздѣ въ Байретъ, увидалъ, что предпріятію грозитъ гибель, и что окружающіе Вагнера начали приходить въ уныніе и предсказывать полную неудачу предпріятію, то онъ почувствовалъ, какъ въ немъ проснулся прежній энтузіазмъ и прежнее поклоненіе генію Вагнера. Вагнеръ казался ему снова такимъ великимъ въ несчастіи и Ницше говорилъ, что долженъ посвятить ему свою жизнь. Въ эти минуты Ницше не-

навидѣлъ Германію, которая не могла понять и оцѣнить своего великаго національнаго генія и онъ готовъ былъ забросать ее оскорбленіями. Онъ искалъ, на комъ бы выместить свою злобу и случайно ему попался подъ руку Рихардъ Страусъ, представитель оффиціальной, сѣрой, буржуазной философіи, бывшій въ молодости свободомыслящимъ. Страусъ издалъ книгу «Древняя и новая вѣра». Ницше набросился на нее, точно на лакомую добычу, изучилъ ее до основанія и затѣмъ проанализировалъ ее и осмѣялъ въ страшно рѣзкомъ памфлетѣ, который произвелъ цѣлый скандалъ. Но Ницше отъ природы не былъ памфлетистомъ и, сдѣлавъ это, онъ тотчасъ же раскаялся. Когда же Рихардъ Страусъ умеръ спустя нѣсколько недѣль послѣ выхода въ свѣтъ брошюры Ницше, то отчаянію Ницше не было границъ—онъ буквально готовъ былъ считать себя убійцей Страуса. Его сестра и друзья напрасно стирались его разубѣдить и успокоить. Эти волненія вмѣстѣ съ усиленною мозговою дѣятельностью вызвали опять появленіе разныхъ физіологическихъ разстройствъ. На этотъ разъ, что особенно встревожило его близкихъ, у Ницше обнаружилось сильное разстройство зрѣнія и онъ почти ничего не видѣлъ. Но это не могло остановить лихорадочной работы мысли, и Ницше, пользуясь услугами своего вѣрнаго друга Герсдорфа, подготовилъ къ печати цѣлую серію брошюръ, которыя хотѣлъ издать подъ общимъ заглавіемъ «Unzeitgemässe Betrachtungen». Но кромѣ этой работы Ницше въ это же время занимался и другимъ дѣломъ. Байретскій комитетъ поручилъ ему написать воззваніе къ нѣмецкому народу, который долженъ былъ поддержать великое дѣло Вагнера. Вагнеръ «покинутый» снова сдѣлался прежнимъ кумиромъ для Ницше и онъ готовъ былъ служить ему пророкомъ. Ницше написалъ это возваніе въ необыкновенно возвышенномъ тонѣ, со всею торжественностью и глубиной, на какую только былъ способенъ. Воззваніе носило высокопарный и мѣстами угрожающій характеръ, и когда Ницше прочелъ его въ собраніи президентовъ комитета, то послѣдовало гробовое молчаніе. Никто не высказалъ ни одобренія, ни порицанія и только спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Ницше кончилъ читать, послышались замѣчанія: «Это черезчуръ высокопарно... недостаточно политично... надо сдѣлать кое-какія измѣненія». Ницше былъ пораженъ и тотчасъ же, не говоря ни слова, взялъ свое воззваніе и вышелъ.

Онъ еще оставался нѣсколько дней въ Байретѣ и видѣлъ Вагнера, который старался быть съ нимъ особенно любезнымъ, но Ницше снова разочаровался въ своемъ кумирѣ и дружескія проявленія Вагнера казались ему только лицемѣріемъ.

Онъ однако присутствовалъ на засѣданіяхъ собранія и видѣлъ, что положеніе дѣлъ становится все хуже. Германія не только не интересовалась предпріятіемъ Вагнера, но просто-на-просто ничего о немъ знать не хотѣла и съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе и труднѣе найти нужную сумму денегъ. Проекты займа, лоттереи были отклонены. Наскоро написанный манифестъ вмѣсто того, который составилъ Ницше, разосланъ былъ въ количествѣ 10.000 экземляровъ, но продано было лишь самое ничтожное количество. Затѣмъ было адресовано воззваніе болѣе чѣмъ ста нѣмецкимъ театрамъ, чтобы они пришли на помощь Байрейту; три театра отвѣтили отказомъ, остальные совсѣмъ не отвѣтили.

Ницше уѣхалъ изъ Байрейта и заболѣлъ. Два мѣсяца онъ не писалъ ничего и, повидимому, у него тогда появились уже неоспоримые признаки той болѣзни, зародышъ которой таился въ немъ давно. Но черезъ два мѣсяца развитіе недуга какъ будто пріостановилось и къ Ницше снова вернулась способность мыслить и работать. Онъ уѣхалъ вмѣстѣ со своею сестрою изъ Базеля и поселился въ деревнѣ, вблизи Рейнскаго водопада. Это было самое пріятное время его жизни; Ницше какъ будто совсѣмъ выздоровѣлъ и снова сдѣлался веселымъ

какъ во времена дѣтства. «Все идетъ хорошо,—писалъ онъ въ это время Гередорфу,—молодушіе, тоска—все это теперь отъ меня далеко!» Онъ не забылъ Вагнера и чувство, которое онъ питалъ къ нему, по прежнему служило для него источникомъ мученій. Какъ разъ въ это время онъ какъ-то въ разговорѣ замѣтилъ, что терпѣть не можетъ романовъ и питаетъ отвращеніе ко всѣмъ этимъ безконечнымъ любовнымъ іереміадамъ. «Но какое же другое чувство въ состояніи такъ же сильно возбуждать человѣка?» спросили Ницше. «Дружба!—воскликнулъ онъ; — она обусловливаетъ совершенно такіе же душевные кризисы, какъ и любовь, но только они происходятъ въ болѣе чистой атмосферѣ. Тутъ дѣйствуетъ сначала такое же взаимное влеченіе, основанное на общности взглядовъ, которое переходитъ потомъ во взаимное восхищеніе, желаніе прославлять друга. Затѣмъ, съ одной стороны возникаетъ недовѣріе, съ другой—сомнѣнія въ превосходствѣ своего друга и его идей. Наконецъ, появляется увѣренность, что разрывъ неизбѣженъ, хотя онъ и заставитъ страдать... О, въ дружбѣ заключаются всѣ эти страданія и многія другія, всѣхъ и не перечислить!»

Ницше самъ испыталъ всѣ эти душевныя страданія. Онъ все-таки любилъ Вагнера и никогда не переставалъ его любить, но видѣлъ, что въ немъ ошибся и страдалъ отъ этого. Когда байрейтскій кризисъ достигъ крайней степени, Ницше почувствовалъ, что ему нужно написать Вагнеру. Тутъ какъ разъ случилось совершенно неожиданное обстоятельство: баварскій король, бѣдный безумецъ, явился спасителемъ вагнеровскаго предпріятія, обѣщавъ дать нужную сумму денегъ для устройства театра. Въ Байрейтѣ были не совсѣмъ довольны тѣмъ, что Ницше въ своей послѣдней брошюрѣ ни однимъ словомъ не упомянулъ о Вагнерѣ и жена Вагнера сдѣлала ему въ письмѣ «деликатный» намекъ на этотъ счетъ. Ницше былъ глубоко задѣтъ письмомъ, такъ какъ г-жа Вагнеръ слишкомъ много распространялась о томъ, чѣмъ Ницше обязанъ своей близости съ Вагнеромъ и какъ благодѣтельно отразилась эта близость на произведеніяхъ Ницше. «Увы!—сказалъ Ницше своей сестрѣ, получивъ это письмо.—Посмотри, какъ меня уважаютъ въ Байрейтѣ».

Въ день рожденія Вагнера Ницше прислалъ ему поздравленіе. Вагнеръ отвѣтилъ ему любезнымъ приглашеніемъ, которое Ницше отклонилъ подъ какимъ-то предлогомъ. У него все-таки не хватило духа порвать окончательно съ Вагнеромъ. Онъ принялъ приглашеніе, сдѣланное въ третій разъ, и пріѣхалъ въ Байрейтъ. Но тутъ произошелъ слѣдующій эпизодъ: хотѣлъ ли Ницше доказать Вагнеру свою независимость, или же ему пришло въ голову попытаться «исправить» Вагнера, но только онъ захватилъ съ собою партитуру Брамса, котораго Вагнеръ терпѣть не могъ и которому завидовалъ. Ницше это зналъ и нарочно положилъ партитуру Брамса на самомъ видномъ мѣстѣ, на роялѣ, чтобы она бросилась въ глаза Вагнеру. Въ первый разъ Вагнеръ сдержался и не сказалъ ни слова, но когда онъ пришелъ во второй разъ и увидѣлъ снова эту партитуру, то вышелъ изъ себя и убѣжалъ, хлопнувъ дверью. Гнѣвъ его скоро прошелъ и, встрѣтивъ сестру Ницше, онъ разсказалъ ей о происшедшей сценѣ. «Ницше, я знаю, хотѣлъ мнѣ дать понять, что и этотъ человѣкъ написалъ хорошую музыку, ну и я, разумѣется, вышелъ изъ себя!»

Вагнеръ смѣялся, говоря это, и въ тотъ же вечеръ миръ былъ заключенъ. Но Ницше съ горечью сказалъ сестрѣ, когда она спросила его, что случилось: «О, Лиза! Вагнеръ не былъ великъ!..» Несмотря на примиреніе, Ницше чувствовалъ, что пропасть между ними все увеличивается. Онъ уѣхалъ изъ Байрета съ стѣсненнымъ сердцемъ. Здоровье его опять разстроилось; оно окончательно пошатнулось послѣ посѣщенія байрейтскихъ празднествъ, которые явились какъ бы послѣдней каплей, переполнившей чашу. Ницше глубоко страдалъ, присутствуя на представленіяхъ въ байрейтскомъ театрѣ; онъ вновь переживалъ все прошлое своей дружбы съ Вагнеромъ, свои иллюзіи, и, когда по окончаніи представленія

поднялась занавѣсь и къ публикѣ вышелъ самъ герой торжества—Вагнеръ, то Ницше особенно сильно почувствовалъ, какъ далекъ его идеалъ отъ дѣйствительности.

Такъ кончилась эта дружба. Ницше написалъ послѣ этого свой знаменитый памфлетъ: «Der Fall Wagner», но когда онъ писалъ его, онъ уже находился подъ вліяніемъ тяжелаго недуга и черезъ три мѣсяца былъ безвозвратно сумасшедшимъ.

О послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Гюи-де-Мопассана очень мало извѣстно. Несчастный писатель, какъ извѣстно, былъ помѣщенъ въ больницѣ для душевнобольныхъ доктора Бланша, гдѣ и умеръ черезъ полтора года. Въ теченіе этихъ 18 мѣсяцевъ онъ не видѣлъ никого изъ постороннихъ и даже ни разу не выразилъ желанія видѣть кого бы то ни было изъ прежнихъ знакомыхъ. Но одинъ близкій другъ покойнаго писателя все-таки имѣлъ къ нему доступъ въ больницу и часто навѣщалъ его. Въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Temps» этотъ другъ несчастнаго писателя говоритъ о тяжеломъ впечатлѣніи, которое онъ выносилъ изъ своихъ посѣщеній. Разсудокъ талантливаго писателя погибъ уже безвозвратно, когда его привезли въ больницу и не было никакой надежды спасти его. Въ первые дни поступленія его въ больницу туда являлись многіе изъ его друзей литераторы, артисты, желавшіе видѣть больного, и такъ какъ онъ былъ совершенно спокоенъ, то доктора разрѣшили навѣщать его, но когда Мопассану сказали, что его хотятъ навѣстить друзья и назвали ихъ фамиліи, то онъ покачалъ головой и сказалъ: «Не знаю, не знаю... никого не знаю!» Однажды докторъ Меріо принесъ Мопассану карточку одного изъ его бывшихъ собратовъ по перу. Когда Мопассанъ опять покачалъ головой, то докторъ сказалъ: «Вы его знаете, вѣдь это журналистъ X». При словѣ «журналистъ», Мопассанъ встрепенулся и повторилъ нѣсколько разъ съ гнѣвнымъ выраженіемъ «Bel Ami»... «Bel Ami», какъ будто хотѣлъ выказать этимъ свое презрѣніе къ журналистамъ.

Мало по-малу несчастный Мопассанъ дошелъ до такого состоянія, что совсѣмъ не могъ разговаривать. Онъ повторялъ цѣлыми часами какое-нибудь одно слово и когда хотѣлъ что-нибудь объяснить, то иногда повторялъ одно и то же слово разъ пятьдесятъ. Въ общемъ онъ былъ спокоенъ, прогуливался по парку или сидѣлъ цѣлыми часами въ креслѣ и ни о чемъ не думалъ. Внѣшняя жизнь какъ бы перестала существовать для него; онъ не помнилъ совершенно ни гдѣ, ни какъ онъ жилъ раньше. Когда ему показывали книги, гдѣ были напечатаны его произведенія, онъ съ удовольствіемъ ихъ разсматривалъ, но не узнавалъ ихъ.

Ни мать, ни отецъ Мопассана не могли навѣщать его въ больницѣ. Отецъ былъ разбитъ параличемъ, а мать, безгранично любившая и обожавшая своего сына, такъ была страшно потрясена болѣзью, что не могла рѣшиться видѣть его. Возлѣ Мопассана находилась его тетка, сестра его матери, не оставлявшая его до послѣдней минуты. Она была воспитательницей Мопассана, руководила его умственнымъ развитіемъ и внушила ему любовь къ литературѣ. Она была въ дѣтствѣ ангеломъ-хранителемъ Мопассана и осталась имъ до конца. Но была еще и другая женщина, писательница, которую Мопассанъ горячо любилъ и которая также хотѣла ухаживать за бѣднымъ больнымъ и раздѣлить заботы о немъ съ его теткой. Но ея присутствіе безпокоило больного и въ концѣ концовъ врачи должны были запретить ей навѣщать его. Несчастная женщина удалилась съ отчаяніемъ въ душѣ. Но она не переставала заботиться о Мопассанѣ и постоянно присылала ему въ больницу фрукты, цвѣты и т. п. Однажды она прислала ему великолѣпный виноградъ, но Мопассанъ такъ и не захотѣлъ попробовать его, увѣряя что онъ «изъ мѣди». Имя ея не возбуждало въ немъ никакихъ воспоминаній, и все, чѣмъ онъ жилъ, что дѣлало его счастливымъ нѣкогда, все это исчезло изъ его памяти навсегда!

Университетское движеніе въ Бельгіи.

(Письмо изъ Брюсселя).

University Extension въ Бельгіи отличается нѣсколькими любопытными и характерными для эволюціи движенія чертами. Говоря о немъ, тѣмъ болѣе дѣлая какіе-либо выводы, слѣдуетъ безпрестанно имѣть въ виду цѣлую систему внѣшнихъ условій, въ Бельгіи и количественно, и качественно отличающихся отъ подобныхъ же западно-европейскихъ, особенно восточно-европейскихъ условій. Бельгія наиболѣе густо населенная страна всего міра, сѣть желѣзнодорожныхъ и всякихъ иныхъ сообщеній въ ней гуще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ отношеніи начальнаго и средняго образованія она составляетъ прямую противоположность Россіи. На слишкомъ шесть милліоновъ жителей, Бельгія располагаетъ пятью университетами, громаднымъ числомъ библіотекъ, полутора тысячами періодическихъ изданій. Затѣмъ, необходимо помнить, что всю Бельгію изъ конца въ конецъ по всѣмъ направленіямъ можно проѣхать въ 3—4 часа и что между издержками жизни въ городахъ и деревняхъ здѣсь нѣтъ той разницы, которая наблюдается всюду. Благодаря послѣднему, а также паразительному развитію здѣсь промышленности и торговли, больше половины народонаселенія Бельгіи живетъ въ городахъ и, слѣдовательно, осуществляется одно изъ главныхъ условій возможности широкаго развитія распространенія университетскаго образованія. Если въ Австріи и Италіи распространеніе университетскаго просвѣщенія болѣе или менѣе систематически проводится въ жизнь какихъ нибудь 5—6 лѣтъ, то въ Бельгіи существованіе его насчитываетъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ и первые шаги его можно прослѣдить въ 1834—1835 г.г. Ясно, одни эти общія условія заставляютъ отнестись къ бельгійскому University Extension иначе, чѣмъ можно отнестись къ начальнымъ попыткамъ аналогичнаго общественнаго явленія въ другихъ странахъ. Но зависимостью отъ общихъ условій не исчерпываются особенности занимающаго меня движенія. Ихъ еще довольно много и бѣглой обрисовкой ихъ мнѣ кажется удобнымъ начать фактическое изложеніе.

Въ Бельгіи нѣтъ единаго спеціальнаго учрежденія, которое бы ставило своей цѣлью распространеніе университетскихъ знаній въ народѣ. Въ дѣлѣ устройства публичныхъ курсовъ, лекцій и занятій принимаютъ участіе и коммуны (т. е. точнѣе коммунальные совѣты), и разнообразные кооперативы, и такъ называемые «Maisons du Peuple», и профессіональные рабочіе союзы, и наконецъ особыя университетскія коммиссіи. Кто изъ нихъ дѣлаетъ больше, судить трудно, хотя въ количественномъ отношеніи, безспорно, слѣдуетъ отдать пальму первенства университетскимъ коммиссіямъ. Въ Бельгіи не существуетъ особаго законодательства о собраніяхъ съ научными цѣлями, и организаторамъ приходится считаться лишь съ параграфомъ органической конституціи, требующимъ, чтобы всякія собранія, на которыхъ что-либо пропагандируется, происходили въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Ни разрѣшеній, ни извѣщеній, понятно, никакихъ не требуется. Въ видѣ общаго правила, лекціи доступны всѣмъ, безъ различія возраста. Плата за слушаніе до смѣшного незначительна, особенно въ сравненіи съ русскими цѣнами. Обыкновенно за входъ на каждую отдѣльную лекцію назначаютъ 10 — 15, въ рѣдкихъ случаяхъ 20 сантимовъ (4—6—8 коп.), но громадное большинство лекцій совершенно безплатно. Плата за право слушанія систематическихъ вечернихъ курсовъ организованныхъ при брюссельскомъ University Nouvelle (50 курсовъ, т. е. около 300 лекцій, читаемыхъ такими лекторами, какъ Элизе Реклю, де-Греефъ, Энрико Ферри, М. Ковалевскій и др.), всего 40 франковъ (15 руб.), но практичные бельгійцы и это находятъ непомѣрно высокимъ.

На исключительныя лекціи, въ родѣ недавней конференціи Энрико Ферри въ брюссельскомъ Maison du Peuple на яркую злобу дня, собираются тысячи, но на учебный курсъ никогда еще даже въ Брюсселѣ не было случая, чтобы записывалось болѣе 250 человѣкъ. Лекторамъ приходится имѣть дѣло съ такими малочисленными аудиторіями, которыя въ Россіи зародили бы мысль о полной матеріальной и нравственной неудачѣ предпріятія. Но здѣсь привыкли смотрѣть иначе. Въ Бельгіи публичные курсы посѣщаются далеко не тѣми слушателями, которые въ отчаяніи отъ невозможности проникнуть въ храмы науки. Здѣсь доступъ въ университеты настолько легокъ, что даже лица со способностями, требующими большого снисхожденія, могутъ доставить себѣ роскошь высшаго образованія. Большинство рутинныхъ предразсудковъ и противорѣчій съ жизнью, въ родѣ недопущенія женщинъ или ограниченій для нѣкоторыхъ національностей, никогда не имѣли мѣста и не играли роли въ доставленіи обширнаго контингента слушателей для организаторовъ публичныхъ курсовъ. Эти послѣдніе вполнѣ довольствуются тремя категоріями лицъ: 1) людьми, не имѣющими средствъ и времени прослушать полный курсъ наукъ въ университетѣ; 2) пожилыми людьми обоего пола, желающими освѣжить запасъ своихъ идей и знаній, и, наконецъ, 3) лицами, особенно интересующимися какой-либо научной областью или дисциплиной. Такимъ образомъ, контингентъ слушателей составляется изъ фабричныхъ рабочихъ, прикащиковъ (лекціи устраиваются въ видѣ общаго правила отъ $8^1/_2$ — 10 ч. вечера), ремесленниковъ, зеленой молодежи, пожилыхъ папашъ и мамашъ и свѣтскихъ дѣвицъ. Какъ характерную черту, отмѣчаемую всѣми организаторами, слѣдуетъ упомянуть почти полное отсутствіе молодежи студенческаго возраста.

Въ противоположность Россіи, гдѣ отъ организаторовъ University Extension требуются главнымъ образомъ громадныя затраты личной энергіи, въ Бельгіи какъ лица, работающія надъ устройствомъ лекцій, такъ и лекторы, несутъ обыкновенно большія матеріальныя затраты, никѣмъ и ничѣмъ не окупаемыя, кромѣ сознанія самоотверженно и честно исполненнаго долга. До нѣкоторой степени оправдываетъ свои издержки лишь «странствующій университетъ» — особенное типичное явленіе бельгійскаго University Extension. Стараясь посѣщать мѣста, не особенно умудренныя университетской наукой и лишенныя интеллигентныхъ развлеченій, странствующій университетъ имѣетъ предпочтительную возможность собирать сравнительно густыя толпы слушателей. Я еще скажу о его дѣятельности нѣсколько словъ.

Организаторская дѣятельность въ области University Extension не концентрируется въ Бельгіи въ какомъ-либо одномъ учрежденіи, а распредѣлена между самыми разнообразными установленіями и лицами. Преслѣдуя, однако, главнымъ образомъ, свои прямыя цѣли, всѣ учрежденія не могутъ, т. е. до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не могли, создать ничего систематическаго и замѣтнаго по безспорнымъ результатамъ. За ихъ дѣятельностью въ намѣченномъ отношеніи трудно даже услѣдить, такъ какъ зачастую она почему-либо прекращается вовсе, а затѣмъ если и возрождается, то неравномѣрными скачками. Вполнѣ систематично, упорно и стойко особенно за послѣдніе годы добиваются своихъ не легкихъ цѣлей однѣ университетскія коммиссіи, на дѣятельность которыхъ слѣдуетъ поэтому обратить особенное вниманіе.

Прослѣдить дѣятельность университетскихъ коммиссій тѣмъ болѣе интересно, что онѣ группируютъ въ своихъ коротенькихъ ежегодныхъ отчетахъ кое-какія фактическія данныя, могущія обрисовать хотя въ общихъ чертахъ положеніе дѣла. Дѣятельность ихъ начинаетъ носить постоянный характеръ съ 1891 года, когда «Cercle des etudiants et anciens Etudiants de l'Universite Libre» (Союзъ студентовъ и прежнихъ слушателей вольнаго университета) образовалъ при брюссельскомъ Maison du Peuple особую секцію, посвященную наукамъ и искус-

ствамъ. Цѣлью секціи было объединеніе всѣхъ попытокъ провести въ народную среду научныя знанія въ одно стройное цѣлое. Не имѣя возможности сразу поставить дѣло на широкую ногу, секція на первый годъ ограничилась организаціей курсовъ по 1) гражданскому праву, 2) общественной экономіи, 3) математическимъ наукамъ и 4) исторіи Бельгіи. Эта незаконченность и случайность программы значительно отразилась на успѣхѣ предпріятія. Курсы посѣщались слабо и не пользовались популярностью. Такъ шли дѣла до 1893 года, въ началѣ котораго, по инииціативѣ виднаго общественнаго дѣятеля, депутата палаты и политическаго писателя Вандервельда, профессора Université Libré задумали создать при своемъ университетѣ нѣчто подобное англійскому типу University Extension. Въ коммиссію по устройству народнаго университета въ широкомъ смыслѣ этого слова вошли всѣ лучшіе и дѣятельнѣйшіе профессора, между прочимъ, Греефъ и Элизе Реклю, читавшіе тогда еще въ Université Libre. Въ первый же годъ она организовала 25 курсовъ по одной общей энциклопедической программѣ, составлявшихъ въ общей сложности 283 лекціи. Часть ихъ была читана внѣ Брюсселя въ различныхъ мѣстахъ страны. Всѣ лекціи имѣли сравнительно большой успѣхъ, но къ несчастью на слѣдующій же годъ такъ удачно начатое дѣло, едва не погибло. Въ стѣнахъ Université Libre произошелъ острый расколъ, значительная часть профессоровъ выдѣлилась и основала тутъ же въ Брюсселѣ Université Nouvelle. Разладъ между старой и молодой партіей былъ такъ великъ, что оставаться имъ въ одномъ учрежденіи являлось дѣломъ немыслимымъ. Между членами University Extension произошелъ разрывъ и профессора новаго университета основали свою отдѣльную коммиссію, дѣйствующую чрезвычайно энергично и до сихъ поръ.

О направленіи, задачахъ и составѣ дѣятельности обѣихъ коммиссій можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ ихъ устава. Параграфъ первый гласитъ, что University Extension, организованное при такомъ-то университетѣ, имѣетъ своей цѣлью распространять научныя свѣдѣнія и идеи при посредствѣ публичныхъ лекцій. Параграфъ седьмой требуетъ отъ этихъ лекцій исключительно научнаго характера, такъ какъ политическая пропаганда обладаетъ и безъ того своими средствами воздѣйствія на жизнь. Параграфы 8, 9 и 10 указываютъ, что лекціи могутъ быть организованы всюду, какъ центральной коммиссіей, такъ и ея филіальными отдѣленіями. По возможности, онѣ читаются въ школьныхъ помѣщеніяхъ, предпочтительно по вечерамъ, кромѣ воскресеній, когда ихъ можно читать и днемъ. Въ видѣ общаго правила, курсы состоятъ не менѣе, чѣмъ изъ шести лекцій. Всѣмъ слушателямъ раздается предъ началомъ чтенія силлабусъ, составленный профессоромъ и содержащій въ краткомъ видѣ лекцію. За слушаніе взимается самое умѣренное вознагражденіе, чтобы покрыть издержки по устройству. Профессорамъ назначено единообразное вознагражденіе въ 10 франковъ (3 р. 80 коп.).

Въ 1894 году курсы были организованы, кромѣ Брюсселя, еще въ пяти мѣстахъ (городахъ и деревняхъ) страны. Въ 1895—1896 гг. число филіальныхъ отдѣленій обѣихъ коммиссій достигло 11, а въ 1896—1897 г. — 17. Замѣтимъ кстати, что въ остальныхъ трехъ университетскихъ городахъ Бельгіи: Льежѣ (Люттихѣ), Лувэнѣ и Гэнтѣ дѣйствуютъ свои собственныя учрежденія по University Extension, такъ что дѣятельность брюссельскихъ коммиссій не распространяется на эти большіе города. За пятилѣтіе съ 1893 — 1897 г. лекціи посѣщались, въ среднемъ, не менѣе, чѣмъ 150 чел. каждая, считая въ томъ числѣ и даровыхъ слушателей. За этотъ періодъ времени въ Шарлеруа возникъ и укрѣпился особый народный университетъ со своими собственными лекторами. Въ числѣ лекторовъ отчеты называютъ сенаторовъ-юристовъ Пикара, Лафонтена и Гуго, депутатовъ палаты Вандервельда, Дэстре, Демблона, профессоровъ Греефа, обоихъ Реклю, Брукэра, Ферри и др. Кромѣ общеунивер-

ситетскихъ предметовъ юридическаго и философскаго содержанія, читались слѣдующіе особые курсы: 1) послѣдствія экономической эволюціи, 2) соціальная экономія. 3) профессіональная психологія, 4) рабочее право, 5) эволюція современной музыки и т. п.

Вполнѣ законченное энциклопедическое образованіе стремились дать публичные вечерніе курсы, открытые при Université Nouvelle въ Брюсселѣ. Нѣкоторое представленіе о нихъ можетъ дать слѣдующій списокъ курсовъ, читаемыхъ на нихъ въ нынѣшнемъ 1897—1898 г.

1. Позитивная эстетика — Petrucci; 2. Исторія искусства — Edm. Picard и Verhaeren; 3. Исторія итальянскаго Возрожденія—Joseph; 4. Исторія французскаго краснорѣчія—Cocq; 5. Возрожденіе театра—Picard: 6. Вилліамъ Шекспиръ, его драмы, комедіи, трагедіи—Seknoud; 7. Французскій романъ отъ Лесажа до Бальзака—тотъ же лекторъ; 8. Исторія музыки--Kufferath; 9. Первые итальянскіе живописцы—Destrée; 10. Исторія архитектуры—Haukar; 11. Промышленное искусство—Van de Velde. 1) Философія науки — Brouckére; 2) Общая исторія философіи науки—Петруччи; 3) Исторія философіи—Греефъ; 4) Этика. Эволюція морали—де-Роберти; 1) Элементарная соціологія—Греефъ; 2) Спеціальный курсъ соціологіи — тотъ же лекторъ; 3) Соціальный вопросъ — Brouez; 4) Аграрный вопросъ — Vandervelde; 5) Эволюція экономическаго строя — М. Ковалевскій; 6) Криминальная соціологія — Ferri; 7) Криминологія — Haman; 8) Соціальная гигіена—Bonmariage; 9) Проблемы современности—Desjardins; 10) Статистика—Vinck; Географія и исторія географіи — Elisée Reclus; Эволюція религіи — Elie Reclus, Египтологія—Galiment; Исторія математики—Girard; Исторія физики—Roarda; Курсы испанскаго, итальянскаго, португальскаго и другихъ языковъ.

Кромѣ того, объявлены еще слѣдующіе курсы, не вошедшіе въ программу: 1) Исторія соціальнаго положенія женщины; 2) Востокъ; 3) Яды въ организмахъ; 4) Современная исторія государствъ В. Азіи; 5) Исторія отношеній между церковью и государствомъ въ Россіи; 6) Соціометрія.

Плата за всѣ эти курсы, составляющіе въ общемъ отъ 250—300 лекцій, равняется какъ уже сказано, 40 франкамъ.

Дѣятельность провинціальныхъ отдѣленій комитета носитъ менѣе интенсивный и разносторонній характеръ, что происходитъ главнымъ образомъ отъ недостатка въ лекторахъ. Но все же и въ провинціи бываютъ интересные курсы. Такъ, напр., въ декабрѣ въ Лувьерѣ читался курсъ по исторіи англійскаго Трэдъюніониката (8 лекцій, плата 1 франкъ). Въ Шарлеруа за послѣднія двѣ недѣли прочитаны слѣдующіе курсы: Исторія современной Греціи; Великія эпохи исторіи земли; Границы ума и безумія; Коммунальное управленіе. Плата за входъ на каждую лекцію 10 сант. Первая лекція безплатна; курсы по шести лекцій. Странствующій университетъ, о которомъ я обѣщалъ сказать нѣсколько словъ, вотъ уже третій мѣсяцъ какъ путешествуетъ по Бельгіи и успѣлъ уже посѣтить 14 городковъ и деревень. Вотъ списокъ курсовъ, предложенныхъ вниманію учителей одной изъ деревень: 1) Религіозная революція въ Нидерландахъ въ XVI в. (6 лекцій); 2) Эволюція собственности (8 лекцій); 3) Умъ животныхъ и его эволюція (8 лекцій), 4) Нервная система (6 лекцій); 5) Эволюція искусства. Плата за всѣ курсы 6 франковъ. Лекціи странствующаго университета пользуются такимъ успѣхомъ, что провинціальная фламандская и французская печать наперерывъ перепечатываетъ ихъ въ фельетонахъ.

М. Гр.

Брюссель 9-го декабря 1897 г.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Обзоръ успѣховъ физiологiи.

Академика И. Тарханова.

Нельзя сказать, чтобы протекшiе два года ознаменовались какими-нибудь особенно блестящими открытiями въ области физiологiи или широкими и новыми гипотезами и теорiями, касающимися явленiй жизни; но работа упорная, систематическая шла почти во всѣхъ отдѣлахъ этой науки и дала не малое число цѣнныхъ фактовъ и притомъ неожиданныхъ, долженствующихъ измѣнить кореннымъ образомъ взгляды наши на многiе существенные процессы жизни. Съ этими наиболѣе выдающимися результатами движенiя нашей науки впередъ мы и намѣрены познакомить читателя.

Начнемъ съ ферментовъ или бродилъ—этихъ главныхъ агентовъ жизни. Всѣмъ, конечно, извѣстно, какое господствующее значенiе имѣютъ они въ химическихъ явленiяхъ жизни; все превращенiе пищевыхъ веществъ въ формы, удобныя для усвоенiя, совершается подъ влiянiемъ пищеварительныхъ ферментовъ, изъ коихъ одни превращаютъ крахмалъ въ сахаръ (птiалинъ), другiе переводятъ бѣлковыя вещества въ пептоны (пепсинъ, трипсинъ), третьи способствуютъ омыленiю жировъ, расщепляя ихъ на глицеринъ и жирныя кислоты (жировой ферментъ). Этимъ дѣло, однако не ограничивается; доказываютъ, какъ увидимъ, что самые процессы окисленiя, протекающiе какъ въ крови, такъ и въ глубинѣ тканей, нуждаются въ особыхъ посредникахъ-ферментахъ окисленiй (сперминъ и др.), безъ коихъ немыслимы ни обыкновенный метаморфозъ веществъ въ тѣлѣ, ни развитiе въ немъ энергiй. Но не только такiе общiе процессы нуждаются, какъ полагаютъ, въ содѣйствiи ферментовъ, безъ нихъ не обходятся даже, повидимому, столь мѣстныя ограниченныя явленiя, какъ свертыванiе крови; и тутъ для образованiя продукта свертыванiя—фибрина необходимъ такъ-называемый фибринъ-ферментъ, развиваемый разрушенiемъ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ крови. Къ категорiи подобныхъ же ферментовъ относится, конечно, и ферментъ, свертывающiй молоко, такъ-называемый сычужный ферментъ (Labferment), выработываемый желудкомъ—сычугомъ. Наклонность къ преумноженiю ферментовъ и къ подчиненiю имъ бельшинства основныхъ химическихъ явленiй въ тѣлѣ несомнѣнно существуетъ и полагаютъ, что и процессы созиданiя клѣточной протоплазмы, а равно и взрывчатаго разложенiя ея при жизни опредѣляются игрой соотвѣтствующихъ пластическихъ и разрушительныхъ ферментовъ. Животное тѣло обращается такимъ образомъ въ поле самыхъ разнообразныхъ ферментацiй и жизнь съ химической точки зрѣнiя могла бы по справедливости быть уподоблена грандiозному и сложному броженiю, какъ на это указывали, впрочемъ, такiе знаменитые ученые, какъ Клодъ Бернаръ и Гоппе-Зейлеръ.

Имѣется глубокій смыслъ въ томъ, что агентами превращеній жизнь выбрала себѣ ферменты; своей *ничтожной* разрушаемостью въ процессахъ превращенія веществъ и способностью производить черезъ это огромныя превращенія, присутствуя въ минимальныхъ дозахъ, ферменты прежде всего отвѣчаютъ основной чертѣ организаціи животныхъ—принципу экономіи веществъ и силъ. Въ этомъ ихъ главная и существенная особенность; затѣмъ важна ихъ химическая индифферентность ко всему тому, что не относится къ спеціальному физіологическому назначенію ихъ, слѣдовательно, ихъ полная безвредность для живыхъ тканей и органовъ и, наконецъ, то, что животные ферменты приспособлены въ своихъ функціяхъ къ физико-химическимъ условіямъ той внутренней среды организма, т. е. къ температурѣ, реакціи и т. д., среди которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Не касаясь другихъ общихъ свойствъ ферментовъ, скажемъ, что, по составу своему, это сложныя азотистыя тѣла, отличающіяся по реакціямъ отъ обыкновенныхъ бѣлковыхъ веществъ и что они принадлежатъ къ ряду самыхъ интимныхъ и важныхъ продуктовъ внутри клѣточнаго обмѣна; поэтому химическая конституція ихъ представляется по сіе время еще въ высокой степени темной и ни одинъ изъ животныхъ ферментовъ не былъ еще полученъ лабораторно синтетическимъ путемъ. Пока можно утверждать только, что всѣ животные ферменты являются однимъ изъ самыхъ важныхъ продуктовъ жизнедѣятельности особыхъ клѣтокъ, входящихъ въ составъ различныхъ железъ; изготовлять ихъ могутъ, однако, и другія клѣтки, не относящіяся съ виду къ железистымъ клѣткамъ, даже свободные элементы въ родѣ бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ, различныхъ микроорганизмовъ—бактерій и кокковъ; по крайней мѣрѣ, изслѣдованіями Ranvier было выяснено, что бѣлые кровяные шарики могутъ переваривать въ себѣ и куски бѣлковыхъ веществъ, и зерна углеводовъ и жировъ и, слѣдовательно, они внутри себя вырабатываютъ соотвѣтствующіе для перевариванія этихъ веществъ ферменты; также точно извѣстны микроорганизмы, изъ коихъ одни прекрасно пептонизируютъ бѣлки, другіе—легко превращаютъ крахмалъ въ сахаръ, третьи омыляютъ жиръ и, слѣдовательно, мы въ правѣ сдѣлать то заключеніе, что ферменты представляютъ весьма широкое распространеніе въ живомъ мірѣ организмовъ и что они являются необходимѣйшими и неизбѣжными спутниками жизни.

Только до сихъ поръ принято было рѣзко разграничивать ферменты, *неорганизованные* отъ *организованныхъ*, причисляя къ категоріи первыхъ всѣ пищеварительные и другіе ферменты, легко извлекаемые изъ железистыхъ органовъ и тканей и дѣйствующіе въ качествѣ простыхъ химическихъ соединеній, какъ-то: пепсинъ, трипсинъ, птіалинъ и т. д., а къ категоріи вторыхъ—всѣ *живые* микроорганизмы-производители разнообразныхъ формъ броженій—спиртового броженія, молочнаго, маслянокислаго, болотнаго, гнилостнаго и т. д. Основой для подобнаго разграниченія служилъ тотъ фактъ, что броженія, вызываемыя организованными ферментами, т. е. микроорганизмами, совершаются только *при жизни* послѣднихъ и, слѣдовательно, связаны съ жизнедѣятельностью ихъ, тогда какъ неорганизованные ферменты, въ родѣ пепсина, птіалина, сычужнаго, жирового фермента, дѣйствуютъ въ качествѣ простыхъ химическихъ реактивовъ, не имѣющихъ никакой связи съ жизнью. Другими словами: организованные ферменты считались всегда живыми реактивами, уничтожавшимися тотчасъ при прекращеніи жизни носителей ихъ, тогда какъ неорганизованные представлялись простыми химическими веществами, поддающимися извлеченію изъ производящихъ ихъ клѣтокъ и органовъ.

Кромѣ того, Поль Беръ указалъ, что дѣйствіемъ высокаго атмосфернаго давленія легко рѣшить, съ какими ферментами имѣютъ дѣло—съ организованными или неорганизованными, а именно, послѣ его изслѣдованій стало извѣстно, что всѣ живые организмы погибаютъ при сгущеніи воздуха до 15—20 атмо-

сферъ; подвергая такимъ сгущеніямъ организованные и неорганизованные ферменты, онъ замѣтилъ, какъ и слѣдовало ожидать, что броженія отъ ферментовъ первой категоріи совершенно прекращаются, тогда какъ ферменты второй категоріи продолжаютъ дѣйствовать какъ ни въ чемъ не бывало. Все это укрѣпляло какъ нельзя болѣе убѣжденіе въ принципіальныхъ разницахъ между тѣми и другими ферментами. Вотъ какъ стоялъ вопросъ о ферментахъ до послѣдняго времени; но то, что было, однако, такъ ясно и съ виду установлено, начинаетъ мало-по-малу расшатываться, благодаря новѣйшимъ работамъ по этому вопросу и въ особенности по свертыванію крови.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что кровь по изліяніи ея изъ сосудовъ быстро свертывается въ студенистую массу, состоящую изъ новообразующагося при этомъ тѣла, именуемаго фибриномъ. Самопроизвольная остановка кровотеченій послѣ пораженія или разрыва сосудовъ обязана свертыванію крови въ этихъ мѣстахъ и образованію фибринныхъ пробокъ, закупоривающихъ поврежденныя мѣста сосудовъ. Въ этомъ смыслѣ акту свертыванія крови можно приписать, какъ это дѣлаетъ Бунге, цѣлесообразное значеніе и отсутствіе подобной способности крови къ самопроизвольному свертыванію можетъ повести къ смертельнымъ кровотеченіямъ.

Изъ изслѣдованій А. Шмидта и его учениковъ мы знаемъ, что актъ свертыванія крови не обходится безъ содѣйствія особаго фермента, такъ-называемаго фибринъ-фермента, дѣйствующаго на два другихъ бѣлковыхъ тѣла при образованіи фибрина: благодаря только взаимодѣйствію этихъ трехъ факторовъ и происходитъ актъ свертыванія крови. Самъ фибринъ-ферментъ развивается изъ разрушающихся бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ и, слѣдовательно, подобно всѣмъ остальнымъ ферментамъ является продуктомъ клѣточнаго метаморфоза или разрушенія. Свертываніе крови относится, слѣдовательно, къ ряду бродильныхъ процессовъ, ближе всего стоящихъ, напр., къ процессу свертыванія молока подъ вліяніемъ сычужнаго фермента; и тутъ, и тамъ ферментъ обусловливаетъ переходъ жидкости въ твердое желеобразное состояніе.

Новѣйшія работы Pekelharing'а надъ фибринъ ферментомъ, подтвержденныя Halliburton'омъ и Wright'омъ, бросаютъ совершенно новый свѣтъ на природу ферментовъ вообще и ставятъ все изученіе ихъ на совершенно химическую почву. Изъ всѣхъ относящихся къ этому вопросу новѣйшихъ работъ, повидимому, слѣдуетъ, что фибринъ-ферментъ, или такъ-называемый *тромбинъ*, есть ничто иное, какъ соединеніе нуклео-альбумина съ известью, образующееся во время свертыванія крови. Нуклеинъ, это—фосфоръ содержащее бѣлковое тѣло, принадлежащее клѣточному ядру, освобождающееся при разрушеніи бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ и переходящее въ кровяную плазму (т. е. въ жидкую часть крови); тутъ онъ соединяется съ известковыми солями, всегда имѣющимися въ плазмѣ, и образуетъ, какъ оказывается, настоящій фибринъ-ферментъ. Это соединеніе оказывается посредникомъ между солями извести съ одной стороны и особымъ бѣлковымъ веществомъ кровяной плазмы, а именно фибриногеномъ; передавая известь фибриногену, нуклеинъ переводитъ послѣдній въ фибринъ; затѣмъ нуклеинъ вновь связываетъ известь плазмы, передаетъ ее новымъ порціямъ фибриногена для превращенія ихъ въ фибринъ и т. д. до полнаго истощенія всего запаса фибриногена въ крови. Такимъ образомъ, весьма малое количество фермента, представляемаго здѣсь нуклеоальбуминатомъ извести, достаточно для превращенія большихъ количествъ фибриногена въ фибринъ. Ферментъ является, такимъ образомъ, неразрушаемымъ, лишь бы были возлѣ него достаточныя количества солей извести, которыя бы онъ могъ связывать и переводить на фибриногенъ.

Эту остроумную теорію Pekelharing доказалъ и прямымъ путемъ, приготовивъ фибринъ-ферментъ дѣйствіемъ хлористой извести на нуклео-альбуминъ,

извлеченный изъ различныхъ тканей или даже на казеинъ молока. Такой искусственный продуктъ обладаетъ всѣми реакціями фибринъ-фермента.

Сычужный ферментъ, свертывающій молоко, представляетъ въ этомъ отношеніи много аналогій съ фибринъ-ферментомъ и Lilienfeld признаетъ почти полное тождество между процессами свертыванія крови и молока и, для послѣдняго соли извести играютъ совершенно то же значеніе, какъ и для свертыванія крови.

Итакъ, тѣло, дѣйствующее тожественно съ фибринъ-ферментомъ, было получено искусственно путемъ соединенія нуклео-альбумина съ известью; это первый примѣръ искусственнаго воспроизведеніи фермента, выработка котораго составляла исключительную прерогативу клѣточной дѣятельности. Но изслѣдованіе нашего вопроса двинулось, какъ увидимъ еще дальше; Pickering и Halliburton показали, что фосфоръ содержащіе коллоиды, синтетически полученные извѣстнымъ химикомъ Grimaux, путемъ нагрѣванія до 125° и 135° Ц. въ запаянныхъ трубкахъ пятихлористаго фосфора и мета-амидо-бензойной кислоты, дѣйствуютъ на кровяную плазму такъ же, какъ и фибринъ-ферментъ, или, другими словами, какъ нуклео-альбуминатъ извсети; эти коллоиды, введенные въ кровь, вызываютъ даже всеобщее внутрисосудистое свертываніе крови. Очевидно, что мы лицомъ къ лицу съ синтетическимъ приготовленіемъ фермента или, по крайней мѣрѣ, тѣла, весьма близкаго къ нему. Это уже представляетъ крупный шагъ впередъ и дальнѣйшее изученіе ферментовъ вступаетъ тѣмъ самымъ въ новую чисто химическую фазу.

Очень интересно наблюденіе Halliburton'a и Pickering'a, показавшихъ, что растворы этого синтетически полученнаго фосфористаго коллоида не вызываютъ свертыванія крови у животныхъ альбиносовъ, напр., у *бѣлыхъ* кроликовъ, тогда какъ на цвѣтныхъ опытъ вполнѣ удается. Наблюденіе это подтвердилось и на полярномъ зайцѣ въ его двухъ одѣяніяхъ; зимой, когда шерсть его бѣла, растворы этого фосфористаго коллоида не вызываютъ у него свертыванія крови, и то же вещество даетъ положительный результатъ лѣтомъ, когда шерсть животнаго измѣняется изъ бѣлой въ цвѣтную. Обстоятельство это въ высокой степени интересно, такъ какъ служитъ первымъ явнымъ доказательствомъ того, что цвѣтъ животныхъ не представляетъ собою ничтожный признакъ, не связанный ни съ какими сторонами его организаціи или состава, какъ это думали до сихъ поръ. Оказывается, что кровь альбиносовъ, судя по ея реакціи на фосфористый коллоидъ Grimaux, иная, чѣмъ у тѣхъ же животныхъ въ пигментированномъ видѣ. Опытъ этотъ кладетъ начало новымъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи и, быть можетъ, они и откроютъ подъ конецъ нѣкоторыя данныя касательно того значенія, которое можетъ имѣть цвѣтъ волосъ и кожи у людей въ тѣлесной и духовной сторонѣ ихъ жизни. Возможно, что старые авторы и имѣли нѣкоторыя основанія для классифицированія людей, смотря по тому, брюнеты ли они или блондины и т. д., на сангвиниковъ, флегматиковъ и т. д. Будущее покажетъ, на сколько предположенія эти справедливы.

Мы видѣли, что нуклео-альбуминатъ извести, соотвѣтствующій фибринъ-ферменту есть продуктъ разрушенія ядра бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ и уже А. Шмидтъ давно доказалъ, что элементы эти крайне легко и быстро разрушаются при изліяніи крови изъ сосудовъ. Понятно отсюда, что вещества предохраняющія эти бѣлые шарики отъ разрушенія, должны препятствовать свертыванію крови, такъ какъ при этомъ не можетъ образоваться необходимый для этого фибринъ-ферментъ. Опыты вполнѣ оправдали это предположеніе. Пропептоны, пептоны извѣстны уже давно, какъ вещества, уничтожающія надолго способность крови къ свертыванію; они въ то же время оказываются и веществами, хорошо сохраняющими бѣлые кровяные шарики. Въ этомъ отношеніи выдается особенно *гистонъ* Лиліенфельда, представляющій лучшую среду для сохраненія бѣлыхъ

кровяныхъ шариковъ живыми внѣ тѣла; тотъ же *гистонъ* прекрасно предохраняетъ кровь отъ свертыванія. Вещество это есть также продуктъ раздвоенія ядра бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ; такимъ образомъ оказывается, что ядро бѣлыхъ шариковъ при химическомъ расщепленіи даетъ, съ одной стороны, нуклеоальбуминъ, сильно способствующій свертыванію крови, а съ другой—нуклеогистонъ Лиліенфельда, наоборотъ, задерживающій свертываніе; два тѣла антагониста, изъ коихъ первое преобладаетъ всегда въ выпущенной крови и обусловливаетъ ея свертываніе. Въ нормальной же крови, по прежнему еще мнѣнію А. Шмидта, эти тѣла, способствующія свертыванію и задерживающія его, взаимно уравновѣшиваются и кровь остается въ жидкомъ состояніи.

Интересна еще одна особенность, касающаяся образованія въ тѣлѣ веществъ, уничтожающихъ способность крови къ свертыванію. Изъ новѣйшихъ опытовъ Gley'я и Pachon и Delezenne ясно слѣдуетъ, что мѣстомъ образованія веществъ, препятствующихъ свертыванію крови, является если не исключительно, то по преимуществу печень. Болѣе тщательный анализъ показалъ, что сами пептоны или пропептоны, примѣшанные къ выпущенной крови, не предохраняютъ ее отъ свертыванія, но что они достигаютъ этого результата при введеніи ихъ въ кровь, обращающуюся въ тѣлѣ. Очевидно, что несвертываемость крови при этомъ зависитъ отъ новообразованія въ тѣлѣ какого то новаго антисвертывающаго вещества подъ вліяніемъ введенныхъ въ тѣло пептоновъ или пропептоновъ. Тщательные опыты съ исключеніемъ тѣхъ или другихъ органовъ изъ жизненнаго оборота показали, что мѣстомъ новообразованія такихъ антисвертывающихъ тѣлъ является печень. Безъ нея, впрыскиваніе въ кровеносную систему пептоновъ и пропептоновъ не уничтожаетъ способности крови къ свертыванію. Интересно было бы поэтому посмотрѣть, какъ измѣняется нормальная свертываемость крови послѣ выключенія печени изъ круга воротнаго кровообращенія путемъ образованія искуственной фистулы между воротной и нижней полой, направляющей прямо кровь изъ первой во вторую въ обходъ печени. Впрочемъ, такія антисвертывающія вещества должны вырабатываться и въ другихъ участкахъ тѣла, судя по тому, напр., что, по опытамъ И. Павлова, кровь, обращающаяся исключительно по системѣ легочныхъ сосудовъ и сердцу, утрачиваетъ вполнѣ способность къ свертыванію.

Какъ видитъ читатель, столь важный вопросъ о свертываніи крови изобилуетъ массой интереснѣйшихъ деталей, еще ожидающихъ своего разъясненія и потому въ немъ приходится встрѣчаться до сихъ поръ еще съ совершенно неожиданными явленіями, какъ это, напр., можно видѣть изъ слѣдующаго открытія Delezenne. Всѣмъ было извѣстно, что птичья кровь свертывается при пораненіи сосудовъ несравненно быстрѣе чѣмъ кровь остальныхъ животныхъ; не успѣетъ кровь просочиться на поверхность раны, какъ она уже свертывается въ компактный комокъ фибрина. Это явленіе казалось даже въ высшей степени цѣлесообразнымъ, такъ какъ извѣстно, что птицы при ихъ быстромъ обмѣнѣ веществъ, при ихъ высокой нормальной температурѣ тѣла болѣе другихъ животныхъ нуждаются въ крови и, сообразно съ этимъ, онѣ одарены относительно большей массой крови, нежели остальныя животныя. У нихъ, какъ извѣстно масса крови составляетъ около $^1/_{10}$ вѣса тѣла, тогда какъ у млекопитающихъ животныхъ это отношеніе равно $^1/_{12}$ — $^1/_{13}$. Понятно, что и къ потерямъ крови птицы должны относиться чувствительнѣе, а слѣдовательно, быстрое свертываніе крови у нихъ, предупреждающее лишнія потери ея, должно было считаться весьма цѣлесообразнымъ явленіемъ. Каково же послѣ этого было слышать, что птичья кровь, вытекающая прямо изъ кровеноснаго сосуда черезъ вставленную въ него канюлю и собираемая въ стаканѣ, напротивъ того, свертывается съ чрезвычайной медленностью въ теченіе почти шести часовъ, такъ что плавающіе въ этой крови красные кровяные шарики успѣваютъ осѣсть и надъ ними уста-

навливается слой безцвѣтной плазмы. Стоитъ, однако, прибавить къ полученной такимъ образомъ птичьей крови хоть каплю жидкости, полученной выдавливаніемъ изъ тканей, какъ кровь моментально свертывается; очевидно, что въ нормальной птичьей крови не достаетъ въ началѣ одного изъ факторовъ свертыванія и что онъ образуется въ тканяхъ; самый же процессъ быстраго свертыванія крови, когда она попадаетъ на поверхность раны, обусловливается не собственной наклонностью крови къ этому процессу, а воздѣйствіемъ на нее тканей. Этотъ удивительный результатъ, открывая новое интересное поле для изслѣдованій, въ то же время ясно указываетъ, какое огромное значеніе имѣютъ живыя стѣнки сосудовъ для поддержанія жидкаго состоянія крови; оказывается, что кровь птичья окружена отовсюду тканями, способными перевести моментально всю кровь въ твердое состояніе, если бы послѣдняя не была отдѣлена отъ нихъ живыми тончайшими стѣнками сосудистыхъ капилляровъ, вполнѣ парализующими это дѣйствіе и тѣмъ спасающими жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя была бы немыслима при свернутомъ состояніи крови, такъ какъ кровообращеніе должно было бы мгновенно прекратиться.

Оставляя теперь явленія свертыванія крови, бросившія нѣкоторый новый свѣтъ на природу ферментовъ, упомянемъ о работѣ Ed. Buchner'а надъ алкогольнымъ броженіемъ безъ помощи бродильныхъ грибковъ. Извѣстно, что броженіе это разсматривалось до самаго недавняго времени какъ процессъ, обязанный жизнедѣятельности и развитію особыхъ организованныхъ ферментовъ, а именно клѣтокъ, пивныхъ дрожжей. Buchner растиралъ пивныя дрожжи вмѣстѣ съ кварцевымъ порошкомъ и водой и подвергалъ ихъ прессованію въ сукнѣ подъ давленіемъ 400—500 атмосферъ; при этомъ получался сокъ, слегка мутноватый, который для дальнѣйшей очистки смѣшивался съ кварцевымъ порошкомъ, а затѣмъ, по осажденіи взвѣшенныхъ частицъ, фильтрованію. Изъ кило дрожжей ему удавалось выжать до 500 куб. с. жидкости, изъ коихъ около 300 куб. сант. выпадали на долю сока клѣтокъ пивныхъ дрожжей. Полученный такимъ образомъ клѣточный сокъ представляетъ чистую, слегка опалесцирующую жидкость, пріятнаго дрожжеваго запаха и содержитъ соли и, судя по присутствію въ ней азота, бѣлковыя вещества.

Самымъ интереснымъ свойствомъ этой жидкости является способность ея вызывать, подобно дрожжевымъ клѣткамъ, спиртовое броженіе тростниковаго и виноградного сахара; тогда какъ на молочный сахаръ и на маннитъ жидкость эта, также какъ и дрожжевыя клѣтки, не оказываютъ никакого дѣйствія. Чтобы устранить всякое подозрѣніе о присутствіи въ такой жидкости клѣтокъ пивныхъ дрожжей или частицъ ихъ, Buchner фильтровалъ ее черезъ извѣстный фильтръ Berkfeldt'а, удерживающій всѣ форменные элементы, и эта предосторожность, какъ оказалось, не уничтожила ферментативную силу этой жидкости.

Изъ этихъ опытовъ явно слѣдуетъ, что для вызова спиртового броженія нѣтъ вовсе нужды въ такомъ сложномъ организованномъ ферментѣ, каковымъ является дрожжевая клѣтка и что для этого достаточно выдавленное изъ нея растворимое въ водѣ вещество, вѣроятно, бѣлковой природы, названное авторомъ *зимасой*. Другими словами, и не организованные ферменты вызываютъ броженія химическими, вырабатываемыми ими продуктами, которые также поддаются извлеченію изъ тѣла бродильныхъ клѣтокъ, какъ пищеварительные неорганизованные ферменты изъ клѣтокъ различныхъ пищеварительныхъ железъ. Заключеніе это представляетъ высокое біологическое значеніе, такъ какъ уничтожаетъ принципіальную разницу между двумя категоріями ферментовъ — организованныхъ и неорганизованныхъ. И тутъ, и тамъ непосредственнымъ возбудителемъ броженій является не жизнедѣятельность клѣтокъ, а вырабатываемые

ими химическіе возбудители броженій въ одномъ случаѣ легко, а въ другомъ—трудно извлекаемые изъ тѣла клѣтки. Броженіе сахара подъ вліяніемъ *зимасы* можетъ совершаться или внутри дрожжевой клѣтки или, вѣроятнѣе, внѣ клѣтки подъ вліяніемъ выдѣленнаго ею наружу спеціальнаго фермента спиртового броженія; и броженіе это можетъ по стольку считаться физіологической функціей дрожжевыхъ клѣтокъ, по скольку послѣднія выдѣляютъ этотъ химическій ферментъ только при жизни своей. Для большей доказательности своихъ положеній и устраненія сдѣланныхъ возраженій, что въ выжимки дрожжей могло все же попасть нѣкоторое число дрожжевыхъ ячеекъ, придавшихъ ферментативную силу этимъ выжимкамъ, *Buchner* въ однихъ опытахъ прибавлялъ къ нимъ хлороформъ, бензинъ, мышьяковокислый натръ, какъ извѣстно, задерживающіе всякую жизнедѣятельность дрожжевыхъ ячеекъ, а въ другихъ кипятилъ эти выжимки въ теченіе 6 часовъ и, не смотря на это, они все же продолжали вызывать и въ томъ и другомъ случаѣ спиртовое броженіе. Очевидно, что дѣло не въ дрожжевыхъ ячейкахъ, а въ образованныхъ ими химическихъ продуктахъ—настоящихъ возбудителяхъ спиртового броженія.

Уже въ 1858 году Traube, а за нимъ и Hoppe-Zeyler защищали тотъ взглядъ, что спиртовое броженіе вызывается химическимъ началомъ или ферментомъ бѣлковой природы, выдѣляемымъ дрожжевой клѣткой. Отдѣленіе же такого фермента или энзима отъ дрожжевой клѣтки никому еще, по словамъ автора, не удавалось и его опытъ представляетъ только первую удачную попытку въ этомъ направленіи.

Очевидно, Buchner упустилъ изъ виду работу нашей ученой соотечественницы М. М. Манасеиной, сдѣланную уже 27 лѣтъ тому назадъ въ лабораторіи проф. Визнера въ Вѣнѣ (въ 1871 г.) и опубликованную тогда же на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Она убивала дрожжевыя клѣтки двоякимъ путемъ: высокими температурами, доходившими до 300—308 Ц. и сильнымъ растираніемъ ихъ въ ступкѣ, длившимся отъ 6 до 15 часовъ; безусловно убитыя такимъ образомъ дрожжевыя клѣтки, внесенныя въ жидкость, содержащую сахаръ, развивали спиртъ, въ чемъ авторъ убѣждался реакціей на альдегидъ и образованіемъ кристалловъ іодоформа. Изъ многочисленныхъ опытовъ своихъ авторъ заключаетъ, что для распаденія сахара на угольную кислоту и алкоголь нѣтъ надобности *въ живой* дрожжевой ячейкѣ, а специфическое бродило алкогольнаго броженія образуется въ живой дрожжевой ячейкѣ подобно тому, какъ эмульсинъ въ сладкомъ миндалѣ. Нельзя было яснѣе выразить чисто химическую точку зрѣнія на процессы спиртового броженія, уже тогда стиравшую всякія принципіальныя разницы между такъ называемыми организованными и неорганизованными ферментами, тѣмъ болѣе, что М. М. Манасеина тогда же высказала, что для образованія спирта, вѣроятно, необходимо, чтобы бродило, находящееся въ дрожжевыхъ ячейкахъ посредствомъ эндо и экзосмоза, пришло въ соприкосновеніе съ жидкостью, способною къ броженію. Само собою понятно, прибавляетъ она, что въ мертвой и, къ тому же, проваренной или нагрѣтой дрожжевой ячейкѣ эти процессы должны совершаться гораздо медленнѣе, чѣмъ въ живой клѣточкѣ.

Итакъ, всѣ крупные выводы разбираемой нами новѣйшей работы Buchner'а были уже сдѣланы почти три десятка лѣтъ тому назадъ М. М. Манасеиной; она растирала дрожжевыя ячейки съ мелкимъ порошкомъ горнаго хрусталя, она вдобавокъ ихъ умерщвляла дѣйствіемъ высокихъ температуръ, чего не дѣлалъ г. Buchner въ первой своей работѣ и при всемъ томъ получала спиртовое броженіе; единственно чего она не сдѣлала—это фильтрованія выжимокъ изъ дрожжевыхъ клѣтокъ, съ цѣлью разобщенія химическаго фермента отъ носителя его—дрожжевой клѣтки. Впрочемъ, это и не было необходимо въ ея опытахъ, гдѣ дрожжевыя ячейки были безусловно мертвы и гдѣ онѣ, слѣдова-

тельно, не могли участвовать въ качествѣ живыхъ агентовъ; если дѣйствіе обнаружилось, то оно могло быть отнесено только, къ дѣйствію химическаго фермента.

Остается непонятнымъ только какимъ это образомъ Buchner могъ упустить такую крупную работу и приписать себѣ исключительно опытное доказательство идей, столь ясно выраженныхъ и подкрѣпленныхъ уже болѣе четверти вѣка тому назадъ нашей ученой соотечественницей.

Каждому должно быть ясно широкое біологическое значеніе тѣхъ выводовъ, къ которымъ мы только что пришли. Если изъ одной формы организованныхъ ферментовъ, а именно изъ дрожжевыхъ ячеекъ мы умѣемъ извлечь дѣятельный химическій ферментъ спиртового броженія, то понятно, что надежды эти могутъ быть распространены и на весь остальной міръ организованныхъ ферментовъ, куда относятся и всевозможные кокки и бактеріи. Тому же методу растиранія и прессованія могутъ подвергаться и они и давать различные ферменты и химическія начала, могущіе играть весьма важное значеніе какъ въ біологіи, такъ и медицинѣ.

Мы и знаемъ, что провозглашенный недавно новый кохинъ или туберкулинъ, на который возлагались вновь столь розовыя надежды въ борьбѣ съ чахоткой, приготовляется главнымъ образомъ путемъ растираніи чахоточныхъ бациллъ и извлеченія изъ нихъ различныхъ началъ, примѣнявшихся уже къ больнымъ. Къ сожалѣнію, ожиданія на счетъ цѣлебной силы такихъ экстрактовъ не оправдались и для насъ важно отмѣтить только, что этотъ методъ растиранія микроорганизмовъ съ цѣлью извлеченія изъ нихъ дѣятельныхъ химическихъ началъ, примѣнявшійся впервые надъ дрожжевыми ячейками Lüdersdorf'омъ, затѣмъ Манасеиной, Buchner'омъ и Koch'омъ, нынѣ считается однимъ изъ крупныхъ нововведеній въ методику добыванія различныхъ началъ изъ всевозможныхъ клѣточныхъ образованій. Можно пожалѣть только, что методъ энергичнаго и продолжительнаго растиранія мало или вовсе почти не примѣнялся къ извлеченію различныхъ химическихъ соединеній изъ клѣтокъ различныхъ органовъ тѣла, въ особенности железистыхъ аппаратовъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что органотерапія вскорѣ вступитъ на этотъ путь.

Итакъ, нѣтъ принципіальной разницы между организованными и неорганизованными ферментами: и тѣ, и другіе вызываютъ броженія вырабатываемыми или химическими продуктами—возбудителями броженій, эти послѣдніе могутъ быть выдѣлены изъ производящихъ ихъ клѣтокъ и не нуждаются, слѣдовательно, для дѣйствія своего въ жизни самихъ клѣтокъ. Такая находка, конечно, сильно расширитъ поле чисто химическихъ изслѣдованій всѣхъ растительныхъ и животныхъ ферментовъ—этихъ главныхъ агентовъ жизни и тѣмъ приблизитъ насъ къ пониманію процессовъ, лежащихъ въ основѣ ея.

Всѣмъ извѣстно, конечно, что въ пищеварительномъ каналѣ животныхъ и людей находятся и дѣйствуютъ всегда ферменты двоякаго рода: неорганизованные и организованные; къ числу первыхъ относятся всѣ ферменты, выработываемые пищеварительными железами и изливаемые въ кишечный каналъ вмѣстѣ съ соками этихъ железъ; къ числу вторыхъ разные микроорганизмы различныхъ формъ броженій, какъ-то: гнилостнаго, молочнокислаго, маслянокислаго, болотнаго съ развитіемъ различнѣйшихъ газовъ: сѣроводорода, амміака, азота, углекислоты, водорода и болотнаго газа. Пока участіе микроорганизмовъ въ кишечномъ каналѣ опредѣлялось развитіемъ ими разнообразныхъ формъ ненужныхъ для человѣка броженій, до тѣхъ поръ на нихъ смотрѣли, какъ на неизбѣжное зло, трудно устранимое въ виду ихъ легкой проникаемости въ кишечный каналъ вмѣстѣ съ пищей и питьемъ; вредъ, причинявшійся ими, вы-

ражался нерѣдко явленіями самоотравленія организма различными вредными продуктами распада, какъ твердыми, такъ и газообразными—въ родѣ различныхъ гнилостныхъ птомаиновъ, сѣроводорода, болотнаго газа и др. Это убѣжденіе казалось тѣмъ болѣе основательнымъ, что сами пищеварительные ферменты—птіалинъ, пепсинъ, трипсинъ, жировой ферментъ вовсе не ведутъ къ развитію какихъ бы то ни было вредныхъ соединеній и дѣйствіе ихъ никогда не сопровождается развитіемъ газовъ. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ было доказано, что многіе микроорганизмы, населяющіе нашъ кишечный каналъ, способны пептонизировать бѣлки, сахарифицировать крахмалъ, разлагать и омылять жиръ, т. е. дѣлать то, что продѣлываютъ спеціально выработываемые для этого пищеварительные ферменты, то естественно возникъ вопросъ: да не могутъ ли нѣкоторые микроорганизмы, населяющіе кишечный каналъ, нести и полезную службу организму, превращая различныя пищевыя вещества въ формы, легко усваиваемыя организмомъ?

Вопросъ этотъ и былъ поставленъ покойнымъ Пастёромъ и былъ разрѣшенъ вполнѣ отчетливо сравнительно недавними трудами. *Nuttal* и *Thierfelder* прибѣгли къ слѣдующему остроумному способу. Такъ какъ извѣстно, что новорожденныя животныя, до принятія ими пищи, не заключаютъ въ своемъ пищеварительномъ каналѣ ни одного микроорганизма, а полная очистка кишечнаго канала у взрослыхъ животныхъ отъ находящихся въ немъ микроорганизмовъ положительно недостижима, то понятно, что объектами изслѣдованія могли только служить животныя новорожденныя, предохраненныя отъ поступленія въ нихъ микроорганизмовъ изъ окружающей среды. Nuttal и Thierfelder съ этой цѣлью путемъ кесаревскаго сѣченія при строгихъ асептическихъ условіяхъ добывали изъ матки морской свинки доношенный плодъ, помѣщали его въ предварительно стерилизированную камеру, провѣтривавшуюся также стерилизированнымъ воздухомъ и кормили ихъ тамъ вполнѣ стерилизированнымъ молокомъ и крахмалистой пищей. Оказалось, что молодыя морскія свинки переносятъ этотъ режимъ очень хорошо, растутъ, прибываютъ въ вѣсѣ какъ нормальныя, и это безъ всякаго участія микроорганизмовъ въ ихъ пищеварительномъ каналѣ, какъ это было доказано при вскрытіи ихъ, обнаружившемъ полное отсутствіе микроорганизмовъ въ содержимомъ кишечнаго канала. Опыты Ненцкаго въ томъ же направленіи привели совершенно къ тому же результату. Все это доказываетъ, повидимому, что процессы нормальнаго пищеваренія и усвоенія могутъ протекать безъ малѣйшаго участія пептонизирующихъ, сахарифицирующихъ и омыляющихъ жиръ микроорганизмовъ и что сожительство ихъ съ нами, въ нашемъ кишечникѣ, не можетъ разсматриваться съ точки зрѣнія симбіоза. Польза, доставляемая нами имъ, несомнѣнна, мы представляемъ для нихъ прекрасную питательную среду для ихъ культуры, но ихъ полезность для насъ послѣ указанныхъ опытовъ представляется сомнительной или даже вовсе не существующей. Замѣчательно, что моча этихъ выращенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней морскихъ свинокъ содержала производныя бензола, которыя приписывались раньше только процессамъ гнилостныхъ разложеній бѣлковыхъ веществъ подъ вліяніемъ микроорганизмовъ. Въ этихъ случаяхъ, конечно, нигдѣ не наблюдалось развитія газовъ въ кишечномъ каналѣ. Согласно съ этимъ и у живорожденныхъ младенцевъ, погибшихъ раньше принятія пищи извнѣ, не наблюдается въ кишечномъ каналѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-либо газа.

Нѣтъ словъ, что приведенные опыты очень доказательны въ предѣлахъ того времени, въ теченіе котораго они дѣлались, и тѣхъ условій, въ которыхъ находились животныя. Намъ кажется, однако, что слабая сторона ихъ въ томъ, что наблюденія, вслѣдствіе ихъ кропотливости, производились лишь черезчуръ короткое время, всего нѣсколько дней, и переносить выводы, сдѣланные изъ нихъ, на все время жизни представляется, конечно, рискованнымъ. Далѣе, весьма

возможно допустить, что пищеварительные ферменты, предоставленные самимъ себѣ, безъ примѣси организованныхъ ферментовъ, т. е. микроорганизмовъ, и могутъ справиться одни съ перевариваніемъ пищевыхъ веществъ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ случаяхъ, когда этихъ пищеварительныхъ ферментовъ мало или когда ихъ вовсе нѣтъ, какъ это наблюдается при различныхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ, чтобы въ нихъ микроорганизмы, переваривающіе пищу, не оказывали своего благотворнаго дѣйствія. Опытовъ для рѣшенія этого вопроса еще не существуетъ, а между тѣмъ ихъ легко было бы поставить и только послѣ нихъ можно было бы окончательно рѣшить, бываютъ ли когда-нибудь полезны намъ эти микроорганизмы или нѣтъ.

Пока же мы въ правѣ указать на одну чисто косвенную пользу, доставляемую намъ микроорганизмами различныхъ кишечныхъ броженій, сопровождающихся развитіемъ газовъ. Дѣло въ томъ, что углекислота, азотъ, амміакъ, сѣроводородъ, водородъ, болотный газъ, являющіеся результатомъ различныхъ броженій, растягивая кишечныя петли, образуютъ изъ нихъ родъ упругой подушки, поддерживающей различные тяжелые органы брюшной полости, въ родѣ печени, селезенки, желудка, наполненнаго пищей, и т. д. При вертикальномъ положеніи тѣла, органы эти сильно бы тянули грудобрюшную преграду книзу, сильно бы затрудняли дыханіе и растягивали бы связки, на которыхъ они висятъ, если бы не эта подушка изъ растянутыхъ газами кишечныхъ петель, поддерживающая и подкрѣпляющая снизу эти тяжелые органы нашего тѣла. Эту сторону дѣла не слѣдуетъ упускать изъ виду и она всецѣло обязана работѣ кишечныхъ микроорганизмовъ, безъ коихъ не было бы развитія газовъ, какъ это мы видимъ на кишечномъ каналѣ новорожденныхъ животныхъ и младенцевъ.

О многихъ другихъ новостяхъ по физіологической литературѣ мы поговоримъ въ одномъ изъ слѣдующихъ обзоровъ.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія. 1) *Ноябрьскій потокъ падающихъ звѣздъ — «Леониды» въ 1897 году.* Какъ извѣстно, потокъ «Леониды» пересѣкаетъ земную орбиту отъ 28 октября по 5 ноября (стараго стиля), причемъ ночью 1, иногда 2 ноября, обыкновенно «падаетъ» гораздо больше звѣздъ, чѣмъ въ другіе дни. Кромѣ того, напомнимъ читателю, что этотъ потокъ не каждый годъ одинаково интенсивенъ, только черезъ 33 года «Леониды» пересѣкаютъ земную орбиту наиболѣе густой своей частью и образуютъ цѣлые «звѣздные дожди». Такіе ноябрьскіе «звѣздные дожди» наблюдались въ 1799, 1833 и 1866 году, теперь ихъ нужно ожидать въ 1899 или 1900 году. Два или три года отдѣляютъ насъ отъ этого времени и потому астрономы не безъ основанія думали, что и въ 1897 году «Леониды» будутъ довольно многочисленны. Но ожиданія ихъ не сбылись — «паденія» были крайне незначительны. Несмотря на тщательныя наблюденія, Парижской

обсерваторіей насчитано было не болѣе 20 метеоровъ, Медонская обсерваторія Жансена, Санфранцисская и многія другія оказались еще менѣе счастливыми, и, кажется, только Варшавской обсерваторіи удалось сдѣлать нѣсколько фотографій съ «Леонидъ» 1897 года. Вообще же можно утверждать, что звѣздный дождь «Леонидъ» еще не далъ намъ знать о своемъ приближеніи. Прибавимъ, впрочемъ, что наблюденія были затруднены въ большинствѣ случаевъ пасмурной и дождливой погодой.

2) *Поверхность солнца въ концѣ 1897 года, діаметръ солнца и свѣтовое напряженость различныхъ частей его короны.* Въ началѣ декабря *Ж. Гильомъ* сдѣлалъ парижской академіи сообщеніе о своихъ наблюденіяхъ надъ солнечной поверхностью въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Число отдѣльныхъ группъ солнечныхъ пятенъ осталось почти то же, что и въ предыдущую четверть года (40 вмѣсто 36), но общая поверхность ихъ увеличилась, приблизительно, на треть. Число же факельныхъ группъ уменьшилось въ сѣверномъ полушаріи на половину (24, вмѣсто 49), въ южномъ же осталось почти безъ измѣненія.

Въ зависимости отъ измѣненія поверхности, измѣняется, конечно крайне незначительно и діаметръ солнца;такъ, нашъ соотечественникъ *Сикора*, астрономъ Харьковской обсерваторіи, измѣрилъ діаметръ солнца по фотографіямъ, снятымъ во время полнаго солнечнаго затменія 8-го августа 1896 года; діаметръ больше всего оказался въ направленіи съ с.-в. на ю.-з., что обязано нахожденію въ этомъ мѣстѣ пятна и очень широкаго протуберанца.

Во время наблюденія полныхъ солнечныхъ затменій—въ Гренадѣ (Индія), 29 августа 1886 г. и въ Фундіумѣ (Сенегалъ) въ 1873 г. англійскіе астрономы *Абней* и *Торпе* измѣрили свѣтовую напряженность различныхъ мѣстъ солнечной короны. Вотъ результаты, къ которымъ они пришли (замѣтимъ, что разстоянія выражены въ радіусахъ солнца, а отправной линіей служилъ дискъ луны).

Разстояніе.	Свѣтовая напряженность (въ единицахъ Сименса).	
	1886 г.	1893 г.
1,6	0,066	0,060
2,0	0,053	0,048
2,4	0,043	0,038
2,8	0,034	0,030
3,2	0,026	0,024
3,4	0,021	0,018

Какъ видимъ, свѣтовая напряженность солнечной короны уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ диска луны; но, кромѣ того, наблюдается и общее, хотя и слабое, ослабленіе свѣтовой напряженности солнечной короны въ 1893 году, сравнительно съ таковой 1886 года. Предполагаютъ, что это послѣднее различіе зависитъ отъ тумана, имѣвшаго мѣсто при наблюденіяхъ въ 1893 г. и поглотившаго нѣкоторую часть свѣта короны.

3) *Еще новые астероиды; общая масса астероидовъ.* 19-го ноября (нов. ст.) г. *Виллигеръ*, астрономъ въ Мюнхенѣ, открылъ новую планету—астероидъ тринадцатой величины въ созвѣздіи Тѣльца, недалеко отъ звѣзды β 23-го ноября г. *Шарлуа* (въ Ницѣ) въ этомъ же созвѣздіи, недалеко отъ звѣзды ξ, замѣтилъ еще новый астероидъ, должно быть, ужъ послѣдній. Считая этихъ «новорожденныхъ» мы знаемъ уже 430 планетоидовъ, изъ нихъ 91 открытъ г. Шарлуа. По вычисленію г.г. *Росцель*, *Равене* и *Гардера*, общая масса 428 этихъ астероидовъ, свершающихъ свой путь вокругъ солнца по различнымъ орбитамъ между Марсомъ и Юпитеромъ равняется всего только 1/10 части массы луны, или, что тоже, 0,0013 массы земли.

Физика. 1) *Простыя ли тѣла аргонъ и гелій. Рамзай* и *Колли* предприняли рядъ работъ для рѣшенія вопроса, простыя ли тѣла эти два газа, или нѣтъ? Былъ примѣненъ для этого слѣдующій способъ. Черезъ трубку изъ пористой глины, на одну изъ сторонъ которой дѣйствовала пневматическая машина, пропускали изслѣдуемый газъ; затѣмъ собирали отдѣльно послѣдовательныя порціи газа. При этомъ оказалось, что аргонъ дѣлится на двѣ порціи, изъ нихъ одна имѣетъ молекулярный вѣсъ 19,93 (если таковой кислорода примемъ за 16), а другая 20,01. Разница, какъ мы видимъ, крайне незначительная. чтобъ утверждать сложность газа. Гелій раздѣляется на 2 порціи, первая съ молекулярнымъ вѣсомъ 1,874, вторая—2,133; показатели преломленія ихъ отличались другъ отъ друга еще рѣзче: у первой 0,1350 и у второй 0,1524 (принимая за единицу показатель преломленія воздуха).

На основаніи этихъ изслѣдованій г.г. *Рамзай* и *Колли* приходятъ къ довольно неожиданному выводу (который «Journal de physique» по праву наназываетъ революціоннымъ), *что не всѣ молекулы простого газа, какъ, напр., гелій, имѣютъ одинъ и тотъ же вѣсъ.*

Геологія. 1) *Морскія глубины.* За послѣднее время ученые обратили вниманіе на причины, вызывающія разрывъ морскихъ подводныхъ кабелей. Оказывается, что морское дно претерпѣваетъ частыя и весьма значительныя измѣненія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ берега континентовъ уходятъ въ морскія глубины и сливаются съ дномъ моря; здѣсь можно было бы наблюдать весьма быстрыя, сравнительно съ континентальными явленіями, различнѣйшія дислокаціи, опусканія, поднятія и разрывы. Эти явленія обязаны, по мнѣнію *Джона Мильна,* какъ вулканическимъ силамъ, такъ и совмѣстному дѣйствію тяжести и размыванія.

2) *Вѣроятная причина магнитности горныхъ породъ.* Уже давно объясняли магнитныя свойства, присущія многимъ горнымъ породамъ, дѣйствіемъ на скалы молній, но только на-дняхъ, такъ сказать, эта гипотеза получила опытное обоснованіе, притомъ отъ двухъ ученыхъ сразу — г. *Поккеля* (изъ Дрездена) и г. *Фолькгерайтера* (изъ Рима).

Г. Поккель помѣщалъ обломки горныхъ породъ (изслѣдовано 14 различныхъ образцовъ) между двумя полюсами индукціоннаго аппарата, дававшаго искры отъ 4 до 8 сантиметровъ длиною. До и послѣ каждаго опыта изучалось магнитное состояніе образцовъ. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ наблюдалось очень сильное отклоненіе магнитной стрѣлки—до 10° и 12°; одинъ же кусокъ породы, слабо магнитный до опыта, далъ послѣ него отклоненіе въ 90°, а кусокъ базальта сдѣлался магнитнымъ и остался таковымъ по прекращеніи тока. При этомъ и распредѣленіе магнитной силы было такъ же неправильно, какъ и въ магнитныхъ образцахъ, не подвергавшихся дѣйствію индукціонныхъ искръ: въ обоихъ случаяхъ противоположные полюсы расположены безъ всякаго порядка. Напряженность получающагося такимъ образомъ намагничиванья стояла, въ общемъ, въ прямомъ отношеніи съ содержаніемъ въ данныхъ образцахъ желѣза или магнитнаго желѣзняка. На основаніи своихъ изслѣдованій г. Поккель склоняется къ убѣжденію, что и магнитныя массы земного шара обязаны этимъ свойствомъ дѣйствію на нихъ молніи.

Г. *Фолькгерайтеръ* также высказываетъ мнѣніе, что магнитная полярность, наблюдаемая во многихъ горныхъ породахъ, особенно же въ вулканическихъ, обязана разрядамъ атмосфернаго электричества. Ему удалось разбить различные изслѣдованные имъ образцы на три группы. Къ первой онъ относитъ образцы, гдѣ участки съ положительнымъ магнитизмомъ расположены очень близко отъ мѣстъ съ магнитизмомъ противоположнаго знака; кромѣ того, эти участки крайне незначительныхъ размѣровъ. Во второй группѣ эти участки разноименнаго электричества гораздо шире и, наконецъ, въ третьей — встрѣ-

чается весьма большое число зонъ съ смѣняющимися и хорошо выраженными полярностями. Авторъ справедливо умозаключилъ, что если магнитность горныхъ породъ обязана дѣйствію разрядовъ атмосфернаго электричества, то значитъ и матеріалы, употреблявшіеся для построекъ, также должны владѣть этимъ свойствомъ, и, дѣйствительно, почти во всѣхъ изслѣдованныхъ имъ кускахъ базальтовой лавы, изъ которой сложены римскія развалины, была обнаружена магнитность, даже въ слояхъ цемента, которымъ были скрѣплены эти обломки.

3) *Интересное озеро.* На полуостровѣ Аляска, недалеко отъ Давсона, находится замѣчательное озеро, открытое миссіонеромъ *Тосси* и названное имъ *Салавикъ*. Это озеро, имѣющее до 60 миль въ длину, вѣроятно, единственное на всемъ крайнемъ сѣверѣ, которое никогда не замерзаетъ. Оно не имѣетъ видимаго сообщенія съ моремъ, а между тѣмъ, когда морской приливъ подступаетъ къ берегамъ Сѣверно-Ледовитаго океана, уровень озера возвышается, начинается отливъ — уровень снова опускается; но что еще удивительнѣе, вода Салавика совершенно прѣсная и превосходна для питья. Этого мало: странное озеро видимо хочетъ озадачить самыхъ остроумныхъ изслѣдователей своей оригинальностью: температура его водъ падаетъ лѣтомъ и повышается зимою. Когда кругомъ всѣ источники уже замерзли, воды Салавика становятся теплыми настолько, что въ нихъ пріятно купаться, наоборотъ, лѣтомъ вода Салавика нестерпимо холодна. Благодаря этому зимой все рыбное царство изъ рѣкъ и ручьевъ, впадающихъ въ Салавикъ, направляется въ его теплыя воды. Рыбы скопляется такое количество, что ее бьютъ палками; въ теченіе часа легко запастись рыбой на мѣсяцъ, притомъ какой рыбой—сомами въ 40, 50 фунтовъ. Этотъ даръ страннаго озера является значительнымъ подспорьемъ въ бюджетѣ той массы рабочаго люда, который загнала сюда надежда разбогатѣть; напомнимъ читателю, что недалеко отъ Салавика лежатъ знаменитыя теперь золотыя розсыпи Клондайка.

Біологія. 1) *Гистологическія измѣненія нервныхъ клѣтокъ подъ вліяніемъ усталости. Г. Ш. Пюньа* подвергалъ электрическому раздраженію гангліи спинного мозга молодыхъ кошекъ, затѣмъ изслѣдовалъ микроскопически препараты, приготовленные изъ этихъ ганглій. Авторъ пришелъ къ выводу, что усталость приводитъ къ уменьшенію объема какъ самой нервной клѣтки, такъ и ея ядра, а кромѣ того къ исчезновенію хроматическаго вещества протоплазмы, но отнюдь не къ сморщиванью ядра или къ его перекочевыванью къ перефиріи клѣтки, какъ то указывали нѣкоторые авторы. Наибольшее значеніе изъ двухъ факторовъ, вызывающихъ во время опыта «усталость» нервной клѣтки— интензивность раздраженія играетъ большую роль, чѣмъ продолжительность его.

2) *Проказа и ракъ.* Среди страшныхъ болѣзней проказа и ракъ, особенно послѣдній, изученъ, можетъ быть, хуже всѣхъ другихъ, поэтому все новое, что приноситъ намъ наука въ вопросѣ о причинахъ и борьбѣ съ этими бичами человѣчества, какъ бы незначительно ни было оно, все же крайне интересно и для большой публики.

О проказѣ мы привыкли думать, какъ о болѣзни угасшей, отошедшей уже въ область преданія, привыкли думать, что, по крайней мѣрѣ, для насъ, «культурныхъ» націй,если она и существуетъ, то гдѣ-то тамъ, далеко, у якутовъ, у лопарей, что ли. А между тѣмъ оказывается, что и культурные народы еще не избавились отъ этой библейской болѣзни: существуетъ проказа и въ Парижѣ, и въ Бретани, и въ Мемелѣ, но особенно процвѣтаетъ у насъ въ Россіи—въ Петербургской губерніи, и въ прибалтійской провинціи. Нѣмцы видимо обезпокоились такимъ непріятнымъ сосѣдствомъ и къ намъ въ Россію были командированы два нѣмецкихъ врача, *Кюблеръ* и *Кирхнеръ*. Вернувшись домой, они опубликовали далеко нерадостные для насъ факты. Оказывается, что проказа въ нашихъ прибалтійскихъ провинціяхъ не только не уменьшается, но растетъ въ ужасающей

пропорціи: тамъ, гдѣ въ 1870 году было 2—3 прокаженныхъ, теперь 10, 15 и 20; въ одномъ мѣстечкѣ число прокаженныхъ возрасло съ 20 до 143. Вообще, по сообщенію этихъ врачей, въ тѣхъ губерніяхъ, которыя они посѣтили, нужно считать не 817 прокаженныхъ, какъ показываютъ оффиціальные отчеты, а 5.000! Что можетъ подѣлать съ такимъ числомъ больныхъ частная благотворительность, создавшая все же у насъ въ Ригѣ, Лифляндіи и Курляндіи и друг. мѣстахъ особыя больницы—онѣ могутъ вмѣстить не больше 500 человѣкъ. Здѣсь нужна государственная помощь. Къ таковой и обращается международный конгрессъ, засѣдавшій недавно въ Берлинѣ и посвятившій все свое время выработкѣ проектовъ борьбы съ проказой.

Уже лѣтъ 25 тому назадъ *Ганзенъ* и *Нейсеръ* открыли, что проказу вызываетъ особый микробъ *Bacillus leprae*, но еще до сихъ поръ мы не знаемъ хорошенько ни хода развитія этой бациллы, ни того, какъ она проникаетъ въ нашъ организмъ. Всѣ члены конгресса были согласны, что Bacillus leprae паразитируетъ только въ тѣлѣ человѣка; приведены были также факты, указывающіе на громадное выдѣленіе этихъ бациллъ кожею и слизистыми оболочками носа и рта. Гипотеза наслѣдственности проказы оставлена почти совершенно и проказа уже всѣми признается болѣзнью заразной, но терапевтика ея до сихъ поръ совершенно отсутствуетъ, даже серотерапія, это модное теперь средство, оказалась безсильной.

Въ виду всего этого конгрессъ пришелъ къ выводу, что гдѣ проказа свила себѣ очагъ, или вообще имѣетъ болѣе или менѣе широкое распространеніе, лучшимъ средствомъ воспрепятствовать переносу заразы является изолированіе больныхъ.

До сихъ поръ еще идутъ споры о причинахъ, вызывающихъ болѣзнь ракъ, хотя многіе ученые признаютъ паразитарность этой болѣзни и считаютъ ее заразною. Только что появилась интересная, хотя и вызывающая нѣкоторое недовѣріе, работа *Л. Ноэля* о причинахъ, или, лучше сказать, объ условіяхъ, при которыхъ появляются заболѣванія ракомъ. Авторъ является рѣзкимъ сторонникомъ заразительности рака «Нѣкоторые клиническіе факты, мнѣ кажется, вполнѣ положительные,—говоритъ онъ,—говорятъ о передачѣ рака отъ одного человѣка къ другому; эспериментальныя изслѣдованія безусловно указываютъ на передачу его между животными одного и того же вида». «Но нужно рѣшить,—продолжаетъ г. Ноэль,—существуетъ ли дѣйствительно специальный патогенный агентъ рака, и не способенъ ли онъ къ особымъ измѣненіямъ въ различныхъ организмахъ?» Самъ авторъ приводитъ наблюденія для доказательства того, что распространеніе рака идетъ, такъ сказать, пятнами: есть мѣстности, есть отдѣльныя группы домовъ, гдѣ жители почти застрахованы отъ этой болѣзни; наоборотъ, есть такія, гдѣ эта страшная болѣзнь уноситъ своихъ жертвъ десятками. Особенно благопріятны для распространенія рака — это низкія мѣста, по берегу рѣкъ, особенно вблизи деревьевъ, пораженныхъ растительнымъ «ракомъ». «Частое заболѣваніе ракомъ людей, живущихъ около лѣсовъ,—оканчиваетъ авторъ свою интересную работу,—могло бы быть объяснено гипотезой общности патогеннаго начала съ «ракомъ» деревьевъ, растущихъ вблизи. Также распространеніе рака вблизи текучихъ водъ могло бы быть объяснено не только переносомъ заразнаго агента древеснаго рака, но также и человѣческаго рака, такъ какъ вода могла быть заражена больнымъ ракомъ».

Всѣ эти соображенія крайне интересны и оригинальны, но поневолѣ встаетъ вопросъ, каковъ, въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи, фактическій матеріалъ, на которомъ авторъ строитъ свои выводы.

3) *Микробъ чумы рогатаго скота.* Русскимъ правительствомъ были командированы въ Южную Африку гг. *Ненцкій*, *Зиберъ* и *Вицникъевичъ* для изученія природы микроорганизма, вызывающаго чуму рогатаго скота. По мнѣнію

этихъ ученыхъ, патогенный агентъ чумы рогатаго скота похожъ скорѣе на амебу, чѣмъ на бактерію, и подъ микроскопомъ является въ видѣ блестящихъ, чаще круглыхъ, иногда овальныхъ, иногда точкообразныхъ тѣлецъ; на наиболѣе крупныхъ изъ нихъ можно замѣтить вздутія, а у нѣкоторыхъ въ центрѣ какъ бы зерно. Эти крупные индивидуумы представляютъ явленія, характерныя при развитіи амебъ. Всѣ выдѣлительные органы животныхъ больныхъ чумою содержатъ эти микроорганизмы и послѣдніе прекрасно развиваются особенно въ средахъ, богатыхъ слизью; ихъ даже можно изолировать въ растворахъ, содержащихъ въ обиліи муцинъ. Впрыскиванье свѣжихъ культуръ этихъ микроорганизмовъ вызываетъ у рогатаго скота чуму; но культуры очень быстро теряютъ свою заразительность.

4) *Ферментъ клѣтчатки. Г. Омельянскій* еще въ 1895 году повѣстилъ научному міру, что ему удалось изолировать бациллу, вызывающую процессъ броженія въ чистой клѣтчаткѣ, напр., въ хлопчатой бумагѣ или льняной ткани. Въ настоящее время ему удалось болѣе подробно изслѣдовать эту бациллу и дать ея морфологическую и физіологическую характеристику.

5) *Появленіе разновидностей подъ вліяніемъ температурныхъ измѣненій. Ф. Урехъ* (изъ Тюбингена) изложилъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій «Société helvetique des sciences naturelles» свои изслѣдованія о вліяніи температуры на куколки различныхъ видовъ Vanessa. Г. Урехъ подвергалъ личинокъ Vanessa Io во время ихъ окукливанія, а затѣмъ и самыя куколки дѣйствію постоянной температуры въ 40°. Какъ въ прошломъ, такъ и въ этомъ году, онъ получилъ при этихъ условіяхъ нѣсколько уклонившуюся форму, характеризующуюся тѣмъ, что верхняя поверхность переднихъ крыльевъ имѣла въ среднемъ коричнево-красномъ полѣ три черныхъ пятна. Этой формѣ онъ далъ особое имя—*Vanessa Io calore nigrum maculata*. Кромѣ того, г. *Урехъ* подвергалъ куколки того же вида однодневнаго возраста температурѣ—5° впродолженіи 2, 3 часовъ, въ 5 пріемовъ; при этихъ условіяхъ развилась цѣлая серія разновидностей, весьма ясно связанныхъ съ *Vanssa Io aberr. Antigone de M. Ficher*. Впрочемъ, у одной изъ нихъ чешуйки между первымъ и вторымъ пятномъ были окрашены чернымъ пигментомъ, растворимымъ только въ кислотахъ, вмѣсто желтаго, растворимаго въ обыкновенной водѣ. Эта разновидность была окрещена *Vanessa Iocaste*. Вообще, замѣчаетъ авторъ, холодъ, кажется, превращаетъ часть чешуекъ крыльевъ изъ желтыхъ, синихъ или красныхъ въ черныя.

6) *Nostoe punctiforme*. Эта прѣсноводная водоросль, если только хорошо освѣщена, прекрасно развивается, какъ показали изслѣдованія *Рауля Буйльгака*, въ растворахъ, содержащихъ только неорганическіе соли и бактерій, способныхъ извлекать азотъ изъ воздуха. Если же наша водоросль помѣщена въ слабый разсѣянный свѣтъ, то, при этихъ же условіяхъ, она перестаетъ расти,—но достаточно прибавить въ растворъ, гдѣ она находится, немного глюкозы, и развитіе водоросли снова продолжается, хотя бы мы совсѣмъ лишили ее свѣта. Такимъ образомъ *Nostoe punctiforme* въ присутствіи достаточнаго свѣта живетъ какъ зеленая водоросль, или вообще какъ всякое хлорофильное растеніе, т. е. разлагаетъ углекислоту воздуха, въ отсутствіи же свѣта, въ темнотѣ начинаетъ питаться, извлекать нужный ей углеродъ изъ готоваго органическаго вещества—глюкозы, т. е. начинаетъ жить, какъ живутъ животныя и безхлорофильныя растенія, напр., грибы.

Техника. 1) *Электрическая луна*. Такою искусственною луною освѣщается библіотека университета Колумбія въ Нью-Іоркѣ. Громадная квадратная зала образована 4 прямыми стѣнами, оканчивающимися арками, на которыхъ покоится куполъ. Въ центрѣ этого купола, на высотѣ арокъ, подвѣшенъ полый деревянный шаръ, въ 2 метра діаметромъ; онъ выкрашенъ бѣлою матовою крас-

кой и освѣщается восемью мощными рефлекторами, скрытыми въ углахъ залъ, на высотѣ начала арокъ и отстоящими, приблизительно, на 23 метра отъ шара. Освѣщенная такимъ образомъ искусственная луна посылаетъ во всѣ части залы сильный, но пріятный и мягкій свѣтъ. Вѣроятно, идея такого освѣщенія получитъ широкое распространеніе.

2) *Сила Ніагарскаго водопада.* Одинъ американскій ученый вычислилъ, что еслибъ можно было использовать всю силу Ніагарскаго водопада, то мы получили бы не менѣе 16.000.000 лошадиныхъ силъ, что соотвѣтствуетъ паденію 100.000.000 кубическихъ метровъ воды въ часъ; если бы употребить весь уголь, добытый людьми изъ нѣдръ земли, то его все же не достало бы, чтобы привести въ движеніе помпы, которыя могли бы снова поднять эту воду на ея прежнюю высоту.

3) *Какъ американцы убираютъ снѣгъ съ улицъ.* Въ Нью-Іоркѣ выпадаетъ теперь громадное количество снѣга. Раньше приходилось тратить большія суммы на содержаніе цѣлой арміи рабочихъ, но американцы нашли это невыгоднымъ и изобрѣли особую повозку, которая не увозитъ снѣгъ съ улицъ, а плавитъ его, превращаютъ въ воду.

Эта повозка снабжена сзади ящикомъ въ который рабочіе кидаютъ снѣгъ, собираемый съ улицъ; ящикъ нагрѣвается при помощи керосинныхъ грѣлокъ съ сильной тягой, вызываемой вентиляторомъ, который приводится въ дѣйствіе двигателемъ повозки. При повозкѣ имѣется также резервуаръ для керосина и для чистой воды для пароваго котла, вырабатывающаго паръ, необходимый для функціонированья вентилятора. Теплая вода, въ которую такимъ образомъ превращается снѣгъ стекаетъ черезъ отводныя трубы въ сточныя городскія трубы, и такъ какъ температура ея достигаетъ до 16 и даже 25 градусовъ, то оказываетъ еще новую услугу, очищая и промывая и самыя сточныя трубы.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Январь 1898 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги.* Публицистика. — Исторія и мемуары.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Медицина и гигіена—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.* Изъ западной литературы. Ив. Иванова. Новости иностраной литературы.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія» — *Т. Циглеръ.* «Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка».

Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1896 годъ и статистическіе матеріалы о ея дѣятельности за 1895 и 1896гг. М. 1897. in 8-vo, Стр. 2 нен. + 18 + 84. Ц. 30 коп. Отчетный годъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія начинается 1-мъ марта, время съ 1 марта 1896 г. по 1 марта 1897 г.—четвертый годъ ея существованія и второй ея практической дѣятельности; за все время она имѣла трехъ и очень не похожихъ другъ на друга предсѣдателей: проф. П. Н. Милюкова, проф. В. Ѳ. Лугинина и проф. П. Г. Виноградова, который остается въ должности предсѣдателя и теперь, обладая предсѣдательскимъ кресломъ и въ учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній, а организація домашняго чтенія — одна изъ коммиссій названнаго отдѣла. Такая частая смѣна предсѣдателей въ коммиссіи, требующей стройной системы въ работѣ и устойчивой политики, не смотря на постепенный ростъ состава членовъ (по новому отчету 157, по предшествующимъ—121, 98 и 85), все-таки отразилась на ея дѣятельности, ставшей менѣе энергичной, чѣмъ можно было предполагать по первымъ ея шагамъ.

Новый отчетъ полнѣе и подробнѣе всѣхъ предшествующихъ, но для такого живого и насущнаго дѣла, какъ организація домашняго чтенія, онъ могъ бы быть и обширнѣе, и живѣе, даже интимнѣе. Во всякомъ случаѣ, книжная статистика отчета оставляетъ желать много лучшаго, равно какъ сообщенія о двухъ и чрезвычайно важныхъ подкоммиссіяхъ по вопросу объ энциклопедической (общеобразовательной) программѣ и по вопросу объ устройствѣ публичныхъ лекцій въ провинціи. Если бы коммиссія вошла въ подробности по вопросу о выработкѣ энциклопедической программы, то послѣдняя могла бы сдѣлаться предметомъ самаго живого обсужденія въ печати и публикѣ; коммиссія получила бы рядъ указаній, запросовъ, требованій, пожеланій, и совсѣмъ нельзя сказать, чтобъ она въ нихъ не нуждалась. Энциклопедическая программа, выработанная въ кружкѣ спеціалистовъ, безусловно рискуетъ быть гораздо выше уровня тѣхъ читателей, которые такъ страстно ея ждутъ и домогаются. Изъ опытовъ послѣдняго времени мы убѣдились, что популяризація знаній у насъ никакъ не можетъ найти вѣрной ноты: мы часто пускаемъ въ оборотъ темы, которыя еще могли бы полежать въ портфеляхъ, либо ставимъ высокій уровень требованій, можетъ быть умѣстный на Западѣ, но еще невозможный у насъ. Что касается подкоммиссіи по устройству публичныхъ лекцій въ провинціи, то жаль, что въ отчетѣ о ней сказано едва ли не больше,

чѣмъ въ нашемъ журналѣ въ рецензіи на книгу проф. Антоновича и Армашевскаго. Ни списокъ лекторовъ, ни темы, ни районы, по которымъ можетъ двигаться тотъ или другой лекторъ, остались неопубликованными. Нѣсколько неяснымъ показался намъ отчетъ объ издательской дѣятельности коммиссіи, которая старается связать себя съ двумя издательскими предпріятіями, фактически стоящими внѣ всякой съ нею связи, хотя ихъ редакціонные комитеты состоятъ изъ членовъ коммиссіи: одно—«Библіотека для самообразованія», издаваемая товариществомъ Ив. Дм. Сытина, другое—«Вопросы науки, искусства, литературы и жизни», изд. книжнымъ магазиномъ Гроссманъ и Кнебель. Коммиссія жалуется на недостатокъ матеріальныхъ средствъ и проситъ въ этомъ отношенія содѣйствія Общества, и въ то же время доходныя предпріятія отдаетъ постороннимъ ей фирмамъ. Почему коммиссія въ данное время издательской горячки не имѣетъ собственной фирмы, совершенно непонятно, вѣдь нельзя же исключительно жить на пожертвованія, надо привыкать и къ практической дѣятельности.

Особенный интересъ въ читателяхъ должны возбудить приложенные къ отчету статистическіе матеріалы, разработанные съ большимъ знаніемъ дѣла и большимъ вкусомъ къ вопросу о демократизаціи у насъ научныхъ знаній. Матеріалы эти могутъ быть предметомъ особаго изученія, хотя мы думаемъ, что опытъ коммиссіи еще недостаточно великъ, чтобы на основаніи ихъ можно было придти къ устойчивымъ выводамъ. Несомнѣненъ одинъ выводъ, что программы коммиссіи подавляющему большинству совершенно не подъ силу, что не разъ уже предсказывала критика и что окончательно уяснила себѣ, наконецъ, коммиссія, написавъ въ заключительныхъ строкахъ отчета слѣдующее: «скорѣйшее изданіе общеобразовательной и упрощеніе спеціальныхъ программъ, болѣе широкая постановка сношеній съ читателями, дальнѣйшее развитіе дѣятельности по снабженію книжнаго рынка полезными книгами и созданіе для лицъ, занимающихся по программѣ, болѣе благопріятныхъ условій пользованія книгами,—вотъ тѣ задачи, которыя вытекаютъ изъ непосредственныхъ указаній опыта». Мы усердно рекомендуемъ читающей публикѣ ознакомленіе съ отчетомъ коммиссіи.

Т. Циглеръ. Нѣмецкій студентъ конца XIX-го столѣтія. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. in 8-vo. Стр. IV + 224. Ц. 50 коп. Книжка Теобальда Циглера, профессора философіи въ страсбургскомъ университетѣ, представляетъ цѣлый курсъ изъ семнадцати лекцій, читанный студентамъ о студентахъ же и частью извѣстный русскому читающему студенчеству по статьѣ проф. А. С. Трачевскаго. Раздѣляя весь свой матеріалъ на двѣ главныя части: академическая *жизнь* и академическое *ученіе*, авторъ такъ опредѣляетъ содержаніе курса: «мы будемъ говорить обо всемъ, что касается студента, что его волнуетъ, касаясь какъ возвышеннаго, такъ и низкаго, въ смыслѣ не столько внѣшнемъ, сколько и внутреннемъ; будемъ говорить объ идеалахъ студента, и его преданіяхъ, о студенческой политикѣ, религіи, о его чести и о томъ, какъ онъ ее охраняетъ и какъ теряетъ, о лекціяхъ, о томъ посѣщаетъ ли онъ ихъ и какъ онъ ими пользуется, какъ онъ ихъ прогуливаетъ, объ его кутежахъ, дракахъ, объ его задачахъ и стремленіяхъ принимать участіе въ жизни своего времени, объ его нравственности и тѣхъ опасностяхъ, которыя ей угрожаютъ» (стр. 17—147—«жизнь нѣмецкаго студента»; стр. 148—223—«академическая наука»). Просмотрѣвъ книжку Циглера, читатели увидятъ, что авторъ дѣйствительно говоритъ обо *всемъ*, что только касается современнаго студенчества (нѣмецкаго, конечно, что самъ авторъ категорически оговариваетъ), говоритъ, какъ удачно выразился въ предисловіи г. Карѣевъ, съ спокойствіемъ ученаго и искренностью хорошаго человѣка.

Курсъ Циглера прочтется съ интересомъ и русскимъ читающимъ студенчествомъ,

но послѣднее не найдетъ въ немъ ни философской рѣшительности, ни достаточной отчетливости въ отношеніи къ соціальной проблемѣ нашего времени, которое авторъ титулуетъ «переходнымъ» съ педантизмомъ нѣмецкаго философа-моралиста, хотя напрягаетъ всѣ усилія стоятъ во главѣ очередныхъ запросовъ современности. Совсѣмъ не желая нападать на книжку Циглера или отпугивать отъ нея читатели, мы все-таки должны замѣтить, что въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ авторъ, такъ сказать, читаетъ мораль, онъ впадаетъ въ наивности. Мы вообще не любимъ поученій и отрицаемъ мораль, висящую въ безвоздушномъ пространствѣ; въ этомъ случаѣ гораздо важнѣе точная и стройная формулировка извѣстнаго запаса идей, чѣмъ непосредственныя ораціи на нравственныя темы. Съ другой стороны, въ интересахъ спеціально русскаго читателя нельзя не отмѣтить цѣнныхъ замѣчаній автора, что «наука можетъ развиться только на полной свободѣ, при абсолютной неограниченности мышленія», что «высокій свободный духъ труда познается не въ средней школѣ, а въ демократической атмосферѣ безграничной свободы и самостоятельности въ трудѣ» и т. д.

Мы не будемъ въ бѣглой замѣткѣ останавливаться болѣе подробно на содержаніи книжки Циглера, такъ какъ усердно рекомендуемъ ознакомиться съ ней каждому изъ русскихъ студентовъ: плохъ тотъ *русскій* студентъ, который не поинтересовался бы бытомъ своего *нѣмецкаго* коллеги, и не прислушался бы къ тому, чему послѣдняго учатъ въ его университетѣ, столь не похожемъ на наши. Можетъ быть, слѣдовало бы подчеркнуть тѣ страницы, на которыхъ Циглеръ обсуждаетъ вопросы, болѣе жгучіе для русскаго студента, какъ, напр., вопросы о стипендіяхъ, пособіяхъ, общежитіяхъ, народившемся позорномъ типѣ бѣлоподкладочника, о которомъ страсбургскій профессоръ говоритъ съ достаточнымъ презрѣніемъ... Закончимъ любопытной выдержкой, показывающей отношеніе Циглера къ философіи Льва Толстого и заслуживающей вниманія русскаго читателя. Нашъ авторъ не отрицаетъ возможности въ моментъ извѣстнаго настроенія выпить лишній стаканъ вина и пишетъ по этому слѣдующее: «но если кто-нибудь изъ васъ сошлется на ученіе Толстого, и осудитъ меня за то, что я высказалъ, и за то, что не придерживаюсь его мнѣній, не становлюсь на его точку зрѣнія,—тому я возражу, что и я тоже принимаю участіе въ академической свободѣ, и меня нельзя обязать покланяться богамъ, которымъ я не вѣрю; мрачный мистицизмъ Толстого, его не христіанскій аскетизмъ въ утонченномъ современномъ одѣяніи, мнѣ въ высшей степени не симпатиченъ; Толстой не далъ мнѣ ничего ни для ума, ни для сердца» (срв. стр. 48 и 83).

ИСТОРІЯ и МЕМУАРЫ.

«Жизнь Бенвенуто Челлини».—*С. В. Рождественскій.* «Служилое землевладѣніе въ московскомъ государствѣ».

Жизнь Бенвенуто Челлини. Томъ I и II. Переводъ И. В. Штейна. Изданіе М. М. Ледерле. Спб. 1897. «Исповѣдь» Жанъ Жака Руссо считается однимъ изъ первыхъ проявленій индивидуализма въ европейской литературѣ. Но еще гораздо ранѣе то же стремленіе обнажить душу со всѣми ея высокими стремленіями, такъ же, какъ и съ ея нравственными паденіями выразилось въ запискахъ человѣка, жившаго въ сильную и сложную культурную эпоху. Бенвенуто Челлини, итальянскій художникъ XVI вѣка, оставилъ послѣ себя, кромѣ геніальныхъ художественныхъ произведеній, записки, въ которыхъ отразилъ съ непосредственностью художественнаго темперамента психологію своей эпохи съ ея крайнимъ развитіемъ индивидуализма. Интересно поэтому именно теперь, въ концѣ XIX вѣка, въ значительной степени исходящаго изъ Руссо, перечи-

тывать записки его предшественника и наблюдать, какъ формируется свободная человѣческая личность изъ контрастовъ добра и зла, наполнявшихъ душевную жизнь итальянскаго художника. Новый русскій переводъ записокъ Челлини, сдѣланный точно и художественно, представляетъ случай для русскихъ читателей ознакомиться съ этимъ любопытнымъ памятникомъ далекой и вѣчно близкой старины. Записки Челлини необычайно увлекательны, читаются какъ романъ и интересуютъ какъ своимъ историческимъ фономъ, такъ и личностью автора. Нужно помнить, читая Челлини, что онъ жилъ въ конечную эпоху Возрожденія. Духовный подъемъ творцовъ его уже утратилъ свою исключительную силу. Высокія божественныя настроенія, создавшія искусство Возрожденія, стали переживаніями и на первый планъ выступили жизнерадостные инстинкты, эпикуреизмъ побѣдителей. Великіе мечтатели создали красоту; смѣнившее же ихъ поколѣніе стало упиваться земными формами красоты и не думать объ ея божественныхъ источникахъ. Жизнь стала широкой, радостной, шумной, торжествующей и прежній разладъ, жившій въ душахъ великихъ людей, уступилъ мѣсто безграничной вѣрѣ въ себя и влеченію къ радостямъ жизни. Къ такому поколѣнію принадлежалъ Бенвенуто Челлини, великій художникъ, сознававшій свою силу и искавшій въ жизни земного счастья. Записки его вполнѣ отражаютъ своимъ общимъ характеромъ эту позднюю эпоху ренессанса.

Самое интересное въ нихъ—психологія самого автора, въ которомъ уживаются благородные душевные порывы, глубокая любовь къ искусству, умъ и находчивость съ самохвальствомъ, легкомысліемъ, лганьемъ и очень часто отсутствіемъ строгихъ мѣрилъ нравственности. Записки Челлини переполнены разсказами объ его геройскихъ подвигахъ, о томъ, какъ во время осады Рима онъ рубилъ вратовъ, какъ онъ одерживалъ побѣды во всѣхъ дракахъ и торжествовалъ надъ своими соперниками въ жизни и въ искусствѣ. Съ такимъ же удальствомъ онъ разсказываетъ о своихъ сношеніяхъ съ папами и императорами и обнаруживаетъ при этомъ странную смѣсь гордости и въ то же время преклоненія передъ общественнымъ положеніемъ разныхъ своихъ покровителей и заказчиковъ. Многіе изъ его разсказовъ явно преувеличены, какъ, напр., описаніе роли, которую онъ игралъ при осадѣ Рима. Но и въ нихъ, какъ и въ другихъ эпизодахъ, чувствуется какая-то особая сила и легкость жизнь, умѣнье проявлять себя до конца въ каждомъ поступкѣ и жить съ той полнотой, которая недоступна людямъ болѣе усталой цивилизаціи. Бенвенуто Челлини—человѣкъ жизни, а не созерцатель, какими обыкновенно бываютъ художники. Онъ создаетъ каждый моментъ и никогда не хочетъ принять его таковымъ, какимъ его сдѣлали обстоятельства. Поэтому исторія его жизни переполнена цѣлымъ рядомъ приключеній и столкновеній, встрѣчъ съ людьми, которыхъ онъ то любитъ, то ненавидитъ, упорной работы, которая уравновѣшивается жаднымъ исканіемъ радостей жизни.

Въ своихъ запискахъ Челлини описываетъ четыре періода своей жизни: дѣтство и первую молодость, проведенную на его родинѣ, во Флоренціи, откуда онъ долженъ былъ бѣжать послѣ драки, кончившейся смертью его противника; второй періодъ: пребываніе въ Римѣ при папахъ Климентѣ VII и Павлѣ III, затѣмъ третій періодъ—его пребываніе во Франціи при дворѣ Франциска I и, наконецъ, возвращеніе во Флоренцію во время правленія герцога Козьмы Медичи. Каждый изъ этихъ періодовъ изобилуетъ событіями, въ которыхъ рисуется нравъ разсказчика и жизнь его эпохи. Любопытны въ началѣ его отношенія съ семьей, съ отцомъ, который непремѣнно хотѣлъ сдѣлать его музыкантомъ, жизнь въ средѣ, гдѣ странно смѣшивались религіозность, суевѣріе и философскій скептицизмъ. Одинъ изъ сосѣдей семьи, Пьерино, досаждалъ отцу Бенвенуто своими осужденіями его образа жизни, за что старикъ Челлини, разсердившись, напророчилъ ему скорую гибель. Случилось такъ, что Пьерино, въ са-

момъ дѣлѣ, умеръ вскорѣ отъ несчастнаго случая: на него обрушилась крыша въ заново строившемся домѣ, «потому ли, что сводъ былъ плохо укрѣпленъ, или по волѣ Провидѣнія», говоритъ Челлини, и слова эти очень характерны для его полувѣрующей, полускептической и, главнымъ образомъ, легкомысленной натуры. Онъ совершенно наивно разсказываетъ о томъ, какъ видѣлъ саламандру, извивавшуюся въ огнѣ и какъ отецъ далъ ему при этомъ пощечину, чтобы запечатлѣть навсегда это необычайное зрѣлище въ его памяти. Съ самаго начала своихъ занятій искусствомъ, Челлини сталъ поклонникомъ Микель Анджело и изъ-за этого долженъ былъ выносить много разныхъ столкновеній съ врагами великаго скульптора. Первыя же ювелирныя работы возбуждали восторгъ случайныхъ заказчиковъ Бенвенуто и онъ съ довольствомъ разсказываетъ о мелкихъ стычкахъ съ соперниками по ремеслу и о своихъ всегдашнихъ побѣдахъ. Въ 1523 г. ему пришлось бѣжать въ Римъ, чтобы избѣгнуть осужденія за совершенное имъ убійство. Разсказы его о римскомъ пребываніи изобилуютъ анекдотами, въ которыхъ рисуется его ловкость въ работѣ и умѣнье одерживать верхъ въ жизненныхъ столкновеніяхъ. Передъ глазами читателя проходятъ представители римскаго общества, прекрасныя дамы, которыхъ Бенвенуто умѣлъ очаровывать своимъ искусствомъ, прелаты, любители искусства, не всегда платившіе за свои заказы и вынуждавшіе художника къ разнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы получить деньги. Съ полной развязностью и непосредственностью Челлини разсказываетъ о распущенности среди художниковъ того времени, о своихъ собственныхъ, не всегда красивыхъ романтическихъ приключеніяхъ. Онъ съ большими подробностями говоритъ о товарищахъ-художникахъ, о господствовавшей въ ихъ средѣ зависти и ревности и иллюстрируетъ множествомъ анекдотовъ свои постоянныя побѣды надъ соперниками. Разсказъ Челлини становится болѣе торжественнымъ и драматичнымъ, когда дѣло идетъ о важныхъ событіяхъ, какова осада Рима французами, его собственные военные подвиги, благодаря которымъ онъ сдѣлался капитаномъ и могъ уже вернуться во Флоренцію, гдѣ выхлопотано было ему прощеніе. Но, затѣмъ, онъ снова возвращается въ Римъ и работаетъ для папскаго двора. Самое описаніе замысловъ работъ и исполненія заказовъ, въ родѣ знаменитой папской тіары, медалей и разныхъ чашъ, занимаетъ много мѣста въ запискахъ, обличая въ авторѣ художественный талантъ. Переходъ отъ настроеній художника къ страстямъ свѣтскаго человѣка и воина составляетъ особую привлекательность этихъ записокъ, лишаетъ ихъ всякой искусственности и дѣлаетъ ихъ зеркаломъ жизни, со всѣми ея противорѣчивыми влеченіями. Въ запискахъ Челлини есть драматическіе эпизоды, какъ, напр., знаменитое описаніе его бѣгства изъ крѣпости Св. Ангела въ Римѣ, куда его заточили по несправедливому обвиненію въ воровствѣ. Онъ долго не хотѣлъ бѣжать, чтобы не нарушить слова даннаго директору тюрьмы, но когда оказалось, что тотъ сумасшедшій и воображаетъ себя летучею мышью, Челлини пересталъ считать себя связаннымъ даннымъ имъ словомъ и, истомившись отъ пребыванія въ сыромъ ужасномъ подземельи, устроилъ побѣгъ, обнаруживъ необычайную ловкость и находчивость. Въ художественномъ отношеніи самыми плодотворными періодами было пребываніе Челлини во Франціи, при дворѣ Франциска I въ Фонтенебло, и во Флоренціи. Къ этому времени относятся его лучшія ювелирныя работы, которыя онъ описываетъ съ большими подробностями, а также ко времени флорентійскаго пребыванія скульптурныя произведенія, какъ знаменитый Персей и др. Замѣчательно подробно, драматично и увлекательно описываетъ Челлини возникновеніе статуи Персея и самую отливку ея, которая при тогдашнемъ состояніи техники была дѣломъ необычайно труднымъ, но все-таки закончилась полнымъ торжествомъ художника. И опять разсказы о художественныхъ работахъ перемѣшаны съ анекдотами, съ разсказами о разныхъ интригахъ, съ мел-

кимъ хвастовствомъ, къ которому примѣшивается наивное отношенiе къ себѣ и къ другимъ.

Въ общемъ, записки Челлини интересны исторической, также какъ и психологической стороной. Историческiй фонъ записокъ очень пестрый, переполненъ художественно исполненными фигурами папъ, королей, императоровъ, художниковъ и разныхъ значительныхъ людей эпохи. Они рисуются со стороны своихъ житейскихъ отношенiй, въ ихъ домашнемъ быту и являются, благодаря этому, близкими и жизненными и они же вмѣстѣ съ авторомъ записокъ являются типами эпохи Возрожденiя въ своей любви къ жизни, но безъ всякаго порабощенiя ею.

С. В. Рождественскiй. Служилое землевладѣнiе въ московскомъ государствѣ XVI вѣка. Спб. 1897. in 8-vo. Стр. 2 нен. + VI + 404 + IV. Ц. 2 р. 50 к. Книга г. Рождественскаго представляетъ изслѣдованiе на степень магистра русской исторiи, посвящена одному изъ центральныхъ вопросовъ исторiи московскаго государства и заслуживаетъ вниманiя читателя самой постановкой темы, несомнѣнно очередной въ русской исторической наукѣ. *Войско* и *финансы*—самое ядро исторiи московской Руси, а въ тѣсной и непосредственной связи съ ними организацiя служилаго землевладѣнiя (помѣстнаго и вотчиннаго) и податного обложенiя: первая обусловливала *службу*, вторая—*тягло*. Въ московскомъ государствѣ служила земля, платило тягло: и то, и другое было принудительнымъ, вслѣдствiе чего исторiя общества московской эпохи превращается въ исторiю закрѣпощенiя общественныхъ классовъ. Московскiе князья начали съ поглощенiя политической самостоятельности удѣльныхъ княжествъ и вольныхъ городовъ и, создавъ московское единодержавiе на разгромѣ удѣльнаго порядка княжескаго владѣнiя, закончили закрѣпощенiемъ общества въ интересахъ государства. Нормальное соотношенiе между обществомъ и государствомъ было нарушено, оба стали во враждебную позицiю другъ противъ друга, и передъ вдумчивымъ наблюдателемъ получилась своеобразная картина: *государство* принуждаетъ и ловитъ, *общество* избываетъ и утекаетъ; государство всѣми силами стремится какъ можно больше заставить служить и какъ можно больше взять, а общество—возможно менѣе служить и возможно менѣе платить. И если между тѣмъ и другимъ не произошло коренного разрыва, то причину явленiя надо искать въ условiяхъ быта, черезчуръ элементарнаго и замѣчательно коснаго. Государство, оставляя въ сторонѣ идею общаго блага, узко преслѣдовало только свои цѣли; общество еще не привыкло къ добровольной и разумной жертвѣ въ пользу государства, призваннаго существовать не ради самого себя, а ради охраны жизни, благосостоянiя и личной свободы гражданъ. Сильно грѣша оба, они не спорили о принципахъ и уживались вмѣстѣ, принужденные силою обстоятельствъ, составлявшихъ тогдашнюю историческую дѣйствительность, уступать другъ другу de facto. На организацiи служилаго землевладѣнiя, тема,—которая остановила на себѣ вниманiе г. Рождественскаго,—съ большимъ успѣхомъ можно наблюдать процессъ этой уступки, его происхожденiе и значенiе. Что касается теоретической стороны вопроса, т. е. юридической природы институтовъ помѣстнаго и вотчиннаго землевладѣнiя, то ея нельзя не признать въ значительной мѣрѣ изученной. Достаточно упомянуть четвертый томъ собранiя сочиненiй К. А. Неволина, чтобы не распространяться болѣе на этотъ счетъ. «Исторiя служилаго землевладѣнiя,—справедливо говоритъ г. Рождественскiй,—привлекала вниманiе по преимуществу историковъ-юристовъ... Въ основу ихъ трудовъ положена система точекъ зрѣнiя, намѣченныхъ наукою права. Историки-юристы изучили служилое землевладѣнiе, главнымъ образомъ, какъ систему тѣхъ правовыхъ нормъ, въ которыя оно выливалось». Одностороннее изображенiе *историковъ-юристовъ* должно быть восполнено *историками культуры*. Надо дать исторiю помѣстья и вотчины

какъ нормъ права, но какъ бытовыхъ явленій (срв. стр. II, 8, 62, 123). Само собою разумѣется, что, изучая въ данномъ изслѣдованіи *помѣстье* и *вотчину*, какъ живые бытовые факты, авторъ по современному состоянію источниковъ не могъ и думать о попыткѣ дать цѣльное изображеніе практики помѣстнаго и вотчиннаго землевладѣнія. Рѣзко ограничивая свою задачу временемъ XVI в., авторъ даетъ рядъ общихъ характеристикъ, а не детальныхъ изслѣдованій по затронутому имъ вопросу. Въ связи съ особенностью постановки послѣдняго, указанной выше, вся книга получаетъ значеніе пересмотра наличнаго богатства нашей литературы и оживленія той формальной схемы помѣстнаго и вотчиннаго права, какая предложена К. А. Неволинымъ и въ частностяхъ разработана другими юристами. Не внося много новаго въ науку, книга г. Рождественскаго пріобрѣтаетъ всю цѣну общей картины извѣстнаго бытового явленія, надъ которой съ интересомъ и успѣхомъ можетъ поработать и спеціалистъ-изслѣдователь, и читатель, ищущій болѣе широкаго знакомства съ отечественной исторіей, нежели тѣ жалкіе и тенденціозные крохи, которыя даются у насъ средней школой. Первый поведетъ изслѣдованіе дальше, изучая по архивнымъ источникамъ детали явленія; второй, постарается общеизученный по книгѣ г. Рождественскаго процессъ, сопоставить съ подобнымъ же процессомъ въ западноевропейскомъ средневѣковымъ государствѣ.

Книга г. Рождественскаго, написанная очень старательно, совершенно правильно поставила тему изучать съ *бытовой* стороны вопросъ, достаточно изученный со стороны *юридической*. Если нельзя сказать, чтобы слишкомъ богаты были результаты изученія, то въ этомъ виновата смѣлость автора, рѣшившагося на нѣкоторыя построенія въ области экономическаго быта древней Россіи, со стороны изученія источниковъ находящагося въ младенческомъ состояніи. Рекомендуя книгу г. Рождественскаго, не можемъ не пожелать ей сыграть роль нѣкотораго толчка въ изученіи источниковъ *экономическаго быта* древней Россіи, быта крайне своеобразнаго.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Дж. Гобсонъ.—«Эволюція современнаго капитализма.»

Дж. Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Изслѣдованіе машиннаго производства (Evolution of modern Capitalism. A study of machine production). Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Свирскаго. Ярославль 1898 г. Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что онъ старался въ своемъ изслѣдованіи держаться середины между широкими философскими трактатами о соціальной эволюціи съ одной стороны, и спеціальными, почти техническими, изслѣдованіями промышленности въ родѣ извѣстныхъ сочиненій Babbage'a, Ure и Шульце Гэверпитца—съ другой. Давъ во вступительной главѣ очеркъ сущности и задачъ промышленной науки, авторъ излагаетъ строеніе промышленности до машиннаго производства (гл. II) и порядокъ развитія этого послѣдняго (гл. III), Гобсонъ изслѣдуетъ вліяніе машинъ на общій строй промышленности (гл. IV), на образованіе монополій (гл. V—VI), на промышленные кризисы (г. VII), на положеніе рабочихъ въ качествѣ производителей и потребителей и, въ частности, на положеніе женщинъ-работницъ (гл. VIII—XII), наконецъ, на современную городскую жизнь (гл. XIII). Въ заключеніе (гл. XIV) авторъ указываетъ тѣ средства, которыми можно соединить промышленное развитіе съ прогрессомъ цивилизаціи, и устранить темныя стороны современнаго экономическаго строя.

Задача, намѣченная Гобсономъ, удалась ему вполнѣ: книга его есть одно-

временно и популярное изложеніе послѣднихъ выводовъ экономіи промышленности, и серьезное экономическое изслѣдованіе, оригинально освѣщающее многіе запутанные вопросы современнаго хозяйственнаго строя и подкрѣпляющее свои положенія большимъ количествомъ статистическаго матеріала. Гобсонъ—убѣжденный сторонникъ «обобществленія труда». Мы находимъ въ его произведеніи мѣткую критику тѣхъ оптимистическихъ мнѣній, которыя видятъ въ новѣйшихъ теченіяхъ капиталистическаго строя (образованіе монополій, повышеніе заработной платы, усиленіе власти профессіональныхъ союзовъ) факторы, способные сами по себѣ, при существующей организаціи промышленности, привести къ общему подъему благосостоянія населенія и къ развитію цивилизаціи. Лишь подчиняя экономическую дѣятельность все большему надзору общества и превращая индивидуалистическую организацію промышленности въ общественную,—утверждаетъ Гобсонъ,—можемъ мы добиться устраненія всѣхъ бѣдствій, неразрывно связанныхъ съ принципомъ свободы промышленности и господства конкурренціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта будущая промышленная организація является въ глазахъ Гобсона не утопическимъ идеаломъ мечтателя, а результатомъ самого развитія капиталистическаго машиннаго производства. Авторъ указываетъ на то, что примѣненіе принципа общественности къ экономической жизни должно идти по слѣдамъ промышленнаго развитія, при чемъ первыми будутъ подчиняться этому принципу тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ конкурренція сама выродится въ монополію. Съ этой же точки зрѣнія Гобсонъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ знатокомъ англійскаго экономическаго быта Сиднеемъ Веббомъ (см. его послѣднюю брошюру: «Labor in the longet resign». London 1897), приходитъ къ требованію возможно быстраго и кореннаго уничтоженія такъ называемой «sweating system», т. е. домашней системы крупной промышленности, въ которой онъ видитъ случай «задержки развитія». Конечно, не со всѣми положеніями Гобсона можно согласиться; такъ, онъ придерживается весьма спорной теоріи кризисовъ въ духѣ Родбертуса, считая главной причиной ихъ недостаточное потребленіе. Впрочемъ, какъ бы мы ни смотрѣли на эту теорію, мы и въ этомъ отношеніи должны быть благодарны Гобсону за его блестящее, почти математически ясное изложеніе ея, чѣмъ въ значительной степени облегчается ея критика.

Насколько мы могли прослѣдить, переводъ сдѣланъ весьма близко къ подлиннику. Къ сожалѣнію, эта близость доведена до такой степени, что порой сомнѣваешься, не «подстрочникъ» ли къ Цицерону читаешь,—настолько вольно обходится переводчикъ съ самыми элементарными правилами грамматики и стилистики. Вотъ примѣры стиля перевода. «Въ то время, какъ такимъ образомъ, невозможность надлежащаго эксперимента, трудность научнаго наблюденія явленій, столь обширныхъ по объему и столь сложныхъ по взаимнымъ отношеніямъ, ставятъ изслѣдователя соціалогическихъ предметовъ въ большую зависимость отъ *печатныхъ матеріаловъ*, чѣмъ это бываетъ въ большинствѣ другихъ наукъ, эти печатные матеріалы *послѣдовательно* приводятъ къ такому ходу мышленія, который является безусловно неблагопріятнымъ для *схватыванія живущаго и движущагося единства*» (с. 10). «Схватываніе живущаго единства посредствомъ печатныхъ матеріаловъ»—вещь, надо признаться, дѣйствительно довольно трудная. Нѣсколькими строками ниже: «Каждая часть механизма описывается ясно, и читатель освѣдомляется, какъ она согласуется съ другими, наиболѣе тѣсно къ ней примыкающими частями, но не получаетъ *одновременнаго схватыванія механизма*, какъ дѣйствующаго цѣлаго». А вотъ еще одинъ, наудачу взятый образчикъ: «По мѣрѣ того, какъ классъ рабочихъ болѣе высоко оплачивается, воспитанъ и организованъ, онъ можетъ все болѣе извлекать *пользу изъ выгоды*, приносимой усовершенствованіемъ машинъ потребителю, потому что онъ больше способенъ противостоять экономической тен-

денціи *опредѣлять* заработную плату соотвѣтственно уровню жизненныхъ *удобствъ и независимо отъ денежныхъ соображеній»* (стр. 349). О смыслѣ этой фразы можно лишь догадаться, понять ея невозможно. И подобнымъ языкомъ переведена, за немногими исключеніями, вся книга. Встрѣчаются неуклюжіе термины, въ родѣ «политико-экономы», «политико экономисты», «взаимозависимость» и т. п. Терминъ «sweating-system» переводится «система выпотѣванія», причемъ переводчикъ нигдѣ не объясняетъ читателю, что означаетъ это таинственное «выпотѣваніе». Заглавіе одного параграфа: «Collectivisme follows the line of monopoly», основную мысль котораго мы передали выше, переведено слѣдующимъ образомъ: «Коллективизмъ слѣдуетъ *по линіи* монополіи». При такой безграмотности перевода въ немъ попадаются еще въ значительномъ количествѣ опечатки, изъ которыхъ очень немногія лишь оговорены.

Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ русское изданіе Гобсона по меньшей мѣрѣ неудобнымъ для ученія. Какъ объяснить, что на обложкѣ подобнаго перевода стоитъ имя профессора политической экономіи? Одно изъ двухъ: или г. Свирщевскій далъ свое имя, не прочитавши перевода,—тогда онъ поступилъ очень неосторожно, потому что это можетъ сильно повредить его ученому имени; или же переводъ дѣйствительно былъ редактированъ г. Свирщевскимъ,—и въ такомъ случаѣ мы должны придти къ печальному выводу, что у насъ существуютъ профессора, не умѣющіе писать правильно по-русски. Какъ бы то ни было, но переводъ настолько плохъ, что мы затрудняемся рекомендовать превосходную по содержанію книгу Гобсона русскому читателю.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Грантъ-Алленъ. «Жизнь растеній».—*Ф. Федо.* «Ботаникъ-любитель».

1) Жизнь растеній. Популярныя бесѣды Грантъ-Аллена. Перев. съ англ. подъ редакціей адъюнктъ-проф. Московскаго сельско-хозяйственнаго института Д. Н. Прянишникова. Съ 51 рис. 230 стр. Изд. магаз. «Книжное дѣло». 1897 г. Цѣна 60 коп. 2) Грантъ-Алленъ. Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Перев. П. Фрейберга. Изданіе журнала «Естествознаніе и Географія», со многими рис. 188 стр. 1897 г. Ц. 80 к. Едва только выходитъ на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ заманчивая по заглавію или по имени автора книга, какъ на нее набрасываются со всѣхъ сторонъ русскіе переводчики и издатели, спѣша ее перевести и издать раньше другихъ. Слѣдствіемъ этой спѣшки является нѣсколько переводовъ одного и того же, переводовъ обыкновенно плохихъ. Теряетъ и издатель, которому приходится выдерживать конкурренцію своего собрата, и читатель, которому преподносятъ спѣшный, необработанный, а часто совсѣмъ безграмотный и невѣжественный переводъ. Но бываетъ и того хуже; такъ, позарившись на эффектное заглавіе и извѣстное, хотя бы и нѣсколько сомнительной извѣстностью, имя автора, русскіе издатели выпускаютъ иногда переводъ такой дребедени, какой даже гимназисты въ своихъ журналахъ не помѣстятъ.

Эта печальная спѣшка, вѣроятно, отразилась и на русскихъ переводахъ интересной и оригинальной книжки Грантъ-Аллена. Переводы хотя и не безграмотны, но совсѣмъ не обработаны, иныя же мѣста написаны до того не по русски, что даже смыслъ не ясенъ. Напр., въ переводѣ проф. Прянишникова встрѣчаются такія предложенія: «Затѣмъ, если только не всѣ они (растенія одного вида) оставались вполнѣ безъ вліянія *обстоятельствъ* (?) (чего не можетъ быть), то должно было неизбѣжно случаться, что среди нихъ возникнутъ слабыя различія» (стр. 23), или: «Въ окружающемъ насъ мірѣ мы наблю-

даемъ большое количество разнообразныхъ родовъ растеній, *не смѣшанныхъ всѣ мѣстѣ* (?) и не переходящихъ одинъ въ другой путемъ безконечной постепенности, но часто ясно обособленныхъ опредѣленными линіями въ отдѣльныя группы и семейства» (стр. 29). Никто, конечно, не догадается, о какихъ растеніяхъ, «не смѣшанныхъ всѣ мѣстѣ», говоритъ г-нъ переводчикъ. Также никто изъ читателей не пойметъ, какіе это листья, «которые могутъ сами свободно подниматься къ солнцу и кверху»... (стр. 34). Часто встрѣчаются выраженія, въ родѣ: «жизнеподательный элементъ протоплазмы» (63), «ловленіе насѣкомыхъ» (63), «мы можемъ допустить, что нѣкоторый такой же цвѣтокъ» и т. д. Проскакиваютъ и прямо невѣрности; такъ, напр., «травы» у переводчика «дѣлятся на многія семейства, какъ, напр., лютиковыя, розоцвѣтныя и др.» Хороши травы! Въ переводѣ г-на Фрейберга тоже не совсѣмъ благополучно. Г-нъ Фрейбергъ называетъ, напр., «борьбу за существованіе и естественный отборъ—великими *скрытыми* законами» (стр. 20); наоборотъ, скрытую теплоту переименовываетъ въ «тайную» (стр. 30), а «процессъ, который приводитъ, наконецъ, къ соснѣ и лиліи, пальмѣ и яблонѣ», величаетъ *«возвышающимъ* процессомъ».

Обратимся теперь къ самой книгѣ. Грантъ-Алленъ убѣжденный и страстный эволюціонистъ и дарвинистъ; эволюціонной теоріей не только окрашена вся его книга, больше—она и написана для того, чтобы на канвѣ современной жизни растительнаго міра развернуть передъ читателемъ грандіозную картину постепеннаго развитія организованныхъ формъ, уяснить людямъ «средняго развитія и знанія» всю ширину и плодотворность эволюціоннаго принципа. По признанію самого автора, онъ сдѣлалъ изъ этого «изученія растеній первое введеніе къ великимъ основнымъ современнымъ положеніямъ, касающимся наслѣдственности, измѣнчивости, естественнаго отбора и приспособленности организмовъ къ окружающей средѣ».

Мы могли бы сказать, что авторъ блестяще выполнилъ поставленную себѣ задачу, еслибъ не первыя 4, 5 главъ, которыя изложены настолько схематично, сухо и неясно, что могутъ оттолкнуть читателя, если онъ не забѣжитъ впередъ и не увидитъ, что слѣдующія главы вознаградятъ его вполнѣ за скуку и работу надъ этими общими понятіями. Особенно трудно будетъ неподготовленному читателю разобраться въ вопросѣ о значеніи солнечной энергіи въ круговоротѣ жизни, а это вопросъ кардинальный. Что пойметъ такой читатель хотя бы изъ слѣдующаго мѣста (стр. 10): «Пока растеніе не сгоритъ, свѣтъ и теплота, полученные имъ отъ солнца, лежатъ въ скрытомъ состояніи внутри его, не какъ дѣйствительные свѣтъ и теплота, но какъ *раздѣленіе* (?) кислорода отъ водорода и углерода?» Положимъ, темнотѣ этой фразы помогъ и переводчикъ, но главная вина все же за авторомъ. Та же схематичность и краткость явилась причиной того, что у автора проскакиваютъ кое-когда и такія невѣрныя опредѣленія: «растенія, — говоритъ онъ,—суть единственныя существа, которыя обладаютъ способностью вырабатывать вещество, способное поддерживать жизнь». Ясно, что авторъ пропустилъ при словѣ вырабатывать слова: *изъ неорганическихъ соединеній*. Съ другой стороны страстное отношеніе автора къ эволюціонной теоріи заставляетъ его представлять читателю, какъ общепризнанныя, положенія, далеко не имѣющія такого характера; напр., онъ на нѣсколькихъ страницахъ доказываетъ своимъ читателямъ, что растенія должны были явиться на земной поверхности ранѣе животныхъ. Нѣсколько смѣло даже для самаго убѣжденнаго эволюціониста! Кто можетъ сказать, что функціи животнаго и растенія не были связаны въ одномъ общемъ первоначальномъ типѣ, или, съ другой стороны, кто можетъ утверждать, что растенія и животныя въ ихъ простѣйшемъ видѣ не появились на землѣ одновременно?! Все это еще такіе вопросы, къ которымъ даже съ точки зрѣнія общихъ гипотезъ подступиться трудно.

Та же страстность мѣшаетъ автору видѣть, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, когда, напр., утверждаетъ (стр. 216), что «нѣтъ ни одного крошечнаго волоска на поверхности цвѣтка, ни одного пятнышка или полоски на пластинкѣ листа, ни одной ямки или углубленія на покровѣ сѣмени, которые не имѣли бы своего назначенія»; авторъ, видимо, забылъ, что уже познакомилъ читателя съ явленіями атавизма и регрессивнаго развитія.

Но всѣ эти недостатки не мѣшаютъ книгѣ г-на Грантъ-Аллена, даже и въ разобранныхъ нами русскихъ переводахъ, быть крайне оригинальной, интересной и полезной книгой для нашей большой публики. Помимо широкой картины эволюціи растительнаго міра, авторъ умѣло знакомитъ читателя съ строеніемъ жизни многихъ растеній, даетъ полное представленіе о тѣхъ «чудныхъ соотношеніяхъ, которыя существуютъ между цвѣтами и насѣкомыми, птицами и плодами, почвой и растеніями, климатомъ и листвой»... Жаль только, что экскурсіи автора въ область поэтическихъ сравненій нельзя назвать удачными. «Иногда случается находить,—говоритъ г. Грантъ-Алленъ,—головку клевера, у котораго уже оплодотворены всѣ цвѣточки, кромѣ одного, и этотъ одинъ, какъ одинокая старая дѣва, грустно стоитъ посрединѣ, все еще ожидая, что вотъ прилетитъ пчелка и оплодотворитъ его».

Одинокая старая дѣва, поджидающая пчелки, врядъ ли поблагодаритъ автора.

Ф. Федо. Ботаникъ любитель. Описаніе интересныхъ растеній и поучительныхъ опытовъ съ ними. Пер. съ французскаго Е. И. Шевыревой подъ редакцій и съ дополненіями В. Добровлянскаго. 200 рисунковъ въ текстѣ. 260 страницъ. Цѣна 1 рубль. Книжка г. Федо разсчитана на самую широкую и самую разнообразную публику, авторъ имѣлъ въ виду и «молодежь, занимающуюся изученіемъ ботаники», которая найдетъ здѣсь «описаніе многихъ интересныхъ опытовъ», и «любителей прогулокъ за городъ», которые могутъ сдѣлать, съ помощью предлагаемой книги, «свои прогулки не только пріятными, но и интересными», и «дамъ»,—цѣлыя главы посвящены «составленію букетовъ и культурѣ комнатныхъ растеній»; не забылъ г. Федо и дѣтей, которые «найдутъ указанія на легкіе способы изготовленія игрушекъ и инструментовъ, болѣе шумныхъ, чѣмъ музыкальныхъ».

Такая разнообразная программа не могла, конечно, быть выполнена безъ нѣкотораго ущерба для цѣльности книги: нельзя же за разъ удовлетворить и юношу, занимавшагося уже ботаникой, и ребенка, жаждущаго свистульки. Въ этой разнокалиберности содержанія, если можно такъ выразиться, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ интересной книжки г. Федо. Авторъ заявляетъ, что «научная сторона дѣла не была забыта: многочисленныя *указанія на* (?) устройство и назначеніе органовъ растеній разсѣяны среди описаній, могущихъ возбудить интересъ». Но вслѣдствіе указаннаго нами выше недостатка и «научная сторона» не во всѣхъ отдѣлахъ книжки равноцѣнна; кромѣ того, она страдаетъ и тѣмъ недостаткомъ, что многія явленія только констатируются, но не объясняются; если же авторъ и пытается иногда дать такія объясненія, то не доводитъ ихъ, такъ сказать, до конца, поэтому они или неясны, или слишкомъ одухотворяютъ дѣятельность растеній: можетъ быть, это и хорошо для дѣтей и для дамъ, но совсѣмъ не годится для молодежи, «уже занимавшейся изученіемъ ботаники». Такъ, напр., авторъ, указавъ на то, что корни направляются всегда къ самымъ влажнымъ мѣстамъ почвы, прибавляетъ: «Кажется даже, что о присутствіи воды ихъ (корни) предупреждаетъ родъ инстинкта; такъ какъ они, пользуясь малѣйшими щелями, проникаютъ въ трубы, проложенныя въ почвѣ для осушки или орошенія, проходя часто для этого громадныя разстоянія». Вѣдь извѣстно, что и инстинктъ-то часто весьма неясное и всегда ненаучное объясненіе, а «*родъ инстинкта*»—это уже совсѣмъ изъ области какой-то растительной телепатіи.

Но не смотря на указанные недостатки, книжка г. Федо можетъ быть очень полезной многимъ, особенно же учителямъ и учительницамъ, занимающимся естествознаніемъ съ дѣтьми младшаго и средняго возраста и устраивающимъ съ ними естественно-историческія прогулки, полезна будетъ и любознательнымъ 12—15-лѣтнимъ подросткамъ. Матеріалъ для наблюденій и опытовъ распредѣленъ довольно систематично. Первыя четыре главы посвящены стеблю, корню, листьямъ и сѣмени, пятая—движенію растеній. Читатель найдетъ здѣсь интересные опыты съ развитіемъ лука въ графинѣ, съ вытравленіемъ мрамора корнями, съ культурами растеній въ ватѣ; познакомится съ странствующими и воскресающими растеніями, съ причудливыми формами корней; узнаетъ, какъ можно по нѣкоторымъ растеніямъ узнать страны свѣта, какъ сдѣлать растительный пирометръ и тому подобныя занятныя вещи. Шестая глава спеціально «дамская»—она озаглавлена «Эпохи цвѣтенія» и описываетъ разные букеты (весенніе, лѣтніе и осенніе), вѣнки и ожерелья изъ полевыхъ цвѣтовъ. За ней слѣдуютъ двѣ главы, знакомящихъ читателя въ рядѣ интересныхъ и удачно выбранныхъ примѣровъ, съ процессами опыленія и разсѣванія сѣмянъ. На безцвѣтковыя растенія, имѣющія такое громадное значеніе въ круговоротѣ жизни, обращено, по нашему мнѣнію, слишкомъ мало вниманія—всего 4 странички; авторъ удовольствовался только описаніемъ плѣсневого «сада на хлѣбномъ мякишѣ», и на кучкѣ навоза; при чемъ г. Федо, вѣроятно, въ виду того, что среди своихъ разнокалиберныхъ читателей надѣется видѣть и дамъ, называетъ деликатно навозъ «несомнѣнными слѣдами пребыванія домашнихъ животныхъ» и «предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь» (стр. 167). Эта институтская деликатность не мѣшаетъ, впрочемъ, автору щегольнуть своимъ остроуміемъ: онъ совѣтуетъ читателю «не хвастаться своей находкой» и не класть ее «непремѣнно въ гостиную». Мы позволили себѣ указать на эти авторскія «отступленія», такъ какъ ихъ въ небольшой книжкѣ слишкомъ много, она только выиграла бы, еслибъ переводчикъ не постѣснился бы выпустить многія публицистическіе и беллетристическіе выпады автора.

Послѣднія двѣ главы (10 и 11) посвящены культурѣ комнатныхъ растеній и различнымъ развлеченіямъ. Первую изъ нихъ не мѣшало бы сдѣлать гораздо болѣе обстоятельной,—въ теперешнемъ своемъ видѣ она даетъ любителю комнатныхъ растеній очень мало.

Редакторомъ русскаго перевода книжки Федо сдѣланы обширныя и полезныя дополненія, состоящія въ краткихъ описаніяхъ тѣхъ растеній, которыхъ касается авторъ; къ нимъ присоединены многочисленные рисунки. По сухости своей, эти описанія ничѣмъ не уступаютъ характеристикамъ растеній, помѣщаемыхъ въ различныхъ «флорахъ» и опредѣлителяхъ. Книга много выиграла бы, еслибъ вмѣсто дополненій г. Добровлянскаго были приложены раскрашенные рисунки растеній, но, къ сожалѣнію, цѣна книги тогда стала бы въ два или три раза дороже.

Переводъ сдѣланъ въ общемъ удовлетворительно.

МЕДИЦИНА и ГИГІЕНА.

Э. Крепелинъ. «Гигіена труда».—«Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній».—*Э. Дюкло.* «Пастеръ. Броженіе и самозарожденіе».

Проф. Э. Крепелинъ. Гигіена труда, умственный трудъ, переутомленіе. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898, ц. 30 к. Трудъ, этотъ источникъ жизни и прогресса, лишь въ послѣднее время сталъ предметомъ научнаго изслѣдованія. Раннее наступленіе инвалидности рабочихъ и обремененіе занятіями въ учебныхъ заведеніяхъ, съ чѣмъ несомнѣнно находится въ тѣсной связи все прогрессирующая надорванность нервной системы вообще и все возростающее число

умалишенныхъ въ частности, — представляютъ, разумѣется, громадный общественный интересъ. Этимъ-то двумъ вопросамъ гигіены труда, науки еще молодой, посвящена брошюра проф. Крепелина, въ которой извѣстный психіатръ знакомитъ читателя какъ съ собственными изслѣдованіями, такъ и другихъ спеціалистовъ, относительно физическаго и умственнаго труда.

Вопросы эти очень сложны и не легко поддаются разрѣшенію, но все же путемъ экспериментовъ уже и теперь получены цѣнныя данныя. Не касаясь частныхъ вопросовъ по гигіенѣ физическаго труда, приведемъ лишь общій выводъ. «Если мы желаемъ,—говоритъ проф. Крепелинъ, — сохранить и увеличить рабочую силу нашего народа, мы не должны вести хищническаго хозяйства въ этомъ отношеніи. Не только библія, но и самый простой разсчетъ указываетъ намъ на то, что каждый рабочій долженъ быть «достоенъ мзды своей». Поэтому, заботы о достаточномъ питаніи и отдыхѣ рабочаго, о здоровыхъ жилищахъ и устраненіи опасностей труда являются не только нравственной обязанностью, но и мѣрами самосохраненія. Народная сила падетъ и погибнетъ, если мы не создадимъ условій, при которыхъ она можетъ расти и развиваться», а основнымъ условіемъ являются мѣры противъ избыточнаго утомленія,—этого отравленія продуктами разложенія тканей, обусловливаемаго работой,—утомленія, устраняемаго надлежащимъ отдыхомъ и сномъ, съ одной стороны, и достаточнымъ питаніемъ—съ другой.

Что касается умственнаго труда, въ частности труда воспитанниковъ учебныхъ заведеній, то произведенные въ этомъ направленіи опыты весьма поучительны. Они состоятъ въ томъ, что изслѣдуемое лицо производитъ, напримѣръ, въ теченіе извѣстнаго времени сложеніе ряда цифръ, отпечатанныхъ въ спеціально для того предназначенныхъ тетрадяхъ; когда сумма выше ста, то сотни отбрасываются, а единицы складываются съ дальнѣйшими цифрами; каждыя 5 минутъ раздается звонокъ, при чемъ изслѣдуемый подводитъ черту подъ послѣдней сложенной имъ цифрой, такъ что по окончаніи опыта видно, сколько цифръ данное лицо сложило въ каждыя 5 минутъ, на основаніи чего легко судить объ утомленіи. Или же, напримѣръ, при диктовкѣ опредѣленнаго числа предложеній замѣчено, что спустя 2 часа число ошибокъ увеличивается въ 7 разъ.

Далѣе посредствомъ циркуля испытывается пониженіе чувствительности кожи подъ вліяніемъ утомленія: ножки циркуля приходится раздвигать все дальше и дальше, чтобы испытуемый могъ получить ощущеніе двухъ прикосновеній. При подобныхъ опытахъ съ удивительнымъ постоянствомъ обнаруживалось, что въ дни, свободные отъ занятій, разстояніе между ножками циркуля оставалось неизмѣннымъ, во время же ученья разстояніе расло и превосходило норму даже въ 4 раза, при чемъ замѣчено, что одни предметы обусловливаютъ большее пониженіе чувствительности (слѣд., большее утомленіе), нежели другіе; особенно рѣзкое увеличеніе разстоянія между ножками циркуля замѣчалось въ зависимости отъ экзаменовъ.

Подобные эксперименты приводятъ къ выводу, что «многочасовое ученіе, прерываемое лишь очень короткими паузами, должно вести къ полному умственному изможденію. Напряженіе вниманія продолжается слишкомъ долго, перерывы для отдыха слишкомъ коротки для того, чтобы хоть сколько-нибудь могла сохраниться здоровая работоспособность. Не считая первой части перваго урока, ученикъ постоянно находится подъ наркозомъ утомленія, дѣлающимъ его неспособнымъ пользоваться своими естественными силами для усвоенія учебнаго матеріала». Но отъ неизбѣжнаго умственнаго изможденія молодежь спасаетъ предохранительный клапанъ—невнимательность, благодаря чему мозгъ получаетъ возможность отдохнуть, скучные учителя, неспособные увлекать своимъ преподаваніемъ учениковъ, выручаютъ ихъ нервную систему отъ полнѣйшей надорванности.

Насколько подобные «клапаны» дѣйствуютъ отрицательно на весь умственный складъ ученика, очевидно само собой. Единственный выходъ изъ подобнаго ненормальнаго положенія вещей—это сокращеніе классныхъ занятій (увеличеніе промежутковъ между уроками), уменьшеніе задаваемыхъ на домъ уроковъ, достаточный сонъ, по возможности устраненіе экзаменовъ, заботы о физическомъ развитіи воспитанниковъ и т. п.,—словомъ, рядъ мѣръ, давно указанныхъ людьми науки, но до сихъ поръ остающихся лишь pia desideria.

Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Отчетъ д-ра мед. И. Старкова. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. Если брошюра проф. Крепелина даетъ печальную картину современной постановки школьнаго дѣла, надламывающей нервную систему учениковъ, калѣчащей молодой организмъ въ періодѣ его развитія, создающей юношей—инвалидовъ въ духовномъ и физическомъ отношеніи, то отчетъ д-ра Старкова является весьма поучительнымъ: онъ раскрываетъ предъ нами, обоснованную на фактическомъ, цифровомъ матеріалѣ, картину хорошихъ результатовъ, достигнутыхъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ заботамъ о физическомъ развитіи воспитанниковъ издавна удѣляется должное вниманіе и гдѣ изъ программы преподаванія изгнанъ «классическій» балластъ.

Еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія центральное управленіе военно-учебныхъ заведеній разослало инструкціи, какъ сохранять и укрѣплять здоровье кадетъ, какъ наблюдать за правильнымъ ходомъ ихъ физическаго развитія и т. п., но на вполнѣ прочную почву дѣло это стало въ началѣ 70-хъ годовъ, когда учреждена была въ Петербургѣ школьно-гигіеническая коммиссія изъ врачей, педагоговъ и спеціалистовъ другихъ вѣдомствъ. Среди докладчиковъ и лекторовъ въ педагогическомъ музеѣ мы встрѣчаемъ въ половинѣ 70-хъ годовъ такихъ авторитетовъ, какъ проф. Лесгафтъ, Доброславинъ, Сикорскій, Тархановъ и др., не мало содѣйствовавшихъ проведенію въ жизнь военно-учебныхъ заведеній раціональныхъ воззрѣній на физическое развитіе воспитанниковъ. Понятно, что подобная программа, систематически проводимая и проникнутая одушевленіемъ, дала плодотворные результаты, наглядно представленные въ отчетѣ д-ра Старкова. Отчетъ этотъ, въ настоящее время выпущенный въ свѣтъ отдѣльной брошюрой въ болѣе разработанномъ видѣ, былъ экспонированъ на всероссійской выставкѣ 1896 г. и удостоенъ диплома 1-го разряда.

Отчетъ представляетъ обширный матеріалъ, собранный на основаніи всесторонняго изслѣдованія физическаго развитія $9^1/_2$ тысячъ воспитанниковъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ главнаго управленія: 22 кадетскихъ корпусовъ, 2 школъ и 3 военныхъ училищъ; свѣдѣнія эти при томъ были собираемы всюду одновременно (январь и февраль 1895 г.) врачами учебныхъ заведеній по опредѣленной программѣ.

Отчетъ распадается на 4 отдѣла: санитарное изслѣдованіе по составу воспитанниковъ, саниторныя измѣренія воспитанниковъ по возрастамъ, половое развитіе по возрастамъ и измѣренія головы (кефалометрія). Изъ массы данныхъ отмѣтимъ лишь представляющія болѣе или менѣе общій интересъ. Возрастъ изслѣдуемыхъ — отъ 10 до 21 года включительно. Преобладаютъ православные (90,4%), затѣмъ слѣдуютъ лютеране, католики, магометане и армяне. Родители воспитанниковъ по преимуществу военные (71,16%), затѣмъ чиновники, помѣщики, разночинцы. Сиротъ (не имѣющихъ отца или матери и круглыхъ сиротъ)—$^1/_3$ всего числа воспитанниковъ. Рѣчь представляетъ ненормальности (заиканіе, шепелявость и косноязычіе) у 3,66%. Что касается остроты зрѣнія, то почти $^2/_3$ воспитанниковъ имѣютъ нормальную остроту; процентъ этотъ уменьшается съ возрастомъ, такъ что, напр., на 11-мъ году—33%, а на 21-мъ уже 51% воспитанниковъ съ остротой зрѣнія ниже нормы. Процентъ малокровныхъ, золотушныхъ, съ искривленіемъ позвоночника весьма незначительный. Преобладающее тѣлосложеніе—

среднее, а крѣпкое встрѣчается почти втрое чаще, нежели слабое. Тотъ же порядокъ мы видимъ и по отношенію къ развитію мускулатуры, но въ нѣсколько иныхъ процентныхъ отношеніяхъ.

Наиболѣе цѣнныя данныя для сужденія объ успѣшномъ ходѣ физическаго развитія воспитанниковъ даетъ второй отдѣлъ отчета; обратимъ вниманіе лишь на ростъ, окружность груди и вѣсъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ развитіе весьма успѣшное: средній ростъ воспитанниковъ превосходитъ средній ростъ соотвѣтствующаго возраста (указываемаго статистикой Кэтлэ), такъ что плюсъ этотъ составляетъ для 17-ти-лѣтняго возраста почти 6 сант. Окружность груди воспитанниковъ даетъ еще болѣе благопріятныя отношенія по сравненію съ средними величинами Кэтлэ. Наконецъ, вѣсъ воспитанниковъ значительно превосходитъ обычныя среднія величины, и разница эта на 17-мъ году достигаетъ даже 6,3 килограмма!

Цифры эти достаточно убѣдительно показываютъ, какіе результаты достигнуты въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и, намъ думается, должны бы навести на серьезныя размышленія тѣхъ, кто стоитъ во главѣ гражданскихъ учебныхъ заведеній.

Обходя молчаніемъ третій отдѣлъ отчета, гдѣ также проглядываетъ заботливость со стороны школьныхъ врачей, и четвертый, представляющій пока лишь теоретическій интересъ, обратимъ еще вниманіе на одно заведеніе военнаго вѣдомства, Вольскую школу, Саратовской губ., одно изъ глубоко симпатичныхъ явленій въ педагогическомъ мірѣ. Въ этой школѣ, расположенной на берегу Волги, въ живописной мѣстности, воспитывается 100 учениковъ, удаленныхъ туда изъ корпусовъ, какъ неудовлетворительныхъ въ нравственномъ отношеніи, какъ «трудныхъ для воспитанія» (замѣтимъ, что среди нихъ оказывается половина сиротъ). Наиболѣе преданные дѣлу педагоги назначаются именно въ эту школу, и они, понимая, что имѣютъ предъ собой дѣтей съ запоздалымъ во всѣхъ отношеніяхъ развитіемъ, обездоленныхъ съ ранняго дѣтства вслѣдствіе несчастно сложившихся обстоятельствъ, смотрятъ на 15-ти-лѣтняго мальчика, какъ на 10—12-лѣтняго. Сколько любви къ дѣлу, сколько вниманія и сочувствія къ обездоленнымъ дѣтямъ, сколько тонкаго чутья и глубокаго пониманія сложныхъ душевныхъ процессовъ своихъ учениковъ проявляютъ учителя этой школы съ директоромъ во главѣ! Допуская даже нѣкоторое увлеченіе со стороны автора, нельзя не отмѣтить это учрежденіе, подобнаго которому нѣтъ ни въ одномъ изъ гражданскихъ вѣдомствъ, откуда выгоняютъ этихъ недоразвитыхъ дѣтей, снабдивъ ихъ «волчьимъ паспортомъ».

Школа эта является истинно свѣтлымъ явленіемъ въ педагогическомъ мірѣ, и не лишнее было бы нашимъ педагогамъ, нерѣдко относящимся къ своему дѣлу, какъ къ отбыванію барщины, заглянуть туда, они нашли бы тамъ, чему поучиться. Тогда, можетъ быть, ихъ безпощадные «кондуитные списки» нѣсколько измѣнили бы свой характеръ.

Научно-популярная библіотека «Русской Мысли». Э. Дюкло-Пастеръ. Броженіе и самозарожденіе. Перев. подъ ред. К. Тимирязева. Москва 1897 г. Ц. 40 к. «Pasteur—histoire d'un esprit»,—обстоятельнѣе сочиненіе талантливаго ученика и преемника Пастёра, Э. Дюкло,—посвящено обзору всей научной дѣятельности этого геніальнаго ученаго. Указанная въ заголовкѣ брошюра представляетъ переводъ тѣхъ главъ произведенія Дюкло, которыя знакомятъ съ великими открытіями Пастёра относительно броженія и самозарожденія; главы, посвященныя вопросу о заразныхъ болѣзняхъ и ихъ прививкѣ, составятъ предметъ отдѣльной брошюры той же «научно-популярной библіотеки».

Разсказывая исторію такого спеціальнаго вопроса, какъ броженіе, излагая взгляды разныхъ ученыхъ, описывая подробно опыты, приведшіе Пастёра къ его грандіозному открытію, Дюкло остается всюду не только понятнымъ чита-

телю—не спеціалисту, но и своимъ мастерскимъ, талантливымъ изложеніемъ вызываетъ живой интересъ къ предмету бесѣды.

Броженіе,—явленіе, извѣстное съ древнѣйшихъ временъ при полученіи вина, хлѣба и т. п., издавна уже привлекало къ себѣ вниманіе философовъ, алхимиковъ, но все же еще въ половинѣ настоящаго столѣтія, въ то время, когда къ изученію его приступилъ Пастёръ, въ этой области мы встрѣчаемъ лишь путаницу, противорѣчія, почти полный мракъ, и лишь геніальный французскій ученый своими блестящими опытами проникъ въ сущность такого загадочнаго и удивительнаго явленія, какъ броженіе.

«Броженіе не представляется уже,—говоритъ Дюкло,—какъ неопредѣленное превращеніе, неясное по своему происхожденію и причинѣ, вызываемое дѣйствіемъ какой нибудь органической матеріи. Это—специфическое явленіе, зависящее отъ существованія, развитія и видовыхъ особенностей существа, которое тѣмъ легче можно изслѣдовать микроскопически, чѣмъ болѣе жидкость, предназначенная для броженія, освобождена отъ органическихъ нерастворимыхъ веществъ, а между тѣмъ прежде считали необходимымъ именно эти вещества прибавлять къ растворамъ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ начали употреблять для опытовъ прозрачные бульоны, явилась возможность вблизи наблюдать за посѣяннымъ микробомъ, провѣрять, одинъ ли онъ присутствуетъ въ жидкости. Изученіе условій питанія микроба не представляло уже трудностей. Дѣйствуя на его питаніе, мы вполнѣ подчиняемъ его своей власти. Мы можемъ его посѣять, разводить и ограждать отъ вторженія сорныхъ растеній съ такою же увѣренностью, какъ мы это сдѣлали бы по отношенію къ какому-нибудь салату, разведенному въ нашемъ саду. Можно заставить этотъ микробъ исчезнуть изъ раствора, въ противномъ случаѣ онъ развивается въ огромныхъ размѣрахъ. Говоря коротко, этимъ безконечно малымъ существомъ легко овладѣть и оно дѣлается доступнымъ для опыта».

Геній Пастёра, какъ видимъ, раскрылъ предъ нами жизнь микроскопическихъ существъ, тѣсно переплетенную съ жизнью природы вообще и человѣка въ частности, и далъ тѣмъ самымъ могущественный толчекъ къ обширнымъ завоеваніямъ человѣка въ разныхъ областяхъ знанія. Вопросъ «о самозарожденіи», тѣсно связанный съ вопросомъ о броженіи, былъ также блистательно разрѣшенъ Пастёромъ. Онъ опровергъ господствовавшее до него заблужденіе о самозарожденіи микробовъ изъ органической матеріи, и наглядно показалъ, что они не возникаютъ самородно въ бродящихъ веществахъ, а попадаютъ туда изъ воздуха, что они являются не спутниками броженія, а причиной, возбудителемъ этого процесса, и что происхожденіемъ своимъ они обязаны подобнымъ себѣ существамъ и зародышамъ.

Стоитъ отмѣтить только, помимо успѣховъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, колоссальныя завоеванія медицины въ послѣднія десятилѣтія, грандіозные успѣхи хирургіи, наконецъ, широкіе горизонты, раскрывающіеся предъ нами въ области лѣченія болѣзней кровяной сывороткой,—завоеванія, имѣющія своимъ первоисточникомъ геніальныя открытія Пастёра. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, не смотря на очевидность опытовъ, мы и относительно открытій Пастёра встрѣчаемъ обычную въ исторіи картину борьбы геніальныхъ новаторовъ съ рутиной, партійностью и недомысліемъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го ноября по 15-е декабря 1897 года.

Л. Шелгунова. Растенія и минералы. 23 табл. съ 270 хромолитографіями. Изд. кн. скл. Аскарханова. Спб. 97 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Животные. 23 табл. съ 270 хромолит. изобр. Изд. кн. скл. Аскарханова. Спб. 97 г. Ц. 1 р. 75 к.

К. Покровскій. Путеводитель по небу. 2 изд. Изд. Маркса. Спб. Ц. 2 р. 97 г.

Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Пер. съ нѣм. С. Н. Булгакова съ приложеніемъ статьи. Ф. Кнаппа. «Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ», пер. Цена. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 97 г. Ц. 1 р. 50 к.

Артуръ Шопенгауэръ. Нввые афоризмы. Пер. Р. Кресинъ. Харьковъ 98 г. Ц. 1 р.

Дж. Ст. Милль. Основанія политической экономіи, съ нѣкоторыми примѣненіями къ общественной философіи. Перев. Е. И. Остроградской, подъ ред. приватъ-доц. О. И. Остроградскаго. Вып. III. Подписная цѣна 2 р. 50 к. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ 98 г.

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. съ очеркомъ формы государственнаго правленія, потитики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. подъ редакціей А. А. Рейнгольдта. Вып. V. Все изданіе въ 8 вып. Подписная цѣна 3 р. 50 к. Изданіе Ф. Іогансонъ. Кіевъ 98 г.

Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып III съ 30 рис. Ц. 90 к. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98 г.

С. Н. Южакова. Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. Спб. 97 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ Эмиль Крепелинъ. Гигіена труда. Умственный трудъ. Переутомленіе. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98 г. Ц. 30 к.

Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Проф. Трачевскаго. Изд, О. Н. Поповой. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ ред. Э. Л. Радлова. Вып. I, съ 35 политипажами. Спб. 97 г. Ц. 1 р.

Проф. А. Риль. Фридрихъ Ницше, какъ художникъ и мыслитель. Перев. съ нѣм. З. Венгеровой. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 98 г. Ц. 50 к.

Гастонъ Куньи. Античное искусство. Греція—Римъ. Перев. съ франц. В. Смирнова. Изд. К. И. Тихомірова. Москва 98 г. Ц. 1 р. 75 к.

Гербертъ Спенсеръ. Происхожденіе науки. Перев. съ англ. Ц. 30 к. Спб. 98 г.

Кроненбергъ. Философія Канта и ее значеніе въ исторіи развитія мысли. Перев. В. Щиглевой. Спб. 98 г. Изд. О. Н. Поповой. Образовательная библіотека, выходитъ серіями по одной въ годъ, заключающей 10 кн. Цѣна серіи по подпискѣ 3 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Э. Реклю. Пастёръ. Вроженіе и самозарожденіе. Перев. подъ ред. Тимирязева. Изд. «Русской Мысли». Москва 98 г. Ц. 40 к.

Тина-ди-Лоренцо. Театральныя и біографическія замѣтки, диктов. Камилл. Антон. Траверси.

А. Барнъ. Религіи Индіи. Подъ ред. и съ предисловіемъ кн. С. Трубецкаго. Москва 97 г. Изд. «Русской Мысли». Ц. 1 р.

Т. Циглеръ. Нѣмецкій студентъ конца XIX в. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Н. И. Карѣева. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98 г. Ц. 50 к.

Проф. А. Эсменъ. Общія основанія конституціоннаго права. Перев. съ франц. подъ ред. проф. В. Дерожинскаго. Спб. 98 г. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 75 к.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Составленъ кружкомъ преподавателей, подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Вып. II. Москва 97 г. Ц. 3 р. 30 к.

Л. И. Мечниковъ. Цивилизація и великія историческія рѣки. Перев. съ франц. М. Г. Гродецкаго. Изд. ред. журнала «Жизнь». Спб. 98 г. Ц. 1 р. 25 к.

П. Ровинскій. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II, ч. I. Спб. 97 г.

Справочная книга по сельскохозяйственной архитектурѣ. М. Ригельманъ. Прилож. къ журналу «Хозяинъ». Спб. 97 г. Ц. 60 к.

Русско-нѣмецкій карманный словарь. Сост. Левинсонъ. Изд. Ф. Іогансонъ. Кіевъ 97 г. Ц. 60 к.

Бенъ-Хми. Собраніе разсказовъ и очерковъ. т. I. Одесса 98 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бьерстьерне-Бьернсонъ. Собраніе сочиньній. Т. VII. Перев. съ норвежскаго М. В. Лучицкой. Изв. Іогансона. Кіевъ 97 г. Ц. 35 к.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Люди темные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. Спб. 97 г. Изд. Сойкина. Ц. 1 р.

Генрикъ Сенкевичъ. Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Спб. 97 г. Ц. 80 к.

Отчетъ Общества по устройству народныхъ чтеній въ гор. Тамбовѣ за 1896—1897 г.

Д-ръ мед. И. Старковъ. Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 97 г. Ц. 2 р.

П. А. Вихляевъ. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверск. г., т. XIII. Ц. 1 р. 25 к.

Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ., т. XIII.

П. Я Стихотворенія. Изд. «Русск. Бог.». Спб. 98 г. Ц. 1 р.

А. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Изд. «Русск. Бог.». Спб. 98 г. Ц. 1 р.

Ларра. Общественные очерки Испаніи. Перев. съ испанск. М. Ватсонъ. Изд. Пантелеева. Спб. 98 г. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ. Изд. 3-е. Т-ва Сытина. Спб. 98 г. Ц. 2 р. 25 к.

В. Романовскій. Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. Тифлисъ 97 г. Ц. 1 р.

Роб. Люпке. Основанія электрохиміи съ 55 рис. въ текстѣ. Спб. 97 г. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ гнетомъ времени. Изд. Т-ва Сытина Москва. 98 г. Ц. 50 к.

Викторъ Рышковъ. На больничныхъ койкахъ Изд. Т-ва «Издатель». Спб. 98 г. Ц. 1 р.

В. О. Стихотворенія. Спб. 98 г. Ц. 75 к.

Н. Дружининъ. Новое сельское общество. Изд. «Чит. нар. шк.». Спб. 98 г.

В. Глѣбовскій. Императрица Екатерина II и ея царствованіе (доходъ съ изданія поступаетъ въ кассу Общества вспомоществованія ученикамъ Бобруйской прогимназіи). Бобруйскъ 97 г. Ц. 45 к.

Ю. И. Ватнеръ. Земля, т. V. Библіотека журнала «Игрушечка». 97 г.

С. Пэнъ. Первый всемірный конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Полный отчетъ. Изд. кн. маг. Шермана. Одесса 97 г. Ц. 35 к.

О «Вятской газетѣ». Докладъ Вятской губернской земской управы. Вятка 97 г.

Проф. А. П. Павловъ. Полвѣка въ исторіи науки объ ископаемыхъ организмахъ. съ 22 рис. Москва 97 г.

Д-ръ Л. Шмитцъ. Половая жизнь человѣка и гигіеническое воспитаніе ребенка. Перев. съ нѣм. Одесса 97 г. Ц. 50 к.

М. Базилевскій. Баръ Кохба. Ц. 15 к. Изд. кн. маг. Шермана. Одеса 97 г.

Я. Л. Чертокъ. Интриги двора Ирода. Изд. кн. маг. Шермана 97 г. Ц. 20 к.

Альфредъ Фуллье. Критика новѣйшихъ системъ морали. Перев. съ франц. Е. Максимовой и О. Конради. П. 2 р. 98 г. Изд. ред. «Образованіе».

Карлъ Карелинъ. Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. Перев. съ нѣм. Н. А. Холодковскаго. Спб. 97 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. Девріена.

П. Вольногорскій. Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растеній. 137 рис. въ текстѣ и отдѣльн. раскраш. таблиц. Спб. Изд. Девріена. Ц. 2 р. 75 к.

Д. Н. Шрейдеръ. Нашъ дальній востокъ. Спб. изд. Девріена. 97 г.

В. Ф. Дерожинскій. Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. Москва, маг. Гросманъ и Кнебель. 97 г. Ц. 40 к.

Манфредъ. Лордъ Байронъ. Перев. съ англ. Александра Янъ-Рубана. Мосова 98 г. Ц. 40 к.

И. П. Бородинъ. Краткій очеркъ микологіи, съ 232 политипажами. Изд. А. Н. Петрова. Спб. 97 г.

А. Н. Мясоѣдовъ. Альбомъ наиболѣе вредныхъ древесныхъ паразитныхъ грибовъ и причиняемой ими порчи древесины главнѣйшихъ породъ русскихъ лѣсовъ. Подъ ред. проф. Спб. лѣсн. института. И. П. Бородина.

Отчетъ Совѣта Общества любителей изслѣдованія Алтая. 1996 г. Барнаулъ 97 г.

Отчетъ Рогожскаго отдѣленія 1-го Московскаго Общества трезвости за время 1896—1897 г. Москва 97 г.

Н. И. Позняковъ. Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни. 1-е изд. съ рисунками Никитина. Спб. Девріенъ. 97 г.

— Почитать бы! Разсказы и стихотворенія для дѣтей. 3-е изд. Девріена, съ рис. Михайлова, Фальбаума и Никитина. Спб. 97 г.

В. П. Желиховская. Мала былинка, да вынослива. Изд. А. Ф. Девріена. 97 г.

Н. И. Позняковъ. Рейнеке-Лисъ-Хитродумъ, передѣлано съ нѣм. съ 7-ю хромолитографіями и 29 политипажами въ текстѣ, по рис. Гр. Фоттелера. Спб. Девріенъ.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

РЕНАНЪ.

Correspondance (1847 — 1892) — «La Revue de Paris». 1 août 1897.

I.

Предъ нами продолженіе переписки Ренана съ Бертло, къ сожалѣнію только, по прежнему, почти исключительно письма одного Ренана. Молодой ученый продолжаетъ путешествова́ть по Италіи и чрезвычайно живо и искренне отражать свои впечатлѣнія въ корреспонденціи, и даже не впечатлѣнія, а идеи.

Каждый итальянскій городъ, посѣщаемый Ренаномъ, является для него своего рода музой философіи и морали и съ первыхъ же шаговъ наталкиваетъ на міросозерцаніе, подчасъ прямо противоположное вчерашнимъ воззрѣніямъ. Эта географическая смѣна принциповъ и часто основныхъ культурныхъ и философскихъ воззрѣній совершенно въ духѣ ренановской натуры, стихійно враждебной всякому рѣзко опредѣленному и прочному убѣжденію. Въ догмѣ, въ принципіальности вообще, философу грезится непремѣнно деспотизмъ, нетерпимость и даже умственная ограниченность...

Въ результатѣ, чувства и мысли Ренана мѣняются по широтамъ и долготамъ гораздо рѣзче и принимаютъ гораздо больше пестрыхъ оттѣнковъ, чѣмъ флора и фауна Италіи.

Первая страница вновь напечатанныхъ писемъ свидѣтельствуетъ о неожиданно-пріятномъ для насъ поворотѣ въ настроеніяхъ философа. Оказывается, мы, опровергая его восторженныя чувства касательно религіозности итальянцевъ, предвосхитили одну изъ «смѣнъ» этого неуловимо-прихотливаго ума. Ренанъ изъ Рима отправился въ Неаполь и увидѣлъ здѣсь во всей прелести чисто-народную католическую вѣру. Мы въ предыдущей статьѣ приводили только факты, иллюстрирующіе эту вѣру: у Ренана тѣ же данныя, только сопровождаетъ онъ свои наблюденія чрезвычайно сильной рѣчью гнѣва, даже отвращенія.

Очевидно, эстетикъ потерпѣлъ полный разгромъ и прекраснодушный мечтатель, грезившій съ полузакрытыми глазами о первыхъ впечатлѣніяхъ своего художественнаго аристократическаго воображенія, вдругъ наткнулся на прозу и грубую правду. И немедленно разгнѣвался, будто виноватъ Неаполь и его религія, а не скоропалительная стремительность эпикурейца самоуслаж-

даться кое-какъ наблюденной и совершенно не продуманной дѣйствительностью.

Тонъ неаполитанскихъ писемъ поднимается непрерывно вплоть до переѣзда путешественника во Флоренцію. Здѣсь сцена мѣняется и артистъ нашъ въ другой роли. Онъ снова весь восторгъ и упоеніе.

Его поражаетъ богатство и разнообразіе творческой дѣятельности, развившейся въ одномъ городѣ и ради одного города. Ренанъ представляетъ длинный списокъ флорентійскихъ художниковъ, писателей и философовъ, падаетъ ницъ предъ неистощимостью тосканскаго генія и шлетъ презрительный взоръ по адресу культурной грубости и эстетической тупости и безплодія—«беотизма» современныхъ громадныхъ городовъ. Этотъ «беотизмъ»—любимый и очень краснорѣчивый терминъ Ренана. Онъ долженъ означать все, лишенное утонченности художественныхъ ощущеній, все слишкомъ рѣшительное и реальное по части идейныхъ воззрѣній и практическихъ понятій.

Рядомъ съ «беотизмомъ» Ренанъ чувствуетъ себя жутко и болѣзненно, и онъ готовъ опять приняться воспѣвать итальянскую способность жить ради жизни, лишь бы только человѣчество избавило нашего философа отъ какихъ бы то ни было положительныхъ нравственныхъ и умственныхъ обязательствъ предъ дѣйствительной жизнью.

Естественно, Флоренція — самый яркій очагъ возрожденной культуры—гипнотизируетъ нашего странника. И на этотъ разъ, кажется, намъ не дождаться пріятнаго сюрприза, т.-е. трезвыхъ поправокъ въ восторгу. Потому что эти поправки Ренанъ могъ бы внести на мѣстѣ, не покидая тосканской столицы; и если онъ этого не дѣлаетъ, значитъ гипнозъ неизлѣчимъ.

А между тѣмъ, какъ часто весь блескъ и животрепещущая радость возрожденія невольно напоминаетъ знаменитую аллегорію о гробахъ повапленныхъ! Будь иначе, итальянскія республики не кончили бы своего политическаго бытія такъ безславно, будто въ оцѣпенѣніи маразма, какъ это произошло съ ними почти непосредственно послѣ блистательныхъ подвиговъ творческаго генія. Но этого мало. Тѣ же самыя республики завѣщали бы міру совершенно другую исторію и другихъ героевъ, чѣмъ уголовныя хроники кондотьеровъ и деспотовъ-психопатовъ.

Творчество, вообще художественный талантъ—сила отнюдь не первостепенная и не рѣшающая въ исторіи человѣческаго прогресса. Она можетъ процвѣтать именно въ то время, когда о прогрессѣ не можетъ быть и рѣчи,—при Августѣ, при Людовикѣ XIV, при миланскихъ герцогахъ, при флорентійскихъ Медицисахъ. Блестящее развитіе искусства у цѣлой націи часто является тѣмъ самымъ, чѣмъ у отдѣльнаго, много поработавшаго человѣка — покой преклоннаго возраста и проживаніе накопленнаго капитала. Это не всегда, конечно, повторяется съ точностью, но примѣровъ можно представить сколько угодно. Можно припомнить цѣлый рядъ эпохъ, когда царственный полетъ художественнаго генія означалъ *заключительный* аккордъ великой исторической симфоніи, мы хотимъ сказать — послѣднюю вспышку культурнаго періода національной энергіи. Такова, напримѣръ, эпоха Перикла—любимѣйшій историческій моментъ Ренана.

Психологически это объясняется просто.

Нація накопила богатѣйшій жизненный опытъ, много поработала для своей славы, она увѣнчана мудростью и лаврами; естественно, среди нея появятся Гомеры и Тиртеи только пережитыхъ испытаній и содѣянныхъ подвиговъ.

Въ жизни отдѣльныхъ личностей эта роль выпадаетъ обыкновенно на поздніе годы, когда мѣсто не творчеству, а разсудочному слову. Среди цѣлаго народа всенароднымъ прошлымъ могутъ воспользоваться юноши, одаренные всѣми стихіями вдохновенія—пламеннымъ чувствомъ, могучимъ воображеніемъ и молодой энергіей образной рѣчи.

Въ результатѣ блестяще-творческія эпохи нерѣдко совпадаютъ съ періодами нравственнаго и политическаго разложенія именно того строя, какой призвалъ къ жизни творческія силы.

Припомните тотъ же золотой вѣкъ Перикла. Фидій поднимаетъ эллинское искусство на недосягаемую высоту, создаетъ Зевса, повергающаго своимъ величіемъ въ молитвенное благоговѣніе цѣлыя поколѣнія, а рядомъ ведутся подкопы не только подъ старую религію, а вообще подъ всѣ нравственные принципы, развивается и торжествуетъ софистика, а единственный истинный искатель истины—Сократъ—подвергается казни.

Олимпійскія божества находятъ все болѣе геніальныхъ воспроизводителей и даже копіи ихъ произведеній до сихъ поръ драгоцѣннѣйшее украшеніе нашихъ музеевъ. А между тѣмъ, въ обществѣ царствуетъ совершенный атеизмъ и откровеннѣйшее эпикурейство, государство разлагается и готово стать добычей перваго отважнаго солдата, искусство производитъ впечатлѣніе блестящаго вѣнца, украшающаго голову трупа.

То же самое и итальянское возрожденіе какъ разъ въ самую соблазнительную эпоху во Флоренціи при Лоренцо Медичи.

Ренану и на умъ не приходитъ вдуматься въ культурный смыслъ чрезвычайной художественной производительности Флоренціи. Онъ обомлѣлъ предъ обиліемъ картинъ, статуй, зданій, и за цвѣтами не разглядѣлъ самаго растенія. Странное противорѣчіе! Онъ же нанесъ самые сильные удары вѣрѣ въ традиціонныя чудеса, онъ же будетъ рекомендовать себя публикѣ «непреклоннымъ критикомъ» *) и онъ же на каждомъ шагу станетъ провозглашать необыкновенное, небывалое, непостижимое—и безъ всякой критики—ради своихъ эстетическихъ волненій.

А между тѣмъ, описать декораціи пьесы не значитъ дать точное представленіе о спектаклѣ. Даже сами итальянцы въ этомъ отношеніи осмотрительнѣе и вдумчивѣе «непреклоннаго критика».

Что̀ такое, напримѣръ, время Лоренцо Великолѣпнаго?

Отвѣтъ: «Un vero diluvio di oscenità», т. е. настоящее наводненіе нравственной грязи. И доказательствами полны флорентійскіе архивы, и библіотеки. Намъ лично приходилось видѣть подозрительные образчики политической мудрости знаменитаго мецената.

Онъ шелъ къ цѣли самымъ вѣрнымъ путемъ, желалъ безусловно отъучить своихъ подданныхъ отъ желанія мѣшаться въ какіе бы то ни было общественные вопросы. Надежнѣйшее сред-

*) Moi, critique inflexible... L'Avenir de la science. Paris 1890. p. 475.

ство—развлекать этихъ подданныхъ, т. е. въ большей или меньшей степени создать изъ нихъ эстетиковъ и эстетовъ.

Для этой цѣли въ распоряженiи ловкаго развратителя состоялъ цѣлый дворъ поэтовъ и всякихъ другихъ художниковъ.

Но не всѣмъ доступны тонкія наслажденія искусствомъ. Большинство понимаетъ и любитъ удовольствія только съ наркотической, чувственно-волнующей приправой. Въ сущности, психологія одного порядка—разница во вкусахъ. Разъ вопросъ сводится къ наслажденію красотой только ради ея формъ, въ результатѣ неминуемо получается атрофія высшей духовной дѣятельности человѣка: мысль окончательно замѣняется ощущеніями и нравственное чувство—волненіями.

Лоренцо и направилъ оружіе своей политики на этотъ слабѣйшій пунктъ человѣческой природы. Ренанъ могъ бы съ поучительнѣйшими подробностями изучить, до какого совершенства можно довести итальянскую способность даже религію превращать въ одно эстетическое удовольствіе. Это трогаетъ Ренана, но опять, къ сожалѣнію, только на основаніи впечатлѣній «изъ окна кареты».

Лоренцо высоко оцѣнилъ ту же способность своихъ соотечественниковъ и чтобы дать ей надлежащее практичестое направленіе, не пощадилъ даже своего герцогскаго достоинства.

Онъ сочинялъ и печаталъ подъ своимъ именемъ циническіе стихи, позволялъ изображать себя на виньеткахъ подобныхъ изданій въ самой веселой обстановкѣ и въ сообществѣ менѣе всего почтенныхъ участниковъ и участницъ веселья, поэты получили право именовать его въ стихотвореніяхъ особымъ, необыкновенно забавнымъ, но совершенно нецензурнымъ эпитетомъ, соотвѣтствующимъ знаменитому историческому привѣтствію цезаревскихъ солдатъ своему вождю—«грозѣ римскихъ женъ и мужей».

Явился Саванарола и потребовалъ грязныя пѣсни замѣнить духовными. Это была крайность, естественная по условіямъ времени, но заранѣе осужденная на неудачу.

Лоренцо раздѣлался съ досаднымъ моралистомъ ловче всѣхъ: онъ принялся сочинять священные гимны на мотивъ своихъ наиболѣе откровенныхъ пѣсенокъ, и вызвалъ «фуроръ» у публики.

Вотъ изнанка ослѣпительнаго возрожденія, и мы только касаемся одной темной точки. Но, надѣемся, она достаточно краснорѣчива, чтобы изобличить наивность и, главное, философскую и историческую неосновательность восторженнаго отношенія къ *одной*, хотя бы самой блестящей сторонѣ эпохи изъ жизни даннаго общества.

Не менѣе правымъ, чѣмъ Ренанъ, оказался бы историкъ, пересказавшій головокружительные эффекты двора Людовика XIV и пришедшій къ заключенію: какъ была сильна и счастлива Франція въ царствованіе «короля-солнца»!

Подобный же опытъ могъ бы представить историкъ папской власти, изобразившій со всѣмъ благоговѣніемъ личныя добродѣтели средневѣковыхъ инквизиторовъ и ихъ искреннюю вѣру въ свою провиденціальную роль, и на основаніи этого провозгласившій величіе и святость дореформаціоннаго католичества.

Ренанъ поступаетъ еще предосудительнѣе, потому что у обоихъ нашихъ историковъ были бы въ распоряженіи извѣстные

культурные факты, нерѣдко даже серьезныя нравственныя задачи того или другого вѣка, а у новѣйшаго философа только пріятное щекотанье чувствъ. Чтобы не нарушить своего томленія на ложѣ эстетическихъ удовольствій, Ренанъ не желаетъ ничего знать о Франціи и не читаетъ французскихъ газетъ. Ils me troublent—они меня смущаютъ, непріятно волнуютъ!..

Это пишется весной 1850 года, когда отечество Ренана переживало одинъ изъ болѣзненнѣйшихъ политическихъ кризисовъ. Онъ и Италіи желаетъ навязать свою истому.

Онъ не желаетъ, чтобы Римъ захватила новая исторія: это будетъ «большая эстетическая несообразность». Античное величіе Капитолія должно остаться неприкосновеннымъ къ мелочамъ современности.

Вы видите, эстетика весьма опредѣленно рѣшаетъ вопросы во всѣхъ существенныхъ областяхъ человѣческой жизни,—въ религіи, въ политикѣ, въ морали. Предъ нами любопытная фигура чрезвычайно интеллигентнаго и культурно-просвѣщеннаго артиста. Путешествіе по Италіи обнажило самую сущность его природы. Оно не только исцѣлило его отъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, какъ онъ самъ думаетъ, но создало въ высшей степени прочную почву для самыхъ разнообразныхъ идей.

Ренанъ, можетъ быть, неожиданно для самого себя выполнилъ программу аристократическаго воспитанія: содержаніемъ античнаго искусства и красотой итальянской «торжествующей» природы,—завершилъ фундаментъ будущей самостоятельной умственной дѣятельности.

II.

Артистъ великаго ума и обширной учености—фактъ первостепенной психологической важности. Слишкомъ часто артистическая натура страдаетъ крайней односторонностью увлеченій. Напримѣръ, взять самый простой фактъ.

Чистому художнику въ исторіи нравятся преимущественно фигуры героическія и событія чрезвычайныя. Ему непремѣнно нужна эффектная театральная сцена съ романтическимъ освѣщеніемъ и атмосферой демонизма. И за эффектомъ обстановки и сопутствующихъ обстоятельствъ артистическій взглядъ часто неспособенъ отличить въ высшей степени низменнаго нравственнаго и культурнаго характера лица и факта. Шиллеръ былъ вполнѣ правъ, подчеркивая основное различіе между моральнымъ и чисто-художественнымъ отношеніемъ къ людямъ и предметамъ. Впечатлѣнія *силы* и *красоты* совершенно достаточно для завоеванія артистическаго сердца и ума.

Теперь посмотрите, что значитъ быть высоко-интеллигентнымъ артистомъ.

Ренанъ больше чѣмъ кто-либо понимаетъ художественную сторону исторіи, но онъ ни на минуту не впадетъ въ психопатическій гипнозъ предъ какимъ-нибудь Бонапартомъ. Всѣ его сочувствія принадлежатъ высшей красотѣ и благородной духовной силѣ. Съ истинно поэтическимъ лиризмомъ онъ нарисуетъ вамъ безграничную перспективу человѣческаго прогресса, побѣдоносное шествіе разума и науки среди тьмы и малодушія рабства. Онъ—по натурѣ

эпикуреецъ и въ политическомъ смыслѣ менѣе всего дѣятельная личность—произнесетъ краткую, но остроумную защиту идеямъ XVIII-го вѣка—именно ради ихъ прогрессивнаго значенія. Онъ готовъ впасть почти въ религіозный экстазъ воимя неистощимой жизненности науки и критическаго ума, и, какъ истинный художникъ, дойдетъ до своего лирическаго безпорядка.

Упадка, декаданса въ мірѣ не существуетъ съ точки зрѣнія человѣчества, другое дѣло отдѣльныя націи. Здѣсь дѣйствительно возможно разложеніе и даже полное исчезновеніе цѣлыхъ народовъ со сцены дѣятельной цивилизаціи.

И знаете, какой народъ, можетъ быть, уже осужденъ? Никто иной, какъ французы. И пусть. «Человѣчество владѣетъ запасами живыхъ силъ», и Франція съ честью будетъ замѣнена,—хотя бы тѣми же славянами.

Скажите, возможна ли такая рѣчь въ устахъ обыкновеннаго смертнаго, особенно француза, всегда и вездѣ патріота по преимуществу?

А для Ренана—она задушевнѣйшій голосъ его артистической природы.

Въ самомъ дѣлѣ, патріотизмъ вѣдь это политика, т.-е. *не критическое* отношеніе къ извѣстнымъ идеямъ, ограниченная догматическая вѣра въ измѣнчивые интересы націи, государства. Это своего рода самоотреченіе разума и анализа, т. е. ограниченность и неинтеллигентность.

И у Ренана одной изъ любимыхъ темъ будетъ война съ патріотическими увлеченіями. «Всякая страна,—говоритъ онъ,—подчиняетъ другія только универсальнымъ элементомъ своего генія; патріотизмъ исключаетъ нравственное и философское вліяніе».

Апостолъ Павелъ сказалъ: *Нѣтъ ни іудея, ни грека...* Только на этомъ принципѣ и можетъ быть основано всемірное значеніе отдѣльной націи *).

Вы, несомнѣнно, будете поражены этой идеей. Вы привыкли думать, что полнота мірового прогресса зависитъ отъ всесторонняго развитія національныхъ стихій и исторія цивилизаціи ничто иное, какъ переходъ культурныхъ завоеваній каждой отдѣльной націи въ общее достояніе. Но эти завоеванія всегда строго національны и, при всей своей культурности, для другихъ націй долгое время нѣчто совершенно чуждое и дикое.

Хотя бы взять германскую поэзію и философію.

Ренанъ не находитъ словъ—возвысить германскій геній. Этому генію нашъ философъ обязанъ «всѣмъ, что только имѣется въ немъ лучшаго». Когда онъ впервые познакомился съ произведеніями Гёте и Гердера, ему показалось,—онъ вступилъ въ нѣкій храмъ, и все что онъ раньше считалъ великолѣпнымъ, достойнымъ божества, теперь производило на него впечатлѣніе пожелтѣвшихъ и увядшихъ цвѣтовъ.

И философъ убѣжденъ, что усвоить нѣмецкую культуру, значитъ стать истинно цивилизованнымъ гражданиномъ вселенной. Кто не выполнилъ этой цѣли, настолько же далеко стоитъ отъ выполнившаго, насколько, напримѣръ, знатокъ дифференціальнаго счисленія превосходитъ элементарнаго математика **)

---

*) La Réforme intellectuelle et morale. Paris 1871. Préface VIII; p. 206.
**) Ib. VI, VII, 168, 170.

Такъ писалъ философъ въ эпоху франко-прусской войны. Но всего полвѣка раньше подобныя рѣчи показались бы французамъ бредомъ или во всякомъ случаѣ болѣзненнымъ экстазомъ. Нѣмецкій туманный идеализмъ, нѣмецкая чувствительность, нѣмецкая метафизика—что̀ можетъ быть антипатичнѣе французскому духу, тому esprit classique, который цѣлые вѣка владѣлъ міромъ! И между тѣмъ нѣтъ ничего *національнѣе* этого esprit, такъ же какъ не изобрѣсти ничего болѣе германскаго, чѣмъ поэзія Гердера и философія Канта.

Слѣдовательно, какъ разъ самыя національныя явленія духа той или другой націи пріобрѣтали всемірную власть, смѣняя другъ друга по вѣкамъ и періодамъ. А такъ называемое общечеловѣческое, нѣчто совершенно фантастическое, если не причислять къ культурному богатству общепризнательныя нравственныя истины и идейныя аксіомы.

И доказательства можно бы распространить очень далеко, сравнить, напримѣръ, вліяніе типичнѣйшаго англичанина Байрона съ вліяніемъ космополита и всечеловѣка Шелли. Величины почти несоизмѣримыя и преимущество какъ разъ опять на сторонѣ національнаго. Конечно, у насъ не можетъ быть и рѣчи о національной лакейской, если такъ можно выразиться, т. е. о всевозможныхъ предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ наименѣе интеллигентныхъ классовъ общества. Эти классы и у себя дома отнюдь не представляютъ своей націи, какъ исторической дѣятельной силы.

Почему же Ренанъ впалъ въ недоразумѣніе?

Да потому, что патріотизмъ, слѣдовательно, нѣчто рѣзко и узко національное—не эстетиченъ, и философъ безъ всякихъ историческихъ справокъ произнесъ приговоръ, все равно, какъ раньше по впечатлѣніямъ минуты восторгался флорентійскимъ возрожденіемъ и религіей католической толпы.

Дальше эстетика съиграетъ съ философомъ еще болѣе злую игру.

Ренанъ слишкомъ утонченно-уменъ, чтобы преклоняться предъ шаблонными героями, но онъ въ то же время слишкомъ нервенъ и чувствителенъ, чтобы мириться съ толпой. Герои нѣчто варварское и дикое, толпа—сѣрое, заурядное и безформенное. Нужно совсѣмъ другое: чистая интеллигентность и безукоризненная воспитанность. Это очень покойно и пріятно, нужна, однимъ словомъ, выхоленная аристократическая культура. Истинные цѣнители жизненныхъ наслажденій не любятъ до чувственнаго пресыщенія, не пьютъ до грубаго опьяненія, не наѣдаются до несваренія желудка. Они все смакуютъ, со всего снимаютъ пѣнки и часто даже гомеопатическія дозы удовольствій дѣлаютъ чудеса съ ихъ изощренными организмами.

И Ренанъ станетъ на стражѣ аристократіи противъ толпы, противъ демократіи, какъ общественной и политической силы.

Но вы опять ошибетесь, если смѣшаете нашего философа съ какимъ-нибудь Деместромъ — изобрѣтателемъ термина «канальократія», великаго салоннаго подвижника и своего рода дамскаго аббата пореволюціонной эпохи. Ренанъ опять слишкомъ художественная натура и большой умъ, чтобы воспѣвать аристократовъ ради ихъ прирожденныхъ привилегій и млѣть по салонамъ и салоннымъ богинямъ.

Напротивъ, онъ съ болѣзненной рѣзкостью чувствуетъ пошлость роскошныхъ гостиныхъ свѣтскаго міра, клеймитъ ничтожество и незначительность модныхъ фигуръ. Онъ также врагъ плутократіи за ея матеріализмъ, неинтеллигентность въ высшемъ смыслѣ слова, за равнодушіе къ идеальному, короче—за мѣщанскія чувства, плебейскіе вкусы и животныя цѣли.

Идеалъ Ренана — салонъ Перикла и Аспазіи, весь пропитанный тончайшимъ ароматомъ изящныхъ настроеній и возвышенныхъ платоновскихъ мыслей. Здѣсь аристократы—артисты и мыслители, причемъ первое качество не унижается ремесленническимъ назначеніемъ, а второе не пятнается педантизмомъ и нетерпимостью.

Все, именующее себя аристократическимъ, но безъ этихъ эллинскихъ добродѣтелей, выводитъ Ренана изъ терпѣнія и онъ даже готовъ похвалить простоту, правдивость народа и его генія, и написать безпощадную фразу:

«Впечатлѣніе, которое у меня остается при выходѣ изъ салона,—отчаяніе въ цивилизаціи» *).

Очень хорошо! Но какъ все чрезвычайно эфирное и эстетически-усовершенствованное, все это мало реально и чревато жестокими недоразумѣніями. Конечно, аристократія духа нѣчто прекрасное, но гдѣ ее найти въ дѣйствительности? Чтò она такое, если вопросъ перенести на неизбѣжную современную сцену — политику?

А это даже Ренану необходимо сдѣлать. Въ 1869 году онъ вдругъ вздумалъ вступить на политическое поприще и выставилъ свою кандидатуру въ законодательный корпусъ. Агонія второй имперіи уже наступала, республиканцы вели дѣятельную борьбу съ бонапартистами, Ренанъ не присталъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, свою программу формулировалъ кратко, краснорѣчиво, но для даннаго момента недостаточно ясно: «Не надо революціи, не надо войны, прогрессъ, свобода»...

Философъ потерпѣлъ пораженіе, но попытка доказываетъ, что въ немъ жили нѣкоторые инстинкты гражданина, и вотъ они-то толкнули его эстетическое воззрѣніе на аристократію и демократію въ бездну политики, не практической, конечно, а чисто умозрительной, но очень любопытной.

Когда реакціонные идеологи начала нашего вѣка стремились возстановить прекрасные дни дореволюціоннаго Аранжуэца, они неустанно рисовали самые идеальные òбразы только что развѣнчанныхъ «патриціевъ». Пока вопросъ оставался въ области теоретической игры ума, все обстояло невинно и даже забавно, но лишь только приходилось намекнуть на осуществленіе идеала, вся постройка немедленно шаталась и рушилась.

И чтò особенно курьезно, одни и тѣже созерцатели разсказывали сказки про невиданный міромъ граждански-самоотверженный «патриціатъ», и жестоко унижали единственныхъ людей, могущихъ соотвѣтствовать идеалу. Деместръ одновременно грезилъ о высшемъ сословіи во Франціи, какъ питомникѣ безкорыстныхъ отеческихъ чувствъ къ народу, и безпощадно поносилъ благородныхъ эмигрантовъ.

---

*) *L'Avenir de la science*, pp. 83, 417, 443, 462, 466—467, 469.

Подобная участь постигла и нашего философа. Только онъ гораздо умнѣе и находчивѣе ископаемаго дипломата, и неспособенъ высѣчь самого себя. Онъ прямо отъ эллинской платоновской аристократіи попадаетъ въ объятія къ смѣшнымъ маркизамъ Людовика XIV.

И здѣсь уже нѣтъ пощады простому и правдивому народу. Качество и полетъ мысли понижаются по всѣмъ пунктамъ и философъ, будто въ отчаяніи предъ несовсѣмъ чистымъ предпріятіемъ, поддается азарту и страсти неспокойной, но преднамѣренно отважной совѣсти.

Ренанъ вдругъ идетъ на прямой вызовъ демократіи и превращается въ «догматическаго» политика—типъ, ненавистнѣйшій его инстинктамъ и его философіи.

А разъ человѣкъ вышелъ изъ своей стихіи, будьте увѣрены, онъ наговоритъ бездну несообразностей и совсѣмъ неумныхъ и невѣрныхъ вещей.

«Демократія,—разсуждаетъ Ренанъ,—это само отрицаніе умственнаго труда и необходимости такого труда». Она—торжество матеріализма.

Былыя «благородныя стремленія Франціи» — патріотизмъ, энтузіазмъ предъ красотой, любовь къ славѣ исчезли вмѣстѣ съ благородными классами, представлявшими душу Франціи» *).

Видите, понадобился даже патріотизмъ и любовь, конечно, къ чисто національной славѣ. Но не въ этомъ дѣло, а въ элементарнѣйшей исторической лжи. Ея даже Деместръ не допустилъ, когда спасителями единства Франціи и ея національной независимости призналъ якобинцевъ и заклеймилъ эмиграцію именемъ «сецессіи», т. е. измѣны общимъ интересамъ страны **). А Ренанъ патріотами считаетъ какъ разъ этихъ измѣнниковъ, ставшихъ подъ знамена иноземцевъ противъ своего отечества.

Что патріотами именуются именно «напудренныя головы»—обычный эпитетъ Деместра по адресу стараго французскаго дворянства—доказывается дальнѣйшими гимнами Ренана во славу «стараго порядка».

Правда, онъ этотъ порядокъ желалъ бы видѣть «развитымъ и исправленнымъ», но эта оговорка не имѣетъ рѣшающаго значенія. Противъ современной демократіи хорошъ даже версальскій дворъ: онъ далъ бы лучшихъ администраторовъ, чѣмъ всеобщее голосованіе ***).

Почему?

Да очень просто. «Было бы противоестественно,—добавляетъ нашъ политикъ,—чтобы средняя интеллигенція, съ трудомъ развивающаяся у невѣжественнаго и ограниченнаго человѣка, создала свое представительство въ лицѣ просвѣщенной, блестящей и сильной корпораціи».

Что значитъ потерпѣть крушеніе на выборахъ у «средней интеллигенціи»! Приходится навязывать природѣ самые фантастическіе законы. На каждомъ шагу люди изъ народа, не получив-

---

*) La Réforme, 18.

**) Considérations sur la France. Въ этой мужественной защитѣ Франціи «якобинскими» войсками противъ европейскихъ армій Деместръ видѣлъ даже одинъ изъ провиденціальныхъ фактовъ революціи.

***) *La Réforme*, 47.

ніе образованія, оказываютъ высокій почетъ просвѣщенности другихъ. Находилъ же Ренанъ возможнымъ писать раньше: «le peuple est franc, fort et vrai»,—народъ—прямъ, силенъ и правдивъ. Даже больше.

Мы читаемъ: «я лучше схожусь съ простыми людьми, съ крестьяниномъ, рабочимъ, старымъ солдатомъ. Мы говоримъ отчасти однимъ и тѣмъ же языкомъ, я могу при случаѣ болтать съ ними» *).

Откуда такое противорѣчіе?

Все изъ одного источника. У Ренана перемѣнился предметъ отрицанія,—слѣдовательно, положительный идеалъ долженъ потерпѣть соотвѣтственную метаморфозу. Свѣтскимъ пошлостямъ и мѣщанскимъ инстинктамъ естественнѣе всего противоставить свѣжесть народнаго генія: такъ повелось искони, еще со временъ Мольеровскаго мизантропа. Теперь врагъ демократія, и—да здравствуетъ Версаль!

Ренанъ не боится даже совпасть съ фантасмагоріями историка, безконечно уступающаго ему тонкостью ума и широтой историческаго смысла. Тэнъ ради спасенія Франціи отъ демократическаго потопа открывалъ государственныхъ мужей англійскаго закала въ voltigeur'ахъ Людовика XVI-го; то же въ сущности проектируетъ и Ренанъ.

Совпаденіе идетъ дальше. Тэнъ закончилъ свою революціонную исторію апоѳеозомъ того самого строя, какой онъ самъ нѣсколько раньше расписалъ самыми отчаянныхи красками. Но чего нельзя забыть ради «истины»! И предъ изумленнымъ читателемъ проходитъ картина идиллическаго блаженства старой Франціи именно потому, что она была вся основана на привилегіяхъ и исключеніяхъ. Всякій зналъ свое мѣсто, не было карьеризма и соревнованія, «жизнь, ограниченная и заключенная въ извѣстномъ кругѣ, была пріятною», французы «веселѣе пользовались удовольствіями и забавляли другъ друга безъ задней мысли»; chansons процвѣтали **).

Ренанъ, какъ художникъ, рисуетъ еще трогательнѣе. Вассалъ былъ въ восторгѣ отъ свадебныхъ торжествъ своего господина и не питалъ ни малѣйшаго чувства ревности къ его блеску. Всѣ участвовали въ жизни всѣхъ; бѣдный наслаждался богатствомъ богатаго, монахъ радостями мірянина, мірянинъ молитвами монаха; для всѣхъ было искусство, поэзія, религія.

И это законъ природы. «Благородная жизнь меньшинства» можетъ развиться только на поту большинства. Правда, при такихъ порядкахъ могутъ быть страданія и даже жертвы: но объяснить эти тайны—дѣло религіи, и ей надлежитъ преподать потребныя утѣшенія обездоленнымъ ***).

Какъ! У Ренана—религія такая существенная стихія—религія съ ея догматами и утѣшеніями! Возможно-ли?

Все возможно, когда эстетикъ прижатъ къ стѣнѣ неумолимой дѣйствительностью и принужденъ свой языкъ боговъ переводить на прозаическій діалектъ смертныхъ.

---

*) *L'Avenir*, ed. 1890, pp. 443, 467.
**) Le régime moderne. I, 311 etc.
***) *La Réforme*, 246.

Немедленно, вмѣсто салона Перикла, явится на сцену передняя Людовика XIV, неподражаемо изображенная Мольеромъ, надо думать, совершенно превратно. Потребуется и католичество, сколько бы въ другихъ случаяхъ ни вопіялъ противъ него «непоколебимо-критическій» умъ философа. Вообще, произойдетъ совершеннѣйшій хаосъ съ *идеями* автора. Нечего и говорить, еще болѣе удивительная катастрофа разразится надъ его *знаніями*.

Мы уже могли убѣдиться, какую послушную роль чернорабочей играетъ у нашего художественнаго политика—исторія. Эта роль обычна у Ренана, лишь только онъ берется за политику.

Напримѣръ, знаете ли вы, почему на свѣтъ появилась *знать*—*la noblesse*? Простѣйшій отвѣтъ: какъ награда за извѣстныя заслуги предъ племенемъ, народомъ, государствомъ или его правителемъ. И до сихъ поръ новая знать возникаетъ на тожественной почвѣ.

Нѣтъ. По свѣдѣніямъ Ренана знать существуетъ не потому, что награждали заслуги, а затѣмъ, чтобы «вызвать, сдѣлать возможными, даже легкими извѣстнаго рода заслуги» *).

Пока это—*galimatias simple*, по остроумному выраженію Вольтера. Но вотъ вамъ и *двойная галиматья*, едва вѣроятная, если бы въ ней не расписался нашъ философъ на пространствѣ цѣлыхъ страницъ.

Ренанъ желаетъ поучать Францію примѣромъ Англіи. Ренанъ не допускаетъ писанныхъ конституцій и апріорныхъ принциповъ политической свободы. Это основательно, если сочиненная конституція и ея принципы совершенно непостижимы для сознанія науки. Но подобное соображеніе не вспадаетъ на мысли Ренана, онъ желаетъ рѣшить вопросъ реальнѣе, ссылкой на англійскую исторію.

Прежде всего онъ проповѣдуетъ своимъ читателямъ, будто бы Англіи невѣдомъ «догматъ о самодержавіи народа».

Ренану могъ бы возразить даже публицистъ эпохи французской революціи, Малле-дю-Панъ, по направленію, стремительнѣйшій защитникъ «стараго порядка». Онъ сообщилъ бы Ренану, что «метафизическіе принципы» были въ большомъ ходу въ Англіи 1688 года и Малле-дю-Панъ даже называетъ брошюру, цѣликомъ предвосхитившую *Общественный договоръ* Руссо. А потомъ «метафизика» перешла въ конвентъ, представительное собраніе, устанавливавшее государственный порядокъ послѣ низложенія Іакова II. Конвентъ путемъ голосованія призналъ первичный договоръ между государемъ и націей и именно на этомъ принципѣ основалъ новую династію. Такъ этотъ фактъ толкуется самими англійскими историками **).

А Ренанъ разговариваетъ о какомъ-то «раскаяніи» англійскаго народа, «мимолетномъ заблужденіи», будто въ Англіи послѣ революціи на тронѣ снова возсѣлъ Стюартъ! ***).

Выходитъ, чистая эстетика превращается въ самое тенденціозное искусство, лишь только ея сладостныя вожделѣнія сталкиваются съ прозой и правдой жизни. Естественно, Ренанъ могъ,

*) Ib., 244.

**) Cp. Hallam. «Constitutional History of England».

***) *La Réforme*. 7, 240.

не хуже открытаго фанатика реакціи Тэна, написать бранный трактатъ или другое произведеніе противъ демократіи, отрицать за ней даже способность къ политической дѣятельности и пророчить гибель Франціи, не разглядѣвъ ея настоящихъ погубителей.

Это не значитъ мыслить, не значитъ даже просто понимать явленія, а капризничить и обижаться подобно дѣтямъ, недовольнымъ, что все хлѣбное поле покрыто не одними васильками...

III.

Да, васильки несравненно привлекательнѣе ржаныхъ колосьевъ и нашъ философъ не шутя съ букетомъ цвѣтовъ думаетъ рѣшить самые *хлѣбные* вопросы времени. Зрѣлище умилительной, чисто эдемской наивности!

Мы уже слышали о салонѣ Аспазіи, для философовъ вообще Аѳины—идеалъ, но только *безъ рабства.* Еще бы—съ милотами! Въ этомъ мы увѣрены, но въ то же время вспоминаемъ ненавистнѣйшихъ Ренану героевъ,—теоретиковъ революціи. У тѣхъ тоже идеаломъ служила Греція, именно Спарта, съ ея общественными обѣдами, отсутствіемъ роскоши и личнаго богатства. Теоретики въ родѣ писателей Мабли, Руссо и политиковъ—Робеспьера и С. Жюста, бредили этимъ идеаломъ для будущей Франціи. Но имъ резонно возражали: у спартанцевъ имѣлись бѣлые негры, помимо всѣхъ другихъ прелестей первобытной цивилизаціи и именно двуногій рабочій скотъ лежалъ въ основаніи всего спартанскаго строя.

То же самое и въ Аѳинахъ.

Ренанъ воображаетъ, будто Аѳины—это вседневное и всенародное политиканство и эстетическое богослуженіе въ честь искусства возможны безъ чернорабочей безправной толпы. Именно Аѳины и выполнили съ идеальной точностью художественное представленіе историка о необходимости пота многихъ для тонкой культуры одного. Ужъ лучше бы откровенно заявили намъ, что для спасенія цивилизаціи необходимо рабство, а не предлагали неразрѣшимыя и притомъ фарисейски придуманныя шарады.

Но это не все. У Ренана имѣется сюрпризъ еще эффектнѣе. Въ наше время на Западѣ рѣзко стоитъ вопросъ о пролетаріатѣ. Какъ рѣшить его? Вотъ рецептъ.

«Средство отъ зла заключается не въ томъ, чтобы бѣднякъ могъ стать богатымъ, но сдѣлать такимъ образомъ, чтобы богатство было предметомъ незначущимъ и второстепеннымъ, чтобы безъ него можно быть очень счастливымъ, очень великимъ, очень благороднымъ и очень красивымъ, чтобы безъ него можно быть вліятельнымъ и уважаемымъ въ государствѣ» *).

Было бы превосходно, но путь къ этой великой революціи, гдѣ онъ? Философъ ставитъ точку, предложивъ самое «не критическое» средство для излѣченія жесточайшаго современнаго недуга. Философъ, вы видите, способенъ даже соревновать въ мечтаніяхъ съ извѣстнымъ героемъ русскихъ сказокъ. Къ сожалѣнію, русскій Иванушка одинъ только и терпѣлъ отъ своихъ неосно-

---

*) *L'Avenir*, 417.

вательныхъ представленій о дѣйствительномъ мірѣ, а здѣсь своего рода философская школа и политическая программа.

На какихъ прозелитовъ она можетъ разсчитывать? На очень многихъ. Основныя черты ихъ нравственнаго типа объяснилъ Ренанъ на самомъ себѣ.

Онъ потерпѣлъ пораженіе на политическихъ выборахъ, и результатъ получился самый пріятный для побѣжденнаго. Онъ уже теперь окончательно стяжалъ «великій покой духа». Для успокоенія совѣсти (pour avoir la conscience tranquille) *въ наше время* «надо быть въ состояніи говорить себѣ, что ты не уклонялся систематически отъ общественной жизни»... Мы передаемъ буквально мысль Ренана, оцѣните ее въ отношеніи гражданской искренности и благонамѣренности.

Разъ попытка не удалась, и благодареніе судьбѣ! Теперь уже философъ безъ всякихъ непріятныхъ безпокойствъ совѣсти можетъ почить на розахъ художества и непоколебимой критики.

Это значитъ, онъ будетъ только *зрителемъ*, а міръ—зрѣлищемъ, особенно любопытнымъ для нашего тонкаго цѣнителя.

Да, таково жизненное назначеніе нашего эстетика. Удобное кресло въ партерѣ, вѣчно поднятый занавѣсъ и непрерывный спектакль—вотъ Ренанъ и наша бѣдная современность.

Шекспировскій Макбетъ тоже сравнивалъ міръ съ театромъ, но впечатлѣнія у этого героя получались самыя мрачныя, гремѣлъ страшный вопль великой истерзанной души. У Ренана—лирическій вздохъ, свѣтлая тонкая улыбка, и—намъ ясно—почему.

Макбетъ самъ актеръ мірового зрѣлища, лично переживішій глубочайшіе моменты его драмы, нашъ философъ только зритель и притомъ съ исключительно-художественной точки зрѣнія. Вотъ его слова:

«Зритель среди вселенной—мыслитель знаетъ, что міръ принадлежитъ ему только какъ предметъ изученія и даже когда онъ, мыслитель, вздумалъ бы преобразовать его, онъ нашелъ бы, можетъ быть, міръ настолько любопытнымъ, что не осмѣлился бы приняться за преобразованія».

Способность къ такимъ построеніямъ у такихъ тонко-чувствующихъ господъ вызвала правдивую отповѣдь у народнаго поэта, не допускавшаго и мысли—все превращать въ интересное зрѣлище.

Шевченко разсказывалъ, почему онъ совсѣмъ не интересовался «письмéнной» публикой. «Я застоналъ, какъ въ кольцахъ удава», а публика отвѣтила на этотъ стонъ:

— Онъ *очень хорошо* стонетъ!

Такъ и Ренанъ: у нѣкоторыхъ своихъ современниковъ онъ вызывалъ искреннѣйшее изумленіе своей вѣчной безоблачной веселостью. Леметръ, напримѣръ, не могъ опомниться, увидѣвъ этого скептика, все понимающаго и ни во что не способнаго вѣровать, улыбающимся, удовлетвореннымъ, несомнѣнно счастливымъ.

Тайна объяснялась просто. Ренанъ все время присутствовалъ въ театрѣ. Онъ зналъ содержаніе пьесы, отнюдь не увлекался талантами исполнителей, но его занимала смѣна декорацій, сценъ, эффектовъ. А потомъ, и его собственное дарованіе—остроумно судить о спектакляхъ прошлаго и настоящаго—находило многочисленную публику. И она часто была въ высшей степени благодарна великому человѣку. Никто остроумнѣе Ренана не могъ оправдать

гражданскаго абсентеизма, никто находчивѣе его не могъ во всякомъ фактѣ исторіи открыть «интересную» сторону, никто любезнѣе и терпимѣе его не могъ отнестись къ какимъ угодно симптомамъ и подлиннымъ недугамъ всяческаго упадка. Тепло чувствовалось съ этимъ человѣкомъ; за него можно поручиться; съ нимъ никогда не попадешь въ *смѣшное* положеніе. Смѣшно разочарованіе, самообманъ, всякій расплохъ и растерянность. Но можно ли претерпѣть что-либо подобное, созерцая *все*, какъ новую, но вѣчно старую пьесу съ любезно-иронической снисходительной улыбкой многоопытнаго театральнаго воробья.

Отсюда обаяніе ренановской личности въ безпринципномъ, тонко-просвѣщенномъ, но неизлѣчимо-эгоистическомъ обществѣ. Но безпринципность здѣсь дѣло домашнее, отнюдь не общественное. «Эллинъ» новѣйшаго типа ни во что не вѣруетъ, но, подобно наивному *papillon-philosophe*'у прошлаго вѣка не станетъ кричать на улицѣ о своемъ невѣріи и развращать собственную прислугу. Нѣтъ. Религія нужна. Безъ нея нѣтъ спасенія даже въ здѣшнемъ мірѣ. Взгляните на эту «канальократію», чѣмъ она будетъ безъ религіи? Страшно и подумать, и Ренанъ откровенно напишетъ слѣдующее невѣроятное, но подлинно-*ренановское* признаніе:

«Такова моя манера: въ деревнѣ я хожу слушать мессу, въ городѣ я смѣюсь надъ тѣми, кто ходитъ» *).

IV.

Практическіе результаты этой манеры часто положительно блестящіе. Громадный талантъ Ренана во всѣхъ роляхъ, кромѣ политической, ставитъ его первымъ артистомъ, и особенно ярко подчеркиваетъ зіяющую *нравственную* бездну въ душѣ этого генія.

У него, напримѣръ, есть статья объ историкѣ Огюстенѣ Тьерри. У Ренана, по природѣ, нѣтъ рѣшительно ни одной созвучной струны для личности Тьерри, кромѣ, конечно, восторга предъ талантомъ, писательскимъ подвигомъ и великой ученостью. Но Тьерри всѣ свои таланты и всѣ свои знанія принесъ въ жертву опредѣленному политическому принципу. Историкъ былъ убѣжденъ, что онъ добылъ этотъ принципъ изъ опыта прошлаго, что будущее принадлежитъ генію и власти третьяго сословія. Оно создало цивилизацію Франціи, оно ее и завершитъ.

Это былъ въ полномъ смыслѣ научно-публицистическій принципъ, обоснованная вѣра. Что могъ сдѣлать здѣсь Ренанъ, считавшій ограниченностью ума какой бы-то ни было политическій символъ?

И онъ, все-таки, много сдѣлалъ.

Прежде всего, предъ нами блестящая защита историко-политическаго дѣятеля. Ренанъ возстаетъ противъ «пассивной безличности» авторовъ, воспроизводящихъ во всей неприкосновенности сказанія хроникеровъ. «Широкій смыслъ въ человѣческихъ дѣлахъ,— говоритъ философъ,—пріобрѣтается только путемъ пониманія настоящаго, а настоящее открываетъ свою тайну только сообразно съ тѣмъ, на сколько въ немъ участвуютъ».

---

*) *L'Avenir*, 489.

И Ренанъ, съ обычной мѣткостью, изображаетъ историковъ-бенедиктинцевъ, составителей обширныхъ собраній оригинальныхъ документовъ. Но все это сдѣлано безъ критики, безъ проницательной оцѣнки источниковъ и самихъ фактовъ. Даже если бы трудолюбивые ученые и взялись за критическую работу, они не достигли бы желательной цѣли. У нихъ не было познанія жизни. А оно не дается кабинетной работой и палеографическими изслѣдованіями. Выше ихъ могъ стать даже юноша, не столь ученый и трудолюбивый, но искушенный общественной жизнью.

«Двадцатилѣтній молодой человѣкъ, брошенный въ страстно-взволнованную среду и одаренный той прозорливостью, которую даетъ навыкъ въ политическихъ дѣлахъ, могъ съ перваго взгляда открыть въ трудѣ великихъ учителей бездну пробѣловъ и ошибочныхъ воззрѣній. Документы нѣмы для тѣхъ, кто не умѣетъ одушевить ихъ озаряющимъ сознаніемъ прошлаго. Это сознаніе совсѣмъ не исключаетъ учености, но ученость отнюдь не обусловливаетъ его» *).

Ренанъ идетъ дальше. Онъ произноситъ смертный приговоръ надъ такъ называемыми чистыми историками-изслѣдователями. Эти лже-ученые думаютъ ограничиться только критикой фактовъ и источниковъ, спеціальными изысканіями. Исторія, избѣгающая широкихъ обобщеній, самая фальшивая исторія. Точность, которой она гордится, *ложь*. Воображеніе, по мнѣнію Ренана, часто скорѣе способно открыть истину, чѣмъ ученая компиляція источниковъ. Исторія—искусство на столько же, на сколько и наука.

Вы видите, великій умъ и живое художественное чувство озарили Ренана истиной даже тамъ, гдѣ по принципу онъ менѣе всего могъ послѣдовать примѣру Тьерри-публициста. И вы безпрестанно, по всѣмъ сочиненіямъ Ренана, будете убѣждаться, какъ богато одаренъ этотъ человѣкъ, какъ цѣнно для философа быть художникомъ и для ученаго—мыслителемъ. И въ то же время васъ неустанно будетъ преслѣдовать чувство неудовлетворенности, тѣмъ болѣе тягостное и по временамъ мучительное, что предъ вами все время прекрасный храмъ и въ немъ нѣтъ божества, и храмъ даже не предназначенный для культа. Онъ—просто превосходное созданіе искусства, и архитекторъ, видимо, не задавался никакими жизненно-идейными цѣлями.

Ренанъ очень много толкуетъ о религіи. Онъ буквально повторяетъ идеи Сенъ-Симона о неизбѣжности духовнаго единаго принципа для новаго міра. Онъ пишетъ восторженныя страницы во славу всѣхъ, кто несъ въ среду человѣчества вдохновляющее слово и великую нравственную мысль.

Да, будущее принадлежитъ мыслителямъ, и менѣе всего политикамъ. Опять, подобно сенъ-симонистамъ, Ренанъ не находитъ достаточно презрительныхъ словъ насмѣяться надъ мелочной суетой современныхъ политикановъ. Не ею живо человѣчество, а религіей, моралью, поэзіей.

Онъ готовъ стать на защиту даже такихъ мечтателей, какъ Пьеръ Леру, Фурье, лишь бы спасти принципъ религіозныхъ вожделѣній человѣчества. Онъ возмущается идеей Прудона, будто «человѣкъ предназначенъ жить безъ религіи». Вовсе нѣтъ.

---

*) *Essais de morale et de critique*, Paris, 1859, p. 118.

Католичество, конечно, отжило свой вѣкъ, но религія вѣчна. Она можетъ измѣнять форму и содержаніе, но ея назначеніе—быть объединяющей нравственной силой человѣчества—исчезнетъ религія только вмѣстѣ съ человѣческимъ разумомъ и человѣческой природой.

И у Ренана есть своя вѣра, отнюдь для насъ не новая, тотъ же сенъ-симонистскій символъ: религія на почвѣ точной науки. Ренанъ глубоко вѣритъ въ научный прогрессъ, вѣритъ до такой степени, что въ немъ полагаетъ своего Бога и свою вѣру.

Это—достойно ученаго, но всякая религія, какъ ясно и самому Ренану, должна быть дѣятельной, просвѣтительной и преобразовательной силой. Она вѣдь двигательный принципъ жизни, духъ, вѣющій надъ хаосомъ дѣйствительности. Она—душа и опора человѣка и гражданина.

Такова ли религія Ренана, не сама по себѣ, а въ его личной психологіи?

Врядъ ли. Онъ разсказываетъ намъ, какія сомнѣнія онъ пережилъ въ молодости, какъ у него исчезли вѣрованія отцовъ и какъ онъ не могъ больше преклонять колѣнъ предъ алтаремъ съ былымъ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, не могъ, не смотря на все желаніе.

Но вѣра въ немъ не исчезла. Онъ тогда же далъ обѣтъ служить Богу во имя его словъ: азъ есмь истина и жизнь. Истина будетъ отнынѣ религіей юноши, и евангельскій Христосъ до конца останется его другомъ.

Этотъ союзъ прекратится лишь въ тотъ день, когда, клялся Ренанъ, «я отдамъ свою жизнь на поруганіе низьменнымъ интересамъ и стану спутникомъ счастливцевъ нашего міра». Нѣтъ. «Я всегда буду состоять въ святомъ воинствѣ обездоленныхъ» *).

Такова клятва молодости. Она очень благородна, но ей не суждено быть аннибаловой клятвой, мы это знаемъ.

И знаемъ, почему.

Минуты сомнѣній и разрыва съ прежней вѣрой пережилъ не одинъ Ренанъ, а цѣлый рядъ поколѣній нашего вѣка, переживается нерѣдко эта драма и до сихъ поръ. Только совсѣмъ не такъ, какъ мы только прочитали у философа.

Разсказъ—сухая повѣсть одного изъ многочисленныхъ эпизодовъ прошлаго. Часто мелькаютъ восклицательные знаки, но они не говорятъ читателю о дѣйствительно смятенномъ, мучительно-тоскующемъ, обездоленномъ духѣ. Для другихъ утрата наслѣдственной религіи—грозная катастрофа, искупаемая годами думъ и страстныхъ исканій истины. У Ренана будто даже выздоровленіе послѣ легкаго недуга.

Совершенно другія признанія оставили намъ Гамлеты нашего вѣка, органически захваченные жаждой единаго руководящаго нравственнаго принципа.

Философъ Жоффруа, передавъ повѣсть своихъ сомнѣній, заканчиваетъ ее такимъ изображеніемъ рѣшительнаго разрыва съ преданіями отцовъ. Здѣсь нѣтъ ни одного преувеличеннаго слова: философъ подтвердилъ свою исповѣдь всей своей позднѣйшей одинокой, аскетически-мыслительной жизнью.

---

*) L'Avenir, 491.

«Это мгновеніе было ужасно, и когда на разсвѣтѣ я бросился въ изнеможеніи на постель, мнѣ казалось, что я чувствую, какъ моя первая, такая улыбающаяся и такая полная жизнь, угасаетъ, а за мной открывается другая, мрачная и пустынная, гдѣ отнынѣ я долженъ буду жить одинъ съ моей роковою мыслью, которая изгнала меня туда и которую я готовъ былъ проклясть. Дни, послѣдовавшіе за этимъ открытіемъ, были печальнѣйшими днями моей жизни. Разсказывать, какія чувства меня волновали тогда, было бы слишкомъ долго. Хотя мой умъ съ нѣкоторой гордостью созерцалъ свое произведеніе, но душа не могла примириться съ состояніемъ, такъ мало приспособленнымъ къ человѣческой слабости. Могучими порывами она старалась возвратиться къ берегамъ, которые утеряла изъ виду въ пеплѣ своихъ прежнихъ вѣрованій; она отыскивала искры, которыя, по временамъ, казалось, снова разжигали ей вѣру... Но убѣжденія, опровергнутыя разумомъ, только имъ могутъ быть возстановлены, и эти искры скоро угасали».

То же самое разсказываетъ о переломѣ молодости Литтре, одинъ изъ доблестнѣйшихъ рыцарей новой французской науки, и говоритъ о своемъ поколѣніи: оно «знало весь ужасъ сомнѣній, гложущихъ сердце днемъ и заставляющихъ ночью обливать слезами изголовье» *).

Сравните эти рѣчи съ личнымъ повѣствованіемъ Ренана. Онъ очень любитъ подчеркивать свою вѣру въ человѣческій разумъ: цѣль его философскихъ стремленій внушить людямъ эту вѣру **). Но, очевидно, существуетъ нѣчто, способное побороться съ разумомъ. Жуффруа именно разумъ считалъ непреодолимымъ препятствіемъ къ возврату на старый путь.

И Ренанъ пойдетъ въ церковь, восхитится иконами въ жилищахъ крестьянъ, приметъ почти шатобріановскій тонъ о разныхъ «очарованіяхъ» католическаго культа...

Скажите, говоритъ ли такимъ языкомъ не только вѣра, а вообще какое-либо прочное, сознательно воспринятое убѣжденіе?

И придетъ ли вамъ на мысль въ минуты душевной смуты, той страшной *мути* ума и всей человѣческой природы, когда, кажется нѣтъ просвѣта ни въ вѣчно тоскующей и страдающей дѣйствительности, ни въ безнадежно далекихъ идеалахъ,—подумаете ли вы въ эти минуты обратиться за утѣшеніемъ и свѣтомъ къ нашему «веселому» «критическому догматику» ***)? Критики вы найдете сколько угодно,—но какую догму предложатъ вамъ даже не какъ истину, а какъ болѣе или менѣе нравственно-достойное общее положеніе, столь необходимое человѣку по природѣ и особенно по многообразнымъ испытаніямъ проходимой имъ юдоли горя и слезъ?

Нѣтъ. Въ отвѣтъ на свои исканія и запросы вы услышите:

«Что такое человѣческая жизнь? Гдѣ найти что-нибудь такое, чтобы мы могли близко принять къ сердцу?»

Такъ спрашивалъ Ренанъ, еще не дожившій до тридцати лѣтъ. Жизнь такъ и не дала ему отвѣта и не указала ничего въ своемъ царствѣ, достойнаго сильныхъ чувствъ философа.

---

*) *La philosophie positive*. 1870 г. № 6, *Pour la dernière fois*.

**) *L'Avenir* p. 433.

***) «Nous sommes dogmatiques critiques», *L'Avenir*, 445.

Міровой спектакль проходилъ предъ его глазами, будто картины волшебнаго фонаря. Были здѣсь живыя существа, страдали они, умирали и губили другихъ,—все это было зрѣлищемъ, а всѣ герои и жертвы—артистами. И нашъ зритель только мѣнялъ опредѣленія, *beau*, *charmant*, *ravissant*, *curieux* или противоположныя имъ.

И просидѣлъ онъ предъ міровой сценой спокойно и счастливо, увѣнчанный даже лаврами и, что еще поучительнѣе, передъ смертію желавшій снова начать ту же «манеру».

Это естественно. Личное счастье и лавры—бо́льшаго настоящая жизнь не въ состояніи дать...

Ренанъ умеръ и счастье умерло вмѣстѣ съ нимъ. А лавры? Пока они цвѣтутъ, но это *лавры артиста*. Ренанъ, превративъ міръ въ художественное зрѣлище, изъ своего *Я* создалъ также спектакль, не различая въ дѣйствительности ничего, кромѣ спектакля и въ людяхъ ничего кромѣ актеровъ,—онъ осудилъ и себя на ту же участь. Его долго не забудутъ, какъ одного изъ блестящихъ участниковъ комедіи девятнадцатаго вѣка. Ослѣпительная игра его ума, неподражаемая красота стиля на многіе годы сохранятъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди усладителей и безъ того сладкой жизни, кому она выпадаетъ на долю.

Но это будетъ наслажденіе покоя и довольства, а не насущный хлѣбъ прогресса и борьбы. Этого хлѣба будутъ искать далеко отъ Ренана, тамъ, гдѣ человѣческая жизнь—долгъ, хотя бы и невѣдомо кѣмъ и зачѣмъ возложенный, тяжкое бремя хотя бы и безъ вѣрной надежды на облегченіе, а не спектакль и не утѣха.

«Какой великій артистъ!»—будетъ восклицать, можетъ быть, самое отдаленное потомство предъ именемъ Ренана,—и какой маленькій, едва замѣтный человѣкъ!—неумолимо произнесетъ то же потомство. И это будетъ моментомъ настоящаго торжества человѣческой *нравственной мощи*,—стихіи, неизмѣримо превосходящей и ренановскій умъ, и ренановскій «критическій догматизмъ», и весь духъ нашего въ вѣрѣ обездоленнаго вѣка.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Benin. The City of Blood*» *by R. H. Bacon* (*Edward Arnold*). (*Бенинъ. Городъ крови*). Авторъ этой книги участвовалъ въ англійской экспедиціи, отправленной въ Бенинъ, въ область Нигера, съ цѣлью отмстить этому маленькому негритянскому королевству за избіеніе англійской миссіи. Эта экспедиція кончилась покореніемъ Бенина и присоединеніемъ его къ англійскимъ владѣніямъ. Тѣ ужасы, которые творились въ Бенинѣ, вполнѣ оправдываютъ въ данномъ случаѣ быстроту дѣйствій англійскихъ войскъ. Покоривъ Бенинъ, англичане положили конецъ пролитіямъ крови въ Бенинѣ, гдѣ процвѣтали человѣческія жертвоприношенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Эти кровавые обряды извѣстны подъ названіемъ «Ю-ю» и до такой степени были часты и распространенны, что вся почва города была напоена человѣческою кровью и воздухъ былъ пропитанъ запахомъ крови. Англичане на каждомъ шагу натыкались на изуродованные трупы жертвъ. Авторъ сообщаетъ много любопытныхъ подробностей объ этомъ «городѣ крови» и господствующей въ немъ религіи, но описаніе этого пропитаннаго кровью города, дѣйствительно, способно вызвать содроганіе. (Daily News).

«*Morts et Vivants*» *par A. Mézières de l'Academie Française*. (*Hachette*). (*Мертвые и живые*). Въ этомъ томѣ авторъ собралъ серію 18-ти литературныхъ и историческихъ портретовъ, написанныхъ имъ въ разное время. Въ своихъ очеркахъ авторъ даетъ характеристику того или другого дѣятеля прошлой или настоящей эпохи французской жизни и старается указать степень его вліянія и его значенія для данной эпохи. Цѣна 3 фр. 50 с.

(Journal des Débats).

«*Le Monde Slave*» (*études politiques et littéraires*), *par Louis Leger, professeur au Collège de France. 2-m edition*. (*Hachette*). *3 фр. 50 с.* (*Славянскій міръ*). Авторъ включилъ въ эту книгу не только свои новыя изслѣдованія о славянахъ, но и свои прежнія статьи по этому вопросу. Онъ изучаетъ всѣ славянскія племена въ отдѣльности, изслѣдуетъ ихъ исторію, происхожденіе панславизма, русскаго вліянія и т. д. Самъ авторъ, очевидно, приверженецъ «великой славянской идеи» и въ духѣ этой идеи предсказываетъ будущее славянской расы.

(Journal des Débats).

«*Au pays d'Aphrodite. Chypre*» *par Emile Deschamps*). (*Въ странѣ Афродиты*; *Кипръ*). Очень интересное описаніе поѣздки на островъ Кипръ, снабженное историческимъ очеркомъ и прекрасными иллюстраціями.

(Indépendance Belge).

«*Théories sociales et politiciens*» *par Ernest Charles*. (*Соціальныя теоріи и политики*). Авторъ этой книги съ большою искренностью и смѣлостью разбираетъ психологію наиболѣе выдающихся историческихъ дѣятелей Франціи и тѣ соціальныя теоріи, представителями которыхъ они являются. Авторъ говоритъ о Гамбеттѣ, Буржуа, Жоресѣ, Жюлѣ Гедѣ и мн. др., о прежнихъ и современныхъ французскихъ политикахъ и ихъ вліяніи. Написаны эти психологическіе очерки очень живо, но авторъ, повидимому, не отличается безпристрастіемъ и его личныя симпатіи и антипатіи сквозятъ въ каждой строкѣ.

(Revue des Revues).

«*De Paris au Cap Nord, notes pittoresques sur les pays Scandinaves*» *par Paul Ginixty* (*L. Chaux*). (*Изъ Парижа къ Нордкапу*). Перо автора этой интересной книги обладаетъ гибкою кистью художника въ изображеніи картинъ природы. Авторъ изображаетъ, впрочемъ, не однѣ только красоты скандинавской природы, но знакомитъ своихъ читателей и съ характеромъ народа, съ его нравами, учрежденіями, съ его исторіей и народными легендами. Путешествуя по скандинавскимъ странамъ, авторъ не могъ не посѣтить своихъ знаменитыхъ собратьевъ по перу, Ибсена и Бьернсена, и дѣлится съ читателями своими впечатлѣніями. Авторъ побывалъ также у Стриндберга, главы реалистической школы въ Швеціи, личность котораго не такъ хорошо извѣстна читателямъ, какъ личности зна-

менитыхъ норвежскихъ писателей Ибсена и Бьернсона. Книга снабжена прекрасными иллюстраціями, изображающими виды мѣстностей и сцены изъ народной жизни.

(Revue des Revues).

«*The Books of William Morris*». *By H. Buxton Forman*. (*Frank Hollings*). (*Книги Уильяма Морриса*). Книга эта представляетъ смѣсь библіографіи съ біографіей. Авторъ, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду дать библіографическій очеркъ Уильяма Морриса, но присоединилъ къ нему и нѣчто въ родѣ его біографіи. Какъ извѣстно, дѣятельность Морриса была необыкновенно разнообразна; онъ былъ и поэтомъ, и критикомъ, беллетристомъ, ремесленникомъ, соціалистомъ, типографщикомъ и т. п. Но во всѣхъ этихъ разнообразныхъ видахъ дѣятельности Моррисъ всегда преслѣдовалъ свой идеалъ и никогда не измѣнялъ ему. Онъ мечталъ о великомъ «золотомъ будущемъ» и эта мечта служила стимуломъ всей его жизни. Моррисъ написалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 150 книгъ, и чего только нѣтъ въ нихъ! Тутъ и романтическая проза, и поэзія, и критика, и пропаганда соціалистическихъ идей, и политическія статьи. Но многія изъ этихъ произведеній Морриса уже сдѣлались библіографическою рѣдкостью. (Daily News).

The New Man» *by Ellis Oberholtzer. Philadelphia* (*Levytype Compagny*) *Prix*: *1 dollar*. (*Новый человѣкъ*). Авторъ этой книги излагаетъ въ формѣ беллетристическзго произведенія различныя біологическія и соціологическія теоріи и рисуетъ типъ новаго человѣчества. Этотъ научный романъ написанъ живо и интересно, въ особенности первая глава, въ которой авторъ рисуетъ жизнь американскихъ студентовъ въ германскихъ университетахъ.

«*Ramji: A Tragedy of the Indian Famine*» (*Fisher Unwin*). (*Разсказъ изъ періода голода въ Индіи*). Эта небольшая книжка производитъ сильное впечатлѣніе на читателей, такъ какъ въ ней самыми реальными красками описывается положеніе Индіи во время голода и бѣдствія мѣстнаго населенія. (Bookseller).

«*Religion of primitive Peoples*» *by Daniel G. Brinton Professor of Archaeology and Linguistics in the University of Pennsylvania. Prix: 6 s.* (*Религія первобытныхъ народовъ*). Эта книга заключаетъ въ себѣ вторую серію лекцій по исторіи религій, прочитанныхъ авторомъ въ Пенсильванскомъ университетѣ. Несмотря на свой строго научный характеръ, книга эта доступна большому кругу читателей и въ особенности интересна для тѣхъ, кто желаетъ приступить къ изученію исторіи религій. (Bookseller).

«*Lessons from Life. Animal and Human*». (*Elliot Stock*). (*Уроки изъ жизни животной и человѣческой*). Сборникъ всевозможныхъ фактовъ, представляющихъ выдающійся интересъ и иллюстрирующихъ феномены природы, функціи и взаимныя отношенія людей и животныхъ, а также подтверждающихъ соціальныя, нравственныя и религіозныя истины и принципы.

(Bookseller).

«*Australasian Democracy*» *by Henry De M. Walkner. London* (*Fisher Unwien*). *Prix: 6 s.* (*Австралійская демократія*). Въ книгѣ излагается ростъ и развитіе австралійскихъ колоній, исторія всѣхъ австралійскихъ учрежденій и преобладанія демократіи. Особенно интересны главы, которыя знакомятъ читателей съ исторіей возникновенія женской политической равноправности, а также съ нѣкоторыми выдающимися чертами австралійской демократіи.

(Bookseller).

«*El Carmen*» *by George Crampton* (*Digby, Long and Company*). (*Эль Карменъ*). Несмотря на интересъ, который представляетъ Аргентина для Европы, европейскіе читатели все таки весьма мало знакомы съ этою страной. Авторъ названной книги въ нѣкоторой степени пополняетъ этотъ пробѣлъ своими очерками аргентинской жизни. (Bookseller).

«*A sept mille mètres dans l'Himalaya*» *par M. Conway*. (*На высотѣ семи тысячъ метровъ въ Гималаяхъ*). Восхожденіе на Гималаи до сихъ поръ считается подвигомъ, который удается совершить далеко не всякому альпинисту. Авторъ этой книги принадлежитъ къ числу такихъ немногихъ счастливцевъ. Гималаи представляютъ обширную и еще малоизвѣстную область для всякаго рода изслѣдованій и очень привлекательны для каждаго смѣлаго, предпріимчиваго и любознательнаго альпиниста, какимъ именно и является авторъ этой книги, очень интересно описывающій свое восхожденіе и пребываніе на Гималаяхъ.

(Indépendance Belge).

«*La Danse à travers les âges*» *par Gaston Vuiller* (*Hachette*). (*Танцы въ разные вѣка*). Книга эта должна быть причислена къ разряду сочиненій по исторіи искусства. Въ ней разсматривается эволюція танцевъ и значеніе, которое имѣютъ танцы въ исторіи различныхъ народовъ и въ разные времена. (Indépendance Belge).

«*Causeries historiques*» *par Edmond Biré* (*Bloud et Barral*). (*Историческія бесѣды*). Сборникъ критическихъ статей по исторіи революціи и имперіи, въ которомъ, кромѣ критическаго разбора сочиненій, трактующихъ объ этихъ важныхъ эпохахъ французской исторіи, заключаются еще разныя интересныя свѣдѣнія и анекдоты, характеризующіе общественное настроеніе въ эти историческіе моменты.

(Journal des Débats).

«*Entretiens sur l'evolution historique*» *par André Lefèvre, professeur à l'Ecole d'Anthropologie de Paris* (*Schleieher*) *Bibliothèque des sciences contemporaines* (*Беседы объ исторической эволюціи*). Чрезвычайно интересная книга какъ по массѣ фактовъ такъ и по точкѣ зрѣнія автора, который, прослѣдивъ весь путь, пройденный цивилизаціями, начиная отъ отдѣльныхъ цивилизацій древняго Египта и Халдеи до общей всемірной цивилизаціи, исходящей изъ Европы, приходитъ къ заключенію, что исторія представляетъ безконечную ткань всевозможныхъ приключеній и событій, являющихся результатомъ распространенія, взаимныхъ встрѣчъ и страстей разныхъ человѣческихъ группъ, болѣе или менѣе одаренныхъ отъ природы и развивающихся при болѣе или менѣе благопріятной обстановкѣ. Въ началѣ произволъ и слѣпая сила играютъ наибольшую роль и событіями руководятъ индивиды, повинующіеся непреодолимымъ импульсамъ и сильные своею геніальностью или предусмотрительностью. Но, по мѣрѣ того, какъ развивается разумъ, уменьшается вліяніе животныхъ инстинктовъ и невѣжества. Но человѣчество только тогда начнетъ руководить исторіей, когда наука подчинитъ себѣ всѣ факты или вымыслы, властвующіе надъ человѣкомъ по настоящее время. Цѣна книги 6 фр.

(Journal des Débats).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ **Викторъ Острогорскій.**

ОВОДЪ.

(GADFLY).

Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ.

М-ссъ Е. ВОЙНИЧЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

З. ВЕНГЕРОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

-I.

Артуръ сидѣлъ въ библіотекѣ духовной семинаріи въ Пизѣ и просматривалъ рядъ рукописныхъ проповѣдей. Былъ жаркій іюньскій вечеръ и окна были широко раскрыты, съ полунадвинутыми для прохлады ставнями. Директоръ семинаріи, капелланъ Монтанелли, оторвался на минуту отъ писанья и любовно посмотрѣлъ на темную головку, склонившуюся надъ бумагами.

— Что жъ, ты не можешь найти, carino? Ничего, я наново напишу это мѣсто. Можетъ быть, страничка какъ-нибудь затерялась и я напрасно заставилъ тебя трудиться.

Голосъ Монтанелли былъ низкій, но полный и звучный; серебристая чистота тона придавала его рѣчи особое обаяніе. Это былъ голосъ рожденнаго оратора, богатый переливами; въ разговорѣ же съ Артуромъ онъ становился необычайно нѣжнымъ.

— Нѣтъ, padre, я непремѣнно найду. Вы, навѣрно, сюда положили. Вамъ никакъ не удастся возобновить то же самое.

Монтанелли продолжалъ работать. Сонный жукъ лѣниво жужжалъ за окномъ и съ улицы слышался протяжный, унылый крикъ продавца фруктовъ: fragola! fragola!

— «Объ излѣченіи прокаженнаго»,— вотъ онъ!

Артуръ прошелъ по комнатѣ своей бархатною поступью, которая всегда раздражала его домашнихъ. Онъ былъ нѣжнымъ, миніатюрнымъ существомъ, болѣе похожимъ на итальянскій портретъ XVI в., чѣмъ на англійскаго юношу среднихъ классовъ въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка. Все въ немъ, начиная съ удлиненныхъ бровей и капризнаго рта до маленькихъ рукъ и ногъ, было слишкомъ отточено, слишкомъ нѣжно. Когда онъ сидѣлъ, его можно было принять за хорошенькую дѣвочку, переодѣтую въ мужской костюмъ, но когда онъ вставалъ и ходилъ, его гибкость и подвижность напоминали ручную пантеру, у которой остригли когти.

— Неужели ты нашелъ? Чтобы я сдѣлалъ безъ тебя, Артуръ? Нѣтъ, я не буду больше писать, пойдемъ въ садъ и я помогу тебѣ работать. Гдѣ то, что ты не могъ понять?

Они вышли въ тихій, тѣнистый монастырскій садъ. Семинарія занимала зданіе стариннаго доминиканскаго монастыря и двѣсти лѣтъ тому назадъ квадратный дворъ содержался строгимъ и опрятнымъ. Розмарины и лаванда росли на аккуратно остриженныхъ кустарникахъ. Теперь монахи въ бѣлой одеждѣ, которые, когда-то ухаживали за этими растеніями двора, были уже давно похоронены и забыты. Но душистыя травы все еще цвѣли въ мягкіе лѣтніе дни и вечера,хотя никто уже не собиралъ ихъ сѣмянъ для лѣкарственныхъ цѣлей. Пучки дикой травы наполняли трещины между плитами двора и колодецъ по рединѣ его заросъ папоротникомъ. Розы стали дикими и ихъ длинные, спутавшіеся стебли ползли по дорожкамъ. На грядкахъ алѣли большіе красные маки. Высокіе цвѣты наперстянки склонялись надъ спутанными травами и древняя лоза, одичалая и безплодная свисала съ вѣтокъ запущеннаго дерева, которое медленно и грустно кивало своей густолиственной главой.

Въ одномъ углу стояла громадная цвѣтущая лѣтомъ магнолія,—цѣлая темно-

зеленая башня съ разсыпанными по ней бѣлоснѣжными цвѣтами. Къ дереву прислонена была простая деревянная скамейка и на нее сѣлъ Монтанелли. Артуръ изучалъ философію въ университетѣ и, напавши на трудное мѣсто въ книгѣ, обратился къ «padre» за объясненіемъ. Монтанелли казался ему обладателемъ энциклопедическихъ знаній, хотя мальчикъ никогда не былъ его ученикомъ въ семинаріи.

— Ну, а теперь я пойду,—сказалъ Артуръ, когда трудное мѣсто было объяснено,—если только я вамъ не нуженъ для чего-нибудь.

— Я больше не хочу работать, но я хотѣлъ бы посидѣть съ тобой, если у тебя есть время.

— Конечно есть.

Мальчикъ прислонился спиной къ дереву и сталъ глядѣть сквозь густую темную зелень на первыя блѣдныя звѣзды, свѣтившія на спокойномъ небѣ. Мечтательные, таинственные глаза его, темно-синіе подъ черными рѣсницами, были наслѣдіемъ его матери, уроженки Корнваллиса, и Монтанелли отвернулъ голову, чтобы не видѣть ихъ.

— У тебя усталый видъ, carino!

— Что жъ дѣлать?

Усталая нота прозвучала въ голосѣ Артура, и padre сразу замѣтилъ ее.

— Тебѣ не слѣдовало бы такъ скоро возвращаться въ школу. Ты усталъ, ухаживая за больной и проводя безсонныя ночи. Мнѣ слѣдовало бы настоять на томъ, чтобы ты хорошенько отдохнулъ до отъѣзда изъ Лигорно.

— О, padre, къ чему бы это повело? Я не могъ оставаться въ этомъ ужасномъ домѣ послѣ смерти матери. Юлія довела бы меня до сумасшествія.

Юлія была женой его старшаго брата и вѣчнымъ шипомъ въ душѣ Артура.

— Я вовсѣ не желаю, чтобы ты жилъ съ своими родными, — кротко отвѣтилъ Монтанелли; — я знаю, что это самое худшее для тебя. Но жаль, что ты не принялъ приглашенія твоего пріятеля, англійскаго доктора. Проведя мѣсяцъ въ его домѣ, ты вернулся бы болѣе отдохнувшимъ и способнымъ къ работѣ.

— Нѣтъ, padre, нѣтъ; Варренсы очень добры и милы, но они не понимаютъ меня. Они меня жалѣютъ, я вижу это по ихъ лицамъ и они стали бы меня утѣшать и говорить о матери. Гемма, конечно, этого не дѣлала бы, она всегда знала, чего не нужно говорить, даже, когда мы были маленькими дѣтьми. Но другіе говорили бы. Да и не только это...

— А что же, сынъ мой?

Артуръ сорвалъ нѣсколько цвѣтковъ наперстянки и нервно мялъ ихъ въ рукѣ.

— Я не выношу жизни въ городѣ,— началъ онъ, помолчавъ. — Тамъ лавки, гдѣ мнѣ покупали игрушки въ дѣтствѣ, тамъ набережная, гдѣ я гулялъ съ ней, пока она совсѣмъ не заболѣла. Куда бы я ни шелъ, все то же самое. Каждая дѣвочка на рынкѣ подходитъ ко мнѣ и предлагаетъ цвѣты, какъ будто бы они мнѣ теперь нужны! И тамъ кладбище... Я долженъ былъ уѣхать оттуда, мнѣ слишкомъ тяжело видѣть мѣсто—

Онъ не докончилъ и сидѣлъ, разрывая колокольчики наперстянки. Наступило молчаніе и оно длилось такъ долго и было такимъ глубокимъ, что Артуръ поднялъ глаза, удивляясь, почему padre не отвѣчаетъ ему. Становилось темно подъ вѣтвями магноліи и все казалось неяснымъ и смутнымъ. Но было все-таки достаточно свѣта, чтобы замѣтить мертвенную блѣдность лица Монтанелли. Онъ опустилъ голову и правая рука его судорожно опиралась на край скамьи. Артуръ повернулъ голову съ чувствомъ ужаса и изумленія. Ему, казалось, что онъ приблизился нечаянно къ чему-то священному.

— Боже! — подумалъ онъ, — какой я мелкій и себялюбивый рядомъ съ нимъ. Если бы мое горе было его собственнымъ, онъ бы не могъ болѣе глубоко чувствовать!

Въ эту минуту Монтанелли поднялъ голову и осмотрѣлся вокругъ себя.

— Я не буду уговаривать тебя возвращаться туда, во всякомъ случаѣ теперь, — сказалъ онъ ласково. — Но ты долженъ обѣщать мнѣ, что хорошенько отдохнешь во время лѣтнихъ каникулъ. По моему, лучше тебѣ уѣхать подальше отъ Лигорно. Я не хочу допустить, чтобы ты совсѣмъ расшаталъ свое здоровье.

— Куда вы уѣдете, когда закроется семинарія, padre?

— Я долженъ буду свезти своихъ воспитанниковъ въ горы, какъ всегда, и устроить ихъ тамъ. Но въ серединѣ августа вице-директоръ вернется, тогда я постараюсь уѣхать въ Альпы, чтобы отдохнуть тамъ немного. Хочешь поѣхать со мною? Мы совершали бы длинныя горныя прогулки и изучили бы альпійскіе мхи. Но, можетъ быть тебѣ скучно будетъ со мной?

— Padre! — Артуръ всплеснулъ руками, какъ «экспансивный иностранецъ», по выраженію Юліи.—Я бы далъ все на свѣтѣ за то, чтобы поѣхать съ вами! Только я не знаю...—Онъ остановился.

— Ты думаешь, что м-ъ Бертенъ не позволитъ тебѣ ѣхать?

— Ему это, конечно, не понравится, но онъ едва ли можетъ помѣшать. Мнѣ теперь восемнадцать лѣтъ и я могу дѣлать все, что хочу. Въ концѣ концовъ, онъ только мой братъ по отцу: не знаю, почему бы я долженъ былъ его слушаться. Онъ былъ всегда недобръ къ моей матери.

— Но если онъ серьезно воспротивится, мнѣ кажется лучше не идти противъ его желанія. Твое положеніе въ домѣ можетъ сдѣлаться болѣе тяжелымъ, если...

— Оно не можетъ стать тяжелѣе! — возразилъ возбужденно Артуръ — Они всегда ненавидѣли меня и всегда будутъ ненавидѣть, что бы я ни дѣлалъ. Къ тому же, почему бы Джемсъ имѣлъ что-нибудь противъ моей поѣздки съ вами, съ моимъ духовникомъ?

— Онъ вѣдь протестантъ. Во всякомъ случаѣ, напиши ему. Мы подождемъ его отвѣта, но только будь терпѣливъ, сынъ мой! Нужно относиться хорошо къ людямъ, все равно—любятъ ли они тебя или ненавидятъ.

Назиданіе Монтанелли было такимъ мягкимъ, что Артуръ даже не покраснѣлъ.

— Да, я знаю,—отвѣтилъ онъ, вздыхая;—но это очень трудно.

— Мнѣ такъ жаль было, что ты не могъ придти во вторникъ, вечеромъ,— сказалъ Монтанелли, рѣзко переходя къ новому предмету разговора. — У меня былъ епископъ изъ Ареццо. Мнѣ бы хотѣлось познакомить тебя съ нимъ.

— Я обѣщалъ одному студенту быть на собраніи у него въ квартирѣ и меня тамъ ждали.

— Какое собраніе?

Артуръ пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство отъ вопроса.

— Это не было на-сто·ящимъ собраніемъ,—сказалъ онъ, нѣсколько заикаясь.—Пріѣхалъ студентъ изъ Генуи и произнесъ рѣчь, нѣчто въ родѣ лекціи.

— О чемъ онъ читалъ?

Артуръ замялся.

— Вы, вѣдь, не будете спрашивать у меня его имени, padre, неправда ли? Потому что я обѣщалъ—

— Я не буду тебя ни о чемъ спрашивать, и если ты обѣщалъ держать что-нибудь въ тайнѣ, не нужно мнѣ говорить. Но мнѣ кажется, что тебѣ ужъ пора довѣрять мнѣ.

— Конечно, padre. Онъ говорилъ— о насъ и о нашемъ долгѣ—относительно народа—и относительно насъ самихъ—и относительно того... что мы должны дѣлать, чтобы помочь...

— Помочь? кому?

— Бѣдному народу... и...

— И?

— Италіи.

Послѣдовало длинное молчаніе.

— Скажи мнѣ, Артуръ — обратился Монтанелли къ мальчику очень серьезнымъ голосомъ,—какъ долго ты все это обдумывалъ?

— Всю прошлую зиму.

— До смерти твоей матери? И она ничего объ этомъ не знала?

— Нѣтъ. Я тогда не особенно увлекался этимъ.

— Ну, а теперь ты увлекаешься?

Артуръ сорвалъ еще горсть цвѣтовъ съ куста.

— Вотъ какъ это случилось, padre,— началъ онъ, опустивъ глаза. — Когда я приготовлялся къ вступительному экзамену прошлой осенью, я познакомился со многими студентами,—помните? Нѣкоторые изъ нихъ стали говорить со мной объ этомъ и давали мнѣ читать книги. Но это меня не особенно интересовало. Я старался уйти къ матери. Она,

вѣдь, была совсѣмъ одна въ нашей домашней тюрьмѣ. Одного языка Юліи достаточно было, чтобы убить ее. Потомъ, въ ту зиму, когда она была такъ больна, я забылъ про студентовъ и ихъ книги; а затѣмъ, вы знаете, я совсѣмъ уже не пріѣзжалъ въ Пизу. Я бы говорилъ съ матерью, если бы думалъ объ этомъ, но это совсѣмъ вышло у меня изъ головы. Потомъ я увидѣлъ, что она умираетъ. Вы знаете, я, вѣдь, былъ неотлучно съ нею въ послѣднее время. Часто я не ложился спать по ночамъ и Гемма Варренъ приходила только днемъ, чтобы дать мнѣ уснуть. Ну вотъ, это и произошло въ тѣ длинныя ночи. Я думалъ о книгахъ и о томъ, что говорили студенты, думалъ о томъ, правы ли они, и о томъ, что сказалъ бы нашъ Господь объ этомъ...

— Вопрошалъ ли ты Господа?—Голосъ Монтанелли звучалъ не совсѣмъ увѣренно.

— Часто, padre. Я иногда молился ему и спрашивалъ, какъ поступить, или молилъ его дать мнѣ умереть вмѣстѣ съ матерью. Но я не нашелъ отвѣта.

— И ты мнѣ ни слова не говорилъ объ этомъ! Артуръ, мнѣ казалось, что ты могъ бы довѣриться мнѣ.

— Padre, вы знаете, какъ я вамъ довѣряю! Но есть вещи, которыхъ никому нельзя говорить. Мнѣ казалось, что никто не можетъ мнѣ помочь, даже... даже вы или мать! Я долженъ самъ узнать отвѣтъ отъ Бога. Вѣдь, дѣло идетъ о всей моей жизни и о моей душѣ.

Монтанелли отвернулся и глядѣлъ сквозь мракъ вѣтвей магноліи. Сумерки придавали его лицу призрачный видъ и онъ самъ казался мрачнымъ призракомъ среди еще болѣе мрачной зелени.

— А затѣмъ?—медленно спросилъ онъ.

— Затѣмъ она умерла. Послѣднія три ночи я провелъ у ея постели, не ложась спать.

Онъ остановился на минуту, но Монтанелли продолжалъ молчать.

— Въ тѣ два дня до похоронъ,—продолжалъ Артуръ тихимъ голосомъ,—я ни о чемъ не могъ думать. Потомъ я былъ боленъ, вы помните? Я не могъ придти къ исповѣди.

— Да, помню.

— Ну вотъ, разъ ночью я всталъ и пошелъ въ комнату матери. Тамъ было пусто. Только большое распятіе висѣло въ альковѣ. И я подумалъ, что, можетъ быть, Богъ мнѣ поможетъ. Я всталъ на колѣни и ждалъ всю ночь, и утромъ, когда я пришелъ въ себя—нѣтъ, padre, это ни къ чему, я объяснить не могу—я не могу сказать, что я видѣлъ. Я самъ едва это знаю, но я знаю, что Богъ мнѣ отвѣтилъ и что я не смѣю ослушаться Его.

Нѣсколько минутъ они сидѣли молча въ темнотѣ. Потомъ Монтанелли обернулся и положилъ руку на плечо Артура.

— Сынъ мой!—сказалъ онъ.—Я не утверждаю, сохрани меня Боже, что Онъ не говорилъ съ твоей душой. Но вспомни условія, въ которыхъ все это произошло, и не принимай бредъ болѣзни и горя за Его священный призывъ. И если, въ самомъ дѣлѣ, волей Его было отвѣтить тебѣ изъ мрака смерти, обдумай, вѣрно ли ты понимаешь Его слова. Въ чемъ состоитъ то, на что ты рѣшился въ тотъ часъ?

Артуръ всталъ и отвѣтилъ медленно, какъ бы повторяя слова катехизиса:

— Отдать мою жизнь Италіи, постараться освободить ее отъ рабства и горя, изгнать австрійцевъ, чтобы она могла быть свободной республикой, не знающей иного господина, кромѣ Христа!

— Артуръ, подумай на минуту, что ты говоришь! Вѣдь ты даже не итальянецъ!

— Это все равно. Я увидѣлъ *это* и я *этому* принадлежу.

Монтанелли оперся рукой о вѣтвь дерева и заслонилъ глаза другою рукой.

— Сядь на минуту, сынъ мой!—сказалъ онъ наконецъ. Артуръ сѣлъ, и padre взялъ обѣ его руки, сильно сжавъ ихъ въ своихъ.—Я не могу спорить съ тобой сегодня,—сказалъ онъ.—Это слишкомъ неожиданно... Я объ этомъ не думалъ. Мнѣ нужно время, чтобы объ этомъ подумать. Мы поговоримъ еще объ этомъ болѣе опредѣленно, а теперь я хочу, чтобы ты понялъ одно. Если бы это принесло тебѣ несчастье, если бы ты умеръ, это разобьетъ мнѣ сердце.

— Padre!

— Нѣтъ, дай мнѣ кончить то, что я хочу тебѣ сказать. Я тебѣ ужъ разъ говорилъ, что у меня нѣтъ въ мірѣ никого, кромѣ тебя. Я думаю, что ты не совсѣмъ знаешь, что это значитъ. Это такъ трудно понять въ молодости. Я бы въ твоемъ возрастѣ тоже не понялъ. Артуръ! ты для меня какъ бы мой собственный сынъ, — понимаешь? Ты свѣтъ моихъ очей и желаніе моего сердца. Я готовъ умереть, чтобы спасти тебя отъ ложнаго шага и сохранить твою жизнь, но тутъ я ничего не могу сдѣлать. Я не прошу у тебя никакихъ обѣщаній, я только прошу тебя помнить это и быть осторожнымъ. Хорошенько обдумай все прежде, чѣмъ сдѣлать безповоротный шагъ. Сдѣлай это, если не ради меня, то во имя твоей матери, которая теперь на небѣ.

— Я подумаю padre, помолитесь за меня и за Италію!

Онъ опустился на колѣни въ молчаніи и въ молчаніи же Монтанелли положилъ руки на его склоненную голову. Черезъ минуту Артуръ поднялся, поцѣловалъ ему руку и, мягко ступая, ушелъ по росистой травѣ. Монтанелли остался одинъ подъ магноліей и неподвижно глядѣлъ въ темноту.

— Мщеніе Господа пало на меня,—думалъ онъ,—какъ оно пало на Давида. Я осквернилъ его алтарь и держалъ тѣло Господне въ оскверненныхъ рукахъ... Онъ былъ терпѣливъ ко мнѣ, но теперь оно пришло. «Ибо ты совершилъ это втайнѣ, я же совершу это явно передъ всѣмъ племенемъ Израиля и предъ лицомъ солнца. *Дитя, родившееся тебѣ, должно умереть*».

II.

М-у Джемсу Бертену вовсе не нравилось, что его молодой братъ будетъ «шляться по Швейцаріи» съ Монтанелли. Но онъ не могъ прямо запретить ему путешествіе съ ботаническими цѣлями въ обществѣ стараго профессора богословія. Артуръ не могъ знать настоящей причины запрещенія и считалъ бы его нелѣпой тираніей со стороны брата. Онъ бы непремѣнно приписалъ несогласіе брата религіознымъ предразсудкамъ, а Бертены гордились своей просвѣщенной вѣротерпимостью. Всѣ члены семьи были убѣжденными протестантами и консерваторами съ той самой поры, какъ фирма Бертена и Сыновей, судовладѣльцевъ въ Лондонѣ и Ливорно, впервые начала свои дѣла болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Они считали, что англійскіе джентльмэны должны поступать справедливо и корректно даже съ папистами. Когда глава дома, соскучившійся быть вдовцемъ, женился на хорошенькой католической гувернанткѣ своихъ младшихъ дѣтей, то его два старшихъ сына, Джемсъ и Томасъ, смирились, подчиняясь волѣ Провидѣнія, хотя присутствіе въ ихъ домѣ мачихи одинаковыхъ съ ними лѣтъ было имъ тягостно. Послѣ смерти отца женитьба старшаго брата еще болѣе осложнила и безъ того тяжелыя семейныя отношенія, но оба брата честно защищали мачиху, пока она была жива, отъ безпощаднаго язычка Юліи и старались исполнить свой долгъ, поскольку они его понимали, по отношенію къ Артуру. Они даже не старались выказывать любви къ мальчику и ихъ великодушное отношеніе къ нему обнаруживалось главнымъ образомъ въ томъ, что они давали ему много денегъ на расходы и позволяли ему поступать какъ угодно.

Вслѣдствіе всего этого Артуръ получилъ въ отвѣтъ на свое письмо денежный чекъ на покрытіе своихъ расходовъ и холодное разрѣшеніе распорядиться своими каникулами какъ ему угодно. Онъ истратилъ половину денегъ на покупку ботаническихъ книгъ и прессовъ для сушки растеній и отправился вмѣстѣ съ padre въ первое альпійское путешествіе.

Монтанелли былъ такъ веселъ и безмятеженъ, какимъ Артуръ уже давно его не видѣлъ. Послѣ перваго тяжкаго впечатлѣнія разговора въ саду онъ понемногу оживился и теперь смотрѣлъ на вещи болѣе спокойно. Артуръ былъ очень молодъ и неопытенъ; рѣшеніе его едва ли могло быть безповоротнымъ. Несомнѣнно, что можно было еще спасти его

ласковыми убѣжденіями и доводами отъ опаснаго пути, на который онъ едва только вступилъ.

Они намѣревались остаться нѣсколько дней въ Женевѣ, но при первомъ взглядѣ на ослѣпительно бѣлыя улицы и пыльные сады, кишащіе туристами, лицо Артура нахмурилось. Монтанелли взглянулъ на него, спокойно улыбаясь.

— Тебѣ здѣсь не нравится, carino?

— Право, не знаю. Здѣсь слишкомъ непохоже на то, чего я ожидалъ. Да, озеро прекрасно и мнѣ нравится форма тѣхъ холмовъ.—Они стояли на островѣ Руссо и онъ указывалъ на длинную строгую линію горъ со стороны Савойи.— Но городъ такой чопорный и аккуратный, какой-то протестантскій. У него слишкомъ самодовольный видъ. Нѣтъ, мнѣ не нравится Женева. Она напоминаетъ мнѣ Юлію.

Монтанелли разсмѣялся.

— Бѣдный мальчикъ! Какое несчастье! Но, вѣдь, мы здѣсь для собственнаго удовольствія и потому нѣтъ никакой причины оставаться. Хочешь, мы сегодня покатаемся по озеру, а завтра отправимся въ горы.

— Но, padre, вамъ хотѣлось здѣсь остаться.

— Дорогой мой мальчикъ, я всѣ эти мѣста видѣлъ множество разъ. Моя радость въ томъ, чтобы доставить тебѣ удовольствіе. Куда ты хотѣлъ бы отправиться?

— Если вамъ, въ самомъ дѣлѣ, все равно, то я хотѣлъ бы спуститься по рѣкѣ къ ея источникамъ.

— По Ронѣ?

— Нѣтъ, по Арвѣ. Она такъ быстро течетъ.

— Ну тогда поѣдемъ въ Шамуни.

Они провели послѣобѣденное время, катаясь въ маленькой парусной лодкѣ. Прекрасное озеро произвело на Артура гораздо меньшее впечатлѣніе, чѣмъ сѣрая и мутная Арва. Онъ выросъ на берегу Средиземнаго моря и привыкъ къ голубой морской ряби. Но онъ страстно любилъ быстрое теченіе воды и порывистое стремленіе потока, несущагося изъ горныхъ льдовъ, доставляло ему безконечное наслажденіе.

— Онъ такъ убѣжденно кипятится,— говорилъ онъ про потокъ.

На слѣдующій день они рано утромъ отправились въ Шамуни. Артуръ былъ весело возбужденъ во время всего путешествія черезъ плодородную равнину. Но когда они вступили на извилистый путь около Клюзъ и громадные изрѣзанные холмы окружили ихъ онъ сталъ молчаливъ и задумчивъ. Начиная отъ Сенъ-Мартена, они медленно поднимались, останавливаясь на ночлегъ въ уединенныхъ шалэ или въ маленькихъ гористыхъ деревушкахъ и затѣмъ шли дальше, куда ихъ влекло случайное желаніе. Артуръ былъ особенно воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ внѣшней природы, и первый же водопадъ на ихъ пути привелъ его въ восторгъ, который отрадно было видѣть. Но когда они стали все ближе подходить къ снѣжнымъ вершинамъ, онъ перешелъ отъ своихъ восторженныхъ и шумныхъ настроеній къ мечтательному экстазу, котораго Монтанелли никогда въ немъ не наблюдалъ. Казалось, что было какое-то мистическое родство между нимъ и горами. Онъ лежалъ цѣлыми часами неподвижно среди темныхъ уединенныхъ сосновыхъ лѣсовъ, вглядываясь сквозь прямые высокіе стволы въ освѣщенный солнцемъ міръ голубыхъ утесовъ и сіяющихъ вершинъ. Монтанелли глядѣлъ на него съ грустной завистью.

— Я хотѣлъ бы, чтобы ты показалъ мнѣ, что ты видишь, carino,— сказалъ онъ однажды, отрывая глаза отъ книги и видя Артура, лежащаго около него на травѣ въ такомъ же положеніи, какъ часъ передъ тѣмъ; мальчикъ смотрѣлъ открытыми, расширенными глазами въ сверкающую бѣлую и голубую даль.

Путешественники свернули съ большой дороги, чтобы остановиться на ночь въ тихой деревушкѣ, около водопада Діозà; когда солнце уже низко спустилось на безоблачномъ небѣ, они поднялись на лѣсистую скалу, чтобы полюбоваться альпійскимъ сіяніемъ надъ иглами и куполами Монбланской цѣпи: Артуръ поднялъ голову и глаза его были полны изумленія и тайны.

— Что я вижу, padre? Я вижу боль-

шое, бѣлое существо въ голубой пустынѣ, не имѣющей ни начала, ни конца. Я вижу, какъ оно ждетъ вѣкъ за вѣкомъ приближенія Духа Господня. Я вижу его смутно, точно сквозь стекло.

Монтанелли вздохнулъ.

— Я тоже видѣлъ нѣкогда все это.

— А теперь не видите?

— Никогда. Я больше никогда ихъ не вижу. У меня нѣтъ глазъ, чтобы видѣть ихъ. Я вижу теперь совсѣмъ иное.

— Что же вы видите?

— Я, carino? Я вижу голубое небо и снѣжныя горы,—вотъ все, что я вижу, глядя на эти высоты. Но глядя внизъ, я вижу совсѣмъ иное.

Онъ указалъ на долину, растилавшуюся внизу.

Артуръ сталъ на колѣни и наклонился надъ отвѣснымъ краемъ пропасти. Громадныя сосны, сѣрыя въ сгущающихся вечернихъ тѣняхъ, стояли какъ стража вдоль узкихъ береговъ, окаймляющихъ рѣку. Только что солнце, красное, какъ раскаленный уголь, нырнуло за изрѣзанный горный утесъ, и жизнь, и свѣтъ исчезли съ лица земли. Тотчасъ же надъ долиной сгустилось что-то темное и страшное, внезапное, ужасающее, полное призрачныхъ угрозъ. Отвѣсныя скалы голыхъ западныхъ горъ казались зубами чудовища, готоваго схватить жертву и сбросить ее въ глубокую пропасть равнины, чернѣющую своими стонущими лѣсами. Сосны казались рядами обнаженныхъ ножей, шепчущихъ: «упади на насъ!» И въ сгущающемся мракѣ потокъ ревѣлъ и вылъ, ударяясь о стѣны своей скалистой тюрьмы съ бѣшенствомъ вѣчнаго отчаянія.

— Padre!—Артуръ всталъ, весь дрожа, и отошелъ отъ пропасти. — Тамъ, какъ въ аду!

— Нѣтъ, сынъ мой,—мягко отвѣтилъ Монтанелли, — тамъ, какъ въ человѣческой душѣ.

— Въ душѣ тѣхъ, которые живутъ среди мрака и тѣней смерти.

— Въ душѣ тѣхъ, которые проходятъ мимо тебя на улицѣ ежечасно.

Артуръ весь дрожалъ, глядя на тѣни внизу. Тусклый бѣлый туманъ сгущался среди сосенъ, стелясь надъ ревущимъ въ мукахъ отчаянія потокомъ, какъ жалкій призракъ, который не можетъ принести утѣшенія.

— Посмотрите!—сказалъ вдругъ Артуръ.—Люди, ходившіе во мракѣ, увидѣли великій свѣтъ.

На востокѣ снѣжныя вершины горѣли отраженнымъ свѣтомъ. Когда красное сіяніе погасло на вершинахъ, Монтанелли обернулся и привелъ въ себя Артура, коснувшись его плеча.

— Идемъ, carino! Свѣтъ погасъ, мы заблудимся въ темнотѣ, если останемся дольше.

— Теперь это, какъ бы трупъ, — сказалъ Артуръ, отводя взоръ отъ призрачнаго вида снѣговыхъ вершинъ, сіяющихъ въ сумрачномъ свѣтѣ.

Они осторожно спустились вдоль темныхъ деревьевъ къ шалэ, гдѣ остановились на ночь.

Когда Монтанелли вошелъ въ комнату, гдѣ Артуръ ждалъ его къ ужину, онъ увидѣлъ, что мальчикъ совершенно отряхнулъ видѣнія, окружавшія его въ темнотѣ, и сталъ совсѣмъ инымъ.

— О, padre, идите сюда, идите скорѣе и посмотрите на эту потѣшную собаченку! Она танцуетъ на заднихъ лапкахъ.

Онъ теперь такъ же весь былъ увлеченъ собачкой и ея фокусами, какъ прежде зрѣлищемъ альпійскаго сіянія. Хозяйка шалэ, краснощекая женщина, въ бѣломъ передникѣ, стояла, уперши въ бока свои мощныя руки, и улыбалась, глядя на игру мальчика съ собачкой.

— Видно, что у него не много заботъ, — сказала она своей дочери на мѣстномъ нарѣчіи.—Онъ такъ увлекается игрой. И какой красивый мальчикъ!

Артуръ покраснѣлъ, какъ школьница, и женщина, увидѣвъ, что онъ понялъ ее, ушла, смѣясь надъ его смущеніемъ. За ужиномъ рѣчь шла только о планахъ экскурсій, о восхожденіяхъ на горы и ботаническихъ экспедиціяхъ. Очевидно, его видѣнія въ горахъ не ослабили ни его хорошаго настроенія, ни его аппетита.

Когда Монтанелли проснулся на слѣдующее утро, Артуръ исчезъ. Онъ отправился до восхода солнца въ горы

помогать Гаспару угнать козъ. Но завтракъ еще былъ въ самомъ началѣ, когда онъ вбѣжалъ въ комнату безъ шляпы, держа на плечахъ маленькую крестьянскую дѣвочку трехъ лѣтъ и съ громаднымъ пучкомъ дикихъ цвѣтовъ въ рукахъ.

Монтанелли взглянулъ на него, улыбаясь. Какой странный контрастъ съ молчаливымъ и задумчивымъ Артуромъ въ Пизѣ и Лигорно.

— Гдѣ ты былъ, сумасбродъ? Лазилъ по горамъ безъ завтрака?

— О, padre, какъ хорошо было! Горы дивныя при восходѣ солнца и роса на нихъ густая-густая. Вотъ посмотри! — онъ поднялъ и показалъ ему ногу въ сыромъ и забрызганномъ грязью сапогѣ.

— Мы взяли съ собой хлѣба и сыра и достали козьяго молока на пастбищѣ. У-у, какое оно противное! Но теперь я опять ѣсть хочу. И нужно также накормить эту маленькую особу. Annette, хочешь меду?

Онъ усадилъ дѣвочку на колѣни и помогъ ей собрать цвѣты въ букетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — вмѣшался Монтанелли: — я не хочу, чтобы ты простудился. Бѣги переодѣться! Подойди ко мнѣ, Annette! Гдѣ ты ее раздобылъ?

— Тамъ, на краю деревни. Ея отецъ, тотъ человѣкъ, котораго мы вчера видѣли,—деревенскій сапожникъ. Неправда ли, у нея дивные глаза? Въ карманѣ у нея черепаха и она зоветъ ее Каролиной.

Когда Артуръ одѣлъ сухіе чулки и вернулся къ завтраку, дѣвочка сидѣла на колѣняхъ у padre и весело болтала съ нимъ о своей черепахѣ, которую она держала опрокинутой на ладони, чтобы monsieur могъ разглядѣть ея витыя ноги.

— Посмотрите! — говорила она серьезно на своемъ еле понятномъ нарѣчіи. — Посмотрите на башмаки Каролины.

Монтанелли игралъ съ ребенкомъ, гладилъ ея волосы, любовался ея черепахой и разсказывалъ ей удивительныя сказки. Хозяйка шалэ, пришедшая убрать со стола, остановилась въ изумленіи при видѣ дѣвочки, которая выворачивала карманы у почтеннаго господина въ пасторскомъ платьѣ.

— Богъ научаетъ малютокъ распознавать добрыхъ людей,—сказала она.— Annette всегда боится чужихъ, а тутъ посмотрите, она совсѣмъ не дичится его преподобія. Вотъ чудачка! Стань на колѣни, Annette, попроси у добраго господина благословенія прежде, чѣмъ онъ уйдетъ. Оно принесетъ тебѣ счастье.

— Я не зналъ, что вы умѣете такъ играть съ дѣтьми,—сказалъ Артуръ часомъ позже, когда они гуляли по залитымъ солнцемъ пастбищамъ.—Ребенокъ все время глазъ не отводилъ отъ васъ. Знаете, я думаю...

— Что?

— Я только хотѣлъ сказать... Мнѣ кажется, жалко, что церковь запрещаетъ священникамъ жениться. Я даже не совсѣмъ понимаю, почему. Воспитывать дѣтей такъ трудно и такъ важно быть окруженнымъ съ самаго дѣтства добрымъ вліяніемъ! И мнѣ кажется, что чѣмъ выше призваніе человѣка и чѣмъ чище его жизнь, тѣмъ болѣе онъ способенъ быть отцомъ. Я увѣренъ, что если бы вы не дали обѣта, если бы вы женились, ваши дѣти были бы очень...

— Ш ш-ш!

Padre проговорилъ это слово быстрымъ шопотомъ, который сдѣлалъ еще болѣе глубокимъ послѣдовавшее молчаніе.

— Padre, — началъ снова Артуръ, опечаленный мрачнымъ видомъ своего собесѣдника;—развѣ я сказалъ что-нибудь дурное? Я, можетъ быть, конечно, ошибаюсь, но, вѣдь, я не могу не говорить мыслей, которыя приходятъ мнѣ въ голову.

— Быть можетъ,—отвѣтилъ Монтанелли мягкимъ голосомъ,—ты не совсѣмъ понимаешь смыслъ того, что сказалъ. Ты будешь иначе смотрѣть на это черезъ нѣсколько лѣтъ, а тѣмъ временемъ поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ.

Это было первымъ нарушеніемъ полной гармоніи, объединявшей ихъ во время этого идеально-прекраснаго путешествія.

Изъ Шамуни они отправились черезъ Tête-Noire въ Мартиньи, гдѣ остановились для отдыха, потому что стало удушливо жарко. Послѣ обѣда они усѣлись на террасѣ отеля, гдѣ была тѣнь и откуда от-

крывался прекрасный видъ на горы. Артуръ вынулъ свои ботаническія коллекціи и углубился въ серьезную ботаническую бесѣду на итальянскомъ языкѣ.

На террасѣ сидѣло двое англичанъ-художниковъ, изъ которыхъ одинъ рисовалъ, а другой разговаривалъ довольно громко. Ему не приходило въ голову, что иностранецъ можетъ понимать по англійски.

— Брось свою пачкотню пейзажей, Вилли!—сказалъ онъ,—и нарисуй этого дивнаго итальянскаго мальчика, который приходитъ въ экстазъ отъ какихъ-то кусочковъ мха. Посмотри на линію его бровей! Замѣни его микроскопъ распятіемъ, надѣнь римскую тогу вмѣсто горнаго костюма и у тебя будетъ настоящій христіанинъ первыхъ вѣковъ.

— Хорошъ христіанинъ первыхъ вѣковъ! Я сидѣлъ около юноши за обѣдомъ: онъ былъ въ такомъ экстазѣ по поводу зажаренной птицы, какъ теперь по поводу маленькихъ пыльныхъ травъ. Онъ недуренъ. Его оливковый цвѣтъ лица прекрасенъ. Но отецъ его вдвое прекраснѣе.

— Отецъ?

— Ну да, отецъ, который сидитъ противъ него. Неужели ты не замѣтилъ? У него изумительное лицо.

— Ахъ, ты, тупоголовый методистъ! Не можешь даже узнать католическаго священника!

— Священникъ? Чертъ возьми! да, въ самомъ дѣлѣ, это священникъ. А я и забылъ: обѣтъ цѣломудрія и такъ далѣе. Ну, такъ будемъ милостивы и предположимъ, что мальчичъ его племянникъ.

— Что за идіоты!—сказалъ Артуръ шопотомъ, глядя веселыми глазами на Монтанелли.—Все-таки это мило съ ихъ стороны, что они считаютъ меня похожимъ на васъ. Я, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ бы быть вашимъ племянникомъ. Padre, да что съ вами? Какъ вы побѣлѣли!

Монтанелли всталъ и провелъ рукой по лбу:

— У меня голова закружилась, — сказалъ онъ странно упавшимъ голосомъ.—Можетъ быть, я слишкомъ долго былъ на солнцѣ сегодня. Я пойду и прилягу, carino! Это только отъ жары...

Послѣ двухъ недѣль, проведенныхъ у Люцернскаго озера, Артуръ и Монтанелли вернулись въ Италію черезъ Сенъ-Готардъ. Погода была на ихъ счастье хорошая и они совершали много пріятныхъ экскурсій. Но обаяніе первыхъ дней путешествія уже исчезло. Монтанелли все время мучился тревожными мыслями о томъ, что нужно воспользоваться совмѣстнымъ путешествіемъ «для болѣе опредѣленныхъ разговоровъ». Въ долинѣ Арвы онъ нарочно не касался того, о чемъ они говорили подъ магноліей. Было бы жестоко, думалъ онъ, испортить первые восторги альпійской природой въ воспріимчивой душѣ Артура разговорами, которые неминуемо должны были быть тягостны. Но съ перваго же дня въ Мартиньи онъ каждое утро говорилъ себѣ: я буду говорить сегодня и каждый вечеръ: я поговорю завтра. А теперь путешествіе кончалось и онъ все-таки повторялъ: завтра, завтра! Странное, холодящее чувство чего то новаго, какой-то невидимой препоны, которая должна была стать между ними, заставляла его молчать. Наконецъ, въ послѣдній вечеръ ихъ путешествія онъ вдругъ понялъ, что или онъ долженъ былъ сейчасъ же говорить, или ему это никогда не удастся. Они остановились на ночь въ Лугано и должны были отправиться въ Пизу на слѣдующее же утро. Ему нужно было, по крайней мѣрѣ, узнать, насколько его любимецъ зарылся въ сыпучій песокъ итальянской политики.

— Дождь пересталъ, carino!—сказалъ онъ послѣ заката,—и если мы хотимъ увидѣть озеро, то нужно поторопиться. Пойдемъ, я хочу поговорить съ тобой.

Они пошли вдоль берега къ тихому, уединенному мѣсту и усѣлись на низкой каменной стѣнѣ. Рядомъ съ ними поднимался розовый кустъ, покрытый пурпурными цвѣтами. Нѣсколько запоздалыхъ блѣдныхъ бутоновъ свѣшивалось съ болѣе высокой вѣтки, отягченные дождевыми каплями. На зеленой поверхности озера скользила маленькая лодка.

съ легкими, бѣлыми парусами, надувающимися отъ мягкаго вѣтерка. Лодка казалась такой легкой и хрупкой, какъ пучекъ серебристыхъ цвѣтковъ, брошенныхъ на воду. На высотѣ Монте-Сальвадора окошко какой-то избушки открыло свой золотой глазъ. Розы опустили головки и дремали подъ облачнымъ сентябрьскимъ небомъ, а вода ударялась и мягко журчала по прибрежнымъ камушкамъ.

— Сегодня послѣдній случай спокойно поговорить съ тобой,—началъ Монтанелли.—Ты вернешься къ школьной работѣ и друзьямъ. Я тоже буду очень занятъ эту зиму. Я хочу уяснить, каковы наши взаимныя отношенія, и такимъ образомъ, если ты, — онъ остановился на минуту и продолжалъ болѣе медленно: — если ты чувствуешь, что не можешь довѣрять мнѣ по прежнему, я хочу, чтобы ты сказалъ мнѣ болѣе опредѣленно, чѣмъ въ тотъ вечеръ въ семинарскомъ саду, о томъ, какъ далеко ты зашелъ.

Артуръ смотрѣлъ на воду, спокойно слушалъ и ничего не говорилъ.

— Я хочу знать,—продолжалъ Монтанелли,—связанъ ли ты обѣтомъ или какимъ-нибудь другимъ образомъ?

— Мнѣ нечего говорить, дорогой padre. Я не связалъ себя, но я связанъ.

— Не понимаю.

— Какой смыслъ въ обѣтахъ? Не они связываютъ людей. Если извѣстнымъ образомъ относиться къ дѣлу, то связываешь себя этимъ съ нимъ. Если же внутренняго отношенія нѣтъ, то обѣты не могутъ связать.

— Хочешь ли ты сказать, что это дѣло, или чувство, совершенно безповоротно? Артуръ, подумалъ ли ты о томъ, что ты говоришь?

Артуръ повернулся и взглянулъ прямо въ глаза Монтанелли.

— Padre, вы спрашивали меня, могу ли я довѣрять вамъ, но довѣряете ли вы мнѣ? Да, если бы было что сказать, я бы вамъ сказалъ, но говорить объ этихъ вещахъ не имѣетъ смысла. Я не забылъ, что вы сказали мнѣ въ тотъ вечеръ, я никогда этого не забуду. Но я долженъ идти своимъ путемъ и слѣдовать тому свѣту, который я вижу.

Монтанелли сорвалъ розу съ куста, оторвалъ одинъ за другимъ всѣ ея лепестки и бросилъ ихъ въ воду.

— Ты правъ, carino... Да, не будемъ больше объ этомъ говорить. Въ самомъ дѣлѣ, многія слова уже не помогаютъ. Все равно. Пойдемъ домой!

III.

Осень и зима прошли безъ всякихъ событій. Артуръ много занимался и не имѣлъ свободнаго времени. Ему удавалось видѣть Монтанелли разъ въ недѣлю или чаще, но только на нѣсколько минутъ. Отъ времени до времени онъ заходилъ къ нему съ просьбой помочь ему разобраться въ трудныхъ книгахъ, но въ подобныхъ случаяхъ они говорили только о предметахъ занятій. Монтанелли почувствовалъ скорѣе, чѣмъ замѣтилъ, легкую, неуловимую преграду между ними, и избѣгалъ всего, что могло бы казаться попыткой вернуть ихъ прежнюю близость. Посѣщенія Артура доставляли ему теперь больше печали, чѣмъ радости. Такъ тяжело ему было казаться всегда совершенно ровнымъ и вести себя, какъ будто бы ничего не случилось. Артуръ, съ своей стороны, замѣтилъ, хотя едва ли понималъ въ чемъ дѣло, легкую перемѣну въ отношеніи къ себѣ padre; онъ смутно чувствовалъ, что это было въ нѣкоторой связи съ назойливымъ вопросомъ о «новыхъ идеяхъ», и поэтому избѣгалъ говорить о томъ, чѣмъ мысли его были всецѣло заняты. И все-таки онъ никогда не любилъ такъ глубоко Монтанелли, какъ теперь. Смутное, тяготящее чувство недовольства, умственной пустоты, которую онъ старался подавить богословскимъ грузомъ, совершенно исчезло отъ прикосновенія съ молодой Италіей. Всѣ его болѣзненныя мечты, порожденныя одиночествомъ и ухаживаньемъ за больной, совершенно прошли, и сомнѣнія, которыя онъ прежде старался побѣдить молитвой, проходили теперь, не нуждаясь ни въ какихъ заключеніяхъ. Новый энтузіазмъ, болѣе ясный и свѣ-

жій религіозный идеалъ (стремленія молодежи являлось ему скорѣе именно въ этомъ свѣтѣ, чѣмъ въ смыслѣ политическаго движенія) принесло съ собой успокоеніе и полноту, примиреніе съ жизнью и доброе отношеніе къ людямъ. Въ этомъ торжественномъ и нѣжномъ настроеніи весь міръ казался ему преисполненнымъ свѣта. Онъ находилъ новыя причины любить даже тѣхъ, къ кому онъ прежде нехорошо относился, и Монтанелли, который въ теченіе пяти лѣтъ былъ его героемъ, былъ теперь окруженъ въ его глазахъ новымъ ореоломъ; онъ казался ему возможнымъ пророкомъ новой вѣры. Онъ восторженно слушалъ проповѣди Монтанелли, стараясь отыскать въ нихъ внутреннюю связь съ своими идеалами, вчитывался въ Евангеліе, восторгаясь демократическими стремленіями христіанства въ его первоначальную пору.

Однажды, въ январѣ, онъ зашелъ въ семинарію вернуть книгу, которую взялъ на время. Узнавши, что директоръ ушелъ, онъ пошелъ въ кабинетъ Монтанелли, поставилъ книгу на полку и хотѣлъ уйти изъ комнаты, когда ему бросилась въ глаза книга, лежащая на столѣ. Это была «De monarchie» Данте. Онъ началъ ее читать и вскорѣ такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ отворилась дверь и кто-то вошелъ въ комнату. Его привелъ въ себя раздавшійся за нимъ голосъ Монтанелли.

— Я не ждалъ тебя сегодня,—сказалъ padre, взглянувъ на заглавіе книги.—Я какъ разъ хотѣлъ послать къ тебѣ и позвать тебя къ себѣ вечеромъ.

— Вамъ нужно меня? Я сегодня долженъ былъ быть въ другомъ мѣстѣ, но я могу не пойти.

— Нѣтъ, можешь придти и завтра. Я хотѣлъ видѣть тебя потому, что уѣзжаю во вторникъ. Меня посылаютъ въ Римъ.

— Въ Римъ? надолго?

— Въ письмѣ сказано, что до послѣ Пасхи. Письмо изъ Ватикана. Я хотѣлъ сразу дать тебѣ знать, но былъ занятъ устройствомъ дѣлъ въ семинаріи и прінскиваніемъ новаго директора.

— Неужели вы оставляете семинарію, padre?

— Я долженъ буду оставить, но я вернусь въ Пизу, по крайней мѣрѣ, на время.

— Но почему вы оставляете ее.

— Это еще оффиціально не объявлено, но мнѣ предлагаютъ епископство.

— Гдѣ?

— Вотъ изъ-за этого-то я и ѣду въ Римъ. Еще не рѣшено, дадутъ ли мнѣ округъ въ Апеннинахъ или я останусь здѣсь замѣстителемъ епископа.

— А новый директоръ уже избранъ?

— Отецъ Карди получилъ назначеніе и пріѣдетъ сюда завтра.

— Не слишкомъ ли уже это все быстро случилось?

— Да, но видишь ли, рѣшенія Ватикана иногда не сообщаются до послѣдней минуты.

— Вы знаете новаго директора?

— Лично не знаю. О немъ говорятъ много хорошаго. Монсиньоръ Беллони пишетъ о немъ, какъ о человѣкѣ съ глубокой эрудиціей.

— Въ семинаріи будутъ ужасно жалѣть о васъ.

— Въ семинаріи-то я не знаю, но я думаю, что тебѣ я буду недоставать—быть можетъ, почти столько же, какъ ты мнѣ.

— Конечно, но все-таки я очень радъ.

— Да? Я не могу сказать, чтобы я былъ очень радъ.

Онъ присѣлъ къ столу съ усталымъ выраженіемъ лица и не имѣя вида человѣка, ожидающаго высокаго повышенія.

— Ты занятъ сегодня послѣ обѣда, Артуръ?—сказалъ онъ, помолчавъ.—Если нѣтъ, я бы хотѣлъ, чтобы ты остался со мной, если не можешь придти вечеромъ. Я немного разстроенъ и хотѣлъ бы побыть съ тобой какъ можно болѣе до отъѣзда.

— Да, я могу немножко остаться, у меня есть время до шести.

— Сегодня одно изъ вашихъ собраній?

Артуръ кивнулъ головой въ отвѣтъ и Монтанелли быстро перемѣнилъ предметъ разговора.

— Я долженъ поговорить съ тобой о тебѣ,—сказалъ онъ.—Тебѣ нуженъ будетъ другой духовникъ въ мое отсутствіе.

— Но когда вы вернетесь, я смогу исповѣдываться у васъ, неправда ли!

— Конечно, что за вопросъ, дорогой мальчикъ! Я только говорю о трехъ или четырехъ мѣсяцахъ моего отсутствія. Хочешь ты ходить къ одному изъ отцовъ общины св. Екатерины?

— Хорошо.

Они нѣсколько времени поговорили о другомъ. Потомъ Артуръ поднялся.

— Я долженъ идти, padre! Товарищи будутъ меня ждать.

На лицѣ Монтанелли опять появилось выраженіе растерянности.

— Уже? А ты почти разсѣялъ мое мрачное настроеніе. Ну такъ прощай!

— Прощайте. Я, навѣрное, приду завтра.

— Постарайся придти пораньше, чтобы у меня было время повидать тебя наединѣ. Отецъ Карди будетъ здѣсь. Артуръ, дорогой мальчикъ, будь остороженъ, когда меня не будетъ! Не иди на что-нибудь необдуманное, по крайней мѣрѣ, до моего возвращенія. Ты не можешь себѣ представить, съ какой тревогой я оставляю тебя!

— Напрасно, padre, теперь все спокойно и долго останется въ такомъ же положеніи.

— Прощай,—сказалъ отрывисто Монтанелли и сѣлъ за работу.

Первая, кого увидѣлъ Артуръ, придя на небольшое студенческое собраніе, была его подруга дѣтства, дочь д-ра Варрена. Она сидѣла въ углу у окна, слушая съ сосредоточеннымъ и серьезнымъ видомъ то, что говорилъ ей одинъ изъ «иниціаторовъ», высокій молодой ломбардецъ, въ изношенномъ костюмѣ. За послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ она очень измѣнилась и развилась и выглядѣла теперь взрослой молодой женщиной, хотя густыя черныя косы все еще спускались у ней на спинѣ, какъ у школьницы. Она одѣта была въ черное платье и набросила черный шарфъ на голову, потому что въ комнатѣ было холодно и были постоянные сквозняки.

На груди ея прикрѣплена была вѣтка кипариса — эмблема молодой Италіи. Онъ описывалъ ей нужду крестьянъ въ Калебріи, и она сидѣла молча, опершись подбородкомъ на руку и глядя въ землю. Артуру она казалась грустнымъ видѣніемъ свободы, оплакивающей потерю республики. Юліи она показалась бы слишкомъ «вытянувшейся дѣвченкой, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, неправильнымъ носомъ и въ старой, шерстяной юбкѣ, слишкомъ для нея короткой».

— Ты здѣсь, Джимъ?—сказалъ онъ, подходя къ ней, когда разговаривавшаго съ ней отозвали на другой конецъ комнаты.

«Джимъ» было дѣтской передѣлкой ея страннаго имени Джиневра. Ея итальянскія подруги звали ее Геммой. Она быстро подняла голову.

— Артуръ! О, я не знала, что ты здѣсь состоишь членомъ.

— И я не имѣлъ понятія о тебѣ, Джимъ!.. Съ которыхъ поръ ты...

— Ты не понялъ меня,—возразила она быстро:—я не членъ, я только сдѣлала кое-что. Я познакомилась съ Бини. Ты знаешь Карла Бини?

— Да, конечно.—Бини былъ организаторомъ Лигорнской вѣтви и вся молодая Италія знала его.

— Ну, и онъ сталъ мнѣ разсказывать о всемъ этомъ; я попросила его повести меня на студенческое собраніе. Недавно онъ писалъ мнѣ во Флоренцію. Ты знаешь, что я была во Флоренціи на Рождествѣ.

— Мнѣ не часто теперь пишутъ изъ дому.

— Ахъ да. Ну такъ вотъ, я отправилась гостить къ Райтамъ. (Райты были ея старыя подруги дѣтства, переѣхавшія во Флоренцію) Бини написалъ мнѣ туда и сказалъ, чтобы я проѣхала черезъ Пизу по дорогѣ домой и была бы на сегодняшнемъ собраніи. А, вотъ они начинаютъ!

Въ лекціи рѣчь шла объ идеальной республикѣ и объ обязанности молодежи быть готовымъ къ ней. Лекторъ выказывалъ очень смутное пониманіе своего предмета, но Артуръ слушалъ съ напря-

женнымъ восторгомъ: онъ теперь удивительно лишенъ былъ критической способности. Когда ему представлялся нравственный идеалъ, онъ проглатывалъ эту духовную пищу ни на секунду не задумываясь о томъ: удобоварима ли она.

Когда лекція и длинныя пренія, послѣдовавшія за ней, кончились и студенты начали расходиться, онъ подошелъ къ Геммѣ, которая все еще тихо сидѣла въ углу комнаты.

— Я провожу тебя, Джимъ! Гдѣ ты живешь?

— У Марьеты.

— У старой экономки твоего отца?

— Да. Она живетъ довольно далеко отсюда.

Они шли нѣкоторое время молча. Затѣмъ Артуръ вдругъ спросилъ:

— Тебѣ семнадцать лѣтъ, не правда ли?

— Мнѣ исполнилось семнадцать въ октябрѣ.

— Я всегда зналъ, что ты не сдѣлаешься такой дѣвушкой, какъ всѣ и не будешь выѣзжать на балы. Джимъ, дорогая, я такъ часто думалъ о томъ, станешь ли ты когда-нибудь нашей?

— Вотъ я и стала!

— Ты говоришь, что помогала кое въ чемъ Бини. Я даже не зналъ, что ты съ нимъ знакома.

— Я не Бини помогала, а тому, другому...

— Кому другому?

— Тому, который говорилъ сегодня со мной, Боллѣ.

— Ты хорошо его знаешь?—сказалъ Артуръ съ легкимъ оттѣнкомъ ревности. Болла былъ ему нѣсколько непріятенъ. Между ними существовало соперничество по поводу одного дѣла въ комитетѣ молодой Италіи; партія поручила это дѣло Боллѣ, считая Артура слишкомъ молодымъ и неопытнымъ.

— Я его хорошо знаю, и онъ мнѣ нравится. Онъ жилъ нѣсколько времени въ Лигорно.

— Я знаю, онъ отправился туда въ ноябрѣ.

— Да, чтобы организовать провозъ на корабляхъ. Артуръ, не думаешь ли ты, что вашъ домъ болѣе безопасенъ, чѣмъ нашъ, въ этомъ дѣлѣ? Никто бы не сталъ подозрѣвать богатую семью кораблевладѣльцевъ, какъ ваша. И ты всякаго знаешь въ домахъ.

— Тише, не такъ громко, милая! Значитъ, въ вашемъ домѣ спрятаны были книги изъ Марселя?

— Только на одинъ день. Но, можетъ быть, мнѣ не слѣдовало говорить тебѣ этого.

— Почему нѣтъ? Ты же знаешь, что я принадлежу къ партіи, я членъ ея. Гемма, дорогая, я былъ бы счастливѣе всѣхъ въ мірѣ, если бы къ намъ присоединились вы... ты и padre...

— Твой padre? Навѣрное, вѣдь, онъ...

— Нѣтъ, онъ по иному думаетъ. Но я иногда воображалъ себѣ—т.-е. надѣялся—я самъ не знаю ..

— Но, Артуръ, вѣдь, онъ священникъ!

— Что же изъ этого слѣдуетъ? Въ нашей партіи есть священники. Двое изъ нихъ пишутъ въ газетѣ. И почему бы нѣтъ? Миссія священника заключается въ томъ, чтобы вести людей къ болѣе высокимъ идеаламъ и цѣлямъ, а развѣ наше общество дѣлаетъ что-нибудь иное? Вѣдь, это скорѣе вопросъ религіи и нравственности, чѣмъ политики. Если люди способны быть свободными и отвѣтственными гражданами, никто не можетъ держать ихъ въ рабствѣ.

Гемма сдвинула брови.

— Мнѣ кажется, Артуръ, — сказала она, —что ты говоришь нелогично. Священникъ преподаетъ религіозныя истины, и я не знаю, какое отношеніе это имѣетъ къ освобожденію отъ Австріи.

— Священникъ излагаетъ ученіе Христа...

— Знаешь, я говорила о священникѣ съ отцомъ недавно и онъ сказалъ...

— Гемма, отецъ твой протестантъ!

Послѣ нѣкотораго молчанія она посмотрѣла на него открытымъ взглядомъ.

— Оставимъ лучше говорить объ этомъ. Ты всегда становишься не вѣротерпимымъ, когда рѣчь идетъ о протестантахъ.

— Я-то вѣротерпимъ, но мнѣ кажется, что протестанты бываютъ пристрастны, говоря о священникахъ...

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, мы и такъ слишкомъ часто спорили объ

этомъ предметѣ. Какое твое мнѣніе о лекціи?

— Мнѣ она понравилась, особенно послѣдняя часть. Я съ удовольствіемъ слушалъ его.

— А мнѣ не понравилась. Онъ такъ много говорилъ о томъ, что мы должны думать и чувствовать и чѣмъ мы должны быть, но не указывалъ никакихъ практическихъ путей, не говорилъ, что мы должны дѣлать.

— Когда наступитъ должное время, у насъ у всѣхъ будетъ достаточно дѣла. Но нужно имѣть терпѣніе. Эти великія перемѣны не совершаются въ одинъ день.

— Чѣмъ больше времени требуется для совершенія дѣла, тѣмъ скорѣе нужно его начинать. Ты говорилъ о томъ, что нужно быть готовыми къ свободѣ. Зналъ ли ты кого-нибудь болѣе готоваго къ ней, чѣмъ твоя мать. Развѣ она не была чистымъ ангеломъ? И къ чему привела вся ея доброта? Она была рабыней до самаго дня смерти. Ею помыкали, ее оскорбляли твой братъ и его жена. Было бы гораздо лучше для нея не быть такой кроткой и терпѣливой. Они бы тогда никогда не обращались съ ней такъ. То же самое и относительно Италіи. Нужно не терпѣть, а возстать и защищаться.

— Джимъ, дорогая, если бы злоба и возмущеніе могли спасти Италію, она была бы давно свободна. Но она нуждается не въ ненависти, а въ любви.

Когда онъ произнесъ эти слова, онъ вдругъ весь вспыхнулъ. Гемма этого не замѣтила. Она глядѣла прямо передъ собой съ нахмуренными бровями и крѣпко стиснутыми губами.

— Ты думаешь, что я неправа, Артуръ?—сказала она, помолчавъ.—Но я права, а ты это когда-нибудь увидишь. Вотъ домъ, гдѣ я живу. Хочешь войти?

— Нѣтъ, теперь поздно. Доброй ночи, дорогая!

Когда дверь закрылась за ней, онъ нагнулся и поднялъ вѣтку кипариса, упавшую съ ея груди.

IV.

Артуръ вернулся къ себѣ домой, чувствуя себя окрыленнымъ. Онъ былъ переполненъ какимъ-то безоблачнымъ счастьемъ. Гемма стала его товарищемъ и онъ ее любилъ. Они смогутъ вмѣстѣ работать, быть можетъ, вмѣстѣ умереть для республики, которая должна наступить. Теперь наступилъ расцвѣтъ ихъ надеждъ и padre тоже начнетъ вѣрить.

На слѣдующее утро, однако, онъ проснулся въ болѣе трезвомъ состояніи духа и вспомнилъ, что Гемма отправляется въ Лигорно, а padre въ Римъ. Январь, февраль, мартъ—три зимнихъ мѣсяца до Пасхи. И что, если Гемма подпадетъ подъ протестантскія вліянія дома (на языкѣ Артура протестантскія значило филистерскія). Нѣтъ, Гемма никогда не начнетъ кокетничать и завоевывать сердца туристовъ и лысыхъ коммерсантовъ, какъ это дѣлаютъ другія англійскія барышни въ Лигорно. Она совсѣмъ другая. Но она, можетъ быть, будетъ очень несчастна. Она такъ молода, не имѣетъ никакихъ друзей и совершенно одинока среди этихъ деревянныхъ людей. Если бы хоть мать была жива!

Вечеромъ онъ отправился въ семинарію, гдѣ засталъ Монтанелли въ разговорахъ съ новымъ директоромъ. Оба имѣли утомленный, скучающій видъ. Padre не оживился даже при видѣ Артура. Напротивъ, лицо его стало еще болѣе мрачнымъ.

— Вотъ студентъ, о которомъ я вамъ говорилъ,—сказалъ онъ, сухо представляя Артура.—Я вамъ буду очень признателенъ, если вы позволите ему пользоваться библіотекой.

Отецъ Карди, не молодой священникъ, съ радушнымъ выраженіемъ лица началъ сейчасъ же говорить съ Артуромъ о его занятіяхъ въ Сапіенцѣ и его свободный непринужденный тонъ, показывалъ что онъ хорошо знакомъ съ жизнью въ коллежѣ. Разговоръ скоро перешелъ въ споръ объ университетскихъ правилахъ, однимъ изъ жгучихъ вопросовъ того времени. Къ великой радости Артура, новый директоръ очень рѣзко осуждалъ обычай университетскихъ властей постоянно досаждать студентамъ безсмысленными и тягостными ограниченіями.

— Я очень опытенъ въ дѣлѣ воспитанія молодежи, — сказалъ онъ,—и у

меня правило никогда ничего не запрещать безъ достаточнаго къ этому основанія. Молодые люди рѣдко начинаютъ волноваться, если выказывать надлежащее уваженіе къ ихъ личности. Но, конечно, самая смирная лошадь будетъ становиться на дыбы, если постоянно натягивать узду.

Артуръ широко раскрылъ глаза. Онъ менѣе всего ожидалъ, чтобы новый директоръ сталъ защищать студентовъ. Монтанелли не принималъ участія въ разговорѣ. Предметъ бесѣды, казалось, мало интересовалъ его. Выраженіе его лица было такое безнадежное и утомленное, что отецъ Карди рѣзко оборвалъ разговоръ.

— Боюсь, что я слишкомъ утомилъ васъ, капелланъ. Простите мнѣ мое увлеченіе. Меня этотъ вопросъ слишкомъ волнуетъ и я забываю, что другимъ онъ могъ надоѣсть.

— Напротивъ, мнѣ это очень интересно.

Монтанелли не имѣлъ обыкновенія произносить общепринятыя вѣжливыя фразы, и тонъ его непріятно поразилъ Артура. Когда отецъ Карди ушелъ, Монтанелли посмотрѣлъ на Артура сосредоточеннымъ, испытующимъ взглядомъ, не сходившимъ весь вечеръ съ его лица.

— Артуръ, дорогой мой сынъ!—сказалъ онъ.—Я имѣю нѣчто сказать тебѣ.

«Онъ, навѣрное, узналъ что-нибудь непріятное», подумалъ Артуръ, тревожно вглядываясь въ его блѣдное лицо.

Наступило долгое молчаніе.

— Какъ тебѣ нравится новый директоръ?—спросилъ вдругъ Монтанелли.

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что на минуту Артуръ не нашелся, что ему на него отвѣтить.

— Мнѣ... мнѣ онъ очень нравится... мнѣ кажется... по крайней мѣрѣ... Нѣтъ, я не могу сказать опредѣленно. Такъ трудно рѣшить съ перваго взгляда.

Монтанелли сидѣлъ, слегка ударяя рукой о ручки кресла. Это было его обычнымъ движеніемъ, когда онъ былъ разстроенъ и взволнованъ.

— Я хотѣлъ съ тобой поговорить о путешествіи въ Римъ, — началъ онъ опять.—Если ты думаешь, что есть, т. е. если ты желаешь, Артуръ, я могу написать, что не пріѣду.

— Padre, но Ватиканъ!

— Ватиканъ найдетъ кого-нибудь другого. Я могу извиниться.

— Но почему? Я не понимаю.

Монтанелли провелъ рукой по лбу.

— Я безпокоюсь о тебѣ. Мнѣ приходятъ въ голову разныя мысли... И въ концѣ концовъ нѣтъ необходимости мнѣ ѣхать.

— Но епископство?

— О, Артуръ, къ чему мнѣ оно, если я выиграю епископство и потеряю...

Онъ не докончилъ. Артуръ никогда не видѣлъ его въ такомъ состояніи и былъ сильно взволнованъ.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ.—Padre, если бы вы только хотѣли объяснить мнѣ болѣе опредѣленно, что вы думаете.

— Я ничего не думаю—на меня напалъ безумный страхъ. Скажи мнѣ, есть какая-нибудь опасность теперь?

«До него дошли какіе-нибудь слухи», подумалъ Артуръ, вспоминая слухи о готовящемся возмущеніи, но онъ не могъ говорить о томъ, что не было его тайной.

— Какая можетъ быть особенная опасность?

— Не спрашивай меня, отвѣчай мнѣ!—Голосъ Монтанелли становился почти рѣзкимъ.—Скажи: тебѣ предстоитъ опасность? Я не хочу знать твоихъ тайнъ, но скажи мнѣ только это.

— Вся наша жизнь въ рукѣ Божіей, padre? Всегда можетъ что-нибудь случиться. Но я не знаю особенной причины, почему бы мнѣ не быть живымъ и здоровымъ, когда вы вернетесь.

— Когда я вернусь! Послушай, carino, я предоставляю тебѣ рѣшать. Не давай мнѣ никакихъ объясненій, скажи мнѣ только: «останьтесь», и я откажусь отъ поѣздки. Это никому не принесетъ вреда и я буду знать, что ты въ большей безопасности, имѣя меня около себя.

Такого рода болѣзненность воображенія была такъ чужда характеру Монтанелли, что Артуръ посмотрѣлъ на него съ глубокой тревогой.

— Padre, я увѣренъ, что вы нездо-

ровы. Вамъ нужно, необходимо поѣхать въ Римъ, хорошенько отдохнуть и избавиться отъ безсонницы и головныхъ болей.

— Хорошо, — перебилъ Монтанелли, какъ бы уставши говорить объ этомъ.— Я уѣду завтра утромъ съ первой почтовой каретой.

Артуръ смотрѣлъ на него въ изумленіи.

— Вы хотѣли что-нибудь мнѣ сказать?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего важнаго...

На лицѣ его осталось выраженіе ужаса.

Нѣсколько дней послѣ отъѣзда Монтанелли Артуръ пришелъ за тѣмъ, чтобы взять книгу въ семинарской библіотекѣ, и встрѣтилъ на лѣстницѣ отца Карди.

— А, м-ръ Бертенъ!—воскликнулъ директоръ.—Мнѣ какъ разъ нужно было васъ. Пожалуйста, зайдите ко мнѣ и окажите мнѣ помощь въ одномъ трудномъ дѣлѣ.

Онъ раскрылъ дверь кабинета, и Артуръ послѣдовалъ за нимъ съ страннымъ и смутнымъ чувствомъ; ему было непріятно видѣть эту любимую имъ комнату, неприкосновенную святыню padre, когда въ ней распоряжался чужой.

— Я ужасный книжный червь,—сказалъ директоръ,—и какъ только основался здѣсь, началъ разсматривать библіотеку. Она, кажется, очень интересна. Но я не совсѣмъ понимаю систему, по которой она устроена.

— Каталогъ ея не законченъ. Многія изъ лучшихъ книгъ были прибавлены позже.

— Есть, у васъ полчаса, чтобы объяснить мнѣ систему каталога?

Они отправились въ библіотеку и Артуръ тщательно объяснилъ порядокъ распредѣленія книгъ. Когда онъ поднялся, чтобы взять свою шляпу, директоръ задержалъ его съ привѣтливой улыбкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не дамъ вамъ убѣжать такимъ образомъ. Сегодня суббота и вы можете отлично оставить работу до понедѣльника утромъ. Останьтесь и поужинайте со мной, разъ ужъ я васъ такъ долго задержалъ. Я теперь совсѣмъ одинъ и буду радъ компаніи.

Обхожденіе его было такое ласковое и пріятное, что Артуръ сразу почувствовалъ себя совершенно свободно. Послѣ нѣкотораго времени безразличнаго разговора, директоръ спросилъ у него, какъ давно онъ знакомъ съ Монтанелли.

— Около семи лѣтъ. Онъ вернулся изъ Китая, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ.

— Ахъ, да, тамъ онъ создалъ свою славу, какъ проповѣдникъ-миссіонеръ. И вы съ тѣхъ поръ были постоянно его воспитанникомъ?

— Онъ сталъ заниматься со мною годомъ позже, около того года, когда я впервые сталъ исповѣдываться ему. А съ тѣхъ поръ, какъ я въ Сапіенцѣ онъ продолжаетъ помогать мнѣ во всемъ, чѣмъ я хочу заниматься внѣ обычнаго курса занятій. Онъ былъ необычайно добръ ко мнѣ. Вы едва ли представляете себѣ, до чего онъ добръ.

— Я готовъ вполнѣ этому вѣрить. Это человѣкъ, котораго нельзя не почитать. Замѣчательно благородная и прекрасная натура. Я знаю священниковъ, которые были съ нимъ въ Китаѣ, и у нихъ нѣтъ достаточно словъ, чтобы восхвалять его энергію и выдержку среди всѣхъ трудностей и его непреклонную преданность дѣлу. Вы счастливы, имѣя въ юности своимъ руководителемъ такого человѣка. Я знаю отъ него, что вы потеряли обоихъ родителей.

— Да, отецъ мой умеръ, когда я былъ ребенкомъ, а мать годъ тому назадъ.

— Есть у васъ братья и сестры?

— Нѣтъ, у меня братья по отцу, но они уже были взрослыми, когда я еще былъ ребенкомъ.

— У васъ, вѣроятно, было одинокое дѣтство и тѣмъ болѣе поэтому вы могли оцѣнить доброту капеллана Монтанелли. Но, кстати, выбрали ли вы духовника на время его отсутствія?

— Я думалъ отправиться къ одному изъ отцовъ общины св. Екатерины, если у нихъ не слишкомъ много исповѣдующихся.

— А хотите исповѣдываться у меня?

Артуръ изумленно раскрылъ глаза.

— Достопочтенный отецъ, конечно, я былъ бы счастливъ, но... но только...

— Но только директоръ богословской семинаріи обыкновенно не исповѣдуетъ мірянъ. Это вѣрно, но я знаю, что Монтанелли очень интересуется вами, и я думаю, что онъ въ нѣкоторой тревогѣ изъ-за васъ такъ же, какъ тревожился бы и я, оставляя любимаго ученика. Ему было бы пріятно знать, что вы подъ духовнымъ руководствомъ его сослуживца. И я долженъ сказать вамъ откровенно, сынъ мой, что вы мнѣ нравитесь. Я былъ бы счастливъ быть вамъ полезнымъ, какъ только я могу.

— Если вы такъ объ этомъ говорите, то, конечно, я буду вамъ чрезвычайно благодаренъ за ваши попеченія.

— Такъ приходите исповѣдаться въ будущемъ мѣсяцѣ,—хорошо? И заходите ко мнѣ, сынъ мой, когда у васъ будетъ свободное время по вечерамъ!

Передъ самой Пасхой получилось офиціальное объявленіе о назначеніи Монтанелли епископомъ въ Бризигеллѣ, въ Этрускихъ Апеннинахъ. Онъ писалъ Артуру изъ Рима въ бодромъ и спокойномъ тонѣ. Очевидно, его угнетенное настроеніе прошло. «Ты долженъ пріѣзжать ко мнѣ на всякія каникулы,—писалъ онъ,—а я буду часто пріѣзжать въ Пизу и такимъ образомъ буду видѣться съ тобой, хотя не такъ часто, какъ этого бы хотѣлъ».

Докторъ Варренъ пригласилъ Артура провести у него пасхальные праздники, вмѣсто того, чтобы отправиться въ угрюмый дворецъ, гдѣ теперь всецѣло царила Юлія. Въ письмо вложена была короткая записка, нацарапанная дѣтскимъ неправильнымъ почеркомъ Геммы, которая просила его пріѣхать, если только возможно, «потому что мнѣ нужно поговорить съ тобой кое о чемъ». Еще болѣе возбуждали Артура таинственные слухи, переходившіе отъ студента къ студенту въ университетѣ. Всѣ готовились къ тому, что послѣ Пасхи наступятъ серьезные дни.

Все это породило въ Артурѣ настроеніе такого восторженнаго ожиданія, что самыя дикія и невѣроятныя вещи, о которыхъ говорилось среди студентовъ, казались ему совершенно естественными и исполнимыми въ теченіе ближайшихъ двухъ мѣсяцевъ. Онъ рѣшилъ отправиться домой въ четвергъ на Страстной недѣлѣ и провести первые дни каникулъ тамъ, чтобы удовольствіе отъ посѣщенія Варреновъ и восторгъ свиданія съ Геммой не сдѣлали его неспособнымъ къ торжественнымъ религіознымъ помышленіямъ, которыхъ церковь требовала отъ своихъ дѣтей въ эти дни. Онъ написалъ Геммѣ, обѣщая пріѣхать въ понедѣльникъ на Пасхѣ и отправился на покой въ среду, вечеромъ, съ совершенно спокойной душой.

Онъ опустился на колѣни передъ Распятіемъ. Отецъ Карди обѣщалъ ему принять его утромъ, и для этой послѣдней исповѣди до пасхальнаго причащенія онъ долженъ былъ приготовиться путемъ долгой и сосредоточенной молитвы. Онъ сталъ на колѣни и, сложивъ руки, съ опущенной головой, сталъ припоминать все, что было въ теченіе мѣсяца, высчитывать всѣ свои мелкіе прегрѣшенія: нетерпѣніе, небрежность, вспыльчивость, оставившія слабыя пятна на непорочности его души. Больше онъ не могъ ничего вспомнить. Въ этомъ мѣсяцѣ онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы много грѣшить. Онъ перекрестился и, вставши, началъ раздѣваться. Когда онъ разстегнулъ воротъ рубашки, изъ нея выскользнула на полъ бумажка. Это было письмо Геммы, которое онъ носилъ весь день на груди. Онъ поднялъ ее, развернулъ и поцѣловалъ дорогія строчки; затѣмъ онъ началъ снова свертывать бумажку съ смутнымъ чувствомъ, что дѣлаетъ нѣчто смѣшное. Вдругъ онъ замѣтилъ на оборотѣ бумажки приписку, которую онъ раньше не читалъ. «Постарайся пріѣхать, какъ можно скорѣе,—стояло въ ней,—потому что я хочу, чтобы ты встрѣтился съ Боллой. Онъ теперь здѣсь и мы вмѣстѣ читаемъ каждый день». Читая эти слова, Артуръ густо покраснѣлъ.

— Опять Болла! Что онъ опять дѣлаетъ въ Лигорно и зачѣмъ Гемма съ нимъ читаетъ? Околдовалъ онъ ее своими контрабандными дѣлами. Уже въ январѣ ясно было видно, что онъ влюбленъ въ нее. Вотъ почему онъ такъ усерд-

*

ствовалъ въ пропагандѣ! А теперь онъ былъ около нея, читалъ съ ней каждый день!

Артуръ вдругъ бросилъ письмо на полъ и снова сталъ на колѣни передъ Распятіемъ. И это была душа, готовая принять прощеніе и пасхальное причастіе, душа, примиренная съ Богомъ, съ собой и со всѣмъ міромъ! Въ ней возможны были мелкая ревность и подозрительность, эгоистическая вражда и ненависть — да еще противъ товарища! Онъ закрылъ лицо руками, предаваясь горькому раскаянію. Еще пять минутъ тому назадъ онъ мечталъ о мученичествѣ. а теперь онъ запятналъ себя такой мелкой, ничтожной мыслью.

Когда онъ вошелъ въ семинарскую часовню въ четвергъ, утромъ, онъ засталъ отца Карди одного. Сказавши Confiteor, онъ сразу обратился къ предмету своего душевнаго паденія въ предъидущую ночь.

— Отецъ мой, я виню себя въ грѣхѣ ревности и злобы и въ недостойныхъ мысляхъ противъ того, кто мнѣ не причинилъ никакого вреда.

Отецъ Карди отлично зналъ, какого рода кающійся передъ нимъ. Онъ только мягко возразилъ:

— Вы мнѣ не все сказали, сынъ мой!

— Отецъ, я мыслилъ не по христіански противъ человѣка, съ которымъ я собственно связанъ долгомъ любви и уваженія.

— Съ которымъ вы связаны кровными узами?

— Еще болѣе близкими.

— Какими же, сынъ мой?

— Узами товарищества.

— Товарищества въ чемъ?

— Въ великомъ и святомъ дѣлѣ.

Послѣдовало короткое молчаніе.

— И ваша злоба противъ вашего товарища, ваша ревность вызвана была его успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ и превосходствомъ надъ вами?

— Да, отчасти. Я завидовалъ ему въ его опытности, въ его полезности и затѣмъ, я думалъ, я опасался, что онъ завладѣетъ сердцемъ дѣвушки, которую я люблю.

— И дѣвушка, которую вы любите, она дочь святой католической церкви?

— Нѣтъ, она протестантка.

— Еретичка?

Артуръ сжалъ руки въ великомъ отчаяніи.

— Да, еретичка,—повторилъ онъ.— Мы воспитывались вмѣстѣ. Наши матери были подругами. И я завидовалъ ему, потому что я видѣлъ, что онъ любитъ ее, и потому что... потому что...

— Сынъ мой,—сказалъ отецъ Карди послѣ минутнаго молчанія, медленнымъ и внушительнымъ тономъ. — Есть еще нѣчто у васъ на душѣ.

— Отецъ, я... Онъ снова остановился. Священникъ молча ждалъ.

— Я завидовалъ ему, потому что партія, молодая Италія, къ которой я принадлежу...

— Ну?

— Поручила ему дѣло, которое я надѣялся, что мнѣ поручатъ и къ которому я считалъ себя особенно приспособленнымъ.

— Какое дѣло?

— Ввозъ книгъ, политическихъ книгъ съ пароходовъ, которые ихъ привозятъ, и скрываніе этихъ книгъ въ городѣ.

— И это дѣло партія поручила вашему сопернику?

— Боллѣ, и я ему завидовалъ.

— Онъ не подавалъ вамъ никакого основанія для этого чувства? Вы не обвиняете его въ томъ, что онъ небрежно отнесся къ возложенной на него миссіи?

— Нѣтъ, отецъ, онъ преданно и отважно работалъ. Онъ истинный патріотъ и не заслужилъ ничего, кромѣ любви и уваженія отъ меня.

Отецъ Карди задумался.

— Сынъ мой! Если въ васъ есть новый свѣтъ, мечта о великомъ дѣлѣ, которое должно быть совершено для вашихъ ближнихъ, надежда облегчить тягости уставшихъ и угнетенныхъ, подумайте о томъ, какъ вы обращаетесь съ самымъ драгоцѣннымъ благословеніемъ Божіимъ. Всѣ блага даны Имъ и новое рожденіе есть Его даръ. Если вы нашли путь жертвы, путь, ведущій къ покою, если вы соединились съ любящими товарищами, чтобы принести освобожденіе

тѣмъ, кто плачутъ и томятся втайнѣ, то постарайтесь освободить душу отъ зависти и страстей. Пусть сердце будетъ подобно алтарю, на которомъ вѣчно горитъ священный огонь. Вспомните, что это великое и святое дѣло и что сердце, принимающее его, должно быть очищено отъ всякой мысли о себѣ. Это призваніе подобно призванію священника. Оно не можетъ зависѣть отъ любви къ женщинѣ и отъ минутныхъ увлеченій. Оно состоитъ въ службѣ *Богу и народу нынѣ и навсегда*!

— А!—Артуръ всплеснулъ руками въ изумленіи. Онъ готовъ былъ разрыдаться, когда услышалъ лозунгъ молодой Италіи.—Отецъ, вы даете намъ благословеніе церкви? Христосъ на нашей сторонѣ?

— Сынъ мой! — торжественно отвѣтилъ священникъ. — Христосъ изгналъ продавцевъ изъ храма, ибо его домъ долженъ былъ быть названъ домомъ молитвы, а они сдѣлали его убѣжищемъ воровъ.

Послѣ долгаго молчанія Артуръ прошепталъ, весь дрожа:

— И Италія будетъ Его храмомъ, когда они будутъ изгнаны.

Онъ остановился и услышалъ мягкій отвѣтъ:

— Земля и полнота земли—Мои, сказалъ Господь.

V.

Въ этотъ день Артуръ чувствовалъ потребность въ длинной прогулкѣ. Онъ отдалъ свой багажъ товарищу-студенту и отправился пѣшкомъ въ Ливорно.

День былъ сырой и облачный, но не холодный, и низкая, ровная мѣстность казалась ему прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ чувствовалъ особую радость отъ мягкости сырой травы подъ ногами и отъ робкаго, изумленнаго вида дикихъ весеннихъ цвѣтовъ у дороги. Въ кустѣ акаціи на опушкѣ маленькаго лѣса птица свивала гнѣздо и при его появленіи взвилась на воздухъ съ испуганнымъ крикомъ и быстрымъ движеніемъ темныхъ крыльевъ. Онъ старался сосредоточиться на благочестивыхъ мысляхъ, подходящихъ къ кануну страстной пятницы, но мысли о Монтанелли и Геммѣ такъ переплеталась съ его набожными намѣреніями, что въ концѣ концовъ онъ отказался отъ своей попытки и позволилъ своей фантазіи углубиться въ мечты о той роли, которую должны играть его два кумира. Padre долженъ былъ стать вождемъ, апостоломъ, пророкомъ, передъ священнымъ гнѣвомъ котораго должны исчезнуть силы мглы и у ногъ котораго новые защитники свободы должны были наново питаться старыми ученіями и познать старыя истины въ ихъ новомъ и неожиданномъ значеніи.

А Гемма? О, она истинная героиня по натурѣ. Она будетъ вѣрнымъ товарищемъ, безстрашной и чистой дѣвушкой, какъ тѣ, о которыхъ мечтали многіе поэты. Она будетъ стоять рядомъ съ нимъ, плечо къ плечу, радостная подъ сѣнію надвигающейся грозы. И они умрутъ вмѣстѣ, быть можетъ, въ минуту побѣды, потому что побѣда должна неминуемо придти. Онъ ей не будетъ говорить о своей любви. Онъ не скажетъ ни слова, которое могло бы нарушить ея покой или испортить ихъ спокойныя, дружескія отношенія. Она была для него святыней, незапятнанной жертвой, которая должна быть возложена на алтарь, какъ приношеніе за освобожденіе народа. И кѣмъ долженъ быть тотъ, кто войдетъ въ свѣтлый храмъ души, не знающей иной любви, кромѣ Бога и Италіи.

Богъ и Италія!

Неожиданная капля дождя упала на землю, когда онъ вошелъ въ большой мрачный домъ на улицѣ Дворцовъ, и дворецкій Юліи, безукоризненный, спокойный и учтиво враждебный, какъ всегда, показался на лѣстницѣ.

— Добрый вечеръ, Гиббоксъ! Братья дома?

— М-ръ Томасъ дома, сэръ, и м-ссъ Бертенъ. Они въ гостиной.

Артуръ вошелъ въ домъ съ тяжелымъ чувствомъ. Что за ужасный домъ! Казалось, струя жизни протекала мимо и оставляла его выше своего уровня. Ничто въ немъ не мѣнялось: ни люди, ни семейные портреты, ни тяжелая мебель, ни уродливая посуда, ни пошлое чванство богатствомъ, ни безжизненный видъ всего. Даже цвѣты въ фарфоровыхъ ва-

захъ выглядѣли какъ нарисованные металлическіе цвѣты, не знавшіе никогда прилива свѣжихъ соковъ въ теплые весенніе дни.

Юлія, одѣтая къ обѣду и ожидавшая гостей въ гостиной, которая была центромъ ея существованія, могла служить моделью для вычурныхъ модныхъ вазъ, со своей деревянной улыбкой, льняными завитушками и любимой собачкой на колѣняхъ.

— Какъ поживаешь, Артуръ? — сказала она сухо, протягивая ему на минуту кончики пальцевъ и перенося ихъ тотчасъ же къ болѣе пріятному прикосновенію шелковистой шерсти своей собачки.—Ты, надѣюсь, здоровъ и хорошо занимаешься въ школѣ.

Артуръ произнесъ первую фразу, которая пришла ему въ голову и впалъ опять въ тягостное молчаніе. Приходъ Джемса, величаво настроеннаго и вышедшаго въ гостиную въ сопровожденіи пожилого, чопорнаго судоходнаго агента, не внесъ оживленія и когда Гиббоксъ доложилъ, что обѣдъ поданъ, Артуръ всталъ съ легкимъ вздохомъ облегченія.

— Я не буду сегодня обѣдать, Юлія. Прошу извинить меня, но я удаляюсь въ свою комнату.

— Ты преувеличиваешь свой постъ, — сказалъ Томасъ. — Я увѣренъ, что ты заболѣешь.

— О, нѣтъ. Спокойной ночи!

Въ корридорѣ Артуръ встрѣтилъ одну изъ горничныхъ и попросилъ ее постучаться къ нему въ дверь въ шесть часовъ утра.

— Синьорино идетъ въ церковь?

— Да. Спокойной ночи, Тереза!

Онъ отправился къ себѣ въ комнату. Она принадлежала его матери, и альковъ, расположенный противъ окна, превращенъ былъ во время ея длинной болѣзни въ часовню. Большое распятіе на черной подножкѣ занимало средину алтаря и предъ нимъ висѣла маленькая римская лампочка. Въ этой комнатѣ умерла мать Артура. Портретъ ея висѣлъ на стѣнѣ у постели и на столѣ стояла фарфоровая ваза, ей принадлежавшая, съ большимъ пучкомъ фіалокъ, которыя она такъ любила. Была какъ разъ годовщина ея смерти и итальянская прислуга не забыла этого.

Артуръ вынулъ изъ чемодана портретъ, вставленный въ рамку и тщательно завернутый. Это было изображеніе Монтанелли, прибывшаго изъ Рима за нѣсколько дней до того. Артуръ вынималъ изъ бумаги это сокровище, когда грумъ Юліи принесъ ему на подносѣ ужинъ. Старая итальянская кухарка, служившая еще его матери до прихода новой сварливой хозяйки, приготовила на подносѣ всякія изысканныя яства, изъ тѣхъ, которыя ея дорогой синьорино могъ позволить себѣ поѣсть, не нарушая велѣній церкви.

Артуръ отказался отъ всего, кромѣ куска хлѣба, и грумъ, племянникъ Гибокса, недавно пріѣхавшій изъ Англіи, многозначительно улыбнулся, вынося подносъ. Онъ уже былъ на сторонѣ протестантскаго лагеря среди прислугъ.

Артуръ приблизился къ алькову, опустился на колѣни передъ распятіемъ, стараясь настроить себя на молитву и размышленія. Но это было трудно сдѣлать. Онъ, какъ сказалъ Томасъ, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ строго соблюдалъ постъ и у него теперь голова кружилась, какъ отъ вина. Дрожь возбужденія пробѣжала у него по спинѣ и распятіе покрылось въ его глазахъ туманомъ. Только послѣ долгой машинальной молитвы ему удалось направить свое блуждающее воображеніе на тайны искупленія. Наконецъ, физическая усталось одержала верхъ надъ нервнымъ возбужденіемъ и онъ легъ спать въ спокойномъ и мирномъ настроеніи, забывъ всѣ тревожныя мысли.

Онъ глубоко спалъ, когда рѣзкій нетерпѣливый стукъ раздался у его дверей.

«А, Тереза!»—подумалъ онъ, лѣниво поворачиваясь.

Стукъ повторился и онъ вскочилъ съ испугомъ.

— Синьорино, синьорино!—кричалъ мужской голосъ по-итальянски. — Вставайте, ради Господа!

Артуръ выскочилъ изъ кровати.

— Что случилось? Кто здѣсь?

— Это я, Джіанъ Батиста. Вставайте скорѣй, молю васъ именемъ Богородицы!

Артуръ быстро одѣлся и открылъ дверь. Когда онъ, въ изумленіи, смотрѣлъ въ блѣдное испуганное лицо кучера, въ корридорѣ раздался стукъ тяжелыхъ ногъ и звенящей стали.

— За мной?—спросилъ онъ холодно.

— За вами. О, синьорино, спѣшите!.. Что вамъ нужно спрятать,—смотрите!.. Я могу...

— Мнѣ ничего не нужно прятать. Братья знаютъ?

Первый мундиръ показался у поворота въ корридорѣ.

— Синьора разбудили. Весь домъ проснулся! О, какое горе, какое ужасное горе! И еще въ Страстную пятницу. Угодники Божіи! Сжальтесь надъ нами!

Джіанъ Батиста разрыдался. Артуръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ ждать жандармовъ, которые шли, звеня оружіемъ, въ сопровожденіи дрожащей толпы прислуги въ разнообразныхъ случайныхъ костюмахъ. Когда солдаты окружили Артура, хозяинъ и хозяйка дома показались въ концѣ этого страннаго шествія. Онъ былъ въ халатѣ и туфляхъ. Она въ длинномъ пеньюарѣ и съ папильотками въ волосахъ.

«Приближается второй потопъ и эти пары идутъ въ ковчегъ. Вотъ приближается пара странныхъ животныхъ». Эти слова мелькнули въ головѣ Артура, когда онъ глядѣлъ на смѣшныя, странныя фигуры. Онъ подавилъ смѣхъ съ сознаніемъ его неумѣстности и перешелъ къ болѣе приличествующимъ случаю мыслямъ.

«Ave Maria Regina Coeli», пробормоталъ онъ, отводя глаза, чтобы видъ папильотокъ Юліи не смѣшилъ его болѣе.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, — сказалъ м-ръ Бертенъ, приближаясь къ жандармскому офицеру,—что значитъ это странное вторженіе въ частный домъ? Я васъ предупреждаю, что если вы не снабжены достаточнымъ полномочіемъ, я на васъ долженъ буду пожаловаться англійскому посланнику.

— Я предполагаю,—возразилъ сухо офицеръ,—что вы сочтете сіе достаточнымъ полномочіемъ. Во всякомъ случаѣ, англійскій посланникъ сочтетъ его таковымъ.

Онъ вынулъ приказъ объ арестѣ Артура Бертена, студента философіи, и, передавая его Джемсу, холодно прибавилъ:

— Если вы желаете еще объясненій, то лучше обратиться лично къ начальнику полиціи.

Юлія схватила бумагу у мужа, пробѣжала ее глазами и набросилась на Артура съ бѣшенствомъ.

— Такъ это ты обезчестилъ нашу семью!—кричала она.—Ты причина того, что вся городская голытьба собралась сюда глазѣть! Въ тюрьму угодилъ ты со всей своей набожностью! Это, конечно, можно было ожидать отъ сына папистки!

— Нельзя говорить съ арестованнымъ на чужомъ языкѣ, сударыня!—прервалъ офицеръ, но его слова едва были слышны въ потокѣ англійской ругани Юліи.

— Такъ и слѣдовало ожидать! Посты и молитвы, и святыя мысли—и вотъ что за всѣмъ этимъ! Я знала, чѣмъ это кончится.

Докторъ Варренъ сравнилъ однажды Юлію съ салатомъ, въ который кухарка опрокинула бутылку уксуса. Звукъ ея тонкаго, скрипучаго голоса коробилъ Артура, и онъ вдругъ вспомнилъ объ этомъ сравненіи.

— Все это совершенно лишнія слова,—сказалъ онъ.—Вамъ нечего бояться непріятностей. Всякій пойметъ, что никто изъ васъ не виновенъ. Я полагаю, господа, что вы должны осмотрѣть мои вещи? Мнѣ нечего скрывать.

Пока жандармы рылись въ комнатѣ, читая его письма, разсматривая его школьныя бумаги и выворачивая всѣ ящики, онъ сидѣлъ на краю постели, немножко взволнованный, но совершенно не отчаяваясь. Обыскъ его не безпокоилъ. Онъ всегда сжигалъ письма, которыя могли бы оказаться компрометирующими, и кромѣ рукописныхъ стиховъ, полуреволюціонныхъ, полумистическихъ и двухъ или трехъ нумеровъ молодой Италіи, жандармы ничего не нашли, что вознаградило бы ихъ за ихъ трудъ.

Послѣ долгаго сопротивленія Юлія уступила просьбамъ своего шурина и

пошла къ себѣ въ спальню, пройдя мимо Артура съ величественнымъ высокомѣрнымъ видомъ. Джемсъ покорно послѣдовалъ за ней.

Когда они вышли изъ комнаты, Томасъ, который все время ходилъ по комнатѣ, стараясь сохранить равнодушный видъ, подошелъ къ офицеру и попросилъ позволенія поговорить съ арестованнымъ. Получивъ позволеніе, онъ подошелъ къ Артуру и пробормоталъ поспѣшно:

— Какъ это непріятно! Я ужасно огорченъ.

Артуръ взглянулъ на него свѣтлымъ, какъ лѣтнее утро, взглядомъ.

— Ты былъ всегда добръ ко мнѣ!— сказалъ онъ.—Нечего безпокоиться. Это пустяки.

— Послушай, Артуръ!—Томасъ энергично провелъ рукой по усамъ и рѣшился задать непріятный вопросъ.—Это все изъ-за денегъ? Если да, то...

— Изъ-за денегъ? О, нѣтъ! Какимъ бы образомъ?

— Такъ значитъ, это какая-нибудь политическая исторія? Я такъ и думалъ... Ты не очень огорчайся и не обращай вниманія на слова Юліи. У нея такой бѣшеный языкъ! И если тебѣ нужно помочь деньгами или чѣмъ-нибудь другимъ, дай мнѣ знать, пожалуйста!

Артуръ молча протянулъ ему руку, и Томасъ вышелъ изъ комнаты, стараясь принять равнодушный видъ. Жандармы тѣмъ временемъ кончили обыскъ и офицеръ попросилъ Артура надѣть пальто. Артуръ послушался и собирался выйти изъ комнаты, потомъ остановился съ внезапной нерѣшимостью. Ему было тяжело проститься съ комнатой своей матери въ присутствіи полиціи.

— Вы бы имѣли что-нибудь противъ того, чтобы выйти на минуту изъ комнаты?—сказалъ онъ.—Вы видите, я не могу убѣжать и тутъ нечего прятать.

— Очень жалѣю, но оставлять арестованныхъ наединѣ запрещено.

— Ну, такъ все-равно!

Онъ подошелъ къ алькову и, опустившись на колѣни, поцѣловалъ подножіе распятія, произнеся шопотомъ: «Господи, дай мнѣ остаться сильнымъ до конца!»

Когда онъ поднялся, офицеръ стоялъ у стола, разсматривая портретъ Монтанелли.

— Это вашъ родственникъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мой духовникъ, новый епископъ Бризигелли.

На лѣстницѣ итальянская прислуга ожидала его, тревожная и опечаленная. Всѣ любили Артура изъ-за него самого и изъ-за его матери и теперь тѣснились вокругъ него, цѣлуя ему руки и платье. Джіанъ Батиста стоялъ тутъ же, и слезы катились на его сѣдые усы. Никто изъ Бертеновъ не пришелъ проститься съ нимъ. Ихъ холодность еще болѣе выставляла на видъ преданность и нѣжность слугъ, и Артуръ былъ совсѣмъ растроганъ, пожимая протянутыя къ нему руки.

— Прощай, Джіанъ Батиста, поцѣлуй дѣтей за меня! Прощайте, Тереза! Молитесь за меня всѣ вы, и Господь да сохранитъ васъ! Прощайте, прощайте!..

Онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы къ входной двери.

Черезъ минуту маленькая группа безмолвныхъ мужчинъ и рыдающихъ женщинъ стояла у дверей, глядя вслѣдъ уѣзжающей коляскѣ.

VI.

Артуръ былъ заключенъ въ громадную средневѣковую тюрьму у пристани. Тюремная жизнь ему показалась довольно сносной. Камера была сырая и темная. Но онъ выросъ во дворцѣ въ Via Borra, и духота, крысы и тяжелый запахъ не были для него новостью. Пища тоже была дурная и недостаточная. Но Джемсъ вскорѣ получилъ позволеніе посылать ему жизненные припасы изъ дому. Его держали въ одиночномъ заключеніи и хотя бдительность надзирателей была не такой строгой, какъ онъ ожидалъ, онъ все-таки не могъ получить объясненія причины своего ареста. Тѣмъ не менѣе, спокойное настроеніе, съ которымъ онъ прибылъ въ крѣпость, не оставляло его. Такъ какъ книгъ ему не позво-

лялось имѣть, то онъ проводилъ время въ молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ и ждалъ безъ особеннаго нетерпѣнія и тревоги дальнѣйшаго хода событій. Однажды утромъ солдатъ открылъ дверь его камеры и сказалъ:

— Пожалуйте!

Послѣ двухъ или трехъ вопросовъ, на которые ему отвѣчали только: «Говорить запрещено»,—Артуръ покорился неминуемому и послѣдовалъ за солдатомъ черезъ лабиринтъ дворовъ, корридоровъ и лѣстницъ, болѣе или менѣе удушливыхъ и пропитанныхъ зловоніемъ; его ввели въ большую, свѣтлую комнату, гдѣ три человѣва въ военныхъ мундирахъ сидѣли у длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, съ разбросанными по немъ бумагами; они беззаботно разговаривали между собой; когда же онъ вошелъ, они приняли строгій, дѣловой видъ и самый старшій изъ нихъ, фатоватый человѣкъ, съ сѣдыми бакенбардами и въ мундирѣ полковника, указалъ ему на стулъ съ другой стороны стола и началъ допросъ.

Артуръ ждалъ, что ему будутъ угрожать, что на него будутъ кричать и приготовился отвѣчать съ достоинствомъ и терпѣніемъ. Но онъ былъ пріятно обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Полковникъ велъ себя натянуто, холодно и формально, но необычайно вѣжливо. Ему предложили обычные вопросы относительно его имени, возраста, національности, и полученные отвѣты записаны были въ установленномъ порядкѣ. Онъ началъ чувствовать скуку и нетерпѣніе, когда вдругъ полковникъ спросилъ:

— А теперь, м-ръ Бертенъ, что вы знаете о молодой Италіи?

— Я знаю, что это общество, которое издаетъ журналъ въ Марселѣ и распространяетъ его въ Италіи съ цѣлью возбуждать населеніе къ возстанію и изгнать австрійскую армію изъ страны.

— Вы, я полагаю, читали этотъ журналъ?

— Да, меня интересуютъ вопросы, поднимаемые въ немъ.

— Когда вы читали, понимали ли вы, что совершаете незаконный поступокъ?

— Конечно.

— Гдѣ вы достали номера, которые найдены были въ вашей комнатѣ?

— Этого я не могу сказать.

— М-ръ Бертенъ, вы не должны говорить здѣсь «я не могу сказать»—вы обязаны отвѣчать на мои вопросы.

— Я не хочу отвѣчать, если вы не хотите, чтобы я говорилъ «не могу».

— Вы пожалѣете о томъ, что позволяете себѣ употреблять такія выраженія,—замѣтилъ полковникъ, а такъ какъ Артуръ ничего не отвѣтилъ, то онъ продолжалъ:

— Я могу сказать вамъ, что до насъ дошли достовѣрныя извѣстія о вашихъ связяхъ съ этимъ обществомъ гораздо болѣе близкихъ, чѣмъ простое чтеніе запрещенныхъ изданій. Для васъ выгоднѣе откровенно сознаться. Правда выяснится во всякомъ случаѣ и вы увидите, что совершенно безполезно отмалчиваться и запираться.

— Я совершенно не хочу запираться. Что вы хотите знать?

— Во-первыхъ, какимъ образомъ, вы, иностранецъ, вмѣшались въ такого рода дѣла?

— Я думалъ объ этихъ вопросахъ, читалъ все, что только могъ достать, и пришелъ къ собственнымъ выводамъ на этотъ счетъ.

— Кто убѣдилъ васъ примкнуть къ этому обществу?

— Никто. Я самъ захотѣлъ.

— Вы меня водите за носъ!—рѣзко сказалъ полковникъ. Терпеніе начинало измѣнять ему.—Нельзя самому входить въ общество. Кому вы сообщили о вашемъ желаніи примкнуть къ нему?

Молчаніе.

— Будете ли вы столь любезны отвѣтить мнѣ?

— Нѣтъ, если вы будете предлагать такого рода вопросы.

Артуръ говорилъ злобно. Странное нервное раздраженіе овладѣло имъ. Онъ зналъ теперь, что много арестовъ произведено было въ Лигорно и Пизѣ и хотя ему еще неизвѣстны были размѣры бѣдствія, онъ все-таки достаточно слышалъ, чтобы волноваться о судьбѣ Геммы и другихъ его друзей. Напускная вѣжливость чиновниковъ, скучная игра на-

зойливыхъ вопросовъ и уклончивыхъ отвѣтовъ была ему нестерпима и топотъ тяжелыхъ шаговъ караульнаго за дверьми мучилъ его слухъ.

— Кстати, когда вы въ послѣдній разъ видѣлись съ Джіовани Болла? — спросилъ полковникъ послѣ обмѣна нѣсколькими незначительными фразами.— Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Пизы, не правда ли?

— Я не знаю кто это.

— Какъ! Джіованни Болла. Вы, навѣрно, его знаете. Высокій, молодой человѣкъ, гладко выбритый... Онъ одинъ изъ вашихъ товарищей по университету.

— Въ университете много студентовъ, которыхъ я не знаю.

— Но Боллу вы навѣрно знаете! Посмотрите, вотъ его почеркъ. Вы видите, васъ онъ хорошо знаетъ.

Полковникъ небрежно передалъ ему бумагу, на заголовкѣ которой написано было: «Протоколъ», а подписано: Джіованни Болла. Просматривая его, Артуръ увидѣлъ свое собственное имя. Онъ съ изумленіемъ поднялъ глаза.

— Можно мнѣ прочесть это.

— Да, прочтите. Это васъ касается

Онъ сталъ читать въ то время, какъ чиновники сидѣли молча и наблюдали за выраженіемъ его лица. Бумага заключалась въ показаніяхъ, отвѣтахъ на длинный рядъ вопросовъ. Очевидно, Болла былъ тоже арестованъ. Первыя показанія имѣли обычный характеръ. Затѣмъ слѣдовалъ короткій отчетъ о связахъ Боллы съ обществомъ, о распространеніи запрещенной литературы въ обществѣ и о студенческихъ собраніяхъ. Затѣмъ слѣдовали слова: «Среди тѣхъ, которые примкнули къ намъ, былъ молодой англичанинъ Артуръ Бертенъ, принадлежащій къ богатой семьѣ судовладѣльцевъ».

Кровь бросилась Артуру въ голову. Болла измѣнилъ ему! Болла, взявшій на себя отвѣтственный долгъ инидіатора! Болла, убѣдившій Гемму, влюбленный въ нее! Артуръ положилъ бумагу въ сторону и уставился глазами въ землю.

— Надѣюсь, что эта бумажечка освѣжила вашу память,—вѣжливо замѣтилъ полковникъ.

Артуръ отрицательно покачалъ головой.

— Я не знаю этого человѣка,— повторилъ онъ: — тутъ какая-нибудь ошибка.

— Ошибка? Какія глупости! Оставьте, м-ръ Бертенъ. Рыцарство и донкихотство очень похвальны, но не нужно ихъ преувеличивать. Подумайте, что за смыслъ вамъ губить себя и испортить всѣ свои жизненные планы изъ-за пустой формальности, по отношенію къ человѣку, который васъ выдалъ. Видите, онъ, не стѣсняясь, говоритъ о васъ.

Легкая насмѣшка слышалась въ голосѣ полковника. Артуръ быстро взглянулъ на него. Внезапный свѣтъ озарилъ его:

— Это ложь!—крикнулъ онъ:—бумага поддѣлана! Я вижу это по вашему лицу. Вы низко... Вы хотите воспользоваться мною, чтобы запутать когонибудь изъ арестованныхъ вами. Или вы устраиваете мнѣ ловушку. Вы обманщикъ, лгунъ и подлецъ!

— Молчать!—крикнулъ полковникъ, вскакивая въ бѣшенствѣ.

Двое его товарищей выскочили изъ-за стола вмѣстѣ съ нимъ.

— Капитанъ Тамази, — продолжалъ онъ, обращаясь къ одному изъ нихъ:— позвоните сторожа и велите отправить этого молодого человѣка на нѣсколько дней въ карцеръ. Онъ нуждается въ урокѣ, чтобы стать разсудительнымъ.

Карцеръ былъ тѣсной, сырой, грязной дырой въ подземельи. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать Артура «болѣе разсудительнымъ», онъ довелъ его до полнаго раздраженія. Роскошная домашняя обстановка сдѣлала его очень чувствительнымъ къ опрятности и первое впечатлѣніе на Артура этихъ скользкихъ, заплесневѣлыхъ стѣнъ, мусора и нечистотъ, сваленныхъ на полъ, зловонія и гнили могли бы удовлетворить мстительность оскорбленнаго чиновника. Когда Артура втолкнули туда и закрыли за нимъ дверь, онъ сдѣлалъ три осторожныхъ шага впередъ съ вытянутыми впередъ руками, содрогаясь отъ ужаса, когда пальцы его касались скользкой стѣны, и онъ сталъ осторожно проби-

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГУТЧИСОНА МАКОЛЕЯ ПОЗНЕТТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Э. Пименовой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Быть можетъ, не совсѣмъ благоразумно занимать положеніе какъ разъ на границѣ литературы и науки, такъ какъ такимъ образомъ можно вызвать враждебное отношеніе обѣихъ великихъ партій, на которыя раздѣлились наши современные мыслители и педагоги. Литераторы могутъ обвинить насъ въ томъ, что мы подпали подъ вліяніе филистеровъ, находя, что даже простая попытка объяснить научнымъ образомъ литературное развитіе, достойно только филистера; ученые же могутъ почувствовать желаніе умалить значеніе такого научнаго изслѣдованія, которое, вслѣдствіе присутствія въ немъ таинственнаго элемента, называемаго воображеніемъ, не можетъ претендовать на точность, какъ всякое другое научное изслѣдованіе. Однимъ словомъ, мы рискуемъ вызвать враждебное отношеніе и можемъ нигдѣ не встрѣтить сочувствія. Такъ что же насъ заставляетъ занять такое положеніе?

Нашимъ друзьямъ, людямъ науки, мы скажемъ, что развитіе воображенія одинаково оказываетъ услуги какъ при открытіи новыхъ истинъ, такъ и при распространеніи старыхъ, уже извѣстныхъ; предполагаемое же враждебное отношеніе науки къ литературѣ не только дискредитируетъ знаніе, но въ то же время мѣшаетъ успѣшному развитію какъ науки, такъ и литературы, тогда какъ именно та область, которую мы собираемся изучить, представляетъ богатый матеріалъ для одновременнаго упражненія какъ способности къ анализу, такъ и воображенія.

Нашимъ пріятелямъ, литераторамъ, мы скажемъ, что ничто такъ не содѣйствовало пониженію значенія ихъ изслѣдованій въ глазахъ мыслящихъ людей, какъ старинный культъ воображенія, заключающаго въ себѣ не только элементы таинственности, но и находящагося какъ бы за предѣлами времени и пространства. Подъ вліяніемъ такого нераціональнаго культа изученіе литературы превратилось въ слѣпое преклоненіе передъ «невѣдомымъ». Жрецами этого культа были люди, до такой степени приверженные тексту, что готовы были пожертвовать ради него даже тѣмъ самымъ божествомъ, которому поклонялись. Между тѣмъ сравнительное изслѣдованіе литературы не только открываетъ обширное поле для плодотворной работы, но въ то же время способствуетъ и развитію творческаго воображенія.

Мэтью Арнольдъ, въ своихъ «Discourses in America» недавно подвергнулъ обсужденію этотъ предполагаемый споръ между наукой и литературой, и хотя его опредѣленіе литературы ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, тѣмъ не менѣе лишь немногіе откажутся присоединиться къ его пожеланію, чтобы литература сдѣлалась когда-нибудь предметомъ болѣе раціональнаго изученія, чѣмъ теперь. Настоящій трудъ имѣетъ именно въ виду содѣйствовать такому изученію и представляетъ попытку, хотя и слабую, вызвать иное отношеніе къ литературѣ, и заставить смотрѣть на нее, какъ на нѣчто имѣющее для человѣка гораздо болѣе важное значеніе, нежели простое дилеттантское занятіе или,—что пожалуй еще хуже,—педантизмъ, заключающійся въ культѣ словъ.

Если такое примѣненіе исторической науки къ литературѣ встрѣтитъ общее сочувствіе, то оно, быть можетъ, вызоветъ учрежденіе каѳедръ сравнительной литературы въ главныхъ университетахъ Великобританіи, Америки, и австралійскихъ колоній, что обезпечитъ дальнѣйшее развитіе этой обширной области знанія, такъ какъ прогрессъ ея всецѣло зависитъ отъ совмѣстной работы значительнаго числа ученыхъ. Ожидаемая жатва можетъ быть чрезвычайно обильна, но жнецовъ, которые должны собирать ее, пока еще не очень много.

Глава I.

Что такое литература?

Чарльзъ Ламбъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ говоритъ о книгахъ, которыя, по его мнѣнію, «не должны называться книгами»; но къ такимъ онъ причисляетъ календари и путеводители, научные трактаты и уставы законовъ, творенія Юма и Гиббона, повѣствованія Іосифа Флавія («этого ученаго еврея»), нравственную философію Палея, альманахи и планы, переплетенные и украшенные литерами на корешкахъ. Эліа *) раздражается, видя «всѣ эти *предметы въ книжныхъ переплетахъ*, разставленнымъ на книжныхъ полкахъ, гдѣ они являются какими-то самозванными святыми, узурпаторами мѣстъ, принадлежащихъ настоящей святынѣ; онъ сердится, когда, обманутый сходствомъ переплета, беретъ съ полки трактатъ о народонаселеніи и надѣясь достать Стиля или Фаркгара **), хватаетъ вмѣсто этого творенія Адама Смита». Однако, такое заявленіе знаменитаго юмориста, не смотря на свой нѣсколько своенравный характеръ, все-таки бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на проблемы, принявшія постепенно, со временъ Эліа, болѣе опредѣленную форму и получившія болѣе серьезное значеніе. Проблемы эти могутъ быть выражены въ слѣдующихъ словахъ: какимъ образомъ различать литературныя произведенія, являющіяся результатомъ соціальной эволюціи? Какъ отдѣлять спеціальные научные труды отъ произведеній творческой фантазіи—послѣднія творенія, повидимому, и составляютъ то, что Ламбъ называетъ «идеальными книгами» и, наконецъ, если исключить научные трактаты и всѣ другіе предметы «въ книжныхъ переплетахъ», то, что же должно считаться *литературой?*

Этимъ несчастнымъ словомъ дѣйствительно много злоупотребляли. Въ общепринятомъ смыслѣ литература напоминаетъ старый мѣшокъ, лопнувшій въ различныхъ мѣстахъ отъ переполненія и набитый такимъ разнообразнымъ содержимымъ, что даже трудно себѣ представить, чего бы онъ не могъ вмѣстить изъ «писаннаго», начиная отъ современныхъ газетъ и новѣйшихъ постановленій, до ассирійскихъ надписей, рисунковъ ацтековъ или египетскихъ іероглифовъ. Даже профессіональные ученые почти ничего не сдѣлали, чтобы помѣшать такому злоупотребленію словами. Напримѣръ, Сисмонди, одинъ изъ піонеровъ исторіи литературы, въ своей «Littérature du Midi de L'Europe» (1813) не смотря, на соблазнительное обѣщаніе «изобразить прежде всего взаимное вліяніе народной, политической и религіозной исторіи на литературу и обратно

*) Чарльзъ-Ламбъ—англійскій критикъ, юмористъ (1775—1834), писавшій иногда подъ псевдонимомъ «*Elia*».

**) Англійскій драматургъ XVII вѣка. (*Прим. переводчика*).

вліяніе литературы на характеръ народа», съ первыхъ же словъ отнимаетъ научный характеръ у своего изслѣдованія, не выясняя настоящихъ его задачъ. То же самое происходитъ и съ Галламомъ *). Избѣгая всякой попытки опредѣлить значеніе слова «литература» и даже не указывая на трудности, возникающія при опредѣленіи этого понятія, Галламъ употреблялъ этотъ терминъ (какъ онъ самъ выражается въ своемъ предисловіи къ «Litterature of Europe») въ самомъ общемъ смыслѣ, «познаній, распространяемыхъ при посредствѣ книжекъ». Такимъ образомъ, по Галламу, слово «литература» является чѣмъ-то въ родѣ общаго и, повидимому, безполезнаго ярлыка, который налѣпляется на смѣсь изъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ, куда входятъ и логика, и астрономія, драма, филологія, политическая экономія, юриспруденція, богословіе и медицина. Даже значительное распространеніе и усовершенствованіе методовъ историческихъ изслѣдованій ничего почти не сдѣлало для выясненія, что собственно слѣдуетъ понимать подъ словомъ «литература», такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вопросъ о происхожденіи языковъ отвлекалъ вниманіе изслѣдователей отъ литературныхъ формъ, находящихся въ зависимости отъ соціальной эволюціи. Поэтому-то, такіе выдающіе ученые, какъ Амперъ, Литтре, Виллеменъ, Патенъ, Сентъ-Бёвъ и Тэнъ во Франціи, Гервинусъ, Коберштейнъ, Геттнеръ, Шереръ и авторы «Исторіи культуры»: Грюнъ, Риль, Кремеръ и др.—въ Германіи, далеко не въ такой мѣрѣ способствовали выясненію Европейскихъ понятій, о задачахъ литературы, какъ это можно было бы ожидать отъ нихъ. Безъ всякаго сомнѣнія, мы не станемъ теперь, вмѣстѣ съ Галламомъ оправдывать пренебреженія къ такимъ «отдѣламъ литературы», какъ книги о земледѣліи или англійскомъ законодательствѣ; само собою разумѣется также, что у насъ еще нѣтъ никакого опредѣленнаго идеала, приложимаго къ понятію о литературѣ, въ родѣ того, который выступаетъ, впрочемъ, въ весьма смутныхъ чертахъ, въ сочиненіи Галлама, исключающаго изъ своей «Европейской литературы» историческія книги, если только онѣ не написаны особенно художественно или не проникнуты философскимъ духомъ. Должны ли мы, однако, предоставить, какъ ученымъ, такъ и неученымъ людямъ, злоупотреблять подобнымъ образомъ словомъ «литература» и отдавать его на жертву подобнымъ выходкамъ, какъ выходка Ламба на счетъ книгъ, на которую вовсе не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на простое проявленіе юмора, а скорѣе, какъ на досаду, вызванную неудачей болѣе трезваго и, быть можетъ, болѣе прозаическаго изслѣдованія? Если мы разсмотримъ ближе причины, вызвавшія злоупотребленіе словомъ «литература», то мы поймемъ тѣ затрудненія, съ которыми приходится имѣть дѣло при малѣйшей попыткѣ дать болѣе точное опредѣленіе этого слова.

Слово «литература» даже у римлянъ не имѣло опредѣленнаго значенія. Тацитъ употребляетъ выраженіе «literatura Graeca» какъ названіе для греческой азбуки. Квинтилліанъ называетъ грамматику «literatura», а Цицеронъ употребляетъ это слово въ общемъ смыслѣ, когда говоритъ объ «учености и эрудиціи». Точно также и ученые временъ Возрожденія, употребляя это слово, вовсе не соединяли съ нимъ тѣхъ понятій и идей, которыя оно у насъ вызываетъ. Они вовсе не имѣли въ виду вызывать понятіе о собраніи литературныхъ произведеній, изо-

---

*) Генрихъ Галламъ англійскій историкъ (1777—1859). Онъ написалъ: «Introduction to the litterature of Europe in the XV, XVI and XVII. Centuries».

(*Прим. переводчика*).

бражающихъ жизнь даннаго народа и еще менѣе — устанавливать посредствомъ этого выраженія различія между настоящими литературными произведеніями и всякими иными. Заимствовавъ это слово изъ латинскаго языка, они и не помышляли о томъ, что можетъ наступить такое время, когда народы будутъ имѣть свою собственную литературу, и имъ даже въ голову не приходило задумываться надъ тѣмъ, подходятъ ли греческія и латинскія понятія о лирикѣ, эпосѣ и драмѣ къ тѣмъ новымъ условіямъ европейской жизни, которыя возникаютъ около нихъ. Греція и Римъ, хотя и имѣли въ своемъ распоряженіи много терминовъ для спеціальныхъ родовъ поэзіи, ораторскаго искусства и философіи, въ сущности не чувствовали никакой нужды въ такомъ словѣ, которое служило бы общимъ названіемъ для всѣхъ ихъ писаній, являвшихся выраженіемъ ихъ *національнаго* развитія. Греція не нуждалась въ такомъ словѣ, потому что никогда не представляла постоянной національной единицы. Римъ же не чувствовалъ въ немъ нужды частью потому, что онъ сразу превратился изъ городской общины во всемірную имперію, не останавливаясь на національной стадіи и поэтому не успѣвъ превратиться въ націю; частью же потому, что образованное меньшинство въ Римѣ, изъ котораго вышли латинскіе авторы, постоянно изучало только греческіе образцы. Только тогда, когда число національныхъ произведеній, такихъ, какія существовали въ Англіи и Франціи, настолько увеличилось, что стало обращать на себя вниманіе и когда распространеніе демократическихъ идей въ XVIII вѣкѣ заставило смотрѣть на литературныя произведенія современниковъ, какъ на нѣчто болѣе серьезное, нежели изящное подражаніе античнымъ образцамъ подъ покровительствомъ дворовъ и принцевъ, слово «литература» получило спеціальное примѣненіе въ жизни современныхъ европейскихъ народовъ. Но это слово, въ которое была вложена новая идея, послужило скорѣе для опутыванія, нежели для разъясненія понятій о народномъ творчествѣ. «Литература» долгое время служила общимъ терминомъ для всѣхъ произведеній пера, классическихъ или современныхъ, и этотъ терминъ не давалъ никакого опредѣленнаго понятія о дѣйствительномъ народномъ развитіи.

Одна изъ причинъ такой неопредѣленности термина, о которомъ идетъ рѣчь, заключается, слѣдовательно, въ томъ источникѣ, откуда онъ происходитъ; другая же, болѣе интересная причина лежитъ въ самомъ развитіи соціальной жизни. Карлъ Отфридъ Мюллеръ указываетъ намъ, какимъ образомъ мы можемъ прослѣдить три различныя стадіи греческой цивилизаціи въ трехъ великихъ отдѣлахъ, на которые распадается вся греческая поэзія. Эпическая поэзія принадлежитъ къ періоду монархическихъ учрежденій, къ тѣмъ временамъ, когда умы находились всецѣло подъ обаяніемъ древнихъ легендъ и преданій; элегія, ямбы и лирическія поэмы народились во времена болѣе бурныя и сопровождали развитіе республиканскаго правленія, драма же является выраженіемъ торжества аѳинскаго могущества и свободы. Но это только одинъ примѣръ, взятый изъ цѣлаго множества. Мы легко можемъ убѣдиться, взявъ любую отрасль поэзіи или прозы, что, прямо или косвенно, но ея существованіе все-таки тѣсно связано съ извѣстными условіями соціальной жизни. Рѣчи въ аѳинской Екклезіи или на римскомъ Форумѣ, въ англійскомъ парламентѣ или на трибунѣ во Франціи, гимны индусскихъ и древнееврейскихъ жрецовъ, ритмическая проза древнееврейскихъ или арабскихъ поэтовъ, пѣсни гомеровской «aoidos» или саксонскій «Scop», хороводныя пѣсни въ русской деревнѣ, аѳинская,

римская, санскритская, китайская, японская, англійская, французская и германская драма—все это является результатомъ и отражаетъ въ себѣ дѣйствія, мысли и рѣчи, свойственныя тому времени и той обстановкѣ, при которой они возникли. Но именно эта зависимость отъ ограниченныхъ сферъ соціальной жизни скрывается подъ общимъ и неопредѣленнымъ терминомъ «литература». Заключая въ себѣ обобщеніе и внушая, какъ таковое, понятіе о чемъ-то отвлеченномъ, совершенно независящемъ отъ времени и пространства, терминъ этотъ заставляетъ насъ искать и ожидать сходства въ формѣ и духѣ всѣхъ литературныхъ произведеній, гдѣ бы и когда бы они ни появлялись. Мы однако не замѣчали, что это сходство существуетъ только въ нашемъ воображеніи до тѣхъ поръ, пока повторныя сравненія и контрасты не заставили насъ убѣдиться въ противномъ. Легко понять, какимъ образомъ восторженное изученіе классическихъ образцовъ должно было распространить по всей современной Европѣ идею подобнаго однообразія литературнаго творчества и породить убѣжденіе, что прототипы «литературы» были разъ навсегда установлены золотымъ вѣкомъ Перикла и Августа. Также совершенно понятно, что всемірныя притязанія средневѣковой теологіи и философіи должны были только укрѣпить эту вѣру во всемірные образцы до такой степени, что преклоненіе передъ образцовыми произведеніями Греціи и Рима грозило перейти въ настоящее идолопоклонство и рабское подражаніе, при чемъ эти образцы считались столь же неприкосновенными, если не столь священными, какъ коранъ. Однако не такъ-то легко отмѣтить и собрать всѣ факты, которые бы указывали, что «литература» не заключаетъ въ тѣсныя рамки формы и идеи красоты, и въ своей творческой и критической работѣ находится въ зависимости отъ соціальной жизни. Общепринятыя понятія, связанныя у насъ со словомъ «литература», сами собою исчезаютъ, когда мы начинаемъ слѣдить за послѣдовательными стадіями соціальнаго развитія и всѣ утонченныя литературныя различія совершенно пропадаютъ, когда мы приступаемъ къ изученію пѣсенъ именно тѣхъ отдѣльныхъ клановъ и племенъ, сліяніе которыхъ образовало народъ и содѣйствовало образованію языка для будущей критики и искусства. Безъ сомнѣнія, очень трудно прослѣдить различныя отношенія, существующія между соціальнымъ развитіемъ и ростомъ литературы, тѣмъ болѣе, что такой ученый, какъ Саймондсъ, говоритъ объ аѳинской «національной» литературѣ, а антикварій, въ родѣ г. Тена Брикка, употребляетъ фразу «національный эпосъ» и примѣняетъ ее къ такимъ временамъ, когда саксонцы представляли непрочную федерацію отдѣльныхъ племенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, намъ стоитъ только прослѣдить начала исторіи народовъ, чтобы убѣдиться, какъ охотно затушевывается дѣйствительное развитіе литературы и какъ трудно его выяснить и опредѣлить. Народы, какъ и отдѣльные индивиды, всегда бывали склонны, подъ вліяніемъ интереса и тщеславія, забывать о своихъ скромныхъ начинаніяхъ; также какъ и индивиды, народы всегда стремились найти для себя великихъ предковъ. Генеалогія Иліона и Рима ставится въ связи съ какимъ-нибудь Энеемъ, а какой-нибудь Брутъ Троянскій играетъ роль аристократическаго предка для дикихъ племенъ Британіи. Такимъ образомъ цѣною великаго смѣшенія языковъ и мыслей произошло такое же сближеніе между исторіями различныхъ народовъ, которое воспроизводитъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ смѣшеніе преданій различныхъ клановъ, всегда сопровождавшее сліяніе этихъ клановъ въ болѣе обширную соціальную группу. Кромѣ того, хронологическія даты, которыя никогда

не переходятъ за предѣлы сознательнаго существованія какой-нибудь извѣстной соціальной группы и періода ея возмужалости, тѣмъ не менѣе все-таки носятъ такой характеръ, что вызываютъ смутное представленіе объ относительной древности учрежденій и идей. Такимъ образомъ языкъ, обычаи и идеи признаются нами древними или юными лишь съ точки зрѣнія лѣтосчисленія, которое мы ведемъ либо отъ первыхъ олимпійскихъ игръ, либо отъ Р. Х. или бѣгства изъ Мекки въ Медину. Вслѣдствіе этого внутри самой соціальной группы, соціальное развитіе затемняется или неумѣніемъ, или нежеланіемъ заглянуть назадъ въ такія времена, когда еще не могли существовать ни національныя идеи, ни національный языкъ. Извнѣ это развитіе затемняется стремленіемъ группы къ подражанію тѣмъ народамъ, которые достигли болѣе высокой степени соціальнаго прогресса, и такимъ образомъ понятіе о національной литературѣ, также какъ и понятіе о національной исторіи приняло характеръ какой-то смѣси, въ которой все сгладилось, какъ время и мѣсто, такъ и соціальный и индивидуальный характеръ. Только путемъ историческаго изслѣдованія можно возстановить изъ этого хаоса истинный порядокъ соціальнаго развитія, а такого рода изслѣдованіе, какъ дѣло науки, народилось лишь въ концѣ истекающаго столѣтія. О томъ, какъ недавно такое изслѣдованіе начало примѣняться къ области литературы, мы можемъ судить по слѣдующимъ двумъ фактамъ: Галламъ, въ 1838 году, совершенно справедливо замѣчаетъ, что «во Франціи нѣтъ ни одного изслѣдованія, которое обнимало бы всю исторію ея литературы, но и мы (англичане) не можемъ представить ни одной попытки подобнаго изслѣдованія, хотя бы и самаго поверхностнаго». Дональдсонъ въ своемъ «предисловіи переводчика» къ первому тому Мюллеровской литературы древней Греціи замѣчаетъ, что до января 1840 г., т. е. до появленія этой работы, на англійскомъ языкѣ не появлялось въ свѣтъ ни одной исторіи греческой литературы.

Но если народу трудно избѣжать смѣшенія понятій о литературѣ, существовавшихъ раньше, съ тѣми, которыя явились позднѣе въ періодъ его возмужалости, то и критическій умъ, вслѣдствіе свойственныхъ ему особенностей, легко можетъ впасть въ такую же ошибку. Если факты соціальнаго развитія почти неизбѣжно должны пропускаться безъ вниманія большинствомъ людей средняго умственнаго уровня, то, во всякомъ случаѣ, профессіональный критикъ дѣлаетъ это намѣренно. Когда у людей впервые возникъ вопросъ, почему имъ нравятся поэтическія произведенія; то причину этого они стали искать не въ человѣческихъ чувствахъ, эмоціяхъ, интеллектѣ, а въ анализѣ самихъ же произведеній. Такимъ образомъ поэтика, приписываемая Аристотелю, указываетъ на попытку извлечь общіе принципы драматическаго творчества изъ дѣяній аѳинскихъ великихъ мастеровъ и въ особенности Софокла. О развитіи аѳинской драмы, однако, мало извѣстно. Совершенно игнорируются также литературныя вліянія аѳинской жизни, противоположной той, которая воспѣвается первыми эпическими и лирическими поэтами Греціи. Не было также сдѣлано ни одной попытки сравнить аѳинскую драму, съ тою, которая существовала въ тѣ времена въ другихъ городахъ Греціи, и еще менѣе къ тому, чтобы открыть, не устраивались ли и у «варваровъ» подобныя же зрѣлища, какъ въ Аѳинахъ. Пренебрегая вліяніемъ соціальной жизни на литературу, греческіе критики содѣйствовали укрѣпленію мертвыхъ теорій, требующихъ, чтобы литература была лишь подражаніемъ образцовымъ произведеніямъ, что ея идеалы носятъ постоянный характеръ и не подлежатъ никакой эволюціи и что они со-

вершенно не зависятъ ни отъ особенныхъ свойствъ человѣческаго характера, ни отъ природы того соціальнаго инструмента, которымъ является языкъ, ни отъ ограниченныхъ сферъ времени и пространства. Эти греческіе принципы нашли подкрѣпленіе въ подражательной работѣ римскихъ художниковъ и черезъ посредство Рима они перешли къ остальнымъ народамъ современной Европы и вездѣ, въ большей или меньшей степени, задержали ростъ и развитіе настоящей національной литературы. Въ Англіи и Испаніи большая интенсивность соціальной жизни вызвала появленіе новыхъ формъ драмы, но Италія и Франція усвоили классическіе образцы и Германія послѣдовала ихъ примѣру. Правда, что въ концѣ концовъ ученые нѣмцы возстали противъ ига этихъ воззрѣній, которыя представляли весьма разнородную смѣсь греческихъ, римскихъ и французскихъ взглядовъ. Правда также, что сама Франція, въ особенности послѣ революціи научилась цѣнить литературное значеніе своей ранней исторіи, но, несмотря на эту побѣду національнаго духа надъ классическимъ, критическій умъ Европы все-таки томился, да и продолжаетъ томиться подъ игомъ классическаго вліянія. Если люди, подобные Виктору Гюго и Гёте, рѣшались сбросить иго такого рабства и прославляли Шекспира и Кальдерона, то критика далека была отъ того, чтобы отказаться отъ тѣхъ общихъ воззрѣній, которыя логическимъ образомъ сопровождали развитіе понятій о литературѣ, какъ о подражаніи всемірнымъ образцамъ. Такъ, напримѣръ, Шлегель, защищая романтическую школу, старался примирить противоположные принципы романтическаго и классическаго искусства путемъ объединенія ихъ въ общихъ идеяхъ, заложенныхъ въ основу обоихъ и свойственныхъ каждому изъ нихъ. Кольриджъ поддерживалъ міровыя тенденціи Шекспировскаго искусства съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ классическій критикъ всегда превозноситъ тенденціи древнихъ мастеровъ.

Романтическая школа дѣйствительно состояла изъ реформаторовъ, совершенно не сознающихъ цѣлей своихъ реформъ. Эти диссиденты, отказавшіеся отъ древней вѣры критическаго догмата, упустили однако изъ виду, что если литературное искусство представляетъ нѣчто лучшее, нежели подражаніе образцамъ, и если эти образцы совершенно непригодны для новыхъ условій соціальной жизни, отличающихся отъ тѣхъ, при которыхъ они явились, то, слѣдовательно, литературные идеалы непремѣнно должны находиться въ зависимости отъ ограниченной сферы, въ которую заключены человѣческія ассоціаціи. Такимъ образомъ претензіи романтиковъ на универсальное значеніе являются прямымъ противорѣчіемъ. Однако, эти противорѣчія не должны изумлять тѣхъ, кто занимается изученіемъ соціальныхъ наукъ. Политико-экономисты, напримѣръ, поставили въ основу своей науки признаніе личной свободы, соціальную классификацію и особенности человѣческаго характера, но все это сыграло весьма незначительную роль даже въ новѣйшей исторіи Англіи и только такіе факты, какъ средневѣковое крѣпостное состояніе и различныя соціальныя классификаціи въ различныхъ странахъ и въ различныя времена, или же невозможность соблюдать интересы отдѣльныхъ индивидовъ въ общинной жизни, предохранили нашихъ экономистовъ отъ ошибки, въ которую они готовы были впасть, заявляя универсальное значеніе своихъ теорій. Однако, англійская юриспруденція не поколебалась заявить сравнительно недавно подобныя претензіи, хотя ея основная идея центральнаго правительства, отъ котораго бы исходили всѣ постановленія и законы, была бы также не у мѣста въ политической жизни первичныхъ общинъ, какъ были бы не у мѣста

литературные идеалы Аѳинъ, Рима и Парижа среди первобытныхъ арабскихъ клановъ. Но, порицая близорукость романтическихъ критиковъ, мы должны помнить все-таки, что очень трудно удержаться отъ стремленія придавать своему собственному идеалу универсальное значеніе, даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чисто прозаическихъ научныхъ выводахъ; тѣмъ болѣе трудно удержаться отъ этого тамъ, гдѣ это касается произведеній въ особенности принадлежащихъ къ области фантазіи. Ужъ одно сознаніе, что мысль должна быть поставлена въ извѣстныя рамки роковымъ образомъ дѣйствуетъ на творческій энтузіазмъ, созидающій, не размышляя о матеріалѣ которымъ пользуется, и полетъ воображенія парализуется попытками критики прослѣдить постепенный ходъ творческаго процесса. Но если мы не станемъ ограничивать область примѣненія нашей критики, то, пожалуй, начнемъ сопоставлять аѳинскіе образцы съ японской драмой и греческую лирику съ «Ши-Кингомъ» древняго Китая. Ясно, что такой неограниченный критицизмъ долженъ былъ не мало способствовать образованію путаницы въ понятіяхъ о литературѣ и заслонилъ собою всѣ идеи о литературномъ развитіи.

Но препятствія къ болѣе точному опредѣленію литературы возникаютъ не только вслѣдствіе происхожденія этого слова или отсутствія историческихъ взглядовъ у ученыхъ и неученыхъ; они зависятъ также отъ различныхъ и подчасъ совершенно противоположныхъ цѣлей, которыя преслѣдуются литературными произведеніями въ различныхъ стадіяхъ соціальной жизни и разныхъ способовъ, направленныхъ къ достиженію этихъ цѣлей. «Подъ словомъ литература,—говоритъ Стонфордъ Брукъ,—мы подразумѣваемъ описаніе мыслей и чувствъ интеллигентныхъ мужчинъ и женщинъ, сдѣланное въ такой формѣ, которая можетъ доставить удовольствіе читателю». Тотъ же самый превосходный критикъ добавляетъ, что «проза не есть литература, если только она не написана особенно тщательно и не имѣетъ стиля и характера, отличающаго ее отъ другихъ прозаическихъ произведеній». Не останавливаясь надъ вопросомъ, подходятъ ли, или нѣтъ подъ это понятіе объ идеальной прозѣ,—если придать ему болѣе широкое значеніе,—ритмическія каденціи произведенія арабскаго поэта Аль-Гарири или китайскаго «Tsze», гдѣ риѳмы повторяются въ концѣ строкъ, имѣющихъ неопредѣленную длину; не останавливаясь также и на вопросахъ о развитіи прозы и соглашаясь даже съ тѣмъ, что идеальная цѣль литературы совсѣмъ иная, нежели та, которую преслѣдуетъ наука, что эту цѣль составляетъ удовольствіе, а не открытіе или поученіе — мы все-таки находимъ, что это удовольствіе, доставляемое литературой, и средства къ достиженію его весьма измѣнялись въ различныхъ стадіяхъ соціальной жизни. Напримѣръ, съ нашей современной точки зрѣнія профессоръ Джеббъ, можетъ, быть и правъ, говоря, «что не можетъ быть литературы безъ письма, такъ какъ подъ нею мы подразумѣваемъ опредѣленную форму и хотя память можетъ совершать большіе подвиги, но, тѣмъ не менѣе, словесное преданіе не можетъ гарантировать намъ передачи кристаллизованной формы и передаетъ только общіе контуры, которые сохраняются въ памяти». Мы не должны забывать, однако, что даже въ періодъ самаго высшаго развитія греческой цивилизаціи, музыка и танцы (не говоря уже о театрѣ) были до такой степени нераздѣльною частью удовольствій, доставляемыхъ литературой, что намъ, привыкшимъ къ печатнымъ книгамъ, это почти непонятно. Характеръ удовольствія, доставляемаго литературой, не только измѣнялся сообразно

съ характеромъ мужчинъ и женщинъ, средняго уровня, для которыхъ предназначалась литература (начиная отъ поселянъ, поющихъ свои пѣсни во время жатвы до придворнаго собранія Буало), но и способы, которыми вызывались эти удовольствія также мѣнялись, начиная отъ дикихъ комбинацій мимики, танцевъ, музыки и пѣнія, при чемъ слова имѣли лишь весьма второстепенное значеніе, до появленія печатныхъ буквъ, которыя сдѣлались главнымъ инструментомъ въ рукахъ литературнаго артиста. Сравнимъ, напримѣръ, «пиндарическія» оды Грея съ произведеніями греческаго мастера, и только наши современныя воззрѣнія на литературное искусство, преимущественно какъ на способъ дѣйствовать на слухъ и зрѣніе при посредствѣ печатныхъ буквъ, могутъ заслонить отъ насъ нелѣпую безсмыслицу всѣхъ этихъ «строфъ» и «антистрофъ», появляющихся передъ нами словно высохшій скелетъ спустя двѣ тысячи лѣтъ послѣ того, какъ замолкли пѣніе и танцы, придававшіе ему жизнь.

Какъ способы, такъ и идеальныя цѣли литературнаго творчества мѣнялись сообразно различнымъ условіямъ соціальной жизни. Преобладающія воззрѣнія, что главными цѣлями науки должны быть открытія и поученія, а цѣлями литературы—удовольствіе, наивысшее удовольствіе, доставляемое наибольшей массѣ въ данной національной группѣ *), явились результатомъ развитія соціальной организаціи и мысли, демократизировавшей литературу, увеличивъ число людей, пользующихся ею, и спеціализировавшей знаніе, установивъ различія, хотя и поверхностныя, между учеными и изслѣдователями, съ одной стороны, и служителями фантазіи—съ другой. Нѣкоторыя изъ этихъ воззрѣній, конечно, были не на мѣстѣ въ такія времена, когда культурное меньшинство (напримѣръ, въ Аѳинахъ или Римѣ) опиралось на трудъ цѣлой массы рабовъ, но другія, за то, оказываются неприложимыми въ другую эпоху, когда наука и литература до такой степени переплетались, какъ это мы наблюдаемъ въ поэзіи Эмпедокла или даже діалогахъ Платона, что не было возможно установить никакого различія. Въ дѣйствительности дифференціація науки и литературы, которая кажется намъ вполнѣ естественной теперь, произошла не сразу, а явилась результатомъ медленнаго процесса эволюціи, находившагося въ зависимости не только отъ индивидуальныхъ качествъ ума, но и отъ соціальнаго развитія. Зависимость идеальныхъ цѣлей литературы отъ такого развитія можетъ быть иллюстрирована произведеніями каждаго народа, каждой соціальной группы, имѣющей свою собственную литературу. Судя по вступительному письму Эдмунда Спенсера **) къ его «Faerie Queene», наши современныя демократическія воззрѣнія на литературу не вяжутся съ его рыцарскою теоріей поэзіи, какъ средства «наставлять аристократовъ и джентльменовъ въ добродѣтели и благородныхъ чувствахъ». Подобные же контрасты между современными и прежними идеалами пѣсни можно наблюдать во Франціи, Германіи и Испаніи. Но намъ нѣтъ нужды ограничиваться только примѣрами европейскихъ націй. Отеческая власть въ Китаѣ и семейныя чувства, составляющія главныя соціальныя черты этой обширной имперіи, безъ

*) М-ръ Пальгревъ (Songs and Sonnets of Shakspere) говоритъ, что «удовольствіе должно быть цѣлью поэзіи и лучшее исполненіе задачъ поэзіи заключается въ доставленіи наибольшаго удовольствія наибольшему числу людей». Тѣ, кто все-таки думаетъ, что литература въ демократическій вѣкъ можетъ остаться монополіей культурнаго меньшинства, конечно, должны отречься отъ этой филистерской формулы. Но искусство и критика должны, во всякомъ случаѣ, отражать современную жизнь и ходячія воззрѣнія.

**) Англійскій поэтъ временъ королевы Елизаветы. (*Прим. перев.*).

сомнѣнія, оставили свой свѣтъ на идеалахъ китайской литературы вообще и китайской драмы въ особенности. «Китайская поэзія,—говоритъ Базенъ въ своемъ предисловіи къ «Théâtre Chinois»,—требуетъ, чтобы всякое драматическое произведеніе имѣло нравственный смыслъ и оканчивалось бы нравоученіемъ. Напримѣръ, нравственный смыслъ драмы, называемой «Tchao-meï hing», что означаетъ: «Интриги служанки», открывается слѣдующими словами, съ которыми леди Ханъ обращается къ своей дочери: «Развѣ ты не знаешь, что теперь, какъ и въ древнія времена, бракъ долженъ быть освященъ обрядами и церемоніями?» Развязку этой драмы составляетъ торжество добродѣтели. Драма, не имѣющая нравоучительнаго характера, въ глазахъ китайца лишена всякаго смысла. По мнѣнію китайскихъ авторовъ, серьезное драматическое произведеніе должно быть преподаваніемъ благороднѣйшихъ уроковъ исторіи несвѣдущимъ людямъ, не умѣющимъ извлекать ихъ изъ чтенія. Согласно китайскимъ законамъ цѣлью театральныхъ представленій должно быть изображеніе дѣйствительныхъ или воображаемыхъ людей, справедливыхъ и добрыхъ, цѣломудренныхъ женщинъ, любящихъ и почтительныхъ дѣтей и такихъ характеровъ, которые должны побуждать зрителей къ добродѣтельному поведенію. «Непристойность есть преступленіе,—говоритъ китайскій писатель, цитированный Моррисономъ,—и поэтому сочинители непристойныхъ пьесъ должны быть строго наказаны, чтобы искупить свою вину, и на томъ свѣтѣ мученія ихъ должны продолжаться такъ же долго, какъ долго остаются на землѣ ихъ произведенія».

Сопоставляя эти цѣли китайской драмы съ тѣми, которыя преслѣдовала аѳинская эстетика, критики, не отдѣляющіе своихъ литературныхъ идеаловъ отъ идеаловъ человѣческаго поведенія, пожалуй, должны будутъ согласиться съ Базеномъ, который ставитъ аттическое чувство красоты ниже дидактической нравственности китайцевъ, такъ какъ, не смотря на знаменитое опредѣленіе «Поэтики», едва ли можно говорить о нравоучительномъ характерѣ аттической трагедіи и тѣмъ болѣе комедіи. Аристофанъ пожалуй былъ бы приговоренъ китайскимъ судилищемъ къ покаянію «Ming-fow»; что же касается такихъ драматурговъ, какъ Вихерлей *) и Ванбругъ **), то вся ихъ надежда на избѣжаніе наказанія должна основываться лишь на томъ, что густой слой пыли покрываетъ написанные ими томы. Совершенно вѣрно, что идеалъ китайской драмы выше идеала нашей современной европейской драмы, стремящейся къ правдивому изображенію человѣческаго характера и современной жизни. Можно, пожалуй, согласиться и съ тѣмъ, что китайскій драматическій идеалъ выше идеала индусовъ, изображеннаго въ прологѣ, написанномъ къ «Малати Мадгава» ***) и явственно отражающимъ въ себѣ драматическіе вкусы образованнаго класса въ Индіи, какимъ, какъ извѣстно, считались брамины. Но мы не имѣемъ въ виду разбирать здѣсь достоинства того или иного драматическаго идеала и только хотимъ показать, какъ сильно отличались эти идеалы другъ отъ друга подъ вліяніемъ

*) Уильямъ Вихерлей—англійскій драматургъ XVII в., пользовавшійся популярностью при англійскомъ дворѣ.

**) Сэръ Джонъ Ванбругъ—англійскій драматургъ и архитекторъ конца XVII в. и начала XVIII.

***) Итакъ, говорится въ прологѣ, что толку изъ того, что мы изучали Іога, Санья, Упанишады или Веды? Это знаніе не приноситъ никакой пользы въ драматическомъ творчествѣ. Плодовитость воображенія, гармонія стиля, богатство фантазіи—вотъ качества, которыя свидѣтельствуютъ объ образованіи и геніи въ такого рода произведеніяхъ. Такова именно драма, написанная нашимъ другомъ Бгавабгутти.

различныхъ условій соціальной жизни, отъ которыхъ они находились въ зависимости, и какъ трудно и даже невозможно примирить противорѣчія, вытекающія отсюда, посредствомъ допущенія какого-нибудь общаго опредѣленія литературы, въ которую должны войти также многія отрасли поэзіи и прозы, не находящія примѣненія въ драмѣ.

Мы разсмотрѣли четыре причины, обусловливающія неясность и неопредѣленность термина «литература». Эти причины: источникъ происхожденія слова «литература», отсутствіе историческихъ взглядовъ какъ у ученыхъ, такъ и у не ученыхъ, перемѣны въ способахъ и перемѣны въ цѣляхъ литературнаго творчества. Короче говоря, мы знаемъ теперь, чего можно ожидать тамъ, гдѣ упускается изъ виду зависимость писаній отъ живой мысли, а этой послѣдней отъ соціальныхъ и физическихъ условій; такое отношеніе всегда порождаетъ смутные взгляды на настоящую природу, прошлое и идеальное будущее литературы. Легко указать еще и на другія причины, порождающія путаницу понятій о литературѣ. Такъ, напримѣръ, многія задачи, которыя должны были бы войти въ область научнаго изслѣдованія литературы, предоставляются другимъ отраслямъ знанія, болѣе или менѣе соприкасающимся съ литературой. Если даже происхожденіе метрическихъ стиховъ останавливаетъ на себѣ хоть сколько-нибудь вниманіе, то обыкновенно этотъ вопросъ предоставляется изслѣдовать неудавшимся философамъ-грамматикамъ; реторика эта въ значительной мѣрѣ поглощаетъ то вниманіе, которое могло бы быть удѣлено такому интересному предмету, какъ развитіе прозы въ различныхъ языкахъ и соціальныхъ группахъ. Но намъ нечего распространять дальше свое разслѣдованіе причинъ той неясности понятій, которая явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ образа мыслей и культурнаго вкуса большинства.

Образованію опредѣленныхъ понятій о литературѣ препятствовали главнымъ образомъ два великихъ факта, которые хотя и скрываются теоріей, но не могутъ быть игнорированы ею окончательно. Во-первыхъ, всѣ литературы, даже до извѣстной степени тѣ, которыя были продуктомъ простого подражанія, какъ, напримѣръ, у римлянъ, находятся въ зависимости отъ условій соціальной жизни и если не остаются стаціонарными или не клонятся къ упадку, то постоянно вырабатываютъ новыя формы и вступаютъ въ новыя фазы искусства и критики. Во-вторыхъ, не смотря на такую постоянную эволюцію, замѣчаемую въ каждой литературѣ въ отдѣльности и во всѣхъ литературахъ, разсматриваемыхъ вмѣстѣ, какъ продуктъ жизни человѣка, опредѣленіе литературы требуетъ признанія извѣстной доли постоянства идей, и это постоянство весьма часто достигается путемъ произвольнаго и насильственнаго объявленія нѣкоторыхъ избранныхъ идей универсальными и независимыми, не только отъ соціальной жизни въ ея безчисленныхъ формахъ, но и отъ времени и пространства. Далѣе мы будемъ имѣть случай говорить еще разъ объ этихъ препятствіяхъ къ научному изслѣдованію литературы,—препятствіяхъ, которыя, однако, стоятъ на пути изученія и всѣхъ другихъ соціальныхъ наукъ, политической экономіи, юриспруденціи и даже логики, по стольку, по скольку законы мышленія находятся въ зависимости отъ соціальной эволюціи. Въ своемъ изслѣдованіи мы будемъ руководствоваться двумя принципами, которые должны намъ помочь въ нашихъ условіяхъ установить опредѣленныя понятія о литературѣ. 1) Наше опредѣленіе не можетъ обнять всѣхъ областей человѣческой жизни, если только не допускать смѣшенія понятій, ощущеній, впечатлѣній и мыслей, не только порождаемыхъ весьма различными соціаль-

ными и физическими условіями, но часто находящихся въ прямомъ противорѣчіи что касается формы и духа литературныхъ произведеній, служащихъ выраженіемъ этихъ условій. 2) Мы должны быть готовы отказаться отъ нашего ограниченнаго опредѣленія литературы, или отдѣльныхъ родовъ литературы, какъ только выступимъ изъ сферы условій, въ предѣлы которыхъ собственно и заключена данная литература.

Памятуя эти принципы, мы должны удовольствоваться теперь общимъ опредѣленіемъ литературы, какъ собранія такихъ произведеній, которыя, въ стихахъ или прозѣ, представляютъ скорѣе продуктъ воображенія, нежели разсужденія, и имѣютъ цѣлью доставить наслажденіе наибольшему числу членовъ націи, менѣе всего помышляя о поученіи и практическихъ послѣдствіяхъ своего вліянія *). Но всѣ части этого опредѣленія литературы все-таки находятся всецѣло въ зависимости отъ ограниченныхъ сферъ соціальной и умственной эволюціи, отъ отдѣленія воображенія отъ опыта, дидактическихъ цѣлей отъ эстетическаго наслажденія и отъ спеціализаціи знаній, въ такой значительной степени зависящей отъ экономической эволюціи, извѣстной подъ названіемъ «раздѣленія труда». Правда, наше опредѣленіе литературы можетъ служить намъ лишь короткое время, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока мы не выйдемъ изъ рамокъ тѣхъ условій науки и искусства, среди которыхъ мы живемъ, и другихъ, сходныхъ съ ними условій. Но тѣ, кто надѣялся на болѣе широкое обобщеніе, должны помнить, что такое обобщеніе достигается лишь путемъ насильственнаго игнорированія фактовъ, о которыхъ мы только что говорили. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть лучшаго введенія къ научному изслѣдованію литературы, какъ именно такое опредѣленіе предмета, подлежащаго изслѣдованію, которое заставляетъ насъ помнить объ ограниченныхъ предѣлахъ всѣхъ вообще человѣческихъ понятій.

Мы назвали свое изслѣдованіе «научнымъ». Постараемся опредѣлить, что мы понимаемъ подъ словомъ «наука». Изъ того, что мы высказали уже раньше, ясно, что подъ этимъ словомъ не слѣдуетъ подразумѣвать собранія универсальныхъ истинъ, такъ какъ всякая эволюція литературы должна непремѣнно нанести ударъ подобной «литературной наукѣ». Но мы предполагаемъ примѣнять этотъ терминъ ко всякаго рода истинамъ, открываемымъ нами въ различныхъ фазахъ литературнаго развитія, которыя, не смотря на свойственную всѣмъ подобнымъ истинамъ ограниченность, все-таки могутъ быть сгруппированы около извѣстныхъ центральныхъ фактовъ, оказывающихъ относительно постоянное вліяніе. Эти факты: климатъ, почва, животная или растительная

---

*) Викторъ де-Лапрадъ («Le Sentiment de la Nature chez les modernes»), обсуждая попытки Гете комбинировать науку съ поэзіей, ставитъ вопросъ: слѣдуетъ ли признавать въ наше время законною формою поэтическаго искусства дидактическую поэзію? При этомъ онъ дѣлаетъ тщательное различіе между дидактической поэзіей Греціи или Индіи и тою, которая возникла въ такую эпоху, когда наука «покинувъ путь гипотезъ и воображеній, выработала точные методы и познала свои собственные предѣлы». Съ точки зрѣнія такихъ современныхъ условій, Лапрадъ объявляетъ дидактическую поэзію «un genre bâtard, dangereux, à peu présimpossible» и говоритъ, что она должна считаться поэзіей лишь по стольку, «по скольку она отдѣлилась отъ науки, чтобы вступить въ область воображенія» Однако, Лапрадъ только едва коснулся истинной причины неудовольствія, которое не можетъ не вызывать современная метафизическая и дидактическая теорія. Эта причина заключается въ томъ фактѣ, что отъ литературы и поэзіи вообще ожидаютъ, что она будетъ выражаться простымъ, не спеціализированнымъ языкомъ, доступнымъ пониманію среднихъ людей; спеціализированный же техническій языкъ предоставляется наукѣ

жизнь въ различныхъ странахъ. Къ такимъ же фактамъ принадлежитъ и принципъ эволюціи, вызвавшій переходъ отъ общинной жизни къ индивидуальной, о которомъ мы дальше будемъ говорить подробнѣе. Первый разрядъ фактовъ мы отнесемъ къ статическимъ вліяніямъ, которымъ литература подвергается повсемѣстно; второй же назовемъ динамическимъ принципомъ, управляющимъ какъ прогрессомъ литературы, такъ и ея упадкомъ. Но раньше, чѣмъ сдѣлать попытку разъяснить дѣйствіе этого принципа, мы постараемся опредѣлить зависимость литературы отъ соціальныхъ условій и происходящіе отсюда относительность и неизбѣжное ограниченіе какъ ея творческой силы и искусства, такъ и критицизма.

Глава II.

Относительность литературы.

Литература, какъ первобытная, такъ и культурная, всегда служила выраженіемъ мыслей и чувствъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, о природѣ, объ органической жизни, окружающей ихъ, объ ихъ собственныхъ соціальныхъ сношеніяхъ и своемъ индивидуальномъ существованіи. Естественно поэтому, что представители идеи универсальной литературы должны были стремиться къ тому, чтобы отыскать такой общечеловѣческій знакъ, который, независимо отъ языка, соціальной организаціи, климата и другихъ подобныхъ причинъ, могъ бы служить во всѣ времена и во всѣхъ странахъ краеугольнымъ камнемъ литературной постройки. Но существуетъ ли такой универсальный типъ человѣческаго характера, который могъ бы обнять и примирить всѣ противоположныя свойства человѣческихъ типовъ въ ихъ историческомъ и доисторическомъ прошломъ? Существуютъ ли научныя основанія для сантиментальной вѣры въ ту колоссальную единицу, называемую «человѣкомъ», внѣшнія формы которой всегда мѣняются, но сущность всегда остается неизмѣнной? Къ сожалѣнію, всякая попытка къ научному изслѣдованію этого вопроса всегда удерживалась шумною и патетическою защитою догмата. Однако, относительность литературы только еще больше подтверждается догматическою защитой оппонентовъ такого взгляда.

Кингслей въ своей лекціи о «границахъ точной науки въ примѣненіи къ исторіи», напоминаетъ своимъ слушателямъ, что «если они хотятъ понять исторію, то должны прежде всего понять людей, мужчинъ и женщинъ, такъ какъ исторія слагается именно изъ исторіи ихъ дѣйствій и поступковъ. Если бы вы меня спросили, какъ надо изучать исторію,—говоритъ онъ,—то я бы прежде всего сказалъ вамъ: добывайте, гдѣ только можно, біографіи и автобіографіи и изучайте ихъ. Наполняйте свой умъ живыми человѣческими образами. Безъ сомнѣнія, исторія повинуется и всегда повиновалась извѣстнымъ законамъ въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, но эти законы надо искать не въ вещахъ, а въ людяхъ, въ дѣйствіяхъ человѣческихъ существъ и по стольку, по скольку мы въ состояніи понять эти существа, мы поймемъ и законы, которые управляютъ ими или которые мстятъ имъ за ихъ неповиновеніе. Это можетъ показаться труизмомъ, но если даже такъ, то все же это такая истина, которую мы должны повторять себѣ какъ можно

чаще, въ особенности тогда, когда быстрый прогрессъ науки соблазняетъ насъ смотрѣть на человѣческія существа не какъ на людей, а скорѣе какъ на вещи, воплощая абстракціи, именуемыя законами, въ образъ человѣческой личности и разсматривая ихъ скорѣе съ этой точки зрѣнія, нежели съ точки зрѣнія вещей». Не трудно замѣтить, что Кингслей смѣшиваетъ въ этой фразѣ физическіе, соціальные и политическіе законы,—правильную послѣдовательность силъ въ физической природѣ и причинъ и слѣдствій въ соціальной организаціи съ постановленіями какого-нибудь лица или нѣсколькихъ лицъ, которыя нуждаются въ поддержкѣ и находятся въ зависимости отъ повиновенія «человѣческихъ существъ». Но мы теперь не будемъ заниматься этимъ смѣшеніемъ и обратимъ вниманіе преимущественно на ту сторону исторіи, которая больше всего даетъ матеріала для творческаго искусства. Отчего? Оттого, что ясно очерченная личность, индивидъ, безъ всякаго слѣда чего-нибудь общаго или безличнаго, скорѣе можетъ сосредоточить на себѣ вниманіе и сдѣлаться предметомъ художественнаго изображенія, нежели туманные контуры массы или неосязаемая абстракція. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, художникъ можетъ изобразить въ своемъ героѣ или героинѣ какой-нибудь безличный «законъ» или такой порядокъ вещей, образованію котораго содѣйствовали безчисленныя соціальныя и физическія причины? Дѣло творческаго искусства представить намъ «живые человѣческіе образы» и взглядъ художника на литературу и всякій другой родъ исторіи лучше всего можетъ быть понятъ именно съ такой строго-индивидуальной точки зрѣнія. Но требованія искусства одно, а научныя истины — другое, и, чуть-чуть подумавъ, мы легко придемъ къ заключенію, что взглядъ Кингслея на исторію болѣе художественный, нежели соотвѣтствующій истинѣ.

Чтобы понять исторію, мы должны понимать мужчинъ и женщинъ. Это вѣрно. Но мужчины и женщины представляютъ необыкновенно сложныя единицы и отношеніе къ нимъ, какъ къ совершенно изолированнымъ единицамъ, не только не содѣйствовало бы пониманію исторіи, но привело бы къ тому, что всѣ человѣческія познанія распались бы на отдѣльныя части, не имѣющія между собою никакой связи и въ этой массѣ отдѣльныхъ атомовъ погибли бы общіе принципы и даже мысль. Чтобы понять самихъ себя или исторію, мы непремѣнно должны сопоставлять и сравнивать эти отдѣльныя единицы другъ съ другомъ, съ остальнымъ органическимъ міромъ и съ физическою природою. Составныя части тѣла мужчинъ и женщинъ могутъ быть разложены на растительные и минеральные элементы, такіе же, какіе существуютъ у другихъ животныхъ и въ физической природѣ. Ихъ безсознательныя ощущенія, повидимому, составляютъ такое же проявленіе жизни чувствъ, какое наблюдается и у животныхъ. Но ихъ соціальныя симпатіи мѣняются сообразно съ чувствомъ долга, которое можетъ развиваться и переходить различныя степени, начиная отъ сознанія принадлежности къ извѣстному классу до широкой идеи всеобщаго братства. Такъ же измѣняется и индивидуальный разумъ, переходя отъ слабой степени сознанія своего личнаго существованія до самыхъ глубокихъ понятій субъективной философіи. Пока не будутъ отдѣлены элементы каждаго индивида, мужчины или женщины, отъ элементовъ всего остальнаго органическаго и физическаго міра, мы не вступаемъ въ область біографій или автобіографій. Но какъ только мы вступили въ эту сферу, гдѣ уже выступаютъ различія не только между человѣческими существами и физическою природой, но и между человѣческими существами

и другими животными, а также между различными группами мужчинъ и женщинъ и различными индивидами, входящими въ составъ этихъ группъ, то уже не имѣетъ большого значенія, будемъ ли мы употреблять вмѣстѣ съ Кингслеемъ конкретное выраженіе «мужчины и женщины» или предпочтемъ суммировать разновидности группъ и индивидовъ въ высшей степени отвлеченномъ терминѣ «человѣкъ», лишь бы только мы никогда не забывали, что характеръ нашихъ абстрактныхъ группъ такъ же, какъ и индивидуальныхъ, «мужчинъ и женщинъ», равно находится въ зависимости отъ времени и пространства, отъ условій соціальной организаціи, физическихъ, географическихъ, климатическихъ вліяній и др.

Однимъ изъ многочисленныхъ примѣровъ зависимости человѣческаго характера отъ соціальнаго развитія можетъ служить то, какъ различно въ различныхъ литературахъ или въ различные періоды одной и той же литературы изображались характеры женщинъ. Положеніе женщины въ различныхъ условіяхъ соціальной жизни, безъ сомнѣнія, отразилось на литературномъ изображеніи ея характера, весьма различномъ въ разное время. Симонидесъ изъ Аморгоса *) въ своей знаменитой поэмѣ представилъ различные типы женскаго характера, сравнивъ женщину: со свиньей, лисицей, собакой, ослицей, лаской, обезьяной и пчелой. Но если мы будемъ отыскивать различныя сравненія женскихъ характеровъ въ литературахъ Востока и Запада, то мы не только можемъ увеличить, до какихъ угодно размѣровъ, этотъ нелюбезный по отношенію къ женщинамъ списокъ, но, кромѣ того, убѣдимся въ томъ, какое глубокое вл[illegible] на характеръ женщины въ различныхъ странахъ и въ различные [illegible] имѣли условія ея положенія, свобода или подчиненность, независи[illegible] или затворничество. Женщины, изображенныя въ индійской, китай[illegible] и японской драмѣ значительно отличаются, какъ это можно было [illegible] ранѣе предвидѣть, отъ женщинъ, изображенныхъ въ аттической траге[illegible] или комедіи, или тѣхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ нашихъ европейских[illegible] театрахъ. Но эта разница замѣчается не только въ странахъ, такъ рѣзк[illegible] отдѣляющихся другъ отъ друга своими соціальными и физическими усло[illegible]віями. Тщательное изученіе всякой литературы, имѣющей болѣе или менѣе длинную исторію раскрываетъ намъ картину весьма разнообразныхъ взглядовъ на женщину. Даже на «неподвижномъ» Востокѣ героини классической индійской драмы пользуются все-таки такою степенью независимости, которая совершенно несовмѣстима съ системою затворничества, введенной въ Индіи послѣ мусульманскаго завоеванія. Точно также и героини прежней китайской драмы отличаются отъ тѣхъ «домашнихъ плѣнницъ» современнаго Китая, которыхъ описываетъ аббатъ Гросье и др. путешественники. Но на «прогрессивномъ» Западѣ эволюція женскаго характера должна была выразиться еще рѣзче. Заслуга Магафи заключается именно въ томъ, что онъ первый изъ нашихъ критиковъ сравнилъ различныя положенія женщины въ различные періоды соціальной жизни въ древней Греціи. Женщины въ Иліадѣ и Одиссеѣ— Елена, Андромаха, Навзикая,—указываютъ намъ на совершенно иныя соціальныя отношенія, нежели тѣ, въ которыхъ находились женщины Аристофана. Въ другихъ мѣстахъ мы можемъ найти такія же различія. Пѣсни Миріамъ и Деборы, а также эндорской волшебницы говорятъ намъ о такомъ періодѣ древнееврейской соціальной жизни, когда женщина

---

*) Греческій поэтъ, прославившійся элегіями и эпиграммами.

занимала болѣе высокое положеніе, чѣмъ то, которое ей отводится въ гаремѣ ея повелителя. Точно также и римскія женщины первыхъ временъ республики, находясь подъ вѣчною опекою своихъ отцовъ, мужей, сыновей или надзирателей, не могли подать повода къ такой дурной славѣ, какой, напримѣръ, онѣ пользуются у Ювенала, но, лишенныя свободы, способствующей развитію и проявленію характера, они не могли также осуществить Перикловскаго идеала женщины. Нравоученіе, которое можетъ извлечь сравнительная литература изъ такихъ контрастовъ, представляетъ, однако, нѣчто большее, нежели подтвержденіе зависимости человѣческаго характера отъ соціальныхъ условій; оно указываетъ на невозможность искать точную историческую правду въ продуктахъ литературнаго творчества. Эта невозможность обусловливается однимъ изъ тѣхъ великихъ фактовъ, на которые указываетъ наше выраженіе: «Относительность литературы». Мы постараемся здѣсь опредѣлить характеръ этой относительности и ея значеніе для научнаго изслѣдованія литературы. Но прежде всего мы должны вполнѣ сознать значеніе историческаго изслѣдованія, противопоставивъ его общимъ выводамъ неисторическаго критицизма.

Маколей, комментируя нѣкоторыя изъ драматическихъ произведеній Драйдена (Aurungzebe The Indian Emperor и the Conguest of Granada), обращаетъ вниманіе на то, что чувства вложенныя въ уста нѣкоторыхъ изъ драматическихъ лицъ, нарушаютъ историческую правду; на самомъ дѣлѣ никогда подобныя чувства не могли выражаться никѣмъ со временъ рыцарства. Правда въ изображеніи характеровъ должна быть на первомъ мѣстѣ; правда въ изображеніи времени и мѣста—на второмъ. Мы осуждаемъ Драйдена не за то, что изображаемые имъ характеры не имѣютъ ничего общаго съ характеромъ мавровъ или американцевъ, но за то, что вообще такіе характеры не свойственны никакимъ мужчинамъ или женщинамъ; любовь, изображаемая Драйденомъ, не только не могла существовать въ какомъ-нибудь гаремѣ или вигвамѣ, но вообще нигдѣ не могла существовать. Мы умаляемъ значеніе историческаго изслѣдованія, допуская такія общія характеристики мужчинъ и женщинъ и отводя въ то же время второстепенное мѣсто разницѣ во времени, мѣстѣ и соціальныхъ условіяхъ, которая, однако, должна быть указана историческимъ авторомъ. Но наши шекспировскіе критики субъективной школы ничего не хотятъ знать о такихъ ограниченіяхъ искусства. Шекспировскіе характеры, по ихъ мнѣнію, подходятъ ко всѣмъ временамъ и странамъ, или, вѣрнѣе, они возвышаются надъ временемъ и пространствомъ, какъ образы платоническаго міра. Шекспиръ,—говоритъ Кольриджъ,—не изображаетъ намъ, какъ Плавтъ или Мольеръ характеръ скупца, потому что такой характеръ не можетъ быть *неизмѣннымъ*, между тѣмъ какъ шекспировскіе характеры должны быть *неизмѣнными*—«неизмѣнными до тѣхъ поръ, пока люди остаются людьми, потому что основу ихъ составляетъ то, что абсолютно необходимо для нашего существованія». Въ этомъ отношеніи, конечно, мы находимъ не только достаточно, но даже много такихъ «неизмѣнныхъ» характеровъ въ шекспировскихъ пьесахъ, такъ какъ изображенные имъ рыцарскіе и христіанскіе мужчины и женщины временъ Елизаветы, духовенство, клоуны и даже лондонскіе ремесленники достаточно «неизмѣнны», чтобы имъ нашлось мѣсто и въ Римѣ Коріолана и Юлія Цезаря. Если бы драматургу вздумалось изобразить современную жизнь въ Россіи, Индостанѣ или Китаѣ, то, безъ сомнѣнія, условія его искусства потребовали бы отъ него такого же выставленія «общихъ идей». Декораціи Варвика или

*

какого-нибудь другого англійскаго графства годились бы, конечно, и для изображенія задняго плана на сценѣ, гдѣ англійскіе мужчины и женщины представляли бы русскихъ или индусовъ, одѣтыхъ въ нѣчто похожее (или даже совсѣмъ непохожее) на русскую или индусскую одежду.

Мы вовсе не оказываемъ услуги Шекспиру, игнорируя подобныя истины, и только обнаруживаемъ свое незнаніе необходимыхъ ограниченій драматическаго искусства, вытекающихъ изъ его соціальной природы, и навлекаемъ на себя наказаніе за такое незнаніе, заключающееся въ томъ, что мы тогда сами невольно впадаемъ въ противорѣчія. Если мы хотимъ видѣть, въ какія противорѣчія постоянно впадаетъ субъективная школа критицизма, благодаря своему стремленію возвысить свой человѣческій идеалъ надъ сферою человѣческихъ ассоціацій, то намъ стоитъ только сравнить между собою различныя мѣста изъ Кольриджа и Карлейля. Не желая искать въ елизаветинскомъ вѣкѣ образцы шекспировскихъ характеровъ и разсматривая эти характеры лишь какъ образы, «созданные мыслью»—«частицы божественнаго духа, создавшаго ихъ», Кольриджъ, несмотря на весь свой ультраидеализмъ, не можетъ таки избѣжать противорѣчій и его двойная защита шекспировскихъ замысловъ, представляетъ ничто иное, какъ «reductio ad absurdum» само по себѣ. «Если бы люди пожелали мысленно обратиться назадъ за два вѣка,—говоритъ онъ,—то они бы увидѣли, что мысли и каламбуры Шекспира вполнѣ дозволительны, такъ какъ они вполнѣ естественны. Мы не должны забывать, что во времена Шекспира существовало стремленіе къ чудачеству и поклоненію, исходившее отъ двора, которое и осмѣиваетъ Шекспира въ характерѣ Озрика въ Гамлетѣ». Такимъ образомъ критикъ признаетъ зависимость Шекспира отъ общества своего времени, съ чѣмъ мы не можемъ не согласиться, но Кольриджъ впадаетъ тутъ въ противорѣчіе. Поступая такъ, Кольриджъ, впрочемъ, сознается, что онъ «только старается оправдать вину Шекспира, который не долженъ былъ принимать во вниманіе чисто временныя особенности; онъ писалъ вѣдь не для своего времени, а для всѣхъ временъ». Съ этой точки зрѣнія онъ дѣлаетъ промахъ, «когда мысли его теряютъ свой универсальный характеръ, что касается времени, мѣста и положенія». Но критикъ уже сказалъ раньше, что мысли и каламбуры Шекспира «естественны, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ общее чувство, которое, какъ говоритъ Кольриджъ, «часто является результатомъ смѣшаннаго чувства обиды и досады на лицо, причинившее обиду. Мнѣ кажется, что это именно самый естественный способъ для выраженія подобнаго смѣшаннаго чувства». Въ такое же противорѣчіе впадаетъ и платонизмъ Карлейля; онъ также, несмотря на свои мистическія воззрѣнія, достойныя Новалиса, вынужденъ былъ все-таки согласиться, что «Данте отлично зналъ окружающую его обстановку, но, живя въ такую эпоху, когда не было печатныхъ книгъ и свободныхъ сношеній, онъ не могъ хорошо знать того, что было далеко отъ него». Печальная участь для того, кто пишетъ внѣ времени и пространства, зависѣть отъ типографскаго станка или телеграфиста! Но авторъ «культа героевъ» все-таки соглашается съ тѣмъ, что Данте нельзя причислять «къ католикамъ, обладающимъ широкимъ умомъ, а скорѣе къ узкимъ сектантамъ» и что «эта узость взглядовъ частью является продуктомъ его времени и положенія»—мнѣніе, къ которому охотно присоединится каждый, кто проведетъ сравненіе между Divina Comedia и соціальною жизнью въ Италіи въ XIII и XIV вѣкахъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.